This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

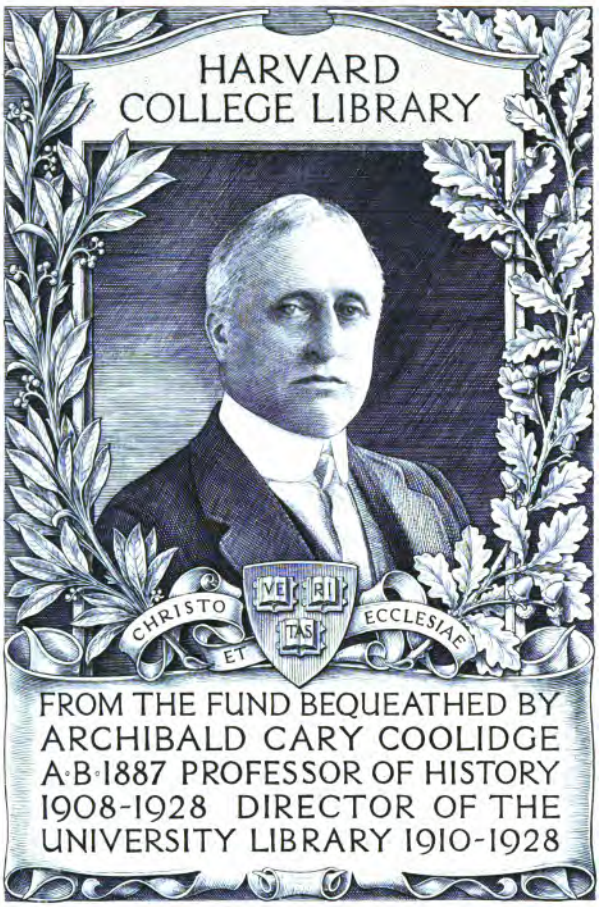
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 605.10


HARVARD
COLLEGE LIBRARY
CHRISTO
ET
VE
RI
TAS
ECCLESIAE
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

речевая

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ФЕВРАЛЬ.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собствен. домъ.
1898.

Printed in USSR

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. ОТСТАВКА И НАЗНАЧЕНІЕ. (Сцены).—Д. В. Григоровича. .	1
II. ДИТЯ ЯГО. Романъ.—Артура Моррисона. Переводъ съ англійскаго. Г.	42
III. ПѢСНИ ИЗЪ «УГОЛКА». Стихотворенія К. К. Случевскаго .	71
IV. КЛОЧКИ ВОСПОМИНАНІЙ.—А. А. Стаховича. *Продолженіе* .	78
V. ДАЛЕКІЕ ДНИ.—Вл. Ладыженскаго.	105
VI. ВЪ СУМЕРКАХЪ. Повѣсть.—А. И. Эртеля.	123
VII. КРЕСТОНОСЦЫ. Историческій романъ Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. *Продолженіе*	173
VIII. КЪ ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНІИ УЧАЩИХЪ ВЪ НАРОДНОЙ ШКОЛѢ.	1
IX. ГРАФЪ КАМИЛЛЪ КАВУРЪ ПО ЕГО ПИСЬМАМЪ И СОВРЕМЕННЫМЪ ЗАПИСКАМЪ.—О. П. Орловой. *Продолженіе* . .	13
X. ЧѢМЪ МОЖЕТЪ И ДОЛЖЕНЪ БЫТЬ СОВРЕМЕННЫЙ РУССКІЙ ПИСАТЕЛЬ.—Ив. Иванова	35
XI. КАРТИНЫ ЖИЗНИ ВИЗАНТІИ ВЪ X-мъ ВѢКѢ. — М. Н. Ремезова. *Окончаніе*.	50
XII. ВОЗМОЖНА ЛИ ПОСТРОЙКА «НАРОДНАГО ДОМА» ВЪ МОСКВѢ?—А. В. Погожева.	86
XIII. СОЮЗЫ И ЦЕНТРАЛЬНЫЯ КАССЫ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХЪ ТОВАРИЩЕСТВЪ ВЪ ГЕРМАНІИ.—М. Лунца	98
XIV. СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ.—Вл. Бирюковича.	120

„Русская Мысль“.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Открыта подписка на 1898 г.

(ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	9 р. — „	6 р.	3 р. —	1 р.
За границу	14 „	10 „ 50 к.	7 „	3 „ 50 к.	—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 руб.

Подписавшіеся въ разсрочку и желающіе получать «Р. М.» безъ перерыва, благоволятъ присылать деньги за 2 недѣли до окончанія подписного срока.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полнаго годового экземпляра. Съ подписокъ въ разсрочку уступокъ имъ не дѣлается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается 50 коп. За перемѣну иногороднаго адреса на иногородній и иногороднаго на городской уплачивается по 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ при разсрочкѣ подписной платы *необходимо* прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу

Жалобы на неисправность доставки, согласно обявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Большая Никитская, Брюссовскій пер., домъ Вельтищевой, кв. № 28.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магаз. Н. П. Карбасникова, Литейный Проспектъ, д. 46.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Л. Идзиковскаго.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, д. № 69.

Въ Вильнѣ: въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Большая, д. Гордона.

Книжный магазинъ журнала «Русская Мысль» В. М. Лаврова принимаетъ подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

Энциклопедическій словарь „Брокгауза и Ефрона“

(начатый проф. И. Е. АНДРЕЕВСКИМЪ),

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго профессора Ѳ. Ѳ. ПЕТРУШЕВСКАГО,

при участіи редакторовъ отдѣловъ:

Проф. А. Н. Бекетовъ (біологич. науки).
С. А. Венгеровъ (исторія литературы).
Проф. А. И. Воейковъ (географія).
Проф. Н. И. Карѣевъ (исторія).
А. И. Сомовъ (изящн. искусства).
Проф. Д. И. Менделѣевъ (химико-технич. и фабрично-завод.).
Проф. В. Т. Собичевскій (сельско-хозяйственный и лѣсоводство).
Владиміръ Соловьевъ (философія).
Проф. Н. Ѳ. Соловьевъ (музыка).

Энциклопедическій словарь выходитъ каждые два мѣсяца полутомами, въ 30 лист. убористой печати. Въ настоящее время вышли 44 полутома. Цѣна за каждый полутомъ (въ переплетѣ) 3 руб., за доставку 40 коп. Въ Москвѣ и другихъ университетскихъ городахъ за доставку не платятъ.

Словарь обнимаетъ собою свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, литературы, исторіи, промышленности и прикладныхъ знаній.

Текстъ помѣщаемыхъ въ словарѣ статей составляется самостоятельно русскими учеными и спеціалистами, причемъ все касающееся Россіи обрабатывается наиболѣе полно и тщательно. Значительная часть русской географіи обрабатывается членами географическихъ экспедицій, посѣтившими съ научными цѣлями описываемыя ими мѣстности. Для каждой губерніи и области дается спеціальная карта. Кромѣ географ. картъ приложены разнообразныя иллюстраціи, служащія наглядной составной частью энциклопедическаго цѣлаго.

По соглашенію редакціи Энциклопедическаго Словаря и книжнаго магазина журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова, подписка принимается въ означенномъ магазинѣ. Большая Никитская, д. Вельтищевой.

Допускается разсрочка на слѣд. услов.: при подпискѣ вносится задатокъ 10 руб., послѣ чего выдаются имѣющіеся налицо полутомы; остальная сумма долга выплачивается ежемѣсячными взносами отъ четырехъ рублей. Частныхъ лицъ просятъ увѣдомлять о родѣ занятій или службѣ.

Русская Мысль.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
журнала РУССКАЯ МЫСЛЬ
В. М. Лаврова

доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что при немъ существуетъ

НОТНАЯ торговля,

сначала только для **иногородныхъ.**

Ноты могутъ быть высылаемы какъ за наличныя деньги, такъ и съ наложеннымъ платежомъ.

Выписывающихъ покорнѣйше просятъ обозначать имя автора и opus сочиненія.

По соглашенію редакціи
„НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ“
и редакція журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Въ книжномъ магазинѣ журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“
В. М. Лаврова.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ НА

„Настольный Энциклопедическій Словарь“
изд. Т-ва ГРАНАТЪ и К°.

8 томовъ (около 11,000 столбцовъ убористой печати). Изданіе окончено въ октябрѣ 1895 г. Первые шесть томовъ вышли вторымъ стереотипнымъ изданіемъ.

ЦѢНА: полному изданію безъ переплета 38 руб., въ изящн. коленкоровомъ переплетѣ (новаго образца съ кожанымъ корешкомъ) 42 руб.

За пересылку приплачивается 10 коп. съ рубля стоимости. По желанію, изданіе можетъ быть выслано съ наложеннымъ платежомъ, причемъ при заказѣ должно быть приложено не менѣе 5 руб.

Допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ:

Гг. служащіе въ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ вносятъ при подпискѣ 5 руб. и, представивъ удостовѣреніе о нахожденіи на службѣ, получаютъ немедленно шесть томовъ изданія въ переплетѣ, затѣмъ уплачиваютъ ежемѣсячно по 2 рубля, впредь до оплаты остающейся суммы за восемь томовъ (т.-е. 37 руб.) и стоимость пересылки (4 руб. 20 коп.); 7-й томъ высылается по выплатѣ всего 28 руб., 8-й—по выплатѣ всей стоимости изданія.

Частныя лица вносятъ при подпискѣ 5 руб. и получаютъ шесть томовъ съ наложеннымъ платежомъ въ 5 руб., затѣмъ уплачиваютъ каждый мѣсяцъ по 2 р. или каждые три мѣсяца по 6 р., впредь до полной оплаты остающейся суммы за восемь томовъ 32 руб. и стоимости пересылки 4 руб. 20 коп., 7-й томъ высылается по выплатѣ всего 28 руб., а 8-й—по выплатѣ всей стоимости изданія.

Въ виду того, что „Снимковъ съ картинъ классическихъ художниковъ“ (4 серіи по 9 снимковъ) остается лишь сравнительно небольшое количество, таковые будутъ выдаваться только лицамъ, подписавшимся на изданіе до 1 февраля 1895 г.

Контора журнала „Русская Мысль“ (*Москва, Бол. Никитская ул., Брюссовскій пер., д. Вельтищевой*) **принимаетъ объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:**

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу экз. прикладываемыхъ къ журналу объявленій взимается за 1 лотъ вѣса 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 р. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1880, 1881, 1882, 1883, 1886, 1887, 1888, 1890, 1893, 1894, 1895 гг., цѣна которымъ по 5 руб. за экземпляръ. 1896 г. за 10 руб. Цѣна за пересылку—по разстоянію.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

КНИГА II.

МОСКВА.

1898.

P Slav 605.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND
MAR 26 1934

Москва, типо-литогр. „ВЫСОЧАЙШЕ утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская ул., собств. домъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. ОТСТАВКА И НАЗНАЧЕНІЕ. (Сцены).—Д. В. Григоровича . 1

II. ДИТЯ ЯГО. Романъ.—Артура Моррисона. Переводъ съ англійскаго. Г. 42

III. ПѢСНИ ИЗЪ «УГОЛКА». Стихотворенія К. К. Случевскаго . 71

IV. КЛОЧКИ ВОСПОМИНАНІЙ.—А. А. Стаховича. *Продолженіе* . 78

V. ДАЛЕКІЕ ДНИ.—Вл. Ладыженскаго. 105

VI. ВЪ СУМЕРКАХЪ. Повѣсть.—А. И. Эртеля. 123

VII. КРЕСТОНОСЦЫ. Историческій романъ Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. *Продолженіе* 173

VIII. КЪ ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНІИ УЧАЩИХЪ ВЪ НАРОДНОЙ ШКОЛѢ. 1

IX. ГРАФЪ КАМИЛЛЪ КАВУРЪ ПО ЕГО ПИСЬМАМЪ И СОВРЕМЕННЫМЪ ЗАПИСКАМЪ.—О. П. Орловой. *Продолженіе* . . 13

X. ЧѢМЪ МОЖЕТЪ И ДОЛЖЕНЪ БЫТЬ СОВРЕМЕННЫЙ РУССКІЙ ПИСАТЕЛЬ.—Ив. Иванова 35

XI. КАРТИНЫ ЖИЗНИ ВИЗАНТІИ ВЪ X-мъ ВѢКѢ.—М. Н. Ремезова. *Окончаніе*. 50

XII. ВОЗМОЖНА ЛИ ПОСТРОЙКА «НАРОДНАГО ДОМА» ВЪ МОСКВѢ.—А. В. Погожева. 86

XIII. СОЮЗЫ И ЦЕНТРАЛЬНЫЯ КАССЫ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХЪ ТОВАРИЩЕСТВЪ ВЪ ГЕРМАНІИ.—М. Лунца . . . 98

XIV. СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ.—Вл. Бирюковича. 119

Стр.

XV. УНИВЕРСИТЕТЫ И СРЕДНЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА Вл. Вагнера. 136

XVI. ХИЩНИКИ И ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННИКИ НА АМУРѢ.—П. Надина. 147

XVII. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—И. И. Иванюкова . . 170

XVIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Толки о всесословной волости.—Проектъ взиманія окладныхъ сборовъ.—Измѣненія въ семейственномъ законодательствѣ.—Къ вопросу о положеніи печати.—О дворянствѣ (по поводу брошюры г. Евреинова).—Русско-польскія отношенія въ статьяхъ г. Пильца. 181

XIX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г. 193

XX. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО. «Малый театръ»: *Разрушенный домъ*, драматическій очеркъ въ 5-ти дѣйствіяхъ, соч. Виктора Крылова.—Ан. 220

XXI. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Философія и Психологія.—Исторія литературы, исторія.—Юридическія книги.—Естествознаніе.—Медицина.—Учебники.—Словари. II. Періодическія изданія: «Міръ Божій», *декабрь*.—«Русское Богатство», *декабрь*.—«Русская Школа» *сентябрь—декабрь*. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 января по 1 февраля 51

XXII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

К/о Дорпроф. Южн. ж. д.
Дорвиграсопред. №.....

ОТСТАВКА И НАЗНАЧЕНІЕ.

Сцены.

Отставка.

СЦЕНА I.

Дѣйствующія лица:

Попшанскій, Степанъ Степановичъ. Видный мужчина, съ сильною просѣдью, тщательно выбритый. Изучилъ до тонкости ходы и пружины административнаго механизма; давно ничему не удивляется. Служитъ, сочиняетъ доклады, присутствуетъ на засѣданіяхъ такъ же непринужденно и натурально, какъ птица поетъ. Характера сдержаннаго, разсудительнаго, осторожнаго. Въ министерствѣ его зовутъ «дипломатомъ». Считаетъ не лишнимъ сохранять представительную внѣшность не только въ глазахъ подчиненныхъ, но даже въ банѣ, когда весь отъ головы до пятокъ покрытъ мыльной пѣной.

Дедюхинъ, Андрей Васильевичъ. Коротенькій, закругленный со всѣхъ сторонъ; начинаетъ покрываться сальцемъ, какъ осенній рябчикъ; голова съ короткими жесткими волосами, торчащими щетиной, и между ними вихры; сколько ни брѣется, подбородокъ остается неизмѣнно синимъ. Личность завистливаго, строптиваго свойства. Часто повторяетъ фразу Аракчеева: «безъ лести преданъ»; но это не мѣшаетъ ему превращаться въ рьянаго либерала, какъ только его обойдутъ чиномъ или орденскимъ знакомъ, къ которымъ одержимъ неутолимою жаждой. До того втянулся въ службу, что министерствомъ ограничивается его отечество. Дри-чиновникъ, какъ бываетъ дри-мадера. Членъ совѣта.

Бурдалуевъ, Никаноръ Ивановичъ. Лицо слащаваго вида, достаточно истасканное, но сохранившее слѣды минувшей красивости; начинаетъ краситься. Вращается преимущественно въ кру-

гу дамъ-благотворительницъ. Всѣмъ обязанъ покровительству. Мальчикомъ поступилъ въ гимназію на казенный счетъ по протекціи; на службу опредѣленъ по протекціи; членомъ совѣта назначенъ также по протекціи. Отличительная его черта—услужливость, вытекающая больше изъ суетливости характера. Стоитъ кому-нибудь выразить желаніе чего-нибудь, — у него уже уши на макушкѣ,—онъ стремительно предлагаетъ свои услуги. И все это столько же безкорыстно, сколько безполезно, потому что хлопоты остаются большею частью безъ результата.

Кабинетъ Попшанскаго въ министерствѣ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Попшанскій и Дедюхинъ.

Дедюхинъ *(съ жаромъ)*.—Повторяю вамъ, многоуважаемый Степанъ Степановичъ: такъ нельзя! Зюзюкинъ служилъ весь свой вѣкъ, достигъ извѣстнаго положенія, и вдругъ — прощай, любезнѣйшій, больше не нуженъ! Этакъ, пожалуй, никто служить не захочетъ; что же тогда будетъ?... Волосъ становится дыбомъ отъ одной такой мысли! Я уже ничего не говорю о службѣ Зюзюкина; взяли бы хоть во вниманіе его преклонные годы, наконецъ его семейныя условія! Подумайте: три дочери невѣсты,— потому невѣсты, что безъ состоянья, но воспитаны—такъ, какъ будто онѣ были въ лучшихъ институтахъ!... Вы скажете: какое дѣло до этого правительству...

Попшанскій.—Я ничего не говорю...

Дедюхинъ.—Да, но, вѣроятно, такъ думаете.

Попшанскій.—Чужія мысли... знаете... это...

Дедюхинъ.—Знаю, знаю... Но могу догадаться... Въ настоящемъ случаѣ, какъ всегда, впрочемъ, вы держите сторону казны... На это я вотъ что скажу: беречь казенный интересъ, конечно, первый долгъ каждаго добраго христіанина и патріота; я самъ раздѣляю такое мнѣніе... Оно передано мнѣ отцомъ и я высосалъ его вмѣстѣ съ молокомъ изъ груди моей матери, но... но рядомъ съ этимъ есть также и другія соображенія, другіе интересы, столь же священные... Вотъ хоть бы теперь: что стоитъ казнѣ вознаградить Зюзюкина за утрату мѣста? Ей слѣдуетъ это сдѣлать хотя бы для примѣра, для поощренія желающихъ посвятить себя служебному поприщу! Мы, Степанъ Степановичъ, обязаны поддерживать такой взглядъ; въ противномъ случаѣ, что мы дѣлаемъ? Мы, такъ сказать, подрываемъ строй государственнаго порядка, колеблемъ осно-

вы существующихъ принциповъ... Дѣло Зюзюкина—дѣло общаго интереса; насъ всѣхъ можетъ постичь та же участь!...

Попшанскій.—Вы такъ убѣждаете, какъ будто считаете меня врагомъ Зюзюкина... Мнѣ, напротивъ, его жаль, увѣряю васъ; и я готовъ помочь... Хотя... хотя, Андрей Васильевичъ, надо правду сказать,—надѣюсь, это останется между нами,—надо же дѣлать отличія между людьми: одинъ служитъ и приноситъ по мѣрѣ способностей пользу, другой... Я не осуждаю добрѣйшаго Зюзюкина,—привожу только фактъ; онъ, конечно, не виноватъ въ томъ, что лишенъ способностей; но главное — никакой иниціативы! Сорокъ лѣтъ сидѣлъ, пересаживаясь съ одного стула на другой, передвигаясь къ повышеніямъ по инерціи производства и оставаясь попрежнему безъ всякаго значенія... Не даромъ же говорили про него: Зюзюкинъ не столько у насъ свѣтитъ, сколько дымитъ, не столько осуществляетъ свѣчку, сколько подсвѣчникъ...

Дедюхинъ *(перебивая)*.—Прекрасно; ну, а Тѣстовъ, который, говорятъ, получилъ такое важное назначеніе, развѣ лучше?

Попшанскій *(безъ особеннаго убѣжденія)*.—Во всякомъ случаѣ, прекрасный человѣкъ.

Дедюхинъ *(саркастически)*.—Примѣрный семьянинъ, образцовый христіанинъ, обожаетъ жену и дѣтей, сальныхъ свѣчей не ѣстъ и т. д. *(Съ удвоеннымъ жаромъ.)* У насъ всегда такъ: скажешь: ни къ чорту не годится! Сейчасъ въ отвѣтъ: прекрасный человѣкъ, отличный семьянинъ, вѣренъ женѣ, нѣжно любитъ дѣтей!... Желательно всегда при этомъ спросить: какое отношеніе имѣютъ всѣ эти добродѣтели къ исполненію служебныхъ обязанностей? Какая отъ нихъ польза Казани, Рязани, Симбирску и т. д.? Не лучше ли: пей, да дѣло разумѣй! — какъ сказалъ Крыловъ. Но мы отклонились отъ предмета... Вы, стало-быть, меня не поняли, многоуважаемый Степанъ Степановичъ, или, вѣрнѣе, я не достаточно ясно выразился... Я совершенно съ вами согласенъ насчетъ Зюзюкина; Зюзюкинъ вполнѣ былъ и будетъ человѣкъ безполезный, хотя прибавлю: вреда преднамѣреннаго не причинилъ ни людямъ, ни государству. Но дѣло здѣсь вовсе не въ его личности,—поймите меня, дѣло въ принципѣ, въ принципѣ, Степанъ Степановичъ! Я главнымъ образомъ защищаю здѣсь принципъ!... Человѣкъ больше не нуженъ, — отлично; его не въ очередь повышаютъ въ такой чинъ, который не позволяетъ ему оставаться на прежнемъ мѣстѣ; ловкій, давно всѣмъ извѣстный пріемъ, избавляющій прямо сказать человѣку въ глаза: ты, дескать, больше, братецъ, не годенъ,—убирайся вонъ! Скажу вамъ, я собственно

даже не противъ неожиданнаго отказа отъ мѣста; я протестую только противъ рѣзкости, съ какой это было сдѣлано, вооружаюсь противъ возможности рѣзкаго перехода отъ опредѣленнаго положенія, отъ казенной квартиры и жалованья—къ пенсіи; это все равно, что: ступай, братецъ, на мостовую! Зюзюкинъ не нуженъ,—прекрасно; откажи ему, но какъ? Откажи въ смягченной формѣ, такимъ образомъ откажи, чтобы переходъ не былъ чувствителенъ: переведи въ другое вѣдомство, дай другое назначеніе, отвѣчающее новому чину... Слава Богу, у насъ не стать искать такихъ мѣстъ! Что мнѣ Зюзюкинъ? — ни сватъ, ни братъ, фу! — ничего больше; но въ его лицѣ я защищаю принципъ! Въ огражденіе будущихъ такихъ случайностей, надо хлопотать, чтобы Зюзюкину оставили, по крайней мѣрѣ, полный окладъ прежняго его содержанія... *(Стукъ въ дверь.)* Какая досада! Намъ помѣшали...

Попшанскій.—Можетъ быть что-нибудь экстренное... Войдите!

(*Входитъ* Бурдалуевъ.)

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Попшанскій, Дедюхинъ, Бурдалуевъ.

Попшанскій.—Добро пожаловать... Садитесь.

Дедюхинъ.—Весьма кстати; вы мнѣ поможете...

Бурдалуевъ.—Здравствуйте, господа, здравствуйте! *(Садится.)* Вы видите меня крайне разстроеннымъ, можно даже сказать: растроганнымъ... Я сейчасъ отъ Зюзюкина...

Попшанскій.—Какъ онъ?

Бурдалуевъ.—Лежитъ...

Попшанскій и Дедюхинъ *(вмѣстѣ).*—Лежитъ?!...

Бурдалуевъ.—Слегъ, не выдержалъ!

Дедюхинъ.—Легко понять: по-неволѣ сляжешь!

Бурдалуевъ.—Еще бы! Главнымъ образомъ — неожиданность! Неожиданность отставки подкосила старца. Жестоко, просто жестоко! Вы представить себѣ не можете, какую засталъ я печальную картину: жена напрягаетъ, конечно, всѣ душевныя и физическія силы, чтобы сохранить достоинство, казаться спокойной, но по всему видно — потрясена, потрясена до мозга костей!... Три дочери ходятъ съ заплаканными глазами... Самъ Андрей Андреевичъ лежитъ въ кабинетѣ на диванѣ; голова обвязана мокрымъ полотенцемъ... На щекахъ влага... Я думалъ сначала—отъ мокраго полотенца, но тотчасъ же убѣдился, что это были слезы!... Я хотѣлъ сказать ему нѣсколько утѣшительныхъ словъ, но недоста-

ло духу; ограничился только выразительнымъ, сочувственнымъ пожатіемъ руки... Повѣрите ли, даже на лицѣ лакея, который отворилъ мнѣ дверь, слѣды какой-то удрученной печали... Воля ваша, господа, такъ нельзя оставить!

Дедюхинъ.—Я только что объ этомъ говорилъ; мы всѣ въ этомъ заинтересованы.

Бурдалуевъ.—Помогите, Степанъ Степановичъ! Вы все можете... Вамъ стоитъ только захотѣть!...

Попшанскій *(досадливо)*. — Позвольте, позвольте, Никаноръ Ивановичъ! Охъ, ужъ мнѣ эти: «вы все можете, — стоитъ захотѣть»!... Я слышу это чуть ли не каждый день! Фразы эти у меня вотъ гдѣ сидятъ! *(Показываетъ на затылокъ.)* Отношенія ко мнѣ министра, какъ бывшаго однокашника, не даютъ еще права приставать къ нему; сегодня: опредѣлите такого-то; завтра: дайте прибавку другому; послѣ завтра: увеличьте аренду, и такъ далѣе... Согласитесь сами, господа...

Дедюхинъ.—Совершенно вѣрно, но дѣло здѣсь не въ третьемъ, десятомъ, а въ старомъ сослуживцѣ... Повторяю вамъ, такъ нельзя оставить!

Попшанскій.—Я, господа, готовъ... Но только то, что предлагаетъ Андрей Васильевичъ, хлопотать о сохраненіи Зюзюкину полнаго оклада бывшаго содержанія, нахожу пока преждевременнымъ,—навѣрно откажутъ! Вѣрнѣе хлопотать о томъ, чтобы перевели его въ другое вѣдомство и дали другое назначеніе.

Дедюхинъ.—Прекрасно, вотъ хоть бы, напримѣръ, мѣсто временно исправляющаго должность сверхштатнаго члена временной коммиссіи; мѣсто это, я знаю, теперь свободно...

Попшанскій.—Развѣ вы не знаете, когда мѣсто вакантно, оно всегда кѣмъ-нибудь занято?

Дедюхинъ.—Большею частью такъ, это вѣрно, но мѣсто, о которомъ я упоминаю, пока свободно, надо только торопиться, жалованье отвѣчаетъ окладу прежняго содержанія Зюзюкина; притомъ и дѣла немного, совершенно по немъ: засѣдать въ комитетахъ.

Бурдалуевъ.—Для самолюбія оно конечно... Ну, да куда ни шло!... Скажите, дорогой Андрей Васильевичъ, вы не слышали, мѣсто это сопрягается съ казенной квартирой?

Дедюхинъ.—Не знаю.

Бурдалуевъ.—Вопросъ между тѣмъ первой важности! Квартира, въ которой жилъ Зюзюкинъ, состояла изъ одиннадцати комнатъ и всѣ, замѣтьте, на солнечной сторонѣ... Если жалованье, какъ вы говорите, равняется прежнему окладу, придется, слѣдовательно,

изъ него вычитать деньги за наемъ частной квартиры... Вы знаете какъ онѣ теперь вздорожали... Приступу нѣтъ!

Дедюхинъ (*Попшанскому*).—Нельзя ли тогда выхлопотать ему аренду, она дополнитъ. Постарайтесь, дорогой Степанъ Степановичъ.

Попшанскій.—Постараюсь, но за успѣхъ не ручаюсь.

Бурдалуевъ.—Въ такомъ случаѣ, не теряя времени, нельзя ли будетъ также заодно выхлопотать подъемную сумму для переѣзда изъ казеннаго дома на частную квартиру и ея устройство?

Попшанскій.—За это также не ручаюсь,—вы знаете, какіе теперь порядки! Скажутъ: переѣзжаетъ не въ Туркестанъ, а въ тотъ же Петербургъ... На такой переѣздъ немного потребуется.

Дедюхинъ.—А вы нажмите, хорошенько нажмите.

Попшанскій.—Гм... Сколько будетъ возможно.

Дедюхинъ (*съ жаромъ*).—Главное, Степанъ Степановичъ, имѣйте въ виду не личность, а принципъ! Въ настоящемъ случаѣ принципъ прежде всего.

Попшанскій.—Не забуду.

Бурдалуевъ.—Пока что, я со своей стороны обращусь къ нашимъ сослуживцамъ съ просьбой добровольнаго сбора на стипендію имени Зюзюкина — бывшаго ихъ сослуживца; надѣюсь, они не откажутъ. У меня есть еще другое предложеніе... Мысль эта пришла мнѣ при видѣ слезъ старика, убитаго горемъ, и его семейства... Вы знаете, Зюзюкины постоянно, болѣе тридцати лѣтъ, жили на дачѣ на Крестовскомъ островѣ, ихъ всѣ тамъ знаютъ отъ старца до младенца, я уговорю ихъ преподнести Зюзюкину званіе почетнаго гражданина Крестовскаго острова... Я увѣренъ, это утѣшитъ старика.

Дедюхинъ.—Старикъ утѣшится и, вмѣстѣ съ тѣмъ, это хорошо какъ принципъ... (*Къ Попшанскому*) Скажите, Степанъ Степановичъ, когда у насъ совѣтъ?

Попшанскій.—Завтра въ часъ.

Дедюхинъ.—А вечеромъ ко мнѣ повинтить?

Попшанскій.—Извините меня, сегодня не могу... очень занятъ.

Дедюхинъ (*Бурдалуеву*).—А вы, Никаноръ Васильевичъ?

Бурдалуевъ.—Дѣлъ также навалили цѣлый ворохъ, но произнесено магическое слово «винтъ»—и я слабѣю, готовъ всѣмъ пожертвовать.

Дедюхинъ.—Будете, стало быть?

Бурдалуевъ.—Съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ!

(*Входитъ курьеръ.*)

Курьеръ (*Попшанскому*).—Ваше превосходительство, министръ проситъ васъ пожаловать.

Попшанскій (*вставая*).—Сейчасъ!... (*Обращаясь къ присутствующимъ*) Извините, господа... Останьтесь, пожалуйста... Меня, вѣроятно, недолго задержатъ... (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Дедюхинъ и Бурдалуевъ.

Дедюхинъ (*указывая на дверь, въ которую вышелъ Попшанскій*).—Сухой человѣкъ и эгоистъ въ придачу.

Бурдалуевъ.—Сухъ-то онъ сухъ, это правда, но эгоистъ... не думаю... Вы знаете его конекъ: оберегать интересы казны; стоять, такъ сказать, на стражѣ.

Дедюхинъ.—И вы этому вѣрите?

Бурдалуевъ.—Я? За кого вы меня принимаете? Итакъ, вы думаете, онъ ничего не сдѣлаетъ для Зюзюкина?

Дедюхинъ.—Не пикнетъ, шагу не ступитъ, мизинца не согнетъ.

Бурдалуевъ.—Вѣрнѣе въ такомъ случаѣ обратиться къ графинѣ Павлиновой, какъ вы думаете?

Дедюхинъ.—Я мало ее знаю.

Бурдулаевъ.—Я хорошо съ нею знакомъ, многимъ даже ей обязанъ... Вотъ можно сказать безъ преувеличенія, вполнѣ замѣчательная женщина! Нравственная сила необыкновенная, подвижность изумительная!... Ее всѣ слушаютъ, всѣ боятся, даже министры. Ужъ если взялась за что-нибудь,—а она за все берется,—можно быть увѣреннымъ, дѣло будетъ сдѣлано.

Дедюхинъ.—Много слышалъ и не мало удивлялся, чѣмъ же беретъ она? Умомъ, что ли?

Бурдалуевъ.—О! Умна, какъ семьдесятъ семь бѣсовъ! Не родись она женщиной, была бы навѣрное министромъ, вродѣ Бисмарка; потомъ, знаете, ловкость, умѣнье, сноровка, методъ...

Дедюхинъ.—Методъ?

Бурдалуевъ.—А какъ бы вы думали? У нея на каждый случай свой методъ. Вы, конечно, знаете Фазанова?

Дедюхинъ.—Знаю, ничтожество первой пробы.

Бурдалуевъ.—Согласенъ. Но она была вѣроятно другого мнѣнія или можетъ быть просто просили ее дать ему мѣсто... Въ такихъ случаяхъ она руководится обыкновенно такимъ методомъ: пріѣзжаю я какъ-то къ ней съ визитомъ,—у нея всегда тьма на-

роду,—и говорю, чтобы не сидѣть молча: «Сегодня,—говорю,—очень холодно». «Да,—отвѣчаетъ она,—вотъ сейчасъ былъ Фазановъ и также жаловался на холодъ». Касался ли кто-нибудь дороговизны квартиръ, она сейчасъ: «Вотъ и Фазановъ только что на это жаловался»... Разсказывалъ ли кто-нибудь о случившемся происшествіи, она опять: «Да, Фазановъ намъ только что сообщалъ объ этомъ»... Словомъ, о чемъ бы ни заговорили, какого бы предмета ни коснулись, на сцену моментально выскакивалъ Фазановъ; его имя наполняло всю гостиную. Мало-по-малу оно распространялось по другимъ гостинымъ, пошло дальше по городу. Собственными ушами сколько разъ приходилось слышать: «Фазановъ одаренъ выдающимися способностями!» или: «То и дѣло слышишь: нѣтъ у насъ людей! Оскорбительно даже какъ-то для національнаго чувства... Нѣтъ людей!... Вотъ хоть бы взять Фазанова, я его не знаю, никогда не видалъ, но всѣ говорятъ, чѣловѣкъ выдающихся способностей!» Кто такой Фазановъ, никто не спрашивалъ, но каждый былъ имъ невольно какъ бы насквозь прошпигованъ... Хочешь сѣсть на извозчика и въ забытьи сторонишься, чтобы дать мѣсто Фазанову; ложишься въ постель и отодвигаешься къ стѣнѣ, думая, что вотъ-вотъ сейчасъ ляжетъ подлѣ тебя Фазановъ. Фазановъ сдѣлался притчей во языцѣхъ; его имя до такой степени всѣмъ было ввинчено, что когда начальствующему лицу пришлось утвердить подписью назначеніе и написать «Никифоровъ», рука его невольно сама собою подмахнула: «Фазановъ», и Фазановъ очутился такимъ образомъ на мѣстѣ Никифорова...

Дедюхинъ.—Я уже мелькомъ слышалъ объ этомъ и, признаюсь, только руками развелъ... У насъ, впрочемъ, часто не занимаетъ мѣсто и не работаетъ на немъ сынъ своихъ дѣлъ, но больше всегда какая-нибудь креатура... На мой взглядъ этотъ Фазановъ даже не человѣкъ, а муха какая-то, меньше мухи—мошкара.

Бурдалуевъ.—Да, говорите, а вотъ графиня захотѣла,—Фазановъ выскочилъ, а Никифоровъ до сихъ поръ сидитъ и ждетъ у моря погоды. Рѣшительно буду просить графиню вступиться за Зюзюкина!

Дедюхинъ.—И вы думаете, она что-нибудь сдѣлаетъ?

Бурдалуевъ.—Непремѣнно, если только захочетъ.

Дедюхинъ (*глядя на часы*). Батюшки, два часа! Чуть не опоздалъ на засѣданіе, вы куда?

Бурдалуевъ.—Мнѣ также надо поспѣть въ коммиссію, но необходимо прежде заѣхать въ два мѣста... Просили похлопотать... У васъ что сегодня?

Дедюхинъ.—Коммиссія для разсмотрѣнія вопроса о возможности сокращенія коммиссій и засѣданій... У васъ что?

Бурдалуевъ.—О распространеніи дѣятельности и соотвѣтственно увеличеніи штата.

Дедюхинъ.—Но вечеркомъ ко мнѣ?

Бурдалуевъ.—Всенепремѣнно!

(Жмутъ другъ другу руки и быстро уходятъ.)

Назначеніе.

СЦЕНА I.

Дѣйствующія лица.

Тѣстовъ, Василій Васильевичъ. Фамилія вполнѣ отвѣчаетъ характеру: мягкій, благодушный, чадолюбивый отецъ, образцовый мужъ. Изъ любви къ семьѣ и своимъ смотритъ на службу и повышенія какъ на средство упрочивать счастье окружающихъ. Почтительность и скромность вывели его въ люди. Небольшого роста, но сырого вида, съ выдающимся животомъ, короткой шеей и шарообразной головой, покрытой на вискахъ пушистыми вьющимися волосами; верхняя часть черепа совершенно гладкая, лоснится, какъ фарфоровый чайникъ. Репутація высокой нравственной чистоты и благонамѣренности внушила какому-то шутнику предложеніе прогуливать его по министерствамъ и больницамъ для очищенія въ нихъ воздуха; тотъ же шутникъ прозвалъ Тѣстова «Ждановскою жидкостью».

Тѣстова, Марья Ивановна *(жена Тѣстова)*. Дама съ просѣдью, но сохранившая энергію, живость и подвижность прежнихъ лѣтъ. Жадно, съ замираніемъ сердца и трепетаніемъ селезенки слѣдитъ за карьерой мужа; каждое новое повышеніе усиливаетъ въ ней тщеславіе. Въ ея глазахъ мужъ—государственный дѣятель первой величины, но недостаточно оцѣненный.

Попоновъ, Аѳанасій Ивановичъ. Братъ г-жи Тѣстовой. Бывшій кавалеристъ въ армейскомъ полку, въ отставкѣ съ мундиромъ; помѣщикъ средней руки; членъ картофельнаго клуба.

Г-жа Каменецъ-Подольская. Предсѣдательница разныхъ благотворительныхъ обществъ, имѣющая связи въ свѣтскомъ и административномъ кругу. Сухопарая, язвительнаго вида дама, назойливаго, деспотическаго свойства.

Перелетовъ. Служитъ въ одномъ министерствѣ съ Тѣстовымъ. Смѣнилъ нѣсколькихъ начальниковъ, оставаясь при всѣхъ чинов-

никомъ особыхъ порученій, но всегда скорѣе въ качествѣ домашняго секретаря; встрѣчаетъ женъ начальниковъ на желѣзныхъ дорогахъ, подноситъ имъ букеты, устраиваетъ гостиныя, сопровождаетъ въ ложи и т. д. Неизмѣнно пріятное расположеніе духа и запасъ городскихъ новостей. Никогда не затрудняетъ стѣснительными вопросами; старается говорить только то, что пріятно слушателю.

Кабинетъ Тѣстова въ его частной квартирѣ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Тѣстовъ и Тѣстова.

(Тѣстовъ входитъ въ кабинетъ изъ прихожей; Тѣстова выходитъ къ нему на встрѣчу изъ противоположной двери.)

Тѣстова.—Какъ долго! Я считала минуты. Ну, что, сколько комнатъ?

Тѣстовъ.—Дай, душенька, перевести духъ. Ужасно усталъ... уфъ!... (*Опускается въ кресло и отираетъ платкомъ лобъ*) Одиннадцать комнатъ!

Тѣстова.—Сколько на солнце?

Тѣстовъ.—Право не помню.

Тѣстова.—Ну, какъ же такъ. Можно ли будетъ помѣстить Оленьку съ мужемъ?

Тѣстовъ.—Можно, хотя не совсѣмъ удобно; всѣ комнаты проходныя, какъ вообще въ казенныхъ домахъ старой постройки... Рядомъ съ ними можно будетъ отдать комнату Машѣ.

Тѣстова.—Что ты, что ты! Дѣвушка въ сосѣдствѣ съ молодыми; мало ли что можетъ...

Тѣстовъ.—Правда, не сообразилъ.

Тѣстова.—Ну, а комната для мамаши?

Тѣстовъ.—Остается небольшая на дворѣ... нѣсколько темноватая.

Тѣстова. — Ничего; маменька страдаетъ глазами. Ей свѣтъ вреденъ, ты самъ знаешь. Какъ гостиная?

Тѣстовъ.—Обширная комната въ три окна, но совершенно голая; стѣны просто выбѣлены.

Тѣстова. — Такъ, конечно, нельзя оставить; обобью ее кретономъ!

Тѣстовъ.—Не проще ли оклеить обоями?

Тѣстова.—Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!... Во всякомъ случаѣ на двери и

на окна штофныя портьеры; мебель велю обить тѣмъ же штофомъ...

Тѣстовъ.—Замѣть, душенька, комната громадная, мебели потребуется много. Двери и окна неимовѣрнаго размѣра; подумай, душенька.

Тѣстова.—Не вижу, почему намъ надо особенно экономничать; отпущены деньги на ремонтировку квартиры; такъ и сказано: «на устройство».

Тѣстовъ.—Я думалъ отложить изъ нихъ часть на приданое Машѣ.

Тѣстова.—Тамъ увидимъ; надо также подумать о приличіи, о представительствѣ; оно должно отвѣчать твоему новому назначенію. Я сейчасъ поѣду и сама все осмотрю... (*Уходитъ и быстро возвращается.*) Ахъ, да, переговорилъ ли ты съ Викулинымъ на счетъ Петрушевича? Сказалъ ли онъ что-нибудь положительное?

Тѣстовъ.—Все, говоритъ, сдѣлаю, что будетъ возможно.

Тѣстова.—Что намъ въ этой возможности? Надо, чтобы теперь же дали ему мѣсто; пользуйся, Базиль, твоимъ назначеніемъ, не теряя минуты. Кто ихъ знаетъ: сегодня мы здѣсь; завтра все можетъ перемѣниться. Надо пользоваться.

Тѣстовъ.—Пользуюсь опять-таки сколько возможно. Прежде всего надо опредѣлить Володю, выхлопотать увеличеніе пенсіи твоей матери, похлопотать также насчетъ аренды.

Тѣстова.—Я успокоюсь тогда только, когда все это будетъ сдѣлано и зять получитъ мѣсто. Но только не забудь: ничего не дѣлай, откажи начисто Ардатовымъ; я знаю, они собираются просить за сына. Вспомни, когда дѣло шло о твоемъ назначеніи,—какъ они интриговали... Они—свиньи!

Тѣстовъ (*съ мягкимъ упрекомъ*).—Marie, Marie.

Тѣстова (*вспыхнувъ*).—Свиньи! свиньи! свиньи!...

(*Входитъ Пононовъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣстовъ, Тѣстова, Пононовъ.

Пононовъ (*входя*).—Кого это, сестра, ты такъ величаешь?

Тѣстова.—Браню Ардатовыхъ.

Пононовъ. — Сочувствую! Куда ты, сестра? Куда спѣшишь? Посиди съ нами.

Тѣстова.—Невозможно; дѣла пропасть. Прощайте!...(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тѣстовъ и Пономовъ.

Пономовъ (*садясь и пытливо посматривая на свояка*).—Я къ тебѣ узнать только насчетъ вчерашняго.

Тѣстовъ.—Пока еще ничего.

Пономовъ.—На словахъ стало-быть что на гусляхъ! Чтобъ ему печкой подавиться! Что-жъ онъ сказалъ?

Тѣстовъ.—Обѣщалъ.

Пономовъ. — Обѣщалъ! Обѣщаньемъ голодную блоху не накормишь! Меня ставитъ это въ затруднительное, можно сказать—самое пакостное, положеніе! Я далъ слово: не сегодня—завтра онъ будетъ опредѣленъ! Пойми: отъ его опредѣленія зависитъ назначеніе моего Саши. Кому телята—намъ ребята! Она, чортъ возьми, прямо сказала: устройте у вашего свояка мѣсто моему Ѳедѣ,—я опредѣлю вашего Сашу.

Тѣстовъ.—Легко ей такъ говорить.

Пономовъ.—Знаю; ея сынъ идіотъ, слюнтяй, квашня; выключили изъ двухъ заведеній, совали во всѣ соусы и компоты, — нигдѣ не былъ годенъ, а опредѣлить все-таки надо. Болванъ опредѣленъ,—мой Саша получаетъ желаемое мѣсто. Похлопочи, Вася, знаешь, этакъ поэнергичнѣе. Есть родня—есть и возня; отъ своего хвоста не уйдешь! Ты теперь какъ оладье въ меду; одна рука въ сахарѣ, другая въ патокѣ, — все можешь, захоти только! Для кого же и хлопотать, коли не для своихъ. Пользуйся случаемъ: сегодня ты полковникъ,—завтра покойникъ! Ты имъ этакъ хорошенько: ласки въ глазки! Соловей податливъ на тараканы, человѣкъ—на лесть. Пользуйся, говорю.

Тѣстовъ.—Хорошо, еслибъ только касалось своихъ; чужіе со всѣхъ сторонъ осаждаютъ. Вотъ не угодно ли... сейчасъ получилъ... (*Даетъ ему письмо.*)

Пономовъ (*читаетъ*).—«Ваше превосходительство! Я говорила съ княземъ Шатиловымъ».

Тѣстовъ (*перебивая*).—Насчетъ второго сына.

Пономовъ.—Володи?...

Тѣстовъ—Володи.

Пономовъ (*продолжая читать*).—«Князь согласенъ. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы напомнить вамъ обѣщаніе опредѣлить моего племянника. На васъ вся надежда»!

«Зинаида Каменецъ-Подольская».

Тѣстовъ.—Вотъ тутъ и раздѣлывайся! Ты знаешь, какъ она вліятельна.

Курьеръ (*входя*).—Госпожа Каменецъ-Подольская.

Пононовъ (*курьеру*).—Болванъ! Когда ты научишься докладывать какъ слѣдуетъ. Вотъ принесла нелегкая!

Тѣстовъ (*курьеру*).—Проси!

Пононовъ.—Я ухожу; зайду пока къ племяннику, Павлушѣ... (*Останавливается и пытливо поглядываетъ на своякa.*) Вася, а?...

Тѣстовъ.—Ну, что?

Пононовъ.—А?...

Тѣстовъ.—Хорошо, хорошо... все, что будетъ возможно.

(*Пононовъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 4.

Тѣстовъ, госпожа Каменецъ-Подольская.

Г-жа Каменецъ-Подольская.—Извините, ваше превосходительство, что такъ рано... Но мнѣ хотѣлось васъ застать.

Тѣстовъ (*раскланиваясь и пододвигая ей кресло*). — Помилуйте... я... мм... совершенно счастливъ.

Г-жа Камен.-Подольская.—Я вчера вамъ писала.

Тѣстовъ.—Какъ же, получилъ, благодарю васъ; князь, стало-быть, согласенъ?

Г-жа Кам.-Подольск.—Да, просилъ только нѣсколько повременить... Ну, а какъ насчетъ моего племянника?

Тѣстовъ.—Пока еще ничего не могъ сдѣлать.

Г-жа Кам.-Подольск.—Неужели? А я уже ѣхала съ полной увѣренностью, что вы меня обрадуете... Вы, вѣдь, все можете, все рѣшительно!

Тѣстовъ.—Не думайте такъ, Бога ради! Я ничего не могу... т.-е. конечно могу кое-что... Но тутъ встрѣчается нѣкоторое затрудненіе.

Г-жа Кам.-Подольск.—Затрудненіе? Вамъ стоитъ только сказать нѣсколько словъ.

Тѣстовъ.—Вы думаете?

Г-жа Кам.-Подольск.—Увѣрена въ этомъ!

Тѣстовъ.—Вы желаете, чтобы вашего племянника перевели на Кавказъ?

Г-жа Кам.-Подольск.—На Кавказъ или въ другое мѣсто, безразлично; но только непремѣнно куда-нибудь на югъ; Кавказъ предпочтительно; я раздѣляю желаніе племянника. Горный воздухъ возстановитъ его силы,—а это особенно для него важно... Съ тѣхъ

поръ, какъ онъ женился,—этому годъ, онъ замѣтно ослабъ. Кавказъ его поправитъ,—это говорятъ доктора; къ тому же Кавказъ будетъ также полезенъ и молодой его женѣ; она нѣсколько слаба грудью.

Тѣстовъ.—Вполнѣ понимаю и сочувствую. Затрудненіе вотъ въ чемъ: едва я коснулся о его переводѣ, мнѣ прямо сдѣланъ былъ вопросъ: былъ ли онъ на Кавказѣ? Знакомъ ли съ краемъ?

Г-жа Кам.-Подольск.—Это очевидно только придирка!

Тѣстовъ (*съ особенной мягкостью въ голосѣ*).—Былъ ли вашъ племянникъ на Кавказѣ?

Г-жа Кам.-Подольск.—Н... нѣтъ, не былъ; но Кавказъ всегда, съ самаго дѣтства увлекалъ его; пріѣдетъ кто-нибудь оттуда, онъ засыпаетъ вопросами, оторвать трудно. Странно даже какъ-то: когда мы лѣтомъ переѣзжаемъ въ деревню, онъ ничего больше не пьетъ, какъ кавказскія минеральныя воды; предпочитаетъ другимъ... У него очевидно что-то сродное съ Кавказомъ... Это можетъ быть потому, что его любимый дядя, мой старшій братъ, былъ нѣсколько разъ раненъ и даже умеръ на Кавказѣ.

Тѣстовъ (*искусственно соболѣзнуя*).—Тамъ и скончался?

Г-жа Кам.-Подольск.—Тамъ и скончался.

Тѣстовъ.—Я постараюсь, конечно, употребить всѣ силы... Но какъ я вамъ уже докладывалъ, мнѣ прямо былъ сдѣланъ вопросъ.

Г-жа Кам.-Подольск.—Хорошо; завтра же куплю карту Кавказа и обложу его кругомъ описаніями... кстати, карты эти продаются, кажется, въ магазинѣ Фену?

Тѣстовъ.—Продаются также въ картографіи Ильина.

Г-жа Кам.-Подольск.—Кар-то-гра-фія? Это что такое?

Тѣстовъ.—Мастерская, гдѣ продаются всѣ карты Россіи.

Г-жа Кам.-Подол.—Завтра же пошлю туда!... Все остальное отдаю на ваше усмотрѣніе и вполнѣ увѣрена, вамъ стоитъ только захотѣть,—вы все сдѣлаете... Не возражайте пожалуйста, не возражайте! Я знаю, Петербургъ такой городъ, куда стекаются всѣ жадности государства; всѣ пути усѣяны препятствіями; нельзя шагу ступить безъ протекціи... Я со своей стороны не пропущу случая напоминать князю Шатилову о вашемъ сынѣ... Вы со своей стороны постарайтесь... Вся надежда на васъ... не возражайте, пожалуйста, не возражайте... Дайте мнѣ вашу руку, прощайте... (*Встаетъ.*)

Тѣстовъ.—Имѣю честь кланяться и еще разъ благодарю... (*Провожаетъ ее съ глубокими поклонами, медленно возвращается къ столу, бормоча себѣ подъ носъ*). Вотъ всѣ почти такъ. Служебныя

обязанности, интересы страны ни почемъ; самимъ бы только устроиться и жалованья побольше! Скажите пожалуйста, племянницѣ также нуженъ кавказскій воздухъ, слаба грудью... Гм! Устроить однако-жъ надо ради Володи, не уладишь—напакоститъ... Всего досаднѣе, изъ-за этого племянника придется отказаться отъ намѣренія послать на Кавказъ зятя... Этотъ не тому чета: два раза былъ въ Кисловодскѣ—и не безполезно: усвоилъ тамъ много чего такого... Эхе-хе, грустно все это, грустно, какъ подумаешь!... (*Садится въ кресло передъ столомъ и начинаетъ разбирать бумаги. Изъ боковой двери выходитъ г-жа Тѣстова.*)

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣстовъ и Тѣстова.

Тѣстова.—Сейчасъ только осматривала квартиру: тѣсно, но помѣстимся. Выходя изъ дому, встрѣтила Перелетова и взяла его съ собою, чтобы посовѣтоваться: у него замѣчательный вкусъ; къ тому же большая опытность; его всѣ приглашаютъ; самые богатые аристократы обращаются, просятъ помочь устроить салоны. Онъ съ радостью согласился на мое предложеніе,—право, такой милый, услужливый! Только что вошелъ въ квартиру, сейчасъ замѣтилъ: въ пріемной обои—невозможная казенщина; мебель надо обить заново подъ цвѣтъ новыхъ обоевъ... Въ столовой совѣтуетъ поставить одинъ противъ другого два рѣзныхъ голландскихъ буфета, а въ углахъ поставить камины.

Тѣстовъ (*озабоченно*).—Во что же это обойдется?

Тѣстова.—Перелетовъ обѣщалъ сдѣлать приблизительный разсчетъ. Во всякомъ случаѣ, повторяю тебѣ, Базиль, особенно скупиться намъ не зачѣмъ; даны казенныя деньги; такъ и сказано: «На устройство и ремонтировку квартиры...» Перелетовъ говоритъ: все это можно будетъ сдѣлать экономическимъ способомъ; ему не въ первый разъ, онъ все знаетъ. Что касается гостиной, совершенно согласенъ со мной на счетъ кретона... Теперь, мой другъ, твой кабинетъ... Но пусть лучше онъ самъ тебѣ разскажетъ свои предположенія; я просила его подождать въ гостиной; позволь ему войти.

Тѣстовъ.—Пусть войдетъ.

(*Тѣстова пріотворяетъ дверь въ гостиную и зоветъ*: Авениръ Васильевичъ, прошу въ кабинетъ къ мужу).

(*Входитъ Перелетовъ: развязная походка; на лицѣ пріятная почтительность.*)

ЯВЛЕНІЕ 6.

Тѣстовъ, Тѣстова, Перелетовъ.

Перелетовъ.—Прежде всего, ваше превосходительство, позвольте мнѣ поблагодарить васъ и ея превосходительство за честь, которую вы мнѣ дѣлаете быть вамъ,—не смѣю сказать: полезнымъ,—но доказать вамъ мою глубокую преданность.

Тѣстовъ.—Благодарю васъ, садитесь пожалуйста. (*Перелетовъ садится*; *Тѣстова усаживается подлѣ мужа*).

Жена говорила мнѣ, вы осматривали будущую нашу квартиру и нашли необходимымъ сдѣлать въ ней нѣкоторыя перемѣны.

Перелетовъ.—Квартира, ваше превосходительство, была страшно запущена, она служила прежде продолженіемъ казенныхъ складовъ, только впослѣдствіи была приспособлена къ квартирѣ.

Тѣстовъ.—Я желалъ бы, чтобы кабинетъ мой остался такимъ же, какимъ былъ у моего предшественника.

Тѣстова.—Это, мой другъ, невозможно; обои съ грубыми золотыми фестонами, точно въ трактирѣ!... Я думала оклеить стѣны синими обоями: спокойно для глазъ и не пестритъ.

Перелетовъ (*обратясь къ Тѣстовой*).—Извините меня великодушно, ваше превосходительство, но то, что вы изволите предлагать, не совсѣмъ удобно; спора нѣтъ: синій цвѣтъ спокоенъ и благороденъ, онъ даетъ тонъ; но вотъ бѣда: вечеромъ онъ страшно темнѣетъ. Тоже самое сдѣлалъ у себя генералъ Собѣщанскій; вечеромъ зажгли лампы—стѣны оказались совершенно черными, пришлось переклеивать. Въ столовой надо будетъ также выкрасить подъ орѣхъ двери и всю нижнюю часть стѣнъ. Въ министерствѣ у насъ, кстати, работаютъ теперь маляры; возьму ихъ и въ три дня все будетъ готово. Казенная работа нисколько отъ этого не задержится.

Тѣстовъ.—Вы, право, очень обязательны.

Перелетовъ.—Помилуйте, ваше превосходительство, я совершенно счастливъ.

Тѣстова.—Вы говорили мнѣ также насчетъ прислуги.

Перелетовъ.—Да, ваше превосходительство, я замѣтилъ у испанскаго посланника двухъ лакеевъ... Великолѣпны, совершенно лорды. Посолъ переводится въ Америку, его замѣняетъ новый изъ Италіи.

Тѣстовъ (*кивая женѣ на Перелетова съ добродушною улыбкой*).—Все знаетъ... все знаетъ.

Перелетовъ (*притворно скромничая*).—Не мудрено, ваше пре-

восходительство,—вездѣ бываю. [illegible] слово сказать этимъ лакеямъ, они съ великою радостью готовы служить вамъ; одинъ останется при вашемъ кабинетѣ.

Тѣстовъ.—Ахъ, нѣтъ, я привыкъ къ моему Захару.

Тѣстова. — Нѣтъ, нѣтъ, душа моя! Твой Захаръ тебѣ преданъ, это правда,—но онъ такой непрезентабельный, такой замарашка... Авениръ Васильевичъ совершенно правъ: представительность прежде всего... Швейцара надо будетъ также смѣнить, онъ такъ дряхлъ, что едва стоитъ на ногахъ.

Перелетовъ.— Я уже подумалъ объ этомъ. Баронесса Блакенбергъ уѣзжаетъ за границу, можно будетъ взять ея швейцара... Не безпокойтесь только, ваше превосходительство, я все сдѣлаю, все устрою... Лишь бы его превосходительство остались довольны.

Тѣстовъ (*съ добродушной улыбкой*).—Его превосходительство думаетъ, вы его разоряете.

Тѣстова (*убѣдительно*).—Душа моя, все будетъ сдѣлано экономически... насколько возможно, конечно...

Тѣстовъ.—Посмотримъ!

Перелетовъ.—Положитесь на меня, ваше превосходительство; могу ли я не постараться угодить вамъ.

Тѣстовъ.—Благодарю васъ; вы очень обязательны.

Тѣстова.—Ну, а что поваръ?

(*При словѣ „поваръ“ Тѣстовъ сжимаетъ губы и приподымаетъ испуганно брови.*)

Перелетовъ.—Пріискиваю, ваше превосходительство; у меня на виду превосходный поваръ графини Валдайской; я съ нимъ видѣлся, онъ согласенъ. Что-жъ касается обѣда, о которомъ вамъ угодно было со мной посовѣтоваться, я уже говорилъ съ Кюба; онъ готовъ на этотъ случай дать помощника главнаго шефа; на этотъ счетъ будьте покойны; я обдумалъ уже меню...

Тѣстова.—Какъ вы, право, любезны!... Меню съ вами?

Перелетовъ.—Нѣтъ, къ сожалѣнію; но я могу разсказать наизусть.

Тѣстовъ.—Не преждевременно ли все это?...

Тѣстова.—Нѣтъ, нѣтъ, гораздо лучше, когда все обдумано заблаговременно... Сегодня вторникъ,—ты звалъ въ субботу черезъ двѣ недѣли; ты знаешь, министръ свободенъ только по субботамъ. (*Перелетову*) Вы, помнится, упоминали какъ-то о раковомъ супѣ...

Перелетовъ.—Да, бискъ... но думалъ, думалъ и пришелъ къ другому заключенію: бискъ вообще рѣдко удается; вѣрнѣе супъ Кольберъ или «à la Menéhoult»,—первый во всякомъ случаѣ луч-

ше; также, вмѣсто омара и тюрбо, остановился, если позволите, на лососинѣ, только не той, которая ловится въ Ладогѣ, но которую доставляютъ съ устьевъ Невы: она, во-первыхъ, болѣе представительнаго вида, во-вторыхъ, несравненно тоньше вкусомъ.

Тѣстовъ (*пожимая плечами и простодушно улыбаясь*). — Откуда онъ все это знаетъ?... Откуда?...

Тѣстова (*восхищенно*).—Да, знатокъ, знатокъ всего утонченнаго!...

Перелетовъ.—Вы слишкомъ добры, ваше превосходительство...

Тѣстова (*съ живостью*).—Ну, а послѣ лососины?... Что это, я замѣчаю, вы все смотрите на часы?

Перелетовъ.—Извините, ваше превосходительство... Къ тремъ часамъ я долженъ поспѣть на Варшавскую желѣзную дорогу встрѣчать тещу адмирала Лукутина; надо будетъ еще захватить букетъ; отдѣлаюсь, поѣду отыскивать для васъ буфеты, присмотрюсь также къ обоямъ... Къ семи часамъ надо поспѣть на обѣдъ къ Радомскимъ; меню я также имъ составлялъ; у нихъ сегодня обѣдаетъ иностранный посолъ съ супругой, персидскій уполномоченный и еще кое-кто... всѣхъ не припомнишь.

Тѣстова (*мужу*).—Рвутъ на части! Какъ распространенъ! Какъ распространенъ!!

Тѣстовъ (*Перелетову*).—Жена говорила, вы обѣщали сдѣлать смѣту расходовъ.

Перелетовъ.—Непремѣнно...

Тѣстова (*перебивая и обращаясь къ мужу*). — Душенька, объ этомъ потомъ... Благодарю васъ, Авениръ Васильевичъ, благодарю за все... за все...

Перелетовъ (*вскакивая*). — Помилуйте, ваше превосходительство!... Я счастливъ, совершенно счастливъ, что могу...м...м...м...

Тѣстова.— Пойдемте, Авениръ Васильевичъ... Мы мѣшаемъ мужу; онъ очень занятъ...

(*Перелетовъ низко кланяется, жадно схватываетъ протянутую руку Тѣстова, готовясь прижать ее къ своему сердцу, но удерживается и спѣшитъ за г-жей Тѣстовой.*)

Тѣстовъ (*обращаясь въ ихъ сторону*).—Sophie, Софья Ивановна, посиди минутку; надо тебѣ сказать нѣсколько словъ...

(*Тѣстова возвращается и занимаетъ покинутое мѣсто.*)

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣстовъ и Тѣстова.

Тѣстовъ.—Все это, душенька, очень хорошо... Перелетовъ дѣйствительно очень обязателенъ и знатокъ... Меня одно озабочиваетъ: во что намъ обойдутся всѣ эти передѣлки, новая прислуга, поваръ и такъ далѣе?...

Тѣстова (*нѣсколько возбужденно*).—Ты меня удивляешь, Базиль! Мы всѣ, и не ты ли самъ, такъ нетерпѣливо ждали твоего назначенія? А теперь послушать, ты какъ будто недоволенъ, тревожишь себя какими-то расходами... Ты, конечно, самъ понимаешь, не можемъ мы жить, какъ прежде жили...

Тѣстовъ.—Чѣмъ же мы худо жили?

Тѣстова.—Я не говорю этого, но теперь, съ твоимъ новымъ назначеніемъ, вся наша обстановка по необходимости должна принять другой видъ. Къ намъ будутъ ѣздить министры, посланники, другіе сановники; мы должны принимать ихъ, давать обѣды,— не часто, но время отъ времени,—это обязательно... Ты самъ сколько разъ говорилъ: обѣды сближаютъ людей, умягчаютъ самыхъ злонамѣренныхъ... Наконецъ, еще разъ напоминаю: даны казенныя деньги; такъ и сказано: «на устройство», иначе сказать: на представительство. Этимъ ясно, кажется, выражена заботливость правительства; оно явно желаетъ, чтобы лица извѣстнаго званія жили соотвѣтственно ихъ положенію. Я думаю даже, скажу откровенно: имѣемъ ли мы даже право идти наперекоръ желаніямъ правительства.

Тѣстовъ.—Я и не протестую, я только хочу сказать: представительство представительствомъ, конечно, но все-таки...

Тѣстова.—Я угадываю твою мысль и вполнѣ ей сочувствую: удѣлить часть денегъ на приданое Машѣ; я ей, слава Богу, также не чужая; но воля твоя, не хочу я допустить, чтобы мы жили хуже Терентьевыхъ, Бурнаковыхъ, Алавердовыхъ,—словомъ, тѣхъ, кто занимаетъ такой же постъ, какъ мы теперь... (*Смягченно*) Прошу тебя, не волнуйся; ты знаешь, тебѣ это вредно. Предоставь мнѣ управиться; мнѣ также нѣтъ охоты зря бросать деньги, но что нужно, то нужно... я не мѣшаюсь въ твои бумаги, не мѣшайся въ мои домашнія дѣла.

Тѣстовъ.—Я ничего не говорю, я только...

Тѣстова.—Только волнуешься!... У тебя и безъ того столько заботъ... Прощай и прошу тебя, не волнуйся... (*Цѣлуетъ мужа въ лобъ и уходитъ. Тѣстовъ начинаетъ разбирать бумаги; изъ двери въ глубинѣ кабинета выходитъ Пономовъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣстовъ и Попоновъ.

Попоновъ.—Сейчасъ отъ твоего сына — милаго племянника; душка, нечего сказать! Сынъ твой, а умъ у него свой—дурацкій. (*Садится.*) Снова всячески убѣждалъ, говорилъ: поступивъ на службу, сдѣлавшись членомъ администраціи, сейчасъ же станешь считать себя умнѣй всѣхъ неслужащихъ, даже самъ будешь считать себя умнѣй, чѣмъ былъ наканунѣ; нѣтъ, уперся, какъ быкъ въ заборъ: нѣтъ, говоритъ, не хочу служить, и полно! Только плюнулъ... И кто только, какой шутъ втемяшилъ ему въ голову посвятить себя, какъ онъ говоритъ, сельскому хозяйству, разводить пчелъ, устраивать ферму, завести молочный скотъ и еще чортъ знаетъ что такое!... Удивляюсь сестрѣ, какъ она его не вразумитъ, не внушитъ, что въ теперешнемъ вашемъ положеніи нельзя этого допустить! Самъ суди: съ одной стороны, ты—государственный мужъ, сановникъ, съ другой—молочный скотъ!!... Если онъ не хочетъ этого понять, онъ самъ послѣ этого свинтусъ! Я прямо ему это въ глаза сказалъ!... Вотъ также засѣло ему въ башку: жениться на этой Зюзюкиной!... «Нѣтъ, братъ Павлуша, говорю, выбрось изъ головы эту требуховину; сначала опредѣлись, пристройся, благо отцу теперь все рука, все возможно».—«Нѣтъ, говоритъ, не надо мнѣ вашей службы, безъ нея устроюсь».—«Фу, чортъ!» говорю... Обругалъ и опять плюнулъ!

Тѣстовъ.—Да, сынъ этотъ—мое горе и также матери...

Попоновъ.—Что дѣлать, братъ, въ семьѣ не безъ урода, какъ говорится! Безъ нихъ горе, съ ними—вдвое... Вотъ еще недавно одинъ знакомый разсказывалъ: у него всего единственный сынъ; имѣлъ прекрасное мѣсто, надѣялись даже сдѣлать камеръ-юнкеромъ,—такъ нѣтъ, поди! До того пристрастился къ наукамъ, что сколько ни уговаривали, взялъ и вышелъ въ отставку... Вотъ также и съ твоимъ! А кто виноватъ?... Кого винить, коли не тебя и сестру?... Я и прежде говорилъ: держи въ струну! Охъ ужъ мнѣ эти паточныя: душенька, голубчикъ да милочка!... Въ наше время, бывало, чуть что: юнкеромъ на Кавказъ и баста! И люди были не чета теперешнимъ кислякамъ!...

Тѣстовъ.—Въ непостижимомъ упрямствѣ сына мы всѣмъ обязаны послѣднему его репетитору; ты его встрѣчалъ у насъ... Помнишь, онъ никогда тебѣ не нравился?...

Попоновъ.—Скверная такая рожа... рыжій.

Тѣстовъ.—Да. Въ послѣднее время онъ оказался совершеннымъ мерзавцемъ.

Попоновъ.—Скажи на милость, кто же теперь не мерзавецъ?

Тѣстовъ (*смѣясь*).—Благодарю покорно.

Попоновъ.—Не за что; это я такъ вообще... Ты знаешь, я вѣдь напрямикъ, чистоганомъ, на мѣдныя деньги, но за то не фальшивыя... Взялъ бы тогда этого мерзавца за шиворотъ, два добрыхъ киселя куда слѣдуетъ, да съ лѣстницы...

Тѣстовъ.—Я и отказалъ ему, но вдругъ нельзя было... Его рекомендовалъ намъ самъ министръ... Онъ доводился братомъ его управляющему... У меня тогда не было теперешняго положенія.

Попоновъ (*задумчиво*).—Понимается... (*Послѣ молчанія*) А я опять за старую пѣсенку... Какъ же, братъ, насчетъ сына той барыни?... Повторяю опять ея подлинныя,—чтобы не сказать: подлыя слова: выхлопочите у вашего свояка мѣсто моему Ѳедѣ,—и я опредѣлю вашего Сашу!...

Тѣстовъ.—Употреблю, конечно, всѣ способы... Сдѣлаю все, что будетъ возможно.

Попоновъ.—Эхъ, умерли вѣрно тѣ курицы, что несли золотыя яйца! Нѣтъ, ты скажи положительно... Онъ тебѣ также не чужой,—родной племянникъ! Нельзя же, братецъ, все политика да политика,—все для чужихъ; надо и для своихъ постараться.

Тѣстовъ (*съ утомленнымъ видомъ*).—Стараюсь.

Попоновъ.—Устроишь своихъ, успокоишь душу,—займись сколько угодно чужими,—никто тебя упрекать не станетъ. Повторяю, Василій, другъ мой сердечный, повторяю: пользуйся, когда валитъ счастье, хватай не только руками, но и ртомъ въ себя глотай; счастье идетъ,—смѣлѣй иди!...

Тѣстовъ.—Хорошо, еслибъ только свои... Но вотъ не угодно ли взглянуть... (*Указываетъ на пачку распечатанныхъ писемъ, прижатыхъ бронзовой моськой.*) Ихъ здѣсь счетомъ шестнадцать!

Попоновъ.—Что же это?

Тѣстовъ (*удрученно*).—Просьбы объ опредѣленіи къ мѣстамъ...

Попоновъ.—Ахъ животъ прахомъ возьми!... А въ каминъ развѣ нельзя?

Тѣстовъ.—Рѣшилъ, нечего сказать!... Исполнить всѣ просьбы, конечно, невозможно... И мѣстъ столькихъ нѣтъ... У меня всего двѣ вакансіи.

Попоновъ.—Такъ удѣли инѣ одну.

Тѣстовъ.—И радъ бы, но невозможно.

Попоновъ.—Бей своихъ, значитъ,—чужіе будутъ ласковѣй...

Тѣстовъ.—Ты опять свое... Ты не вникнулъ: существуютъ положенія, когда обязательно надо держать въ запасѣ подъ сукномъ нѣсколько вакансій; кто знаетъ: можетъ явиться экстренный, непредвидѣнный случай...

Попоновъ.—Теексъ... Понимаю... Стало быть они тебѣ дороже, чѣмъ свои?

Тѣстовъ.—Не дороже, но опаснѣе...

Попоновъ.—Барыня моя, ты знаешь, изъ такихъ!

Тѣстовъ.—Знаю и постараюсь все сдѣлать... Дай только время...

Попоновъ (*смягчаясь*).—Мнѣ, понимаешь, чортъ съ ней, съ этой барыней и ея сыномъ; мнѣ, главнымъ образомъ, мой Сашурка, своя кровь приступаетъ! Мной хоть полы мой, угоди только... Ну, да ладно, подождемъ! Богъ терпѣлъ, да и намъ велѣлъ! Пока прощай; у меня также дѣло! (*Уходитъ.*)

(Тѣстовъ наклоняется къ столу; въ дверяхъ прихожей показываются два курьера,—старшій и младшій; послѣдній съ трудомъ поддерживаетъ кипу бумагъ въ синей оберткѣ.)

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣстовъ.—Два курьера.

Тѣстовъ (*нетерпѣливо младшему курьеру, указывая на свободный край стола*).—Сюда... (*Старшему курьеру.*) Это что?

Курьеръ.—Три карточки, ваше превосходительство.

Тѣстовъ (*взявъ карточки, читаетъ въ полголоса*): — «Василій Ильичъ Прялкинъ», «Аглая Николаевна Панихидина», «Денисъ Карпычъ Мамаевъ»...(*Обращаясь къ курьеру*). Они здѣсь?

Курьеръ.—Здѣсь, ваше превосходительсто; желаютъ васъ видѣть...

Тѣстовъ.—Скажи: очень извиняюсь, принять не могу... Скажи швейцару, чтобы никого,—слышишь—никого бы сегодня не принималъ... Ступайте!

(Курьеры уходятъ; но едва они скрываются, какъ изъ противоположной двери появляется Тѣстова.)

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣстовъ.—Тѣстова.

Тѣстова (*у нея въ рукахъ переплетенная тетрадь съ образцами тканей*).—Извини, душенька, я отрываю тебя отъ серьезныхъ дѣлъ... Но я только на одну минуту... Мнѣ необходимо съ тобой

посовѣтоваться; хотя ты предоставилъ мнѣ устройство квартиры, но я ничего не хочу дѣлать безъ твоего совѣта... Сейчасъ отъ Коровина принесли образцы кретона для гостиной; вотъ они...

Тѣстовъ (*тоскливымъ, ослабѣвшимъ голосомъ*). — Душенька, я ужасно усталъ... Дай мнѣ отдохнуть... Я чувствую, у меня начинается переутомленіе.

(Тѣстова поспѣшно цѣлуетъ его въ темя, креститъ и удаляется, стараясь какъ можно меньше дѣлать шума. Тѣстовъ усаживается въ глубину кресла, склоняетъ голову къ лѣвому плечу и засыпаетъ.)

СЦЕНА II.

Гостиная г-жи Тѣстовой въ казенномъ домѣ. Стѣны обиты свѣжимъ кретономъ въ японскомъ вкусѣ; въ углу бананъ въ горшкѣ, задрапированномъ восточной тканью; впереди диванъ, столъ покрытый плюшемъ; вокругъ стулья, мягкая мебель; на полу новый коверъ. Въ углахъ и на этажеркахъ цвѣты, зелень и множество бездѣлушекъ краснваго вида, но не имѣющихъ никакой художественной цѣнности. У окна письменное бюро съ откинутой доской, покрытой письменными принадлежностями; между ними конверты и почтовая бумага съ вытѣсненнымъ золотомъ вычурнымъ шифромъ; въ серединѣ плюшевый бюваръ съ такимъ же вензелемъ. На всемъ печать новизны и сильно обоняется запахъ пачули.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Дѣйствующія лица:

Г-жа Тѣстова и ея замужняя дочь Ольга Васильевна Адашева. (Двадцать два года; хорошенькая блондинка; добродушно-наивная до простоты; въ семьѣ ее зовутъ «цыпочкой», въ кругу знакомыхъ курочкой».)

Тѣстова.—Вѣрю, Оленька, что ты любишь отца,—грѣхъ было бы не любить его,—но ты къ нему несправедлива.

Адашева.—Какъ же, мамочка, мы всѣмъ нашимъ знакомымъ разсказали, что ѣдемъ на Кавказъ! Кокоша купилъ даже руководителя и заказалъ себѣ новый чемоданъ... И все это надо теперь бросить... Всѣ надъ нами будутъ смѣяться... (*Плаксиво*). И все это изъ-за гадкой, скверной, старой Каменецъ-Подольской... Развѣ это не досадно?...

Тѣстова (*успокоительно*).—Ты, душенька, преувеличиваешь...

Адашева.—Ты, мамочка, сама ее ненавидишь... Ты говорила: она всюду бранитъ папочку.

Тѣстова (*съ достоинствомъ*).—Папочка слишкомъ высоко поставленъ,—у него притомъ слишкомъ возвышенныя чувства, что-

бы обращать на это вниманіе... Наконецъ, дѣло не въ Каменецъ-Подольской, а въ опредѣленіи нашего Володи въ канцелярію князя Шатилова, съ которымъ она близко знакома; она взялась это устроить, какъ только папочка устроитъ на Кавказѣ ея племянника.

Адашева.—А развѣ нельзя такъ, чтобъ и гадкаго этого племянника и насъ отправить на Кавказъ?... Конечно, только не вмѣстѣ.

Тѣстова.—Пойми же, другъ мой, папочкѣ неловко постоянно хлопотать за своихъ... Онъ и безъ того такъ много для своихъ сдѣлалъ: всѣ почти опредѣлены къ мѣстамъ.

Адашева (*дѣтски-ворчливо*).—Всѣ, всѣ, кромѣ насъ!... Мы послѣдніе!... Я думала, папочка можетъ теперь все сдѣлать, все, что только захочетъ!

Тѣстова.—Ты, право, разсуждаешь по-прежнему,—какъ дитя, а не какъ замужняя женщина! Еслибъ папочка могъ дѣлать все, что захочетъ, вы не только были бы на Кавказѣ, но Кокоша былъ бы вице-губернаторомъ, можетъ быть даже губернаторомъ.

Адашева.—Ахъ, какъ это было бы хорошо! (*Плаксиво*) Какая досада, что папочка не можетъ этого сдѣлать!...

Тѣстова (*конфиденціально*).—Пока что, папочка,—я знаю,—хлопочетъ пристроить твоего Кокошу въ какое-нибудь консульство... также на югъ, разумѣется. Это можетъ быть получше будетъ Кавказа! Папочка говоритъ, когда консулъ на виду, хорошо служитъ и у него есть протекція,—его дѣлаютъ иногда посланникомъ.

Адашева (*восторженно*).—Посланникомъ! Кокоша будетъ посланникомъ! Я буду посланницей!...

Тѣстова.—Какой еще ты, право, ребенокъ! Ну, можно ли такъ? Такія дѣла не вдругъ дѣлаются—даже съ протекціей; необходимо извѣстное время... Ты, кажется, куда-то собиралась ѣхать?

Адашева.—Да, мнѣ надо къ m-me Bastien; я заказала ей новую шляпку; позволь взять твою карету?

Тѣстова.—Нельзя, душечка; ее вчера отвезли чинить: что-то такое испортилось.

Адашева.—Какая досада! Дѣлать нечего, возьму извозчика.

Тѣстова.—Что ты, что ты! Въ теперешнемъ положеніи папы это невозможно. Тебя могутъ встрѣтить... Возьми папину карету. Папа никуда сегодня не поѣдетъ. (*Звонитъ.*)

(Входитъ лакей высокаго роста во фракѣ, бѣломъ галстукѣ и съ отвислыми бакенбардами.)

Тѣстова.—Скажите, чтобы сейчасъ же заложили карету генерала.

Лакей.—Слушаю-съ!... (*Почтительно наклоняясь*) Господинъ Перелетовъ желаютъ васъ видѣть.

Тѣстова (*оживленно*).—Проси!

(*Лакей уходитъ.*)

Адашева.—Прощай. Пока пойду переодѣнусь.

(*Цѣлуетъ мать и уходитъ въ боковую дверь. Перелетовъ показывается изъ другой двери).*

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Г-жа Тѣстова.—Перелетовъ.

Тѣстова.—Здравствуйте, Авениръ Васильевичъ... (*Протягиваетъ руку, которую Перелетовъ жадно схватываетъ, соблюдая почтительность.*)Садитесь. Ну, что, открыли что-нибудь?

Перелетовъ.—Достаточно было пожелать вашему превосходительству, чтобъ я...

Тѣстова.—Опять «ваше превосходительство»! Я уже сказала вамъ: зовите меня просто Марья Ивановна!

Перелетовъ (*убѣдительно*).—Нѣтъ, ужъ позвольте попрежнему...

Тѣстова.—Ну, какъ хотите. Что-жъ вы открыли?

Перелетовъ.—Такой ужасъ, такую нищету... Простите меня великодушно, но особы вашего высокаго положенія,— словомъ, того аристократическаго круга, къ которому вы принадлежите,— не могутъ себѣ вообразить такого ужаса человѣческаго паденія...

Тѣстова (*краснѣя отъ напора сдержаннаго удовольствія*).—Это правда. Мы слишкомъ часто забываемъ нашу меньшую братію.

Перелетовъ.—О, еслибъ всѣ такъ думали!

Тѣстова.—Что же вы открыли?

Перелетовъ.—Представьте себѣ темный, грязный, сырой уголъ и, притомъ, въ подвалѣ, который снимаетъ какая-то матросиха. Въ этомъ углу помѣщаются три древнія старушки... На плечахъ одни лохмотья, живутъ подаяніемъ... Часто цѣлый день куска хлѣба во рту не бываетъ.

Тѣстова.—Ахъ, бѣдныя! Гдѣ вы ихъ отыскали?

Перелетовъ.—Почти за Екатерингофомъ, у старыхъ тріумфальныхъ воротъ по Московскому шоссе.

Тѣстова (*перебивая*).—Этимъ несчастнымъ старухамъ надо непремѣнно помочь.

Перелетовъ.—Я уже распорядился, ваше превосходительство, и отъ вашего имени послалъ имъ булокъ, колбасы и пачку нюхательнаго табаку... онѣ это очень любятъ.

Тѣстова.—Благодарю васъ; какой вы, право, добрый!

Перелетовъ.—Отъ вашего имени, ваше превосходительство. Рядомъ, въ другой части подвала, помѣщается цѣлая артель трубочистовъ; они не были бы въ такой нуждѣ, но, къ сожалѣнію, пропиваютъ весь свой заработокъ... Они такъ грязны, что въ первую минуту я думалъ,—попалъ къ неграмъ... Я также распорядился и послалъ имъ три фунта мыла.

Тѣстова.—Прекрасно сдѣлали! Но все это только временныя мѣры. Нашлись вы,— случайно добрый человѣкъ,— и помогли; завтра эти бѣдняки останутся опять безъ помощи!

Перелетовъ.—Совершенно справедливо, ваше превосходительство. Въ этихъ случаяхъ дѣйствительную пользу можетъ оказать только коллективное содѣйствіе,—напримѣръ, общество подъ покровительствомъ вліятельнаго лица... Еслибъ, напримѣръ, вамъ угодно было принять на себя...

Тѣстова.—Я объ этомъ уже думала... Одно меня останавливаетъ: у насъ уже столько такихъ обществъ. Я слышала, въ одномъ прошломъ мѣсяцѣ образовалось два новыхъ общества.

Перелетовъ.—Извините, цѣлыхъ четыре: «общество внушенія осторожности кровельщикамъ и штукатурамъ», придуманное г-жею Каменецъ-Подольской; «общество для устройства юбилеевъ заслуженнымъ лицамъ»; «общество для содѣйствія къ обогащенію россійской промышленности посредствомъ разведенія корюшки, долженствующей замѣнить ввозъ иностранной сардинки». Здѣсь, впрочемъ, больше преслѣдуютъ экономическую и патріотическую цѣль... И, наконецъ, «общество распространенія кротости, смиренія и нравственныхъ правилъ между ломовыми извозчиками», подъ покровительствомъ г-жи Каменецъ-Подольской...

Тѣстова.—Какъ, опять Каменецъ-Подольская?

Перелетовъ.—И здѣсь, и всюду, ваше превосходительство! Остается непонятнымъ, какъ у нея достаетъ время. Еще удивительнѣе, что всѣ стараются угодить ей, несмотря на то, что она всѣхъ коститъ и всѣмъ давно надоѣла своей назойливостью. Но смѣю увѣрить васъ, распространеніе этихъ новыхъ обществъ напрасно васъ безпокоитъ; общество обществу рознь; ваша цѣль— милосердіе, помощь несчастнымъ. И, наконецъ, какъ я уже имѣлъ честь объяснить вамъ, все зависитъ отъ лица, которое стоитъ во главѣ. Скажу прямо, какъ это въ моихъ правилахъ, еслибъ вамъ угодно было взять иниціативу, еслибъ это стало извѣстно въ городѣ, всѣ откликнулись бы съ восторгомъ! Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія! Надо только придумать обществу названіе, которое не было бы похоже на другія... Это очень важно!

Тѣстова.—Какъ бы вы думали? Вы всегда такъ находчивы.

Перелетовъ.—Вдругъ, ваше превосходительство, очень трудно... Впрочемъ, можно бы такъ: «общество добраго самарянина»... Вамъ какъ будто не нравится?

Тѣстова.—Не совсѣмъ...

Перелетовъ.—Не угодно ли будетъ тогда такъ: «общество многострадальнаго Іова»?

Тѣстова.—Отчего вы все берете библейскія названія?

Перелетовъ.—Ближе какъ-то къ сердцу располагаетъ, ваше превосходительство... Впрочемъ, можно будетъ такъ: «общество укрѣпи духовныя и тѣлесныя силы», или опять: «облегчи мое сердце»... или еще: «съ міру по ниткѣ—голому рубашка»...

Тѣстова.—Ахъ, вотъ это послѣднее прекрасно! Именно: съ міру по ниткѣ... Нельзя ли только вмѣсто «голому»,—голый какъ-то рѣзко,—сказать: «неимущему»?

Перелетовъ.—Превосходно. Мысль остается та же, выражена только деликатнѣе.

Тѣстова.—Очень, очень вамъ благодарна!... Вы, право, такъ обязательны, Авениръ Васильевичъ.

Перелетовъ.—Помилуйте, ваше превосходительство, я совершенно счастливъ, что могу... м... м... м...

(Входитъ лакей.)

Лакей.—Г-жа Каменецъ-Подольская!

Тѣстова.—Проси! (*Лакей уходитъ*) Какъ не кстати! И что ей нужно! Куда же вы, Авениръ Васильевичъ?

Перелетовъ (*вставая и раскланиваясь*).—Его превосходительство поручилъ мнѣ съѣздить въ морское министерство узнать, въ какой именно день и часъ назначенъ спускъ новаго фрегата. Его превосходительство обязательно должны присутствовать.

Тѣстова.—Въ такомъ случаѣ я васъ не удерживаю... Прощайте! Еще разъ, очень, очень вамъ благодарна!... (*Перелетовъ благоговѣйно подноситъ протянутую руку къ губамъ и уходитъ.*)

(*Г-жа Тѣстова, заслышавъ шаги гостьи, идетъ ей на-встрѣчу.*)

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Г-жа Тѣстова, Каменецъ-Подольская.

Каменецъ-Подольская.—Bonjour, chère Марья Ивановна! Поздравляю съ новосельемъ!... Вамъ передали мою карточку? Я уже у васъ была, но, къ сожалѣнію, не застала дома... (*Садится*) Я сейчасъ встрѣтила у васъ въ дверяхъ Перелетова, онъ кажется служитъ у вашего мужа?...

Тестова.—Да, секретарь.

Каменецъ-Подольская (*язвительно*).—Qui, pour tout faire...

Тестова (*обиженнымъ тономъ*).—Онъ очень обязательный человѣкъ.

Каменецъ-Подольская.—Еще бы! На всѣ руки! Онъ былъ такимъ же у вашего предшественника... Я его давно знаю по разнымъ благотворительнымъ обществамъ... (*Осматриваясь кругомъ*) Вы очень мило устроились... Très joli, très joli.

Тестова (*холодно*).—Вы находите?

Каменецъ-Подольская.—Нахожу и вѣроятно не я одна... Съ большимъ вкусомъ выбрали вы кретонъ... Теперь, впрочемъ, во всемъ доминируетъ японскій вкусъ... Эти fleurs de pêcher, бананы, бабочки... очень, очень мило... я также люблю кретонъ... Съ нимъ одна только бѣда,—скоро выгараетъ! Особенно эти голубые и пунцовые цвѣта; годъ, другой—остается почти одно тряпье... Ну, что, довольны помѣщеніемъ?

Тестова (*съ примѣтной холодностью*).—Да, кое-какъ устроились.

Каменецъ-Подольская.—Зачѣмъ же кое-какъ? Вѣроятно, превосходно! Эти казенные дома — прелесть, высокіе потолки, паркетъ, всегда на прекрасной улицѣ и никакихъ хлопотъ,— все готово!

Тестова.—Ну, все не все.

Каменецъ-Подольская.—Какъ же не все: вода, освѣщеніе, полотеры, трубочисты, дрова, никакихъ квартирныхъ повинностей, никакой работы! Стоитъ позвать смотрителя и приказать... Живешь, какъ у Христа за пазушкой... (*Послѣ паузы*) А я къ вамъ съ просьбой, chère Марья Ивановна... Даже съ двумя просьбами... Я основала новое общество.

Тестова.—«Общество внушенія осторожности кровельщикамъ» и...

Каменецъ-Подольская.—Какъ, вы уже знаете?... Кто вамъ сказалъ?

Тестова.—Многіе говорили... Я слышала, васъ также выбрали предсѣдателемъ въ другомъ обществѣ.

Каменецъ-Подольская.—И это вы знаете?... Да, такъ я пріѣхала просить васъ быть членомъ въ обоихъ обществахъ.

Тестова.—Къ истинному моему сожалѣнію, не могу.

Каменецъ-Подольская.—Это почему?

Тестова.—Я основала свое общество.

Каменецъ-Подольская (*язвительно*).—Position oblige.

Тѣстова.—Совсѣмъ нѣтъ, мнѣ давно хочется сдѣлать что-нибудь въ пользу бѣдныхъ.

Каменецъ-Подольская.—Прекрасно, устраивайте... въ добрый часъ! Вторая моя просьба вотъ въ чемъ: вашъ мужъ просилъ меня похлопотать у моего пріятеля князя Шатилова опредѣлить вашего второго сына... Я, съ своей стороны, просила вашего мужа пристроить моего племянника на Кавказъ. Онъ обѣщалъ, но онъ говоритъ—встрѣчаются какія-то препятствія... Въ Петербургѣ всегда такъ... это преимущественно городъ препятствій... Такъ вотъ я и пріѣхала попросить васъ повліять на вашего милаго мужа... Мы, женщины, когда захотимъ... femme veut... вы знаете.

Тѣстова.—Очень сожалѣю, но и этого не могу исполнить.

Каменецъ-Подольская.—Это почему?

Тѣстова.—Мужъ запретилъ мнѣ мѣшаться въ его дѣла, онъ не допускаетъ чужого вліянія, даже жены.

Каменецъ-Подольская.—Съ которыхъ это поръ?

Тѣстова (*едва сдерживая досаду*).—Всегда такъ было.

(*Изъ боковой двери выходитъ г-жа Адашева, на ней новая шляпка.*)

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Г-жа Тѣстова, г-жа Каменецъ-Подольская, г-жа Адашева.

Каменецъ-Подольская.—Здравствуйте... toujour belle et elégante... Шляпка прелесть!... Un bijou... Гдѣ вы купили?

Адашева.—У Madame Bastien, только что привезли изъ Парижа, она говоритъ, что это послѣдняя création.

Каменецъ-Подольская.—Милая моя, и вы этому повѣрили! Не далѣе, какъ вчера, моя кузина Журынская купила у той же Bastien шляпку совершенно другого фасона. У васъ вездѣ цвѣты, на той кружева и банты. Она также увѣряла, что это послѣдняя création! У нихъ ужъ такое правило: за что ни возьмись, все dernière création.

(*Входитъ лакей.*)

Лакей (*обращаясь къ г-жѣ Тѣстовой*).—Ваше превосходительство, его превосходительство просятъ васъ пожаловать.

Тѣстова (*лакею*).—Его превосходительство знаетъ, что у меня гости?

Лакей.—Знаютъ. Просили пожаловать всего на одну минуту.

Тѣстова.—Скажи, сейчасъ. (*Лакей уходитъ. Обращаясь къ г-жѣ Каменецъ-Подольской*) Vous permettez? Я оставляю вамъ дочь.

Каменецъ-Подольская.—Пожалуйста. (*Г-жа Тѣстова уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Г-жа Каменецъ-Подольская. Г-жа Адашева.

Каменецъ-Подольская.—Не находите ли вы нѣсколько страннымъ: вашъ отецъ знаетъ, что у жены гости и проситъ ее къ себѣ. Могъ бы, кажется, самъ прійти.

Адашева.—Папа очень занятъ.

Каменецъ-Подольская.—Всего на какую-нибудь минуту. Отъ этого Россія не пострадала бы.

Адашева.—Вѣроятно, иначе нельзя было сдѣлать.

Каменецъ-Подольская.—Я замѣтила, сегодня и мамаша ваша какая-то особенно странная. Точно съ лѣвой ноги встала. Еле-еле удостоиваетъ отвѣта. Вы сами,—я васъ не узнаю: обыкновенно такая милая, любезная... сегодня какая-то chaudfroid. Точно мамаша ваша.

Адашева (*наивно*).—Мама на васъ очень сердится.

Каменецъ-Подольская. — На меня? Боже мой, что же я сдѣлала?

Адашева.—И я также.

Каменецъ-Подольская. — И вы также? Господи помилуй, за что же?

Адашева (*съ дѣтскимъ простодушіемъ*). — Вы всѣмъ разсказываете, что папа глупый человѣкъ!

Каменецъ-Подольская (*быстро приподнимаясь*). — Я разсказываю? Кто вамъ сказалъ?

Адашева.—Многіе.

Каменецъ-Подольская (*суетливо обдергивая мантилью*).—Многіе! Не думала я, чтобы вы и ваша маменька вѣрили всякимъ сплетнямъ... я бы сама объяснилась съ вашей матерью,—къ сожалѣнію, мнѣ надо спѣшить. Я и то уже опоздала! До свиданія, ma toute belle,—до свиданія!

(Въ ту минуту, какъ г-жа Адашева провожаетъ гостью, изъ противоположной двери выходитъ г-жа Тѣстова.)

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣстова и Адашева.

Тѣстова.—Гдѣ же г-жа Каменецъ-Подольская?

Адашева.—Только что вышла. Она ужасно разсердилась.

Тѣстова.—Очень глупо! Папа никакъ не могъ оторваться отъ дѣла. Зная, что у меня Каменецъ-Подольская, онъ позвалъ меня на минуту съ тѣмъ, чтобы просить быть съ нею какъ можно лю-

безнѣе. Къ сожалѣнію, я пренебрегла этимъ,—очень ужъ была на нее зла! Послѣ завтрака тотчасъ же поѣду къ ней отдать визитъ.

Адашева.—Но, мамочка, она совсѣмъ не за это разсердилась.

Тѣстова.—За что же?

Адашева.—Я прямо ей сказала, что она называетъ папу глупымъ!

Тѣстова (*пораженная, падаетъ въ кресло*).—Ты ей это сказала?

Адашева (*простодушно*).—Да, прямо въ глаза.

Тѣстова (*захлебываясь отъ волненія*). — Господи! Когда же ты перестанешь дѣлать глупости!... Пора бы кажется...

Адашева (*плаксиво*).—Я, мамочка...

Тѣстова (*внѣ себя*).—Ну, что, мамочка! Заплачь еще. Не даромъ звали мы тебя въ дѣтствѣ «цыпкой»! Курица была,—курицей и осталась! J'entend quelqu'un... On vient...

Лакей (*входя*).—Кушанье подано.

Тѣстова. — Сейчасъ. (*Лакей уходитъ.*) Allons, séchez vos larmes. Papa nous attend. Ему ни слова объ этомъ. Это его огорчитъ! Слышишь?—ни слова!

(*Уходятъ.*)

СЦЕНА III.

Кабинетъ начальника отдѣленія Бурнакова. — Большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, уставленный съ обоихъ концовъ кипами бумагъ; въ серединѣ чернильница и письменныя принадлежности. Дальній уголъ заставленъ ширмами. На стѣнѣ карта Россіи, крытая лакомъ. Стулья изъ краснаго дерева, крытыя кожей, мѣстами сильно потертой.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Бурнаковъ и Филоксеровъ.

(Бурнаковъ, тощій человѣкъ въ золотыхъ очкахъ, прикрывающихъ больные, близорукіе глаза водянистаго цвѣта. Черты лица отражаютъ признаки крайней усталости и недовольнаго состоянія духа. Близокъ къ чахоткѣ; носъ совсѣмъ почти высохъ. Сидитъ за столомъ пригнувшись почти лицомъ къ бумагамъ и засасывается папироской, нервно перелистывая листы указательнымъ пальцемъ, желтымъ какъ янтарь отъ чрезмѣрнаго куренія. Неожиданно входитъ Филоксеровъ. Открытая, беззаботная физіономія; все въ ней кругло: щеки, ротъ, носъ, глаза; лѣвый глазъ постоянно лукаво прищуриваетоя.)

Филоксеровъ (*протягивая руку*).—Поздравляю!

Бурнаковъ (*отвѣчая вялымъ пожатіемъ*).—Съ чѣмъ?

Филоксеровъ.—Сейчасъ узналъ въ канцеляріи: тебя представляютъ къ слѣдующему чину.

Бурнаковъ. — Первый разъ слышу... (*Брюзливо*). Впрочемъ, меня мало это интересуетъ... Даютъ хорошо, но шагу не сдѣлаю для этого.

Филоксеровъ (*недовѣрчиво, но стараясь умаслить*). —Чинъ само собою слѣдуетъ тебѣ по порядку: мнѣ кажется, однако-жъ,—и не мнѣ одному,—помимо чина могли бы тебѣ дать еще что-нибудь.

Бурнаковъ (*нетерпѣливо*).—Крестъ, что ли?

Филоксеровъ.—Конечно, если разсудить по справедливости.

Бурнаковъ (*съ усмѣшкою*). — По справедливости! (*Иронически*). По справедливости мнѣ только въ прошломъ году дали Станислава... (*Внезапно раздражаясь.*) Получи я его, какъ требовала справедливость, четыре года тому назадъ, я былъ бы теперь при Аннѣ... Вотъ тебѣ и справедливость!...

Филоксеровъ.—Да... конечно... Меня вотъ уже три года какъ обходятъ... (*Какъ бы спохватившись.*) Скажи, пожалуйста, зачѣмъ, за какимъ чортомъ въ отдѣленіе къ тебѣ всѣхъ насъ звалъ сегодня Перелетовъ?

Бурнаковъ.—Ничего не объяснялъ; сказалъ только: какое-то важное сообщеніе... Вѣроятно новая какая-нибудь штука... Что другое, на это онъ мастеръ!

Филоксеровъ (*смотря на часы*).—Назначилъ въ два часа; теперь два безъ семи... Тамъ я видѣлъ всѣ уже почти собрались... Его только недостаетъ!

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Бурнаковъ, Филоксеровъ. *Одинъ за другимъ входятъ*: Хопровъ, Худосокинъ, Пейпусовъ, Солодковъ, Тетюшинъ, Дятловъ, Гаденбургъ, Руевичъ, Дроздовъ, Памфилоновъ *и еще многіе другіе. При входѣ всѣ здороваются съ присутствующими; кто садится, кто подходитъ къ окну; почти тотчасъ же закуриваютъ папироски.*

Пейпусовъ (*маленькаго роста, но бойкій человѣкъ*).—Господа, что случилось? Зачѣмъ Перелетовъ просилъ насъ здѣсь собраться?... Ба, легокъ на поминѣ!... Да, вотъ онъ и самъ, виновникъ сего торжества!... (*Входитъ Перелетовъ: любезенъ, привѣтливъ, очарователенъ, всѣмъ горячо жметъ руку.*)

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Перелетовъ и присутствующіе.

Перелетовъ (*обращаясь къ Бурнакову*).—Позволь, Андрей Андреевичъ?

БУРНАКОВЪ (*киваетъ только головой и садится на свое мѣсто.*)

ПЕРЕЛЕТОВЪ (*суетливо усаживаясь и приглашая остальныхъ сѣсть*).—Господа, я пригласилъ васъ сюда съ намѣреніемъ, чтобы передать вамъ...

ПЕЙПУСОВЪ.—Точно въ «Ревизорѣ»,—помните, когда городничій...

ПЕРЕЛЕТОВЪ (*досадливо*).—Ну, ужъ вы, Ардальонъ Ивановичъ, всегда найдете что-нибудь такое... (*Продолжая*) Господа! Благодаря любезности (*кивая на Бурнакова*) Андрея Андреевича, давшаго намъ возможность собраться въ его отдѣленіи,—я имѣю сообщить вамъ мысль, вѣрнѣе, сдѣлать предложеніе... (*Возвышая голосъ и стараясь придать ему нѣжность*). Господа! Седьмого числа наступающаго мѣсяца исполнится ровно, день въ день, тридцать семь лѣтъ вступленія на государственную службу нашего почтеннаго, многоуважаемаго его превосходительства Василія Васильевича Тѣстова! Не почтить ли намъ этотъ день?

ПЕЙПУСОВЪ.—Юбилеемъ!... Съ первыхъ словъ угадалъ, что этимъ кончится!

ФИЛОКСЕРОВЪ.—У меня сейчасъ мелькнула та же мысль. Странно даже.

ПЕЙПУСОВЪ. Странность не въ этомъ, а въ срокѣ... Тридцать семь лѣтъ! Почему же именно тридцать семь, а не сорокъ?

ПЕРЕЛЕТОВЪ (*съ явною досадой*).—Почему сорокъ, а не тридцать семь?

ФИЛОКСЕРОВЪ.—Я также не вижу причины, почему тридцать семь, а не сорокъ!

ПЕРЕЛЕТОВЪ.—А потому, господа, что три года разницы такая бездѣлица, о которой говорить не стоитъ... И, наконецъ, число лѣтъ тутъ не причемъ! Бывали не такіе примѣры; вспомните хотя Никанора Ѳедоровича Пухлова: его юбилей праздновали за десять лѣтъ службы, потомъ за пятнадцать, потомъ за двадцать и праздновали бы за двадцать пять, еслибъ онъ скоропостижно не скончался... Надѣюсь, вы не ставите его на одну доску съ нашимъ теперешнимъ начальникомъ...

(*Нѣсколько голосовъ: правда! правда!...*)

ПЕРЕЛЕТОВЪ (*ободренно и восхищенно*).—Еще бы, господа!...

ПЕЙПУСОВЪ.—Пусть будетъ такъ: гм! Что же вы предлагаете устроить?

ПЕРЕЛЕТОВЪ.—Предлагаю вамъ, господа, обѣдъ по подпискѣ!... (*Нѣкоторые изъ присутствующихъ отходятъ къ окну. Перелетовъ, какъ бы не замѣчая этого, живо подхватываетъ.*) — Изволите ли ви-

дѣть,—я уже приготовилъ на этотъ случай маленькій разсчетецъ!... (*Вынимаетъ изъ кармана сложенную бумажку.*) Насъ всего сорокъ одинъ человѣкъ; къ этому числу надо еще прибавить шесть лицъ: премьера, его супругу, ея брата и зятя и двухъ дочерей,—всего, слѣдовательно, будетъ сорокъ семь лицъ. Разсчитывая съ персоны,—исключая приглашенныхъ,—по десяти рублей,—выходитъ всего четыреста семьдесятъ рублей... (*Лица, отошедшія къ окну, приближаются; раздаются восклицанія: ого! ого!...*)

Перелетовъ (*почти скороговоркой и съ нѣжностью въ голосѣ*). — Здѣсь, конечно, не все, господа... Будутъ кое-какія детали... Согласитесь сами, господа, нельзя же, напримѣръ, не поднести букета супругѣ его превосходительства,—вѣжливость этого требуетъ... Букетъ и къ нему портъ-буке — скажемъ семьдесятъ пять рублей... Тоже букетъ, конечно, только меньше, — двумъ дочерямъ,—скажемъ по пятидесяти рублей... Затѣмъ меню; надо, чтобы былъ приличный; я закажу его знакомому художнику,— сто рублей. Потомъ... (*Раздаются гдѣ-то звуки, похожіе на стоны.*)

Пейпусовъ.—Какъ, развѣ еще что-нибудь?

Перелетовъ.—А музыка, господа, музыка!... Ужъ такъ вездѣ принято... Безъ этого немыслимо... (*Понижая голосъ и скороговоркой*) Я наводилъ справки... она обойдется въ триста рублей... Къ концу обѣда я также думалъ пригласить балалаечниковъ,—сто двадцать рублей... Всего расходу, слѣдовательно, тысяча сто шестьдесятъ пять рублей; раздѣливъ на сорокъ одного человѣка, выходитъ всего по двадцати восьми рублей съ человѣка... Какъ видите, не Богъ знаетъ что.

Пейпусовъ.—Для васъ, можетъ быть, но не для всѣхъ!

(*Голоса: правда! правда!*)

Дроздовъ (*маленькій человѣкъ геморроидальнаго вида, съ пушистыми рѣдкими волосами, наполовину какъ бы съѣденными молью*).—Мнѣ, напримѣръ, было бы очень трудно участвовать: получая всего шестьдесятъ два рубля въ мѣсяцъ, пришлось бы отдать почти половину.

Пейпусовъ (*выставляя другую чиновника Худосокина*). — А вотъ вамъ и другой!

Худосокинъ.—Мнѣ еще труднѣе; хотя жалованья у меня нѣсколько больше, но пятеро дѣтей и за двухъ старшихъ надо платить въ гимназію.

Перелетовъ (*убѣдительно*).—Вполнѣ понимаю и сочувствую, но поймите одно, господа, поймите: теряя съ одной стороны, вы выигрываете съ другой... Вы рѣдко видите начальника; онъ васъ совсѣмъ не знаетъ; вамъ придется цѣлыхъ три-четыре часа,—мо-

жетъ быть больше,—оставаться на его глазахъ!... Можно будетъ даже посадить васъ такимъ образомъ, чтобы на время обѣда вы были прямо передъ его глазами... Наконецъ, вы можете участвовать въ числѣ депутаціи, которая отправится съ приглашеніемъ къ юбилею.

Филоксеровъ (*хлопая слегка по плечу Перелетова*).—Дипломатъ, нечего сказать! И еще ораторъ въ придачу!

Перелетовъ.—Никакой тутъ нѣтъ дипломатіи! Предложеніе мое отъ чистаго сердца, изъ желанія общей пользы... Такое чествованіе, я увѣренъ, благопріятно отразится на всѣхъ впослѣдствіи... А впрочемъ, господа, какъ вамъ будетъ угодно... Никого здѣсь не приневоливаютъ... Считаю однакожъ долгомъ повторить тѣмъ, кого обременятъ расходы: то, что утрачивается съ одной стороны, вознаграждается сторицей съ другой... (*Обращаясь неожиданно къ Бурнакову*) Ты, Андрей Андреевичъ, что скажешь?

Бурнаковъ. — Много говорить не стану... Пожалуй... я согласенъ.

Перелетовъ (*съ живостью*).—Давайте листъ бумаги... Подпишись.

(*Бурнаковъ подписываетъ свое имя.*)

Пейпусовъ.—Хотя я и не совсѣмъ сочувствую: тридцать семь лѣтъ — это чортъ знаетъ что такое! Но коль скоро подписалъ Андрей Андреевичъ, давайте листъ, подпишусь и я...

(*Многіе подходятъ и подписываются. Неожиданно выступаетъ Памфилоновъ, человѣкъ мрачнаго вида съ взъерошенными волосами.*)

Памфилоновъ.— Что-жъ, пожалуй, и я также подпишусь... Только позвольте: зачѣмъ балалаечники!... на какого они чорта! Не лучше ли ихъ сократить!...

(*Голоса: правда! правда! Сократить балалаечниковъ!...*)

Перелетовъ (*одушевленно*). — Господа, господа, позвольте!... Дайте сказать... Экономіи будетъ всего на три рубля съ человѣка.

Памфилоновъ.—И три рубля деньги.

Перелетовъ.—Согласенъ, но послѣ обѣда чѣмъ займемъ мы дорогихъ гостей?... Балалайки внесутъ оживленіе... воскресятъ духъ!... Мы всѣ русскіе, слава Богу... Кто же изъ насъ не любитъ родную балалайку? Э, господа, оставимъ балалайки!...

(*Голоса: оставить, оставить балалайку! Въ это время присутствующіе, одинъ за другимъ, подходятъ и подписываются, и въ томъ числѣ Дроздовъ и Худосокинъ; послѣдній съ выраженіемъ лица какъ будто провожаетъ собственныя похороны.*)

Перелетовъ (*жадно слѣдившій за подписями и подставлявшій листъ каждому подходившему*).—Господа! вамъ предстоитъ теперь выбрать изъ среды вашей лицъ для депутаціи, которая должна будетъ отправиться съ приглашеніемъ къ премьеру и отдѣльно къ членамъ его семейства... Предложеніе, внушенное мнѣ единственнымъ желаніемъ пользы товарищамъ-сослуживцамъ, сдѣлано... Моя миссія кончена! (*Встаетъ.*) Сейчасъ же отправляюсь сдѣлать первыя распоряженія насчетъ обѣда и другихъ статей юбилея. Мѣшкать нечего; остается всего двѣ недѣли до срока... я ухожу... Прощайте, господа!!...

(*Общее пожатіе рукъ. Перелетовъ быстро удаляется. За дверью въ комнатѣ начальника отдѣленія Бурнакова внезапный взрывъ голосовъ, сопровождаемый бранью, нелестными эпитетами и часто упоминаемой фамиліей Перелетова.*)

СЦЕНА IV.

Кабинетъ Тѣстова.

Тѣстовъ, г-жа Тѣстова, *старшій ихъ сынъ* Павелъ. (*Двадцать три года. Умное, доброе лицо, подавленное выраженіемъ скуки.*)

Павелъ.—Въ результатѣ вы желаете, чтобъ я исполнилъ то, что противорѣчитъ моимъ наклонностямъ...

Тѣстова (*перебивая*).—Прекрасныя наклонности! Отказываться отъ службы въ то самое время, когда, благодаря отцу, тебѣ открывается блестящая карьера!

Павелъ.—Поймите же, маменька, карьера нисколько меня не прельщаетъ! Мнѣ кажется даже теперь менѣе, чѣмъ когда-нибудь, слѣдовало бы пользоваться положеніемъ папеньки...

Тѣстова (*досадливо*).—Не идеальничай, пожалуйста! Никто тебѣ не повѣритъ.

Павелъ.—Я совсѣмъ не для этого; я, наконецъ, рѣшительно не понимаю, почему кругъ человѣческой дѣятельности непремѣнно долженъ ограничиваться казенной службой... (*Обращаясь къ отцу*) Я повторяю почти ваши же слова... Вчера еще, когда я просилъ васъ дать мѣсто товарищу моему по университету, вы наотрѣзъ ему отказали; вы сами сказали ему, что для молодого человѣка со способностями служебная карьера самая неблагодарная... Вы совѣтовали ему искать мѣста гдѣ-нибудь въ частномъ учрежденіи... Меня же вы постоянно упрекаете въ томъ, что я стремлюсь къ тому же самому.

Тѣстовъ.—Я полагаю лишнимъ объяснять разницу между тобой и твоимъ товарищемъ.

Павелъ.—Не вижу никакой разницы: и онъ, и я — оба кандидаты...

Тѣстовъ.—Ему предстояло бы корпѣть двадцать лѣтъ до столоначальника, тогда какъ тебѣ открывается прекрасная карьера.

Павелъ.—Никогда не соглашусь воспользоваться такими преимуществами... Кромѣ того, повторяю вамъ: у меня совсѣмъ другія стремленія.

Тѣстова *(не переставая показывать знаки нетерпѣнія)*.—Да, зарыться въ деревню съ мужиками, пасти коровъ и, къ довершенію всего, жениться на Зюзюкиной...

Павелъ.—Мы давно любимъ другъ друга; вы это также очень хорошо знаете. Прежде вы не мѣшали.

Тѣстова *(начиная раздражаться)*. — Да, пока ея отецъ имѣлъ видное мѣсто и могъ съ своей стороны оказать тебѣ протекцію.

Павелъ.—Я никогда на это не разсчитывалъ. Въ ихъ настоящемъ положеніи они мнѣ еще симпатичнѣе.

Тѣстова.—Та, та, та! Оставь, пожалуйста, эти сантиментальности... Во всякомъ случаѣ, я не дамъ своего согласія!

Тѣстовъ *(съ замѣтнымъ колебаніемъ)*.—И я также.

Тѣстова *(съ возрастающей горячностью)*.—Одна эта фамилія Зюзюкиныхъ меня изъ себя выводитъ! Мой сынъ женатъ на Зюзюкиной... блестящая партія, нечего сказать! У тебя нѣтъ никакого самолюбія! Никакого чувства достоинства! Ты долженъ бы помнить, что твой прадѣдъ умеръ тайнымъ совѣтникомъ, твой дѣдъ былъ сенаторомъ... Есть, кажется, чѣмъ гордиться!

Павелъ *(спокойно)*.—Я вообще не считаю гордость похвальнымъ чувствомъ. Прадѣдъ и дѣдъ были, вѣроятно, весьма почтенные люди...

Тѣстовъ *(мягко-грустнымъ тономъ)*. — Не «вѣроятно», а навѣрное...

Павелъ.—Согласенъ, но все же и прадѣдъ, и дѣдъ не оставили своего имени въ исторіи отечества. Не выдвинулись въ числѣ великихъ дѣятелей, не были героями!

Тѣстова.—А отецъ? Ты забылъ отца?...

Тѣстовъ.—Марья Ивановна... Marie...

Павелъ.—Я считалъ бы обидой для отца, еслибъ я назвалъ его героемъ.

Тѣстова *(горячась)*.—Ни одинъ Тѣстовъ такъ не скажетъ! Каждый изъ насъ гордится твоимъ отцомъ; каждый гордится носить фамилію Тѣстовыхъ...

Павелъ.—Гордиться отцомъ—я еще понимаю... Но гордиться

фамиліей не вижу особенной причины... сколько извѣстно, нашъ родъ не отъ Рюрика... А хотя бы и отъ тѣхъ отдаленныхъ временъ,— давность ничего еще не доказываетъ.

Тѣстовъ (*огорченно*).—Какія мысли! Боже мой, какія у тебя мысли!

Павелъ.—Самыя обыкновенныя. Я хочу сказать только, что наша фамилія не принадлежитъ къ числу знаменитыхъ... Тѣстовыхъ великое множество, сколько угодно... Въ Москвѣ есть даже трактирщикъ Тѣстовъ.

Тѣстова (*вспыхивая*).—Что ты сказалъ? Тебѣ не довольно огорчать отца и мать, ты говоришь еще дерзости...

Тѣстовъ.—Да, Павелъ, ты насъ глубоко огорчаешь... И что у тебя за мысли! Что за мысли! Откуда ты набрался такихъ? Не ожидалъ я отъ тебя...

Курьеръ (*входя*).—Господинъ Перелетовъ!

Тѣстовъ и Тѣстова (*вмѣстѣ*).—Проси!

(*Павелъ, замѣтно возбужденный, быстро встаетъ и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣстовъ, Тѣстова, Перелетовъ.

Перелетовъ.—Простите великодушно, ваше превосходительство, если я осмѣлился войти безъ вашего приказанія... но я былъ нѣкоторымъ образомъ вынужденъ... Мнѣ поручено...

Тѣстовъ.—Случилось что-нибудь?

Перелетовъ.—Ничего не случилось, ваше превосходительство. Одно лишь деликатное порученіе.

Тѣстовъ.—Порученіе!...Какое порученіе?...Садитесь, пожалуйста... Въ чемъ дѣло?

Перелетовъ (*садясь*).—Изволите ли видѣть, ваше превосходительство, вчера, въ два часа, при входѣ въ департаментъ, засталъ я въ сборѣ всѣхъ нашихъ чиновниковъ... Зная милостивое ваше ко мнѣ вниманіе, всѣ меня окружили и въ одинъ голосъ просили передать вашему превосходительству общую ихъ просьбу...

Тѣстовъ.—Очень радъ, мой милый... Все, что могу,—конечно...

Перелетовъ.—Изволите ли видѣть, ваше превосходительство, узнавъ, что въ будущемъ мѣсяцѣ, седьмого числа, исполнится ровно тридцать семь лѣтъ вступленія вашего на государственную службу,—имъ пришла счастливая мысль... Они рѣшили от-

праздновать этотъ день юбилеемъ въ ознаменованіе такого событія...

Тѣстовъ (*откидываясь на спинку кресель*).—Юбилей!... Къ чему это?... Какъ могло имъ это прійти въ голову.

Перелетовъ.—Осмѣливаюсь сказать: голова была тутъ не при чемъ, ваше превосходительство!... Мысль эта вырвалась изъ сердца, зародилась въ чувствѣ глубочайшаго почитанія и признательности... Я былъ истинно тронутъ единодушіемъ, съ какимъ принято было такое предложеніе; восторгъ былъ на всѣхъ лицахъ... У многихъ,—я замѣтилъ,—были даже на глазахъ слезы... Меня окружили и просили передать вашему превосходительству ихъ задушевную просьбу—не отказать имъ...

Тѣстовъ.—Очень благодаренъ... очень... Такъ всѣмъ и передайте... Но... празднованіе юбилея не могу принять... Считаю это несвоевременнымъ и совершенно лишнимъ.

Перелетовъ (*вставая и какъ бы растроганный*).— Исполню желаніе вашего превосходительства, но осмѣлюсь сказать: отказъ вашъ будетъ для всѣхъ насъ жестокимъ ударомъ... произведетъ на всѣхъ удручающее впечатлѣніе... Мы лелѣяли эту мысль... Можно сказать: жили ею послѣдніе эти дни... И вдругъ, вдругъ такое огорченіе!... (*Неожиданно обращаясь къ г-жѣ Тѣстовой съ усиленнымъ трепетаніемъ въ голосѣ.*) Ваше превосходительство, пожалѣйте насъ! Вступитесь!... Здѣсь исключительно дѣло сердца... Желаніе выразить чувства высокаго почитанія и преданности!...

Тѣстова (*мужу*).—Я собственно не вижу особенной причины имъ отказывать... Я нахожу такія чувства похвальными... Они дѣлаютъ честь твоимъ подчиненнымъ.

Перелетовъ. — Еслибъ только видѣть съ какимъ единодушіемъ...

Тѣстовъ (*нерѣшительно.*)—Скажите, мой милый, въ чемъ же будетъ заключаться предполагаемое празднество?

Перелетовъ (*живо подхватывая*).—Въ обѣдѣ, ваше превосходительство!... Я уже и меню составилъ... Обѣдъ, на который всѣ, какъ одинъ человѣкъ, восторженно подписались... Собрана будетъ особая депутація изъ нашихъ сослуживцевъ; она явится просить васъ сдѣлать намъ высокую честь пожаловать вмѣстѣ съ вашимъ семействомъ. (*Умоляющихъ голосомъ*) Ваше превосходительство!...

Тѣстова.—Accordez leur ce plaisir!...

Тѣстовъ.—Мм... м... Хорошо; скажите имъ: благодарю и принимаю.

Перелетовъ (*съ чувствомъ*).—Отъ имени всѣхъ моихъ товарищей-сослуживцевъ, — благодарю васъ, ваше превосходительство!... Боже мой, съ какимъ восхищеніемъ встрѣтятъ они вашъ отвѣтъ... Они теперь всѣ въ сборѣ... только и ждутъ... Позвольте мнѣ, ваше превосходительство, удовлетворить ихъ нетерпѣнію.

Тѣстовъ.—Пожалуйста... Не забудьте только прежде всего поблагодарить.

Перелетовъ.—Сочту своимъ священнѣйшимъ долгомъ!

(*Раскланивается и быстро уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тѣстовъ.—Г-жа Тѣстова.

Тѣстова.—Какой, право, милый; и милый, и хорошій человѣкъ! Я почти увѣрена, онъ самъ все это придумалъ... Скрылъ только изъ скромности... Ты хорошо сдѣлалъ, что принялъ ихъ предложеніе; популярность никогда не мѣшаетъ; другіе ея добиваются, къ тебѣ она сама напрашивается... Я очень благодарна Перелетову; онъ истинно намъ преданъ. Надо будетъ непремѣнно что-нибудь для него сдѣлать!...

Тѣстовъ.—Я уже думалъ объ этомъ; къ Новому году назначу его членомъ совѣта.

Тѣстова.—Et les emoluments...

Тѣстовъ.—Прибавятъ къ жалованью лишнихъ двѣ тысячи.

Тѣстова.—Вотъ и прекрасно! Ахъ, да, чтобы не забыть: какъ бы такъ устроить, чтобы братъ Аѳанасій не былъ на нашемъ обѣдѣ. Не забудь: кромѣ разныхъ лицъ, будутъ два министра... Аѳанасій хотя мнѣ и братъ, но у меня всегда душа не на мѣстѣ, когда онъ у насъ при гостяхъ,—особенно при такихъ значительныхъ; у него недостаетъ такту; такое иногда скажетъ... Помнишь, тогда, при сенаторѣ Вальбѳрскомъ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, заговорилъ о политикѣ и началъ самымъ непристойнымъ образомъ ругать турокъ... Подумай, какимъ бы способомъ спастись отъ него на этомъ обѣдѣ...

Тѣстовъ (*задумчиво почесывая переносицу указательнымъ пальцемъ*).—Развѣ вотъ что: онъ хотя не на службѣ, но можно его будетъ послать какъ частное лицо въ качествѣ спеціалиста... Пошлю его на берегъ Крыма для разныхъ справокъ... Переговори съ нимъ.

Тѣстова.—Et les emoluments?

Тѣстовъ (*простодушно*).—Скажи, что немедленно будутъ выданы подъемныя деньги и также на дорогу. Можешь прибавить, что

въ концѣ порученія я ему выхлопочу маленькую почетную награду (*Указываетъ на обшлагъ вицъ-мундира*) Аѳанасій самолюбивъ, онъ навѣрное согласится.

Тѣстова.—Прекрасно придумалъ, вотъ тебѣ за это!

(*Цѣлуетъ его въ лобъ, но въ ту же секунду быстро отрывается при видѣ входящаго дежурнаго чиновника.*)

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣстовъ, г-жа Тѣстова, Дежурный чиновникъ.

Дежурный чиновникъ. — Ваше превосходительство изволили приказать сообщить вамъ, какъ только соберутся просители... Они собрались.

Тѣстовъ (*вставая*).—Хорошо, сейчасъ.

(*Чиновникъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣстовъ, г-жа Тѣстова.

Тѣстова (*поправляя мужу галстукъ*). — Бѣдный мой! Не даютъ тебѣ минуты покоя... Ты такъ утомленъ, это ужасно!... Одно развѣ утѣшительно: тебя оцѣнили!

Тѣстовъ.—Хорошо еслибъ всѣ, не только одни подчиненные.

Тѣстова. — И другіе оцѣнятъ, я увѣрена... Не утомляйся очень... Побереги себя.

Тѣстовъ (*вздыхая*).—Охо-хо, что же дѣлать, душа моя... Обязанность... Обязанность, долгъ прежде всего!

(*Оправляется, стараясь придать своему лицу озабоченное и вмѣстѣ съ тѣмъ возможно привѣтливое выраженіе.*)

Обѣ половины двери открываются изнутри въ залу двумя курьерами, въ глубинѣ выставляется рядъ просителей обоего пола, при видѣ выходящаго сановника, всѣ принимаютъ наклоненный видъ плакучихъ ивъ. Изъ глубины кабинета г-жа Тѣстова слѣдитъ за движеніями мужа съ выраженіемъ самодовольствія, смягченнаго оттѣнкомъ умиленія.

(*Занавѣсъ падаетъ.*)

Д. Григоровичъ.

ДИТЯ ЯГО.

Романъ Артура Моррисона.

I.

Лѣтняя ночь въ Старомъ Яго; поздно, за-полночь. Узкая улица казалась совсѣмъ черною отъ зловѣщаго неба, въ отдаленной части Шоредича былъ пожаръ и на небосклонѣ догорало адское мѣдно-красное зарево. Внизу горячій, свинцовый воздухъ ложился тяжестью на скорченныя фигуры людей, вышедшихъ спать на мостовую. И съ мостовой, и сквозь нее отъ гнилой земли, и чрезъ грязныя стѣны острая вонь проникала всюду и наполняла собою все,—это былъ обычный запахъ Яго.

Узкій проходъ, загороженный тумбами, отходитъ отъ Хай-Сперита Шоредича и упирается въ одинъ конецъ Стараго Яго. Отъ этого мѣста и до другого конца улицы, который теряется во мракѣ за Яго-Ро; отъ того мѣста, гдѣ улица Яго-Ро на югѣ выходитъ изъ Микинъ-Стрита и до того, гдѣ она на сѣверѣ упирается въ Хопей-Ленъ—лежитъ и гніетъ Яго, за сто лѣтъ самое мрачное мѣсто Лондона, а посреди Стараго Яго узкій тунель ведетъ въ Яго-Кортъ, самую мрачную дыру всего этого мѣста.

Четырехугольникъ въ сто пятьдесятъ ярдовъ и даже меньше—вотъ и весь Яго. Но на этомъ четырехугольникѣ кишѣли тысячи человѣческихъ жизней. Улица Стараго Яго, Средній Яго, Новый Яго тянулись параллельно съ востока на западъ; съ одной стороны Яго-Ро, съ другой—Эджъ-Ленъ были тоже параллельны и шли отъ сѣвера къ югу,—то были смрадныя улицы. Все что было слишкомъ низко для Кетъ-Стритъ, Севенъ-Дайльза и Ретклифъ-Хайвей въ самыя худшія времена, все что тамъ было безполезнаго, неспособнаго, развращеннаго,—все это копошилось въ Старомъ Яго.

Дух[illegible], темно было въ Старомъ Яго подъ краснымъ трепетав-

шимъ небомъ. Человѣческія фигуры скользили, точно большія крысы, быстро прошмыгивая по-одиночкѣ, одна за другой между тумбами въ узкій переулокъ на Хай-Стритѣ и пробирались къ Яго. Толпа около пожара рѣдѣла, полиціи было много и всѣ доступные карманы были уже обшарены. Движеніе скоро прекратилось, небо уже не сверкало, не загоралось и пылало ровнымъ угрюмымъ свѣтомъ. На мостовой нѣкоторые люди тяжело ворочались, старались заснуть; другіе, отчаявшись въ этой возможности, просто сидѣли, а нѣсколько человѣкъ разговаривало. Они были на мостовой не потому, что не имѣли дома, но въ такую погоду было больше вѣроятности заснуть на улицѣ, чѣмъ въ комнатѣ. Кое-гдѣ свѣтились окна; это было въ тѣхъ немногихъ квартирахъ, хозяева которыхъ все-таки остались дома. Надо сказать, что въ этихъ мѣстахъ никто никогда не спалъ безъ свѣта изъ-за насѣкомыхъ трехъ родовъ, которыхъ свѣтъ сдерживаетъ до нѣкоторой степени. Кто не одержимъ этимъ бѣдствіемъ и не желаетъ, чтобы даже упоминали о немъ въ его присутствіи, не можетъ представить себѣ, сколько страданій прибавляетъ оно къ здѣшнему существованію. И на тѣхъ, которые лежали скорчившись и вздыхали на мостовой, и на тѣхъ, которые сидѣли между ними, и на тѣхъ, которые съ проклятіями ворочались въ освѣщенныхъ комнатахъ, и на всякомъ движущемся существѣ здѣсь, въ Старомъ Яго, спящемъ и не спящемъ, денно и нощно непрестанно тяготѣла третья египетская казнь и даже хуже.

Духота становилась все невыносимѣе отъ краснаго неба. У темнаго входа въ Яго-Кортъ съ ругательствомъ приподнялся какой-то человѣкъ и сѣлъ, положивши голову на руки.

— О-о-хъ!—сказалъ онъ.—Хорошо бы теперь умереть и воскреснуть хозяиномъ кофейной!

Онъ искоса посмотрѣлъ на сосѣдей. Но идеалы райской жизни Киддо Кука не представляли собою ничего новаго ни для кого, въ отвѣтъ ему только фыркнулъ какой-то человѣкъ, дремавшій неподалеку.

Киддо Кукъ ощупалъ свой карманъ, вынулъ трубку и свертокъ съ табакомъ.

— Однако, вотъ такъ компанія собралась сегодня вечеромъ!... Дьявольски необщительная компанія!—сказалъ онъ.—А тутъ вотъ сидитъ одинъ настоящій порядочный человѣкъ изъ всѣхъ, и у него едва-едва хватаетъ табаку на полтрубки, а спичекъ и вовсе нѣтъ. Слышите, милордъ,—прибавилъ онъ, нагибаясь къ дремлющему сосѣду,—есть спички?

— Пошелъ къ чорту въ пекло!

— О, какой языкъ! Это неприлично, чтобъ тебѣ... А теперь ужъ извольте найти мнѣ спичку... Ну, живѣй!...

— Пошелъ къ чорту въ пекло!

Худощавый, пожилой мужчина, который сидѣлъ, прислонившись спиною къ стѣнѣ, сдвинулъ съ глазъ мятый цилиндръ и, вынимая коробку спичекъ, воскликнулъ:

— Пекло? Его не далеко искать! Вы и безъ того въ немъ!— онъ повелъ вокругъ костлявой рукой и посмотрѣлъ вверхъ. На лбу у него висѣла грязная черная прядь волосъ, которая подпрыгнула, когда онъ снова откинулся къ стѣнѣ.—О, Боже мой! Не можетъ быть ада послѣ вотъ этого.

— Ну, что-жъ,—замѣтилъ Киддо Кукъ, закуривая трубку,— это утѣшительно, мистеръ Бевериджъ, какъ-ни-какъ!

Онъ возвратилъ спички, старый человѣкъ надвинулъ шляпу на глаза и молчалъ.

Какая-то женщина, кутаясь въ шаль, шла украдкою съ того конца улицы, гдѣ были тумбы, а за ней слѣдомъ шелъ, не особенно увѣренно, какой-то мужчина. Онъ былъ не изъ Яго, а судя по платью, приличный молодой рабочій. Они попались на глаза Киддо Куку, который задумчиво сказалъ, когда парочка уже прошла мимо:

— Вотъ счастье Билли Лири, его хозяйка то и дѣло подцѣпляетъ ихъ, ей-Богу. Я бы самъ носилъ кистень, кабы у меня была такая женщина.

«Ношеніе кистеня» было чуть ли не главнымъ промысломъ Яго. «Кистень» — желѣзная палка около фута длины съ шаромъ на одномъ концѣ и крючкомъ или кольцомъ на другомъ. Мастеръ этого промысла носилъ ее въ рукавѣ и ждалъ въ темныхъ углахъ лѣстницы того момента, когда его жена (законная или незаконная) приведетъ съ собою достаточно пьянаго человѣка, тогда, внезапнымъ ударомъ по затылку пришлецъ благополучно «закистенялся» и все, что было на немъ, отбиралось, пока онъ лежалъ безъ чувствъ. Въ ловкихъ рукахъ такой промыселъ давалъ весьма почтенный доходъ при малой работѣ. Многое, конечно, зависѣло отъ женщины, на обязанности которой лежало доставлять другому артисту этого дѣла достаточный матеріалъ. Ходили преданія о необыкновенныхъ подвигахъ, совершенныхъ особенно способными женами; такъ разсказывали про одну женщину, которая привела подъ [illegible]день двадцать шесть человѣкъ въ одну ночь, въ день какого-[illegible]роднаго увеселенія. Но то были повѣствованія давнихъ врем[illegible]и они могли служить скорѣе нравоучительными разска-

зами, вродѣ книгъ для воскреснаго чтенія, для поученія ревностныхъ матронъ Стараго Яго.

Мужчина и женщина исчезли въ двери недалеко отъ Яго-Ро, гдѣ почему-то меньше было спящихъ, чѣмъ около портала Яго-Корта. Разговоръ затихъ и слышался только прерывистый храпъ. Это была спокойная ночь въ томъ смыслѣ, въ какомъ спокойствіе понимается на Яго. Для большинства слишкомъ было жарко, чтобы драться въ душномъ воздухѣ, слишкомъ жарко, чтобы дѣлать что-нибудь, и оставалось только ворочаться на камняхъ и ругаться. Но по временамъ съ Хавъ-Яго-Стрита доносился послѣдній сиплый визгъ оканчивающейся драки между женщинами.

Въ скоромъ времени что-то большое и темное было выпихнуто наружу изъ той двери около Яго-Ро, въ которую вошла супруга Билли Лири. Это нѣчто покатилось и лежало свернувшись на мостовой, не привлекая нѣкоторое время ничьего вниманія. То могъ быть тоже спящій человѣкъ, еслибъ не его полная неподвижность. Именно такъ, вѣроятно, и показалось двоимъ изъ лежащихъ неподалеку, они подняли головы, присмотрѣлись и поползли на четверенькахъ къ тому мѣсту, гдѣ лежало это нѣчто: двѣ «крысы» изъ Яго. Это былъ человѣкъ, густой слой грязи покрывалъ его лицо, темная струя текла, извиваясь, отъ его головы по изломаннымъ плитамъ мостовой, къ канавкѣ. Вывернутые карманы торчали тутъ и тамъ, а жилетъ зіялъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ прикрѣплялась цѣпочка часовъ. «Кистень», очевидно, оказался необычайно выгоднымъ; такой превосходный «кистень», что даже обувью пренебрегли и оставили ее на ногахъ. Тѣ двое, что стояли на колѣнахъ, проворно разшнуровали ботинки, стали на ноги и, съ добычей въ рукахъ, исчезли во мракѣ Яго-Ро.

Маленькій мальчикъ, — они съ нимъ столкнулись на ходу у угла, — отпрыгнулъ въ канавку и послалъ имъ въ слѣдъ здоровенное ругательство. То былъ слабенькій ребенокъ, которому по росту можно было дать не болѣе пяти лѣтъ. Но лицо его носило слѣды возраста серьезнаго и полнаго заботъ. Кто зналъ дѣтей въ Яго, тотъ могъ дать ему отъ восьми до девяти лѣтъ.

Онъ снова засунулъ руки въ карманы панталонъ и пошелъ вдоль улицы. Подойдя къ закистененному человѣку, онъ обернулся къ Яго-Ро и тыча своимъ большимъ пальцемъ въ эту сторону, сказалъ:

— Обработали его за сапоги?

Его никто не замѣтилъ, пока онъ не дошелъ до Яго-Корта, гдѣ

старый Бевериджъ опять отпихнулъ свою шляпу назадъ, позвалъ нѣжно и мягко: «Дики Перротъ», и поманилъ его пальцемъ.

Мальчикъ подошелъ и въ ту же секунду рука, похожая на руку скелета, схватила его за шиворотъ.

— Никогда не надо видѣть черезчуръ много,—сказалъ Бевериджъ, отдѣляя каждое слово и говоря у самаго уха мальчика.— Теперь бѣги домой,—прибавилъ онъ обыкновеннымъ тономъ, сопровождая свои слова легкимъ толчкомъ, чтобы сдѣлать ихъ еще вразумительнѣе, послѣ этого онъ снова откинулся къ стѣнѣ.

Мальчикъ нахмурился и отошелъ отъ тротуара. Его рваная жакетка была кое-какъ перешита изъ гораздо большей одежды. Онъ натянулъ воротникъ себѣ на плечи и кинулся къ входной двери неподалеку. Входныя двери обыкновенно употреблялись на топливо въ Старомъ Яго и большая часть ихъ давнымъ-давно была сожжена. Если гдѣ-нибудь случайно и уцѣлѣла дверь на петляхъ, она всегда стояла открытой и закрывать ее, вѣроятно, уже нельзя было бы. Такимъ образомъ входныя двери Яго представляли собою ночью рядъ черныхъ отверстій, грязныхъ и отвратительныхъ.

Дики Перротъ вошелъ въ свою дыру съ осторожностью, потому что и въ проходѣ, и на лѣстницѣ могъ лежать пьяный, и наткнуться на него было бы не безопасно. Онъ никого не встрѣтилъ и сталъ осторожно подниматься къ себѣ съ надлежащимъ вниманіемъ къ ступенькамъ, въ которыя можно провалиться, и къ периламъ, которыя обвалились. Наконецъ, въ первомъ этажѣ онъ толкнулъ дверь и очутился дома.

Небольшая кучка капающаго сала, которая еще недавно была огаркомъ свѣчки, стояла на каминѣ и расплывалась, а пламя все опускающагося фитиля разливало вокругъ неровный свѣтъ. У одной стѣны стояла жиденькая желѣзная кровать, погнутая, шатающаяся и покрытая лохмотьями; на ней сидѣла полураздѣтая женщина, не обращая никакого вниманія на ребенка, который лежалъ около нея, стоналъ и хрипѣлъ. У женщины было печальное длинное лицо, безъ всякаго опредѣленнаго выраженія, и безхарактерный ротъ.

— Гдѣ ты былъ, Дики?—сказала она, скорѣе жалуясь, чѣмъ спрашивая.—Поздній это часъ для мальчика.

Дики посмотрѣлъ вокругъ.

— Нѣтъ ли чего поѣсть?—спросилъ онъ.

— Не знаю,—отвѣчала она разсѣянно.—Можетъ и есть кусокъ хлѣба въ шкафу. Я ничего не хочу... жарко. А отца дома нѣтъ съ часъ.

Мальчикъ порылся, нашелъ корку хлѣба, началъ ее грызть и перешелъ черезъ комнату къ ребенку.

— Агу, Люэ! — сказалъ онъ, нагибаясь и лаская грязную щечку ребенка.—Агу!

Ребенокъ слабо повернулся на спину и плаксиво пискнулъ. У него были большіе блестящіе глаза, а худенькое личико, все искусанное блохами, казалось странно старческимъ.

— Да она ѣсть хочетъ, мать,—сказалъ Дики Перротъ и взялъ маленькое существо на руки.

Онъ сѣлъ на низенькій ящикъ, началъ качать ребенка на колѣняхъ и кормить его кусочками жеваннаго хлѣба. Мать унылоапатичная на нихъ глядѣла и, наконецъ, сказала:

— Она такая плохенькая, что я совсѣмъ измучилась. Десять мѣсяцевъ и не ползаетъ. Конца края нѣтъ съ этими дѣтьми, одна забота.

Она вздохнула и сразу растянулась на кровати. Мальчикъ всталъ и, осторожно неся свою маленькую сестру, которая дремала, старался вглядѣться въ тусклое окно. Тоску нагоняющее зарево еще стояло на небѣ; внизу зіялъ черный Яго-Кортъ. Съ двухъ сторонъ обрушенные задніе дворы едва обрисовывались, а между ними ничего не было видно, кромѣ полнаго мрака.

Мальчикъ вернулся къ ящику и сѣлъ.

— Я думаю, отецъ не станетъ спать на улицѣ, а?

Женщина сѣла и обнаружила признаки энергіи.

— Что?—сказала она рѣзко.—Спать на улицѣ, какъ всякая дрянь и Рэнны и Лири? Ужъ я надѣюсь, что нѣтъ! Ужъ довольно того, что мы и живемъ-то здѣсь, когда я привыкла къ другому и все такое... Ты видѣлъ его наружѣ? Видѣлъ, что ли?

— Нѣтъ, не видѣлъ. Я только что смотрѣлъ на дворъ.—Помолчавъ немного, мальчикъ прибавилъ:

— Я надѣюсь, что онъ обработаетъ дѣло.

Мать вздрогнула.

— Не понимаю, что ты говоришь Дики,—сказала она довольно нерѣшительно.—Ты... ты началъ теперь говорить этимъ подлымъ, этимъ...

— Ну, стибрилъ что-нибудь, конечно... Слямзилъ что-нибудь. Отлично знаешь.

— Если ты будешь говорить такое, такъ я скажу ему, что ты говоришь, и ужъ онъ тебѣ задастъ... Не такіе мы люди, Дики; ты бы долженъ былъ это знать. Я всегда соблюдала себя, всю жизнь жила прилично и честно... можешь быть увѣренъ, и...

— Я знаю. Ты и прежде это говорила отцу, я слышалъ... Это когда онъ принесъ домой ту желтую булавку... шейную булавку. Ну, откуда же онъ ее взялъ? У него тогда не было ни шиша—мѣсяцы, мѣсяцы не было,—откуда тогда взялись деньги и чтобъ за квартиру заплатить и купить ѣды и молоко для Люэ? Думаешь, не знаю! Я не маленькій. Я знаю.

— Дики, Дики! Не говори такихъ вещей, не говори!—Это все, что мать могла сказать, со слезами на глазахъ.—Это скверно и... и низко. И ты долженъ, Дики, быть всегда приличенъ и честенъ и тогда... тогда ты дойдешь до пути.

— Честные люди, *по-моему*, дураки. Киддо Кукъ это говоритъ, а онъ понимаетъ столько, что на Бродъ-Стритъ всего не умѣстишь. Когда я буду большой, я достану всякой всячины, платья, и буду червоннымъ валетомъ. Вотъ они такъ дѣлаютъ дѣла!

— Они попадаютъ въ темныя тюрьмы и сидятъ тамъ годами. Дики, если ты такой... такой скверный, гадкій мальчишка, отецъ тебя выдеретъ... больно выдеретъ, — отвѣчала мать серьезно.— Положи ребенка и иди спать, да поскорѣй, пока отецъ не пришелъ.

Дики положилъ ребенка, сморщенное личико котораго теперь во снѣ нѣсколько разошлось, и медленно началъ снимать свою неуклюжую жакетку, уставившись въ люльку въ мрачной задумчивости.

— Это простачки попадаются,—сказалъ онъ разсѣянно.—А кутузки совсѣмъ не такъ скверны. — Послѣ нѣкотораго молчанія онъ повернулся и вдругъ прибавилъ:

— Думаю, что отецъ когда-нибудь влопается... а; мать?

Мать не отвѣчала, но какъ-то вяло нагнулась надъ маленькимъ ребенкомъ, какъ будто укладывая его удобнѣе на постели. Скоро самъ Дики въ рваной, короткой рубашкѣ, надѣтой у него подъ жакеткой, юркнулъ головой впередъ въ грязныя одѣяла въ ногахъ кровати и, вынырнувъ на противоположномъ концѣ, занялъ свое обычное мѣсто поперекъ постели.

Закоптѣлый потолокъ то освѣщался, то снова темнѣлъ, пока наконецъ не упалъ фитиль оплывшаго до конца огарка. Дики слышалъ какъ мать встала, чтобы найти другой огарокъ и зажечь его у потухающаго пламени, а онъ все еще не спалъ.

— Мать,—сказалъ онъ черезъ нѣсколько времени,—отчего ты не ложишься?

— Жду отца. Спи.

Онъ опять помолчалъ, но мозгъ его работалъ, и онъ вскорѣ снова заговорилъ:

— Тѣ, новые, въ передней комнатѣ,—сказалъ онъ.—Что онъ не отдулъ еще жену?

— Нѣтъ.

— И мальчика не дулъ? Горбуна?

— Нѣтъ.

— Точно важные господа. Думаютъ, что куда важнѣе всѣхъ сосѣдей. Это говорила Пиджонъ Полль, только Полль сказала...

— Ты не долженъ слушать, что говоритъ Полль, Дики. Сколько разъ я тебѣ это говорила? Спи. Вонъ отецъ идетъ.

На лѣстницѣ дѣйствительно раздались шаги, но они прошли мимо и поднялись до верхняго этажа. Дики лежалъ молча, но не спалъ; закинувъ голову назадъ, онъ смотрѣлъ вверхъ въ грязное оконцо. Было жарко, онъ безпокойно жался, боясь повернуться, чтобы не разбудить спящаго ребенка. Цвѣтъ неба измѣнялся; краснота точно скоплялась въ отдѣльныя пятна и потомъ исчезала пятно за пятномъ. Наконецъ, топотъ послышался на лѣстницѣ, остановился у двери,—отецъ вернулся домой. Дики лежалъ смирно и слушалъ.

— Ахъ, Джошъ, гдѣ это ты былъ?—слышалъ Дики.—Я измучилась, дожидаясь тебя.

— Ладно, ладно,—послышалось хриплое ворчанье, немного громче шепота.—Есть вода? Вымой вотъ эту палку.

Наступило молчаніе и Дики зналъ, что мать смотритъ кругомъ съ вялымъ сомнѣніемъ, размышляя, есть вода въ комнатѣ или нѣту. Потомъ короткій, подавленный крикъ—и палка тяжело покатилась по полу.

— Она липкая!—сказала мать.—Охъ Господи! Джошъ... и пучки волосъ тоже!—Огромная тѣнь раскрытой руки показалась на потолкѣ и снова упала.—О Джошъ!... О, Господи!... Ты этого не сдѣлалъ, неужто сдѣлалъ? Не... не это... только не это?

— Что не это? Распроклятая! Что не это? Заткни глотку. Если тебя бьютъ, долженъ ты бить, или нѣтъ? Всякій подумаетъ, глядя на тебя, что я убійство сдѣлалъ. Я не такой дуракъ. Вотъ... Выдвинь доску.

Дики зналъ вынимающуюся половицу, которая поднималась съ легкимъ стонущимъ дребезжаніемъ. Она помѣщалась съ правой стороны очага; онъ притворился спящимъ, когда ее разъ поднимали прежде. Мать его тихо хныкала и плакала.

— Ты попадешь въ бѣду, Джошъ,—сказала она.—Охъ, хочу я, чтобъ ты доставалъ правильно хоть грошъ, Джошъ, какъ прежде... Охъ, хочу... хочу.

Половицу снова закрыли. Дики Перротъ видѣлъ однимъ глазомъ блѣдно-сѣрое небо и надѣялся, что «дѣло» было хорошее, надѣялся также, что по этому случаю къ обѣду будетъ горячая печонка.

Наружи блѣдная заря принесла на Яго свѣжій вѣтерокъ и надежду на сонъ. Съ мостовой Стараго Яго грустныя, сѣрыя лица, съ открытыми ртами смотрѣли вверхъ, какъ изъ Іосафатовой Долины. Ниже, около Яго-Ро, закистененный человѣкъ, съ запекшейся кровью на лицѣ, почувствовалъ прохладу и двинулъ ногой.

II.

За три четверти мили отъ самаго крайняго предѣла Яго находилась «Миссія подъема нравственнаго уровня населенія Восточнаго Конца» и «Пансофистическій институтъ». Это благотворительное предпріятіе имѣло такой поразительный успѣхъ, что «просвѣтители» выстроили новое крыло зданія, открыть которое долженъ былъ одинъ знаменитый и ревностный епископъ.

Дѣятельность Миссіи и Пансофистическаго института была извѣстна и цѣнилась далеко за предѣлами восточнаго Лондона людьми, которые меньше знали объ этой части города, чѣмъ о Малой Азіи. Собственно говоря, она ими-то особенно и цѣнилась. Тамъ, для стремящихся къ подъему восточно-конечниковъ постоянно держались наготовѣ «болѣе высокая жизнь», «болѣе высокая мысль», «широкая гуманность», вмѣстѣ съ другими радужными абстрактами, большею частью въ сравнительной степени, какъ лучшіе образцы «возвышенной личности». Тамъ читалось много лекцій и на иные сюжеты. «Непросвѣщеннымъ» показывались картины съ толкованіемъ имъ тайнаго смысла, хитро-скрытаго художниками. Для «расширенія міросозерцанія» и «обогащенія умственной жизни» непросвѣщенныхъ поощряли къ дебатамъ, предлагали имъ читать рефераты по литературнымъ и политическимъ сюжетамъ, хотя они не были обременены ни малѣйшимъ понятіемъ о нихъ. Были тамъ и классныя занятія, и клубы, и газеты, и шашки, и музыкальные вечера, и духовой оркестръ, чтобъ украсить «безнадежную жизнь» бѣдняковъ, чтобы смягчить «бездолье загубленныхъ жизнью». Несчастные, которые пользовались всѣми этими благами, были изъ сословья торговцевъ, мелкіе лавочники и ихъ семьи, аккуратные писарьки, а кое-когда попадались и щеголеватые молодые рабочіе какого-нибудь очень почтеннаго

ремесла. Они свободно посѣщали клубы, музыкальные вечера, оркестръ, билліардъ; а тѣ, которые увлекались, серьезно дебатировали и торжественно «взаимосовершенствовались». Другіе, одержимые бурными припадками жажды знанія, которые смѣнялись періодами апатичнаго отвращенія, бросались наудачу въ вечерніе классы и оставались тамъ самое короткое время. Въ общемъ, нѣкоторое число прилично одѣтыхъ, пристойныхъ молодыхъ людей проводила многіе вечера въ Пансофистическомъ институтѣ въ невинныхъ развлеченіяхъ и часто съ пріятной иллюзіей, что они умственно совершенствуются.

Другіе молодые люди, болѣе счастливо обставленные, съ лоскомъ образованія, которое еще сырьемъ лежало на нихъ, приходили туда издалека въ качествѣ миссіонеровъ, принося съ собою чуждый строй мысли, надлежащее невѣдѣніе жизни и значенія вещей. Не безъ боязни со стороны своихъ родителей, они погружались въ опасныя пучины Восточнаго Конца, чтобы бороться двѣ недѣли подрядъ—съ его страданіями и грубостью. И такъ, они жили среди сыновей-ремесленниковъ и лавочниковъ, которые выносили ихъ, какъ выносили маленькіе взносы, и уходили назадъ съ нѣкоторымъ облегченіемъ, смутно чувствуя, какое они произвели впечатлѣніе и что сдѣлали, чтобы его произвести. Но они возвращались съ авторитетомъ знаній къ тѣмъ, которые боялись за ихъ личную безопасность въ этой темной области. Восточный Конецъ,—говорили они,—ничуть не похожъ на то, что о немъ разсказываютъ. Въ Западномъ Лондонѣ есть мѣста похуже. Тамошніе жители весьма приличны въ своемъ родѣ; конечно, они шокируютъ, но чистые, спокойные, одѣтые очень недурно, они носятъ галстуки, воротнички, часы.

Но миссіонеровъ было мало, а жертвователей на Миссію подъема много. Большинство изъ нихъ было увѣрено,—и потому, что имъ говорили, и потому, что они читали въ возваніяхъ къ благотворительности, а можетъ быть и потому, что они видѣли на уголовныхъ процессахъ и въ отчетахъ слѣдствій,—что Восточный Конецъ—дикая пустыня закоулковъ, грязныхъ трущобъ, биткомъ-набитыхъ голодными человѣческими тѣлами, безъ разума, безъ нравственнаго чувства, которыя живьемъ пожираетъ другъ друга. Эти жертвователи посѣщали институтъ вдвоемъ, втроемъ, въ случаяхъ особаго торжества среди чистенькихъ писарей, и поражались необыкновеннымъ вліяніемъ пансофистическаго подъема на низшіе классы, поражались ихъ внѣшнимъ видомъ, привычками. Иногда они попадали на концертъ, гдѣ никто не былъ пьянъ;

иногда на маленькій танцовальный вечеръ, гдѣ никто не завывалъ хоромъ, не ходилъ въ шляпѣ на головѣ и не подбивалъ глаза своему сосѣду. Это было прямое чудо, удостовѣряли очевидцы: и новыя пожертвованія притекали, и новое крыло выстроилось.

День былъ прекрасный и обѣщалъ многое. Небольшая толпа зѣвакъ стояла у главной двери института и глазѣла на флаги. Влѣво отходило новое крыло съ фасадомъ изъ красивыхъ, чистыхъ кирпичей и съ солидными украшеніями изъ терракоты, въ видѣ прямоугольниковъ съ правильными промежутками. Внутри сидѣли многіе друзья и родственники лавочниковъ и старшихъ механиковъ и ждали епископа; видные члены Миссіи сидѣли отдѣльно, на платформѣ. Снаружи, среди другихъ зѣвакъ, ждалъ и Дики Перротъ. Его свѣдѣнія о томъ, что происходило, были довольно неопредѣленны, но у него была вѣра, укоренившаяся въ немъ по слухамъ и по традиціямъ, что всякія празднества въ такихъ большихъ зданіяхъ сопровождаются употребленіемъ кэка и чая въ самыхъ сокровенныхъ мѣстахъ. Находиться не-подалеку отъ кэка—это уже нѣчто. Въ Шоредичѣ на Хай-Стритѣ была лавка, гдѣ кэкъ стоялъ на окнѣ большими ломтями, ломоть на ломтѣ, въ неизмѣримомъ количествѣ. У этого окна, прижавшись лицомъ къ стеклу такъ, что лицо бѣлѣло, Дики стаивалъ пока лавочникъ не отгонитъ. Стоялъ и смотрѣлъ до того, что потомъ ему стоило только закрыть глаза и онъ видѣлъ въ плывущемъ мракѣ роскошные желтые куски съ миріадами изюминокъ. Разъ посыльный мальчикъ, купившій кусокъ кэка, такъ неловко куснулъ его выходя изъ лавки, что почти треть куска отломилась и упала; Дики схватилъ его съ тротуара и умчался прежде, чѣмъ владѣлецъ успѣлъ даже замѣтить свою потерю. То былъ кэкъ высшаго сорта, по пени кусокъ. Но разъ ему самому удалось купить кусокъ низшаго сорта—за полпени, въ Микинъ-Стритѣ.

Съ этими счастливыми воспоминаніями въ головѣ, Дики Перротъ незамѣтно стоялъ у двери; огромная жакетка была насколько возможно прилично застегнута, въ душѣ царило отчаянное намѣреніе, при помощи ловкой штуки или счастливой случайности, попасть внутрь и, если это въ силахъ человѣческихъ, къ кэку.

Входные билеты провѣрялись у двери ревностнымъ молодымъ просвѣтителемъ, однимъ изъ миссіонеровъ. И къ нему, и ко всѣмъ ему подобнымъ, чисто вымытымъ и хорошо одѣтымъ, Дики умѣлъ относиться съ спокойнымъ презрѣніемъ, когда предстоявшее дѣло требовало хитрости. Спѣшить некуда; пусть себѣ просвѣтитель изощряетъ пока свою бдительность надъ владѣльцами билетовъ.

Дики былъ не такъ глупъ, чтобы выказать и малѣйшее желаніе войти внутрь, пока вниманіе врага не было ослаблено.

Экипажи подъѣзжали и подвозили новыхъ высокопоставленныхъ особъ. Наконецъ, пріѣхалъ самъ епископъ. Дики обратилъ на него вниманіе только какъ на стараго господина пріятной наружности, странно одѣтаго. У него промелькнуло лишь мимолетное удивленіе, почему ему пришлось починить шляпу веревочками? Что такое могло съ ней случиться?

Вслѣдъ за каретой епископа подъѣхала другая. Въ ней пріѣхали три дамы, пріятельницы господина, осматривавшаго билеты; онѣ подошли къ нему съ привѣтствіями, начались рукопожатія, а Дики въ одно мгновеніе ока очутился въ сѣняхъ зданія и крался незамѣтно вдоль стѣнъ внутренняго зала, въ тѣни за колоннами, въ поискахъ за кекомъ.

Хоровое общество отпѣло во всю свою мочь и начались рѣчи. Высокія особы выражали удивленіе и восторгъ, видя, что населеніе Восточнаго Конца, собравшееся въ зданіи Института, такъ чисто и имѣетъ такой почтенный видъ, благодаря настойчивой, неустанной, самоотверженной дѣятельности Общества Подъема.

Добрый епископъ, среди аплодисментовъ и маханія платками, щебеталъ обо всемъ съ херувимскимъ выраженіемъ лица. Онъ радовался, что увидѣлъ наконецъ тотъ день, когда съ такою очевидностью Западъ протянулъ руку помощи Востоку. Онъ радовался, что находится въ этомъ типичномъ собраніи, которое, если ему позволено такъ выразиться, всецѣло представляетъ собою большой Восточный Конецъ Лондона, алчущій и жаждущій просвѣщенія, того... просвѣщенія, которое болѣе счастливые граждане... другихъ мѣстъ... такъ щедро... расточили здѣсь. Населеніе Восточнаго Конца было оклеветано... популярной періодической прессой и... и другими путями. Восточный Конецъ, онъ убѣжденъ, лучше, чѣмъ его описываютъ. (Рукоплесканія.) Ему стоило только посмотрѣть вокругъ и т. д., и т. д. Онъ спрашивалъ себя, можно ли организовать въ любомъ приходѣ Западнаго Конца, который онъ зналъ, такое правильное, нравственно-настроенное, совершенно почтенное собраніе. Самой пріятной его обязанностью является при настоящемъ случаѣ... и такъ далѣе, все въ томъ же родѣ.

Дики Перротъ нашелъ кекъ. Это было въ небольшой комнатѣ за обширной залой, куда ждали къ чаю епископа и нѣкоторыхъ другихъ высокихъ особъ съ платформы послѣ церемоніи. На дверяхъ этой комнаты висѣли тяжелыя занавѣски и изъ глубины одной изъ широчайшихъ складокъ смотрѣлъ крысенокъ Яго. Столъ

охранялся какимъ-то человѣкомъ съ кислымъ лицомъ, очень похожимъ на того, который отогналъ Дики отъ окна съ кэками въ Хайстритѣ. Больше никого въ комнатѣ не было и, очевидно, до кэка можно будетъ добраться лишь въ томъ случаѣ, если человѣкъ этотъ или уйдетъ, или займется чѣмъ-нибудь.

Въ залѣ раздался взрывъ рукоплесканій: новое крыло было объявлено открытымъ. Потомъ опять пѣли, потомъ послышалась стукотня и топотъ, потому что всѣ выходящіе могли осматривать новое помѣщеніе, и, наконецъ, высокія особы платформы пришли къ чаю.

Они наполняли комнату, стоя отдѣльными группами, разговаривали между собою, ѣли, отхлебывая чай, а человѣкъ съ кислымъ лицомъ разсѣянно возился съ посудой и никто не замѣтилъ крошечнаго мальчика, который непримѣтно точно нырялъ и изворачивался между ногами и вокругъ юбокъ; а онъ время отъ времени молча хапалъ что-нибудь съ тарелокъ на столѣ. Вдругъ онъ исчезъ окончательно... Въ это время любезный епископъ, сіяюще улыбаясь надъ чашкой съ чаемъ по адресу двухъ прихвостней изъ духовенства, внезапно вспомнилъ о приглашеніи на обѣдъ и провелъ рукою внизъ по окружности своего жилета.

— Господи, Господи! — сказалъ епископъ, мгновенно посмотрѣвши внизъ. — Что это... куда дѣлись мои часы?

У него висѣло три дюйма черной ленты съ обрѣзаннымъ концомъ. Епископъ потерянно смотрѣлъ на просвѣтителей, стоявшихъ вокругъ него.

За три улицы оттуда, Дики Перротъ съ сжатымъ кулакомъ, глубоко запихнутымъ въ карманъ панталонъ, съ золотыми часами въ этомъ кулакѣ, бѣжалъ во всю мочь къ Старому Яго.

III.

Никто за нимъ не гнался, но Дики Перротъ, возбужденный своимъ новымъ подвигомъ, бѣжалъ безъ оглядки. Онъ позабылъ даже первое правило, которое внушается всякому ребенку на Яго — избѣгать по возможности подозрительнаго бѣга по открытымъ улицамъ. Онъ ринулся въ Старый Яго, огибая уголъ Яго-Ро, и все еще бѣжалъ. Маленькій мальчикъ, немного больше его самого, ткнулъ его по дорогѣ кулакомъ, но онъ не обратилъ на это никакого вниманія. Кучка бездѣльниковъ на углу Стараго Яго, всегда сторожившая слабыхъ съ добычей, видѣла его и одинъ изъ нихъ попробовалъ его поймать за руку, но онъ ловко вывернулся. Про

бѣжавши мимо Яго-Корта, онъ бросился черезъ знакомую дверь вверхъ по лѣстницѣ. Блѣдный, горбатый мальчикъ, чистый и задумчивый, сходилъ въ это время внизъ, Дики оттолкнулъ его въ сторону и чуть не столкнулъ съ лѣстницы, съ крикомъ: «Прочь съ дороги, горбачъ!»

Джошъ Перротъ сидѣлъ на кровати и ѣлъ жареную рыбу съ засаленной бумаги, было время вечерняго чая. Лѣтъ тридцати двухъ, средняго роста, крѣпкаго сложенія, съ жесткимъ, точно кожаннымъ лицомъ, Джошъ казался старше своихъ лѣтъ. У него были усы такіе, точно онъ всего три дня не брился—ни больше, ни меньше. Онъ былъ штукатуръ, по крайней мѣрѣ такъ онъ называлъ себя въ полицейскихъ судахъ. Но онъ уже давно не штукатурилъ, хотя ходилъ всегда зашлепанный и забрызганный точно какимъ-то прирожденнымъ источникомъ извести. Въ минуты гордости онъ объявлялъ, что изъ всѣхъ членовъ своей семьи онъ одинъ научился ремеслу и существовалъ имъ. Эту привычку онъ ужъ давно оставилъ, но пока она у него была, онъ женился на приличной дѣвушкѣ, дочери котельщика, не имѣвшей понятія о Яго до послѣдняго времени. Джошъ любилъ хвастаться еще и тѣмъ, что его можетъ поранить только огнестрѣльное или колющее стальное оружіе. И эта похвальба была почти правдой, что онъ доказалъ не разъ въ битвахъ на мѣстной аренѣ—на Яго-Кортѣ. Теперь онъ мирно сидѣлъ на краю постели и отщипывалъ пальцами кусочки жирной рыбы, пока жена его безнадежно обшаривала полки шкафа въ поискахъ за бумажнымъ мѣшкомъ, который былъ сахарницей.

Въ эту минуту ворвался Дики.

— Мать!... Отецъ!... Смотрите! Я сдѣлалъ дѣло! Я досталъ часы... красные!

Джошъ Перротъ пересталъ жевать и рука его съ кусочкомъ рыбы застыла въ воздухѣ. Женщина обернулась, у нея опустился подбородокъ.

— О Дики, Дики!—воскликнула она съ настоящимъ отчаяніемъ,—ты скверный, злой мальчишка. Господи, Джошъ, онъ... онъ сдѣлается негодяемъ. Я всегда это говорила.

Джошъ Перротъ проглотилъ кусокъ рыбы и, обсасывая пальцы, подбѣжалъ къ двери. Быстро осмотрѣвъ лѣстницу, онъ заперъ дверь и обратился къ Дики:

— Гдѣ ты ихъ взялъ, чертенокъ?—спросилъ онъ, хватая часы.

— Стащилъ у стараго хрыча, пока онъ пилъ чай,—отвѣчалъ Дики съ блестящими глазами.—Посмотримъ, какіе они, отецъ.

— Онъ гнался за тобой?

— Нѣтъ... онъ и не видѣлъ ничего. Я срѣзалъ ему ленточку своимъ ножомъ!—И Дики вытащилъ изъ кармана свой драгоцѣнный ножъ, найденный въ уличной канавкѣ.—Ну, что-жъ, давай посмотримъ на нихъ.

Джошъ Перротъ посмотрѣлъ съ сомнѣніемъ на жену: дѣтьми завѣдывала она. Въ ея чувствахъ не могло быть никакого сомнѣнія. Онъ сунулъ часы въ свой собственный карманъ и схватилъ Дики за шиворотъ.

— Я тебѣ задамъ, проклятый воришка,—воскликнулъ онъ, снимая свой поясъ.—Тебѣ хочется упечь всѣхъ насъ на годикъ-другой. Затѣялъ воровать часы какъ взрослый человѣкъ.

Онъ началъ свирѣпо хлестать поясомъ. Дики ошеломленный, едва дыша, задыхаясь, вился около него съ жалобнымъ визгомъ. Маленькій ребенокъ проснулся и тоже сочувственно слабо пищалъ.

Что-то порвалось и воротникъ сталъ отдѣляться отъ старой жакетки. Джошъ Перротъ почувствовалъ это, отпустилъ воротникъ и короткимъ ударомъ кулака въ шею толкнулъ мотающагося Дики черезъ всю комнату. Дики ухватился за желѣзную полосу кровати и прихрамывая выбрался на площадку лѣстницы, проливая въ рукавъ горькія слезы.

Это было больше того, что желала его мать, но она слишкомъ хорошо знала, что нечего и думать о заступничествѣ. Теперь, когда онъ ушелъ, она сказала съ нѣкоторымъ колебаніемъ:

— Развѣ не лучше будетъ, Джошъ, сейчасъ же унести ихъ прочь?

— Да, я иду,—отвѣчалъ Джошъ, вертя часы въ рукахъ.—Отличные... первый сортъ.

— Ты... ты не отдавай ихъ Війчу... Не отдашь, Джошъ? Онъ... онъ никогда много не даетъ.

— Чорта съ два! Эти я снесу въ Хокстонъ.

Плакалъ Дики спускаясь съ лѣстницы, плакалъ и проходя по коридору на задній дворъ. На дворѣ онъ поискалъ Томи Ренна, думая найти въ немъ сочувствіе; но Томи не было. Все еще въ горѣ, Дики подумалъ, что успокоившись онъ сумѣетъ, для поученія Томи облечь исторію часовъ въ болѣе героическую форму, чѣмъ теперь въ слезахъ и съ высѣченною спиной. Онъ повернулся, пролѣзъ черезъ дыру въ разломанномъ заборѣ, опять поплакалъ и началъ искать друга, дѣлившаго съ нимъ всякое, самое сокровенное горе.

Высѣкли его больно,—очень больно. На голеняхъ, гдѣ ремень обкрутился, у него была содрана кожа, кровь прилипла къ рубашкѣ по серединѣ спины, не говоря уже о синякахъ. Но онъ былъ до глубины души потрясенъ безнадежной несправедливостью вещей. Безъ всякой помощи онъ чисто, ловко обдѣлалъ дѣло, которымъ гордился бы всякій на Яго. Преисполненный радости, онъ спѣшилъ къ своимъ родителямъ, желая получить одобреніе, вручить имъ награду за свой подвигъ добровольно, великодушно, хотя, конечно, не безъ надежды на горячій ужинъ, но уже въ видѣ празднества. И вотъ какъ его отблагодарили за все это. Почему? Онъ ничего не понималъ и чувствовалъ только обиду, отъ которой разрывалось его сердце. И такъ всхлипывая, пролѣзъ онъ черезъ два забора, чтобы снова плакать на косматой шеѣ «канарейки» Джерри Галлена.

Канарейка Джерри Галлена была не птица, а оселъ. Джерри Галленъ во время случайныхъ просвѣтовъ трезвости запрягалъ его въ валкую телѣжонку, нагруженную иногда бутылками, тряпьемъ, или плитою отъ очага; иногда дровами, добытыми изъ доступнаго склада или изъ деревянныхъ частей пустого дома; иногда пустыми мѣшками, прикрывавшими отъ нескромнаго глаза разнообразное имущество, внезапно пріобрѣтенное. Свои вакаціи, частыя и продолжительныя, канарейка Джерри Галлена проводила забытая и не накормленная на заднемъ дворѣ хозяина, обгрызая заборы и терзая сосѣдей своимъ крикомъ. Отсюда прозвище, которымъ Киддо Кукъ въ шутку величалъ его жалобную пѣсню, и оселъ также быстро отвѣчалъ на кличку «Канарейка» какъ на градъ любыхъ ругательствъ.

Канарейка Джерри Галлена грызла, грызла, не переставая, и слышался такой звукъ, точно кривое сверло работало гдѣ-то. Все деревянное на грязномъ вонючемъ дворѣ, въ десять или двѣнадцать квадратныхъ футовъ, было округлено, расщеплено и добѣла обглодано, а когда оселъ поворачивалъ свою тяжелую голову, струйка крови изъ его десенъ рисовала на камняхъ кругъ. Кивокъ ушей привѣтствовалъ пораженнаго горемъ Дики; таково было обычное привѣтствіе утѣшенія на заднемъ дворѣ Джерри Галлена. Итакъ, Дики, обнявши шею осла, разсказывалъ свою обиду, пока въ видѣ утѣшенія не сложилось у него въ головѣ героическое повѣствованіе, предназначенное для Томи Ренна.

— О, Канарейка! Какой треклятый стыдъ.

IV.

Когда Дики Перротъ вбѣжалъ въ Яго-Ро съ часами епископа въ карманѣ, другой мальчикъ ткнулъ его кулакомъ: Дики не могъ догадаться, по какой причинѣ,—кромѣ развѣ простого каприза,—и не остановился, чтобъ освѣдомиться или отплатить тѣмъ же. Дѣло было въ томъ, что Ренны и Лири сбирались другъ на друга, драка была въ воздухѣ, и всякій мальчикъ, встрѣтивши другого мальчика, чуточку поменьше, тузилъ его изъ принципа. Ренны и Лири, вѣчно находившіеся или въ открытой войнѣ другъ съ другомъ, или въ вооруженномъ перемиріи, были двѣ соперничавшія фамиліи, Монтекки и Капулетти Стараго Яго. Въ сущности, Лири едва претендовали на соперничество, а представляли собою скорѣе мятежную оппозицію. Ренны гордились званіемъ «королевской фамиліи» и владычествовали надъ Яго. Но и среди Лири были славные бойцы, мужчины и женщины, и когда поднималась битва, то бывала битва жестокая и оживленная. Обѣ фамиліи развѣтвлялись по всему Яго. Подъ знаменемъ Ренновъ, по родству или по обычаю, стояли Галлены, Фишеры, Спайсеры и Уальши; а въ свитѣ Лири были Даусоны, Грины и Харнуелы. Почти весь Яго вынужденъ былъ стоять или на той, или на другой сторонѣ, и бѣда тому, кто не былъ ни на чьей сторонѣ. Ренны тузили всѣхъ, кто не принадлежалъ къ ихъ партіи, самымъ безпощаднымъ образомъ; Лири придерживались той же политики, такъ что нейтралитетъ обозначалъ двойную трепку. Но когда Ренны и Лири соединялись и весь Старый Яго выступалъ во всей своей силѣ противъ Довъ-Ленъ, тогда происходила такая битва, что можно пройти много миль для того, чтобы только посмотрѣть на нее.

Но теперь была простая драка между Реннами и Лири, и то въ самыхъ первыхъ стадіяхъ, когда Дики Перротъ вышелъ съ задняго двора Джерри Галлена и направился къ Хай-стриту мимо «столбовъ»,—проходъ, отгороженный тумбами на концѣ Стараго Яго. Онъ намѣревался стащить съ какого-нибудь проѣзжающаго воза сѣна, или изъ плохо охраняемой лошадиной торбы какого-нибудь корма; ему хотѣлось угостить канарейку Джерри Галлена за ея симпатію. Но около «столбовъ» на углу Эджъ-Лена на него налетѣлъ Томи Реннъ безъ шапки, съ красной шишкой на лбу; онъ задыхался, ликовалъ и хвастался, не переставая. Онъ говорилъ, что дрался съ Джонни Лири и съ Джо Даусономъ, сперва съ однимъ, потомъ съ другимъ, и чуть-чуть не свернулъ поганую шею Джонни Лири; а теперь за нимъ гнался большой братъ Джо Даусо-

на съ лопатой. Оба мальчика побѣжали вмѣстѣ и спрятались у себя на заднемъ дворѣ. Тамъ, среди густѣющихъ сумерекъ, перемѣшивались и соперничали между собою исторія подвиговъ Джонни Ренна съ угрозами и ударами воображаемымъ врагамъ и исторія епископскихъ часовъ, съ умалчиваніями и улучшеніями. А канарейка Джерри Галлена была позабыта и осталась безъ угощенія.

Въ эту ночь драки въ Яго носили характеръ спорадическій и непостоянный. Говорили, что Бобу Бендеру разбили носъ, а что Сэшу Кэшу перевязывали голову въ госпиталѣ. Въ «Мѣшкѣ Гвоздей» на Эджъ-Ленъ Сноба Спайсера такъ хватили кружкой, что онъ упалъ безъ чувствъ, а хозяйкѣ Коко Харнуеля откусили кусокъ уха. Въ теченіе ночи насмѣшки и вызовы летѣли отъ окна къ двери и отъ двери къ окну, ими обмѣнивались тѣ, которые намѣревались начать драку на другой день. Возгласы, доносившіеся изъ разныхъ угловъ, указывали на отдѣльныя схватки. Нѣсколько послѣдовательныхъ, пронзительныхъ криковъ, повидимому, указывали, что Сэлли Гринъ начала. Въ крикахъ противниковъ Сэлли Гринъ была нотка, которую Яго умѣлъ различать. Хотя Сэлли Гринъ принадлежала къ болѣе слабой партіи, но была женщина-боецъ Стараго Яго; своей знаменитости она достигла при помощи ей одной присущихъ пріемовъ драки. Ея способъ состоялъ въ томъ, чтобы, оставляя про запасъ зубы и ногти, бороться тѣсно съ врагомъ, ловкимъ поворотомъ швырнуть его на землю лицомъ внизъ, самой упасть на него и, моментально ухвативъ зубами шею, начать грызть ее и раздирать. Крики страданья были слышны издалека и, кромѣ ихъ неизмѣнной странности, смутно указывавшей на безумный испугъ, они обладали какой-то механической продолжительностью, правильностью насоса, и эти свойства отличали ихъ, для привычнаго уха, отъ всѣхъ другихъ криковъ.

Джоша Перрота цѣлый вечеръ не было дома. По всей вѣроятности, часы епископа подвергались процессу перерожденія въ пиво. Дики, въ домовитомъ расположеніи духа, няньчилъ Люэ и прислушивался къ шуму на улицѣ, пока не заснулъ съ радостными надеждами на завтрашній день. Томи Реннъ обѣщалъ дать ему половину изломаннаго желѣзнаго прута, чтобы сражаться съ Лири.

V.

Спали люди въ Яго въ лучшихъ случаяхъ съ перерывами по причинѣ сонища, о которомъ уже было сказано. Но Дики спалъ такъ крѣпко, что не слышалъ, какъ вернулся домой отецъ. По

утру Джошъ Перротъ лежалъ на полу весь покрытый уличной пылью и храпѣлъ, точно громъ раскатывался. Не такое было утро, чтобъ отецъ нуждался въ завтракѣ,—это было очевидно. Онъ проснется злой и со страшной жаждой. Дики запасся въ шкафу коркой хлѣба и отправился искать Томи Ренна. Что касается мытья, то онъ не питалъ къ нему никакой особенной склонности и имѣлъ тысячи причинъ, по которымъ пренебрегалъ имъ. Воду можно было доставать только изъ маленькаго крана на заднемъ дворѣ. Кранъ обыкновенно или не дѣйствовалъ, или бывалъ украденъ какимъ-нибудь жильцомъ; къ тому же, все равно, дома не было ни лоханки, ни мыла, ни полотенца. Вообще же всякіе признаки даже умѣренной чистоты принимались на Яго какъ поползновеніе къ превосходству.

Драка началась рано, рѣшительная и свирѣпая. Ренны собрались быстро, гоняли Лири взадъ и впередъ и нападали на нихъ въ ихъ домахъ. Счастье склонялось на сторону Лири только тогда, когда нѣкоторые воюющіе Ренны бывали отрѣзаны отъ главной арміи. По обычаю, постепенно пускалось въ ходъ все болѣе и болѣе дѣйствительное оружіе. На Лири напали съ палками,—они отбивались палками съ торчащими гвоздями, отодранными отъ старыхъ ящиковъ. Обѣ стороны одновременно пустили въ ходъ кистени, а тѣ немногіе, у которыхъ кистеней не было, взяли кочерги, желѣзные прутья. Джинджеръ Стеггъ, захваченный у себя въ сѣняхъ, раскроилъ щеку Пода Пальмера долотомъ. Разъ употребленіе ножей было узаконено такъ счастливо и безъ всякихъ предварительныхъ формальностей, всякій былъ воленъ хватать, что попадалось подъ руку.

На старомъ Яго, между Яго-Кортъ и Эджъ-Ленъ, находилось «Перышко», самый мрачный и отвратительный изъ четырехъ кабаковъ Яго. Въ «Перышко» загнано было нѣсколько дюжинъ Лири; нѣкоторое время они отстаивали и внутреннее отдѣленіе, и пивную отъ Ренновъ, которые толпой ворвались вслѣдъ за ними. Тучей полетѣли стулья, бутылки, оловянныя кружки... Тетка Геппъ, хозяйка, истерично держалась за пивные краны у прилавка, умоляла и громко вопила. Вдругъ одна перегородка съ грохотомъ обрушилась со всѣми полками и множествомъ стакановъ; Ренны бросились черезъ развалины, сшибли Лири съ ногъ, прыгали по нимъ и выбрасывали ихъ изъ заднихъ окошекъ. Очистивши такимъ образомъ домъ отъ нашествія непріятеля, Ренны въ награду требовали напитковъ и брали ихъ: вырывали пивные краны, хватали бутылки, ворвались въ погребъ, гдѣ пили, впихивали внутрь втулки бо-

чекъ. Никто лучше тетки Геппъ не умѣлъ укрощать обыкновенную кабачную драку; ей ничего не стоило, если нужно, сбить человѣка съ ногъ кружкой; но она знала, что теперь нечего и пробовать вмѣшиваться. Ничто, конечно, не могло заставить ее упасть въ обморокъ, но она сидѣла въ разслабленномъ состояніи, безпомощная, плакала и ругалась.

Ренны отступили; каждый уносилъ съ собою бутылку, а то и больше; они разсѣялись и въ этомъ на время было ихъ пораженіе. Лири соединились и начали въ свою очередь гоняться за Реннами; толпа въ восемьдесятъ или сто человѣкъ пробѣгала Яго отъ Хоней-Лена до Микинъ-Стрита. Потомъ она отхлынула назадъ черезъ Эджъ-Ленъ на Старый Яго и направилась къ Джерри Галлену,— это былъ домъ, наполненный Реннами. Джерри Галленъ, Билль Реннъ и другіе укрылись въ верхнемъ этажѣ и на лѣстницѣ построили баррикаду. Внизу Лири били окна, опустошали комнаты, въ дребезги ломая все, что имъ попадалось подъ руку. Сверху Пипъ Уальшъ, который занимался садоводствомъ на своемъ подоконникѣ, швырялъ въ нихъ цвѣточные горшки. На лѣстницѣ Билли Лири, который бралъ баррикаду приступомъ, сбросили сверху внизъ; его пришлось отнести домой; а хозяйка Пипи Уальша разсѣяла осаждавшихъ на улицѣ, выливъ на нихъ полный котелокъ кипятку.

Изъ Яго-Кортъ Ренны сдѣлали внезапную вылазку, но безполезно: партія ихъ была небольшая, появленія ея не ожидали; изъ дому не успѣли оказать имъ во время содѣйствія. Поле сраженія оставалось за Лири.

Посреди улицы торжественно шла, подпрыгивая, Селли Гринъ, красная, въ платьѣ изодранномъ до пояса, осиплая. Царапины шириною въ палецъ пестрили ея спину, лицо и шею, одинъ глазъ былъ подбитъ; но въ огромной рукѣ у нея болталась прядь длинныхъ и спутанныхъ волосъ, и она гикала и бросала вызовъ въ Яго. То былъ трофей, только-что добытый со скальпа Норы Уальшъ—женщины-бойца со стороны Ренновъ, которая потихоньку уползла, чтобы скрыть свою обезображенную голову и подкрѣпиться джиномъ. Никто не отвѣтилъ на вызовъ Селли и она, остановившись на минуту лишь за тѣмъ, чтобы запустить кирпичомъ въ окно Пипа Уальша, прослѣдовала въ Эджъ-Ленъ, продолжая подплясывать и унося свой трофей.

Свалка на лѣстницѣ Джерри Галлена снова загрохотала, а новыя партіи Лири направлялись къ другимъ домамъ на улицѣ, какъ вдругъ со стороны Яго-Ро донесся взрывъ дикихъ криковъ,—

они призывали разсѣянную толпу Ренновъ. Побѣжденный отрядъ, дѣлавшій вылазку изъ Яго-Кортъ, оттиснутый назадъ, достигъ черезъ проходные дома Новаго Яго и принялся собирать разбросанную партію. Теперь Ренны шли пьяные, полупьяные и всякіе, и Лири, бросивши Джери Галлена, ринулись имъ на-встрѣчу. То было сильное столкновеніе; шапки полетѣли, палки и головы стукались съ деревяннымъ трескомъ; потомъ сейчасъ же обѣ толпы слились въ безпорядочной суматохѣ и разбились на отдѣльныя перемѣшанныя группы, въ которыхъ ревѣли и дрались. Тутъ кто-то уползалъ въ дверь съ проломанной головой, тамъ нѣсколько человѣкъ сообща толкали ногами павшаго врага. Ряды сражавшихся рѣдѣли и разсѣивались, вырождаясь въ отдѣльныя схватки; совмѣстныя нападенія становились все рѣже и рѣже и, наконецъ, скоро вдоль всего Яго всякій дрался на свой страхъ. Киддо Кукъ, большой юмористъ, весело бѣгалъ по улицѣ съ большимъ сверткомъ бумаги и билъ имъ направо и налѣво по головамъ Лири, которые ужъ потомъ только догадывались, что въ эту бумагу была завернута кочерга.

Нейтральные жители Яго почти всѣ попрятались. Но Джошъ Перротъ, твердый какъ кремень и чтимый за это, не боялся ни Ренновъ, ни Лири. Онъ оставилъ женѣ немного денегъ и пошелъ опохмѣлиться. Всѣми отверженная публичная женщина Пиджони Полль пряталась по угламъ на заднихъ дворахъ и только плакала при видѣ всякой окровавленной головы. Ее ненавидѣли за то, что она, точно приличная замужняя женщина, не держала при себѣ носителя кистеня и никогда не дралась. Старый Певериджъ былъ такъ возбужденъ событіями дня, что позабылъ о своей работѣ. Обыкновенно онъ прикидывался калѣкой и писалъ письма, вымогая денегъ, но сейчасъ онъ остался на Яго, расхаживалъ по улицамъ худой, точно ржавый, дико размахивалъ ножомъ и безсвязнымъ крикомъ вызывалъ «кого угодно». Никто не подходилъ.

Дики Перротъ и Томми Реннъ нашли надежное убѣжище на Яго-Ро. Тамъ былъ заборъ, въ которомъ одна доска отодвигалась; черезъ образовавшуюся щель очень маленькій мальчикъ могъ пролѣзть. За этимъ заборомъ стояли тачки и телѣжки; опрокинувъ одну изъ нихъ вверхъ дномъ, можно было устроить родъ хижинки или кануры, защищенной заборомъ и другими телѣжками. Туда они спрятались, пока Лири занимали Яго, и оттуда накидывались иногда на малышей изъ противной партіи, когда тѣ проходили мимо. Куски желѣзнаго прута представляли собою весьма основательное оружіе, но были немного велики для быстраго нападенія и

тяжелы для ихъ слабыхъ рукъ. Тѣмъ не менѣе Дики удалось свалить маленькаго Билли Лири ловкимъ ударомъ въ животъ, и Томми Реннъ съ большимъ успѣхомъ раскровенилъ носъ Боби Харнуэля. Съ другой стороны шишка на лбу Томми еще подросла отъ удара палки, а Дики получилъ основательный тумакъ въ глазъ, которымъ очень гордился, надѣясь, что онъ дастъ весьма почетный синякъ. Въ спокойные промежутки они разсказывали другъ другу о своихъ подвигахъ, и Дики выразилъ намѣреніе купить, когда онъ будетъ большой, длинную саблю, чтобы рубить ею головы Лири; но Томми склонялся въ пользу ружья, изъ котораго можно было бы также стрѣлять въ птицъ. Около полудня битва немного стихла; но сново оживилась позднѣе. Въ это время Дики осмѣлился отойти отъ своего убѣжища и попалъ въ схватку. Какой-то человѣкъ выхватилъ у него его желѣзный прутъ и преслѣдовалъ имъ кого-то изъ Лири. Какъ ни почетно было принимать хоть нѣкоторое участіе въ настоящемъ подвигѣ, но Дики жалко было своего прута почти до слезъ. Томми не желалъ давать ему свой кусокъ желѣза, даже на время, и Дики долженъ былъ съ грустью отправиться на поиски за простой палкой. Но свободную палку не легко было найти въ такое время. Выйдя изъ Яго, Дики попыталъ счастья въ Микинъ-стритѣ, гдѣ были лавки, но безуспѣшно; и онъ снова вернулся въ Яго обходомъ черезъ Локъ-Ро.

Мать Дики оставалась дома съ ребенкомъ. Она заперла дверь и дрожала отъ страха. И было отъ чего. Когда вернется Джошъ Перротъ домой—неизвѣстно, но когда онъ вернется, онъ захочетъ ѣсть, для этого онъ ей и оставилъ денегъ. Дики дома не было, а шкафъ былъ совершенно пустъ. Изъ окна она видѣла различныя драки, и какой-то человѣкъ около двухъ часовъ пролежалъ на камняхъ съ разрѣзомъ на искѣ. Лично ее не любили въ сосѣдствѣ. Во-первыхъ, за то, что мужъ ея не носилъ кистеня, а потомъ она была чужая, не изъ Яго и не вошла окончательно въ жизнь Яго. Очень скоро она сдѣлалась неряшлива и грязна, но никогда не напивалась, никогда не ссорилась и неохотно сплетничала. Къ тому же мужъ билъ ее очень рѣдко и то не стуломъ и не кочергой. Справедливо раздраженныя такими преимуществами, женщины Яго не могли простить и того, что Ханна Перротъ вѣнчалась въ церкви. Вслѣдствіе всего этого она была боязлива и въ мирныя времена, а теперь, когда Ренны и Лири были на военномъ положеніи, ей оставалось только тренетать. Она ждала Дики, чтобы послать его за покупками, но о немъ не было ни слуху, ни духу, а время шло. Становилось поздно, Джошъ навѣрное придетъ раздраженный, это

всегда съ нимъ бывало, когда къ вечернему похмѣлью примѣшивалось утреннее пиво. Если онъ не найдетъ дома никакой ѣды, будутъ непріятности.

Наконецъ, она рѣшилась идти сама. Наружный гамъ какъ будто затихъ, а то, что было слышно, шло, казалось, изъ отдаленныхъ частей, изъ Хопей-Лени и Яго-Ро. Она проберется черезъ Локъ-Ро на Микинъ-стритъ и вернется черезъ пять минутъ. Она взяла маленькую Люэ и пошла.

Когда Дики, безъ палки, свернулъ на Локъ-Ро, послышался громкій крикъ, потомъ другой. Потомъ кто-то не своимъ голосомъ сталъ кричать протяжно, съ правильными перерывами. Опять Сэлли Гринъ! Онъ побѣжалъ, повернулъ на старый Яго... и увидѣлъ.

Распростертая, лицомъ въ грязь, лежала на дорогѣ женщина и кричала; у нея подъ рукой барахтался ребенокъ, грязный, съ изцарапанной щекой и слабо плакалъ; а на нихъ лежала Сэлли Гринъ ухвативъ свою жертву за волосы, вцѣпившись ей въ шею зубами, какъ такса, щелкая челюстями и тряся головой.

Вотъ что Дики увидѣлъ. Въ одно мгновеніе онъ бросился на Сэлли Гринъ и началъ толкать ее ногами, бить, кусать, заливаясь слезами,—подъ Сэлли лежали его мать и Люэ.

Но толчки его пропадали въ юбкахъ женщины, а удары были слабы, за то острые зубы вонзались въ плечо, и тутъ подоспѣла подмога.

Нора Уальшъ, побѣжденный борецъ, посмотрѣла въ окно, увидѣла, что врагъ ея уязвимъ, схватила бутылку и выбѣжала наружу. Она остановилась на секунду, отбила у бутылки дно, съ дикимъ крикомъ ухватила Сэлли Гринъ за волосы и начала тыкать ей въ лицо отбитымъ концомъ бутылки. Ослѣпленнія кровью, Сэлли выпустила мистрисъ Перротъ изъ рукъ, упала на спину и свирѣпо отбивалась. Безполезно: Нора Уальшъ уперлась ей колѣномъ въ грудь и тыкала, тыкала, пока не отломились куски стекла. Визги и скачки Сэлли прекратились; какой-то мужчина оттащилъ Нору; она накинулась на него, онъ принужденъ былъ бѣжать; Лири нашли носилки и понесли Сэлли въ госпиталь.

Ханна Перротъ была дома въ истерикѣ, безпомощная.

Она едва успѣла перейти улицу, какъ встрѣтила Сэлли Гринъ, искавшую Ренновъ женскаго пола. Мистрисъ Перротъ не принадлежала къ Реннамъ, но не принадлежала и къ Лири, что сводилось на то же. Она хотѣла бѣжать—невозможно.

Потомъ, рыдая и обливаясь кровью, она сознавала только, что кто-то нѣжно велъ, почти несъ ее въ домъ по лѣстницѣ. Ее поло-

жили на кровать, кто-то распустилъ ей волосы, обмылъ ей лицо и шею и говорилъ ей сиплымъ голосомъ слова утѣшенія. Потомъ она увидѣла лицо, которое наклонялось къ ней, испуганное, грубое, рябое лицо съ красными глазами. Это была Пиджони Полль.

Дики шелъ за матерью. Это былъ уже не герой изъ засады Яго-Ро, а мальчикъ съ заплаканнымъ, искаженнымъ лицомъ. Онъ несъ ребенка на рукахъ и вытиралъ грязь съ его глазъ. Теперь онъ сидѣлъ на низенькомъ ящикѣ, со страхомъ поглядывая на постель, гдѣ лежала мать.

На улицѣ битва загорѣлась снова. Лири кинулись мстить за Сэлли Гринъ, Ренны встрѣтили ихъ твердо. Около «Мѣшка гвоздей» одна партія Ренновъ была вытѣснена за тумбы на Хай-стритъ Шоредича и уже тамъ дрались, пока не палъ Фэгъ Даусонъ отъ удара ножомъ подъ мышку. Тогда Ренны отступили, Лири послѣдовали ихъ примѣру, а Фега Даусона полицейскіе отнесли въ аптеку. Ему ужъ никогда не драться съ Реннами: онъ былъ убитъ наповалъ ударомъ въ лѣвое легкое.

Такъ закончилась война. Простая драка между двумя враждебными партіями въ Яго ни во что не считалась, даже если при этомъ проламывались головы, ломались ребра, если кто бывалъ раненъ ножомъ и умиралъ потомъ въ госпиталѣ. Но когда дѣло доходило до открытаго убійства среди Хай-стрита, полиція сдвигала ряды и входила въ Яго. Въ обыкновенное время два-три полисмена заглянутъ въ Яго изъ-за «столбовъ»—вотъ и вся охрана. Впрочемъ, видѣли какъ-то, что три полисмена вмѣстѣ проходили вдоль Стараго Яго; а иногда дѣлались правильныя нашествія, когда надобно было поймать кого-нибудь. Теперь было сдѣлано такое правильное нашествіе, и смута прекратилась. Ничего не могло быть пріятнѣе и Реннамъ, и Лири, какъ сшибить съ ногъ двухъ или трехъ полицейскихъ, хоть бы для практики, но ихъ было слишкомъ много для такой забавы. Итакъ, въ теченіе долгихъ часовъ полиція сторожила всѣ самые сокровенные закоулки Яго. Конечно, никто не зналъ, кто убилъ Фега Даусона. Никогда ни одинъ полицейскій не могъ найти въ Старомъ Яго такого человѣка, который бы сказалъ хоть что-нибудь, даже противъ своего злѣйшаго врага. Одна заповѣдь свято соблюдалась на Яго: «Не выдавай».

Въ эту же ночь всѣ знали, что между Джошомъ Перротомъ и Билли Лири будетъ драка, какъ только послѣдній поправится. Джошъ Перротъ вернулся домой, увидѣлъ жену и съ мѣста сдѣлался Ренномъ. Не будь полиціи, многихъ Лири постигла бы въ эту ночь кара Джоша Перрота. Мужъ Сэлли Гринъ бѣжалъ много лѣтъ тому

назадъ, поэтому братъ ея, Билли Лири, былъ предназначенной жертвой мщенія Джоша. Билли былъ почти такой же видный боецъ среди мужчинъ, какъ сестра его среди женщинъ. Отъ этой схватки ожидалось огромное удовольствіе. Она должна была произойти, какъ всѣ торжественныя драки, въ воскресенье утромъ, на Яго-Кортѣ. Можетъ быть кто-нибудь изъ червонныхъ валетовъ приметъ участіе въ ставкахъ на пари.

VI.

Настало утро, а полиція все еще занимала Яго. Присутствіе полиціи стѣсняло многихъ, но больше всѣхъ Дики Перрота,—онъ всегда сворачивалъ въ сторону при видѣ полисмена. Дики ушелъ рано изъ Стараго Яго и направился въ Микинъ-стритъ, гдѣ были мелочныя лавочки съ сахаромъ на окнахъ и съѣстныя лавки съ пуддингомъ. Онъ намѣревался пробраться оттуда на Хай-стритъ Шоредича и тамъ увѣнчать свой походъ созерцаніемъ лавки съ какомъ. Но, подойдя на Микинъ-стритѣ къ кофейной Війча, онъ увидѣлъ, что самъ хозяинъ стоитъ у двери, улыбаясь, кивая ему привѣтливо головой и поманивая пальцемъ. Мистеръ Ааронъ Війчъ былъ весьма пріятный человѣкъ. Онъ распѣвалъ гимны въ своей гостиной за лавкой и даже въ лавкѣ мурлыкалъ ихъ. Это былъ зажиточный, сладко-улыбающійся торговецъ, въ бѣломъ фартукѣ, съ бакенбардами и полу-лысой головой, который привѣтливо разговаривалъ съ маленькими мальчиками, наклоняясь къ нимъ и пристально глядя имъ прямо въ глаза; но при разговорахъ со взрослыми взглядъ его чаще всего покоился на жилеткѣ собесѣдника.

Было, казалось, что-то особенно привлекательное для молодежи въ мистерѣ Війчѣ. Почти всѣ его покупатели были мальчики или дѣвочки,—но такіе мальчики и дѣвочки, которые врядъ ли могли много платить за его напитки. Онъ всегда былъ снисходителенъ, всегда доступенъ для своихъ маленькихъ кліентовъ. Даже въ воскресенье (хотя, конечно, ставни его лавки плотно запирались въ день покоя), но даже въ этотъ день, стоило лишь постучаться особымъ образомъ, и онъ сейчасъ же показывался у двери. Конечно, не для того, чтобы продавать свой кофе,—онъ свято чтилъ день субботній.

Онъ стоялъ у своей двери, поманивая Дики и кивая ему головой. Дики подошелъ, удивленный и готовый улизнуть, еслибы все это оказалось лишь хитростью, чтобы подвести его подъ трепку.

— Ахъ, Дики Перротъ?—сказалъ мистеръ Війчъ, тономъ не-

притворнаго удивленія.—Я думаю, ты не отказался бы отъ чашки кофе?

Дики, удивляясь, откуда мистеръ Війчъ знаетъ его имя, отвѣчалъ, что онъ бы не отказался.

— Ручаюсь, что ты съѣлъ бы и кусочекъ кэка,—прибавилъ мистеръ Війчъ.

У Дики глаза загорѣлись. Да, онъ можетъ съѣсть кусокъ кэка.

— Такъ я и зналъ! — побѣдоносно воскликнулъ мистеръ Війчъ,—я всегда знаю.

Онъ положилъ руку на голову Дики, потеръ по ней шапкой и ввелъ его въ лавку, которая въ ту минуту была пуста. Въ самомъ внутреннемъ отдѣленіи Війчъ нѣжнымъ нажатіемъ на плечи посадилъ Дики къ столу.

Онъ принесъ кофе и не одинъ кусокъ кэка, а два. Конечно, это былъ не тотъ кэкъ, что въ Миссіи подъема, и даже не тотъ, который лежалъ на окнѣ лавки въ Хай-стритѣ,—онъ былъ темнѣе, тяжелѣе, грубѣе, и изюминокъ было мало, и онѣ были точно съ пескомъ. Но это былъ кэкъ и критиковать его не стоило. Дики ѣлъ, но не съ такимъ удовольствіемъ, какъ бы ему хотѣлось, потому что мистеръ Війчъ не спускалъ съ него глазъ, сидя противъ него. По какой-то странной причинѣ, Дики ужасно хотѣлось плакать. Въ первый разъ въ жизни ему дали что-то, дали добромъ, охотно.

Онъ проглотилъ послѣдній кусокъ, залилъ его гущей изъ своей чашки и глупо-застѣнчиво смотрѣлъ на мистера Війча.

— Что, проходитъ какъ слѣдуетъ быть?—замѣтилъ его благодѣтель.—Люблю я смотрѣть на васъ, когда вы радуетесь. Очень люблю васъ, малышей! Особенно такихъ умниковъ какъ ты.

Насколько Дики помнилъ, его еще никто прежде не называлъ умникомъ; онъ очень былъ удивленъ. Мистеръ Війчъ откинулся назадъ, улыбаясь, и смотрѣлъ на него нѣсколько секундъ, потомъ продолжалъ:

— Да, да,—сказалъ онъ,—ты именно такой мальчикъ, что можешь имѣть кофе и кэкъ, когда захочешь... именно такой.

Дики удивился еще больше и удивленіе это отразилось на его лицѣ.

— Знаешь,—продолжалъ мистеръ Війчъ, вдругъ подмигивая, улыбаясь и покачивая головой.—Славные ты намедни нашелъ часы. Тебѣ бы мнѣ ихъ принести.

Дики испугался. Какъ это мистеръ Війчъ зналъ про часы? Можетъ быть, онъ другъ того смѣшного старика, который ихъ поте-

рялъ. Дики приподнялся, но его любезный хозяинъ, наклонившись черезъ столъ, толкнулъ снова на стулъ.

— Ты не бойся,—сказалъ онъ,—я никому не скажу. Только я все это знаю и, пойми, могъ бы сказать. Ты нашелъ часы, красные, на кусочкѣ ленточки. Ну, потомъ ты взялъ да и отнесъ ихъ домой, какъ настоящій дурачекъ. Что сдѣлалъ твой отецъ? Ну, онъ отодралъ тебя поясомъ, а часы самъ прикарманилъ. Вотъ все, что ты получилъ за свои труды. Видишь, я все знаю!

Мистеръ Війчъ смотрѣлъ на Дики съ застывшей улыбкой.

— Кто вамъ сказалъ?—смогъ, наконецъ, выговорить Дики.

— О-о! — отвѣчалъ мистеръ Війчъ съ особеннымъ выраженіемъ и похлопывая указательнымъ пальцемъ себѣ по носу.—Мнѣ не надо никакихъ сказываній. Мнѣ почти все извѣстно изъ того, что здѣсь дѣлается. Ужъ какъ,—это все равно. Можетъ у меня есть такая птичка, которая мнѣ все говоритъ, а можетъ и что иное. Какъ-никакъ, а знаю. Ни одному мальчику не стоитъ и пробовать дѣлать что-нибудь отъ меня потихоньку. Намотай это себѣ на усъ!

Голова мистера Війча наклонилась на бокъ, улыбка расширилась, онъ смотрѣлъ искоса, а пальцемъ онъ указывалъ куда-то надъ головой Дики. Онъ казался такимъ всезнающимъ, что Дики заерзалъ на стулѣ. Какими загадочными путями такъ много узнаетъ его новый другъ? Это очень смущало Дики, который и понятія не имѣлъ о разговорѣ Аарона Війча съ Томми Ренномъ, проходившемъ часъ тому назадъ.

— Ну, да все равно, Господь съ тобой!—прибавилъ вдругъ мистеръ Війчъ.—Никто не знаетъ... а что я знаю—это все равно. О чемъ, бишь, мы говорили? О часахъ. Такъ вотъ все, что тебѣ досталось послѣ столькихъ трудовъ! Порка поясомъ. Это было нехорошо, очень нехорошо!—въ голосѣ мистера Війча слышалась жалость и сочувствіе.—Послѣ того какъ ты нашелъ такіе славные часики, и красные, и все такое... тебѣ ничего не перепало кромѣ порки! Ничего, въ другой разъ будетъ лучше, ужъ объ этомъ я позабочусь. Не люблю я, когда наказываютъ такихъ славныхъ мальчиковъ. А ты поди, да найди другіе, или еще что-нибудь... что-нибудь хорошее... да и принеси сюда.

Дружеское сочувствіе мистера Війча усыпило подозрѣнія Дики.

— Я не нашелъ ихъ, — сказалъ онъ боязливо, но съ гордостью.—Я обработалъ дѣло, я ихъ слямзилъ.

— Что?—сказалъ мистеръ Війчъ, изображая полнѣйшее непониманіе.—Что? Обработалъ дѣло? Какое дѣло? Слямзилъ? Что это

значитъ? Сроду ничего такого не слыхалъ, и слышать не желаю. По-моему это значитъ что-то худое... не знаю что, и знать не хочу. Слушать такіе вещи? Что? Чтобъ ты мнѣ никогда ничего такого не говорилъ, или близко ко мнѣ не подходи! Если ты *найдешь* что-нибудь, тогда ладно, приходи, приноси и я тебѣ за это что-нибудь дамъ, если стоитъ. Никому нѣтъ, конечно, дѣла *гдѣ* ты это нашелъ, и я не желаю знать. Но лямзанье это для меня все равно что по-гречески, знать не знаю и вѣдать не вѣдаю. Понялъ? Нечего сказать, разговоръ: слямзилъ!

Дики немного покраснѣлъ, чувствовалъ себя виноватымъ, но рѣшительно не понималъ, чѣмъ онъ обидѣлъ своего собесѣдника. Негодованіе мистера Війча утихало такъ же быстро, какъ быстро возгоралось, и онъ продолжалъ по-прежнему ласково.

— Когда ты *найдешь* что-нибудь,—сказалъ онъ,—ну, вотъ какъ ты нашелъ эти часы... ты никому ничего не говори и никому не показывай. Скорѣй неси все сюда, когда нѣтъ полисмена на улицѣ, и прямо иди къ задней двери лавки и говори: «я пришелъ ножи чистить». Понялъ? «Я пришелъ ножи чистить». Никакихъ ножей не нужно чистить, это только такъ, чтобъ я понялъ, что у тебя есть что-то такое, чего не надо другимъ знать. Тогда я тебѣ за это что-нибудь дамъ... можетъ быть денегъ, а то кэку, или и еще что-нибудь. Такъ не забудь: «я пришелъ чистить ножи». Запомнилъ?

Да, Дики все понялъ превосходно; Дики видѣлъ передъ собою новый міръ ослѣпительнаго блаженства. Кэкъ... кэкъ безпредѣльный, кофе и тому подобное, всякій разъ, когда ему захочется. Но болѣе того—деньги, настоящія деньги. Хорошія, большія пенни, а пожалуй, и цѣлые шиллинги... даже больше пожалуй... Деньги, на которыя можно купить къ обѣду телячьей печонки, или рубцовъ, или чего захочешь: колбасы, печенаго картофеля, холодною ночью, прямо изъ золы,—колясочку, чтобы катать Люэ, корабль изъ игрушечной лавки съ парусами!

— Конца нѣтъ вещамъ, которыя можно найти тутъ, повсюду... и ловкій мальчикъ, какъ ты, каждый день можетъ что-нибудь находить. А если ты самъ ничего не найдешь, кто-нибудь другой найдетъ. Мало ли кто ищетъ и находитъ, ты столько же имѣешь права на эти вещи, какъ и другіе. Только помни!—мистеръ Війчъ внезапно сталъ серьезенъ и строгъ, и указательный палецъ поднялся выразительно:—ты теперь знаешь, что ничего не можешь сдѣлать ...кого, чтобъ я не узналъ... и если ты скажешь хоть слово, если ...ько ты скажешь одно слово,—онъ ударилъ кулакомъ по столу,— ...тобой что-нибудь случится... что-нибудь плохое.

Мистеръ Війчъ всталъ. Онъ былъ снова любезенъ, но принялъ дѣловой тонъ.

— Теперь иди и найди что-нибудь,—сказалъ онъ.—Ищи хорошенько и не попадайся въ бѣду. Кофе стоитъ одинъ пенни и кэкъ одинъ пенни. По-настоящему—два пенса; ну, да этотъ разъ, такъ и быть, пусть будетъ одинъ пенни. Ты мнѣ долженъ всего два пенса и хорошо сдѣлаешь, если сразу принесешь что-нибудь и расплатишься. Ну, ступай.

Это былъ совершенно непредвидѣнный финалъ разговора. Въ первый разъ въ жизни Дики задолжалъ. Онъ былъ слегка разочарованъ, узнавши, что кофе и кэкъ ему не подарили. А въ сущности глупо было и думать, что это подарокъ. Въ томъ мірѣ, гдѣ жилъ Дики, люди никогда не давали ничего даромъ, это было бы поступкомъ дурака. Такъ Дики вышелъ изъ дверей лавки мистера Війча, заложивши руки въ дырявые карманы, съ заботой на маленькомъ личикѣ, гдѣ еще виднѣлись слѣды вчерашнихъ слезъ, и побрелъ вдоль Микинъ-стрита.

Онъ начиналъ серьезную жизнь и долженъ считаться съ этимъ фактомъ. На самомъ дѣлѣ и до этого времени жизнь его была довольно серьезна, но онъ-то этого не зналъ. Теперь онъ вошелъ въ такой возрастъ, когда большая часть мальчиковъ воруетъ для себя, а у него были уже долги, какъ у настоящаго мужчины. Правду сказалъ мистеръ Війчъ, что всякій—весь Яго—ищетъ что-нибудь для себя. Онъ, очевидно, долженъ брать свою долю, а то она перепадетъ другому. Что касается до часовъ стараго господина, онъ съ ними поспѣшилъ. Онъ потерялъ ихъ по глупой наивности, а отецъ взялъ ихъ себѣ, хотя могъ бы отлично украсть другіе для себя, потому что онъ человѣкъ сильный и ему стоило только сбить съ ногъ любого человѣка въ ночное время. Теперь ужъ никто не будетъ знать ни про одно «дѣло» кромѣ мистера Війча. Всякій для себя? Маршъ, пора и ему открыть глаза.

Г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Созвѣздіе маневровъ и мазурки!
Судьба любви—играть ей вѣчно въ жмурки!
А мнѣ...»

Не было тоже искренности, пыла въ признаніи въ любви, послѣ котораго сама Софья невольно, но прямо высказываетъ, что любитъ Молчалина, а Чацкій все еще не вѣритъ этому, такъ невозможнымъ кажется ему подобный соперникъ, и онъ думаетъ вслухъ:

«Шалитъ,—она его не любитъ».

и, успокоившись, переходитъ къ достоинствамъ Скалозуба.

Пропалъ также крикъ оскорбленнаго сердца: «Ахъ, Софья! Не ужель Молчалинъ избранъ ею?»—и вся превосходная сцена *съ избранникомъ ея сердца*, съ Алексѣемъ Степановичемъ.

Не говорю уже о монологѣ: «Французикъ изъ Бордо», дѣйствительно, очень трудномъ для исполненія. Вообще сложилось убѣжденіе, что Чацкій не живое лицо; Пушкинъ говорилъ, будто бы, что Чацкій—глупъ, а Грибоѣдовъ—очень уменъ. Бѣлинскій считалъ Чацкаго полоумнымъ; а мнѣ все кажется, что эта благодарная роль даетъ много данныхъ артисту сдѣлать изъ нея живое лицо. При первой встрѣчѣ Софья окачиваетъ холодною водой любовный пылъ Чацкаго, оскорбленное самолюбіе слышится въ его рѣчахъ въ 1-мъ дѣйствіи, но въ то же время чувствуется и его любовь къ Софьѣ, она прорывается въ признаньѣ:

«И все-таки я васъ безъ памяти люблю!»

и въ невольномъ вздохѣ, когда Чацкій уходитъ въ концѣ 1-го дѣйствія:

«Какъ хороша.»

и въ словахъ къ Фамусову: «Какъ Софья Павловна у васъ похорошѣла», во всѣхъ вопросахъ:

«Ужъ Софьѣ Павловнѣ какой
Не приключилось ли печали?»

Потомъ дальше:

«Я только что спросилъ два слова
Объ Софьѣ Павловнѣ, быть можетъ нездорова?»

Но отношеніе Фамусова къ нѣжному чувству Чацкаго къ Софьѣ и весь послѣдующій разговоръ и съ нимъ, и съ Скалозубомъ могъ вывести изъ терпѣнія человѣка и не съ темпераментомъ Чацкаго, и потому понятны его послѣдующія тирады, и что иначе какъ

монологомъ: «А судьи кто?»—онъ и не могъ кончить эту невыносимую для него сцену.

Но вотъ онъ рѣшается *вынудить признанье*. И сколько нѣжностей, чувства въ его любовномъ признаніи, какъ въ пылу его Чацкій остается вѣренъ себѣ и хотя хочетъ притвориться равнодушнымъ къ Молчалину, но, ревнуя Софью къ этой гадинѣ, невольно рисуетъ ей непривлекательный портретъ *милаго* ей человѣка... а потомъ:

«Когда все рѣшено,
Мнѣ въ петлю лѣзть, а ей смѣшно!»

Влюбленный Чацкій, какъ утопающій, хватается за соломинку, рѣшаетъ:

«Шалитъ,—она его не любитъ»,

и, совершенно успокоенный послѣ объясненія съ соперникомъ, говоритъ при немъ почти громко:

«Съ такими чувствами! Съ такой душой,
Любимъ?... Обманщица смѣялась надо мной».

Послѣ всѣхъ мученій и терзаній и отъ Софьи, и отъ Фамусова становится понятнымъ, что Чацкій забываетъ свѣтскія приличія и ведетъ себя на вечерѣ, не такъ какъ всегда, т.-е. вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ, а начинаетъ величать модисткой графиню внучку, громко смѣется надъ похвалами Хлестовой Загорѣцкому, даже даетъ Горичеву совѣтъ жить въ деревнѣ (ну, какъ не сумасшедшій)... и когда послѣ встрѣчи съ французикомъ изъ Бордо и рабскаго поклоненія ему, и, въ его лицѣ, милой Франціи, разныхъ сестрицъ княженъ и имъ подобныхъ, желчь все болѣе и болѣе заливаетъ изстрадавшееся его сердце, помрачаетъ умъ и Чацкій доходитъ до пожеланія:

«Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!»

Понятно, что всѣ на балѣ охотно повѣрили пущенной молвѣ о его сумасшествіи. А какъ благодаренъ для талантливаго актера весь послѣдній актъ.

Ожидая кареты, измученный Чацкій говоритъ полный грусти монологъ: «Ну, вотъ и день прошелъ»,—въ которомъ такъ чутко и прелестными стихами выражено все состояніе его души. Да и вообще какими чудными стихами написана вся роль.

Лакей докладываетъ:

«Кучера нигдѣ, вишь, не найдутъ»,—и вмѣсто кáреты, на Чацкаго обрушивается, какъ бомба, послѣдній фруктъ, которымъ угощаетъ его Москва—Репетиловъ!

И вотъ начинается огнедышащее словоизверженіе: въ немъ исповѣдь и самобичеваніе, въ перемѣшку со вспыхивающими въ разгоряченномъ винными парами мозгу Репетилова разными воспоминаніями о томъ, что онъ когда-либо видѣлъ или слышалъ; и все это съ брызгами слюны изливается на Чацкаго. Появилось политическое общество, въ стѣнахъ англійскаго клуба, гдѣ:

«Вслухъ говоримъ—никто не разберетъ!»

и три танцовщицы, которыхъ *разомъ* содержалъ Репетиловъ; еще не созрѣвшее государственное дѣло, фаланга дѣятелей, съ американцемъ во главѣ и геній:

«Удушьевъ, Ипполитъ Маркелычъ..
Ты сочиненія его
Читалъ ли что-нибудь! Хоть мелочь!
Прочти, братецъ! Да онъ не пишетъ ничего...

и совѣтъ отыскать въ журналахъ:

«Его отрывокъ: взглядъ и нѣчто...
О чемъ бишь нѣчто?—обо всемъ
Все знаетъ...»

Толки о матеріяхъ важныхъ, какъ-то: Байронъ, камеры, судъ присяжныхъ... и наивное сознаніе, что при сихъ разговорахъ:

«Частенько слушаю, не разжимая губъ;
Мнѣ не подъ силу, братъ,—и чувствую, что глупъ».

Выручаетъ Чацкаго Скалозубъ, на котораго накидывается Репетиловъ; Чацкій спасается въ швейцарскую, откуда и слышитъ всѣ толки и сужденія о своемъ сумасшествіи. Какъ вѣренъ и понятенъ тогда его монологъ:

«Что это! Слышалъ я моими ли ушами?»

Какой просторъ въ немъ актеру выказать свое дарованіе.

Но какъ ни оскорбленъ Чацкій сужденіями «общественнаго мнѣнія и родиной», его любовь къ Софьѣ беретъ верхъ надъ самолюбіемъ, желчь его утихаетъ.

«А Софья знаетъ ли? Конечно, разсказали.
Она не то чтобы мнѣ именно во вредъ.
Потѣшилась,—а правда, или нѣтъ,
Ей все равно,—другой ли, я ли:

Нѝчѣмъ, по совѣсти, она не дорожитъ.
Но этотъ обморокъ? Безпамятство откуда?»

Но тутъ сама Софья помогла *рѣшенію загадки*, она появилась и зоветъ Молчалина, идетъ сцена Молчалина съ Лизой, изъ которой, наконецъ, и Софья вполнѣ узнаетъ, что за достойная личность ея предметъ. Она прогоняетъ его и радуется, что все узнала ночью, безъ свидѣтелей...

«Какъ давича, когда я въ обморокъ упала,
Здѣсь Чацкій былъ».

Чацкій бросается между ними.

«Онъ здѣсь, притворщица!»

Бѣлинскій въ разборѣ «Горе отъ ума» пишетъ: «*Скажите, Бога ради, какой бы порядочный, по крайней мѣрѣ, не сумасшедшій человѣкъ на мѣстѣ Чацкаго не удалился тихонько, узнавъ горькую истину... Но ему надо было произвести трагическій эффектъ, а вышла преуморительная комическая сцена, гдѣ самое смѣшное лицо—г. Чацкій... Нѣтъ не то: ему надо было еще прочесть нѣсколько проповѣдей... Безъ этого комедія, по крайней мѣрѣ, кончилась бы на мѣстѣ, а тутъ она еще тянется, Богъ знаетъ для чего. Окончаніе извѣстно и мы не будемъ о немъ говорить*».

Мнѣ кажется, улетѣлъ бы ангелъ, а *удалился бы тихонько* только истый послѣдователь ученія Льва Николаевича Толстого и поступилъ бы очень нравственно. Но обыкновенный смертный, выстрадавшій такъ много, вынесшій за свою любовь столько оскорбленій, изъ которыхъ самое тяжелое убѣдиться въ томъ, *кого ему предпочли*; измученный, униженный человѣкъ не можетъ вспорхнуть и улетѣть, какъ ангелъ, а кинется къ своей мучительницѣ и естественно вырывается у него вопль растерзаннаго сердца:

«Скорѣе въ обморокъ! Теперь оно въ порядкѣ,
Важнѣе давишней причина есть тому.
Вотъ, наконецъ, рѣшеніе загадкѣ!
Вотъ я пожертвованъ—кому?»

С. В. Шумскаго я въ Чацкомъ не видалъ; вѣроятно, онъ игралъ эту роль очень умно. Я зналъ только трехъ почти равныхъ по уму *игры* актеровъ, это: Шумскій, Кокленъ старшій и Дюпьи (драматическій), но всѣ они были немного холодны, не было въ ихъ игрѣ того, что называется искрой Божіей, а есть роли, которыя однимъ умомъ, безъ этой искры, сыграть невозможно. На-

примѣръ, Хлестаковъ;—несмотря на изученіе, трудъ, на весь его умъ, Шумскій не справился съ Иваномъ Александровичемъ и былъ только прекрасенъ въ актѣ, когда Хлестаковъ занимаетъ у чиновниковъ деньги; именно въ томъ мѣстѣ роли, гдѣ не она сама *все* даетъ исполнителю, но даетъ при непремѣнномъ условіи, чтобъ актеръ перешелъ въ плоть и кровь Хлестакова, чего безъ вдохновенія и безъ огромнаго таланта сдѣлать невозможно. Сцены же, когда Хлестаковъ занимаетъ деньги, не совсѣмъ естественны, и нуженъ былъ большой умъ и громадный трудъ, чтобы хорошо исполнить это мѣсто роли, и именно въ этихъ-то сценахъ Шумскій и былъ превосходенъ. Я говорю о сценахъ займа Хлестаковымъ у чиновниковъ денегъ въ первомъ изданіи «Ревизора», впослѣдствіи передѣланныхъ авторомъ, а въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ на Императорскихъ театрахъ играли «Ревизора» по первоначальному изданію, по которому Шумскій только исполнялъ Хлестакова.

Видѣлъ я еще въ Чацкомъ Максимова 1-го, писателя Маркевича. Я помню сужденія С. Т. Аксакова объ исполненіи этой роли Мочаловымъ и Каратыгинымъ. Свѣтскіе манеры, изящность и вообще красота Каратыгина на сценѣ вошли въ пословицу (а онъ являлся въ первомъ актѣ Чацкимъ съ клеенчатой фуражкой въ одной рукѣ, въ другой держалъ не надѣванныя бѣлыя перчатки). По мнѣнію Аксакова, въ этой роли Каратыгинъ былъ тотъ же Дмитрій Донской или Фингалъ, только въ штатскомъ платьѣ. Отъ игры Мочалова въ послѣднемъ актѣ, Сергѣй Тимоѳеевичъ былъ въ восторгѣ, этотъ актъ всегда удавался Мочалову, хотя въ цѣломъ и онъ, по словамъ Аксакова, тоже не былъ Чацкимъ, а трагическимъ героемъ. Чтобы сдѣлать характеристику исполненія этой роли А. М. Максимовымъ 1-мъ (лучшимъ Чацкимъ Александринскаго театра), приведу одну поразившую меня фразу въ его исполненіи. Въ концѣ 1-го акта Чацкій, обѣщая Фамусову вернуться черезъ часъ, чтобы передать ему всѣ подробности своего путешествія, уходитъ и, проходя мимо двери комнаты любимой имъ дѣвушки, у него невольно вырывается почти sotto voce:

«Какъ хороша!»

Максимовъ, уходя, остановился и, показывая шляпою на дверь, съ паѳосомъ воскликнулъ:

«Какъ (пауза)... хороша-а!»

Коротко и ясно...

Такъ же, какъ увлекъ меня *баринъ* Фамусовъ въ игрѣ Гр. П. А. А., такъ и восхитилъ публику свѣтскимъ лоскомъ и манерами дэнди писатель Маркевичъ; въ первый разъ зрители увидѣли на сценѣ вполнѣ порядочнаго Чацкаго, и къ этому Маркевичъ прекрасно читалъ стихи, но не болѣе. Приходятъ мнѣ на память разные анекдоты, при исполненіи этой роли. Покойный поэтъ Б. Н. Алмазовъ разсказывалъ мнѣ, что онъ, въ любительскомъ спектаклѣ у отца Аполлона Григорьевича, игралъ Чацкаго, и что Софья постоянно *ходила въ оглобляхъ*. Почти единственный жестъ, который дѣлалъ руками Борисъ Николаевичъ, былъ тотъ, что онъ вытягивалъ руки во всю длину впередъ, и Софья была между ними, какъ въ оглобляхъ.

Недавно на любительскомъ спектаклѣ въ Ельцѣ шло «Горе отъ ума». Въ послѣднемъ актѣ, Чацкій, узнавъ о предстоящемъ любовномъ свиданіи Софьи съ Молчалинымъ, страшно волнуется и спрашиваетъ себя, не впрямь ли онъ сошелъ съ ума? Его монологъ долженъ прервать лакей словомъ: «Каре...»

За кулисами режисеръ, слѣдя за монологомъ Чацкаго, вполголоса читаетъ его роль, одною строчкою впередъ: «Звала Молчалина, вотъ комната его».

Вамъ, говоритъ режиссеръ, выталкивая на сцену актера, играющаго лакея Чацкаго, тотъ вылетаетъ и вмѣсто слова: «Каре...» громогласно говоритъ (слова только что слышанныя имъ отъ режиссера, которыя не успѣлъ еще произнести Чацкій).

«Звала Молчалина, вотъ комната его!...»

Публика удивлена, Чацкій тоже, при появленіи сего ясновидящаго, читающаго въ мысляхъ и объявляющаго тѣ самыя слова, которыя только что хотѣлъ сказать Чацкій.

Вспоминаю тоже не анекдотъ, а быль, какъ одинъ актеръ, давая въ свой бенефисъ «Горе отъ ума», явился приглашать на сей спектакль... архіерея.

До сихъ поръ въ провинціи существуетъ обычай, по которому артисты, во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, развозятъ, начиная съ губернатора, всѣмъ почетнымъ лицамъ губернскаго города и богатымъ купцамъ билеты на свой бенефисъ.

Въ одной губерніи былъ очень строгій въ своей жизни и въ обращеніи съ другими архіерей, по обыкновенію не ладившій съ губернаторомъ, и, противъ обыкновенія, не любившій принимать дамъ и ихъ рукодѣлія, въ видѣ подушекъ, покрышекъ для стола и т. п. Въ губернскомъ городѣ былъ театръ, первый любовникъ труппы

давалъ въ свой бенефисъ «Горе отъ ума», играя самъ Чацкаго. Артистъ сей не отличался умственными способностями и когда развезъ билеты всѣмъ губернскимъ тузамъ, долго придумывая кому бы еще отвезти билетикъ, онъ посовѣтывался съ товарищами и одинъ изъ нихъ спросилъ его въ шутку:

— А у архіерея былъ?

— Нѣтъ.

— Хорошъ! Какъ же ты не поѣхалъ къ первому духовному лицу въ городѣ? Онъ обидится, скажетъ: у губернатора былъ, а у меня нѣтъ. Ложи ему везти не надо, а непремѣнно отвези ему кресло перваго ряда. Осталось еще кресло?

— Осталось лучшее, въ самой серединѣ.

На другое утро бенефиціантъ, завитый барашкомъ, во фракѣ на голубой подкладкѣ, въ шапо-клакъ, на лихачѣ подкатилъ къ монастырю, велѣлъ о себѣ доложить, архіерей его принялъ.

Актеръ подходитъ подъ благословеніе, цѣлуетъ руку, подаетъ билетъ съ афишей на розовомъ атласѣ, окаймленной золотымъ кружевомъ, и объясняетъ, что имѣетъ честь поднести его преосвященству билетъ на бенефисъ; пойдетъ съ разрѣшеніемъ цензуры и начальства знаменитая комедія «Горе отъ отъ ума», съ баломъ, танцами и Чацкаго будетъ исполнять онъ—бенефиціантъ.

Долго глядѣлъ на него изумленный владыка, и наконецъ сказалъ:

— Ахъ ты дурашный, дурашный! Какъ же это я въ клобукѣ, да въ мантіи къ тебѣ на бенефисъ-то пойду? И какъ это только тебѣ въ голову влетѣло? Это кто-нибудь тебя, дурака, научилъ билетъ-то мнѣ привезти?

— Никакъ нѣтъ, ваше преосвященство,—бормоталъ сконфуженный актеръ.

— Ну хорошо, хорошо. Эй! кто тамъ?

Вошелъ келейникъ.

— Принеси съ полки, тамъ лежатъ сочиненія Державина.

Келейникъ принесъ.

— Ну, садись, господинъ Чацкій. Оду «Богъ» знаешь? Прочитай-ка ее.

Артистъ начинаетъ читать, преосвященный поправляетъ его:

— Тише, куда спѣшишь, читай проще; ну, что орешь!

Наконецъ ода прочтена.

— Ну вотъ тебѣ 25 рублей, ступай съ Богомъ.

— А какъ же билетъ?— спрашиваетъ добросовѣстный бенефиціантъ.

— Что мнѣ съ нимъ дѣлать-то? Ну, положи на столъ, секретарю отдамъ, онъ посмотритъ и разскажетъ мнѣ, какъ ты Чацкаго-то протанцуешь.

Довольный актеръ удалился.

Изъ всѣхъ видѣнныхъ мною актрисъ въ роли *Софьи одна Самойлова 2-я Мичурина* ее играла въ совершенствѣ; она одна сумѣла уяснить, отчего Софья Павловна, далеко не развитая и не умная дѣвушка, мѣстами мѣткимъ словомъ, намекомъ—обрываетъ злыя остроты Чацкаго и минутами дѣлаетъ его самого смѣшнымъ.

Въ игрѣ Самойловой 2-й понятно было, что не умъ, не находчивость подсказывали Софьѣ насмѣшки надъ Чацкимъ, а нѣчто иное. Какъ только Чацкій грубо прикасался къ нѣжнымъ струнамъ ея сердца, къ ея любви къ Молчалину, у нея закипала желчь, ненависть къ оскорбителю вдохновляетъ ее, и не умная Софья *умно* обращаетъ остроты Чацкаго на него самого, язвитъ его... Какъ самка показываетъ зубы, когда трогаютъ ея единственную привязанность, ея дѣтеныша...

Такъ играла Софью одна Самойлова.

Многимъ исполнительницамъ «Софьи» я старался объяснить, что есть одно слово въ этой роли, которое невозможно допустить, чтобъ его могла сказать дѣвушка, даже въ пылу негодованія, при разочарованіи въ любимомъ человѣкѣ... но напрасны были мои доводы, всѣ Софьи, и артистки, и любительницы, продолжаютъ говорить его, а это слово явная описка.

«Горе отъ ума» лишь болѣе чѣмъ черезъ десять лѣтъ послѣ смерти Грибоѣдова появилась и то съ большими пропусками—сперва на сценѣ въ Москвѣ, одинъ 2-й актъ въ бенефисъ Щепкина, потомъ въ печати. Долгое время «Горе отъ ума», въ сотняхъ рукописей, ходила по рукамъ гораздо ранѣе появленія этой безсмертной комедіи въ печати. Уже по рукописямъ публика выучила ее наизусть и какъ пословицами стала говорить стихами «Горе отъ ума». Эти списки различались другъ отъ друга разными варіантами и были нерѣдко наполнены ошибками переписчиковъ; къ числу ошибокъ приписываю я то слово, которое говоритъ Софья Молчалину и о которомъ поведу рѣчь.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Явленіе XII.

Молчалинъ.

«Какъ вы прикажете».

Софья.

«Иначе разскажу
Всю правду батюшкѣ съ досады...
Вы знаете, что я собой не дорожу!
Подите! *Стойте*... будьте рады,
Что при свиданіи со мной въ ночной тиши,
Держались болѣе вы робости во нравѣ,
Чѣмъ даже днемъ, и при людяхъ, и въ явѣ,
Въ васъ меньше дерзости, чѣмъ кривизны души».

Возможно ли, чтобъ дѣвушка, прогоняя бывшаго влюбленнаго словомъ «подите», тутъ же послѣ этого слова остановила его... и для чего? Чтобы сказать ему: будьте рады, что при свиданіяхъ со мной въ ночной тиши вы не воспользовались тѣмъ, чѣмъ всякій воспользовался бы на вашемъ мѣстѣ.

Въ пылу негодованія, подобное признаніе можетъ еще вырваться, имъ какъ бы плюетъ Софья въ лицо Молчалину... но *остановить* его, чтобъ сказать ему *это*, по моему невозможно.

Въ томъ, что я правъ, служитъ доказательствомъ то, что слово «стойте» въ одной изъ рукописей «Горе отъ ума», находящейся у меня, написано иначе, и въ моемъ спискѣ этой комедіи, есть новый варіантъ въ вопросѣ Молчалина, такъ и въ первыхъ стихахъ отвѣтнаго монолога Софьи.

Молчалинъ.

«*Ахъ! Что прикажете*»

Софья.

«*Не умножать досады,*
Иначе батюшкѣ я все перескажу
Вы знаете, что я собой не дорожу.
Подите, *что стоите*? Будьте рады... и т. д.».

Убѣжденъ, что Грибоѣдовъ не могъ написать «*стойте*», а написалъ сперва: «что стоите?» Смыслъ является другой, и что-то подсказываетъ мнѣ, что передѣлавъ вопросъ Молчалина и первыя двѣ строки отвѣтнаго монолога Софьи, авторъ и слова: «что стоите?»—замѣнилъ словомъ «*спите*».

«Подите *спите*... Будьте рады и т. д.».

А въ рукописныхъ спискахъ переписчикъ могъ написать вмѣсто «спите»—стойте; такимъ образомъ могла вкрасться эта ошибка. Послѣ слова «спите», въ которомъ снова выражается все презрѣніе Софьи къ Молчалину, что онъ способенъ спокойно уснуть пос-

лѣ всего, что произошло, возможно, что уходящему Молчалину Софья скажетъ:

«Подите спите... будьте рады»... и т. д.

Но актрисъ, играющихъ эту роль, прельщаетъ сценическій эффектъ. Софья говоритъ Молчалину «подите», тотъ смущенно собирается уходить; «стойте» снова командуетъ Софья; Молчалинъ останавливается... и дѣвушка начинаетъ говорить молодому человѣку о такихъ вещахъ, для которыхъ уже никакъ не приходится ей его останавливать. Молчалина въ началѣ 40-хъ годовъ игралъ В. В. Самойловъ, я не видалъ его въ этой роли и вообще только одинъ разъ удалось мнѣ видѣть приличнаго Алексѣя Степановича, какимъ долженъ быть допускаемый въ свѣтскій кругъ чиновникъ, въ котораго влюблена Софья и который одновременно любимецъ всѣхъ важныхъ старухъ, какъ ихъ партнеръ и прислужникъ; такимъ приличнымъ (по наружности и манерамъ) былъ любитель Гр. Д. И. Т. Скалозуба въ хорошемъ исполненіи тоже мнѣ не пришлось видѣть. Много хвалили актера Киселевскаго; я поѣхалъ въ Павловскій театръ посмотрѣть его въ этой роли, но, можетъ быть, артистъ былъ не въ ударѣ, только онъ не удовлетворилъ меня. Я много слышалъ о прекрасной игрѣ Орлова—перваго Скалозуба при постановкѣ въ Москвѣ «Горе отъ ума». Орловъ (отставной морякъ) былъ мужъ П. И. Орловой, игравшей Офелію и другія драматическія роли еще съ Мочаловымъ, впослѣдствіи Прасковья Ивановна перешла въ Петербургъ на роли grandes-dames; во время Крымской кампаніи, кажется, она была сестрою милосердія.

Мнѣ разсказывалъ Колюбакинъ, когда Орловъ подъ старость жилъ въ Москвѣ на пенсіи, начинающіе и голодные актеры приходили къ нему, и съ цѣлью получить хорошее угощеніе выдумывали разныя доблести черноморскихъ моряковъ въ Крымской кампаніи.

— Слышали вы, Илья Васильевичъ, о подвигѣ капитана Пернова?

— Нѣтъ, а что?—интересовался старикъ.

Тутъ шло повѣствованіе о томъ, какъ капитанъ взорвалъ на воздухъ или взялъ на абордажъ непріятельскій фрегатъ.

— Нѣтъ, каковъ Сашка-то Перновъ!—восклицалъ хозяинъ и шла уже его собственная импровизація о томъ: какъ Перновъ молодымъ мичманомъ, прямо изъ корпуса, поступилъ подъ начальство Орлова, какъ онъ полюбилъ его и заботился о немъ, какъ о родномъ сынѣ.

— Илья Васильевичъ, надо выпить за его здоровье, онъ сильно раненъ,—перебиваютъ гости.

— Еще бы не выпить!—соглашался Орловъ, и появляется водка. Пьютъ за здоровье героя и хозяина. Орловъ сообщаетъ подробно всю біографію Пернова; какъ онъ спасъ его разъ отъ разжалованія въ матросы; тутъ гости замѣчаютъ, что хорошо бы выпить нивца. Является пиво. Орловъ продолжаетъ: какъ онъ ходатайствовалъ о Перновѣ у Михаила Петровича; первымъ шагомъ къ своей карьерѣ Перновъ обязанъ ему, Орлову, и такъ далѣе, и такъ далѣе, пока гости не съѣдятъ всей закуски и не выпьютъ всей водки и пива; а подъ конецъ завтрака они объявляютъ гостепріимному хозяину, что они все это выдумали и никакого ни подвига, ни Пернова никогда и не было!

Взбѣшенный, Орловъ прогонялъ ихъ; долго они не смѣли показываться ему на глаза, пока онъ ихъ не прощалъ; и тогда они снова являлись къ нему перекусить съ другимъ подвигомъ лейтенанта Паукова, или съ геройскою защитой стопушечнаго корабля «Не тронь меня». Снова оказывалось, что прежнимъ командиромъ «Не тронь меня» былъ самъ Орловъ, и Пауковъ тоже служилъ подъ его командой.

Глухого князя безъ рѣчей очень типично исполнялъ въ Москвѣ Петръ Степановъ. Его превосходная мимика и «*жмъ*» на разные лады, и когда онъ увивался, по приказанію жены, около Чацкаго, и во всей сценѣ съ глухою графиней—были неподражаемы. Прекраснымъ Загорѣцкимъ былъ въ Петербургѣ Каратыгинъ 2-й *), хорошимъ Репетиловымъ—Сосницкій. Несравненный московскій буфъ В. И. Живокини, подобному котораго я не встрѣчалъ ни на

*) П. А. Каратыгинъ былъ очень остроуменъ и пересыпалъ свою рѣчь веселыми подъ часъ и ѣдкими каламбурами. По городу ходили его импровизаціи; я былъ свидѣтелемъ одной, которую и приведу, насколько ее помню. Пріѣхала въ Петербургъ актриса Вестфали и дебютировала на нѣмецкой сценѣ Гамлетомъ. Изъ курьеза увидать даму—Гамлетомъ, я пошелъ въ театръ. Гамлетъ оказался очень полнымъ, особливо поражали ноги, обтянутыя въ трико. Рядомъ со мною сидѣлъ Каратыгинъ. Послѣ одного изъ актовъ вызвали исполнительницу, и во время того какъ она граціозно раскланивалась съ публикой, Петръ Андреевичъ сказалъ мнѣ:

„Скажите намъ, мамзель Вестфали,
Зачѣмъ Гамлета вы сыграли?
Вѣдь, принца въ васъ мы не видали,
А только вы намъ показали
Вестфальскіе окорока!“

Соперникомъ Каратыгина въ bons-mots, въ импровизаціяхъ, въ стихахъ и въ водевиляхъ былъ московскій актеръ Д. Т. Ленскій; къ сожалѣнію, большинство его прекрасныхъ à propos были не совсѣмъ удобны для печати.

русскихъ, ни на французскихъ сценахъ, былъ плохъ въ Репетиловѣ и самъ смѣялся надъ своимъ исполненіемъ этой роли.

Вспоминаю разсказъ Живокини, какъ однажды призвали его къ директору, который передалъ ему «повелѣніе» изобразить въ какомъ-то водевилѣ графа Самойлова, покинувшаго Сѣверную Пальмиру и поселившагося въ Москвѣ.

Напрасно силился доказать Василій Игнатьевичъ, что между его фигурой и графомъ Самойловымъ *очень мало* общаго, что онъ не въ силахъ представить его на сценѣ и что скорѣе это можетъ сдѣлать Петръ Степановъ (извѣстный гримъ того времени). Директоръ не внемлетъ ничему, «приказано представить графа Самойлова ему, Живокини, и нечего тутъ больше разсуждать». Заказываютъ Живокини парикъ, на подобіе прически Самойлова, сюртукъ, жилетъ, непроизносимые такіе, какіе носитъ графъ, и шляпу и трость, какъ у него.

Идетъ водевиль, графъ Самойловъ сидитъ въ первомъ ряду креселъ, при появленіи на сценѣ Живокини-Самойлова, изъ боковой ложи раздаются апплодисменты... «Изволили смѣяться... *Что же онъ?*»

Когда опустили занавѣсъ, кто-то постучался въ уборную Живокини. «Кто тамъ?—спрашиваетъ артистъ.—Графъ Самойловъ».

— Поблѣднѣлъ я,—разсказывалъ Василій Игнатьевичъ,—думаю отколотитъ онъ меня, да и за дѣло.

Входитъ Самойловъ.

— Вы очень удачно вывели меня на сценѣ.

— Помилуйте, ваше сіятельство, я не думалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, все—и сюртукъ, и жилетъ, и прическа все очень вѣрно. Вамъ недоставало только булавки, которую я всегда ношу—вотъ она.

Самойловъ снялъ съ шейнаго платка дорогой солитеръ, отдалъ его изумленному Живокини, поклонился и вышелъ.

Съ булавкой Самойлова не пришлось Живокини болѣе изображать графа,—вѣроятно, повелѣніе было отмѣнено.

Вотъ всѣ мои воспоминанія объ артистахъ, видѣнныхъ мною въ «Горе отъ ума».

Щепкинъ передалъ мнѣ тоже, какъ въ первый разъ А. С. Грибоѣдовъ читалъ въ Москвѣ «Горе отъ ума» у начальника репертуара московскихъ театровъ и литератора Кокошкина. Это чтеніе было утромъ на Масляницѣ; на немъ присутствовали, кромѣ хозяина дома, Пушкинъ, С. П. Ж., Т., прозванный американцемъ, и Щепкинъ. Грибоѣдовъ съ небольшими перерывами прочелъ всю

комедію. Восторгъ былъ общій, послѣ чтенія сейчасъ же сѣли за блины. Понятно, за завтракомъ только и говорили, что о комедіи; разбирались характеры, положенія дѣйствующихъ лицъ, восхищались вѣрностью языка, мастерствомъ стиха, который казался простою разговорною рѣчью и т. д. Ж. (обладавшій громадною памятью) только и говорилъ о Репетиловѣ и, въ укоръ американцу, повторялъ почти безъ ошибокъ то мѣсто монолога, гдѣ Репетиловъ говоритъ:

«Но голова, какой въ Россіи нѣту...
Не надо называть, узнаешь по портрету;
Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ
И крѣпко на руку не чистъ;
Да умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ,
Когда-жъ объ честности высокой говоритъ
Какимъ-то демономъ внушаемъ,
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ и мы всѣ рыдаемъ!»

Все это написано было про американца, человѣка, которому убить кого-нибудь было такъ же легко, какъ передернуть карту, или выпить стаканъ вина. Положеніе Кокошкина, какъ хозяина, было ужасное: Грибоѣдовъ молчитъ, гости не знаютъ куда глядѣть. Одинъ Т. сохраняетъ полное спокойствіе, какъ будто не понимаетъ ни смысла стиховъ, ни подчеркиваній, ни намековъ Ж. Подаютъ шампанское, всѣ пьютъ за здоровье автора. Ж. не унимается и предлагаетъ тостъ за Репетилова и за героевъ, доблести которыхъ онъ такъ вѣрно передаетъ въ своемъ монологѣ.

— Вотъ сила таланта, все живыя лица!—съ паѳосомъ говоритъ онъ.—Кажется, я вижу передъ собой эту голову, *другой въ Россіи нѣту*, слышу его вопли о высокой честности. Да! *Умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ*. А этотъ ужъ не плутъ, а именно ночной разбойникъ! *Въ Камчатку сосланъ былъ*—а вернулся, алеутомъ вернулся...

Встаетъ съ бокаломъ и Т. и, обращаясь къ Грибоѣдову, говоритъ:

— Позвольте, многоуважаемый Александръ Сергѣевичъ, принести вамъ мою глубокую благодарность за то, что вы дали себѣ трудъ описать меня. Господинъ Ж., потрудитесь повторить то мѣсто монолога Репетилова, которое такъ вамъ нравится.

Тотъ неохотно, но повторяетъ. Грибоѣдовъ спѣшитъ возразить, что, писавъ эти стихи, онъ и не думалъ о Т. «Полноте, Александръ Сергѣевичъ,—продолжаетъ американецъ,—это не намеки сдѣлан-

ные нѣсколькими мастерскими штрихами, а мой живой портретъ. Моя полная біографія. Еще разъ благодарю васъ. Пока жива Россія, пока будетъ зручать русская рѣчь, будетъ жить и повторяться русскими людьми, какъ теперь мы говоримъ пословицами, ваша геніальная комедія—и по вашей милости не умретъ вмѣстѣ съ нею и мое грѣшное имя!»

Пушкинъ кинулся цѣловать Т., Грибоѣдовъ предложилъ его здоровье; всѣ вздохнули свободнѣе, гроза пронеслась, Ж. притихъ. Онъ былъ смуглъ какъ арабъ, съ профилемъ Мефистофеля (за что и было дано ему арзамасское прозвище Громобой). Послѣ завтрака за кофеемъ сидѣлъ Ж. со Щепкинымъ, а Пушкинъ подъ руку съ Т. ходили по комнатѣ; подходятъ они къ Ж., американецъ останавливается и, указывая на него, говоритъ:

— Пушкинъ вѣдь черенъ?

— Черенъ,—отвѣчаетъ Александръ Сергѣевичъ.

— Передъ душой—блондинъ!—спокойно замѣчаетъ Т. и отходитъ.

Левъ Николаевичъ Толстой разсказывалъ мнѣ, что разъ, на представленіи «Горе отъ ума» въ Москвѣ, Т. сидѣлъ въ первомъ ряду креселъ. При словахъ Репетилова:

«Но голова, какой въ Россіи нѣту...»—вся публика обратилась къ американцу. Кончаетъ Репетиловъ:

«Самъ плачетъ—и мы всѣ рыдаемъ!» Раздаются громкія рукоплесканія. Т. всталъ, обратился лицомъ къ публикѣ, выждалъ, чтобы стихли апплодисменты, и громко, мѣрнымъ голосомъ проговорилъ:

— Господа, я обыгрывалъ, убивалъ—правда; но взятокъ ей-Богу никогда не бралъ,—а потому, что не служилъ!

Не многіе умные и даровитые люди провели такъ бурно, безполезно, порой преступно, жизнь, какъ провелъ ее Т., безспорно одинъ изъ самыхъ умныхъ современниковъ такихъ гигантовъ, какъ Пушкинъ и Грибоѣдовъ. Въ моемъ дѣтствѣ я видалъ американца и слышалъ впослѣдствіи о немъ разсказы и анекдоты и на зеленомъ полѣ, и на необитаемомъ островѣ, куда будто бы высадилъ его капитанъ корабля за попытку взбунтовать экипажъ: на островѣ оказались дикари, которые хотѣли принести американца въ жерву идоламъ, но во время жертвоприношенія неожиданно приплыло другое племя, и послѣ кровопролитнаго боя съ туземцами, хотѣвшими полакомиться Т—мъ, побѣдители освободили его и по бѣлому цвѣту кожи возвели его самого въ достоинство идола, и тому подобныя нелѣпости. Разсказывали о возвращеніи амери-

канца съ острова съ обезьяною... о ея трагической смерти, оригинальной трапезѣ на ея тризнѣ; объ исповѣди (*о чижикѣ*...), и чего-чего только не творилъ американецъ, и чего только о немъ не разсказывали! Помню одинъ характерный разсказъ, но не ручаюсь за его достовѣрность.

Т. былъ друженъ съ однимъ извѣстнымъ поэтомъ, лихимъ кутилой и остроумнымъ человѣкомъ, но остроты и каламбуры котораго подчасъ бывали черезчуръ колки и язвительны. Разъ, на холостой пирушкѣ, одинъ скромный молодой человѣкъ не вынесъ града насмѣшекъ и неожиданно для всѣхъ вызвалъ острякa на дуэль. Озадаченный и отчасти сконфуженный, поэтъ идетъ въ другую комнату, гдѣ металъ банкъ Т., который, взглянувъ на друга, по его разстроенному лицу понялъ, что съ нимъ случилась какая-нибудь непріятность. Т. пересталъ метать банкъ и подошелъ къ другу, который передалъ ему *о неожиданномъ пассажѣ*. Американецъ извинился передъ партнерами, передалъ кому-то метать банкъ, пошелъ въ другую комнату, подошелъ къ вызвавшему на дуэль его друга, и, не говоря ни одного слова, далъ ему пощечину! Тутъ же рѣшено было драться. Т. настаивалъ, чтобы дуэль была немедленно, оскорбленный только этого и желаетъ; выбрали секундантовъ, у подъѣзда стояли тройки, на которыхъ привезли цыганъ, поскакали за городъ—и черезъ часъ Т., убивъ наповалъ своего противника, вернулся, шепнулъ на ухо другу, что ему *стрѣляться не придется* и, извинившись передъ играющими въ томъ, что долженъ былъ на время уѣхать, сѣлъ и спокойно началъ метать банкъ.

Онъ ударилъ ни въ чемъ неповиннаго человѣка, потомъ убилъ его... и все это для того, чтобы сохранить репутацію храбреца за своимъ другомъ, который, оказывается, не всегда умѣлъ быть храбрымъ.

Интересна тоже характеристика Т., сдѣланная однимъ извѣстнымъ шуллеромъ двадцатыхъ годовъ. Разъ при этомъ господинѣ кто-то очень дурно отзывался объ американцѣ.

— Вы знакомы съ нимъ или нѣтъ?—спросилъ Х.

— Я его не знаю, но объ немъ это—общій голосъ.

— Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ,—возразилъ Х.—Можно ли повторять чужія слова? Знаете ли вы, что за человѣкъ Т.? Онъ замѣчательно уменъ, образованъ, остеръ, любезенъ; познакомившись съ вами, онъ васъ обворожитъ, влѣзетъ къ вамъ въ душу, пригласитъ къ себѣ,—продолжалъ, растягивая рѣчь, Х., напоитъ, накормитъ... обыграетъ и *убьетъ*! кончилъ онъ скороговоркою.—А вы не будучи знакомы съ нимъ еще его браните?

Приведу разсказъ о сценѣ въ Московскомъ Англійскомъ клубѣ. На субботнемъ обѣдѣ К. С. Аксаковъ случайно сѣлъ за столъ рядомъ съ сѣдымъ какъ лунь старикомъ; незнакомые, они стали разговаривать, заинтересовались другъ другомъ, и послѣ обѣда долго продолжалась между ними оживленная бесѣда. Восторженная рѣчь Константина Сергѣевича, въ которой отражалась его чистая, младенческая душа, въ которой звучала его любовь къ правдѣ, ко всему святому и прекрасному, увлекла его собесѣдника. Аксаковъ оцѣнилъ умъ, здравое сужденіе старца; Константина Сергѣевича влекло къ нему его сочувствіе ко всему, что интересовало молодое поколѣніе, всѣ жгучіе вопросы сороковыхъ годовъ, которые такъ волновали Аксакова, находили вѣрный отголосокъ въ душѣ старика. Одинъ изъ собесѣдниковъ былъ полонъ жизни и силъ, другой клонилъ долу побѣлѣвшую голову.

«Но и подъ снѣгомъ иногда
Бѣжитъ кипучая струя»...

и дѣйствительно кипѣла еще юношескимъ пыломъ энергическая рѣчь юноши конца восемнадцатаго вѣка.

— Побольше намъ такихъ стариковъ, какъ вы!—воскликнулъ Аксаковъ, пожимая старческую руку,—вы не кидали бы въ насъ каменьями, а поддержали бъ насъ, дали бы опытную, честную руку помощи.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчалъ старикъ. —Вы лучше насъ, не намъ васъ поддерживать, мы только радуемся, глядя на васъ, гордимся вами, можемъ только молить Провидѣніе о вашихъ подвигахъ, о вашихъ успѣхахъ. Идите смѣло впередъ,—вы не собьетесь съ пути! Но позвольте узнать, кому я обязанъ этими минутами, которыхъ я никогда не забуду.

— Константинъ Аксаковъ. А я съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Графъ Т.—отвѣтилъ старикъ.

Картина.

Подъ старость Т. остепенился и совершенно измѣнилъ образъ жизни, но

«Гони природу въ дверь,—она влетитъ въ окно».

Пусть кратеръ вулкана покроется пепломъ, порой раздастся зловѣщій гулъ и вновь закипитъ и польется огненная лава. Такъ было и съ Т. Послѣ смерти страстно имъ любимой дочери, умной, образованной, полной талантовъ дѣвушки, Т. въ ея память началъ строить у себя въ имѣніи больницу или богадѣльню для

крестьянъ. Подрядчикъ выстроилъ очень дурно. Вулканъ забушевалъ, американецъ по-своему распорядился съ мошенникомъ-подрядчикомъ, онъ приказалъ вырвать у него всѣ зубы... что и было исполнено въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго вѣка! Графъ Закревскій затушилъ это дѣло. Какъ снова не повторить стиха изъ «Горе отъ ума»:

«Свѣжо преданіе—и вѣрится съ трудомъ» *).

А умеръ Т.—христіаниномъ. Я слышалъ, что священникъ, исповѣдавшій умирающаго, говорилъ, что исповѣдь продолжалась очень долго и рѣдко онъ встрѣчалъ такое раскаяніе и такую глубокую вѣру въ милосердіе Божіе.

Мать А. С. Грибоѣдова была родственница моего отца, я ребенкомъ видѣлъ ее. Въ дѣтствѣ слышалъ я, какъ называли многихъ служившихъ будто прототипами дѣйствующихъ лицъ въ «Горе отъ ума»; такъ видный мужчина, отлично танцовавшій мазурку и балагуръ полковникъ Фроловъ, будто бы, изображенъ Скалозубомъ. Старуху Хлестову я хорошо помню: это была Наталья Дмитріевна Офросимова, еще въ 1807 году подъ фамиліей Набатовой ее вывелъ графъ Ѳ. В. Ростопчинъ въ своей комедіи «Вѣсти или живой

*) Подобный же разсказъ слышалъ я отъ вполнѣ достовѣрнаго человѣка, извѣстнаго коннозаводчика И. Д. Озноби шина. Въ тридцатыхъ годахъ ѣхалъ на вольныхъ Ознобишинъ; еще не старый ямщикъ, который везъ его, шамкалъ какъ семидесятилѣтній старикъ, и это поразило Ознобишина; онъ спросилъ ямщика, отчего онъ такъ рано потерялъ зубы.

„Богъ наказалъ,—со вздохомъ отвѣчалъ ямщикъ,—былъ у насъ въ городѣ, лѣтъ тому десять, кузнецъ, силища такая была, что и разсказать нельзя. Подковы разгибалъ, по четыре куля (двадцать пудовъ) муки наверхъ мельницы таскалъ. Разъ заартачилась лошадь, не введетъ ее въ станокъ, ноги не даетъ привязать, норовитъ зубомъ поймать и передомъ, и задомъ бьетъ; задѣла что-ль она его, только онъ и толкни ее маленько въ лобъ; она тутъ же и ноги протянула. Съ тѣхъ поръ далъ зарокъ никого не бить. А въ ту пору наша деревня пошаливала; вотъ тутъ верстъ съ пятокъ проѣхать мостокъ будетъ. Частенько бывало, какъ начнетъ смеркаться, залягутъ подъ мостъ, особливо когда въ городѣ базаръ али ярманка... и ждутъ; какъ начнутъ пьяные разъѣзжаться, какого отсталаго остановятъ—ну, и оберутъ. Слава про насъ худая пошла; стали-таки ночами опасаться ѣздить. И попуталъ меня разъ лукавый; пошло насъ трое, стемнѣло-таки порядкомъ, лежимъ мы это подъ мостомъ, слышимъ телѣга гремитъ, глядимъ, лежитъ кто-то въ телѣгѣ, пѣсни играетъ; должно пьяный. Выскочили мы, остановили лошадь, я къ нему; какъ поднялся, да какъ сгребъ меня, словно тисками сдавилъ. Давно, говоритъ, я до васъ, подлецовъ добирался! Глядятъ мои ребята—кузнецъ! Только ихъ и видѣли. А меня-то онъ и обработалъ. Бить-то не сталъ, зарокъ далъ, а связалъ, да всѣ какъ есть до единаго, зубы клещами и повыдергалъ! Положилъ мнѣ ихъ за пазуху, развязалъ да и поѣхалъ. Такъ я замертво на дорогѣ и остался. Апосля того, шесть недѣль въ горячкѣ пролежалъ. Да и до сихъ поръ по деревнѣ прохода не даютъ, дразнятъ: *ученый*! Какъ меня значитъ кузнецъ за воровство училъ.

покойникъ»; ее же, подъ именемъ Марьи Дмитріевны Ахросимовой, описалъ въ «Войнѣ и мирѣ» графъ Л. Н. Толстой. Офросимова была одного съ нами прихода Іоанна Предтечи въ старой Конюшенной; она строго блюла порядокъ и благочиніе въ церкви, запрещала разговоры, громко бранила дьячковъ за нестройное пѣніе, или за нерасторопность въ служеніи; дирала за уши (какъ Чацкаго) мальчиковъ, выходившихъ со свѣчами, при чтеніи Евангелія и ходившихъ съ тарелочкою за церковнымъ старостой, держала въ решпектѣ и просвирню, подносившую ей одной большую просвирку. Къ кресту Офросимова всегда подходила первою; разъ она послала дьячка къ незнакомой ей дамѣ, которая крестилась въ перчаткѣ, громко, на всю церковь, давъ ему приказаніе:

«Скажи ей, чтобъ сняла собачью шкуру». Въ церкви Іоанна Предтечи я видалъ и княгиню Гагарину, домъ которой былъ рядомъ съ нашимъ; думалъ ли я, что вижу знаменитую трагическую актрису Семенову-Гагарину. Репетиловъ по слухамъ былъ Ш—въ, хорошій знакомый моего дѣда, писатель Удушьевъ, намекъ будто бы на В—го.

Въ пятидесятыхъ годахъ и въ шестидесятыхъ кофейная Печкина была клубомъ молодого Москвитянина и извѣстныхъ актеровъ. Изъ писателей часто посѣщалъ ее А. Н. Островскій, А. А. Григорьевъ, Б. Н. Алмазовъ, Е. Н. Эдельсонъ; но завсегдашнимъ посѣтителемъ былъ П. М. Садовскій, перешедшій впослѣдствіи отъ Печкина въ Англійскій клубъ, когда Прову Михайловичу прислали членскій билетъ въ награду за его артистическую дѣятельность. Изъ Англійскаго клуба, при учрежденіи Артистическаго кружка, Садовскій перешелъ въ кружокъ и остался ежедневнымъ его посѣтителемъ до самой смерти. Литературный духъ такъ царилъ въ кофейной Печкина, что, когда посѣтитель спрашивалъ журналъ, половой не просто подавалъ книгу, а указывалъ на интересную статью и говорилъ:

— Извольте вотъ прочитать статейку, Евгеній Николаевичъ (Эдельсонъ) одобряютъ-съ!

Эту фразу полового помѣстилъ Островскій (безъ намека только на Эдельсона) въ своей комедіи «Доходное мѣсто», въ III дѣйствіи, въ трактирѣ.

Помню я полового Алексѣя, всегда прислуживавшаго въ той комнатѣ, гдѣ ужиналъ Садовскій и его поклонники. Бѣдный Алексѣй не ложился спать ранѣе 4 часовъ утра, когда, наконецъ, подымался и уходилъ Садовскій.

Сколько есть полныхъ юмора, прелестныхъ разсказовъ у Гор-

бунова о зимнихъ сценахъ въ кофейной Печкина и лѣтнихъ у Яра. Передамъ разсказъ Садовскаго, касающійся «Горя отъ ума». Ежели половые этой кофейной были такими цѣнителями литературы, понятно, она не была чужда и самому содержателю кофейной. Разъ глава заведенія ужиналъ съ актеромъ Максинымъ и у нихъ зашелъ литературный споръ о «Горѣ отъ ума», т.-е. былъ ли въ связи Молчалинъ съ Софьей, или нѣтъ. Трактирщикъ утверждалъ, что связь существовала.

— Нѣтъ!—возражаетъ Максинъ.

— Какъ нѣтъ? Да что-жъ онъ дѣлаетъ у ней въ спальнѣ-то, до самаго утра?

— На флейтѣ играетъ,—отвѣчаетъ артистъ-идеалистъ.

— Да, играетъ...

Въ эту минуту входятъ въ залу Островскій и Садовскій. Кому же лучше рѣшить литературный споръ, какъ не первому драматургу, и трактирщикъ огорошиваетъ только что вошедшаго писателя, незнавшаго о чемъ велась горячая бесѣда, словами:

— Александръ Николаевичъ, живетъ Молчалинъ съ Софьей, али нѣтъ?

— Господа,—отвѣтилъ, подумавъ, Островскій,—допустимъ, что былъ грѣхъ, но вспомните, вѣдь Софья благородная дѣвушка, дочь управляющаго казеннымъ мѣстомъ, а вѣдь это генералъ... право лучше помолчать, чѣмъ распространять эти слухи.

Встаетъ со слезами на глазахъ (при литературномъ спорѣ много выпито было и коньяку) Максинъ, протягиваетъ Островскому руку и, пожимая его руку, съ чувствомъ говоритъ:

— Благородно, Александръ Николаевичъ, благородно!

Въ низенькой комнатѣ у Печкина прочелъ мнѣ Садовскій Короля Лира; не знаю, какъ игралъ эту роль Провъ Михайловичъ, я не видалъ его въ Лирѣ, но читалъ онъ эту трагедію превосходно. По понятіямъ большинства публики, ежели комикъ Садовскій позволилъ себѣ играть Лира, то Гамлета долженъ играть буфъ Живокини, Офелію комическая старуха Анимова.

Можетъ быть Лиръ - Садовскій, въ минуты страшнаго горя, бродя, еле прикрытый клочками порфиры подъ бурей и грозой, или полусумасшедшій въ вѣнкѣ изъ колосьевъ и не могъ сказать про себя:

«Я король—отъ головы до ногъ» *)!

Но страданія, оскорбленія чувствуютъ одинаково—и Король

*) Вѣрнѣе, какъ въ оригиналѣ: „Во мнѣ каждый вершокъ—король!“

Лиръ, и Степной Лиръ (Тургенева), и купецъ Русаковъ Островскаго въ комедіи («Не въ свои сани не садись»), а какъ выражалъ эти чувства Садовскій!

Провъ Михайловичъ говорилъ мнѣ, что всѣ пошли въ театръ, когда онъ игралъ Лира, чтобы хохотать, но никто не смѣялся. Когда этотъ колоссъ таланта, здоровья и памяти училъ свои роли, для всѣхъ было тайною, не говорю уже о геніальномъ исполненіи, но я не помню, чтобы когда-либо Садовскій не зналъ, хоть бы въ самомъ пустомъ водевилѣ, своей роли.

Возвращался Провъ Михайловичъ домой рѣдко ранѣе трехъ часовъ утра. Вставалъ въ 8 часовъ, выпивалъ графинъ холодной воды, и тутъ до 10 часовъ могъ учить роли. Въ 10 часовъ утра онъ уже былъ на репетиціи, она продолжалась до часу, возвращался домой, обѣдалъ, ложился спать, вставалъ около 4 часовъ, опять выпивалъ два графина холодной воды и въ шестомъ часу ѣхалъ въ театръ; игралъ онъ почти ежедневно. Послѣ спектакля отправлялся (въ разные періоды времени) или къ Печкину, или въ Англійскій клубъ, или въ Артистическій кружокъ, игралъ пульку преферанса и ужиналъ съ пріятелями до 4 часовъ утра. За ужиномъ выпивка бывала солидная: пилъ Садовскій тоже періодами, иногда лафитъ, и кромѣ ничего, иногда приходилась по вкусу, весною, изумрудная листовка, настоянная на молодомъ смородиновомъ листѣ, а то вдругъ являлась склонность къ тенерифу и онъ пилъ одну эту гадость, но чаще другихъ были періоды шампанскаго *). Помню, въ Артистическій кружокъ разъ пріѣхалъ поэтъ П—въ. Блондинъ съ длинными по плечи волосами и бѣлокурой бородой, блѣдное истощенное лицо, потухшіе сѣрые глаза. На самомъ П. и на его стихахъ лежалъ отпечатокъ скорби и грусти.

— Кто это?—спрашивали многіе Садовскаго.

— Это,—отвѣчалъ Провъ Михайловичъ, понюхивая табакъ,— Потерянный Рай-съ!

Разъ на какомъ-то благотворительномъ концертѣ и чтеніи, гдѣ пѣли и читали актеры и любители **), я сидѣлъ въ комнатѣ артистовъ, и въ первый разъ увидѣлъ Садовскаго въ европейскомъ ко-

---

*) Я разъ одну недѣлю такъ пожилъ въ Москвѣ и вернулся въ Петербургъ съ такими приливами къ головѣ, въ такой хандрѣ, что меня надолго посадили на одну уху, и тутъ познакомился я впервые „съ кали броматумъ и съ пилюлями доктора Клейнъ“, съ которыми кажется и не разстанусь до самой кончины.

**) Въ шестидесятыхъ годахъ еще не было въ обычаѣ, чтобъ дамы и дѣвицы high life танцовали въ пользу бѣдныхъ характерные танцы, какъ начали танцовать теперь.

стюмѣ, во фракѣ и бѣломъ галстукѣ (онъ всегда носилъ славянофильское платье). На эстрадѣ раздавался сладкозвучный голосъ Самарина, читавшаго монологъ Пимена изъ «Бориса Годунова». Садовскій, стоя у двери, слушалъ, повернулся и пошелъ.

— Ну, что?—спросилъ я его.

— *Ничего не похоже*,— пресерьезно отвѣтилъ Провъ Михайловичъ.

Лѣтомъ въ 1853 году, въ тяжелое время для артистовъ московской труппы, которымъ по какому-то непредвидѣнному случаю болѣе трехъ мѣсяцевъ не выдавали ни копейки жалованья, гулялъ я съ Садовскимъ прохладнымъ вечеромъ по Трубному бульвару (домъ Прова Михайловича былъ тогда въ Сергіевскомъ переулкѣ, близъ церкви Сергія). Сѣли мы въ раздумьѣ на лавку, около насъ помѣстился какой-то старичокъ и, видя знакомое ему лицо Садовскаго, но не узнавъ въ немъ извѣстнаго актера, ломалъ себѣ голову, стараясь припомнить, гдѣ онъ видѣлъ Прова Михайловича. Желая завести разговоръ, онъ попросилъ у меня огня, поблагодарилъ и вѣжливо обратился къ Садовскому.

— А я гдѣ-то имѣлъ удовольствіе съ вами встрѣчаться?

— Какже-съ, я тамъ очень часто бываю,—отвѣтилъ Провъ Михайловичъ.

Старичокъ посмотрѣлъ на него серьезно, обидѣлся, всталъ и ушелъ.

Садовскій разсказывалъ о разныхъ комическихъ случаяхъ, когда онъ въ серьезныя минуты жизни встрѣчался съ лицами, видавшими его на сценѣ. Вотъ одинъ изъ нихъ. Въ Иверской часовнѣ служатъ молебны монахи Перервинскаго монастыря. Молодые послушники въ былое время переодѣтые посѣщали раекъ Малаго театра. У воротъ обители ставили на ночь длинную палку; вернувшись послѣ спектакля, послушники-театралы пропускали въ подворотню палку въ то мѣсто, гдѣ почивалъ сторожъ, безъ шуму разсталкивали спящаго, онъ отворялъ калитку, получалъ слѣдуемую мзду, впускалъ ихъ и калитка снова запиралась. Купилъ Провъ Михайловичъ домъ на углу Мамоновскаго и Трехпруднаго переулковъ и на новосельѣ поднялъ Иверскую икону. Во время молебна, теноркомъ поетъ въ носъ послушникъ, взглянетъ на молящагося Садовскаго и прыснетъ со смѣху.

Оказалось, что послушникъ былъ театралъ, часто видавшій на сценѣ Прова Михайловича, во время молебна, взглянувъ на него, вдругъ вспомнитъ его въ какой-нибудь роли... и засмѣется.

Никогда не забуду того впечатлѣнія, которое произвела на меня

всенощная въ Симоновомъ монастырѣ, куда разъ повезъ меня Садовскій. Было душно, все предвѣщало грозу. Храмъ былъ переполненъ молящимися, глухо слышались отдаленные раскаты грома, они все приближались, приближались, и вдругъ надъ самымъ соборомъ раздался страшный ударъ. Невольно большинство народа пало на колѣни. Врывавшійся въ окна вѣтеръ тушилъ свѣчи, зазвенѣли разбитыя стекла, крупный градъ съ ливнемъ полилъ въ церковь, яркія молніи, при оглушительныхъ громовыхъ ударахъ, порой освѣщали ее. Смятеніе было полное. Одни лишь монахи, какъ черные гиганты, стояли неподвижно на клиросахъ, не дрогнули, не наклонились ихъ широкія спины, спокойно, стройно, торжественно лилось пѣніе хвалебной пѣсни:

«Слава въ вышнихъ Богу!»—Могучіе басовые звуки потрясали воздухъ славословіемъ.

«Яко Ты еси единъ святъ, Ты еси единъ Господь Іисусъ Христосъ».

Раскаты грома, шумъ ливня при блескѣ молніи вторили клиру, и съ умиленной душой повторялъ слова молитвы колѣнопреклоненный народъ!

Въ московскихъ аристократическихъ домахъ пятидесятыхъ годовъ была мода приглашать Великимъ постомъ читать и разсказывать Щепкина и Садовскаго. Большею частію являлись съ этими приглашеніями, передавалъ мнѣ Провъ Михайловичъ, русскіе домашніе учителя. Разъ, по подобному приглашенію отъ очень важной дамы, и отправился Садовскій. Много онъ читалъ и разсказывалъ. Кругомъ только слышно было:

— Charmant, charmant. Ah! quel talent... Какъ у него это все смѣшно... натурально выходитъ!

При отъѣздѣ артиста, хозяйка, съ высоты своего величія, благодаритъ за доставленное удовольствіе, мужчины пожимаютъ руку, а въ швейцарской учитель суетъ Садовскому трехрублевую бумажку.

— Это зачѣмъ?—спрашиваетъ Провъ Михайловичъ, не принимая денегъ.

— Графиня благодаритъ.

— Отдайте ихъ ей назадъ.

— Я не смѣю, графиня обидится.

— А то я ихъ швейцару отдамъ.

Учитель оставляетъ у себя деньги, отъ удивленія пожимая плечами, о дерзости актера на другой день говорятъ въ Москвѣ. Но за то аристократкѣ, большой его поклонницѣ, Садовскій былъ обязанъ первыми разовыми деньгами, которыя онъ сталъ получать,

кажется, въ пятидесятыхъ годахъ. Княгиня Л. Т. Голицына была родной племянницей министра двора. Бывъ въ Петербургѣ, кн. Голицына говорила дядѣ о превосходномъ талантѣ Садовскаго и просила дать ему разовыя. Ея просьба была уважена и московская театральная контора получила предписаніе дать три рубля *) разовыхъ актеру Огородникову. Становится контора втупикъ. Какому Огородникову? Отвѣчаютъ, что въ московской труппѣ нѣтъ Огородникова, а есть молъ актеръ Садовскій. Приходитъ отвѣтъ изъ Петербурга: чтобы дать Садовскому.

Передамъ тоже одновременный случай, бывшій съ Маріо въ Петербургѣ. Я не помню, чтобы кто-либо имѣлъ успѣхъ, подобный ему, и чтобы кого-нибудь, какъ говорится, такъ посили на рукахъ, какъ Маріо. Оно было и понятно: не говорю уже о его голосѣ, уступавшемъ развѣ одному Рубини, но при этомъ и мастерство пѣнія и геніальная его игра, равную которой я видалъ только у Лабляша, Сальвини и Дузе. Маріо былъ красавецъ собой, уменъ **), обворожителенъ, полонъ талантовъ, поэтъ, скульпторъ и ко всему этому маркизъ (послѣ герцогъ) по рожденію, аристократъ въ жизни и на сценѣ. Всѣ дамы высшаго круга были отъ него безъ ума (стриженыхъ психопатокъ тогда еще не было), считали за счастье знакомство съ нимъ и осыпали его любезностями и вниманіемъ. Маріо, представленный княгинѣ Х., сдѣлалъ ей визитъ и сталъ бывать у нея. Получаетъ онъ записку отъ княгини, въ которой она приглашаетъ его къ себѣ обѣдать къ пяти часамъ. Маріо является на приглашеніе, послѣ обѣда всѣ переходятъ курить въ кабинетъ князя, засидѣлись тамъ и, вернувшись въ гостиную, Маріо застаетъ тамъ уже много гостей, княгиню въ вечернемъ туалетѣ. Дамы окружаютъ Маріо, приглашенные все прибываютъ, съѣзжается весь городъ. Наконецъ, по пріѣздѣ царской фамиліи, общество переходитъ въ залъ, гдѣ на эстрадѣ собрана вся итальянская труппа. Начинается концертъ, которому апплодируетъ Маріо. Черезъ нѣкоторое время хозяйка и всѣ дамы просятъ и его спѣть. Отговорившись сначала трудностью пѣть не подготовившись и послѣ обѣда, онъ, наконецъ, соглашается и, прося снисхожденія, идетъ на эстраду, поетъ романсъ, другой. Прервавъ программу концерта, его умоляютъ спѣть какой-то дуэтъ. Концертъ кончился, подаютъ ужинъ, артисты ужинаютъ въ другомъ

*) Какъ разъ ту же сумму, которую совалъ Садовскому въ руку учитель. Это было счастливымъ предзнаменованіемъ.

**) Вспоминая поговорку Арто: „bête comme un ténor“, но когда она говорила это при мнѣ, всегда прибавляла: „excepté Mario“.

залѣ, а Маріо съ гостями, благодарностямъ и любезностямъ нѣтъ конца, Маріо—герой вечера. На другой день генералъ, въ отставномъ военномъ сюртукѣ (управляющій домами князя), привозитъ ему триста рублей и проситъ дать расписку въ ихъ полученіи. Маріо, при генералѣ, запечатываетъ эти деньги со своимъ письмомъ.

Вотъ письмо Маріо:

«Княгиня! Я имѣлъ честь быть представленнымъ вамъ и, какъ *знакомый,* посѣщалъ вашъ домъ. Полагаю, что, какъ маркизъ Кандія, я имѣлъ на это нѣкоторое право. Вчера вы пригласили меня обѣдать и любезность ваша и князя удержали меня до вечера, на которомъ у васъ пѣли артисты Итальянской оперы. Вы и дамы, бывшія на концертѣ, просили меня пѣть. Я радъ былъ исполнить ваше желаніе и имѣть честь пѣть съ моими товарищами по искусству. Сегодня управляющій вашего мужа привезъ мнѣ триста рублей; прилагая ихъ къ сему письму, позволю себѣ сказать, что вчера я пѣлъ у васъ, какъ вашъ знакомый, а не какъ пѣвецъ Маріо. Если же вамъ или князю Х. желательно видѣть во мнѣ только пѣвца, то цѣна за мое участіе въ концертѣ не триста рублей, т.-е. тысячу франковъ, а десять тысячъ франковъ».

— А еслибъ она вамъ ихъ прислала? — спросилъ я.

— Я ихъ отдалъ бы на бѣдныхъ города Петербурга; но не безпокойтесь, она ихъ не прислала.

Въ 1852 году Маріо сталъ замѣчать одного господина то у своего подъѣзда, то попадавшагося ему на-встрѣчу, то сзади идущаго. Это надоѣло ему и на слѣдующую осень онъ принялъ мѣры противъ *«сего неизвѣстнаго»,* какъ говоритъ Досужевъ въ «Тяжелыхъ дняхъ» Островскаго.

Маріо привезъ съ собою камердинера итальянца, одного съ нимъ роста, схожаго лицомъ и фигурой и съ черными, какъ смоль, волосами. Смотритъ Маріо изъ окошка, какъ выходитъ камердинеръ въ шляпѣ точно такой, какъ онъ самъ носитъ, и опрокинутой немного назадъ; тоже съ поднятымъ воротникомъ пальто, и съ сигарою въ зубахъ. Камердинеръ садится въ карету и уѣзжаетъ. Черезъ мгновеніе *«неизвѣстный»* на извозчикѣ спѣшитъ за каретой, а настоящій Маріо, съ вѣчной сигарою во рту, выходитъ вслѣдъ за ними и (безъ провожатаго) отправляется куда ему нужно.

И въ другомъ случаѣ помогъ ему этотъ камердинеръ. Какъ-то утромъ пріѣхалъ къ нему Р., и такъ какъ Маріо не былъ еще одѣтъ, то просилъ принять его въ уборной. Пѣвецъ посѣдѣлъ очень рано и почти съ поступленія въ театръ былъ принужденъ для сцены красить волосы.

— Маріо,—говоритъ Р.,—одна прелестная женщина влюблена въ васъ; я обѣщалъ доставить ей прядь вашихъ волосъ; надѣюсь, что вы поможете мнѣ исполнить мое обѣщаніе.

Маріо смекнулъ, зачѣмъ понадобился его локонъ: вѣроятно Р. или кто-нибудь изъ его знакомыхъ держали въ клубѣ пари о томъ, краситъ ли Маріо волосы, или нѣтъ? Онъ сначала не соглашался, говоря, что рискуетъ остаться совсѣмъ безъ волосъ, если будетъ одѣлять ими всѣхъ любительницъ его шевелюры или его пѣнія и, продолжая разговаривать, Маріо идетъ за перегородку и отрѣзываетъ у своего Лепорелло прядь волосъ, черныхъ, какъ вороново крыло. Р. продолжаетъ его уговаривать и, уступая его просьбамъ, онъ подходитъ за занавѣсью къ зеркалу и, сдѣлавъ видъ, что отрѣзалъ свои волосы, отдалъ Р. волосы своего камердинера.

— Не знаю,—говорилъ мнѣ Маріо,—кто изъ нихъ выигралъ пари, но всѣ убѣдились, что я не крашу волосъ.

Въ Лондонѣ, въ одно изъ первыхъ представленій «Пророка», надѣлалъ бѣдъ фиксатуаръ, которымъ чернилъ Маріо свои усы и бороду. Онъ пѣлъ Пророка, роль Фидесъ исполняла молодая, будущая знаменитость Полина Гарціа. Въ сценѣ, когда сынъ жертвуетъ возлюбленной для спасенія матери, Фидесъ послѣ объятій и поцѣлуевъ сыну собирается уходить, а сынъ сидитъ убитый горемъ. Вдругъ публика начинаетъ смѣяться. Удивленный Маріо смотритъ и видитъ на лицѣ Полины Гарціа отпечатокъ своихъ усовъ и бороды. У двери мать (и не подозрѣвая слѣдовъ фиксатуара на своемъ лицѣ) обернулась и бросила на милаго сына еще взглядъ полный любви... «А хохотъ... пуще», — какъ говоритъ Фамусовъ.

Въ «Пророкѣ» же случился съ нимъ и другой казусъ. Маріо былъ небольшого роста и на подмосткахъ носилъ большіе каблуки. Въ сценѣ съ тремя анабаптистами, когда онъ сначала противится ихъ убѣжденіямъ и только послѣ долгихъ колебаній рѣшается слѣдовать за ними, Маріо быстро пошелъ и вдругъ остановился; хочетъ идти и не можетъ двинуться съ мѣста. Арія его кончена, оркестръ доигрываетъ послѣдніе такты... Что тутъ дѣлать? Оказывается, что въ полу была дыра, въ нее и попалъ высокій каблукъ будущаго Пророка... и стопъ машина! Сдѣлавъ невѣроятное усиліе, Маріо обломилъ каблукъ и поспѣшилъ, ковыляя, какъ «хромоногій бѣсъ», за своими соблазнителями.

Однако не долго помогалъ камердинеръ Маріо скрывать ему свои прогулки; произошелъ вскорѣ инцидентъ съ медалью, и наконецъ постановка на Эрмитажномъ театрѣ «Дочери полка» сдѣ-

лали то, что въ 1853 году съ нимъ не возобновили болѣе контракта.

Великимъ тенорамъ не везло съ медалями. Послѣ 1843 года Рубини пѣлъ въ Петербургѣ два сезона или болѣе, навѣрно не помню. Когда ему предложили вновь подписать контрактъ, онъ сказалъ, что, имѣя много орденовъ разныхъ государствъ, гдѣ онъ пѣлъ, онъ былъ бы счастливъ получить и русскій императорскій орденъ. Доложили Государю. Не было еще примѣра, чтобы давали кресты пѣвцамъ или актерамъ. Его Величество приказалъ дать Рубини золотую медаль, осыпанную крупными брилліантами. Пѣвецъ медаль взялъ, а контракта не подписалъ. А сдѣлайся Рубини кавалеромъ ордена Станислава 3-й степени, которымъ тогда и теперь награждаютъ даже становыхъ приставовъ, Петербургъ годъ или два слушалъ бы божественнаго Рубини.

А. Стаховичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ДАЛЕКІЕ ДНИ.

I.

Стоитъ жаркій, безоблачный лѣтній день. Мы съ братомъ сидимъ за круглымъ столомъ въ комнатѣ, которая зовется диванной, и лѣниво учимъ уроки. Въ открытое окно, заслоненное кустомъ пыльной сирени, виденъ кусокъ голубого, словно раскаленнаго неба.

La cigalle ayant trop faim,
A la fourmie sa voisine,
Son amie et sa cousine...

произноситъ совершенно безучастнымъ голосомъ братъ и не пытается продолжать дальше. Жара и лѣнь окончательно одолѣваютъ насъ обоихъ, мы бросаемъ занятія и начинаемъ болтать.

— Я видѣлъ,—говоритъ братъ,—какъ провели ковать твоего «Доллара».—Сегодня вечеромъ насъ пустятъ кататься.

Мы начинаемъ мечтать объ этой прогулкѣ. У каждаго изъ насъ есть свои лошади. У меня «Долларъ», маленькій, лохматый выродокъ изъ крестьянскихъ лошадей, а у брата «Піастръ», сѣрочалый, очень красивый и бойкій конь. Мы оживленно толкуемъ объ этой прогулкѣ и придумываемъ теперь, куда бы поѣхать. Это гораздо пріятнѣе всякихъ уроковъ, а для брата, настоящаго любителя лошадей и ѣзды, каждая поѣздка представляется праздникомъ и на цѣлый день приковываетъ къ себѣ его думы. Сидѣть надъ книгами намъ осталось недолго: лакей Степанъ, котораго вся дворня почтительно называетъ Потапычемъ, начинаетъ стучать посудой въ сосѣдней комнатѣ. Это значитъ, что полдень прошелъ, люди уже пообѣдали, и часа черезъ полтора онъ возвѣститъ бабушкѣ торжественнымъ басомъ, что «кушать подано». И дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ спускается къ намъ съ антресолей второго

этажа m-r Лей, швейцарскій подданный, обучающій насъ на первыхъ порахъ всякимъ наукамъ, систему которыхъ онъ съ достаточною оригинальностью сочинилъ самъ.

Мы шумно и радостно выбѣгаемъ въ гостиную. У окна, передъ маленькимъ столикомъ, въ глубокомъ креслѣ сидитъ бабушка. Бѣлоснѣжныя ленты ея чепца симметрично падаютъ ей на плечи. Передъ ней на столикѣ лежитъ книжка «Собраніе иностранныхъ романовъ» (она ихъ вѣчно читаетъ) и большой кусокъ замши, чтобы протирать стекла очковъ. Бабушка перестаетъ читать, поднимаетъ на лобъ очки и любовно смотритъ на насъ безконечно-добрыми старческими очами. M-r Лей подходитъ къ ней и, принявъ почтительную позу, проситъ позволенія взять двухъ рабочихъ, чтобъ устроить необходимыя ему грядки. Салатъ, разумѣется, будетъ поздній, но за то это такой салатъ, такой настоящій кочанный.

— Faites, m-r, faites,—равнодушно говоритъ бабушка.

И кромѣ того необходимо прополоть сельдерей. О, ужъ онъ, такой знатокъ садоводства и огородничества,—онъ знаетъ, какъ это сдѣлать. Для этого достаточно будетъ все тѣхъ же двухъ рабочихъ, потому что когда зовутъ поденьщицъ, то это одинъ безпорядокъ.

— Faites, m-r, faites,—тѣмъ же тономъ повторяетъ бабушка.

Но мы уже не слушаемъ дальше. Прямо съ балкона сбѣгаемъ мы въ маленькій палисадникъ, весь залитый ослѣпительнымъ солнечнымъ блескомъ. Палисадникъ, какъ и нашъ домъ, расположился на самой вершинѣ пригорка, а внизу подъ этимъ пригоркомъ стоитъ поросшій кустарникомъ, словно застывшій прудъ съ своею неподвижною, зеленоватою водой. Кажется, ничто и никогда не въ состояніи нарушить его непрерывнаго покоя, его вѣчной дремоты. И даже утки, безъ которыхъ его невозможно себѣ и представить, почему-то всегда на его лонѣ являются неподвижными, какъ неизбѣжные аксессуары, написанные на полотнѣ кистью художника. Дальше за прудомъ, на противоположной сторонѣ, стоитъ старенькая, бѣдная церковь и кажется необычайно унылой отъ своей сѣрой, полинявшей краски, которой выкрашена ея деревянная крыша. Направо и налѣво длинными порядками тянется село. Старыя соломенныя крыши даютъ ему видъ лохматый и растрепанный. Теперь, въ эту жаркую полуденную пору оно безмолвно и тихо; ни одного звука не долетаетъ оттуда. Мы перебѣгаемъ пыльную проѣзжую дорогу, отдѣляющую палисадникъ отъ фруктоваго сада. Тамъ не такъ жарко. Громадныя яблони переплетаются въ вышинѣ

своими вѣтвями, давая вѣчную тѣнь. Отъ этого и не растетъ подъ ними обычная нашимъ степямъ трава, и между черными кругами, вскопанными по настоянію нашего гувернера, стелется мягкая и тонкая шелковистая мурава. Неисчислимое количество насѣкомыхъ населяетъ весь садъ; жужжатъ въ вышинѣ пчелы, летаютъ взадъ и впередъ мнѣ неизвѣстные, но очень красивые жуки; всякій шагъ поднимаетъ стаи яркокрылыхъ бабочекъ. Я бѣгу въ самый дальній и глухой уголокъ сада; тамъ, подъ сѣнью навознаго вала, которымъ садъ обнесенъ вмѣсто ограды, еще тише и еще лучше, и сладкій, нѣсколько отдающій сыростью, запахъ сада сливается съ запахомъ конопли ближайшаго конопляника. Все это—и старый, запущенный садъ, съ его безчисленнымъ яркокрылымъ населеніемъ, съ нѣжнымъ пискомъ какихъ-то крохотныхъ птичекъ, съ золотыми пятнами пробивающихся солнечныхъ лучей сквозь густую листву, и этотъ, слегка опьяняющій, запахъ сосѣдняго конопляника—все это такъ хорошо, что даже воспоминаніе объ этомъ теперь все еще вызываетъ во мнѣ какое-то веселое, отрадное чувство.

М-г Лей направляется въ огородъ въ сопровожденіи угрюмаго, всегда спорящаго съ нимъ садовника. Они рѣшительно не вѣрятъ другъ другу ни въ чемъ. Но побѣда остается все-таки за нашимъ педагогомъ, и судьба права въ этомъ случаѣ: за нимъ есть и опытъ, и любовь къ дѣлу. Недаромъ же онъ имѣетъ отъ какого-то заграничнаго общества медаль за садоводство, и только неизвѣстно зачѣмъ та же судьба заставила его гувернерствовать. Другое дѣло—нашъ угрюмый и равнодушный садовникъ: онъ еще очень недавно, Богъ вѣсть по какимъ соображеніямъ, водворенъ въ своей должности изъ бывшихъ крѣпостныхъ конюховъ. М-г Лей снимаетъ пиджакъ и манжеты и низко наклоняется надъ запущенною грядкой. Теперь мы предоставлены собственной волѣ.

— Пойдемъ на конюшню,—говоритъ братъ.

— Да, вѣдь, не стоитъ, сейчасъ позовутъ насъ обѣдать,—возражаю я, покорно перелѣзая, впрочемъ, черезъ навозный валъ сада. Мы идемъ по сонной, отдыхающей послѣ обѣда усадьбѣ. Въ конюшнѣ темно отъ заткнутыхъ соломой и завѣшанныхъ попонами оконъ, чтобы «муха не била», какъ говорятъ кучера. Въ душномъ воздухѣ стоитъ острый запахъ. Въ одномъ изъ пустыхъ и тоже темныхъ станковъ, гдѣ, какъ извѣстно, всѣ кучера всей помѣщичьей Россіи устраиваютъ себѣ лѣтнія спальни,—мы будимъ кучера Сысоя. Онъ появляется въ коридорѣ съ заспаннымъ лицомъ и клочками сѣна въ растрепанныхъ волосахъ, а слѣдомъ за нимъ

выступаетъ маленькая и тощая фигура конюха Авдошки-дергача. Дергачомъ назвалъ его еще дѣдушка за дурную привычку затягивать лошадей и тогда же назначилъ его форрейторомъ. Теперь этотъ худенькій, шестидесятилѣтній старичокъ давно уже служитъ вольно-наемнымъ конюхомъ, но считаетъ себя по-прежнему «фалеторомъ». И приди бабушкѣ въ голову (чего Боже сохрани) назначить какой-нибудь торжественный отдаленный выѣздъ, — этотъ старичокъ будетъ прыгать на сѣдлѣ сколько угодно. Но вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ какъ этого не случается.

— Покажи-ка намъ «Лебедя»,—говоритъ братъ Сысою.

Въ коридорѣ появляется бѣлый, какъ лунь, горбоносый, калмыцкаго типа жеребецъ. Братъ долго любуется имъ и даже зачѣмъ-то ощупываетъ ему переднiе ноги.

— Ну, теперь выводи «Сюрприза».

А рыжій «Сюрпризъ» давно уже старается просунуть свою умную, съ бѣлою проточиной морду (это храпъ, сударь, а не морда, наставительно говоритъ мнѣ Сысой) въ пространство надъ дверью.

— А гдѣ же мой «Долларъ?»—спрашиваю я.

— «Долларъ» въ денникѣ съ кобылами. Потому нестоющая это лошадь, чтобы, значитъ, въ конюшнѣ.

Мнѣ дѣлается жаль моего «Доллара», тѣмъ болѣе, что я чувствую, что Сысой говоритъ правду. Гдѣ же ему, маленькому, хоть и очень на мой взглядъ хорошенькому, «Доллару» выдержать сравненiе съ этими могучими заводскими лошадьми. Я перебѣгаю въ денникъ и долго разсматриваю своего любимца. Поэтому я не замѣчаю, какъ меня покидаетъ братъ, какъ машетъ мнѣ съ крыльца Степанъ, и прихожу въ себя только тогда, когда онъ бѣжитъ ко мнѣ, размахивая на ходу руками, какъ крыльями, на подобiе мельницы.

— Кушать пожалуйте,—говоритъ онъ мнѣ.—Бабинька очень сердятся.

Но онъ говоритъ это такимъ тономъ, что я рѣшительно не вѣрю, чтобы кто-нибудь могъ сердиться. Всѣ уже за столомъ, и я, запыхавшись, спѣшу занять свое мѣсто. За большимъ кресломъ бабушки стоитъ ея любимица-горничная Паша и медлительно машетъ надъ ней зеленою вѣткой. Я смотрю на тонкiя черты ея хорошенькаго личика и стараюсь въ то же время отгадать, убьетъ она муху, или только отгонитъ?

— Не болтай ногами,—замѣчаетъ мнѣ бабушка.

— Otez vos coudes!—дополняетъ нашъ гувернеръ.

Обѣдъ тянется долго. Мнѣ жарко и скучно. Скучно и оттого,

что еще до обѣда я выбѣгалъ въ дѣвичью къ нянѣ и она дала мнѣ необыкновенно вкусную ржаную лепешку, и оттого, что въ открытое окно меня манитъ залитый свѣтомъ палисадникъ. Снова я кладу локти на столъ и пытаюсь болтать ногами. Но конецъ монотоннаго и чиннаго обѣда нарушается неожиданнымъ приключеніемъ. Въ дѣвичьей, гдѣ всегда сидитъ зачѣмъ-то нѣсколько дѣвушекъ, раздаются сразу удивленные, сочувственные и испуганные голоса.

— Матушка вы наша! Что это вы, сударыня! Ахъ, ты Господи!

Мы всѣ словно застываемъ въ невыразимомъ изумленіи. Но какъ только узнаемъ мы издали голосъ бабушки Прасковьи Петровны, родной сестры нашей бабушки, то всѣ сразу выскакиваемъ изъ-за стола и торопливо направляемся въ дѣвичью. Словно съ какимъ-то недоумѣвающимъ торжествомъ ведемъ мы усталую, запыленную и заплаканную бабушку Прасковью Петровну въ гостиную и усаживаемъ въ кресло. Теперь въ гостиной сидятъ другъ противъ друга двѣ бабушки въ одинаковыхъ чепцахъ съ лентами и обѣ съ заплаканными лицами. Бабушка Прасковья Петровна, всхлипывая, разсказываетъ трагическую исторію о томъ, какъ ее выгналъ мужъ и она шла сюда пѣшкомъ за восемь верстъ, а наша бабушка Елизавета Петровна всхлипываетъ отъ сочувствія. Я и братъ—мы оба вертимся тутъ же, слушая трагическую исторію, и дѣдушка, мужъ Прасковьи Петровны, представляется намъ страшнымъ чудовищемъ.

Онъ, впрочемъ, былъ страшенъ дѣйствительно. Могучій человѣкъ гигантскаго роста и несокрушимаго здоровья, онъ былъ въ ту пору, когда мы его знали дѣтьми, еще очень крѣпкимъ шестидесятилѣтнимъ старикомъ, но попросту нервно-больнымъ, на границѣ безумія. Я помню, какъ осенью, въ заморозки, бродилъ онъ задумчиво по своему саду въ халатѣ и туфляхъ на босу ногу. Случалось, что утомленный онъ засыпалъ гдѣ-нибудь на дорожкѣ, и его халатъ примерзалъ къ землѣ. Онъ былъ, очевидно, несокрушимо здоровъ, и вотъ все-таки тяжкій недугъ томилъ его душу. Во время приступовъ этого недуга онъ казался бѣшенымъ, и не только дворовые люди, но и всѣ окружающіе, не исключая бабушки Прасковьи Петровны, дрожали тогда, какъ осиновый листъ. За то, кажется, не было человѣка обаятельнѣе дѣдушки въ его свѣтлыя минуты. Онъ говорилъ тогда красиво и интересно, и мы положительно заслушивались его разсказами о безконечныхъ походахъ. Онъ участвовалъ во всѣхъ войнахъ начала столѣтія и иногда, чтобы не перепутать событій и мѣстъ, справлялся съ своимъ формуляромъ. Формуляръ этотъ начинался торжественнымъ извѣщеніемъ о томъ, что онъ,

дѣдушка, происходитъ изъ дворянскихъ дѣтей, грамотѣ, счисленію, французскому языку и танцамъ обученъ и тогда-то зачисленъ въ такой-то гусарскій полкъ. А потомъ уже шелъ безконечный перечень названій, полныхъ славы и крови. Аустерлицъ и Лейпцигъ, Бородино и Ярославецъ, написанные рыжими чернилами на формулярѣ дѣдушки, дѣлались въ его устахъ страницами интересной, но страшной эпопеи. И часто случалось, что подъ вліяніемъ этихъ разсказовъ я засыналъ тревожнымъ сномъ въ маленькой кроваткѣ нашей дѣтской на антресоляхъ второго этажа, и мнѣ грезились страшные сны. Мнѣ грезилось, что съ крикомъ и топотомъ несется на меня толпа французскихъ драгунъ въ косматыхъ каскахъ, и m-r Лей говоритъ мнѣ, что это потому они несутся, что я непослушенъ и всегда болтаю ногами, а бабушка говоритъ Лею: «вотъ вздоръ какой, надо послать конюха Авдошку за дѣдушкой, дѣдушка сейчасъ ихъ прогонитъ». Но пока собирается конюхъ Авдошка, я въ страхѣ просыпаюсь среди безмятежной и тихой лѣтней ночи. Я долго не могу заснуть и прислушиваюсь, лежа въ кровати, къ далекимъ крикамъ перепеловъ, доносящимся въ открытыя окна.

Бабушка Прасковья Петровна была не первой женой этого грознаго дѣдушки. Онъ появился въ наше сосѣдство изъ своей подмосковной деревни уже вдовцомъ, и шепотомъ тогда передавались о немъ разсказы одинъ страшнѣе другого. Говорили, что онъ убилъ свою жену палкой въ припадкѣ безумной ревности и что эта палка лежитъ въ какой-то уголовной палатѣ въ качествѣ вещественнаго доказательства. И здѣсь, на мѣстѣ его новаго жительства, дѣдушку посѣщали какіе-то очень тщательно выбритые приказные, которыхъ дворня въ суевѣрномъ ужасѣ называла не иначе, какъ «крапивнымъ сѣменемъ». Какъ бы то ни было, самый главный изъ этихъ людей былъ, однако, не особенно страшенъ, если, какъ говорила молва, онъ ухитрился за деньги, конечно, объявить дѣдушку умершимъ и прекратить дѣло за смертью обвиняемаго.

А дѣдушка, между тѣмъ, чувствовалъ себя еще настолько живымъ, чтобы жениться на бабушкѣ. Какъ и почему рѣшилась выйти за него бабушка—это было и навсегда останется для меня тайной, но только вскорѣ послѣ ихъ брака дѣдушка все-таки былъ отданъ подъ опеку женѣ за какія-то удивительныя и совсѣмъ несообразныя распоряженія по вотчинѣ. И вотъ теперь опекаемый выгналъ изъ дому свою опекуншу, и она, всхлипывая, разсказываетъ трагическую исторію своего изгнанія.

— Но онъ долженъ опомниться и прислать за тобой!—говоритъ наша бабушка тономъ, въ которомъ звучитъ непреклонность.

— Не знаю, ma chère, что ужъ и сказать тебѣ на это,—сокрушенно отвѣчаетъ Прасковья Петровна.—Кто-жъ его знаетъ, когда онъ опомнится? Сегодня Алеша пріѣдетъ, но чѣмъ это кончится, одинъ Богъ знаетъ!

Снова Прасковья Петровна заливается горькими слезами. Онѣ текутъ по ея сморщенному лицу и падаютъ на запыленныя и измятыя ленты ея чепца.

А намъ вдругъ неожиданно и совсѣмъ ужъ не кстати дѣлается весело.

— Дядя Алеша пріѣдетъ! Дядя Алеша пріѣдетъ!—кричимъ мы во весь голосъ и прыгаемъ вокругъ бабушекъ.

— Уйдите, дѣти! М-г Лей, возьмите дѣтей! Гдѣ вы, monsieur!—кричитъ наша бабушпа.

Но Лей должно быть въ саду, и мы успокоиваемся не сразу. Сынъ Прасковьи Петровны, дядя Алеша, всякій разъ своимъ пріѣздомъ вноситъ въ нашъ домъ громадное оживленіе. Это—молодой человѣкъ необыкновенно веселаго характера, онъ бѣгаетъ съ нами взапуски, позволяетъ лазить по себѣ, какъ по лѣстницѣ, и катаетъ насъ поочередно на великолѣпномъ, но нѣсколько запаленномъ жеребцѣ - Свистунѣ. Онъ никакъ и нигдѣ не можетъ удержать живости своего характера и то въ видѣ шутки, къ великому нашему удовольствію, обольетъ Лея водой, то въ видѣ привѣтствія ущипнетъ горничную Пашу. Въ послѣднемъ случаѣ бабушка протестуетъ.

— Чтой-то, Алеша, какой ты, сударь, безстыдникъ! — говоритъ она строго.—И притомъ devant les enfants!

И мы ждемъ не дождемся дядю Алешу. Пользуясь тѣмъ, что всѣ въ нашемъ домѣ охвачены ужасомъ бабушкиной исторіи, а гувернеръ—садоводственной страстью, мы задумываемъ уйти черезъ село въ поле навстрѣчу дядѣ Алешѣ.

— Но вѣдь намъ запрещено ходить на село,— говорю я нерѣшительно.

— Да вѣдь мы съ дядей вернемся,— увѣренно отвѣчаетъ мнѣ братъ.

— Развѣ Лей можетъ наказать дядю?— спрашиваетъ онъ почему-то.

И вотъ мы тихонько спускаемся къ пруду и черезъ мягкую навозную плотину, спугивая грѣющихся на солнцѣ лягушекъ, поднимаемся по пригорку въ село. Теперь въ этотъ, только что начинающійся, лѣтній вечеръ оно такъ же тихо и безмолвно, какъ это казалось намъ издали, съ противоположной горы. Дряхлая старуха въ посконномъ сукманѣ безмолвно сидитъ надъ пологомъ съ

разсыпаннымъ на немъ для просушки пшеномъ. Куча полуодѣтыхъ, грязныхъ дѣтей, нѣсколько меньшаго возраста, чѣмъ мы, валяется въ горячей пыли, далеко виднѣясь бѣлыми головами.

Въ концѣ села намъ встрѣчается согнутый, длиннобородый старикъ. Онъ долго и пристально смотритъ на насъ, прикрывая глаза отъ солнечнаго блеска рукою и, наконецъ, словно сразу поннвъ, въ чемъ тутъ дѣло, останавливается и начинаетъ нѣсколько разъ подрядъ кланяться. Эти низкіе поклоны производятъ на меня какое-то странное и жуткое впечатлѣніе. Вѣдь я уже отвѣтилъ ему на его поклонъ, стараясь даже шаркнуть ногой, какъ этому меня научали, а онъ все еще продолжаетъ нагибать и безъ того согнутую спину. Дѣлается жутко именно отъ невозможности это понять, и я ускоряю шаги, припрыгивая вслѣдъ за братомъ по пыльной дорогѣ. Поле, начинающееся за селомъ, кажется еще тише и безмолвнѣе. Рядомъ съ узкой, изрытой колеями дорожкой расположилось кладбище, и мнѣ дѣлается страшно оттого, что приходится проходить близко. Въ моемъ воображеніи кладбище представляется страшнымъ. Всякій разъ, когда я подумаю о мертвецахъ (упокойникахъ, какъ называютъ ихъ у насъ въ дѣвичьей), я не могу себѣ ихъ вообразить переставшими жить. Я вообще не могу себѣ представить совершеннаго прекращенія жизни. Изъ разсказовъ няни знаю я, что къ колдунамъ и ко всѣмъ злымъ людямъ приходятъ въ глухія ночи на кладбище колдуны и прилетаютъ чудовища, и тогда въ страхѣ и ужасѣ оживаютъ эти теперь безмолвныя и тихія могилы. Я часто думаю о томъ, съ какимъ ужасомъ должны прислушиваться къ этимъ посѣщеніямъ другіе, хорошіе упокойники. Но за то теперь кладбище не представляетъ изъ себя ничего страшнаго. Это просто небольшой клочокъ земли, обрытый канавой. Въ пасмурный день его, пожалуй, и не различишь отъ окружающаго поля. Изрѣдка торчатъ низенькіе, прямые и покосившіеся деревянные кресты, а еще больше—простые колья на едва замѣтныхъ холмикахъ. Эти колья—это два шеста, на которыхъ принесли гробъ, и они втыкаются тутъ же въ могилу, потому что нельзя носить ничего назадъ съ кладбища.

Теперь сидятъ на канавѣ, окружающей кладбище, нѣсколько ребятишекъ и караулятъ пасущихся на немъ телятъ. Эта мирная картина заставляетъ меня стыдиться, я начинаю думать, что я трусъ и, наконецъ, спрашиваю брата:

— Скажи пожалуйста, ты кладбища не боишься?

— Нѣ-ѣтъ,— отвѣчаетъ онъ нерѣшительно.— Въ прошлый разъ я проскакалъ по немъ на «Піастрѣ», но чуть не упалъ, а Лей

издали съ дрожекъ кричалъ мнѣ: «нельзя надъ кладбище скакать, будете падать, и будутъ у васъ ноги треснулста!»

— Ахъ, какъ смѣшно говоритъ по-русски нашъ m-r Лей. Ну, развѣ можно выдумать такое слово «треснулста»?

Мнѣ дѣлается весело оттого, что онъ такъ смѣшно говоритъ, и оттого, что все такъ хорошо и просто кругомъ и нѣтъ ничего страшнаго, и я заливаюсь неудержимымъ, звонкимъ хохотомъ.

— А вонъ дядя Алеша!—вскрикиваетъ братъ, и мы оба бѣгомъ пускаемся по дорогѣ.

Дядя ѣдетъ на бѣговыхъ дрожкахъ въ сопровожденіи своего преданнаго камердинера Ильи. Онъ удерживаетъ взмыленнаго и носящаго боками «Свистуна» и говоритъ намъ:

— Куда же я посажу васъ, дѣтишки.

И несмотря на это сомнѣніе, мы все-таки ухитрились умѣститься на дрожкахъ. Камердинеръ Илья оказывается при этомъ на задней оси, и держится онъ какимъ-то совсѣмъ непонятнымъ способомъ. Меня онъ охватилъ руками и близко прижимаетъ къ себѣ.

— Только въ колесо ножкой не попадите,—говоритъ онъ любовно.

Еще издали, спускаясь съ горы, видимъ мы всѣхъ нашихъ на балконѣ за чаемъ. Пріѣздъ дяди Алеши вноситъ на этотъ разъ въ нашъ домъ не только оживленіе, но настоящую радость: онъ объявляетъ своей матери, что грозный дѣдушка находится теперь въ покаянномъ періодѣ. Мучась угрызеніями совѣсти, онъ призывалъ къ себѣ даже священника, но окончательно смутилъ бѣднаго старика, принявшись на него же кричать.

— Говорятъ тебѣ, нѣтъ мнѣ спасенія! Окаянный я, и жену свою выгналъ! Слышишь ты, нѣтъ мнѣ спасенія!

Испуганный батюшка поспѣшилъ обѣщать ему Божье прощеніе, но все же настоятельно посовѣтовалъ:

— А хозяйку съ почестью опять благовременно въ свой домъ водворите!

Это очень понравилось дѣдушкѣ. Именно—съ почестью. И вотъ онъ послалъ дядю Алешу предупредить бабушку Прасковью Петровну, что онъ завтра пріѣдетъ въ каретѣ шестерикомъ, съ форрейторомъ и будетъ умолять ее о прощеніи.

Послѣ такого извѣстія вечеръ въ нашемъ домѣ дѣлается необычайно веселымъ. Дядя успѣваетъ привести въ негодованіе m-r Лея, подаривъ ему великолѣпную цвѣточную луковицу, которая оказывается поддѣльной, сдѣланной изъ бумаги. Братъ гарцуетъ

на красивомъ, сѣро-чаломъ «Піастрѣ». Я не поѣхалъ на этотъ разъ на своемъ «Долларѣ», но это только потому, что съ камердинеромъ дяди мы отправляемся ловить перепеловъ. Въ сопровожденіи дворового мальчишки ѣдемъ мы со старымъ Ильей въ бѣговыхъ дрожкахъ между густой рожью. Смирная рабочая лошадь плетется мелкой рысцой. Наконецъ мы останавливаемся. Илья разстилаетъ сѣть по хлѣбу, и мы оба ложимся съ ней рядомъ, тутъ же на межѣ. Я лежу и прислушиваюсь, какъ доносится теперь отчетливый стукъ копытъ отъѣзжающихъ отъ насъ лошадей. Потомъ въ сѣрыхъ сумеркахъ лѣтняго вечера, которыя здѣсь внизу, на межѣ, еще сѣрѣе и гуще, стараюсь я разсмотрѣть на травѣ какихъ-то ползающихъ букашекъ и, наконецъ, говорю:

— Илья, эти букашки ползаютъ по твоей сѣти!

— Молчите, баринъ! — хриплымъ шепотомъ отвѣчаетъ Илья. — Съ вами такъ ничего не поймаешь!

И онъ снова торопливо начинаетъ подергивать свою кожаную дудку. Кажется, тысячи перепелиныхъ голосовъ отвѣчаютъ ему среди необъятнаго поля, ихъ голоса звучатъ совсѣмъ близко и едва доносятся издали тоненькимъ пискомъ. Я пробую сначала ихъ считать, но это такъ же невозможно, какъ невозможно оглядѣть поля, со всѣхъ сторонъ уходящія за горизонтъ... Гдѣ-то совсѣмъ близко, рядомъ съ нашей межой раздается хрипъ перепела, и сейчасъ же еще болѣе гнѣвнымъ хрипомъ ему отвѣчаетъ другой. Отъ напряженнаго ожиданія у меня начинаетъ стучать въ ушахъ, и я теряю способность разбираться въ звукахъ необозримаго поля, пока Илья вдругъ съ намѣреннымъ шумомъ не вскакиваетъ во весь ростъ. Два великолѣпныхъ перепела безпомощно бьются въ нашей сѣти.

— Илья, голубчикъ, будемъ ловить еще, — говорю я въ восторгѣ.

— Нельзя, бабинька будетъ гнѣваться, — отвѣчаетъ Илья. — Долго ли по росѣ дитё простудить!

И съ нашей живой, посаженной въ корзину добычей мы возвращаемся по темнымъ межамъ, темнаго, но звучнаго поля, домой.

Долго еще я не могу успокоиться отъ впечатлѣній этого свѣтлаго лѣтняго дня. И поздно вечеромъ, лежа въ своей кровати, я не могу отъ этого заснуть сразу. Я смотрю сквозь открытое окно на безчисленныя и яркія звѣзды и съ любопытствомъ спрашиваю няню.

— Няня, отчего горятъ звѣзды?

— А такъ. Зажегъ ихъ на небѣ Божинька и велѣлъ имъ по ночамъ двигаться.

Я вполнѣ удовлетворяюсь такимъ объясненіемъ, потому что для меня и такъ все просто и ясно. Я понимаю, отчего такъ хорошо и весело жить, и отчего такой веселый дядя Алеша, и отчего такія добрыя обѣ бабушки въ своихъ чепцахъ съ бѣлоснѣжными лентами, и отчего такой смѣшной и хорошій нашъ m-r Лей... И долго еще въ безмолвной радости смотрю я въ глубокую и темную бездну неба, усѣяннаго блестящими звѣздами.

II.

Если смотрѣть въ полдень яснаго зимняго дня изъ окна нашей диванной на занесенный снѣгомъ палисадникъ, то это очень красиво. Особенно хороша узенькая сиреневая дорожка, переплетающаяся своими усыпанными инеемъ вѣтвями. Поэтому я лежу на подоконникѣ и вотъ уже съ полчаса не спускаю съ нея глазъ. А въ сосѣдней гостиной Степанъ величественно подаетъ бабушкѣ письмо. Вся его фигура выражаетъ самую серьезную осторожность, словно ему стоитъ большого труда не раздавить маленькаго подноса въ своихъ могучихъ рукахъ. Бабушка кладетъ на столъ «Собраніе иностранныхъ романовъ», тщательно протираетъ очки замшевой тряпкой и говоритъ, разрывая конвертъ:

— Ахъ, это отъ Брянской!

Я слышу затѣмъ осторожные шаги удаляющагося Степана и голосъ бабушки, которая, не торопясь, громко читаетъ:

«Посылаю тебѣ, ma chère, этого нѣмца, котораго зовутъ Фальке. Онъ человѣкъ очень добрый и тихій, но пьяница, и ты за нимъ прикажи смотрѣть строго. Онъ хорошо знаетъ начало музыки и его голосъ показался мнѣ довольно пріятнымъ...»

Я осторожно слѣзаю съ подоконника и подбѣгаю къ брату, который рисуетъ теперь зеленымъ карандашомъ домики въ своей учебной тетради.

— Ты слышалъ, къ намъ новый нѣмецъ пріѣхалъ,—говорю я ему шепотомъ.

— Теперь будутъ антресоли совсѣмъ полны,—отвѣчаетъ мнѣ братъ.

Это правда; но мнѣ смѣшно, что именно это теперь пришло ему въ голову. М-г Лея уже нѣтъ у насъ: онъ исчезъ какъ-то внезапно. Мы не слышали, какъ онъ отказывался, или ему отказывали, а когда въ сырое и туманное осеннее утро мы сошли внизъ, въ

диванную, назначенную для нашихъ занятій, намъ объявили, чтобы мы сидѣли тихо и занимались чтеніемъ, что m-r Лей уѣхалъ, но что скоро пріѣдутъ другіе... И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней наши антресоли начали постепенно населяться. Сначала пріѣхала гувернантка Полина Карловна съ двѣнадцатилѣтней дочерью — блѣдной и тоненькой Lise, потомъ воспитанникъ духовной семинаріи Коронатовъ, заставлявшій насъ учить наизусть непонятный учебникъ грамматики и такъ много ѣвшій за обѣдомъ, что Полина Карловна бросала на него всякій разъ ненавистные взгляды, и вотъ, наконецъ, Фальке. Антресоли стали полны.

Мы слышимъ теперь, какъ звонитъ бабушка, и черезъ нѣсколько минутъ видимъ въ отворенную дверь гостиной его тощую, бѣдно одѣтую фигуру. Эта фигура наклоняется, чтобы чмокнуть бабушкѣ ручку, затѣмъ усаживается на кончикъ стула и смущенно теребитъ клѣтчатый носовой платокъ. Насъ зоветъ бабушка.

Мы шаркаемъ ножкой какъ разъ въ то время, когда бабушка, указывая на насъ величественнымъ жестомъ, говоритъ кратко:

— Вотъ, m-r, дѣти!

Фальке молча уходитъ вслѣдъ за нами въ диванную и для перваго знакомства задаетъ намъ учить наизусть стихи, начинающіеся словами: «Nach Frankreich zogen zwei Grenadieren». Мы съ любопытствомъ взглядываемъ на него иногда исподлобья, и до самаго обѣда зубримъ пѣснь о двухъ гренадерахъ, тѣхъ самыхъ, вѣроятно, которыхъ съ такой неумолимой жестокостью гналъ изъ Россіи нашъ грозный, а теперь дряхлый и больной дѣдушка.

Во время обѣда я шепотомъ повѣряю свои новыя впечатлѣнія сидящей рядомъ со мной блѣдной и тоненькой Lise.

— Онъ добрый, но очень смѣшной, и у него совсѣмъ ободранная табакерка.

Молчаливая и очень выдержанная Lise, — выдержанная такъ, какъ только могутъ быть выдержаны бѣдныя дѣти бѣдной гувернантки, — ничего не отвѣчаетъ мнѣ на это и только молча пожимаетъ своими худенькими плечиками. Съ водвореніемъ Фальке весь нашъ день распредѣляется такъ, что онъ исключительно состоитъ изъ уроковъ. Сейчасъ послѣ святокъ насъ повезутъ въ Петербургъ въ ученье и теперь идетъ къ этому усиленная, суетливая подготовка. Братъ съ каждымъ днемъ дѣлается молчаливѣе и начинаетъ пріобрѣтать видъ настоящей жертвы судьбы. Я уже выучилъ греческую азбуку, которую намъ задалъ впопыхахъ Коронатовъ, позабывъ, впрочемъ, что въ томъ закрытомъ учебномъ заведеніи, куда насъ предназначаютъ, греческій языкъ не проходится, но неожиданно

получилъ нѣкоторую свободу. Кто-то увѣдомилъ бабушку, что я еще молодъ для предположеннаго учебнаго заведенія. Мнѣ поэтому сразу убавили нѣсколько уроковъ, но все-таки рѣшили везти въ Петербургъ и отдать въ частный пансіонъ. Въ свободное время теперь, предоставленный самому себѣ, я либо убѣгаю въ дѣвичью болтать съ няней, шутить съ веселой и хорошенькой Пашей и слушать разсказы приходящаго туда бурмистра о сельскихъ происшествіяхъ, либо сижу за книгой все въ той же диванной.

Набитый книгами большой шкафъ въ моемъ полномъ распоряженіи, и никто не мѣшаетъ мнѣ читать. Я зачитываюсь Пушкинымъ, смѣюсь надъ «Недорослемъ» Фонвизина и беру иногда старыхъ французскихъ поэтовъ, которые смотрятъ на меня съ верхней полки шкафа своими разволоченными переплетами. Я смѣюсь надъ «Недорослемъ», но никакъ не могу понять, что такое комедія и почему она написана разговорами. Напрасно пристаю я съ вопросами къ Коронатову, который объявляетъ мнѣ, что «комедіи свойственна діалогическая форма». Въ то же время я усердно сочиняю стихи. То мнѣ хочется описать сиреневую дорожку, и чтобы непремѣнно по ней гуляла молчаливая и блѣдная Lise, то старые учебники исторіи въ кожаныхъ переплетахъ, которые я всѣ перечиталъ, такъ поражаютъ мое воображеніе страшнымъ нашествіемъ татаръ, что я немедленно начинаю поэму. Мнѣ кажется, что я вижу татаръ передъ собой и даже слышу топотъ ихъ дикихъ коней. Я вдругъ вспоминаю, что Батый былъ племянникомъ Угедея, и начинаю свою поэму:

Надъ Русью игомъ тяготѣя,
Татары Божьейю грозой
Подъ властью хана Угедея
Все разрушали предъ собой.

Такое начало мнѣ кажется очень интереснымъ и звучнымъ и потому я нѣсколько разъ не безъ самодовольства принимаюсь повторять: тяготѣя—Угедея, Угедея—тяготѣя, пока, наконецъ, братъ не замѣчаетъ сердито:

— Перестань ты, пожалуйста, со своей чепухой, только учиться мѣшаешь!

Но я чувствую, что не могу перестать: я все еще вижу передъ собой дикое полчище татаръ, мнѣ непремѣнно хочется это высказать, мнѣ необходимъ теперь слушатель. И я ухожу изъ диванной, чтобы прочитать Lise начало своей поэмы. Она не можетъ не понять, какъ это все хорошо и красиво, и наверху своей поэмы я напишу просто: посвящается милой Lise. Я выбѣгаю изъ диван-

ной и въ коридорѣ натыкаюсь на бабушку. Она стоитъ у подножія лѣстницы, ведущей на антресоли, въ величественной позѣ, съ поднятой рукой, съ гнѣвно развѣвающимися лентами чепца и взываетъ:

— Остановитесь, m-r!

Смущенный Фальке останавливается на лѣстницѣ и вся его фигура представляетъ теперь изъ себя что-то до безконечности жалкое.

— Что это у васъ за бутылка?—начинаетъ бабушка грозный допросъ.

— Это масло... Богу... лампада! — бормочетъ растерявшійся Фальке.

— Дайте сюда!

Я вижу затѣмъ, какъ бабушка вытаскиваетъ пробку, подноситъ къ носу бутылку и говоритъ презрительнымъ тономъ:

— Фуй! это водка. Какъ вамъ не стыдно!

Я бѣгу назадъ, чтобы разсказать о происшествіи брату и вмѣстѣ съ нимъ погоревать о бѣдномъ Фальке. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ окончательно погибъ, и бабушка ему велитъ отъ насъ уѣхать, а онъ такой добрый, что намъ его искренно жаль. Смущенно приходимъ мы къ обѣду, но по лицу бабушки видимъ, что гроза уже миновала и состоялось, вѣроятно, какое-нибудь объясненіе. Дѣйствительно, объясненіе состоялось, потому что послѣ обѣда, когда мы съ братомъ подходили вслѣдъ за бабушкой къ шкафу, изъ котораго намъ ежедневно выдавались конфеты и лакомства, если только мы не были наказаны за уроки, вмѣстѣ съ нами подошелъ и m-r Фальке. Къ нашему великому удовольствію онъ получилъ рюмку водки изъ арестованной бутылки, но за то какой взглядъ, полный ненависти и презрѣнія, бросила на него Полина Карловна. Смутился ли m-r Фальке такимъ взглядомъ, я не замѣтилъ. По крайней мѣрѣ, проглотивъ рюмку водки, онъ невозмутимо, какъ всегда, повелъ брата въ диванную, чтобъ усадить за нѣмецкіе переводы. Lise ушла на верхъ заниматься русскимъ языкомъ съ Коронатовымъ, а я долго еще шагалъ въ наступившихъ зимнихъ сумеркахъ по неосвѣщенному залу и, наконецъ, пробрался въ дѣвичью. Вся дворня относится теперь и ко мнѣ, и къ брату съ тѣмъ особеннымъ сочувствіемъ, съ какимъ относятся къ людямъ наканунѣ неизбѣжнаго горя.

— Не долго ужъ теперь, увезутъ васъ въ ученіе! — сокрушается няня.

Бурмистръ, который ежедневно угощается въ дѣвичьей чаемъ,

шумно вздыхаетъ, утирая красное лицо какимъ-то географическимъ платкомъ съ изображеніемъ на немъ цѣлой карты Европы.

— Забудете вы насъ тамъ всѣхъ, деревенщину неотесанную,— говоритъ онъ.

Мнѣ дѣлается и грустно, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень пріятно. Грустно отъ тѣхъ подозрѣній, которыя высказываетъ угрюмый бурмистръ, и пріятно отъ того сочувствія, которое вездѣ встрѣчаетъ мое маленькое, дѣтское горе. А заботливая суета растетъ тѣмъ временемъ въ нашемъ домѣ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ. Сысой появляется каждый вечеръ и о чемъ-то долго докладываетъ бабушкѣ. Степанъ носитъ какіе-то сундуки и узлы, а конюхъ Авдошка бѣгаетъ непрерывно изъ дѣвичьей на конюшню. Съ ранняго утра можно видѣть теперь въ окошко его маленькую, суетливую фигуру въ необыкновенныхъ хлопотахъ около возковъ и саней. Снаряжается цѣлый поѣздъ, цѣлая экспедиція, и ужъ не далеко то время, когда, послѣ напутственнаго молебна, тронется эта экспедиція за двѣсти слишкомъ верстъ на ближайшую желѣзнодорожную станцію. Настанутъ ночевки на постоялыхъ дворахъ, кормежки лошадей среди дня, долгія ожиданія въ избахъ, когда перестанетъ метель, и ко всему этому готовится хлопотливая дворня, стараясь даже предугадать всѣ случайности. Непрерывные уроки брата и ежедневныя приготовленія отъѣзда наполняютъ теперь жизнь цѣлаго дома. А между тѣмъ незамѣтно подкрадываются святки. Учителя и гувернантка относятся, повидимому, къ нимъ недружелюбно, но, несмотря на это, уроки брата прекращаются какъ-то неожиданно сами собой. Съ села приходили ребятишки колядовать, настало и Рождество.

Стоялъ морозный и вѣтреный день, и насъ поэтому не возили къ обѣднѣ, а когда возвратилась бабушка и, сіяя бѣлоснѣжными лентами чепца, остановилась въ залѣ у накрытаго стола, мы пошли здороваться и ее поздравлять. Всѣ прикладывались къ ея рукѣ, и я говорилъ короткое нѣмецкое поздравленіе къ великому удовольствію Фальке. Бабушка, не понимавшая по-нѣмецки ни звука, ласково улыбалась и гладила меня по головкѣ. Потомъ пришелъ старенькій священникъ въ сопровожденіи дьякона и дьячка. Запахло воскомъ и ладаномъ. Загудѣлъ глухой басъ Коронатова, покрывая дребезжащій голосъ дьячка. «Возсія мірови свѣтъ разума», — гудѣлъ этотъ голосъ, и навстрѣчу ему неслись вздохи бабушки, тяжело опустившейся на колѣни при помощи Паши, неслись вздохи дворни, наполнившей переднюю и прилегающій къ ней коридоръ. Несмотря на морозъ и холодъ, священникъ въ рясѣ и эпитрахили

безъ шапки пошелъ славить Христа по избамъ усадьбы, и мы смотрѣли изъ окна, какъ въ одномъ сюртукѣ и тоже безъ шапки ходилъ за нимъ по твердымъ тропинкамъ нашъ Коронатовъ. Когда они возвратились, на столѣ уже дымился пирогъ, Степанъ неподвижно и величественно стоялъ за тѣмъ стуломъ, на который садилась бабушка, а бурмистръ въ дѣвичьей дружелюбно угощалъ дьячка.

— Ты бы еще, отецъ, перцовочки выпилъ, а то по избамъ намаешься,—говорилъ онъ ему.

На другой день къ намъ съѣхались гости. Вечеромъ назначенъ былъ праздникъ, къ которому допускались ряженые съ села. Въ дѣвичьей тоже шили наряды и не допускали туда дядю Алешу, пріѣхавшаго спозаранку. Мы знали, что Паша будетъ изображать «турку» въ чалмѣ изъ полотенца, а братъ нарядится дикаремъ. Коронатовъ хлопочетъ для себя о какомъ-то миѳологическомъ костюмѣ, о которомъ рѣшительно никто въ домѣ не имѣлъ никакого понятія. Вечеромъ въ этомъ костюмѣ (значеніе его осталось для меня тайной и понынѣ), онъ уже стоялъ у старенькаго фортепіано, во главѣ наскоро сформированнаго хора изъ насъ и гостей. Полина Карловна играла, наполняя жидкими звуками залъ. Сгорбленный дѣдушка гулялъ съ бабушкой по залу и припрыгивалъ изрѣдка. Это называлось «гроссфатеромъ», а мы пѣли для этого слова удивительной пѣсни:

«Фитинья Матвѣвна, угодно-ли со мной?—
Изволь, мой голубчикъ, изволь, мой родной,
Готова я прыгать съ тобой» и т. д.

Было жарко и весело. А когда зазвенѣлъ трепакъ, густою толпой ввалились въ комнату ряженые и среди нихъ бѣлой лебедью поплыла Паша, наряженная «туркой», изъ передней и прилегающаго къ ней коридора, наполненныхъ дворней, раздался гулъ одобренія.

— Ахъ, хорошо! Вотъ хорошо! — слышалось изъ толпы.

— Хорошо, хорошо! — повторялъ дѣдушка и суровое лицо его свѣтилось ласковою улыбкой.

Но тутъ произошло нѣчто совсѣмъ неожиданное. Жиденькіе звуки старенькаго фортепіано словно оборвались, толпа наряженныхъ неподвижно застыла, какъ лица на фантастически-странной картинѣ. Среди нихъ стоялъ Фальке и что-то кричалъ, размахивая руками. Онъ былъ тоже наряженъ, но, Боже мой, что это былъ за нарядъ! Ярко-красный платокъ, прицѣпленный къ воротнику его коротенькаго, поношеннаго сюртука, развѣвался на манеръ мантіи, брюки, заправленныя въ сапоги, открывали рыжія голенища и въ

довершеніе всего на его головѣ совершенно нелѣпо качалась дамская шляпа. Теперь онъ, слегка покачиваясь и размахивая руками, говорилъ рѣчь. Онъ смотрѣлъ куда-то вверхъ, въ потолокъ, и по его красному и смѣшному лицу катились крупныя слезы. Онъ говорилъ о томъ, что его обижаютъ всегда, всю жизнь обижаютъ. Онъ очень бѣденъ, у него ничего нѣтъ, и бѣдныхъ всегда обижаютъ, но онъ не рабъ и не будетъ рабомъ. Пусть теперь веселятся всѣ, и рабы веселятся, а онъ будетъ плакать, онъ будетъ плакать всегда, когда подумаетъ, что родился Христосъ...

Странное и неловкое безмолвіе встрѣтило его безсвязную рѣчь. Это безмолвіе росло съ каждымъ его словомъ и жестомъ, перешло въ переднюю, передалось въ коридоръ и вдругъ охватило весь домъ. Lise, сидѣвшая у окна, опустила голову на подоконникъ, и все ея худенькое тѣло вздрагивало отъ подавленныхъ рыданій.

— Боже мой! Да онъ пьянъ!—въ ужасѣ прошептала бабушка.

Вечеромъ, укладывая насъ спать, няня долго и наставительно говорила намъ о томъ, что Фалькѣ не виноватъ, и что все это случилось потому, что напоилъ его дядя Алеша.

— Такъ-то вотъ грѣхъ на людяхъ не знай съ чего и берется,—говорила она, зажигая лампаду.

Я долго глядѣлъ на серебряный лучъ мѣсяца, освѣщавшій усадьбу и зажегшій кругомъ нея степь милліонами брилліантовыхъ искръ и думалъ, что Фалькѣ не виноватъ и никто не виноватъ. Да и есть ли еще виноватые?

На другой день всѣ въ домѣ говорили уже опять о нашемъ отъѣздѣ, а Фалькѣ со сконфуженнымъ видомъ поправлялъ ошибки въ нѣмецкомъ переводѣ брата.

Теперь, когда пишу я эти строки, хмурая осень стоитъ на дворѣ.

Въ окно гостиной по-прежнему видно село на противоположной горѣ. Маленькой сѣрой церкви уже нѣтъ: вмѣсто нея выстроена другая, тоже деревянная, но просторнѣй, и ея новая ограда украшена разноцвѣтными стеклянными шарами. Я вижу, какъ иногда на площади собирается большая толпа, и я знаю, что тамъ говорятъ о малоземельѣ и недоимкахъ и о томъ, что земля родить перестала. На одномъ концѣ площади стоитъ винная лавка, а на другомъ—училище. Въ училищѣ занимается очень усердный молодой человѣкъ. Онъ часто жалуется мнѣ на свою безысходную бѣдность и на то, что въ училищѣ нѣтъ учебниковъ, и что грамоту забываютъ, потому что нечего читать. Я не совсѣмъ понимаю, зачѣмъ надо учить грамотѣ, если читать нечего, но вѣрно, что живу въ

переходное время, тѣмъ болѣе, что всякое время въ сущности—переходное, и очень люблю [illegible] ребятишекъ, въ чьихъ свѣтлыхъ глазахъ вы всегда прочтете [illegible]ховную жажду.

Большинства тѣхъ, о комъ я вспомнилъ,—давно уже нѣтъ. Рядомъ съ раскрашенною оградой новой церкви, тамъ, гдѣ стояла старая со своей необычайно унылою сѣренькою крышей, едва замѣтными холмиками возвышаются могилы. Здѣсь спятъ непробуднымъ сномъ и грозный дѣдушка, и обѣ бабушки... Другихъ лицъ тоже нѣтъ, по крайней мѣрѣ для меня: я потерялъ ихъ изъ виду на жизненномъ пути. Фальке, вѣроятно, тоже уже навсегда успокоился, и никакая обида больше не тяготитъ его душу. Гдѣ теперь Lise, я не знаю. Устроила ли она свою собственную семью, свое гнѣздо, или, какъ ея молчаливая мать, обречена скитаться по чужимъ угламъ,—Богъ вѣсть. Про Коронатова я слышалъ, что онъ священствуетъ въ глухомъ селѣ. Домъ, прежде такой оживленный, теперь опустѣлъ и одряхлѣлъ, какъ древній старикъ. Даже его тесовая обшивка посѣрѣла и стала отдираться мѣстами. Все проходитъ, или, вѣрнѣе, въ непрерывающейся жизни все принимаетъ иныя формы... А когда я среди ночи просыпаюсь въ той же комнатѣ, гдѣ я засыпалъ въ дѣтствѣ, и всматриваюсь въ темную бездну неба, мнѣ кажется, что вѣчныя и неизмѣнныя звѣзды смотрятъ на меня, какъ въ далекіе дни, съ прежнею лаской.

Вл. Ладыженскій.

ВЪ СУМЕРКАХЪ.

Повѣсть.

I.

Это было въ половинѣ марта. По дорогѣ въ губернскій городъ W. ѣхали сани съ рогожнымъ задкомъ, запряженныя тройкою разномастныхъ, лохматыхъ, съ неуклюжими мякинными животами лошадокъ. Надъ лопоухой коренною рыжей масти лѣниво болтался колокольчикъ; впереди трусили гусемъ пристяжныя, одна буланая, другая чалая, неровно натягивая веревочныя постромки и всѣ мокрыя не столько отъ усердной работы, сколько отъ воды, мѣстами стоявшей по дорогѣ, и отъ того, что въ воздухѣ изрядно пригрѣвало. На кучерскомъ мѣстѣ сидѣлъ молодой мужикъ Ѳеопенъ,—«хлопей» и «хлопешка» звали его въ деревнѣ,—въ желтомъ, цвѣта квасной гущи армякѣ, въ нанковой ватной поддевкѣ съ большой новой заплатой на груди; на господскомъ—человѣкъ въ очкахъ, съ свѣтло-русой бородкой клинушкомъ, въ облѣзлой енотkѣ, надѣтой поверхъ осенняго пальто, въ хитрой, съ какими-то клапанами шапкѣ.

Мужикъ Ѳеопенъ являлъ видъ заматорѣлой безпечности. За всѣмъ тѣмъ, по его зеленымъ, ввалившимся щекамъ съ жиденькой бѣлесоватой растительностью, по неимовѣрно худой и длинной шеѣ, изъязвленной шрамами и обмотанной какимъ-то засаленнымъ тряпьемъ, видно было, что онъ боленъ—и скверно боленъ, и бѣденъ, и заморенъ со дня рожденія, и что жизнишка его сѣренькая. Иногда онъ воспрядалъ и покрикивалъ гнусавымъ теноркомъ, дергая возжами, стараясь привести въ движеніе длинный пеньковый кнутъ, чтобы достать переднюю пристяжную. Но такъ какъ изъ этого ничего не выходило, и чалый меренокъ только насмѣшливо шевелилъ ухомъ да взмахивалъ круто подвязаннымъ хвостомъ, точно желая сказать товарищамъ по запряжкѣ: «смотрите, смотрите какой глу-

пый человѣкъ этотъ Ѳеопенъ!»—то Ѳеопенъ равнодушно произносилъ:—«А, шутъ васъ!...»—и опять погружался въ безпечное забытье.

Въ такомъ же забытьи, хотя далеко не безпечномъ, находился и баринъ, Андрей Петровичъ Тенцовъ. Однообразный звонъ колокольчика и шорохъ полозьевъ, мѣрное шлепанье копытъ по оттаявшей дорогѣ, пустынная бѣлая степь, голубые лѣса на горизонтѣ, пухлыя съ синеватыми краями тучи, облегавшія небо, вся эта глушь и ширь и безконечная непрерывность однихъ и тѣхъ же звуковъ, затерянныхъ въ безконечномъ и безмолвномъ просторѣ, наполняли его душу чувствомъ грустной и усталой резиньяціи. Но иногда, какъ и Ѳеопенъ, онъ нетерпѣливо выпрямлялся и, глубоко вздыхая, съ нервическимъ безпокойствомъ распахивалъ свою енотку, потому что вѣяло запахомъ весны, чѣмъ-то такимъ, что щиплетъ за сердце, волнуетъ, дразнитъ, зоветъ куда-то. Но изъ этого также ничего не выходило, какъ и у Ѳеопена съ пристяжной, и Тенцовъ снова погружался въ меланхолическую неподвижность.

— Баринъ, а баринъ!—внезапно воззвалъ Ѳеопенъ.

Андрей Петровичъ вздрогнулъ и досадливо поморщился.

— Сколько разъ я просилъ называть меня по-человѣчески,—развѣ это для васъ такъ трудно?—сказалъ онъ.

По лицу Ѳеопена пробѣжала неопредѣленная усмѣшка, но онъ все-таки не назвалъ Тенцова по имени-отчеству, а просто сказалъ, махнувъ рукою вдаль:

— Губерня замаячила.

Дѣйствительно, въ сторону заката, мутнымъ золотомъ пробивавшагося сквозь тучи, какъ-то вдругъ выросла гора съ туманными очертаніями большого города. Тенцовъ взглянулъ туда и, на мигъ въ его глазахъ мелькнула растерянность: онъ точно забылъ, зачѣмъ ему нуженъ этотъ городъ... Но тотчасъ вспомнилъ, что ѣдетъ продать рожь, внести проценты въ земельный банкъ, уплатить недоимки въ казначейство, повидаться съ тетушкой,—однимъ словомъ много оказывалось дѣлъ, и въ свою очередь онъ оживился и съ заботливымъ выраженіемъ на лицѣ сказалъ Ѳеопену:

— Потрогивайте... Погоняйте, пожалуйста... Не рано.

Кстати тетушка,—«Сычиха», или просто «полковница», какъ всѣ величали ее въ городѣ,—писала ему недавно,—не сама, а чьимъ-то бисернымъ, отчетливымъ почеркомъ, что къ ней пріѣхала изъ Парижа «внучка-Милочка» и очень желаетъ видѣть «дядю Андрея». Эту Милочку Тенцовъ смутно помнилъ некрасивымъ, долговязымъ подросткомъ, въ коротко обтянутомъ платьицѣ, съ крас-

ными, какъ морковь, неуклюже высунутыми руками, въ вѣчно заштопанныхъ, выцвѣтшихъ, кирпичнаго цвѣта чулкахъ придававшихъ ей удивительное сходство съ несложившимся гусенкомъ; но больше ничего не помнилъ и рѣшительно не догадывался, почему она изъ Парижа, а не изъ Костромы, гдѣ, кажется, была ея родина, и зачѣмъ желаетъ видѣть его... Все равно нельзя было обидѣть старушку и не поѣхать.

А на самомъ дѣлѣ, ближе къ веснѣ, Андрей Петровичъ все хуже и хуже сталъ чувствовать себя въ своей Тенцовкѣ отъ разныхъ причинъ, и хотя ничего цѣлительнаго отъ города не ожидалъ, но почти обрадовался, когда пришло тетушкино письмо и приказчикъ Кузьмичъ доложилъ, что рожь «повеселѣла», и напомнилъ о процентахъ и недоимкахъ.

— А что я хочу вамъ доложить,—вкрадчиво произнесъ Ѳеопенъ съ помощью чмоканья, дерганья возжей и неистовыхъ вращеній десятиаршиннаго кнута успѣвшій преодолѣть равнодушіе передней пристяжной до такой степени, что она пустилась вскачь,—что я хочу доложить вамъ, Андрей Петровичъ. Простуда-то вѣдь всетово... все мозжитъ, прокисай она! Наши деревенскіе ничего себѣ, съ понятіемъ народъ, но касающе чужесельскихъ—чистая бѣда: брезгуютъ, прокисай ихъ совсѣмъ!... И дѣвки ихнія брезгуютъ. А тятенька безъ короткаго пристаетъ—жениться. А въ Тенцовкѣ, сами изволите знать, что ни дѣвка—то родня: невѣстъ нѣту. Не сбѣгать ли мнѣ къ бабкѣ-Чеканихѣ въ пригороднюю слободу? Ишь окончательно пользуетъ отъ простуды. А то сами посудите, Андрей Петровичъ: ну, даете вы мнѣ, скажемъ, *калю-айдати* (Ѳеопенъ выговорилъ это отчетливо и съ нѣкоторымъ шикомъ),—ну, скажемъ, не безъ того—и способствуетъ она... Во всякомъ разѣ на Троицу престолъ, свадьбы... Тятенька понуждаютъ... Маменька жалются,—невозможно имъ безъ бабы,—а настоящаго облегченія мы не находимъ.

— Идите куда знаете,—съ досадой сказалъ Тенцовъ.

— Это для насъ ничего не составитъ сходить,—подхватилъ Ѳеопенъ,—но, дозвольте доложить, къ Чеканихѣ безъ трехъ серебра и севаться не зачѣмъ.

— И отравитъ она васъ за три серебра сулемой. Скажите пожалуйста, откуда вы такую мерзость развели въ Тенцовкѣ? Вѣдь одного двора нѣтъ чистаго.

Ѳеопенъ хотѣлъ обидѣться, но соображеніе о трехъ рублякъ для Чеканихи остановило его.

— Съ заработковъ пошло,—отвѣтилъ онъ скромно,—съ ни-

зовъ. Втѣпоры какъ ослобонились отъ господъ, зачали на низы, въ Ростовъ ходить,—жизня на пристаняхъ неспособная: въ мокротѣ, народъ безъ настоящихъ понятивъ—безъ одёжіе, вотъ и пошли простужаться.

— Значитъ и носы проваливаются отъ простуды?—насмѣшливо спросилъ Тенцовъ.

— Избави Господи!—измѣнившимся голосомъ пробормоталъ Ѳеопенъ, и вдругъ обернулъ къ барину такое жалкое и встревоженное лицо, что тотъ поспѣшилъ сказать:

— Не о васъ, не о васъ я говорю, Ѳеопенъ. Не безпокойтесь пожалуйста... Васъ я непремѣнно вылѣчу.

Малый неожиданно всхлипнулъ, утеръ рукавицею носъ и ужъ до самаго города не проронилъ ни слова.

Это всхлипываніе острымъ ножомъ рѣзнуло Тенцова. Оно не удивило его. Въ недавно протекшій голодный годъ и особенно въ холеру онъ достаточно убѣдился въ слезливости и дряблости того самаго мужика, о которомъ думалъ когда-то какъ о лучшемъ цѣлителѣ слезливыхъ и дряблыхъ интеллигентныхъ людей. Онъ уже увѣрился, что нервы потрясены и тамъ, гдѣ имъ предполагалось быть желѣзными... Но все же къ мужицкимъ слезамъ привыкать не легко; не привыкъ къ нимъ и Андрей Петровичъ. Ѳеопену онъ больше ничего не сказалъ, но невольно задумался объ этой ужасной «простудѣ», отъ которой въ любой деревнѣ гніютъ семьи и поколѣнія, о невѣроятныхъ условіяхъ жизни, въ которыхъ развивается эта «простуда»... потомъ, какъ и всегда въ послѣднее время, о своемъ безсиліи, о крушеніи разныхъ надеждъ, о заколдованномъ кругѣ, изъ котораго не находилъ выхода, о собственной судьбѣ, похожей «на выжженную степь съ изсохшими родниками и изсякшими источниками»,—сравненіе, недавно выслушанное имъ отъ доброжелательнаго приходскаго попа Устина... Потомъ очки Тенцова заволоклись туманомъ, въ горлѣ появилась знакомая судорога, раздался странный, писклявый звукъ, тотчасъ же впрочемъ задушенный...

Тѣмъ временемъ въѣхали въ городъ и повернули на постоялый дворъ купца Еферова, гдѣ для господъ имѣлись «номера», а для кучеровъ и лошадей неприхотливыя удобства и дешевый харчъ.

Въ этотъ же вечеръ Тенцовъ хотѣлъ пойти и туда, и сюда; да спросилъ чаю, выпилъ съ удовольствіемъ первый стаканъ, а за вторымъ легъ, облокотившись на подушку, такъ и пролежалъ до поздней ночи, машинально слѣдя за дымомъ папиросы и вставая лишь за тѣмъ, чтобы закурить новую. Пришли за остывшимъ самоваромъ;

Андрей Петровичъ встрепенулся, досталъ изъ чемоданчика городское платье,—въ деревнѣ онъ ходилъ въ блузѣ,—но прежде чѣмъ переодѣться, посмотрѣлъ на часы и отложилъ свои визиты до завтра.

II.

Лѣтъ двадцать тому назадъ въ томъ же городѣ W. можно было встрѣтить румянаго, свѣтловолосаго гимназиста-шестиклассника, съ пухлыми щеками въ ямочкахъ, съ преднамѣренно серьезнымъ, а то и прямо-таки трагическимъ выраженіемъ на лицѣ, распускавшимся однако при малѣйшемъ поводѣ и даже безъ всякаго повода въ самую беззаботную, радостную улыбку. Въ кучкѣ товарищей это былъ гимназистъ съ вѣсомъ. Шла ли рѣчь о заговорѣ противъ чеха Застеры, или при выходѣ изъ классовъ предстоялъ «конфликтъ» съ «красной говядиной», съ кадетами, или надо было предъявить «человѣческія права» заикѣ-инспектору, возъимѣвшему «наглость» обратиться на «ты» къ одному изъ товарищей, или устроить скандалъ учителю—«косичкѣ», осмѣлившемуся употребить презрительное слово «жиды» вмѣсто «евреи» (инородцевъ въ классѣ ни одного не было, но нельзя было допускать такое недостойное глумленіе надъ «національностью!»), или, наконецъ, затѣвалась экскурсія на лодкахъ, съ ловлею рыбы бреднемъ, съ изготовленіемъ ухи въ рыбацкомъ котелкѣ, съ игрою въ чехарду, въ коршуна и въ горѣлки,—во всемъ этомъ русоволосый, пухлый юноша игралъ хотя не первую, но важную роль. И несомнѣнно игралъ первую въ кружкѣ избранныхъ, называвшихъ себя членами особаго союза—«голубой лампы», проводившихъ ночи на пролетъ за самоваромъ, въ усердномъ чтеніи «хорошихъ» книгъ и журнальныхъ статей и въ горячихъ разговорахъ по ихъ поводу, имѣвшихъ таинственныя сношенія съ разнаго рода «замѣчательными» людьми, чрезъ которыхъ доставались не только «хорошія», но и «опасныя» книжки, а подчасъ и прокламаціи.

Этотъ вліятельный гимназистъ «крайнихъ убѣжденій», который впрочемъ въ такой же степени былъ не прочь отъ «соціальной революціи», какъ отъ чехарды и драки съ кадетами, числился въ спискахъ гимназіи сыномъ надворнаго совѣтника Андреемъ Тенцовымъ и жилъ на антресоляхъ у своей тетушки, полковницы Сычевой. Она замѣняла ему мать, рано умершую, и отца, служившаго казначеемъ въ захолустномъ уѣздномъ городкѣ.

Замѣчательное существо была эта «полковница!» Никто въ W.

не помнилъ ея молодости, а она помнила какія-то странно звучащія имена и событія едва ли не изъ временъ Павла Петровича. На своемъ вѣку ей пришлось схоронить трехъ мужей и всѣхъ дѣтей, которыя отъ нихъ раждались, а жизнь упрямо тлѣла въ ней и не хотѣла потухать. Когда Андрей кончилъ гимназію, «Сычиха» же собрала его въ Петербургскій университетъ,—казначей къ тому времени тоже померъ,—и приняла на себя управленіе Тенцовкой. Правда, это управленіе ограничивалось пріемомъ докладовъ и денегъ отъ приказчика Кузьмича,—старушка болѣе тридцати лѣтъ не выѣзжала за черту города, но все же Кузьмичъ выходилъ изъ ея кабинета съ раскаленной до багроваго цвѣта лысиной и весь въ поту и ворчалъ про себя: «Ишь, скрозьземельная чертовка, до всего докапывается!» Деньги отсылались молодому наслѣднику.

И куда, куда не приходилось старушкѣ направлять эти тенцовскіе доходы! Сначала въ Петербургъ, потомъ въ Архангельскую губернію, въ городъ Мезень, потомъ въ теченіе цѣлаго года въ Москву и, вслѣдъ за этимъ, въ университетскій городокъ въ южной Германіи. Затѣмъ пришлось ей по присланной довѣренности заложить Тенцовку и сразу перевести нѣсколько тысячъ на контору Ротшильда въ Парижѣ.

А прихотливый адресатъ «полковницы» жилъ это время безпокойно и чувствовалъ себя далеко не съ прежней гимназической ясностью. Посѣщалъ лекціи, но со все усиливающимся убѣжденіемъ въ тщетѣ «казенной» науки, въ авгуровскомъ перемигиваніи ея жрецовъ, между собою, въ департаментскомъ стилѣ ея храма. Пламенѣлъ къ народу, но подъ вліяніемъ ярко выступившаго тогда съ своими деревенскими картинами псевдонима—«Г. Иванова», все съ упадавшимъ довѣріемъ къ народной иниціативѣ, общиннымъ и артельнымъ началамъ. Участвовалъ въ сходкахъ, совѣщаніяхъ, демонстраціяхъ и въ суетливой бѣготнѣ съ контрабандными листками, но съ постояннымъ чувствомъ, что это все «пока», а завтра и вообще на дняхъ начнется «настоящая» жизнь. Былъ, наконецъ, низвергнутъ въ Мезень, но со смутнымъ понятіемъ о тѣхъ правонарушеніяхъ, которыя были поставлены ему въ вину... Въ Мезени же очень тосковалъ, дошелъ до мыслей о «сладости небытія», подкрѣпленныхъ нарочито выписанной «философіей безсознательнаго», пустился сочинять стихи во вкусѣ г-жи Аккерманъ и Леопарди, пріобрѣлъ было привычку спать послѣ обѣда, играть съ чиновниками въ преферансъ и пить водку, быстро утратилъ юношескую опухлость щекъ, румянецъ, безпричинную улыбку, даже и цѣломудріе, благодаря женѣ одного изъ мѣстныхъ Пентеф-

ріевъ... Къ его счастью, подоспѣли важныя событія, разсказанныя въ тогдашнихъ газетахъ, и это потрясло его глубоко. Онъ рѣзко измѣнился, задумался... Больше для дисциплины ослабѣвшей души, нежели по влеченію, налегъ на изученіе языковъ, на политическую экономію, изъ которой до тѣхъ поръ зналъ только заѣзженные афоризмы, и рѣшилъ, какъ только дождется освобожденія, закончить свое академическое образованіе.

Это не удалось, однако, въ Москвѣ, куда его черезъ три года пустили. За то въ той же Москвѣ ему пришлось отмѣтить такой неслыханный упадокъ идей, силъ и настроенія, и столько начитаться, наслушаться и насмотрѣться чудесъ, казалось бы умѣстныхъ лишь въ воспоминаніяхъ тетушки Сычихи, что онъ пришелъ въ отчаяніе. Русская жизнь сошлась клиномъ въ его глазахъ. Впереди оставалось либо дѣйствительно умереть, либо бѣжать подобно Чацкому...

Но куда бѣжать и зачѣмъ? Это опредѣлила случайность. На одномъ диспутѣ по политической экономіи, онъ въ качествѣ оппонента изъ публики заинтересовалъ своими замѣчаніями извѣстнаго профессора. Профессоръ самъ подошелъ къ Тенцову, познакомился, пригласилъ къ себѣ, а дома, узнавши объ его обстоятельствахъ, посовѣтовалъ избрать спеціальностью именно тотъ предметъ, о которомъ шла рѣчь на диспутѣ, и ѣхать для этого къ нѣмцамъ. Паспортъ выдали довольно легко, и вотъ Андрей Петровичъ очутился въ тихомъ южно-германскомъ городкѣ и сталъ готовиться къ карьерѣ ученаго экономиста.

Но не его была эта карьера. Не прошло двухъ семестровъ, какъ у него точно подъ ложечкой засосало. Непроходимое мѣщанство этихъ академическихъ пажитей, на которыхъ, не мудрствуя лукаво, паслись самодовольные бурши, крохоборное благонравіе нѣмецкаго общежитія, въ которомъ съ непривычки можно было задохнуться, горы, со всѣхъ сторонъ заслонявшія городокъ,—все это стало внушать Тенцову особаго рода идіосинкразію. Его глазамъ также не доставало здѣсь широкихъ горизонтовъ, какъ уму и чувству, воспитаннымъ въ безбрежности великодушныхъ мечтаній и «міровыхъ вопросовъ». Да и насчетъ науки его быстро начали обуревать сомнѣнія. Нѣтъ словъ, она преподавалась блистательно. Знаменитый профессоръ почитался столпомъ самоновѣйшей школы. Въ его логическихъ тенетахъ факты, цифры, явленія сцѣплялись въ рядъ доказательствъ неопровержимыхъ... Но Тенцову все казалось, что это «одинъ отводъ глазъ», и что, какъ ни доказывай профессоръ, а подъ внѣшней оболочкой «историческаго процесса» есть нѣчто такое, что не

улавливается на удочку «законовъ». Впрочемъ, это бы еще не бѣда: существовали въ экономической наукѣ и иныя школы... Бѣда Андрея Петровича была въ томъ, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше онъ остывалъ къ избранной спеціальности, начиналъ думать, что она по существу своему не въ состояніи захватить «сердцевину» жизни, что она для него не нужна. И мечтательная лѣнь имъ овладѣвала, какая-то жажда иныхъ впечатлѣній, грёзъ, звуковъ... Все чаще сталъ онъ откладывать въ сторону внушительные обзоры, сборники, таблицы, монографіи, и бродилъ по горамъ, и, случалось, зачитывался до разсвѣта новымъ французскимъ романомъ, либо стихами Мюссе, Верлена... даже Фета и Тютчева, когда-то презираемыхъ за отсутствіе «гражданской скорби».

За всѣмъ тѣмъ университета онъ не бросилъ, а въ ближайшіе каникулы отправился въ Парижъ, и оттуда на побережье Бретани. Тамъ-то и поджидала его судьба.

Сезонъ еще не начался, приморскіе города и мѣстечки были пустынны. И это было на руку Тенцову. Онъ испытывалъ особое наслажденіе въ простой и безцѣльной жизни туриста, въ одиночествѣ среди чуждыхъ лицъ, въ этой провинціальной тишинѣ, точно подчеркнутой видомъ и вздохами океана, въ этихъ вѣяніяхъ легенды, проницающихъ солоноватый воздухъ Бретани.

И встрѣтивъ на пути одну изъ самыхъ великолѣпныхъ легендъ побережья, не разсказанную, а высѣченную изъ камня, фантастическую Mont St-Michel, Тенцовъ остался тамъ надолго.

Это—крутая, когда-то неприступная скала, въ нѣсколько сотъ футовъ. Страненъ ея видъ, одинокій и угрюмый... Съ берегомъ ее соединяетъ длинная, длинная дамба—*la digue*, кругомъ разстилаются пустынные пески, или волны прилива. Удивительный замокъ вѣнчаетъ вершину. Прежде оплотъ и святыня Бретани, монастырь, крѣпость, государственная тюрьма, онъ нынѣ «національная собственность» и только. У подножія замка лѣпится крохотный городокъ.

Мрачныя, остроконечныя башни, устремленныя въ высь; лѣстницы, повиснувшія въ воздухѣ; темницы, наполненныя какою-то гробовою сыростью; ниши, забранныя заржавленной рѣшеткой и похожія на клѣтки; желѣзныя кольца, ввинченныя въ стѣны; таинственные переходы и кельи подъ сводами; залы съ полуобрушенными колоннами; входная арка точно построенная для гигантовъ; толстыя стѣны съ зубцами и амбразурами, а внизу улицы, похожія на щели, со ступенями, вырубленными въ гранитѣ на каждомъ поворотѣ въ гору,—все это производило на Тенцова очарованіе

какого-то сна, какой-то средневѣковой сказки со странными ужасами и привидѣніями.

И сказочная тишина стояла повсюду. Лѣтомъ тысячами сюда наѣзжаютъ туристы; два раза въ году собираются паломники, является епископъ изъ Авранта, въ ветхой часовнѣ служатся мессы, говорятся проповѣди... Теперь городокъ мирно дремалъ, окутанный своими воспоминаніями. За крѣпостными стѣнами, отвѣсно окаймлявшими гору, еще копошилась жизнь. Тамъ ребятишки собирали ракушекъ, слизняковъ, креветокъ; рыбачьи лодки подымали паруса, отправляясь на взморье; въ кабачкѣ у воротъ по временамъ шумѣли за кружками сидра; единственная въ мѣстечкѣ пара лошадей привозила и отвозила скрипучій дилижансъ вдоль ослѣпительно бѣлой, пыльной, прямой какъ натянутая лента дамбы. Но стоило войти въ ворота, миновать туннель между циклопическими стѣнами, подняться въ гору по выдолбленнымъ ступенямъ, и васъ охватывала беззвучная, задумчивая, какая-то печальная тишина. Рѣдко-рѣдко звенѣли плиты подъ деревянными сабо прохожихъ... и только выше рѣяли стрижи вокругъ остроконечныхъ башенъ, раздавался жадный клехтъ какихъ-то хищныхъ птицъ, да въ зубцахъ и амбразурахъ не переставая гудѣлъ сильный, насыщенный солью и запахомъ морскихъ растеній вѣтеръ.

Впрочемъ, передъ вечеромъ, по нижней стѣнѣ, въ одномъ мѣстѣ широкой какъ дорога, важно и медленно двигались фигуры. Это прогуливалась мѣстная аристократія: содержательница лучшаго отеля на Горѣ m-me Potin съ дочерью, двѣ сестры изъ конгрегаціи, семья почтоваго чиновника, семья смотрителя замка. За ними важно и медленно двигались тѣни, и опять было похоже на сказку.

А съ вершины раскрывался такой просторъ. Лѣсистые холмы синѣя уходили въ глубь Бретани; по излучистому берегу бухты пестрѣли своими крышами едва видные села и города; на высокой горѣ гордо возвышался далекій Авранъ, сверкая шпицами собора. Въ другую сторону, на западъ, виденъ былъ океанъ,—путь изъ Сенъ-Мало въ Джерсей, въ Гранвиль, на край свѣта, если захочешь.

Но что придавало особый характеръ окрестностямъ, такъ это безконечные пустынные пески и разлитыя между ними какія-то мертвыя воды, и медлительно текущая по этимъ пескамъ рѣка, напоминавшая Тенцову Стиксъ, и островъ Томбеленъ, похожій на корабль, внезапно очутившійся на мели. Пески вѣчно двигались, вѣчно измѣняли свои очертанія. Ближе къ берегу они уже превра-

тились въ сухую, ослѣпительно бѣлую пыль,—въ ней по щиколку тонула нога, и едва не по ступицу уходили колеса. Но по направленію къ западу въ нихъ таилась зловѣщая жизнь. Не даромъ на Горѣ сохранилось преданіе о цѣломъ отрядѣ засосанныхъ ими рыцарей, ходили разсказы о пропавшихъ безъ вѣсти туристахъ, о жалобныхъ крикахъ, раздававшихся за Томбеленомъ, о мучительной смерти крестьянина, затянутаго съ лошадью въ неожиданно открывшуюся передъ нимъ бездну.

Приливъ на свой ладъ преображалъ окрестности. Жутко было слышать, какъ вдругъ, около полуночи, вокругъ Горы раздавался загадочный, торопливый шепотъ. У самыхъ стѣнъ плескались волны. Мертвыя лагуны оживали и переполнялись. Едва сочащіеся днемъ ручейки широко поднимали дюны. Рѣка, тяжко колыхаясь, выступала изъ береговъ. И совсѣмъ вблизи можно было различить угрюмое бормотанье океана, а въ лунную ночь — мертвенный блескъ его безчисленныхъ очей, его «роковой просторъ», его волны. И чудилось, что островъ Томбеленъ, похожій на корабль, вотъ-вотъ подыметъ паруса, двинется въ путь.

А на утро это таинственное посѣщеніе моря тоже казалось сномъ. Лишь влажный песокъ нестерпимо блестѣлъ на солнцѣ, да острый запахъ водорослей, оставленныхъ приливомъ, щекоталъ грудь, да мшистыя стѣны Горы какъ будто плакали,—можетъ быть о минувшемъ, что вспомнилось ночью, разсказанное старикомъ-океаномъ. Томбеленъ опять возвышался одиноко посреди дюнъ, лагуны опять были мертвы, ручьи едва сочились и вились змѣями по молчаливой, задумчивой пустынѣ. И опять щебетали стрижи, пронзительно кричали хищныя птицы и чайки, гудѣлъ крѣпкій, соленый вѣтеръ.

Тенцову разсказывали, что въ дни равноденствія приливъ бываетъ такъ великъ, что вся бухта наполняется водою, море подступаетъ къ деревушкѣ La-Rive и едва не заливаетъ дамбу. Тогда Гора снова становится неприступнымъ островомъ, какъ во времена Дюгесклена и Синей Бороды, и замокъ грозно сторожитъ бухту. Сторожъ безполезный, конечно, потому что нѣтъ контрабандиста, который побоялся бы теперь этой твердыни, похожей на гнѣздо дряхлаго, угрюмо дремлющаго орла.

Но какія грёзы у этого орла!

Выдерживались и отражались осады, зорко охранялся берегъ отъ англичанъ и пиратовъ. Рыцари замуровывали побѣжденныхъ, монахи—еретиковъ, короли—враговъ династіи, революція—поповъ изъ Вандеи и Бретани. Въ великолѣпномъ храмѣ молились,

по галлереямъ проходили священныя процессіи, въ залахъ шумѣли пиры и просходили тихія трапезы, на стѣнахъ бряцало оружіе, въ тюрьмахъ, въ желѣзныхъ клѣткахъ, въ ужасныхъ нишахъ медленно томились и умирали. Иногда, впрочемъ, смерть наступала и быстро: отъ пытокъ, отъ яда, отъ сверженія въ страшные колодцы, пробуравленные въ скалѣ. Все миновало. Едва ли не послѣднимъ заключенъ былъ здѣсь Бланки въ царствованіе благодушнаго Луи-Филиппа. Колодцы давно уничтожены, въ казематахъ однѣ лишь крысы да летучія мыши; сквозной вѣтеръ гуляетъ въ мрачныхъ коридорахъ. Третья республика держитъ смотрителя на скромномъ жалованьи, скупо и лѣниво реставрируетъ архитектурныя чудеса и врядъ ли не тяготится этою «собственностью».

Собственностью святого Михаила, утверждаютъ сутаны.

Такъ вотъ гдѣ застрялъ Андрей Петровичъ. И его совсѣмъ не тянуло изъ этого величаваго захолустья. Нигдѣ онъ еще не чувствовалъ такого душевнаго настроенія, такой тоски о невозможномъ, такого волнующаго ожиданія не то какихъ-то чудесъ, не то откровеній. И нигдѣ его личная жизнь, да и вся современная дѣйствительность, не представлялись ему столь скучной, плоской, унылой прозой. Суждено ли капитализму диктовать исторію во всѣхъ уголкахъ міра? Возможенъ ли прогрессъ безъ обобщенія пролетаріата машинами? Консервативный ли элементъ крестьянство? И на какой путь вступила Россія? И какъ помочь ей? Ни о чемъ этомъ теперь не думалъ Тенцовъ, а только всѣмъ встревоженнымъ существомъ своимъ вслушивался, о чемъ не переставая гудитъ вѣтеръ въ амбразурахъ, о чемъ плачутъ и кому грозятъ птицы, носясь вокругъ Горы, что разсказываетъ океанъ, подползая ночью къ старымъ стѣнамъ, о чемъ задумались эти дерзко брошенныя въ высь башни, эти загадочные пески, эти мертвыя лагуны. И душа его кипѣла въ невыплаканныхъ слезахъ, тайно волновалась, ждала чего-то... можетъ быть смерти, можетъ быть внезапнаго прозрѣнія.

Никогда не любя, никогда не испытывая особаго впечатлѣнія отъ женщинъ, Тенцовъ меньше всего думалъ о любви.

Это пришло вдругъ, какъ ударъ молніи, сказали бы встарину.

III.

Разъ передъ закатомъ солнца Андрей Петровичъ, помѣстившись между монументальными зубцами стѣны, круто подымающейся къ замку, съ увлеченіемъ читалъ «Travailleurs de la Mer».

Приподнятый тонъ романа, мѣсто дѣйствія не далеко отъ Горы, таинственная роль океана, сверхчеловѣческое величіе и трагическая судьба героя,—какъ нельзя болѣе подходили къ настроенію Тенцова. Вдругъ женскіе голоса и русская рѣчь пробудили его:

— Мама, мама... смотри же скорѣй!—спѣша и волнуясь произнесъ низкій, показавшійся Тенцову удивительно музыкальнымъ, молодой голосъ.—Это вѣдь точно первый день творенія... воды не отдѣлились еще отъ земли... Какъ прекрасно и... жутко!

— Что за выраженія, Дика... жутко! Ты не на Плавицѣ, не забывай этого. И потомъ я хотѣла тебѣ сказать... охъ, совсѣмъ задыхаюсь!... Я хочу сказать о корсетѣ... Право, Дика, та, та, та, какой видъ!... Вотъ послѣ этого и осуждай съ Петромъ Иванычемъ символистовъ!

Тенцовъ мелькомъ взглянулъ изъ своей засады: лица молодой не было видно, пожилая была худенькая, хрупкая, въ элегантномъ темномъ платьѣ, съ незначительными чертами лица, теперь краснаго и возбужденнаго отъ восхожденія по головоломной лѣстницѣ,—и тотчасъ же повернулся къ западу. Тамъ дѣйствительно совершалось нѣчто апокалипсическое. Въ похолодѣвшемъ и на этотъ разъ неподвижномъ воздухѣ стояла мутная мгла, похожая на ржавчину. Солнце безъ лучей смотрѣло сквозь эту мглу, будто кровавое око, пристальнымъ, Тенцовъ подумалъ—трагическимъ взглядомъ. Странный, какой-то зловѣщій свѣтъ былъ разсѣянъ въ пространствѣ. Приливъ уже начиналъ насыщать пески, подымалъ уровень рѣчки съ безчисленныхъ лагунъ. Съ Горы было видно, какъ до самаго мрачнаго моря, сливавшагося на горизонтѣ съ мутными и фантастическими небесами, тускло блистали воды, а между ними, точно туманъ, въ блѣдныхъ и запутанныхъ очертаніяхъ сквозила сѣрая, безконечная, безжизненная пустыня. Кругомъ все застыло въ томительномъ молчаніи; только большая чайка кружилась надъ обрывомъ у замка и издавала жалобные, тягучіе, тревожные крики.

Тревога росла и въ душѣ Тенцова. Такой картины онъ еще никогда не видалъ, такихъ ощущеній никогда не испытывалъ. Міръ являлся въ его глазахъ въ какомъ-то хаотическомъ безпорядкѣ,—точно стройный оркестръ спутался, смѣшался, и, вмѣсто привычной человѣческому уху симфоніи, раздались дикіе, странные звуки. И особенно этотъ крикъ одинокаго альбатроса, похожій на рыданіе, эти всхлипыванья приближающагося прилива, эти стоячія воды, отражающія какой-то нездѣшній свѣтъ, и плавающее во мглѣ багровое солнце, точно перемѣщенное съ своего пути,—надрывали сердце Тенцова. Холодомъ тайны повѣяло на него; жуткое сознаніе

одиночества и безпомощности заставило его содрогнуться. «Первый день творенія!—воскликнулъ онъ,—вотъ настоящее и мѣткое слово!»—и невольно оглянулся въ сторону «Дики».

Теперь все ея лицо видно было. Своею грозною красотой, своимъ выраженіемъ тревожнаго, почти страдальческаго, оно поразило Андрея Петровича. Это было опять не отъ дѣйствительности, а изъ того же міра легендъ, мистическихъ грёзъ, средневѣковыхъ видѣній. Въ зловѣщемъ свѣтѣ, обливавшемъ до пояса фигуру «Дики», какъ-то необычайно выдѣлялись ея трагически-сдвинутыя брови, широко раскрытые, огромные глаза съ проступившими на нихъ огнистыми каплями слезъ, пушистые волосы, ореоломъ окаймлявшіе гордый лобъ, серьезное лицо, покрытое смертельною блѣдностью, красныя какъ кровь, едва замѣтно вздрагивающія губы. «Точно архангелъ!»—подумалъ Тенцовъ, смутно вспоминая библейскія иллюстраціи Доре и самъ не свой отъ восторга. Въ это мгновеніе взгляды ихъ встрѣтились; «Дика» смутилась, хотѣла овладѣть собою; но вдругъ трагическое выраженіе покинуло ее, губы задрожали, и въ глазахъ мелькнула такая нѣжная жалоба, такая жажда сочувствія и помощи, что Андрей Петровичъ сдѣлалъ невольное движеніе въ ея сторону. Но шорохъ, произведенный имъ, привлекъ вниманіе пожилой дамы.

— Ah, ma chère fille,—вскрикнула она сладкимъ голоскомъ,—que c'est mystique et delicieux!... Et que c'est dommage que ton célèbre maître monsieur Puvis de Chavannes ne te voie pas!...—и быстрою скороговоркой по-русски:—Поправься, поправься, Дика... На тебя смотрятъ... Ахъ, Боже мой, говорила я, что нельзя какъ на Плавицѣ... безъ шляпы... безъ корсета...

— Простите, пожалуйста,—смущенно сказалъ Тенцовъ, приподнимая шляпу,—но я русскій, и слѣдовательно...

Не забыть ему того прелестнаго, серебристаго смѣха, что внезапно раздался изъ устъ дѣвушки, заглушилъ «ахи» и извиненія растерявшейся пожилой дамы, до неузнаваемости преобразилъ Гору, окрестности, апокалипсическій видъ заката... и его душу.

Правда, этотъ смѣхъ преобразилъ и «Дику». Совсѣмъ теперь въ ней не было сходства съ иллюстраціями Доре, и никакой мистической красоты. Тенцовъ увидалъ передъ собою хорошенькую русскую барышню, высокую, статную, несмотря на отсутствіе корсета, съ живыми и выразительными чертами, съ граціозно-очерченною головкой и молочно-бѣлою шеей, поставленной на пышномъ бюстѣ, со сверкающими зубками между румяныхъ, капризно изогнутыхъ губъ, съ заразительно-веселою улыбкой и такимъ же

веселымъ блескомъ въ темныхъ глазахъ. И только послѣ Андрей Петровичъ узналъ необыкновенную особенность этого лица: мгновенно измѣнять свой жизнерадостный видъ на выраженіе отчаянной тоски и тревоги. Тогда «Дика» становилась блѣдной, безпокойной, молчаливой, глаза ея тускнѣли, отъ всего существа вѣяло чѣмъ-то недобрымъ и недоступнымъ.

Семья Кладищевыхъ только и состояла изъ отца, матери и дочери. Характерная это была помѣщичья семья. Разнообразныя моды русской общественности отложились на ней точно геологическими пластами. И все это на основѣ неисправимаго дворянскаго благодушія, беззаботности, неопредѣленныхъ порывовъ, ширины, граничащей съ безразличіемъ. Отца звали Петръ Ивановичъ. Въ свое время онъ былъ мировымъ посредникомъ при губернаторѣ Арцимовичѣ, дружилъ съ Громекой, ѣздилъ въ Лондонъ къ Герцену и едва ли не помѣстилъ въ *Колоколѣ* двѣ-три статейки; затѣмъ участвовалъ въ земствѣ, служилъ предводителемъ, причемъ нѣсколько пострадалъ за неосторожное допущеніе одного таинственнаго незнакомца къ должности волостного писаря, и, наконецъ, хозяйничая на «раціональныхъ началахъ», какъ-то незамѣтно пропустилъ между пальцевъ два-три довольно крупныхъ наслѣдства. Въ глазахъ мѣстныхъ помѣщиковъ, особенно молодыхъ, онъ такъ и остался на счету «краснаго», отъ котораго, по нынѣшнимъ временамъ, слѣдовало быть подальше. А въ сущности это былъ слабохарактерный добрякъ съ одинаковымъ влеченіемъ къ благороднымъ словамъ и благородному вину, къ затверженному въ молодости образу мыслей—и остроумно разсказанному въ мужской компаніи анекдоту, къ независимости по европейскому образцу—и къ скабрезнымъ женщинамъ; гуманистъ и западникъ—и столь же равнодушный, какъ и «крѣпостники», къ положенію своихъ бывшихъ крестьянъ, у которыхъ не было ни школы, ни медицинской помощи, ни сноснаго надѣла. Теперь онъ являлъ изъ себя маститаго старца съ традиціонною прической «à la мужикъ», сильно тронутаго подагрой, любящаго прилгнуть и похвастать, и, увы, съ преувеличенною склонностью къ алкоголю.

Конкордія Антоновна Кладищева,—Кора, называлъ ее мужъ,—была иной уже формаціи. Оттого ли, что происходила изъ мелкопомѣстной, но титулованной семьи,—она была урожденная княжна Гиреева,—или казеннокоштное воспитаніе въ строго сословномъ институтѣ наложило на нее свой отпечатокъ, но она не раздѣляла либеральнаго гуманизма своего супруга. Знатность, блескъ, изящныя манеры, государь Николай Павловичъ, были ея

идолами, а серьезнымъ несчастьемъ въ жизни—хроническая невралгія, да еще то, что Петръ Ивановичъ имѣлъ лишь чинъ коллежскаго секретаря, единственный же «аристократъ» въ ихъ роднѣ,—ея братецъ Евтихій Антоновичъ,—былъ только капитанъ въ отставкѣ, прибавлялъ «слово ерсъ» къ каждому слову, рыгалъ за обѣдомъ, любилъ армейскіе анекдоты и щи съ солониной, и не умѣлъ говорить по-французски. Съ годами это совершенное отсутствіе знатности и блеска въ ихъ роднѣ и въ кругу ихъ близкихъ знакомыхъ развило въ Конкордіи Антоновнѣ влеченіе къ иной породѣ избранныхъ людей—къ артистамъ, художникамъ... только не къ писателямъ, которыхъ она въ простотѣ души считала сплошь семинаристами и врагами дворянскаго сословія. Правда, графъ, флигель-адъютантъ, камеръ-юнкеръ и до сихъ поръ волновали ея сердце больше любого Рубинштейна, но это уже были платоническія волненія, особенно съ той поры, когда въ собственной семьѣ появился «талантъ»—обнаружились недюжинныя способности къ живописи у дочери. Одна лишь слабость осталась у Конкордіи Антоновны: это—сужденіе о людяхъ по ихъ французскому языку, манерамъ, и насколько были «породисты» ихъ руки. «Ахъ, аристократическая рука—c'est une onction!», говаривала она и вѣрила въ это «помазаніе» непоколебимо.

Разница во взглядахъ быть можетъ повела бы къ семейному раздору, еслибы подъ «консерватизмомъ» Конкордіи Антоновны не лежало той же зыбкой основы, какъ и подъ «либерализмомъ» Петра Ивановича. На самомъ дѣлѣ супруги прекрасно уживались другъ съ другомъ. Такъ еще недавно Конкордія Антоновна согласилась сажать за столъ новаго управляющаго, медынскаго мѣщанина Борискина, и даже подавать ему руку, а Петръ Ивановичъ не задумался поналечь на своихъ плавицкихъ мужичковъ и за сказочную цѣну продать имъ черезъ крестьянскій банкъ «отрѣзки», когда по желанію жены надо было везти «Дику» въ Парижъ совершенствоваться въ живописи.

Впрочемъ и то еще содѣйствовало миру между супругами, что Конкордія Антоновна почти до болѣзни страдала безволіемъ,—слѣдствіе морфина, сначала употреблявшагося для облегченія невралгическихъ болей, а потомъ вошедшаго въ привычку,—и Петръ Ивановичъ, безхарактерный для другихъ, казался ей желѣзнымъ человѣкомъ, съ которымъ опасно спорить.

Но вотъ ужъ кто не былъ виноватъ ни въ «консерватизмѣ», ни въ «либерализмѣ», такъ это Надежда Петровна Кладищева—«Дика», какъ она сама себя назвала въ дѣтствѣ. Но о ней послѣ,

Тенцовъ удачно познакомился съ Кладищевыми. То, что онъ былъ въ ссылкѣ и передовыхъ мыслей, сразу пріобрѣло ему не только простое, но даже заискивающее расположеніе старика. Для матери у него, къ счастью, были изящныя руки, приличныя манеры (пригодились уроки тетушки Сычихи!), хорошій французскій языкъ, и безспорно восходящая до временъ «тушинскаго вора» генеалогія.

Но близко сошелся Андрей Петровичъ только съ Дикой. Тотъ взглядъ, которымъ они обмѣнялись, еще не зная другъ друга, какъ будто связалъ ихъ между собою; быстро обнаружившееся сходство настроеній усилило эту связь. Старикъ Кладищевъ, въ молодости читавшій романъ Гёте, называлъ отношенія дочери къ Тенцову «сродствомъ душъ». На самомъ дѣлѣ это была страсть до самозабвенія со стороны Тенцова и капризно разгоравшееся чувство со стороны Дики.

Во всякомъ случаѣ блаженные дни наступили для Андрея Петровича... не безъ тучекъ однако.

IV.

Молодые люди безпрепятственно оставались вдвоемъ. Петра Ивановича удерживала въ комнатѣ подагра, да, по правдѣ говоря, онъ и равнодушенъ былъ къ открытому воздуху,—предпочиталъ всякимъ благорастворенiямъ и видамъ терпѣливаго слушателя (онъ болтливъ, какъ всѣ алкоголики), а за неимѣніемъ его, пикантную книжку, да хорошее вино, на столикѣ, рядомъ съ своимъ кресломъ. А на этотъ разъ у него были съ десятокъ брошюръ, закупленныхъ въ Женевѣ у Эльпидина, да новый томикъ Катулла Мендеса—и доброе красное вино, которое нашлось и на Горѣ для «знатныхъ» и «богатыхъ» русскихъ «boyards».

О томъ, что Кладищевы—«знатные», что сама madame née princesse, хозяйка отеля узнала отъ Конкордіи Антоновны. Та цѣлые часы болтала съ француженкой на залитой солнцемъ террасѣ, исчезая въ своей комнатѣ лишь затѣмъ, чтобы потихоньку впрыснуть морфину. Отель былъ еще пустъ и бойкая «veuve Potin» охотно жертвовала ненужнымъ ей пока временемъ, не упуская, впрочемъ, возвышать счетъ по мѣрѣ того, какъ богатство и знатность Кладищевыхъ все вырастали въ разсказахъ Конкордіи Антоновны. За всѣмъ тѣмъ острые глазки «вдовы» отлично примѣчали и слабость Петра Ивановича къ вину, и таинственныя манипуляціи Конкордіи Антоновны со шприцемъ, и безнадзорныя скитанія мо-

лодыхъ людей по окрестностямъ съ красками и складнымъ мольбертомъ... и за внѣшнимъ подобострастіемъ француженки все увеличивалось презрѣніе къ «ces sauvages immoraux, qui n'ont ni loi, ni politesse».

Кромѣ болтовни съ хозяйкой, Конкордія Антоновна вышивала воздухи для своей плавницкой церкви. Не потому, чтобы была особенно религіозна и прилежала къ православію,—напротивъ, католичество представлялось ей въ глубинѣ души несравненно аристократичнѣе,—но оттого, что вышивать воздухи соотвѣтствовало по ея мнѣнію, дворянскимъ убѣжденіямъ и, вообще, было очень прилично.

Въ концѣ-концовъ супруги немножко скучали на Горѣ и, разумѣется, пріѣхали сюда и оставались такъ долго не для собственнаго удовольствія, въ Парижѣ было куда веселѣе!—а потому, что захотѣла Дика и что Дика нашла здѣсь превосходные сюжеты для этюдовъ.

А она и не показывала эти этюды ни матери, ни отцу. Мать раздражала ее постоянными своими восхищеніями, отецъ—затверженными нападками на «символизмъ», подъ которымъ едва ли не разумѣлъ «мракобѣсіе». Въ сущности и къ «таланту» дочери, и къ живописи онъ былъ тоже довольно равнодушенъ, и если легко согласился везти Дику за границу, то, во-первыхъ, по добротѣ, а, во-вторыхъ, самому захотѣлось, какъ онъ говорилъ: «Въ послѣдній разъ взглянуть на святыню своей души—на Европу...» и послоняться по «большимъ бульварамъ», о чемъ онъ, впрочемъ, не говорилъ. Надо еще добавить, что Петръ Ивановичъ любилъ картинки... особыя; но объ этомъ тоже умалчивалъ. Раздражалъ сначала Дику и Тенцовъ, когда пробовалъ говорить о живописи. Какъ и большинство, онъ искренно думалъ, что любить картины, отлично понимаетъ ихъ, легко можетъ судить о нихъ,—и распространялся въ похвалахъ «передвижникамъ», Верещагину, «здоровому реализму», «воспитательному значенію искусства» и т. д. Но такіе его разговоры скоро прекратились.

— Ахъ, замолчите пожалуйста!—воскликнула однажды Дика, когда они сидѣли вдвоемъ, далеко отъ Горы, онъ—съ книжкою Тютчева въ рукахъ, она—за мольбертомъ.—Ну, «горячее сочувствіе къ рабочимъ классамъ...» Ну, «безпощадная критика войны...» Ну, «протестъ противъ казенщины въ жизни и искусствѣ...» Стасовщина! Скучно! Старо! Надоѣло!... Говорите свои собственныя слова... а лучше совсѣмъ не надо объ искусствѣ. Русскіе, и особенно вы, ин-тел-ли-гент-ны-е русскіе люди, по этому вопросу вотъ!—

и она съ досадою постучала пальчикомъ по твердому дереву мольберта.

Тенцовъ обидѣлся.

— Позвольте-съ,—сказалъ онъ,—какъ же вы сами-то смотрите на искусство?

— Какъ?—разсѣянно протянула она, и ничего не отвѣтила, долго и пристально всматриваясь въ этюдъ. И вдругъ, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, съ внезапно заблестѣвшими отъ слезъ глазами замазала полотно сердитыми ударами кисти.

— Зачѣмъ же!—вскрикнулъ Тенцовъ,—камень съ деревомъ такъ похоже у васъ выходилъ!

— Похоже!—передразнила Дика и даже ногой топнула отъ негодованія.—Никогда не смѣйте разговаривать со мной объ этомъ! Слышите? Никогда!...—и продолжала съ необыкновенной запальчивостью:—А! когда вашъ Тютчевъ говоритъ, что «ночь какъ звѣрь стоокій глядитъ изъ каждаго куста»—вы это понимаете?... И то, что говорите о Горѣ, о дюнахъ, объ океанѣ,—можете чувствовать?... И когда Гейне смотрѣлъ на Венеру въ Луврѣ—онъ плакалъ?... Значитъ *это* есть. Значитъ *это* можно выразить... Не твердите же глупостей. Читайте. Я лягу и буду смотрѣть на небо.

У Андрея Петровича нашлись бы возраженія, въ томъ числѣ и то, привычное, что живопись не слово и не музыка, а искусство пластическое, Гейне же плакалъ отъ разстроенныхъ нервъ. Но онъ предпочелъ промолчать и съ тѣхъ поръ избѣгалъ возвращаться къ «здоровому реализму» и т. п. Самое большее, на что онъ отваживался съ тѣхъ поръ, это искоса взглянуть на работу Дики и промолвить: «прекрасно!» или неопредѣленно промычать, если этюдъ казался ему страннымъ. Въ первомъ случаѣ Дика улыбалась: ей все-таки была пріятна его похвала, во второмъ—грозно хмурила брови, а чаще мальчишески передразнивала Тенцова, изображая на подвижномъ своемъ личикѣ какое-то унылое глубокомысліе и мыча точно теленокъ: «мэ-э-э...»

Былъ ли у нея дѣйствительно «талантъ», Тенцовъ затруднился бы отвѣтить. Въ пейзажѣ онъ считалъ главнымъ—«похоже» или «не хоже», въ жанрѣ руководился тѣмъ же и еще «направленіемъ». У Дики и пейзажъ и жанръ слишкомъ часто бывали совсѣмъ «не попохожи», а направленіе... рѣшительно сбивало его съ толку. Однако, ея наброски производили на него впечатлѣніе, — иногда очень рѣзкое и тягостное... Краски, линіи, тоны, сюжеты были такъ же тревожны и неожиданны—и наивны, какъ и все ея существо.

Одного никогда не было въ этихъ «пластическихъ» отраженіяхъ душевнаго міра Дики—робости. Напротивъ, самоувѣренная смѣлость ея кисти то и дѣло переходила, по мнѣнію Тенцова, не только въ дерзость техники, но и содержанія. Такъ, и смѣшно, и непріятно ему было, когда Дика набросала однажды по памяти головы отца и матери, поставленныя другъ противъ друга на фонѣ какой-то фантастической мути. Петръ Ивановичъ изображенъ былъ традиціоннымъ человѣкомъ сороковыхъ годовъ—съ бѣлой гривой волосъ, съ густо-разросшейся бородой,—издали совсѣмъ Тургеневъ, но съ запьянѣвшими глазами сатира и канальски-подмигивающей улыбкой. Конкордія Антоновна фигурировала съ отвисшей нижней губой, съ мутнымъ взглядомъ неисправимой морфинистки и, вмѣстѣ, съ высомѣрнымъ выраженіемъ герцогини, только по добротѣ снисходящей къ простымъ смертнымъ. И внѣшнее, и внутреннее сходство бросалось въ глаза... но лучше бы его не было, подумалъ Андрей Петровичъ. А Дика хохотала какъ сумасшедшая.

Въ другой разъ она сдѣлала рисунокъ сепіей. Въ воздухѣ чувствовался вечеръ. Откуда-то падалъ свѣтъ, не то лунный, не то отъ погасающей зари, и, въ этомъ освѣщеніи, на половину на блѣдномъ пескѣ, на половину сливаясь очертаніями съ едва намѣченною волной было простерто блѣдное тѣло наяды. И въ положеніи этого сладострастно раскинутаго тѣла, въ суженныхъ зрачкахъ наяды, въ ея лицѣ, въ полураскрытыхъ устахъ съ призывающей, и хитрой, и застѣнчивой улыбкой, было такое выраженіе острой, любопытствующей страсти, была такая смѣсь невинности съ жгучимъ и сознательнымъ желаніемъ, что Тенцовъ не вспомнилъ самъ себя отъ огорченія и похожаго на ревность чувства.

— Что же такое вы хотѣли этимъ сказать?—спросилъ онъ, потупясь.

Дика взглянула на него и засмѣялась.

— Не похоже?—потомъ продолжала съ степеннымъ видомъ поучающаго ментора:—Не будьте такимъ буржуа, Тенцовъ. Стыдно! Рара и тотъ на этотъ разъ одобрилъ бы, а между тѣмъ это и есть—символизмъ. Подождите... подпишемъ... *Прибой*!... Успокоились?... Помните, у кого-то изъ русскихъ поэтовъ... Ну, какъ его... Ну, все равно,—помните эти стихи:

«Колышется море. Волна за волной
Бѣгутъ и шумятъ торопливо?...»

дальше забыла, но затѣмъ море говоритъ:

«Во мнѣ и надеждъ, и отчаянній рой,
Кочующей мысли прибой и отбой,
Приливы любви и отливы...»

— Нѣтъ, не такъ,—вымолвилъ Тенцовъ печально,—это не море, а человѣкъ говоритъ («это ты про себя говоришь»,—подумалъ онъ о Дикѣ), и вы пропустили одну строфу.

— Какую?

— «О, другъ ты мой бѣдный...»

— Вспомнила, вспомнила! «Боюсь, со мной не быть тебѣ долго счастливымъ?» Такъ?

Андрей Петровичъ не сталъ поправлять и ему сдѣлалось еще грустнѣе. А Дика точно поняла, отчего ему грустно, и продолжала уже не менторскимъ, но дружескимъ, нѣжнымъ голосомъ:

— А я вамъ вотъ что скажу, дорогой мой: «счастье ли, призракъ ли счастья—не все ли равно?» И потомъ, что такое «долго»—и «недолго?» Въ сравненіи съ чѣмъ?... Вотъ Аѳанасій Ивановичъ съ Пульхеріей Ивановной... вѣдь долго?... А Ромео и Джульета... какъ коротко!... «Мигъ—и нѣтъ волшебной сказки». Пусть. За то мигъ-то, мигъ-то этотъ стóитъ вѣчности!... Вѣдь такъ?... Вѣдь, правда, стóитъ?... А въ наказанье извольте взять на память,—смотрите, пишу: *Въ наказанье... на память... жалуется... сей символъ... мятежнаго моря... добродѣтельному буржуа... Андрею Тенцову... отъ безпутной... Дики!*

Слово «безпутная» опять непріятно кольнуло Тенцова, да и «буржуа» ему не понравилось,—какой же на самомъ дѣлѣ буржуа онъ, врагъ прописной морали и мѣщанскаго порядка вещей? Но все же онъ взялъ рисунокъ; а оставшись одинъ въ своей комнатѣ, долго держалъ его предъ собою,—и угадывалъ въ остромъ взглядѣ раскинувшейся наяды иной взглядъ... и сердце его билось страстно и пугливо.

V.

Но вообще Андрей Петровичъ мало разговаривалъ съ Дикой,—не только о живописи, а и о другихъ «серьезныхъ» сюжетахъ, и, обыкновенно, ихъ время проходило въ томъ, что онъ читалъ стихи, она слушала, или они передавали другъ другу свои впечатлѣнія, мимолетныя мысли, мечты, воспоминанія. И языкъ этихъ разговоровъ былъ бы страненъ и непонятенъ для посторонняго. Это былъ какой-то особый, условный языкъ, въ которомъ паузы, вздохи, взгляды, тонъ голоса, едва обозначенные намеки говорили

больше словъ, расположенныхъ въ логическомъ порядкѣ, и слова—больше ихъ грамматическаго значенія. Впослѣдствіи Андрей Петровичъ со стыдомъ припоминалъ, что его ничуть не огорчало равнодушіе Дики къ политикѣ, къ общественнымъ задачамъ, вопросамъ и идеаламъ; что онъ ни разу не пытался серьезно заинтересовать ее этимъ, внушить ей свои принципы, свои взгляды,—свою прежнюю любовь къ свободѣ, къ народу, къ Россіи. То, что Дика была глубоко невѣжественна въ этомъ,—перепутывала имена, факты, событія, простодушно думала, что Спенсеръ изобрѣлъ «что-то такое по электричеству», совсѣмъ не слыхала о тѣхъ русскихъ публицистахъ и писателяхъ, къ которымъ Тенцовъ съ гимназической скамьи привыкъ относиться съ благоговѣніемъ,—все это только заставляло улыбаться Андрея Петровича, да восклицать про себя: «Послѣ... послѣ!...»

А на самомъ дѣлѣ встрѣча съ Дикой еще больше заслонила то, что онъ считалъ своими «идеалами», еще болѣе усилила жажду неизвѣданныхъ впечатлѣній и какихъ-то новыхъ сторонъ бытія. Правда, онъ и теперь не переставалъ судить о вещахъ и общественныхъ явленіяхъ языкомъ и мыслями усвоеннаго въ молодости катехизиса; но и этотъ языкъ, и эти мысли въ его собственныхъ ушахъ звучали холодно и чуждо. Такъ, въ разговорахъ съ Петромъ Ивановичемъ ему случалось примѣчать за собою, что при словахъ «народное благо», «святость труда», «гражданская доблесть», «гражданская скорбь», «свобода», «равенство», «братство» и т. п., его пожимаетъ какъ отъ надоѣвшаго и скучнаго мотива, а между тѣмъ эти же слова звучали вѣдь прежде такою восхитительною музыкой.

Вскорѣ, вмѣсто мольберта и красокъ, Тенцовъ сталъ носить за Дикою только небольшой альбомъ: на Дику нашла полоса лѣни, а можетъ и разочарованія въ своихъ силахъ, и она не притрогивалась къ кистямъ. Андрей Петровичъ былъ этому радъ. Теперь между ними уже не вставало перегородокъ отъ той сосредоточенности и особыхъ мыслей, что овладѣвали Дикой во время работы. Теперь все въ окружающемъ ихъ мірѣ они чувствовали одинаково, на все отзывались въ одинъ тонъ.

А міръ этотъ былъ полонъ чудесъ. Особенно уединенный островъ Томбеленъ въ солнечные дни и Гора въ лунныя ночи наводняли ихъ души иллюзіями, воображеніе—мечтами, въ которыхъ прихотливо переплетались ужасы, тайны и жуткая прелесть нездѣшняго, съ игрою крови, съ сладкими волнами, то затихающей, то вспыхивающей страсти, съ очарованіемъ чувствен-

ности. Какъ хорошо было ходить ночью по стѣнѣ, окружающей Гору, или, тѣсно прижавшись другъ къ другу, сидѣть гдѣ-нибудь на ступеняхъ высокой, высокой лѣстницы, слушать странную тишину, разлитую въ пространствѣ, и таинственный шепотъ подкрадывающагося моря, слѣдить за луннымъ свѣтомъ, за тѣнями, смотрѣть на эти зданія, улицы, башни, похожія на декораціи изъ оперы.

Между стѣною и тѣмъ домикомъ на полугорѣ, верхній этажъ котораго, или вѣрнѣе—мансарду, съ висящимъ надъ пропастью балкончикомъ, занималъ Тенцовъ, былъ разбитъ небольшой садъ. Дика называла его «мистическимъ». Иногда они ходили туда и, дѣйствительно, въ лунную ночь, отъ него вѣяло чѣмъ-то загробнымъ. Тамъ были деревья и кустарники съ какою-то особенною, темною и жирною листвою, росли необыкновенно крупные и яркіе цвѣты, никогда не виданные Тенцовымъ, и вѣчно стояла печальная кладбищенская тишина. Какой бы ни дулъ на Горѣ сильный вѣтеръ, онъ не могъ проникнуть туда изъ-за домовъ и высокой стѣны, и воздухъ въ этой каменной, обращенной на югъ коробкѣ всегда былъ неподвиженъ, всегда насыщенъ запахомъ тлѣнія, тяжелымъ ароматомъ странныхъ цвѣтовъ, фантастическія очертанія деревьевъ и кустарниковъ казались застывшими, растительность была точно не живая... Говорили, что почва подъ садомъ утучнена мертвецами: здѣсь находился когда-то крѣпостной ровъ и, во время осадъ, происходили наиболѣе ожесточенныя битвы и схватки. Это было правдоподобно, и когда Андрей Петровичъ и Дика входили въ садъ лунною ночью, ихъ неизмѣнно охватывалъ жуткій холодокъ. Всюду мерещились имъ призраки, едва слышные вздохи, едва уловимый шорохъ какого-то смутнаго движенія,—шелестъ тѣней, какъ увѣряла Дика. Или вдругъ чье-то дыханіе доносилось до нихъ теплой и тяжко-благоухающею струей,—какой-то раздражающій ароматъ разложенія, подобный запаху травъ, которыми бальзамируютъ трупы.

И въ томъ царствѣ смерти сердца молодыхъ людей трепетали отъ наслажденія... Жажда жизни, любви, упоительной близости волновала ихъ до слезъ, до тоски, до восторженнаго экстаза... Но ихъ руки не смѣли сплетаться въ объятія, губы не сливались въ поцѣлуяхъ, и, сами точно призраки, они медленно и беззвучно двигались въ не живомъ блескѣ луны, въ тѣни неподвижныхъ деревьевъ, безпокойно-счастливые, нѣжные, опьяненные страхомъ небытія, чувствомъ возрастающаго желанія.

Отъ Горы до острова Томбелена надо было идти въ особыхъ

туфляхъ на босу-ногу, сплетенныхъ изъ морской травы, въ высоко подобранной одеждѣ, съ длинною палкою въ рукахъ. Въ жаркій солнечный день это была восхитительная прогулка. Такъ пріятно было наступать на мокрый, бархатный песокъ, въ которомъ отчетливо, точно печать на воскѣ, вдавливались слѣды, переходить ручейки по колѣно въ холодной, щиплющей водѣ, вдыхать широкой грудью свѣжій морской воздухъ, ощущать острый вкусъ соли на губахъ... Тенцовъ хорошо изучилъ дорогу, зналъ время, когда она бываетъ опасна отъ прилива, и они смѣло ходили туда безъ проводника. Островъ былъ пустыненъ. Онъ кому-то принадлежалъ и кто-то сторожилъ эту безполезную собственность, но молодые люди никого не встрѣчали и это составляло для нихъ главную прелесть Томбелена. Тамъ были такія чудныя поляны между дико-нагроможденными камнями и колючимъ кустарникомъ, такіе уединенные уголки, защищенные отъ вѣтра, залитые солнцемъ, съ великолѣпными видами на дюны, на океанъ, на едва примѣтную, тающую въ голубой дымкѣ линію берега, что можно было вообразить себя внѣ дѣйствительности,—героями какой-нибудь робинзонады, или романа во вкусѣ Бернарденъ-де-Сенъ-Пьера.

Ясность, просторъ, могущественное и бодрое дыханіе океана, воздухъ, насквозь пронизанный горячимъ солнцемъ, давали и иное настроеніе. Дика становилась здѣсь рѣзвою, шаловливою,—иногда даже шумною, и ея проказамъ, шуткамъ, смѣлостямъ не было конца. Разъ она серьезно предложила Тенцову и разсердилась, когда онъ отказался, дождаться на Томбеленѣ прилива, т.-е. остаться на всю ночь, посмотрѣть, «что будетъ»; въ другой—во что бы то ни стало хотѣла идти на взморье по тѣмъ самымъ пескамъ, о которыхъ говорили какъ о наиболѣе опасныхъ... Безпокойство стариковъ, на которое ссылался Андрей Петровичъ, ее ничуть не занимало, она только улыбалась на это жесткою и холодною улыбкой и говорила равнодушно:

— Ба!... Имъ все равно. И потомъ я вовсе не хочу зависѣть отъ чьего-то безпокойства.

Или вдругъ спрашивала, смотря въ упоръ на Тенцова:

— Послушайте... зачѣмъ вы такой добродѣтельный? Это не красиво.

— Что же красиво? Злодѣйство?—говорилъ онъ.

— Нѣтъ... А пожалуй... Нѣтъ, не злодѣйство. Да я и не понимаю этого слова; его выдумали вотъ такіе же, какъ вы... блюстители. Сила! Дерзновеніе! Размахъ!—вотъ красота... А будетъ ли это Борджіа, или святой пророкъ...

— Или Тропманъ?

— Какой Тропманъ?

— Тургеневъ описалъ его казнь. Убійца.

— Ну, что вы мнѣ говорите о какомъ-то животномъ!

— А вы возмутительныя вещи проповѣдуете... Все вашъ умникъ—Парижъ!

Иногда Дика долго, долго смотрѣла въ даль, полулежа на мягкой травѣ, прислонясь спиною къ обломку скалы, вѣнчающей вершину Томбелена. И что-то точно вплывало въ нее изъ этой дали, грудь ея начинала безпокойно колыхаться, глаза загорались особеннымъ блескомъ.

— Нѣтъ, Тенцовъ, подумайте,—говорила она съ мечтательнымъ выраженіемъ въ голосѣ,—быть какъ на этой Горѣ, выше добра и зла... все смѣть... на все дерзать... испытать всю гамму ощущеній, доступныхъ человѣческой душѣ... Подумайте, какъ это хорошо!

И послѣ непродолжительнаго молчанія:

— Вы видѣли Джіаконду?

— Какую Джіаконду?

— Ахъ, Господи, въ Луврѣ же... Леонардо-да-Винчи...

— Право, не помню. Сколько вѣдь тамъ картинъ.

— Не помню!... О, варваръ!... Можно ли забыть Джіаконду?

— Въ чемъ же дѣло?

— Не помните—нечего и говорить... Ахъ, какъ хорошо здѣсь, другъ мой! Сядьте же ближе... Дайте сюда руку. О, мой «Поль»! Слышите, какъ бьется сердце?... Ну, хорошо, скажите мнѣ что-нибудь... изъ Фета, изъ Толстого... что-нибудь!

Но вмѣсто музыкальныхъ ріемъ Тенцовъ, склоняясь надъ нею, шепталъ слова любви, нѣги, страсти, и вкрадчивая музыка этихъ словъ точно огнемъ палила Дику; лицо ея разительно хорошѣло, заливалось румянцемъ, взглядъ становился томнымъ, впивался въ его глаза, искалъ въ нихъ чего-то, улыбающіяся губы просили поцѣлуя. И такъ летѣли секунды, минуты,—до тѣхъ поръ, пока вдругъ Дика не отталкивала его отъ себя и не восклицала перерывающимся голосомъ:

— Assez, assez!... Оставьте меня, Тенцовъ. Это глупо!

— Будьте моею женою, Дика!—съ замирающимъ сердцемъ выговорилъ однажды Тенцовъ.

Она пристально взглянула на него и покачала головою.

— Но отчего же? Вѣдь я такъ люблю васъ, и вы... Все равно, я не могу безъ васъ жить... И развѣ вы не любите меня?

— Нѣтъ, вы очень милый. Я васъ люблю... очень. Но зачѣмъ—женою? Развѣ не хорошо намъ теперь?

— Да, теперь. Но вотъ вы уѣдете... и что же я?

— И вы поѣзжайте съ нами. Нѣтъ, нѣтъ, не надо женою! Это такъ... скучно, такъ во вкусѣ малыхъ голландцевъ.

— Почему голландцевъ?

— Ахъ, какой вы неразвитой человѣкъ, Тенцовъ! Смѣялся когда я сболтнула о Спенсерѣ; стыдилъ, что я краемъ уха не слыхала про Добролюбова, а самъ не знаетъ что̀ большіе и что̀—малые голландцы... Рубенсъ, Рембрандтъ — вотъ большіе, Ванъ-Остады, Жераръ-Доу...

— Но, Дика, вы разбиваете мое сердце.

— Другъ мой, но что же мнѣ дѣлать?—въ искреннемъ порывѣ воскликнула она.—Ну, хотите я вамъ буду говорить *ты*?—и, лаская его взглядомъ и нѣжною улыбкою, продолжала:—Милый ты мой... не надо... не дѣлай такого грустнаго лица... Все, что хочешь, но не бракъ... Дорогой ты мой... Андрей... Андрей мой...

Тенцовъ обнялъ ее, крѣпко прижалъ къ себѣ, и... заплакалъ.

А черезъ три недѣли послѣ такого объясненія въ Парижѣ они обвѣнчались въ православной церкви. Это произошло странно и нелѣпо, сдѣлалось впослѣдствіи самымъ мучительнымъ воспоминаніемъ для Андрея Петровича. Случилось такъ, что Дика отдалась ему,—изъ любопытства, какъ долго спустя думалъ Тенцовъ: съ такимъ же выраженіемъ въ глазахъ, какъ у своей «наяды», съ тою же дразнящею и, вмѣстѣ, застѣнчивою улыбкой... И вдругъ вся ея смѣлость куда-то пропала; она растерялась, истерически плакала... Сильная и самоувѣренная дѣвушка внезапно превратилась въ слабое и безпомощное существо, въ обыкновенную барышню со всѣми страхами, традиціями и предразсудками своей среды. Увы, Тенцова тогда это только растрогало и умилило. Въ такомъ переломѣ всего психическаго міра Дики ему почудилось спокойное счастье впереди. Отъ него самого точно чудомъ отлетѣли мистическія грезы, настроеніе Сенъ-Мишеля, соблазны и чары «той стороны вещей», и далекая Россія, городъ W., деревня, жизнь въ глуши съ прелестной женой, представились ему въ миломъ, въ поэтическомъ освѣщеніи.

И когда Дика съ убитымъ лицомъ, съ отчаяніемъ въ потухшихъ глазахъ повторяла, ломая руки: «Что же дѣлать? Что теперь дѣлать? Что будетъ съ мамой?»—ему ничего не сто̀ило овладѣть ея волей, успокоить ее, заставить согласиться съ тѣмъ, что надо идти къ старикамъ и объявить имъ о предстоящемъ вѣнчаніи.

Тогда-то тетушка Сычиха и перевела на Ротшильда нѣсколько тысячъ рублей.

VI.

Въ Парижѣ и его окрестностяхъ Тенцовы прожили до октября. Потомъ поѣхали въ Россію въ городъ W., въ деревню. Но тамъ стояла совсѣмъ не поэтическая осень: холодная, мрачная, дождливая, съ черною, глубокою грязью и лужами по дорогамъ, съ унылыми облетѣвшими деревьями, съ избушками, похожими на навозныя кучи... И, не заѣзжая въ Тенцовку, «молодые», прямо изъ W., отправились въ Москву, гдѣ и поселились въ одномъ изъ безчисленныхъ переулковъ, прилегающихъ къ Арбату. Старики Кладищевы тоже переѣхали къ нимъ изъ своей «Плавицы».

Послѣ свадьбы для Андрея Петровича наступили блаженные дни, но совсѣмъ уже иные, чѣмъ на Сенъ-Мишели. Своевольная, странная Дика исчезла, какъ исчезла и ея тревожная дѣвическая красота. Порою даже грусть мимолетною тучкой набѣгала на Тенцова, ему вдругъ становилось жаль чего-то, хотѣлось воротить минувшее, вновь перечувствовать муки и восторги первой любви. Но такія тучки таяли въ жаркихъ лучахъ его новаго счастья быстро и безслѣдно. Кроткое и ясное теперь лицо Дики, ея мягкія бархатныя движенія, характеръ точно вошедшій въ русло, выраженіе влюбленности, нѣги, какого-то спокойнаго сладострастія, разлитаго во всемъ ея измѣнившемся существѣ, напоминали ему избитое сравненіе бутона съ пышно распустившейся розой. Ароматъ и красота этой розы насыщали душу Тенцова чувствомъ особаго комфорта, давали ему рядъ захватывающихъ наслажденій.

Одно и нравилось, и не нравилось Андрею Петровичу въ женѣ: она теперь слышать не хотѣла о живописи, не любила посѣщать галлереи и выставки, избѣгала встрѣчаться съ художниками.

— Зачѣмъ мнѣ?—говорила она,—зачѣмъ, когда у меня такой славный, милый, любимый мужъ!—и широкимъ властнымъ движеніемъ она закидывала обнаженныя руки на его шею, садилась къ нему на колѣни, цѣловала, цѣловала его... безъ конца.

Казалось, весь ея художественный вкусъ уходилъ теперь на придумываніе костюмовъ и прически, и все для него, для мужа: они почти никого не принимали въ своемъ уютномъ гнѣздышкѣ близъ парка Монсо. Альбомы были зачерчены профилями такъ или иначе причесанной головы, покроями юбокъ, корсажей, капотовъ, похожихъ на греческіе хитоны; заполнены акварельными набросками, въ которыхъ тонкое и оригинальное сочетаніе цвѣтовъ и

узоровъ для костюма рѣдко-рѣдко перемежалось схваченнымъ въ паркѣ типомъ толсторожей и чувственной няньки съ хилымъ задумчивымъ ребенкомъ на рукахъ, или фантастически освѣщеннымъ деревомъ, или фигурою блузника съ какими-то острыми, угрожающими глазами. Но такія вспышки артистической наблюдательности обыкновенно бывали недокончены, какъ будто нечаянно вырвались на бумагу, тогда какъ рисунки костюмовъ щеголяли блескомъ и обдуманной гармоніей въ своихъ тонахъ и линіяхъ. За то Андрей Петровичъ не могъ не восхищаться тѣмъ, какъ одѣвалась Дика,—безконечнымъ разнообразіемъ освѣщенія, въ которомъ выступала передъ нимъ обольстительная прелесть ея лица, плечъ, шеи, стана, прекрасныхъ, точно изваянныхъ, рукъ.

Правда, временами онъ испытывалъ нѣчто вродѣ укоровъ совѣсти: деньги отъ заложенной Тенцовки уплывали быстро и совсѣмъ не туда, куда имъ слѣдовало бы уплывать по его взглядамъ. Но... «послѣ, послѣ!»—восклицалъ про себя Андрей Петровичъ, и притомъ это было не такъ уже дорого: портниха шила на дому подъ руководствомъ самой Дики, матерія покупалась за гроши, въ «Луврѣ»; такъ называемыя «выѣздныя» платья Дика почти совсѣмъ не дѣлала.

Кромѣ того, у нея были свои деньги и, хотя по мнѣнію Тенцова, источникъ-то ихъ былъ одинъ, все тотъ же каторжный трудъ «рабочихъ классовъ», однако, его совѣсть какъ-то не болѣла за нихъ. Такъ, напримѣръ, еще въ гимназическіе годы онъ усвоилъ привычку быть скупымъ на «прихоти», особенно въ ѣдѣ и питьѣ. Этой привычкѣ онъ остался вѣренъ и до сихъ поръ. Но Дика любила «пошалить», какъ говорила, и иногда, послѣ театра, увлекала его въ какой-нибудь ресторанъ на бульварахъ, гдѣ въ отдѣльномъ кабинетѣ они и просиживали до поздней ночи за ужиномъ, фруктами и шампанскимъ. И слѣдующій за симъ счетъ, конечно, доставилъ бы истинное страданіе Андрею Петровичу, еслибы Дика разъ навсегда не заявила, что за «шалости» платитъ она, изъ своихъ, изъ «собственныхъ» денегъ. Теперь онъ тоже возмущался, но больше теоретически, и, съ нѣкоторымъ чувствомъ стыда сознаваясь внутри себя, что «шалости» Дики доставляютъ ему удовольствіе; не вкусомъ дорогой ѣды и вина, конечно,—къ этому Тенцовъ относился съ чисто-плебейскимъ безразличіемъ, а тѣмъ, что подъ вліяніемъ шампанскаго Дика бывала особенно очаровательна.

Но что рѣшительно не нравилось Андрею Петровичу, такъ это то, что жена какъ-то лѣниво выслушивала его новые планы, его объясненія, почему онъ оставляетъ мысль о карьерѣ ученаго эко-

номиста, почему хочетъ пристально присмотрѣться къ коренной Россіи, къ новымъ теченіямъ, по слухамъ, народившимся въ интеллигенціи, къ новымъ путямъ, будто бы найденнымъ въ дремучемъ лѣсу отечественной дѣйствительности.

— Ты думаешь такъ, значитъ это очень хорошо и надо,—говорила Дика, когда онъ нетерпѣливо домогался отвѣта,—а я твоя жена, и значитъ буду съ тобою гдѣ ты захочешь. Либеральны или консервативны твои взгляды, мнѣ все равно,—я люблю тебя.

И, плѣнительно улыбаясь, зажимала ему ротъ горячими поцѣлуями.

«Послѣ, послѣ!»—утѣшалъ себя Тенцовъ, но все-таки сердце его сжималось въ эти мгновенія нехорошимъ предчувствіемъ.

Понемногу онъ пытался «развивать» Дику, читалъ ей, разсказывалъ. Но дѣло плохо подвигалось. Она была очень умна и проницательна, но умъ-то ея точно заслонялся экраномъ отъ иныхъ явленій, не могъ или не хотѣлъ освѣщать ихъ, а проницательность была похожа на чувствительную пластинку въ фотографическомъ аппаратѣ: она великолѣпно схватывала матеріальныя вещи, какъ бы тонки онѣ ни были, и была безсильна, когда на-лицо не оказывалось «натуры». Міръ логическихъ абстракцій былъ чуждъ и скученъ Дикѣ. Она понимала и даже любила «отвлеченности», но только когда онѣ выражались въ символахъ, доступныхъ искусству. Такъ «Отцовъ и дѣтей» Дика прослушала не безъ удовольствія,—увы, ей не былъ извѣстенъ этотъ романъ,—но судорожно сжимала челюсти, чтобы не зѣвать, когда Тенцовъ сталъ читать ей статьи Писарева по поводу романа. То же было и съ «Наканунѣ», когда дѣло дошло до комментаріевъ Добролюбова.

И странная вещь! Читая женѣ вслухъ тѣ книги и статьи, которыя прежде заставляли его холодѣть отъ восторга, Андрей Петровичъ холодѣлъ теперь отъ иного чувства: одно казалось ему наивнымъ, другое—узкимъ, третье—недоказаннымъ. Душа, когда-то оживлявшая эти страницы, будто отлетѣла. Что-то ему самому неясное дѣйствовало на его былое точно химическій реактивъ. Вмѣсто живого содержанія онъ видѣлъ теперь передъ собою пожелтѣвшую бумагу, буквы, слова... организмъ, подвергнутый разложенію. Онъ молчалъ, страдая внутри себя отъ этой невольной измѣны, и думалъ: «Послѣ... послѣ... надо все это пересмотрѣть... обсудить... привести въ порядокъ». А Дика отлично угадывала напряженныя ноты, звучавшія въ его голосѣ во время чтенія, примѣчала тѣни на его лицѣ, смущеніе въ его глазахъ, и внутренно помирала со смѣху.

Мало-по-малу *Современникъ*, *Русское Слово*, *Отечественныя*

Записки семидесятыхъ годовъ были отложены въ сторону... едва ли не къ обоюдному удовольствію.

Первый признакъ прежней Дики померещился Тенцову въ вагонѣ по дорогѣ изъ W. въ Москву, и сердце его боязливо дрогнуло. Сначала она была весела, смѣялась, шутила съ тетушкой-Сычихой, пріѣхавшей проводить ихъ, мило и бойко размѣщала вещи въ отведенномъ имъ купэ перваго класса. Но какъ только съ убійственной медленностью потянулся поѣздъ, лѣниво громыхая своими цѣпями и колесами, и, по мѣрѣ того, какъ передъ окнами потянулись обнаженныя равнины, унылыя села и деревни, нахмуренныя тучи, голые лѣса, лицо Дики становилось блѣднѣе, тревожнѣе, въ глазахъ пропадалъ счастливый блескъ. А черезъ нѣсколько часовъ Андрей Петровичъ увидѣлъ, что она тихо плакала.

— О чемъ ты, дорогая?—воскликнулъ онъ.

Она взглянула на него какимъ-то чужимъ взглядомъ и молча отвернулась къ окну.

— Какая разница культуръ, обстановки, элементарныхъ условій существованія,—заговорилъ Тенцовъ, думая, что понимаетъ жену,—смотри—это живутъ люди! Не правда ли, похоже на логовища звѣрей? А отрѣзанность вонъ той, напримѣръ, деревушки отъ всего міра. И такой же мракъ въ головахъ, въ сердцахъ, въ душахъ, какъ отъ этихъ свинцовыхъ тучъ въ нашемъ вагонѣ. Голо... холодно... навѣрное и голодно, несмотря на эти безконечныя поля. Дѣйствительно, печальна наша Россія.

— Ахъ, не говори, пожалуйста, изъ прописей,—рѣзко сказала Дика.—Жизнь печальна! И никто ничего не знаетъ. И все слова, слова. И всѣ брошены точно щепки въ безсмысленное пространство. И нѣтъ конца мукѣ. Нѣтъ даже силъ выразить это, какъ чувствуешь!

Однако, на утро, подъѣзжая къ Москвѣ, Дика снова была ясна и спокойна. Только въ глубинѣ ея взгляда мелькало что-то затаенное и больное. Тенцовъ примѣтилъ это и опять въ его душѣ зашевелились дурныя предчувствія.

Въ Москвѣ Андрей Петровичъ разыскалъ двухъ товарищей по университету, прежде они тоже увлекались «политикой» и оба побывали нѣсколько дальше Мезени. Теперь одинъ изъ нихъ, Горяиновъ, уже пріобрѣлъ литературную извѣстность, другой—Филатовъ, говорилъ про себя полушутя: «не имамы здѣ пребывающа града, но грядущаго взыскую», и, дѣйствительно, былъ безъ опредѣленныхъ занятій, только временно проживалъ въ Москвѣ. Черезъ нихъ Тенцовъ познакомился со многими. Старики Кладищевы тоже

сдѣлали кое-кому визиты. Спустя мѣсяцъ выяснилось, что надо назначить дни для пріема, къ неособенному удовольствію Дики, которой снова хотѣлось наладить жизнь какъ въ Парижѣ,—и на тенцовскіе четверги стали собираться въ изрядномъ-таки количествѣ. Публика бывала довольно пестрая. Рядомъ съ Филатовымъ, въ блузѣ, въ высокихъ сапогахъ, съ длинною черной бородой, придававшею ему видъ анахорета, съ огненными фанатическими глазами, можно было встрѣтить бывшаго предводителя, теперь оцѣнщика въ поземельномъ банкѣ, гурмана, женолюба, щеголя, стараго пріятеля Петра Ивановича. Изящная дама, жена не менѣе изящнаго генералъ-губернаторскаго адъютанта, племянникъ Кладищевыхъ помѣщались иногда бокъ-о-бокъ со скромной дѣвушкой въ коричневомъ шерстяномъ платьѣ, перетянутомъ кожанымъ кушакомъ—сотрудницей по народнымъ изданіямъ. Модный беллетристъ и помѣщикъ, пріѣхавшій изъ провинціи перезаложить имѣніе, знаменитый экономистъ-профессоръ и старичокъ сенаторъ, эпикуреецъ и анекдотистъ, проѣздомъ изъ Петербурга, артистъ императорскихъ театровъ, не равнодушный къ «обмѣну мыслей», и студентъ четвертаго курса, стоящій на распутьи между Толстымъ и Саромъ Пеладаномъ, богачъ-фабрикантъ съ тяготѣніемъ къ соціализму и бывшій воспитанникъ пажескаго корпуса, опростившійся до подобія недоимочнаго мужика—все это появлялось и исчезало какъ въ калейдоскопѣ. Однихъ привлекали Тенцовы какъ свѣжіе люди, неожиданно взошедшіе на тускломъ горизонтѣ арбатскихъ окрестностей, другихъ—старое знакомство или надежда встрѣтиться съ интереснымъ, а то и нужнымъ человѣкомъ, нѣкоторыхъ—исключительная красота хозяйки, пѣніе, музыка, многихъ—хорошій ужинъ и хорошее вино. Два-три человѣка искренно думали найти истину, или открыть ее другимъ, двумъ-тремъ Тенцовъ внушалъ чувство, похожее на дружбу.

И, также какъ лица, манеры, костюмы, профессіи были разнообразны и мнѣнія всѣхъ этихъ людей—точный отзвукъ разноголосицы, стоявшей на ту пору въ обществѣ. За всѣмъ тѣмъ Андрей Петровичъ всматривался и вслушивался съ жадностью. Дика съ возрастающимъ равнодушіемъ.

Впрочемъ, ее сначала заинтересовалъ было Филатовъ, приходившій и кромѣ четвертовъ. Однажды она предприняла съ нимъ даже какое-то таинственное путешествіе, послѣ созналась мужу, что Филатовъ водилъ ее въ Хамовники (пѣшкомъ!) и вышло немножко неловко, хотя «хозяинъ» оказался достаточно любезенъ и много говорилъ объ искусствѣ... не убѣдительно по мнѣнію Дики.

Но вскорѣ тонъ ея съ «анахоретомъ» сдѣлался настолько небрежнымъ и насмѣшливымъ, что Тенцовъ нашелъ нужнымъ вмѣшаться.

— Хорошо, хорошо... онъ святой, искренній, не особенно глупый человѣкъ,—нетерпѣливо возразила Дика,—но зачѣмъ морить себя на пищѣ святого Антонія и такъ истощенъ, прозраченъ... выдающіяся лопатки... костлявыя плечи. Безполый какой-то... а въ глазахъ огонь!—она сдѣлала гримасу.—Не люблю, когда сатану донимаютъ голодомъ. Это некрасиво.

— Но какой сатана можетъ быть у Филатова, Дика!

— Ба, ты ничего не понимаешь. Лучше порекомендуй ему прочитать...—и, съ тою вольностью, которая когда-то опьяняла Тенцова, а теперь конфузила и пугала его, Дика со смѣхомъ стала припоминать новеллу Боккаччіо о пустынницѣ Алибекѣ и монахѣ Рустико. «Декамеронъ» ей былъ хорошо извѣстенъ.

Въ душѣ самому Андрею Петровичу что-то не нравилось въ Филатовѣ, какъ и тогда, лѣтъ десять тому назадъ, за всѣмъ тѣмъ старый товарищъ интересовалъ его едва ли не больше всѣхъ. Чаще и чаще Тенцовъ заходилъ къ нему въ грязныя, меблированныя комнаты на Плющихѣ; дивился его суровому образу жизни, пренебреженію къ самымъ элементарнымъ удобствамъ, всегда одинаково гордому и спокойному настроенію и главное—волѣ, дѣйствующей какъ стальная пружина въ часахъ: размѣренно, цѣлесообразно и безъ усталости. Внутри что-то кипѣло у этого человѣка. Но внутри и разрѣшалось. Посторонніе видѣли только правильный и металлически твердый ходъ его мыслей и поступковъ, похожій на ходъ маятника. Рѣдко-рѣдко его глаза вспыхивали какимъ-то мрачнымъ огнемъ, точно онъ ненавидѣлъ кого-нибудь, а можетъ и себя самого, въ эти мгновенія, но тотчасъ же и скрывались подъ длинными, томными какъ у турчанки, рѣсницами.

Онъ не былъ молчаливъ, хотя говорилъ лишь объ одномъ, какъ дятелъ билъ въ одно и то же мѣсто. Это дѣйствовало на многихъ поразительно. Съ Тенцовымъ они были на «ты». Филатовъ охотно и ясно разсказалъ ему исторію своей «эволюціи», какъ, впрочемъ, разсказывалъ каждому, кто желалъ слушать, не навязываясь, но и безъ всякихъ виляній. А когда Андрей Петровичъ посвятилъ его и въ свои сомнѣнія, онъ, точно «власть имѣющій», потребовалъ такого же яснаго и подробнаго отчета, а выслушавъ, выразилъ свое мнѣніе о жизни Тенцовыхъ въ прямыхъ и безпощадно-твердыхъ словахъ. И съ тѣхъ поръ сталъ долбить жену и мужа съ фанатическимъ постоянствомъ.

Почти каждую недѣлю Андрей Петровичъ посѣщалъ съ нимъ

одинъ скромный домъ недалеко отъ Плющихи, гдѣ по субботамъ собирались такіе же «взыскующіе града». Тамъ, за стаканомъ жиденькаго, безвкуснаго чая, въ тѣсной комнатѣ, загроможденной книгами, рукописями, рисунками, корректурами, токарнымъ и переплетнымъ станкомъ, велись пылкіе разговоры о томъ, какъ жить по правдѣ, мужественно, чисто и съ пользою.

И нигдѣ Тенцовъ не встрѣчалъ такъ мало болтовни, фразъ, звонкихъ, но захватанныхъ словечекъ. Справа и слѣва «ухали» на этихъ людей, и, съ теоретической точки зрѣнія, иныя нападки казались Тенцову справедливыми. Но здѣсь онъ видѣлъ дѣло, прозрачную какъ хрусталь правдивость, способность идти до мученичества въ своихъ убѣжденіяхъ, а тамъ, откуда нападали, на него вѣяло, за слишкомъ немногими исключеніями, либо ремесломъ, либо уязвленнымъ самолюбіемъ и предразсудками и почти всегда самодовольной праздностью на почетномъ и красивомъ посту. Эти «непротивлёныши», «реакціонеры и мистики на новый ладъ», враги «науки» и «искусства», неугомонно противились, дѣятельно проводили въ народъ точныя знанія и снимки съ лучшихъ произведеній искусства, смѣло боролись съ «мистикой» и «реакціей», даже въ тѣхъ ихъ формахъ, съ которыми преблагодушно уживались самые либеральные критики.

Такъ думалъ Тенцовъ.

Потомъ онъ разглядѣлъ, что и въ этомъ движеніи, какъ и въ томъ, что унесло его куда-то въ Мезень, были лодыри, хвастуны, прихвостни, упрямые и тупые люди. Затѣмъ много было здѣсь людей лично несчастныхъ, чаявшихъ обрѣсти въ новомъ ученіи скорѣе религію съ перспективами загробнаго утѣшенія, нежели дѣятельное и осмысленное отношеніе къ жизни. Это придавало движенію непріятный привкусъ сектантства. Разсмотрѣлъ Андрей Петровичъ и то, что чѣмъ острѣе, шире и свободнѣе были взгляды «учителя», тѣмъ съ большею тусклостью отражались они въ ученикахъ, а сказанное въ ожесточеніи, въ гордости, въ прямолинейномъ состояніи ума, возводилось въ кубъ и быстро принимало уродливыя формы. Все равно, ни Горяиновъ съ его средою умныхъ, талантливыхъ и иногда превосходныхъ людей, но надломленныхъ и потертыхъ жизнью до того, что отъ нихъ пахло молью; ни старички, сверстники Петра Ивановича, съ ихъ либеральными анекдотами и bon-mots и прекрасными окладами; ни тѣмъ болѣе изящныя адъютантскія жены и заѣзжіе помѣщики не внушали Тенцову такого сочувствія и интереса, какъ эти люди, собиравшіеся по «субботамъ».

Теоретически онъ продолжалъ со многимъ не соглашаться. Но

незамѣтно для самого себя взгляды и симпатіи, даже вкусы его перемѣщались. Въ душѣ вновь повѣяло острымъ и свѣжимъ холодкомъ юношескихъ мечтаній, заботъ о «личной нравственности», о долгѣ передъ народомъ, о подвигахъ, о важности излишне истраченнаго рубля, лишняго стакана пива. Полузабытая тѣнь Рахметова укоризненно выступала въ туманѣ минувшаго.

И его начинало серьезно мучить, что, благодаря Кладищевымъ, образъ ихъ жизни былъ барскій, что по четвергамъ поваръ готовилъ преувеличенно дорогія и разнообразныя блюда и подавалось вино отъ Депре. Какъ бывало стыдно Тенцову, когда Филатовъ и люди одного съ нимъ толка незамѣтно исчезали передъ ужиномъ, а если и оставались, то съ такимъ выраженіемъ сидѣли за столомъ, какъ будто присутствовали на пиршествѣ людоѣдовъ.

Но главное, что теперь мучило Андрея Петровича, это—бездѣятельность Дики, ея манера одѣваться и манера любить,—«развратно», какъ ей самой выпаливалъ Филатовъ, когда они оставались втроемъ и заходила рѣчь объ ихъ супружеской жизни. Дика смѣялась,—ее ничуть не обижали рѣзкости въ устахъ Филатова,—и, точно поддразнивая его, нарочно выходила при немъ въ какомъ-нибудь домашнемъ костюмѣ, оголявшемъ шею и руки, нарочно обнимала мужа, вспрыгивала къ нему на колѣни. Филатовъ опускалъ въ это время свои темныя вѣки, Андрей Петровичъ съ досадою уклонялся отъ Дики. Невольно вспоминалъ циническое замѣчаніе Горяинова, что только въ бракѣ привыкаешь съ одинаковымъ безразличіемъ хвататься за ручку чайника и... ласкать женщину.

Наконецъ, Андрею Петровичу вдвоемъ съ Филатовымъ удалось убѣдить Дику взяться за работу красками и карандашомъ,—дѣлать рисунки на обложки народныхъ изданій и иллюстраціи къ ихъ тексту, скопировать въ третьяковской галлереѣ нѣкоторыя картины. Сначала она принялась за это смѣясь и надъ собою и надъ ними, но потомъ...

Потомъ наступила трагическая полоса въ жизни Тенцова.

VII.

Однажды, возвратившись изъ галлереи, Дика воскликнула:

— Ба! Стасовщина-то подается!... Какія есть интересныя вещицы... и съ совсѣмъ новымъ содержаніемъ.

— Вы говорите о рисункахъ Васнецова?—освѣдомился случившійся тутъ Горяиновъ.

— И Васнецова... Но кто такое—Брыдлинъ?

— Антонъ Ильичъ. Я его знаю,— сказалъ Горяиновъ,— не правда ли, талантливый мальчикъ?

Въ слѣдующій четвергъ «мальчикъ» былъ у Тенцовыхъ. Это былъ мужчина лѣтъ тридцати, некрасивый до безобразія, но съ такими выразительными чертами лица и прекраснымъ лбомъ, съ такою бездною ума и печали въ темныхъ, внимательныхъ глазахъ, что Дина въ тотъ же вечеръ называла его «гипнотически-прелестнымъ» человѣкомъ. Этой прелести не мѣшали въ ея глазахъ ни нѣсколько гнусавый, глухой голосъ, ни какая-то изнѣженная манера держать себя, ни чувственныя губы, прикрытыя густыми «мопассановскими» усами, ни кокетливость въ намѣренно-небрежномъ костюмѣ.

Оказалось, что зналъ художника и Филатовъ и презиралъ глубоко, называя «декадентомъ», «бабникомъ» и «корыстолюбцемъ». Послѣднее потому, что когда-то велъ съ нимъ переговоры объ иллюстраціяхъ для народныхъ изданій, и Брыдлинъ заявилъ, что безплатно работать не намѣренъ, а если угодно... и назначилъ огромную цѣну.

— Но поймите, господинъ, вѣдь это для нашихъ обездоленныхъ братьевъ!—убѣждалъ его Филатовъ.

— Понимаю. Но отчего же вы не обращаетесь съ такимъ предложеніемъ къ метранпажу, къ корректорамъ, къ рисовальщикамъ на камнѣ, къ рабочимъ въ типографіи, къ офенямъ, наконецъ и ихъ ересіархамъ, которые наживаются же отъ вашихъ изданій?

— Рабочіе—тотъ же народъ.

— А, это привилегія?

— Они—нищіе и живутъ трудомъ.

— Ну, и я, голубчикъ, живу трудомъ

— Но вамъ надо на Эрмитажъ и ликеры... — безцеремонно долбнулъ Филатовъ.

— Между прочимъ. А имъ на кабакъ и сивуху... Не безпокойтесь, разница только въ пропорціяхъ, въ символическихъ знакахъ—въ рубляхъ.

— За что же эта пропорція въ вашу пользу?

— За то, что, по вашему же мнѣнію, у меня талантъ, а таланты по дорогѣ не валяются, и значитъ — рѣдкость, а рѣдкости дороги.

— Но вашъ талантъ могъ развиться только потому, что народъ трудился на васъ, кормилъ и одѣвалъ васъ.

— Э, онъ дѣлаетъ это безсознательно. Онъ и для фабрикантовъ трудится, и для вонъ той содержанки, что прогремѣла на рысакахъ... А мы вотъ двигаемся съ вами пѣшимъ хожденіемъ.

— Значитъ и вы—содержанка?

— Это ужъ какъ хотите. Что талантъ мнѣ велитъ — и исполняю. Все безъ остатка отдаю... и, повѣрьте, не безъ кроваваго пота въ своемъ родѣ. А ужъ какъ сдѣлать, чтобы мои картины дошли до народа, пусть думаетъ политическая экономія...

— А безъ этой, выдуманной дьяволомъ науки, просто во имя любви къ народу, нельзя?

— Нельзя-съ. Да представьте себѣ, я ни капельки и не люблю этотъ вашъ народъ. Первое мое впечатлѣніе отъ него: я нарисовалъ углемъ на стѣнѣ у мужика, а онъ меня за вихоръ отодралъ. Пребольно, бестія! А разсказать вамъ какъ съ насъ деруть на этюдахъ эти обездоленные братья?... Съ меня одна типичная старушка за десятокъ яицъ цѣлковый взыскала. Положимъ, они въ безсрочной каторжной работѣ, но разбирай-же, чортъ возьми, кто въ ней ихъ держитъ. Нѣтъ-съ, слуга покорный работать на нихъ даромъ!

— Не хорошо, господинъ художникъ! — нашелся только сказать Филатовъ.

Но странное дѣло, презирая этого человѣка, Филатовъ, гдѣ бы съ нимъ ни встрѣтился, ходилъ за нимъ по пятамъ, не отрывалъ отъ него своихъ мрачныхъ глазъ, съ наслажденіемъ вступалъ съ нимъ въ споры—обыкновенно объ искусствѣ... Казалось, онъ его и любилъ, и ненавидѣлъ въ одно и то же время.

Споръ разгорѣлся и у Тенцовыхъ послѣ ужина, въ кабинетѣ Андрея Петровича, причемъ возбужденная Дика вся была на сторонѣ Брыдлина, Горяиновъ игралъ роль безпристрастнаго «субъ-арбитра», стараясь, однако, блеснуть пріятелемъ, а Филатовъ съ Тенцовымъ стояли за «содержательное, гуманное, реальное искусство».

Взгляды Брыдлина сводились вотъ къ чему, насколько онъ успѣлъ высказаться, прерываемый возраженіями Филатова и Тенцова, не всегда удачными поправками и резюме Горяинова, сочувственными восклицаніями Дики: «Зачѣмъ говорить, что истинное искусство—зеркало дѣйствительности? Это вздоръ. На самомъ дѣлѣ дѣйствительность—безсмысленное и некрасивое нагроможденіе вещей и явленій, и только душа человѣческая—источникъ гармоніи, красоты и смысла. Искусство и должно отражать душу. У насъ въ Россіи привыкли изъ произведеній живописи извлекать логическіе выводы, а художники привыкли давать матеріалъ для такихъ выводовъ. Зачѣмъ? Такъ вѣдь искусство снизойдетъ до роли передовой статьи, памфлета, тенденціозной повѣстушки, реферата въ экономическомъ обществѣ. Да такъ это и случилось съ русскимъ жан-

ромъ, лишь теперь начинается поворотъ къ свободѣ. Логическіе выводы—дѣло разсудка. Но художникъ творитъ не разсудкомъ, а всѣмъ существомъ своимъ,—ну, и подходи къ его картинѣ всѣмъ существомъ, а не съ литературнымъ рецептомъ въ рукахъ. Что-то незримое таится въ глубинѣ тонкой художественной организаціи,—задача того, кто награжденъ ею, выразить это незримое... Какъ рѣшится задача — зависитъ отъ остроты его впечатлѣній, отъ содержательности его интуиціи,—однимъ словомъ, отъ характера и размѣровъ его таланта. Особый, свой, новый взглядъ на природу, на психологическія тайны, на отношеніе явленій и вещей между собой — вотъ признаки настоящаго таланта, а не сюжеты, бьющіе на разсудочныя или сантиментальныя вожделѣнія толпы. Сюжетъ! Настоящій художникъ его не выдумываетъ, не подгоняетъ подъ господствующіе вкусы и взгляды, — композиція не диктуется ему со стороны, какъ это происходило двадцать пять лѣтъ съ нашими «передвижниками»,—не представляется иллюстраціей къ политическимъ или религіознымъ убѣжденіямъ... Настоящій художникъ только присматривается вѣщими, внимательными, чуткими глазами, и «сюжеты» вырастаютъ и зрѣютъ въ его душѣ какъ сѣмя евангельской притчи, брошенное въ плодородную почву, овладѣваютъ имъ какъ навожденіе...

«Вотъ признакъ не выдуманнаго сюжета: надо, чтобы всѣмъ существомъ, а не разсудкомъ или политическими убѣжденіями, захотѣлось взять его; надо, чтобъ онъ звучалъ въ одинъ тонъ и ладъ съ возбужденными эстетическими эмоціями, съ тѣми нѣжными и тонкими струнами, что натянуты въ глубинѣ каждой души,—иногда подъ грубымъ, чувственнымъ хламомъ, — и называются поэтическимъ чувствомъ. При такихъ только условіяхъ живопись сомкнется съ душой зрителя въ чудный аккордъ, то-есть дастъ ему художественное наслажденіе, что было, есть и будетъ единственною ея цѣлью.

«Поймите секретъ неувядающей прелести какого-нибудь крошечнаго стихотворенія Пушкина или «Грачей» Саврасова, и безсилія рѣпинской тенденціозной поэмы въ тысячу стиховъ: крестнаго хода съ урядникомъ.

«Что такое художественное наслажденіе? Вы приравниваете его къ наслажденію отъ тонкаго блюда... Напрасно! Это тоже постиженіе тайны,—не вѣсами и реактивами, какъ въ химической лабораторіи, не логическими построеніями, какъ у Спинозы, не цифрами, какъ у какого-нибудь Бертильона, а полнѣе и особымъ орудіемъ, самымъ лучшимъ, какимъ только вооружено человѣче-

ское существо — чувствомъ предустановленной красоты, инстинктомъ сродства съ Великимъ Художникомъ, какъ называли масоны первоначальную причину.

«Причины-то можетъ быть никакой нѣтъ. Говорятъ, понятіе причинности—только символъ, иксъ, подставляемый для удобства разсужденія, воображаемая цѣпь, связывающая въ нашихъ глазахъ міровой порядокъ... Все равно, тайна существуетъ, окружаетъ насъ... Искусство на мгновеніе озаряетъ ее... Мы вдругъ слышимъ ея дыханіе, трепетъ, невнятный голосъ... Вся наша душа потрясается блаженнымъ ощущеніемъ полноты, крикомъ восторга... Это и есть художественное наслажденіе.

«Если ужъ съ чѣмъ сравнивать, я бы сравнилъ его... Но боюсь встревожить ваше дьявольское цѣломудріе, Филатовъ. Ну, сравнимъ съ духовнымъ наслажденіемъ отъ молитвы,—вашъ Ге иногда умѣетъ передавать это, а Мурильо передавалъ неподражаемо... Все же вдумайтесь въ интересное обстоятельство: выраженіе восторга передъ высшимъ, страшное и благоговѣйное приближеніе къ тайнѣ, непремѣнно будетъ одинаковымъ и въ лицѣ поэта въ моментъ творчества, и въ лицѣ Франциска Ассизскаго, и, съ вашего позволенія, въ лицахъ Ромео и Джульеты... Это—фактъ.

«А затѣмъ соглашусь съ вами: настоящее, самодавлѣющее искусство такъ богато, что крохъ съ его трапезы хватитъ и для «выводовъ». Чего вы хотите отъ «Дворянскаго гнѣзда»? психологіи? бытовыхъ картинъ? музыки? типовъ? или общественнаго содержанія? нравственныхъ поученій? политики?—Все есть, все найдется. Но это крохи, о которыхъ, навѣрное, и не заботился художникъ, кто ихъ подберетъ, а трапеза въ томъ, что вся душа объемлется какимъ-то неизвѣстнымъ свѣтомъ... Кулисы дѣйствительности раздвинуты...за ними даль уходитъ въ безконечность... Что-то сверкаетъ тамъ, звенитъ, плачетъ... зоветъ насъ куда-то!

«Нѣтъ, искусство выше, шире, глубже, важнѣе вашихъ временныхъ заботъ, вашей морали, вашихъ такъ называемыхъ убѣжденій... и прочаго. Всѣмъ этимъ вы только загромоздили его путь. А потомъ—жанръ, пейзажъ, марина, батальная живопись, историческая живопись, великія школы, великіе мастера... Какой вздоръ! Надо, какъ Декартъ, все это узнать и изучить—и бросить. У глаза есть свои суевѣрія, какъ у ума свои мозоли. Отдѣлывайтесь отъ нихъ и не думайте, что вотъ я-то отдѣлаюсь, а зритель нѣтъ, и осудитъ меня. Чортъ его побери, зрителя! Пишите, что хочется и какъ хочется. Великій мастеръ для васъ — вы сами, великая школа—въ душѣ вашей, въ законахъ, въ нее вложенныхъ, въ ва-

домъ уѣздномъ городишкѣ? Безпросвѣтная страна, тусклый народъ, унылая интеллигенція,—трудно здѣсь художнику»!

— Вы вотъ возмущаетесь, спорите,—вы, Филатовъ, бранитесь, а вы, Надежда Петровна, свой братъ — свободный художникъ, съ вами мы сойдемся, — это все-таки говоритъ за то, что такъ ли, иначе, но искусство васъ трогаетъ. А попробуйте вклеить нашъ разговоръ въ повѣсть, напримѣръ, да напечатайте въ распространенномъ журналѣ, увѣряю васъ, девять человѣкъ изъ десяти прокинутъ эти страницы: «А, это о живописи!», а десятый прочитаетъ и крѣпко выругается. Особенно, если ваши-то мнѣнія, господа, не приводить, а просто сослаться на сочиненія В. В. Стасова... Еще бы, символизмъ! декадентство! анархія! эстетика!—этимъ вѣдь теперь разные «Урлапіи-Гаврилочи» купчихъ пугаютъ, а наша публика въ вопросахъ искусства—чистѣйшая Настасья Панкратьевна Брускова.

— Послушайте, господа, только два часа... — вставая и охорашивась сказалъ Брыдлинъ.—Надежда Петровна, присоединитесь къ моему предложенію... поѣдемте въ Яръ?

Дика захлопала въ ладоши.

— Безподобно, безподобно!—закричала она.—Сейчасъ же иду одѣваться.

— Я не поѣду, Дика,—выразительно сказалъ Тенцовъ ей въ слѣдъ:—и поздно, и не хочется.

Но она уже скрылась въ своей комнатѣ.

— На часокъ, Андрей Петровичъ, — умоляющимъ голосомъ сталъ просить Брыдлинъ, — только кислородомъ дохнуть... и напьемся чаю. Тройки здѣсь недалеко—у «Праги».

— Конечно, поѣдемъ,—сказалъ Горяиновъ.

Филатовъ сидѣлъ точно каменный, съ ничего не выражающимъ лицомъ, съ потупленными глазами. Лишь мускулъ едва замѣтно вздрагивалъ на его лѣвой щекѣ. Андрей Петровичъ мелькомъ взглянулъ на него и рѣшительно отказался.

— Ступайте втроемъ, если хотите,—сказалъ онъ.

Филатовъ бросилъ на него мрачный взглядъ и сталъ прощаться.

— Теперь еще больше ненавидите меня? — посмѣиваясь, проговорилъ Брыдлинъ.

— Я не васъ, а зло въ васъ ненавижу, — отчеканилъ Филатовъ. — Вы — язва растущая. Богъ надѣлилъ васъ талантомъ и умомъ, а вы и то, и другое растлили. И растлѣваете въ людяхъ.

— Погоди, я провожу тебя,—засуетился Тенцовъ, желая пре-

рвать непріятныя рѣзкости, и съ невольною холодностью пожалъ руки Брыдлина и Горяинова.

Стояла сѣрая, мягкая ночь. Въ воздухѣ перепархивалъ снѣжокъ. На улицахъ было тихо и безлюдно.

— Нехорошо, господинъ,—заговорилъ Филатовъ, шагая крупными шагами въ своемъ отрепанномъ лѣтнемъ пальтишкѣ, глубоко засунувъ руки въ рукава, нахлобучивъ войлочную желтую шапку по самыя брови.—Ты — мужъ и отпускаешь жену на соблазнъ... въ кабакъ... съ явными прелюбодѣями...

— Что же мнѣ по Домострою ее что ли держать?

— Говоришь какъ попугай. Читалъ ли ты Домостроя?... Книга и теперь почти настольная. Паршивый либерализмъ заѣлъ тебя,— микробъ теоретической распущенности шестидесятыхъ годовъ. Никто не говоритъ о насиліи, но убѣди, настаивай, употреби волю... будь суровъ, если надо. Ты женился—взялъ на себя обязанности. Ты съ тѣломъ взялъ и душу жены. И долженъ охранять безъ всякой ложной деликатности. Я давно вамъ твержу: развѣ это бракъ— цѣловаться и оголять плечи? Вы опутаны плотскими вожделѣніями. Ты разжигаешь ее, она—тебя... А теперь она разжигаетъ другихъ, а другіе — ее. Свобода!... Ты долженъ бы на порогъ не пускать этого господина. Первый взглядъ его на твою жену долженъ бы оскорбить тебя... порочный взглядъ цѣнителя «линій и выпуклостей»... Тьфу!... А Горяиновъ, развѣ не видишь, что онъ изъ тѣхъ друзей, для которыхъ первое удовольствіе сосводничать жену друга или самому обольстить ее... Въ этомъ вѣдь такое «художественное наслажденіе»!

— Послушай, Филатовъ,—съ дрожью въ голосѣ, сказалъ Андрей Петровичъ, — ты самъ не замѣчаешь, какія говоришь мерзости...

Но Филатовъ продолжалъ, какъ-то угрюмо распаляясь:

— Вы купаетесь въ скверно, не думая ни о душѣ, ни о Богѣ. Каждый день пожирать мясо... съ перцемъ... съ пряностями... Пить вино... кофей... Не двинуть пальцемъ для физическаго труда... Развѣ не знаешь, что и по физіологіи это ведетъ къ распутству? А духи, которыми ты позволяешь прыскаться женѣ? А папироски... ты такъ и не бросаешь ихъ курить! Камеліи такъ живутъ... въ конкубинатѣ, а не въ честномъ и святомъ бракѣ.

Тенцовъ круто остановился.

— Ну, прощай. Ты съ ума сошелъ. Я больше не могу слушать твоихъ гадостей!—сказалъ онъ и пошелъ назадъ.

— Опомнись, пока не поздно!—кричалъ ему въ догонку страст-

ный, угрожающій голосъ, — прогони этихъ сластолюбивыхъ козловъ! Не погрязайте въ развратѣ!...

Потомъ опять наступило глубокое молчаніе, и только удаляющіеся шаги Филатова звучали, однообразно и глухо оживляя сонную тишину ночи какимъ-то меланхолическимъ содержаніемъ.

Приближаясь къ дому, Андрей Петровичъ услышалъ мелодическое перезваниванье бубенцовъ, веселые голоса и смѣхъ. Серебристый голосъ Дики точно острымъ лезвіемъ коснулся его сердца.

— Ахъ, хороша иногда жизнь!... Не правда ли, Антонъ Ильичъ? Закройте мнѣ ноги, Горяиновъ.

— Мгновеніями... просвѣтами... — вкрадчиво отвѣтилъ гнусавый баритонъ Брыдлина. — Умѣть жить, значитъ умѣть ловить эти скупые отблески рая въ нашей душѣ...

— И не пущать! — мальчишески воскликнулъ Горяиновъ. — Готовы, дѣти? Ну, пошелъ ящикъ въ надзвѣздные края... за заставу!

— За заставу условностей,—подхватилъ Брыдлинъ.

Тройка со звономъ, съ гиканьемъ пронеслась мимо Тенцова, обдавши его въ лицо снѣжною пылью. Ему послышалось, кто-то крикнулъ изъ саней, назвалъ его по имени. «Поѣду»,— подумалъ онъ весь объятый внезапно нахлынувшимъ приливомъ злобнаго и тоскливаго чувства. Но сани повернули за уголъ, голоса, смѣхъ, бубенчики стали вдругъ невнятны, и снова дремлющая тишина легла на окрестности.

Андрей Петровичъ долго не притрогивался къ звонку. На половинѣ Кладищевыхъ было темно; изъ его кабинета едва брезжилъ огонекъ черезъ складку гардины. Онъ стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, вслушивался, смотрѣлъ и чувствовалъ, какъ все потухаетъ и потухаетъ его злобная ревность, такъ грубо возбужденная Филатовымъ, какъ вмѣсто нея безпредѣльная грусть, сознаніе круглаго одиночества овладѣваютъ душою... Сѣрое ночное пространство, беззвучная пустынность улицы, робкій огонекъ изъ окна представлялись ему смысломъ и символомъ его жизни.

Дика вернулась только на разсвѣтѣ. Не спавшій Тенцовъ слышалъ изъ своей комнаты, какъ она отослала горничную, какъ умывалась, по обыкновенію шумно разбрызгивая воду; потомъ стала убирать волосы, напѣвая едва слышно:

... Вкрадчивымъ шепотомъ вы заглушаете
Звуки дневные, несносные, шумные...
Въ тихую ночь вы мой сонъ отгоняете
Ночи безсонныя, ночи безумныя...

И вдругъ сказала громко:

— Андрей, ты спишь? А мы цыганъ слушали... И такъ было весело!

Онъ притворился, что спитъ.

VIII.

Въ слѣдующіе затѣмъ дни Тенцовъ затруднился бы отвѣтить, кого ему непріятнѣе встрѣчать въ своемъ домѣ, Филатова или Брыдлина съ Горяиновымъ. Первый зачастилъ едва не каждый вечеръ. Онъ какъ-то осунулся, еще болѣе пожелтѣлъ и похудѣлъ; мало говорилъ, но однимъ выраженіемъ всей своей фигуры напоминалъ Андрею Петровичу не то инквизитора, не то аллегорическое изображеніе укоряющей совѣсти. Онъ обыкновенно приносилъ съ собою либо отлитографированныя статьи, либо корректурные листы, либо рукописныя копіи съ очень интересныхъ и трогательныхъ писемъ и дневниковъ, и гробовымъ голосомъ читалъ все это вслухъ, непремѣнно повторяя, если Тенцовъ былъ одинъ въ своемъ кабинетѣ:

— Нѣтъ, надо позвать и твою жену: ей это будетъ очень полезно.

Кстати сказать, въ разговорѣ съ Тенцовымъ онъ иначе не называлъ Дику, какъ «твоя жена», а въ разговорѣ о ней съ другими — «жена Тенцова». Дика не отказывалась слушать, рисуя во время чтенія, но Андрей Петровичъ видѣлъ, что мысли ея были далеко, что самыя поразительныя страницы не волновали ее, а присутствіе Филатова угнетало какою-то каменною тяжестью. Кончилось тѣмъ, что однажды вечеромъ ее не оказалось дома, то же повторилось и въ слѣдующій вечеръ, а въ третій разъ Филатовъ спросилъ у прислуги: «дома ли жена Андрея Петровича?»—и, получивъ отрицательный отвѣтъ, не вошелъ; да такъ съ тѣхъ поръ и пересталъ появляться, даже на четверги. Тенцовъ одно время подумалъ, не заболѣлъ ли онъ, и какъ-то зашелъ на Плющиху. Но въ меблированныхъ комнатахъ сказали, что онъ съ ранняго утра до поздней ночи не бываетъ дома. На «субботахъ» его тоже не было видно... Послѣ Андрей Петровичъ узналъ отъ бывшаго пажа, что Филатовъ взялся быть разсыльнымъ по дѣламъ ихъ кружка, и, «несмотря на свое богатырское здоровье», порядочно-таки устаетъ, во всѣхъ направленіяхъ измѣряя пѣшкомъ Москву.

— Но главное не то,—добавилъ бывшій пажъ, наклоняясь къ уху Тенцова, — а мы съ нимъ дѣлаемъ маленькій опытъ... Онъ,

напримѣръ, съѣдаетъ въ сутки только 620 граммовъ ржаныхъ сухарей съ произвольнымъ количествомъ воды. Ну я, сами знаете, почти безвыходно сижу за «Ремингтономъ»; ему же приходится расходовать массу мускульной энергіи... Но духомъ онъ свѣтелъ и радостенъ!—закончилъ пажъ, самъ расцвѣтая свѣтлой и радостной улыбкой.

Брыдлинъ и Горяиновъ посѣщали Тенцовыхъ непремѣнно вдвоемъ и обыкновенно являлись къ обѣду. Всѣ, кромѣ Андрея Петровича, бывали имъ очень рады. Конкордія Антоновна потому, что Брыдлинъ слылъ уже знаменитостью — выставлялъ свои картины не только въ Россіи, но и въ Парижскомъ Салонѣ; и еще потому, что онъ восторгался талантомъ Дики, настаивалъ, чтобъ она серьезно работала, давалъ ей техническіе совѣты, привозилъ краски, кисти, пастели, которыя были у него изъ-за границы и самаго лучшаго сорта, предсказывалъ ей блестящую будущность. Для материнскаго сердца, въ сущности жестоко уязвленнаго превращеніемъ Дики изъ ученицъ Пюи-де-Шаванна въ жену бездипломнаго, небогатаго и не служащаго дворянина, это было живительнымъ бальзамомъ. Къ тому же у Антона Ильича были удивительныя руки.

Петръ Ивановичъ радовался присутствію молодыхъ, остроумныхъ и пьющихъ людей за столомъ. Кромѣ того, Горяиновъ импонировалъ ему своей профессіей, да еще тѣмъ, что зналъ бездну рискованныхъ анекдотовъ и, при дамахъ, разсказывалъ ихъ такъ, что, казалось, виситъ на волоскѣ отъ самой грубѣйшей неприличности. И никогда этотъ «волосокъ» не обрывался у Горяинова, что заставляло старика рѣшительно захлебываться отъ восторга, хохотать до припадка удушья, влюбленно гладить по плечу и по спинѣ безподобнаго разсказчика, если онъ сидѣлъ близко.

Не могъ иногда не смѣяться и Андрей Петровичъ въ этой жизнерадостной, беззаботной, немножко распутной компаніи; но онъ чувствовалъ какую-то сѣть условностей между ними и собою и, несмотря на самыя добросовѣстныя усилія, не былъ въ состояніи разорвать ее. Члены его точно тяжелѣли при Горяиновѣ и Брыдлинѣ, голосъ принималъ ему самому противный оттѣнокъ неискренности, жесты, слова, мысли, черты лица становились угловатыми и напряженными. Онъ будто сбился съ такта и желалъ попасть въ него—и мучился, что это не удается, и внутренно злился, что никто не хочетъ помочь ему. Всѣ вели себя такъ, будто онъ былъ опасно больной и не надо его безпокоить,—и особенно не надо, чтобъ узналъ правду о своей болѣзни. Горяиновъ мгновенно мѣнялъ выраженіе лица, когда обращался къ Тенцову или встрѣчалъ его

взглядъ: изъ искренняго и плутоватаго, съ тонкой, иронической улыбкой, оно становилось притворно серьезнымъ, почти строгимъ; Брыдлинъ являлъ видъ преувеличеннаго чистосердечія и особой, вкрадчивой учтивости... Ото всѣхъ вѣяло на Андрея Петровича предательствомъ, лживостью, порочными замыслами... даже отъ Дики.

Временами онъ думалъ, что одинъ только самъ виноватъ, проклиналъ свои грязныя мысли и подозрѣнія, — это андерсеновское стеклышко, запорошившее его глаза. Жажда чистоты, внутренней ясности, душевнаго мира вдругъ снова овладѣвала имъ... Онъ весь уходилъ въ работу, взятую на себя для народныхъ изданій, перечитывалъ то, что особенно трогало его въ книгахъ и рукописяхъ, которыя прежде приносилъ Филатовъ, а теперь бывшій воспитанникъ Пажескаго корпуса. Часы, дни проходили въ сладкомъ ощущеніи особаго подъема духа, въ ладу съ совѣстью, въ умиленномъ и кроткомъ настроеніи... Но какая-нибудь ничтожная мелочь — и это душевное равновѣсіе исчезало безслѣдно. Такъ, надъ химическими вѣсами устроенъ стеклянный футляръ, чтобы ни одна пылинка не помѣшала точности взвѣшиванія... Кто-то то и дѣло разбивалъ стекло надъ душою Тенцова и житейская пыль путала всѣ его выводы. Неуловимая скабрезность Горянинова, вызывавшая хохотъ Дики, нечистый взглядъ, брошенный Брыдлинымъ на ея фигуру въ новомъ, съ вырѣзомъ на груди, платьѣ; ненужная ложь Конкордіи Антоновны, сказавшей, что Дика поѣхала за покупками, между тѣмъ какъ она была у Брыдлина въ мастерской; отказъ Дики работать для народныхъ изданій, потому что это мѣшаетъ «серьезнымъ занятіямъ» живописью,—все это точно ледяной вѣтеръ быстро понижало температуру его души до точки замерзанія, а онъ, въ свою очередь, замораживалъ другихъ.

Въ кроткія свои минуты онъ сознавалъ, что еслибы нарочно хотѣлъ внушить отвращеніе Дикѣ, то не могъ бы поступать съ болѣе тонкимъ разсчетомъ... Но какъ ихъ было мало, этихъ кроткихъ минутъ!

Раза два случилось, что Дика предложила ему поѣхать вчетверомъ: одинъ разъ—въ Эрмитажъ, ужинать; другой—въ театръ, и потомъ «куда придется». Но ему показалось, что въ глазахъ Брыдлина пробѣжала тѣнь при этомъ приглашеніи, да и у Дики мелькнуло что-то вѣроломное, и онъ отказался. Правда, съ любезной и, какъ думалъ, съ самой непринужденной улыбкой, и искренно пожелавъ имъ «хорошенько веселиться»... Но у Дики даже голосъ вздрогнулъ отъ самой непритворной ненависти, когда она, избѣгая смотрѣть на него, сказала:

— Какъ хочешь, обойдемся и безъ тебя.

И дѣйствительно стали обходиться безъ него въ довольно частыхъ поѣздкахъ за городъ, въ рестораны и въ театры.

Нехорошо еще было то, что Тенцовъ началъ чувствовать за собою нѣчто вродѣ неврастеніи. Частая смѣна какихъ-то мимолетныхъ настроеній, повышенная впечатлительность, судороги въ горлѣ и слѣдующія за ними всхлипыванія, ни съ того ни съ сего слезы на глазахъ, или вдругъ безпричинная смѣшливость, или ощущеніе ложной бодрости,—какъ будто за спиною выросли крылья, а на самомъ дѣлѣ всякая попытка двигаться доставляетъ страданіе,—все это, на-ряду съ періодами невыразимой душевной и физической усталости, серьезно стало безпокоить Андрея Петровича.

Ближе къ веснѣ, въ газетахъ, въ письмахъ изъ деревни, въ разговорахъ на нѣкоторыхъ «интеллигентныхъ» журфиксахъ, стали проскальзывать опасенія за будущій урожай,—за то, что Россіи едва ли не грозитъ голодъ. Эти опасенія были пока еще смутны, тонули въ другихъ извѣстіяхъ и разговорахъ, главнымъ образомъ—о введеніи института земскихъ начальниковъ и ясно начинавшей обозначаться франко-русской дружбѣ. Но на «субботахъ» близъ Плющихи, гдѣ новый институтъ и новыя международныя комбинаціи мало кого интересовали, объ угрожающемъ положеніи деревни говорилось много и часто. Прислушиваясь къ этимъ разговорамъ, Тенцовъ не могъ не подумать, что вѣдь онъ связанъ съ деревней гораздо болѣе всѣхъ этихъ людей, что онъ въ нѣкоторомъ родѣ помѣщикъ и, значитъ, непосредственно, безъ всякихъ теорій состоитъ за себя и за своихъ предковъ въ долгу передъ крестьянами, и что необходимо что-нибудь предпринять, если въ самомъ дѣлѣ такъ плохо въ деревнѣ. А подъ этими вдругъ всплывшими соображеніями тайно зашевелилась мысль, не удастся ли теперь же, не дожидаясь весны, уѣхать въ Тенцовку и увезти туда Дику: вѣдь она съ удовольствіемъ соглашалась жить въ деревнѣ, еще недавно упомянула объ этомъ, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ, приглашала Горяинова и Брыдлина погостить, собиралась написать «раннюю весну» съ особымъ, новымъ какимъ-то мотивомъ... И Тенцовъ написалъ тетушкѣ Сычихѣ, чтобъ отвѣтила о положеніи Тенцовки съ окрестностями, а приказчику Кузьмичу — о томъ же, да еще годится ли домъ для жилья, и есть ли чѣмъ его протапливать.

Отвѣтъ пришелъ очень насмѣшившій Андрея Петровича, приведшій въ бурный восторгъ всю публику, собравшуюся въ тотъ четвергъ, и весьма успокоительный относительно голода. За всѣмъ тѣмъ Тенцовъ не могъ заснуть всю ночь: за смѣшными и негра-

мотными словами тетушкина и Кузмичева письма, деревня въ первый разъ предстала передъ нимъ въ такой оброшенности и беззащитности. Правда, онъ прочиталъ томы не только грамотныхъ, но и высоко-художественныхъ разсказовъ изъ «народнаго быта», надъ нѣкоторыми даже плакалъ въ свое время; зналъ отлично и изъ «серьезной» литературы объ этой оброшенности и беззащитности. Однако то была какая-то отвлеченная деревня, вызывавшая и отвлеченныя предпріятія въ свою пользу, а здѣсь вдругъ обнажилось что-то живое и близкое, какъ боль собственнаго своего тѣла. Ему все казалось, что онъ, какъ мужики въ крыловской баснѣ, всю жизнь протолковалъ: «какъ быть войнѣ, кому повелѣвать...»—«Что будетъ съ Индіей, когда и отчего, такъ было ясно для него,—

А поглядишь — у самого
Деревня между глазъ сгорѣла...»

«Нѣтъ, только тамъ настоящее дѣло! — бормоталъ Тенцовъ, безпокойно ворочаясь на диванѣ въ своемъ кабинетѣ. — Безъ околичностей, безъ теорій, безъ косвенныхъ подъѣзжаній къ цѣли... Всѣ мы забыли объ этомъ прямомъ пути—и вотъ расплачиваемся личными страданіями, психологической путаницей, а пожалуй—и политическою реакціей...»

«Я твово безпокойства о мужичьѣ, милый мой другъ Андрюшенька, не понимаю,—писала тетушка своимъ угловатымъ, съ какими-то титлами, почеркомъ на четвертушкѣ сѣрой бумаги.—Споконъ-вѣковъ мужики въ хлѣбъ лебеду подсыпали, однако бѣды съ того никто не видалъ; только здоровѣе, да въ податяхъ поисправнѣе. Прежде бывалоче у богатѣевъ-то и лебеда, а ежели мужикъ—ёрникъ, то непремѣнно изъ чистой муки наровилъ замѣсить. Нонѣ, говорятъ, набаловались: ни праваго, ни виноватаго не разберешь. А по письму твоему я справлялась: рожь стоитъ ни по чемъ, такъ что и дѣвать ее некуда. Мошенникъ Кузьмичъ твою продалъ и, хотя дешево, однако и другіе говорятъ, что за настоящую цѣну. Все же, милый другъ, ты напиши ему построже, старому дураку, напредки пригодится. Не въ обиду будь тебѣ сказано: дворянамъ куда труднѣе мужичишекъ. У черняди земля-то не заложена, да и привычки какія только могутъ быть скаредныя. Но васъ, молодежь, не урезонишь: вотъ взяли-таки, поставили на своемъ — отобрали крѣпостныхъ людей... Состаритесь — будете плакать, да поздно. Развѣ что надумаетесь на прежнее повернуть. И больше писать не въ моготу: глазами стала слаба. Какіе бы, подумаешь, годы, а вотъ диво: мушки, мушки... и вдругъ—муть, муть поползетъ!...»

Письмо Кузьмича было обстоятельнѣе и съ примѣсью высшей политики, которою онъ любилъ-таки щегольнуть. Но прежде, чѣмъ разобрать это курьезное посланіе и прочитать вслухъ своимъ гостямъ, Андрей Петровичъ долго вникалъ въ смыслъ его нелѣпаго изложенія, лишеннаго точекъ, запятыхъ и заглавныхъ буквъ.

Послѣ рабски-почтительныхъ титулованій и сообщенія о томъ, что въ имѣніи все, благодаря Бога, благополучно, только барскій домъ никакъ не годится для жилья по причинѣ гнилыхъ рамъ, ветхихъ половъ и развалившихся печей, Кузьмичъ докладывалъ, что «точно, въ разсужденіи зеленей не вполнѣ: либо не взошли, а кои взошли—посохли».

«Тѣмъ больше,— продолжалъ онъ,— сумлѣваться нечего въ разсужденіи неизчислимыхъ запасовъ, наипаче у купцовъ полны амбары, и цѣны супротивъ осени повеселѣли на самый пустякъ. (Дальше разсказывалось, что онъ на-дняхъ продалъ барскую рожь 34 к. за пудъ, и какъ напрасно «изволила гнѣваться *ия высокаблагородія*» на эту продажу.) Иные господа помѣщики,—утѣшалъ тонкій старикъ,—развязались съ осени, кои 28, кои 30, лишь бы на выручку деньги, да заплатить въ банкъ въ разсужденіи банковскаго сукціона, который сукціонъ по нонѣшнему дворянскому расположенію не случается, а на грѣхъ глядишь и палка выстрѣлитъ.

«Что касающе въ разсужденіи мужицкой бѣдности, осмѣлюсь доложить,—обнищали наскрозь, такъ что прямѣе сказать — голытепа. Тѣмъ больше мудренаго мало, не вышло бы разоренья Всероссійской имперіи и даже иныхъ подвластныхъ земель. Сверхустановленное начальство, какъ-то: господинъ исправникъ и прочее, съ ногъ сбились съ податями, такъ что жалости достойно глядѣть; тѣмъ больше никакой нѣтъ мѣры возможности по случаю сѣченія, которое сѣченіе посредствомъ розогъ повсемѣстно не исполняется; а въ кабакъ тащутъ; а мужицкій сукціонъ происходитъ всю зиму, изъ села въ село, который сукціонъ—безполезный, потому продавать у ево нечего. Супротивъ эфтаго пункта осмѣлюсь доложить, воля ваша,—я съ ими ума рѣшился въ разсужденіи баловства: потравы и неотработки согласно условіямъ, а никакого нѣтъ сладу. А у иного сплошь и рядомъ ни единой лошаденки, но онъ, не взирая на то, какъ какой-нибудь вредный идолъ, обязуется подъ условіе, забираетъ деньги въ податя, и мало—забираетъ у одного, но у другого, и у третьяго. Черезъ такое баловство прямой убытокъ господамъ помѣщикамъ, тѣмъ больше всѣ желаютъ его сѣчь, т.-е. драть по мѣрѣ возможности. А помѣщикъ, господинъ Скропышевъ, ваши сосѣди, изволили сказывать, будто съ Петрова дня постав-

ляется новое сверхустановленное начальство въ разсужденіи правовъ, которыя были права до приснoблаженныя памяти 19 февраля. И тѣмъ больше дозволено производить законную сѣкуцію низкому сословію, мускóму полу, а кто говоритъ—машинками, и будто на кажную волость по машинкѣ. Прямѣе сказать—дай-то Господи: сколько годовъ живу на свѣтѣ, а такой низкости не видалъ, какова есть низкость въ нонѣшнемъ крестьянскомъ быту. Въ старину бывалоче—попужалъ его хворостомъ, а не то и подъ красную шапку, ежели мужичокъ бездоходный; но по случаю леформы при свидѣтеляхъ наказывать воспрещено, а одинъ на одинъ, воля ваша,—отъ ихняго нонѣшняго безстыдства всего станется.

«Супротивъ эфтаго пункта осмѣлюсь доложить,—дай Богъ вѣчныя памяти Императору Александру Николаевичу всея Россіи. Что бы мы, бывшіе господскіе люди, безъ Него были?—вродѣ какъ безсловесная скотина, какъ и въ вѣдомостяхъ дозволено отпечатать. Тѣмъ больше народишко пришелъ въ разстройство, прямѣе сказать—жалости достойно посмотрѣть; даже въ праздники хлебаютъ пустыя щи, дѣтёнку молока нѣтъ, поистощали, зимою не въ чемъ на улицу выбѣжать: одинъ лохмотъ на все обремененное семейство, въ четвертомъ дворѣ нѣтъ ни лошади, ни коровы, а заботы объ ёмъ никакой не полагается, тогда какъ прежде помѣщикъ или господинъ окружной: кто ежели обѣднялъ, прямо ведутъ того на конюшню и тому подобное, и лупятъ какъ Сидорову козу.

«Въ разсужденіи ихней поземельной тѣсноты вышла мода переселяться въ Томскую, въ Барнаулъ и прочее. На эфто мои стариковскія слова,—точно, тѣснота большая; прямѣе сказать — иной мужичонко съ сохой не обернется на своей полосѣ; а что касающе волѣй для скотины—какъ она, матушка, и дышетъ... Тѣмъ больше разбѣжится коренной мужикъ, и не стало бы отъ того задержки въ господскомъ хозяйствѣ. И больше того, не вышло бы заворошки въ разсужденіи иностранныхъ націй, которыя иностранныя націи нападутъ со дванадесяти языкъ, но коренной мужикъ ушелъ съ насиженнаго мѣста, почему дозволено покидать потомковъ, которые потомки успокоились на вѣчный спокой, и въ Божьемъ храмѣ поминаются за святой Евхаристіей. Ужели по его баловству, и ежели онъ по своему невѣжеству не желаетъ быть патреотомъ, но только жрать казенный хлѣбъ, а Всероссійской имперіи чрезъ его баловство пропадать?

«Канешна, мои слова стариковскія,—заключалъ Кузьмичъ, не забывая за высшей политикой и свои личные интересы,—и какъ вашей, сударь, милости взглянутся; тѣмъ больше часъ отъ часу

долженъ ожидать вѣчноприсноблаженныя кончины, которая кончина не за горами, а прямѣе сказать—у порога. Но дозвольте доложить супротивъ эфтого пункта: служилъ вашему папашѣ, служилъ дѣдушкѣ Ѳедотъ Маркычу, барской копѣйкой не корыстовался, но какъ вы собираетесь переѣхать въ вотчину, то въ вотчинѣ вамъ жить невозможно черезъ мужичье и черезъ ихнее охальство по причинѣ нищеты и дурныхъ болѣзней, которыя болѣзни наипаче у насъ въ Тенцовкѣ, а такожде: піанство, грубіанство, смертоубойство, козлоязычество, денной и ночной разбой и прочее».

— У тебя, Тенцовъ, этотъ старикъ — Аракчеевъ какой-то,— замѣтилъ, смѣясь, Горяиновъ.

Внутренно то же подумалъ и Андрей Петровичъ. Нелѣпость того обстоятельства, что когда онъ проживалъ въ Мезени, въ его деревнѣ хозяйничалъ заматорѣлый крѣпостникъ — кольнула его до боли. Но онъ поспѣшилъ разсказать, какой это въ сущности добрый и безобидный старикъ, и что многое въ этомъ письмѣ надо отнести къ тому, что Кузьмичъ совсѣмъ не знаетъ, каковы взгляды хозяина, и подлаживается къ обычнымъ и хорошо знакомымъ ему «барскимъ» взглядамъ.

На самомъ дѣлѣ такъ это отчасти и было.

А. Эртель.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КРЕСТОНОСЦЫ*).

Историческій романъ Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго.

VI.

Передъ отправленіемъ въ Щитну четыре крестоносца и де-Фурси, однако, должны были проститься съ княземъ и княгинею. Прощанье было не особенно пріятное, но князь, придерживаясь старо-польскаго обычая и не желая выпускать гостей съ пустыми руками, подарилъ каждому изъ братій прекрасный куній мѣхъ и по гривнѣ серебра. Рыцари съ радостью приняли подарки, увѣряя, что, какъ монахи, давшіе обѣтъ нестяжанія, они не удержатъ этихъ денегъ при себѣ, а раздадутъ бѣднымъ и прикажутъ имъ молиться за здоровье, преуспѣяніе и спасеніе души князя. Мазуры при этихъ увѣреніяхъ улыбались себѣ въ бороду,—имъ хорошо была извѣстна жадность монаховъ, а тѣмъ паче лживость крестоносцевъ. Князь только махнулъ рукою на благодарность крестоносцевъ, а послѣ ихъ отъѣзда сказалъ, что при помощи молитвъ крестоносцевъ онъ достигнетъ до неба не раньше, чѣмъ туда доползетъ ракъ.

При прощаньи съ княгиней, когда Зигфридъ де-Лёве цѣловалъ ея руку, Гуго де-Данфельдъ подошелъ къ Данусѣ и, поглаживая ее по головѣ, сказалъ:

— Намъ велѣно платить добромъ за зло и любить даже враговъ нашихъ... Сюда пріѣдетъ наша монахиня и привезетъ вамъ цѣлебный герцинскій бальзамъ.

— Какъ я должна отблагодарить васъ за это?—отвѣтила Дануся.

---

*) *Русская Мысль*, кн. I, 98 г.

— Будьте другомъ ордена и орденскихъ братій.

Де-Фурси обратилъ вниманіе и на этотъ разговоръ и на красоту дѣвушки и уже по дорогѣ въ Щитну спросилъ:

— Что это за красавица, съ которою вы разговаривали передъ отъѣздомъ?

— Дочь Юранда.

Господинъ де-Фурси пришелъ въ изумленіе.

— Та, которую вы хотите похитить?

— Та самая. А когда мы ее похитимъ, Юрандъ будетъ нашъ.

— Значитъ, не все то дурно, что происходитъ отъ Юранда. Пріятно быть стражемъ такого плѣнника.

— Вы думаете, что ее покорить было бы легче, чѣмъ Юранда?

— Я думаю такъ же, какъ и вы. Отецъ—врагъ ордена, а дочери вы говорили медовыя слова и въ добавокъ обѣщали ей прислать бальзамъ.

Гуго де-Данфельдъ видимо почувствовалъ необходимость нѣсколькими словами оправдаться передъ Зигфридомъ де-Лёве, который, несмотря на свои недостатки, все-таки оберегалъ строгіе обычаи и не разъ по этому поводу нападалъ на другихъ братій.

— Я обѣщалъ прислать бальзамъ для того молодого рыцаря, котораго помялъ туръ и съ которымъ, какъ вы знаете, она помолвлена. Если послѣ ея похищенія поднимется крикъ, мы скажемъ, что не только не желали ей зла, но, ради христіанскаго милосердія, посылали ей лѣкарство.

— Хорошо,—сказалъ де-Лёве.—Только нужно послать какого-нибудь вѣрнаго человѣка.

— Я пошлю одну благочестивую женщину, совершенно преданную ордену. Я прикажу ей смотрѣть и слушать. Когда наши люди явятся яко бы отъ имени Юранда, они найдутъ совершенно подготовленную почву.

— Такихъ людей не легко набрать.

— Нѣтъ. Народъ у насъ говоритъ тѣмъ же языкомъ. Въ городѣ, да и среди гарнизона есть люди, которые убѣжали изъ Мазовіи отъ преслѣдованія закона. Они разбойники, негодяи,—это правда, но страха у нихъ нѣтъ и они на все готовы. Я имъ пообѣщаю въ случаѣ успѣха большую награду, въ случаѣ неуспѣха—веревку.

— Да; но если они измѣнятъ намъ?

— Не измѣнятъ, потому что въ Мазовіи надъ каждымъ изъ нихъ виситъ смертный приговоръ. Имъ нужно будетъ дать чистыя

платья, чтобъ ихъ считали за людей Юранда, а, главное дѣло,— письмо съ печатью Юранда.

— Нужно все предвидѣть,—сказалъ братъ Ротгеръ.—Юрандъ послѣ послѣдней стычки можетъ быть захочетъ повидаться съ княземъ, чтобъ оправдаться и пожаловаться на насъ. Если онъ будетъ въ Цехановѣ, то непремѣнно заѣдетъ и сюда повидаться съ дочерью. Тогда можетъ случиться то, что наши люди, явившіеся за Юрандовной, наткнутся на самого Юранда.

— Люди, которыхъ я выберу, будутъ самыя отъявленныя шельмы. Они будутъ знать, что если наткнутся на Юранда, то пойдутъ на висѣлицу и, конечно, постараются не встрѣтиться съ нимъ.

— Можетъ случиться и то, что ихъ схватятъ.

— Тогда мы отопремся отъ нихъ и отъ письма. Кто можетъ доказать, что выслали ихъ мы? Наконецъ, если не будетъ похищенія, не будетъ и крика, а если нѣсколько висѣльниковъ мазуровъ погибнетъ, нашъ орденъ ничего не потернетъ.

Братъ Готфридъ, младшій изъ братіи, сказалъ:

— Я не понимаю ни вашей политики, ни вашей боязни, какъ бы не оказалось, что дѣвушка похищена по нашему приказанію. Держа ее въ рукахъ, мы должны же будемъ послать кого-нибудь къ Юранду и сказать ему: «Твоя дочь находится у насъ. Хочешь за ея свободу отдать де-Брегова и самого себя?...» Какъ же иначе? Но тогда всѣмъ сдѣлается извѣстно, что дѣвушку похитить приказали мы.

— Правда!—подтвердилъ де-Фурси, которому все это дѣло не особенно приходилось по вкусу.—Зачѣмъ скрывать то, что можетъ обнаружиться?

Гуго де-Данфельдъ расхохотался и, обращаясь къ брату Готфриду, спросилъ:

— Какъ давно вы носите бѣлый плащъ?

— Черезъ недѣлю послѣ Троицы минетъ шесть лѣтъ.

— Когда вы проносите его еще шесть лѣтъ, то научитесь понимать политику ордена. Юрандъ знаетъ насъ лучше, чѣмъ вы. Я скажу ему такъ: «Твою дочь охраняетъ братъ Шомбергъ и если ты пикнешь хоть слово, вспомни о дѣтяхъ Витольда».

— А потомъ?

— Потомъ де-Бреговъ получитъ свободу, а орденъ освободится отъ Юранда.

Братъ Ротгеръ воскликнулъ:

— Все это обдумано такъ предусмотрительно, что Богъ долженъ благословить наши начинанія.

— Богъ благословляетъ всякія дѣла, клонящіяся къ пользѣ ордена,—угрюмо сказалъ Зигфридъ де-Лёве.

Рыцари смолкли. Впереди, на разстояніи двухъ или трехъ полетовъ стрѣлы, ѣхали ихъ люди, чтобы сколько-нибудь проторить дорогу, засыпанную выпавшимъ за ночь снѣгомъ. На деревьяхъ осѣлъ обильный иней, день былъ пасмурный, но теплый, отъ лошадей такъ и валилъ паръ. Изъ лѣсовъ, по направленію къ людскимъ жилищамъ, стремились стаи воронъ, оглашающихъ воздухъ своимъ унылымъ карканьемъ.

Рыцарь де-Фурси немного отсталъ отъ крестоносцевъ и ѣхалъ въ глубокой задумчивости. Онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ гостемъ ордена, принималъ участіе въ походѣ на Жмудь, гдѣ отличался мужествомъ и, встрѣчая повсюду гостепріимство, какое крестоносцы умѣли оказывать рыцарямъ изъ далекихъ странъ, сильно привязался къ нимъ и намѣревался вступить въ ихъ ряды, такъ какъ у него не было никакого состоянія. Пока онъ то проживалъ въ Мальборгѣ, то объѣзжалъ знакомыя командоріи, ища по дорогѣ развлеченій и приключеній. Прибывъ въ Любову вмѣстѣ съ богатымъ рыцаремъ де Бреговымъ и наслушавшись о Юрандѣ, онъ воспылалъ желаніемъ сразиться съ мужемъ, о которомъ ходили такіе грозные слухи. Пріѣздъ Майнегера, который побѣдоносно выходилъ изъ всевозможныхъ столкновеній, еще болѣе ускорилъ осуществленіе ихъ экспедиціи. Комтуръ Любовскій далъ для этого своихъ людей, но при этомъ напугалъ рыцарей такъ, что когда Юрандъ потребовалъ, чтобъ они отправили своихъ солдатъ, то де Фурси и Майнегеръ не согласились на это изъ боязни, что Юрандъ нападетъ на нихъ, перебьетъ или ввергнетъ въ спыховскія подземелья. Тогда Юрандъ, думая, что они явились не столько для рыцарскаго состязанія, сколько для грабежа, ударилъ на нихъ первый и нанесъ имъ страшное пораженіе. Де Фурси видѣлъ, какъ Бреговъ былъ низвергнутъ наземь вмѣстѣ со своимъ конемъ, видѣлъ Майнегера раненаго копьемъ въ животъ, видѣлъ кнехтовъ, тщетно умоляющихъ о пощадѣ. Самъ онъ едва сумѣлъ пробиться и нѣсколько дней блуждалъ по лѣсамъ, гдѣ навѣрно умеръ бы съ голоду или сдѣлался бы добычею дикихъ звѣрей, еслибъ случайно не набрелъ на Цехановъ, гдѣ и нашелъ братьевъ Готфрида и Ротгера. Изъ всей этой экспедиціи онъ вынесъ чувство униженія, стыда, ненависти, мести и сожалѣнія по Бреговѣ, съ которымъ былъ связанъ тѣсной дружбой. Поэтому онъ всею душой присо-

единился къ ходатайству орденскихъ рыцарей, когда они требовали наказанія виновному и освобожденія плѣнника, а когда это ходатайство не возымѣло никакихъ послѣдствій, въ первую минуту готовъ былъ на все, что могло бы ему помочь отомстить Юранду. Но теперь въ немъ вдругъ заговорило сомнѣніе. Прислушиваясь къ словамъ крестоносцевъ, въ особенности къ тому, что говоритъ Гуго де Данфельдъ, онъ иногда не могъ воздержаться отъ изумленія. Узнавъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ крестоносцевъ поближе, онъ видѣлъ, что они не таковы, какими ихъ считаютъ въ Германіи и вообще на Западѣ. Правда, въ Мальборгѣ онъ свелъ знакомство съ нѣсколькими правдивыми и суровыми рыцарями: тѣ сами часто изливали жалобы на испорченность братіи, на ихъ развращенность, недостатокъ дисциплины,—и де Фурси чувствовалъ, что они правы, но и другимъ не особенно ставилъ въ вину ихъ недостатки, тѣмъ болѣе, что крестоносцы въ достаточной степени искупали это своимъ мужествомъ. Де Фурси видѣлъ, какъ подъ Вильномъ они грудь съ грудью сталкивались съ польскими рыцарями, видѣлъ ихъ при осадѣ замковъ, съ нечеловѣческимъ упорствомъ защищаемыхъ польскимъ гарнизономъ, видѣлъ, какъ они гибли подъ ударами топоровъ и мечей, въ общей свалкѣ или въ поединкахъ. Крестоносцы жестоко и неумолимо относились къ Литвѣ, но то были львы и ходили, осіянные славой. И только теперь рыцарю де Фурси показалось, что Гуго де Данфельдъ говоритъ такія вещи и предлагаетъ такія средства, отъ которыхъ должна содрогнуться душа всякаго рыцаря,—а другіе братья не только не удерживаютъ его, но подтверждаютъ каждое его слово. Удивленіе его росло съ каждой минутой и наконецъ онъ глубоко задумался надъ тѣмъ, пристойно ли ему принимать участіе въ такомъ дѣлѣ.

Еслибъ дѣло шло только о похищеніи дѣвушки и обмѣнѣ ея на Брегова, то онъ можетъ быть согласился бы на это, хотя красота Дануси сильно взволновала и затронула его сердце. Еслибъ ему пришлось быть ея стражемъ, онъ также не имѣлъ бы ничего противъ этого, хотя не былъ увѣренъ, что она выйдетъ изъ его рукъ такою же, какою попадетъ въ нихъ, но крестоносцамъ, видимо, нужно было что-то совсѣмъ другое. За Данусю они хотѣли получить не только Брегова, но и самого Юранда, обѣщать, что выпустятъ ее, если онъ пріѣдетъ за нею самъ, а потомъ убить его, а съ нимъ вмѣстѣ, для сокрытія обмана и преступленія, конечно, и дѣвушку. Грозили же они ей участью дѣтей Витольда на случай, если Юрандъ осмѣлится жаловаться. «Они ни въ чемъ не хотятъ держать своего слова, обоихъ обманутъ и погубятъ,—думалъ де

Фурси,—а вмѣстѣ съ тѣмъ носятъ крестъ и больше, чѣмъ кто-либо, обязаны оберегать свою честь». Душа его все болѣе и болѣе возмущалась такимъ безстыдствомъ, но онъ рѣшилъ еще разъ провѣрить, насколько его подозрѣнія основательны, снова подъѣхалъ къ Данфельду и спросилъ:

— А если Юрандъ отдастся въ ваши руки, вы выпустите дѣвушку?

— Еслибы мы выпустили ее, то весь міръ узналъ бы, что мы похитили ее, — отвѣтилъ Данфельдъ.

— Тогда что же вы сдѣлаете съ нею?

Данфельдъ наклонился къ нему. Его толстыя губы сложились въ улыбку и обнаружили гнилые зубы.

— О чемъ вы спрашиваете? О томъ, что мы сдѣлаемъ съ нею *до того,* или что сдѣлаемъ *потомъ?*

Но де Фурси уже узналъ то, что хотѣлъ узнать, и замолкъ. Съ минуту онъ, казалось, боролся съ самимъ собой, но потомъ приподнялся на стременахъ и сказалъ громко, съ намѣреніемъ, чтобъ его слышали всѣ четыре крестоносца:

— Благочестивый братъ Ульрихъ фонъ-Юнгингенъ, краса и образецъ рыцарства, однажды сказалъ мнѣ такъ: «Между стариками вы можетъ быть еще найдете въ Мальборгѣ рыцаря, достойнаго креста, но тѣ, которые сидятъ на пограничныхъ командорствахъ, только срамятъ орденъ».

— Мы всѣ грѣшны, но служимъ Искупителю, — отвѣтилъ Гуго.

— Гдѣ же ваша рыцарская честь? Не позорными дѣлами служатъ Искупителю. Знайте же, что я не только ни къ чему не приложу своихъ рукъ, но и вамъ не позволю.

— Чего не позволите?

— Ловушки, измѣны, позора...

— А какъ вы можете запретить намъ это? Въ битвѣ съ Юрандомъ вы потеряли своихъ слугъ и свое имущество. Жить вы можете только по милости ордена и умрете съ голоду, если мы не бросимъ вамъ куска хлѣба. Но еще одно: вы одинъ, насъ четверо, какъ же вы можете не позволить намъ?

— Какъ могу не позволить? — повторилъ де Фурси. — Я могу возвратиться назадъ и предостеречь князя, могу разгласить ваши намѣренія передъ лицомъ міра.

Крестоносцы переглянулись другъ съ другомъ и лица ихъ измѣнились во мгновеніе ока. Гуго де Данфельдъ устремилъ долгій, проницательный взоръ прямо въ глаза Зигфрида де Лёве, потомъ обратился къ рыцарю де Фурси:

— Ваши предки служили ордену и вы хотите вступить въ него, но изменниковъ мы не принимаемъ.

— А я не хочу служить съ изменниками.

— Эй, не удастся вамъ исполнить вашу угрозу! Знайте, что орденъ умѣетъ карать не однихъ только монаховъ...

Де Фурси, котораго эти слова разгнѣвали, извлекъ мечъ, лѣвою рукою взялся за остріе, правую положилъ на рукоять и сказалъ:

— Этою рукоятью, имѣющею форму креста, главою святого Діонисія, моего патрона, и своею рыцарскою честью клянусь, что я предупрежу магистра и мазовецкаго князя.

Гуго де Данфельдъ снова пытливо посмотрѣлъ на Зигфрида де Лёве, а тотъ смежилъ рѣсницы, какъ бы давая свое согласіе на что-то.

Тогда Данфельдъ проговорилъ какимъ-то страннымъ, глухимъ и измѣнившимся голосомъ:

— Святой Діонисій могъ нести подъ мышкой свою отрубленную голову, но если ваша свалится...

— Вы мнѣ угрожаете? — перебилъ де Фурси.

— Нѣтъ, я только убиваю! — отвѣтилъ Данфельдъ.

И онъ ударилъ его ножомъ въ бокъ съ такою силой, что лезвіе вошло въ тѣло вплоть до крестообразной рукояти. Де-Фурси отчаянно вскрикнулъ, попробовалъ было взять въ правую руку мечъ, который держалъ до сей поры въ лѣвой, но упустилъ его наземь, а крестоносцы начали безъ милосердія колоть его ножами въ шею, въ плечи, въ спину, пока онъ не свалился съ коня.

Потомъ наступило молчаніе. Де-Фурси, обагряя снѣгъ кровью, судорожно царапалъ его конвульсивно искривленными пальцами. Издали доносилось только карканье воронъ, стремящихся изъ лѣсныхъ дебрей къ людскимъ поселеніямъ.

Потомъ между убійцами завязался поспѣшный разговоръ:

— Люди ничего не видали,—задыхающимся голосомъ сказалъ Данфельдъ.

— Ничего. Они впереди,—отвѣтилъ Лёве.

— Слушайте, теперь будетъ поводъ для новой жалобы. Мы разгласимъ, что мазовецкіе рыцари напали на насъ и убили нашего соратника. Мы поднимемъ такой крикъ, что онъ дойдетъ до Мальборга, и тамъ узнаютъ, что князь подсылаетъ убійцъ даже къ своимъ гостямъ. Слушайте! Нужно говорить, что князь Янушъ не только не хотѣлъ выслушать наши жалобы на Юранда, но и приказалъ убить челобитчика.

Тѣмъ временемъ де-Фурси въ послѣдней конвульсіи перевер-

нулся навзничь и лежалъ неподвижно, съ кровавою пѣною на устахъ и съ выраженіемъ ужаса въ мертвыхъ, широко открытыхъ глазахъ. Братъ Ротгеръ посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Замѣтьте, благочестивые братья, какъ Богъ караетъ даже самую мысль объ измѣнѣ.

— Что мы сдѣлали, то сдѣлали для пользы ордена,—отвѣчалъ Готфридъ,—слава тѣмъ...

Онъ оборвалъ свою рѣчь въ ту же минуту. Позади нихъ, на поворотѣ дороги показался всадникъ, который мчался къ нимъ во всю прыть. Завидѣвъ его, Гуго де-Данфельдъ воскликнулъ:

— Кто бы ни былъ этотъ человѣкъ, онъ долженъ погибнуть.

А де-Лёве,—онъ, хотя и старѣйшій изъ братіи, обладалъ болѣе лучшимъ зрѣніемъ,—сказалъ:

— Я узнаю его. Это оруженосецъ, который убилъ топоромъ тура. Такъ и есть, это онъ.

— Спрячьте ножи, чтобъ онъ не испугался, — проговорилъ Данфельдъ.—Я опять ударю первый, вы послѣ меня.

Тѣмъ временемъ чехъ подъѣхалъ и остановилъ коня въ восьми или десяти шагахъ отъ рыцарей. Увидалъ онъ трупъ въ лужѣ крови, коня безъ всадника и на лицѣ его отразилось недоумѣніе, но продолжалось оно лишь одно мгновеніе. Черезъ минуту онъ обратился къ рыцарямъ такъ, какъ будто ничего не замѣтилъ и сказалъ:

— Бью вамъ челомъ, мужественные рыцари!

— Мы узнали тебя,—отвѣтилъ Данфельдъ, медленно приближаясь къ нему.—У тебя къ намъ какое-нибудь дѣло?

— Меня послалъ рыцарь Збышко изъ Богданьца. Я ношу за нимъ копье, а такъ какъ онъ на охотѣ былъ помятъ туромъ, то самъ не могъ переговариваться съ вами.

— Чего отъ насъ желаетъ твой господинъ?

— За то, что вы неправильно обвинили Юранда изъ Спыхова съ ущербомъ для его рыцарской чести, господинъ мой приказываетъ сказать вамъ, что вы поступили не какъ рыцари, а лаяли какъ собаки. Если же кто-нибудь будетъ обиженъ этими словами, того мой господинъ вызываетъ на пѣшее или конное единоборство до послѣдняго издыханія и явится на назначенное вами мѣсто, какъ только по милости Божіей придетъ въ силы.

— Скажи своему господину, что орденскіе рыцари терпѣливо переносятъ оскорбленія во имя Искупителя и на единоборство, безъ особаго разрѣшенія магистра или великаго маршала, не выходятъ. Скажи, что мы будемъ писать въ Мальборгъ и ходатайствовать объ этомъ разрѣшеніи.

Чехъ опять посмотрѣлъ на трупъ господина де-Фруси, потому что къ нему главнымъ образомъ онъ и долженъ былъ обратиться. Збышко зналъ, что крестоносцы не выходятъ на поединокъ, но услыхавъ, что среди ихъ былъ свѣтскій рыцарь, его-то и намѣревался вызвать, разчитывая такимъ образомъ снискать благоволеніе Юранда. А теперь этотъ рыцарь лежалъ, какъ зарѣзанный волъ между четырьмя крестоносцами.

Правда, чехъ не понималъ, что именно произошло, но такъ какъ съ дѣтства привыкъ къ осторожности, то и тутъ зачуялъ кроющуюся опасность. Его удивило и то, что Данфельдъ, продолжая свою рѣчь, все ближе и ближе подъѣзжаетъ къ нему, а другіе рыцари отъѣзжаютъ въ сторону, какъ будто незамѣтно хотятъ окружить его. Все это заставляло его держать себя на-сторожѣ, тѣмъ болѣе, что при торопливыхъ сборахъ онъ не успѣлъ захватить съ собою оружія.

А Данфельдъ уже поравнялся съ нимъ и продолжалъ:

— Я обѣщалъ твоему господину цѣлительный бальзамъ, плохо же онъ платитъ за доброе расположеніе. Впрочемъ, у поляковъ это не въ диковину, но такъ какъ онъ сильно помятъ и можетъ быть скоро предстанетъ предъ Богомъ, то скажи ему...

Тутъ онъ схватилъ лѣвою рукою за плечо чеха.

— То скажи ему, что я отвѣчаю вотъ какъ!...

Въ ту же минуту у самаго горла оруженосца сверкнулъ ножъ, но чехъ, который уже давно слѣдилъ за движеніемъ Данфельда, схватилъ его желѣзными руками за правую руку, перегнулъ ее, закрутилъ и, только услыхавъ ужасающій крикъ боли, поднялъ коня на дыбы и помчался назадъ какъ стрѣла, прежде чѣмъ другіе рыцари успѣли загородить ему дорогу.

Братья Ротгеръ и Готфридъ помчались было за нимъ, но тотчасъ же возвратились назадъ, пораженные страшнымъ крикомъ Данфельда. Де-Лёве поддерживалъ его за плечи, а онъ, съ посинѣвшимъ лицомъ, кричалъ такъ, что прислуга, уѣхавшая съ возами далеко впередъ, удержала своихъ коней.

— Что съ вами?—разспрашивали братья.

Де-Лёве приказалъ какъ можно скорѣе привезти телѣгу, потому что Данфельдъ видимо не могъ держаться на сѣдлѣ. Его лобъ покрылся холоднымъ потомъ; онъ впалъ въ безпамятство.

Его уложили на телѣгу и повезли къ границѣ. Де-Лёве понукалъ, чтобъ ѣхали скорѣй; онъ понималъ, что послѣ случившагося теперь времени нельзя терять, даже и для перевязки сломанной руки Данфельда. Сидя рядомъ съ нимъ на телѣгѣ, онъ отъ времени

до времени тёръ ему лицо снѣгомъ, но не могъ привести его въ сознаніе.

Только у самой границы Данфельдъ открылъ глаза и съ удивленіемъ оглянулся вокругъ.

— Что съ вами?—спросилъ Лёве.

— Я не чувствую боли, но не чувствую и руки,—отвѣтилъ Данфельдъ.

— Она у васъ онѣмѣла, поэтому и боль прошла. Въ теплой комнатѣ опять проявится. Но благодарите Бога хоть и за эту минуту облегченія.

Ротгеръ и Готфридъ тотчасъ же приблизились къ телѣгѣ.

— Случилось несчастіе, что теперь дѣлать?

— Мы скажемъ, что де-Фурси убилъ оруженосецъ,—слабымъ голосомъ отвѣтилъ Данфельдъ.

— Новое преступленіе ихъ, но на этотъ разъ виновный извѣстенъ,—добавилъ Ротгеръ.

VII.

Тѣмъ временемъ чехъ, не жалѣя коня, доскакалъ до охотничьяго дома, засталъ еще князя и ему первому разсказалъ, что произошло. Къ счастію, были придворные, которые видѣли, что чехъ выѣхалъ безъ оружія. Одинъ изъ нихъ, полушутя, даже крикнулъ ему вдогонку, чтобъ онъ взялъ что-нибудь съ собою, иначе нѣмцы побьютъ его, но онъ, опасаясь какъ бы рыцари не переѣхали границу, вскочилъ на коня въ томъ видѣ, въ какомъ былъ, только въ одномъ полушубкѣ, и поскакалъ. Свидѣтельства эти разсѣяли всѣ сомнѣнія князя насчетъ того, кто убилъ де-Фурси, но преисполнили его тревогой и такимъ гнѣвомъ, что въ первую минуту онъ хотѣлъ послать погоню за рыцарями, чтобъ отправить ихъ на цѣпи къ великому магистру для наказанія. Но прошла минута, князь сообразилъ, что погоня уже не настигнетъ рыцарей, и сказалъ:

— Все-таки я пошлю письмо къ магистру, пусть онъ узнаетъ, что они тутъ дѣлаютъ. Плохо пошли дѣла въ орденѣ, прежде былъ строгій порядокъ, а теперь всякій комтуръ дѣлаетъ, что ему захочется. Попущеніе Божеское, но за попущеніемъ идетъ наказаніе.

Онъ задумался, но потомъ вновь обратился къ дворянамъ:

— Я только одного не могу понять, за что они убили своего гостя, и еслибъ не то, что оруженосецъ поѣхалъ безъ оружія, я заподозрилъ бы его.

На это ксёндзъ Вышонекъ отвѣтилъ:

— За что оруженосцу убивать рыцаря? Во-первыхъ, онъ никогда не видалъ его; во-вторыхъ, даже еслибъ у него и было оружіе, какъ бы онъ могъ напасть одинъ на пятерыхъ рыцарей и на ихъ вооруженную прислугу?

— Это правда,—согласился князь.—Гость должно быть заспорилъ о чемъ-нибудь съ ними или можетъ быть не хотѣлъ лгать такъ, какъ имъ было нужно. Я и такъ замѣтилъ, какъ они подмигиваютъ ему, чтобъ онъ сказалъ, что Юрандъ первый затѣялъ ссору.

А Мрохота изъ Моцажева сказалъ:

— А ловкій, должно быть, малый, если онъ сломалъ руку у этой собаки, Данфельда.

— Онъ говоритъ, что слышалъ, какъ у нѣмца хрустнули кости, и это немудрено, если принять въ соображеніе то, что онъ сдѣлалъ въ лѣсу,—отвѣтилъ князь.—Видно, что и слуга, и господинъ стоятъ одинъ другого. Еслибъ не Збышко, туръ бросился бы на лошадей. И онъ, и лотарингецъ много сдѣлали, чтобы спасти княгиню.

— Вѣрно, что ловкій малый,—подтвердилъ ксёндзъ Вышонекъ.—Вотъ и теперь, еле дышитъ, а вступился за Юранда и вызвалъ рыцарей на поединокъ... Такого зятя и нужно Юранду.

— Юрандъ въ Краковѣ говорилъ что-то другое, но теперь, я думаю, не станетъ противиться,—сказалъ князь.

— Господь Іисусъ все устроитъ,—отозвалась княгиня, которая только что вошла и слышала лишь конецъ разговора.—Теперь Юрандъ не можетъ противиться, только Богъ возвратилъ бы Збышку здоровье. Но и съ нашей стороны ему должна быть награда.

— Лучшею наградой для него будетъ Дануся, и сдается мнѣ, что онъ получитъ ее. Если баба возьмется за что-нибудь, то и самъ Юрандъ съ нею ничего не подѣлаетъ.

— А развѣ не хорошо, что я взялась за это дѣло?— спросила княгиня.—Еслибы Збышко былъ непостояненъ, тогда дѣло другое, но болѣе постояннаго и на свѣтѣ нѣтъ. И дѣвочка тоже. Ни на шагъ отъ него не отходитъ, по лицу его гладитъ, а онъ, хоть и страдаетъ, улыбается ей. Посмотришь на нихъ, да иной разъ и сама расплачешься. Я правду говорю!... Такой любви стоитъ помочь, ибо и Сама Матерь Божія радуется человѣческому счастію.

— Была бы воля Божія, и счастье будетъ,—сказалъ князь.—Правда одно, что изъ-за этой дѣвчонки ему чуть голову не отрубили, а потомъ туръ помялъ жестоко.

— Не говори, изъ-за этой дѣвчонки!—живо вступилась княгиня.—Кто его спасъ въ Краковѣ, какъ не Дануся?

— Вѣрно. Но еслибъ не она, то онъ не напалъ бы на Лихтенштейна, чтобы сорвать съ его шлема страусовыя перья, и за де-Лорша не такъ охотно подставилъ бы голову. Что касается награды, то я уже сказалъ, что она должна слѣдовать имъ обоимъ и что я подумаю объ этомъ въ Цехановѣ.

— Збышко ничему бы такъ не обрадовался, какъ рыцарскому поясу и золотымъ шпорамъ.

Князь добродушно улыбнулся и отвѣтилъ:

— Пускай Дануся отнесетъ ему это, а когда болѣзнь оставитъ его, мы позаботимся, чтобы все совершилось такъ, какъ требуетъ обычай. Пускай отнесутъ ему сейчасъ же,—чѣмъ неожиданнѣй радость, тѣмъ она сильнѣе.

Княгиня обняла мужа и, въ присутствіи придворныхъ, нѣсколько разъ поцѣловала его руку, а князь, продолжая улыбаться, прибавилъ:

— Видите... Ну, хорошая мысль пришла тебѣ въ голову. Значитъ Святой Духъ не поскупился одарить частицею разума и женщину. Зови же Данусю.

— Дануська! Дануська!—крикнула княгиня.

Въ дверяхъ боковой комнаты показалась Дануся съ глазами, раскраснѣвшимися отъ безсонницы и съ дымящейся припаркой, которою ксёндзъ Вышонекъ обкладывалъ поломанныя кости Збышка.

— Подойди ко мнѣ, сиротка,—сказалъ князь Янушъ.—Поставь посудину и подойди.

Дануся несмѣло приблизилась къ нему, «господинъ» всегда возбуждалъ въ ней нѣкоторый страхъ. Но князь ласково приблизилъ ее къ себѣ, погладилъ по лицу и проговорилъ:

— Горе на тебя свалилось, дѣвка, а?

— Горе!—отвѣтила Дануся.

Горе, дѣйствительно, гнѣздилось въ ея сердцѣ, а слезы, какъ всегда, были наготовѣ. Она заплакала, но потихоньку, чтобы не раздражать князя, а тотъ опять спросилъ:

— Чего ты хнычешь?

— Збышко боленъ,—отвѣтила Дануся, утирая рукою глаза.

— Не бойся, ничего съ нимъ не будетъ. Правда, отецъ Вышонекъ?

— По волѣ Божіей онъ ближе къ свадьбѣ, чѣмъ къ гробу,—отвѣтилъ добрый ксёндзъ Вышонекъ.

А князь сказалъ:

— Подожди. Я дамъ тебѣ такое лѣкарство, которое не только облегчитъ, но и совсѣмъ исцѣлитъ его.

— Крестоносцы прислали бальзамъ?—живо воскликнула Дануся, отнимая отъ глазъ руки.

— Тѣмъ, который пришлютъ крестоносцы, лучше обмажь собаку, чѣмъ рыцаря, котораго ты любишь. Я тебѣ дамъ другое.

Онъ обратился къ своимъ придворнымъ:

— Сбѣгай кто-нибудь и принеси мнѣ шпоры и поясъ.

И, когда ему принесли, что онъ требовалъ, князь сказалъ Данусѣ:

— Возьми, отнеси это Збышку, и скажи, что съ этой минуты онъ опоясанъ. Если онъ умретъ, то предстанетъ передъ Богомъ, какъ *miles cinctus*, а если нѣтъ, то торжественный обрядъ мы совершимъ въ Цехановѣ или въ Варшавѣ.

Дануся припала къ ногамъ князя, потомъ одною рукою схватила рыцарскіе знаки, другою свою посудину и побѣжала въ комнату, гдѣ лежалъ Збышко. Княгиня, желая полюбоваться ихъ радостью, пошла за Данусей.

Збышко былъ очень боленъ, но, увидалъ Данусю, повернулъ къ ней поблѣднѣвшее лицо и спросилъ:

— А чехъ, ягодка моя, возвратился?

— Что тамъ, чехъ!—отвѣтила дѣвочка,—я тебѣ приношу лучшую новость. Господинъ возвелъ тебя въ рыцари и вотъ что прислалъ со мною.

Она положила возлѣ него поясъ и золотыя шпоры. Блѣдныя щеки Збышка вспыхнули отъ радости и изумленія; онъ посмотрѣлъ на Данусю, потомъ на рыцарскіе знаки и спросилъ:

— Какъ же это онъ могъ возвести меня въ рыцари?

А такъ какъ въ это время вошла княгиня, то онъ приподнялся немного и началъ просить прощенія за то, что не можетъ пасть къ ея ногамъ,—онъ сразу догадался, что такое великое счастье свалилось на него только по ея предстательству. Но княгиня приказала ему держать себя спокойно и собственными руками помогла Данусѣ снова уложить его голову на подушку. Наконецъ, появился князь, а съ нимъ ксёндзъ Вышонекъ, Мрокота и нѣсколько придворныхъ. Князь издали махнулъ рукою, чтобъ Збышко не двигался, потомъ сѣлъ на его ложе и заговорилъ такъ:

— Да не удивляется никто, что за мужественныя и доблестныя дѣянія должна слѣдовать награда, ибо еслибъ добродѣтель оставалась ненагражденною, то и несправедливость оставалась бы безъ наказанія. А такъ какъ ты не щадилъ своего живота и съ утратой здоровья спасъ насъ отъ лютой горести, то мы позволяемъ

тебѣ опоясаться рыцарскимъ поясомъ и ходить отнынѣ осіяннымъ честью и славою.

— Всемилостивый государь,—отвѣтилъ Збышко,—я не пожалѣлъ бы и десяти жизней...

Больше онъ не могъ ничего сказать, и отъ волненія, и отъ того, что княгиня закрыла ему ротъ рукою, потому что ксёндзъ Вышонекъ не позволялъ ему говорить. А князь продолжалъ:

— Я думаю, что ты знаешь рыцарскія обязанности и будешь съ достоинствомъ носить эти украшенія. Ты долженъ служить нашему Искупителю и бороться съ предводителемъ адскихъ силъ, быть вѣрнымъ своему земному повелителю, избѣгать ненужной войны и хранить невинность отъ притѣсненія, въ чемъ да поможетъ тебѣ Богъ и Его Святая Матерь!

— Аминь!—закончилъ ксёндзъ Вышонекъ.

Князь всталъ, перекрестилъ Збышка и, уходя, сказалъ:

— А когда ты выздоровѣешь, пріѣзжай прямо въ Цехановъ. Я и Юранда вызову туда.

VIII.

Спустя три дня пріѣхала женщина съ герцинскимъ бальзамомъ, а вмѣстѣ съ ней прибылъ изъ Щитны и капитанъ лучникомъ съ письмомъ, подписаннымъ братіею и снабженнымъ печатью Данфельда. Крестоносцы призывали небо и землю въ свидѣтели обиды, которая встрѣтила ихъ въ Мазовіи, и подъ страхомъ кары Божіей требовали возмездія за убійство ихъ «возлюбленнаго товарища и гостя». Данфельдъ прибавилъ къ письму жалобу и отъ себя лично, въ словахъ, полныхъ смиренія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и грозныхъ, требовалъ вознагражденія за понесенное имъ увѣчье и смертнаго приговора оруженосцу-чеху. Князь, на глазахъ у капитана, разорвалъ письмо, бросилъ его на полъ и сказалъ:

— Магистръ прислалъ сюда злодѣевъ-крестоносцевъ, чтобъ они привлекли меня къ нему, а они только разгнѣвали меня. Скажи имъ отъ меня, что гостя они умертвили сами и оруженосца хотѣли умертвить, о чемъ я самъ напишу магистру и добавлю, чтобъ онъ выбиралъ другихъ пословъ, если хочетъ, чтобы, въ случаѣ его войны съ краковскимъ королемъ, я не перешелъ бы ни на чью сторону.

— Всемилостивый государь,—отвѣтилъ капитанъ,—долженъ ли я отвезти такой отвѣтъ могучимъ и благочестивымъ братьямъ?

— Если тебѣ этого недостаточно, скажи имъ еще, что я ихъ считаю собаками, а не истинными рыцарями.

На этомъ свиданіе и кончилось. Капитанъ уѣхалъ, потому что и князь въ тотъ же день отправился въ Цехановъ. Осталась только «сестра» съ бальзамомъ, которымъ недовѣрчивый ксёндзъ Вышонекъ, однако, не хотѣлъ воспользоваться, тѣмъ болѣе, что больной въ эту ночь заснулъ хорошо, а на утро пробудился, правда, очень ослабѣвшимъ, но безъ горячки. Сестра, послѣ отъѣзда князя, отправила обратно одного изъ своихъ слугъ за новымъ лѣкарствомъ, за «яйцами василиска», которыя, по ея утвержденію, возвращаютъ силы даже умирающимъ, а сама блуждала повсюду тихая, покорная, невладѣющая одною рукой. Одѣта она была въ свѣтское платье, но оно походило и на монашескую рясу,—у пояса ея виднѣлись чотки и небольшая тыква, какую носятъ пилигримы. Говоря хорошо по-польски, она съ великой заботливостью разспрашивала прислугу о Збышкѣ и о Данусѣ, которой при первой же возможности подарила іерихонскую розу, а на другой день, во время сна Збышка, когда дѣвушка сидѣла въ столовой комнатѣ, приблизилась къ ней и сказала:

— Да благословитъ васъ Богъ, паненка. Сегодня ночью, послѣ молитвы, приснилось мнѣ, что, сквозь падающій снѣгъ, къ вамъ шло двое рыцарей. Одинъ подошелъ раньше и окуталъ васъ бѣлымъ плащомъ, а другой сказалъ: «я вижу только снѣгъ, а ея нѣтъ»,—и возвратился назадъ.

Дануся, которой хотѣлось спать, все-таки съ любопытствомъ раскрыла свои голубые глаза и спросила:

— А что это значитъ?

— Значитъ то, что васъ добьется тотъ, кто больше любитъ.

— Это Збышко!—отвѣтила дѣвочка.

— Не знаю, лица его я не видѣла; я видѣла только бѣлый плащъ, а потомъ сейчасъ же проснулась. Господь Іисусъ каждую ночь посылаетъ мнѣ боль въ ногахъ, а руку и совсѣмъ отнялъ у меня.

— А вамъ бальзамъ не помогаетъ?

— Мнѣ и бальзамъ не поможетъ. Это наказаніе за тяжкій грѣхъ мой, а хотите знать—за какой, я вамъ разскажу.

Дануся кивнула головой въ знакъ согласія, и сестра продолжала:

— Въ орденѣ есть и послушницы, женщины. Обѣта онѣ не даютъ, могутъ быть даже и замужними, но обязанности по отношенію къ ордену должны исполнять и слушаться приказаній братіи. Та, которая должна удостоиться такой чести и благодати, получаетъ троекратный поцѣлуй отъ брата-рыцаря, въ знакъ того, что отны-

нѣ должна служить ордену словомъ и дѣломъ. Охъ, паненка! и мнѣ суждена была такая же благодать, но я, въ грѣховномъ ослѣпленіи, вмѣсто того, чтобы принять ее съ признательностью, совершила тяжелый грѣхъ и навлекла на себя кару.

— Что же вы такое сдѣлали?

— Братъ Данфельдъ пришелъ ко мнѣ и далъ мнѣ иноческое цѣлованіе, но я, думая, что онъ дѣлаетъ это съ какими-нибудь нечистыми мыслями, подняла на него святотатственную руку...

Сестра ударила себя въ грудь и повторила нѣсколько разъ:

— Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшной!

— И что же случилось?—спросила Дануся.

— Рука у меня тотчасъ же отнялась и стала я калѣкой. Я была молода и глупа, не знала ничего, а кара все-таки не миновала меня. Если женщинѣ даже и кажется, что орденскій братъ хочетъ совершить что-то дурное, пусть она предоставитъ его судить Богу, а сама не противится, ибо кто противится ордену, того постигнетъ гнѣвъ Божій.

Дануся слушала эти слова со страхомъ и отвращеніемъ, а сестра снова начала вздыхать и разливаться въ жалобахъ.

— Я еще и теперь не стара,—говорила она,—мнѣ едва лишь тридцать лѣтъ, но Богъ вмѣстѣ съ рукой отнялъ у меня молодость и красоту.

— Еслибы не ваша рука, то вы еще не могли бы жаловаться,—отвѣтила Донуся.

Наступило молчаніе. Вдругъ сестра какъ будто вспомнила что-то и сказала:

— Снилось мнѣ, что какой-то рыцарь окуталъ васъ въ бѣлый плащъ. Можетъ быть то былъ крестоносецъ. Они носятъ бѣлые плащи.

— Не хочу я ни крестоносцевъ, ни ихъ плащей, — отвѣтила дѣвочка.

Въ это время въ комнату вошелъ ксёндзъ Вышонекъ, поманилъ къ себѣ Данусю и сказалъ:

— Поблагодари Бога и иди къ Збышку. Проснулся и запросилъ ѣсть. Ему сильно полегчало.

Дѣйствительно, такъ было и на самомъ дѣлѣ. Збышку было легче, и ксёндзъ Вышонекъ почти не сомнѣвался въ его выздоровленіи, какъ вдругъ неожиданное событіе спутало всѣ разсчеты и разрушило всѣ надежды. Къ княгинѣ прибыли отъ Юранда посланцы съ письмомъ, заключающимъ въ себѣ самыя дурныя и страшныя новости. Въ Спыховѣ сгорѣла часть дома Юранда, а самъ онъ,

при тушеніи пожара, былъ придавленъ горящею балкой. Ксёндзъ Калебъ, который писалъ письмо отъ его имени, положимъ, не отчаивался, что Юрандъ можетъ выздоровѣть, но искры и угли такъ опалили его единственный уцѣлѣвшій глазъ, что въ немъ немного осталось свѣта и что ему угрожаетъ немедленная слѣпота. Поэтому Юрандъ, прежде, чѣмъ его охватитъ мракъ, хотѣлъ видѣть дочь и какъ можно скорѣе призывалъ ее въ Спыховъ. Онъ говорилъ, что отнынѣ она должна уже навсегда остаться съ нимъ. У всякаго слѣпца, который ходитъ по міру и собираетъ куски хлѣба, есть какой-нибудь мальчикъ, который водитъ его за руку и указываетъ дорогу, — неужели онъ, Юрандъ, долженъ быть лишенъ и этого послѣдняго утѣшенія и умирать среди чужихъ людей? Въ письмѣ заключалась горячая благодарность княгинѣ, которая воспитывала его дѣвочку, какъ родную дочь, а въ концѣ Юрандъ обѣщалъ, хотя и слѣпымъ, еще разъ пріѣхать въ Варшаву, чтобы пасть къ ногамъ госпожи и просить ее на будущее время не оставить Данусю своими милостями.

Когда отецъ Вышонекъ прочелъ это письмо вслухъ, княгиня долго не могла вымолвить ни слова. Юрандъ пять или шесть разъ въ годъ пріѣзжалъ къ дочери, можетъ быть пріѣхалъ бы на праздники,—княгиня питала надежду, что, пользуясь своимъ значеніемъ и значеніемъ князя Януша, она сумѣетъ сблизить Збышка съ Юрандомъ и получить его согласіе на скорую свадьбу Дануси. А теперь это письмо не только разрушало ея намѣренія, но вмѣстѣ съ тѣмъ отнимало у нея и Данусю, которую она любила такъ же, какъ и родныхъ дѣтей. Ей пришло въ голову, что Юрандъ можетъ быть сейчасъ же и выдастъ дочь за кого-нибудь изъ сосѣдей, чтобы провести остатокъ дней между своими. О томъ, что Збышко могъ бы ѣхать въ Спыховъ и думать было нечего,—ребра его только что начинали срастаться, да и кто знаетъ, какъ бы онъ былъ принятъ въ Спыховѣ? Юрандъ рѣшительно отказалъ ему въ рукѣ Дануси и добавилъ, что не согласится на ихъ бракъ по какимъ-то таинственнымъ причинамъ. И, объятая тяжелою заботой, княгиня приказала позвать къ себѣ старшаго изъ посланцевъ, чтобы разспросить его о спыховскомъ пожарѣ и узнать, что удастся, о намѣреніяхъ Юранда.

Къ ея удивленію, пришелъ человѣкъ, совершенно незнакомый ей, а не старикъ Толима, который носилъ за Юрандомъ щитъ и всюду разъѣзжалъ съ нимъ. Незнакомый посланецъ объяснилъ, что Толима, жестоко изрубленный въ послѣдней стычкѣ съ нѣмцами, теперь борется со смертью въ Спыховѣ, а Юрандъ, постигнутый

тяжелою болѣзнью, просить какъ можно скорѣе выслать къ нему дочь, потому что видитъ все хуже и хуже, а дня черезъ два можетъ и совсѣмъ ослѣпнетъ. Посланецъ просилъ даже выдать ему дѣвочку немедленно, лишь только отдохнутъ лошади, но дѣло уже клонилось къ вечеру и княгиня рѣшительно отказала, чтобъ и Збышку, и Данусѣ и самой себѣ не надрывать сердца черезчуръ быстрою разлукой.

Збышко зналъ уже обо всемъ и лежалъ въ своей комнатѣ, словно оглушенный обухомъ. Когда княгиня вошла и, ломая руки, заговорила на порогѣ: «Ничего не подѣлашь,—отецъ!»—онъ, какъ эхо, повторилъ: «Ничего не подѣлаешь!»—и закрылъ глаза, какъ человѣкъ, который разсчитываетъ, что смерть немедленно подойдетъ къ нему.

Но смерть не подошла, хотя въ груди его скоплялось все больше горя, а въ головѣ тѣснились все болѣе и болѣе мрачныя мысли, мрачныя, какъ тучи, гонимыя вихремъ, затмевающія солнечный свѣтъ и гасящія всякую радость на свѣтѣ. Збышко, также какъ и княгиня, понималъ, что если Дануся уѣдетъ въ Спыховъ, то онъ можетъ считать ее почти потерянною для себя. Здѣсь всѣ были расположены къ нему, тамъ Юрандъ можетъ быть и приметъ его, но выслушать не захочетъ, въ особенности если его связываетъ какой-нибудь обѣтъ или никому не вѣдомое соображеніе, такъ же важное, какъ и религіозный обѣтъ. Наконецъ, гдѣ ему ѣхать въ Спыховъ, коли онъ боленъ и едва можетъ повернуться на своемъ ложѣ? Нѣсколько дней назадъ, когда, по милости князя, на него свалились золотыя шпоры, вмѣстѣ съ рыцарскимъ поясомъ, онъ думалъ, что радость пересилитъ въ немъ болѣзнь и молился ото всей души, чтобъ ему можно было поскорѣе встать и помѣряться съ крестоносцами, а теперь снова утратилъ всякую надежду. Онъ чувствовалъ, что вмѣстѣ съ Данусей онъ утратилъ и желаніе жить, и силу бороться со смертью. Придетъ завтрашній день, и послѣзавтрашній, наконецъ, придетъ канунъ праздника и самый праздникъ, а кости его будутъ болѣть точно такъ же, такая же слабость будетъ охватывать его, а возлѣ него уже не будетъ того свѣта, который расходится по всей комнатѣ отъ Дануси, не будетъ онъ видѣть ея глазокъ, которые смотрятъ на него съ такою радостью. Что за утѣха, что за сладость спрашивать нѣсколько разъ въ день: «Любъ я тебѣ?» и видѣть, какъ она закрываетъ рукою смѣющіеся и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стыдливые глаза или наклоняется надъ нимъ и отвѣчаетъ: «а кто же и любъ, какъ не Збышко?» Теперь остается только болѣзнь, и скорбь останется, и тоска, а счастье уйдетъ и не возвратится.

Слезы блеснули въ глазахъ Збышка и медленно скатились по его щекамъ. Онъ повернулся къ княгинѣ и сказалъ:

— Милостивая госпожа, я такъ думаю, что никогда уже въ жизни не увижу Данусю.

Княгиня, сама опечаленная, отвѣтила;

— Да и нечему удивляться, если ты изсохнешь съ горя. Но Господь Іисусъ милосердъ.

И черезъ минуту, желая хоть немного ободрить его, она добавила:

— Хотя, конечно, я не желаю этого,—еслибъ Юрандъ умеръ раньше тебя, то опекунство перешло бы къ князю и ко мнѣ, а мы сейчасъ же отдали бы тебѣ дѣвочку.

— Когда онъ тамъ умретъ!—отвѣтилъ Збышко.

Вдругъ, видимо, въ его головѣ блеснула какая-то мысль. Онъ приподнялся, сѣлъ и приговорилъ измѣнившимся голосомъ:

— Милостивая госпожа...

Въ эту минуту въ комнату съ плачемъ вбѣжала Дануся.

— Ты уже знаешь, Збышко! Ой, жаль мнѣ и тятю, но и тебя жаль, бѣдняжка! Когда она приблизилась къ нему, Збышко обнялъ здоровою рукой свою избранницу и заговорилъ:

— Какъ же мнѣ жить безъ тебя! Не затѣмъ я ѣхалъ черезъ рѣки и лѣса, не затѣмъ давалъ тебѣ обѣты и вѣрно служилъ тебѣ, чтобъ потерять тебя. Эхъ! не поможетъ горе, не помогутъ слезы,—смерть сама, и то не поможетъ... Хотя моя могила поростетъ травой, душа моя не забудетъ тебя,—будь она при дворѣ Господа Іисуса или въ покояхъ у Самого Бога Отца... И, говорю я тебѣ, нѣтъ средства, а средство должно быть, потому что безъ него никакъ невозможно. У меня кости страшно болятъ, но хоть ты пади къ ногамъ милостивой госпожи,—я не могу,—и проси ее умилосердиться надъ нами.

Дануся подбѣжала къ ногамъ княгини, обняла ихъ руками и скрыла свое лицо въ тяжелыхъ складкахъ ея платья. Княгиня посмотрѣла на Збышка своими соболѣзнующими, но вмѣстѣ съ тѣмъ удивленными глазами.

— Въ чемъ я могу умилосердиться надъ вами?— спросила она.—Не пустить дочь къ больному отцу, за это Богъ покараетъ.

Збышко, который приподнялся было на постели, теперь опять упалъ на изголовье и съ минуту не отвѣчалъ ничего, у него не хватало дыханія. Мало-по-малу онъ началъ двигать руками и сложилъ ихъ на груди, словно для молитвы.

— Отдохни, — сказала княгиня, — потомъ скажешь, въ чемъ дѣло, а ты, Дануся, оставь мои ноги.

— Отпусти немного, но съ колѣнъ не вставай и проси вмѣстѣ со мной, — отозвался Збышко.

Потомъ онъ заговорилъ слабымъ и прерывающимся голосомъ:

— Милостивая госпожа... Юрандъ въ Краковѣ противился моей просьбѣ... и теперь будетъ противиться, но еслибъ ксёндзъ Вышонекъ обвѣнчалъ меня съ Данусей, то тогда пускай она ѣдетъ въ Спыховъ, — тогда никакая человѣческая сила не отниметъ ее у меня.

Слова эти для княгини Анны были такъ неожиданны, что она вскочила со скамьи, потомъ опять сѣла, и, какъ бы не понимая въ чемъ дѣло, сказала:

— Клянусь ранами Божіими!... ксёндзъ Вышонекъ?...

— Милостивая госпожа!... милостивая госпожа! — умолялъ Збышко.

— Милостивая госпожа! — повторяла за нимъ Дануся, вновь припадая къ колѣнамъ княгини.

— Какъ же это можно безъ родительскаго позволенія...

— Божескій законъ сильнѣе, — отвѣчалъ Збышко.

— Побойся ты Бога!

— Кто отецъ, если не князь?... Кто мать, если не вы, милостивая госпожа?

А Дануся прибавила:

— Мама милостивая!

— Правда, что я была почти ея матерью, — сказала княгиня, — и Юрандъ получилъ жену также изъ моихъ рукъ. Правда! Перевѣнчать — тогда ужъ ничего не подѣлаешь. Можетъ быть Юрандъ и посердится, но и онъ обязанъ послушаніемъ князю, своему властелину. Наконецъ, сразу ему можно было бы ничего не говорить, а сказать только тогда, когда онъ собирался бы просватать дѣвочку за кого-нибудь другого или отдать въ монастырь... Если онъ далъ какой-нибудь обѣтъ, — то вѣдь это совершится не по его винѣ. Противъ воли Божіей не пойдешь... Можетъ быть это воля Божія!...

— Конечно, такъ! — воскликнулъ Збышко.

Но княгиня, все еще взволнованная, сказала:

— Подожди, дай мнѣ опомниться! Еслибъ князь былъ здѣсь, я тотчасъ пошла бы къ нему и спросила: выдавать ли мнѣ Данусю замужъ, или нѣтъ!... Но безъ князя я боюсь... У меня даже грудь стѣснило, а тутъ еще и времени нѣтъ, — дѣвочка завтра должна

ѣхать. О, Іисусъ сладчайшій! пусть бы она ѣхала, какъ замужняя,—все-таки спокойнѣй. Только вотъ никакъ я не могу прійти въ себя и все мнѣ чего-то страшно. А тебѣ не страшно, Дануська? да говори же!

— Я умру безъ этого,—перебилъ Збышко.

Дануся поднялась на ноги и такъ какъ добрая княгиня не только любила, но и баловала ее, то бросилась къ ней на шею и обняла изо всей мочи.

Но княгиня сказала:

— Безъ отца Вышонка я ничего вамъ не скажу. Бѣги за нимъ поскорѣе.

Дануся побѣжала за отцомъ Вышонкомъ, а Збышко повернулъ къ княгинѣ свое блѣдное лицо и сказалъ:

— Что мнѣ Господь Іисусъ предназначилъ, то и будетъ, но за это утѣшеніе да наградитъ Онъ васъ, милостивая госпожа.

— Подожди благословлять меня,—еще неизвѣстно, что будетъ,—отвѣтила княгиня.—Ты долженъ поклясться мнѣ честью, что не воспрепятствуешь Данусѣ тотчасъ же ѣхать къ отцу, а то, сохрани Боже, его проклятія упадутъ и на тебя, и на нее.

— Клянусь честью!—сказалъ Збышко.

— Ну, и помни это! А Юранду Дануся пусть ничего не говоритъ сначала. Лучше, чтобъ эта новость не обожгла его, какъ огонь. Мы пошлемъ изъ Цеханова, чтобъ онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Данусей, и тогда я сама скажу ему или попрошу князя. Увидитъ онъ, что дѣлать нечего, можетъ быть и примирится. Не былъ ли онъ несправедливъ къ тебѣ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Збышко,—несправедливъ онъ ко мнѣ не былъ, можетъ быть и теперь въ душѣ будетъ радоваться, что Дануся стала моею женой. Если онъ далъ насчетъ ея какой-нибудь обѣтъ, то не его вина, что не могъ его исполнить.

Пришелъ ксёндзъ Вышонекъ вмѣстѣ съ Данусей. Княгиня въ ту же минуту призвала его на совѣтъ и съ великимъ жаромъ начала разсказывать о намѣреніяхъ Збышка, но ксёндзъ при первыхъ же словахъ изумился, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и сказалъ:

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Какъ же это я могу сдѣлать? Вѣдь теперь постъ.

— Ей-Богу, правда!—воскликнула княгиня.

Наступило молчаніе. Только огорченныя лица присутствующихъ показывали, какимъ тяжелымъ ударомъ были для нихъ слова ксёндза Вышонка.

А ксёндзъ немного погодя сказалъ:

— Еслибъ было разрѣшеніе, я не сказалъ бы ничего потому что мнѣ васъ жаль. Дозволенія Юранда я не особенно бы добивался. Милостивая госпожа дозволяетъ и ручается за согласіе князя, властелина нашего, а они отецъ и мать всей Мазовіи. Но безъ разрѣшенія епископа я не могу. Еслибъ между нами былъ ксёндзъ - епископъ Якубъ изъ Курдванова, то можетъ быть не отказалъ бы въ разрѣшеніи, несмотря на то, что онъ человѣкъ суровый, не то, что его предшественникъ, епископъ Мамфіолъ, который на все отвѣчалъ: «bene, bene!»

— Епископъ Якубъ изъ Курдванова очень любитъ меня и князя,—вставила княгиня.

— Поэтому я и говорю, что онъ не отказалъ бы въ разрѣшеніи,—есть важныя соображенія... Дѣвушка должна ѣхать, а молодой человѣкъ хвораетъ и можетъ умереть. Гм!... in articulo mortis... Но безъ разрѣшенія нельзя никакъ.

— Я и послѣ испрошу разрѣшеніе у ксёндза-епископа и какъ онъ ни будь суровъ, не откажетъ мнѣ въ этомъ... Ручаюсь, что не откажетъ.

Ксёндзъ Вышонекъ былъ человѣкъ добрый и мягкій. Онъ сказалъ:

— Слово супруги помазанника Божія—великое слово. Я боюсь ксёндза-епископа, но ваше слово—великое слово!... Можетъ быть молодой рыцарь обѣщаетъ что - нибудь въ Плоцкій соборъ... Не знаю... Во всякомъ случаѣ, пока не придетъ разрѣшеніе, останется грѣхъ, и ничей, какъ мой... Гм... Правда, Господь Іисусъ милосердъ, и если кто согрѣшитъ не изъ-за собственной выгоды, а изъ-за состраданія къ людскому горю, тому легко отпускаетъ вину. Но грѣхъ будетъ и вдругъ епископъ упрется, кто мнѣ дастъ разрѣшеніе?

— Епископъ не упрется!—воскликнула княгиня Анна.

А Збышко сказалъ:

— Со мной есть человѣкъ, Зандерусъ... У него готовыя разрѣшенія на все.

Можетъ быть ксёндзъ Вышонекъ и не совсѣмъ вѣрилъ въ разрѣшенія Зандеруса, но съ радостью ухватился даже и за эту тѣнь вѣроятности, чтобы придти на помощь Збышку и Данусѣ. Дѣвочку онъ зналъ съ малыхъ лѣтъ и очень любилъ. Наконецъ, онъ сообразилъ, что, въ крайнемъ случаѣ, его можетъ ожидать только церковное покаяніе, поэтому обратился къ княгинѣ и сказалъ:

— Я священникъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и слуга князя. Что же вы мнѣ повелите, милостивая госпожа?

— Я не хочу приказывать, я буду просить,—отвѣтила княгиня.—Но если у Зандеруса есть разрѣшенія...

— У него-то есть, но дѣло идетъ о епископѣ. Строго ужъ онъ очень судитъ въ Плоцкомъ синодѣ со своими канониками.

— Епископа вы не бойтесь. Какъ я слышала, онъ запретилъ священникамъ носить мечъ, стрѣлять изъ лука, но дѣлать добро не воспрещалъ.

Ксёндзъ Вышонекъ поднялъ кверху руки и очи.

— Тогда пусть будетъ по вашей волѣ!

Радость охватила всѣхъ присутствующихъ. Збышко снова приподнялся на изголовьѣ, а княгиня, Дануся и отецъ Вышонекъ сѣли вокругъ его ложа и начали совѣщаться, какъ нужно устроить дѣло. Рѣшено было сохранять тайну такъ, чтобы въ домѣ никто не зналъ объ этомъ; Юрандъ также ничего не узнаетъ, пока княгиня не сообщитъ ему обо всемъ въ Цехановѣ. За то ксёндзъ Вышонекъ долженъ былъ тотчасъ же написать отъ имени княгини письмо къ Юранду, чтобы онъ тотчасъ же пріѣзжалъ въ Цехановъ, гдѣ найдутся лучшія средства отъ его болѣзни, и гдѣ онъ не такъ будетъ скучать отъ одиночества. Кончилось на томъ, что Збышко и Дануся должны приступить къ исповѣди, а бракъ совершится ночью, когда всѣ уже лягутъ спать.

Збышку пришло въ голову пригласить свидѣтелемъ его брака чеха, но онъ тотчасъ же отказался отъ этого намѣренія, вспомнивъ, что чехъ былъ ему подаренъ Ягенкой. Съ минуту она стояла передъ его глазами, какъ живая; ему казалось, что онъ видитъ ея румяное лицо, ея заплаканные глаза, слышитъ ея умоляющій голосъ: «не дѣлай этого, не плати мнѣ зломъ за добро, не дѣлай меня несчастной за мою любовь!» И вдругъ его охватила непреоборимая жалость къ ней; онъ понималъ, что для нея совершится великая обида, послѣ которой она не найдетъ утѣшенія ни подъ родной кровлей, ни въ глубинѣ бора, ни въ полѣ, ни въ подаркахъ аббата, ни въ ухаживаніи Чтана и Вилька. Тогда онъ сказалъ ей въ глубинѣ души: «да пошлетъ тебѣ Богъ всего лучшаго, но я, еслибъ и могъ преклонить предъ тобою небо, то ни въ чемъ помочь тебѣ не могу». И, дѣйствительно, убѣжденіе, что это было не въ его силахъ, тотчасъ же принесло ему успокоеніе, такъ что онъ получилъ возможность думать только о Данусѣ и своей свадьбѣ.

Тѣмъ не менѣе Збышко не могъ обойтись безъ помощи чеха и, рѣшивъ хранить отъ него тайну, призвалъ къ себѣ и сказалъ:

— Сегодня я приступаю къ исповѣди и святому причастію. Одѣнь меня получше, какъ будто я собирался идти въ королевскіе покои.

Чехъ немного испугался и началъ смотрѣть ему прямо въ лицо. Збышко понялъ это и сказалъ:

— Не бойся, исповѣдаются не передъ одной только смертью. Подходятъ праздники, княгиня и отецъ Вышонекъ уѣзжаютъ въ Цехановъ, а самый ближній ксёндзъ живетъ въ Праснышѣ.

— А ваша милость не поѣдете?—спросилъ оруженосецъ.

— Если выздоровлю, то поѣду, но это въ рукахъ Божіихъ.

Чехъ успокоился, побѣжалъ рыться въ коробахъ и принесъ добытую съ бою бѣлую, расшитую золотомъ одежду, въ которую молодой рыцарь обыкновенно наряжался въ торжественныхъ случаяхъ, а также и коврикъ, чтобы покрыть его ложе. Потомъ чехъ, при помощи двухъ турокъ, обмылъ Збышка, расчесалъ его длинные волосы, связалъ ихъ красною лентой, наконецъ, опустилъ его на подушки и, радуясь дѣлу своихъ рукъ, сказалъ:

— Еслибы ваша милость могли плясать, то хоть бы и къ свадьбѣ приступить!

— Можно обойтись и безъ пляски! — съ улыбкой отвѣтилъ Збышко.

Тѣмъ временемъ княгиня въ своей комнатѣ думала о томъ, какъ бы ей нарядить Данусю. Для ея женской натуры это представлялось дѣломъ весьма значительнымъ и она ни за что не могла дозволить, чтобъ ея любимая воспитанница стала подъ вѣнецъ въ будничной одеждѣ. Прислужницы, которымъ княгиня внушила, что дѣвочка, идущая на исповѣдь, должна быть облечена въ цвѣтъ невинности, легко отыскали въ сундукѣ бѣлое платье, но съ вѣнкомъ на голову была сущая бѣда. При мысли о немъ, на княгиню напала такая грусть, что она начала жаловаться.

— Сиротка милая, гдѣ я найду тебѣ вѣнчальный вѣнокъ въ этомъ лѣсу?—говорила княгиня.—Ни цвѣточка здѣсь никакого, ни листка, только одинъ мохъ, что зеленѣетъ подъ снѣгомъ.

Дануся, стоя съ распущенными волосами, тоже опечалилась. И ей хотѣлось надѣть вѣнокъ. Но на стѣнахъ висѣли гирлянды изъ безсмертниковъ. Она указала на нихъ и проговорила:

— Можно сплести и изъ нихъ, другаго мы ничего не найдемъ, а Збышко возьметъ меня и въ такомъ вѣнкѣ.

Княгиня сначала не хотѣла было согласиться на это, опасаясь дурного предвѣстія, но въ охотничьемъ домѣ, куда пріѣзжаютъ только на короткое время, не было никакихъ цвѣтовъ и потому

нужно было ограничиться безсмертниками. Тѣмъ временемъ пришелъ отецъ Вышонекъ, который уже исповѣдалъ Збышка и повелъ исповѣдать дѣвочку. Наступила глухая ночь. По приказанію княгини, прислуга послѣ ужина пошла спать, посланцы Юранда улеглись, кто въ людской, кто въ конюшнѣ, возлѣ лошадей. Вскорѣ лучины въ служебныхъ помѣщеніяхъ покрылись пепломъ и угасли,— въ охотничьемъ домикѣ все затихло, и только собаки отъ времени до времени лаяли, зачуявъ волка, подкрадывающагося со стороны лѣса.

Но у княгини, у отца Вышонка и у Збышка окна не переставали свѣтиться и отбрасывать красные отблески на снѣгъ, покрывающій дворъ. Всѣ ждали, въ глубокой тишинѣ, прислушиваясь къ біенію своихъ сердецъ, встревоженные и проникнутые торжественностью минуты, которая скоро должна была наступить. Послѣ полуночи княгиня взяла за руку Данусю и повела въ комнату Збышка, гдѣ ксёндзъ Вышонекъ ждалъ ихъ съ причастіемъ. Въ комнатѣ горѣлъ яркій огонь и при его сильномъ, хотя и неровномъ свѣтѣ Збышко увидалъ Данусю, блѣдную отъ безсонницы, съ вѣнкомъ изъ безсмертниковъ на головѣ, одѣтую въ тяжелую одежду, спускающуюся до земли. Отъ волненія она сомкнула свои рѣсницы, ручонки опустила вдоль платья и такъ напоминала какой-то рисунокъ на церковномъ окнѣ, что Збышко при видѣ нея пришелъ въ изумленіе. Ему показалось, что онъ долженъ сочетаться бракомъ не съ земнымъ, а съ какимъ-то небеснымъ существомъ. Еще болѣе онъ утвердился въ этой мысли, когда она, сложивъ руки, преклонила колѣна, чтобы принять причастіе, и, закинувъ назадъ голову, совсѣмъ закрыла глаза. Тогда ему показалось, что она умерла и страхъ схватилъ его за сердце. Но продолжалось это не долго,—услыхавъ слова ксёндза: «*Ecce Agnus Dei*», Збышко сосредоточился въ духѣ, и мысли его воспарили къ Богу. Въ комнатѣ теперь слышался лишь торжественный голосъ ксёндза Вышонка: «*Domine non sum dignus*», трескъ дровъ въ каминѣ, да громкое и вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то жалобное стрекотанье сверчка, забившагося въ щель. За окнами поднялся было вѣтеръ, прошумѣлъ въ засыпанномъ снѣгомъ лѣсу, то тотчасъ же стихъ.

Збышко и Дануся съ минуту оставались въ молчаніи, а ксёндзъ Вышонекъ взялъ сосудъ и отнесъ его въ дворцовую часовню. Вскорѣ онъ возвратился, но не одинъ, а съ господиномъ де-Лоршемъ и, замѣтивъ всеобщее удивленіе, приложилъ палецъ къ губамъ и сказалъ:

— Я рѣшилъ, что лучше, если при бракосочетаніи будутъ

два свидѣтеля, и еще заранѣе предупредилъ этого рыцаря, который поклялся мнѣ своею честью и ахенскими реликвіями, что сохранитъ тайну, пока это будетъ нужно.

Господинъ де-Лоршъ сначала преклонилъ колѣна передъ княгиней, потомъ передъ Данусей, наконецъ поднялся на ноги. Одѣтый въ парадный панцырь, по сгибамъ котораго ползали красноватые отблески огня, длинный, неподвижный, погруженный въ восторгъ, онъ не спускалъ глазъ съ бѣлой дѣвочки, украшенной вѣнкомъ изъ безсмертниковъ, и она казалась ему какимъ-то ангеломъ, котораго онъ видѣлъ когда-то на стеклѣ готическаго храма.

Но ксёндзъ уже поставилъ ее у одра Збышка и, прикрывъ имъ руки епитрахилью, началъ обрядъ вѣнчанія. По доброму лицу княгини одна слеза сплывала вслѣдъ за другою, но въ душѣ она теперь уже не чувствовала тревоги и думала, что дѣлаетъ хорошо, соединяя этихъ прелестныхъ и невинныхъ дѣтей.

Господинъ де-Лоршъ во второй разъ преклонилъ колѣна, и, опершись обѣими руками на рукоять меча, казался совершеннымъ олицетвореніемъ рыцаря, объятаго какимъ-то чудеснымъ видѣніемъ,—а Збышко и Дануся поочередно повторяли слова ксёндза: «Я... беру... тебя»,—а этимъ тихимъ и сладкимъ словамъ непрестанно вторило стрекотанье сверчка въ щели камина, да потрескиванье огня. Послѣ конца обряда Дануся упала къ ногамъ княгини, которая благословила ее и Збышка, и, поручая ихъ покровительству небесныхъ силъ, сказала:

— Теперь радуйтесь, она твоя, а ты ея.

Збышко протянулъ свою здоровую руку, Дануся обхватила его за шею обѣими ручонками.

Но Збышко скоро ослабѣлъ,—волненіе исчерпало всю его силу,—опустился на подушки и началъ тяжело переводить дыханіе. Въ безпамятство онъ все-таки не впалъ и не переставалъ улыбаться Данусѣ, которая отирала холодный потъ съ его лица, и даже не переставалъ повторять: «Дануся, милая ты моя!» А она каждый разъ наклоняла къ нему свою «простоволосую» голову. Зрѣлище это до послѣдней крайности тронуло господина де-Лорша и онъ заявилъ, что ему ни въ какой странѣ не приходилось видѣть столь нѣжно-любящихъ сердецъ, вслѣдствіе чего онъ торжественно даетъ слово, что готовъ вступать въ единоборство со всякимъ рыцаремъ, чернокнижникомъ или дракономъ, который осмѣлился бы ставить преграды ихъ счастію. И дѣйствительно, онъ подтвердилъ это заявленіе клятвой, данной на крестообразной рукояти—«мизерикордіи», небольшого меча, которымъ рыцари

добивали раненыхъ. Княгиня и отецъ Вышонекъ были призваны въ свидѣтели этой клятвы.

Княгиня не понимала свадьбы безъ веселья и принесла вина. Часы ночи протекали одинъ за другимъ. Збышко, преодолѣвъ слабость, вновь привлекъ къ себѣ Данусю и сказалъ:

— Коль скоро Господь Іисусъ отдалъ тебя мнѣ, никто тебя у меня не отниметъ, но мнѣ жалко, что ты уѣзжаешь, ягодка ты моя милая.

— Мы съ тятей пріѣдемъ въ Цехановъ,—отвѣтила Дануся.

— Какъ бы на тебя какая-нибудь хворь не напала или еще что... Сохрани тебя Богъ отъ всякой опасности... Необходимо ѣхать въ Цехановъ,—знаю! Великаго Бога, да милостивую княгиню нужно благодарить за то, что ты моя. Бракъ—такое дѣло, что никакая человѣческая сила его не разрушитъ.

Но такъ какъ бракъ этотъ совершался среди ночи и таинственности, а вслѣдъ за нимъ должна была наступить и разлука, то отъ времени до времени какая-то странная грусть охватывала не только Збышка, но и всѣхъ остальныхъ. Разговоръ обрывался то и дѣло. Огонь въ каминѣ отъ времени до времени также угасалъ и тогда все погружалось во мракъ. Ксёндзъ Вышонекъ подбрасывалъ на догорающіе уголья новыя полѣна, а когда раздавался жалобный писк, —что часто случается съ сырыми дровами,—спрашивалъ:

— Чего ты хочешь, страждущая душа?

Отвѣчали ему только сверчки, а потомъ усиливающійся огонь, который опять извлекалъ изъ мрака лица присутствующихъ, отражался на панцырѣ господина де-Лорша и, вмѣстѣ съ тѣмъ, озарялъ бѣлое платьице и безсмертники на головѣ Дануси.

На дворѣ собаки снова залаяли по направленію къ лѣсу такъ, какъ онѣ лаютъ, почуявъ волка.

И, по мѣрѣ того, какъ протекали часы ночи, перерывы между разговорами становились все длиннѣй и длиннѣй, наконецъ княгиня сказала:

— Іисусе сладчайшій! такъ ли должно быть послѣ свадьбы? Лучше бы идти спать. Но такъ какъ намъ нужно сидѣть до утра, то сыграй намъ что-нибудь на лютнѣ, цвѣтикъ мой милый, въ послѣдній разъ передъ отъѣздомъ,—мнѣ и Збышку.

Данусѣ хотѣлось спать, она чувствовала себя утомленною, но обрадовалась возможности чѣмъ-нибудь подбодрить себя, побѣжала за лютней и, возвратившись, сѣла возлѣ Збышка.

— Что мнѣ играть?—спросила она.

— Что? — повторила княгиня. — Что же, какъ не ту пѣсню,

которую ты пѣла въ Тыньцѣ, когда Збышко увидалъ тебя въ первый разъ.

— О, я помню и до смерти не забуду, — сказалъ Збышко.— Какъ бывало услышишь гдѣ эту пѣсню, такъ слезы изъ глазъ и потекутъ.

— Тогда я и запою ее!—сказала Дануся.

Она провела рукою по струнамъ лютни, потомъ, по-своему обычаю, подняла голову кверху и запѣла:

«Еслибъ далъ мнѣ крылья
Богъ, какъ вольной птицѣ,
Я бы полетѣла
Къ Ясю на чужбину.

На плетнѣ усѣвшись,
Я бы щебетала:
Посмотри, Ясенько,
На меня сиротку!...»

Вдругъ ея голосъ оборвался, губы задрожали, а изъ-подъ сомкнутыхъ рѣсницъ вырвались тщетно сдерживаемыя слезы. Дануся старалась удержать ихъ, но не могла и въ концѣ расплакалась всласть, точь въ точь какъ тогда, когда пѣла Збышку эту пѣсню въ послѣдній разъ въ краковской тюрьмѣ.

— Дануся, что съ тобой, Дануся?—допытывался Збышко.

— Что ты плачешь? Какая же это свадьба! — воскликнула княгиня. —Чего?

— Не знаю,—рыдая отвѣтила Дануся.—такъ-то мнѣ грустно, такъ-то мнѣ жалко... васъ и Збышка...

Всѣ встревожились и ну утѣшать ее, ну объяснять ей, что отъѣзжаетъ она не надолго, что, навѣрное, еще на праздникахъ всѣ, съ Юрандомъ вмѣстѣ, съѣдутся въ Цехановѣ. Збышко снова обнялъ ее рукою, прижалъ къ груди, отеръ своими поцѣлуями слезы съ ея глазъ, но тягостное чувство осталось въ сердцѣ у каждаго и этимъ тягостнымъ чувствомъ были преисполнены всѣ часы убѣгающей ночи.

Вдругъ на дворѣ послышался голосъ такой неожиданный и пронзительный, что всѣ вздрогнули. Княгиня вскочила со скамьи.

— Боже ты мой! Журавцы колодезные заскрипѣли! Лошадей на водопой повели.

Ксёндзъ Вышонекъ взглянулъ на окно, мелкіе переплеты котораго принимали сѣроватую окраску, и отозвался:

— Ночь блѣднѣетъ, начинается день. *Ave Maria, gratias plena...*

Потомъ онъ вышелъ изъ комнаты и, возвратившись немного погодя, сказалъ:

— Разсвѣтаетъ, хотя день будетъ пасмурный. Это люди Юранда поятъ коней. Бѣдняжка, тебѣ пора въ путь.

При этихъ словахъ княгиня и Дануся ударились въ плачъ и вмѣстѣ со Збышкомъ начали голосить такъ, какъ голосятъ простые люди, когда имъ приходится разставаться. Въ этой голосьбѣ чувствовалось и то, что требуетъ обычай, и слышалась пѣсня, которая вытекаетъ изъ простыхъ душъ такимъ же естественнымъ путемъ, какъ слезы льются изъ глазъ.

«Эхъ, ни въ чемъ-то мои слезы не помогутъ,
Намъ пора съ тобой проститься дорогая...
Прощай!»

Збышко еще разъ прижалъ Данусю къ груди и держалъ ее до тѣхъ поръ, пока у него хватило дыханія и пока княгиня не приказала оторвать ее отъ него, чтобы снарядить въ дорогу.

Теперь ужъ совсѣмъ разсвѣло. Въ домѣ всѣ проснулись, началась обычная суетня. Къ Збышку пришелъ чехъ освѣдомиться о здоровьѣ и узнать, не будетъ ли какихъ приказаній.

— Придвинь меня къ окну,—сказалъ рыцарь.

Чехъ безъ труда придвинулъ ложе къ окну, но удивился, когда Збышко приказалъ отворить его. Дѣлать нечего, приходилось послушаться. Чехъ прикрылъ только господина своимъ полушубкомъ, потому что день стоялъ хотя пасмурный, но холодный. Шелъ мягкій и обильный снѣгъ.

Збышко посмотрѣлъ въ окно. На дворѣ, сквозь крутящіяся снѣжинки, виднѣлись сани, вокругъ нихъ—люди Юранда на взъерошенныхъ и дымящихся лошадяхъ. Всѣ были вооружены,—у нѣкоторыхъ на полушубкахъ были даже панцыри, въ которыхъ отражался блѣдный и угрюмый свѣтъ зимняго дня. Лѣса совсѣмъ не было видно, даже плетень и тотъ еле маячилъ изъ-за сѣтки снѣга.

Дануся еще разъ прибѣжала въ комнату Збышка, вся закутанная въ полушубочекъ и лисью шубу, еще разъ обняла его и еще разъ сказала ему на прощанье:

— Хоть я и уѣзжаю, но я твоя.

Онъ цѣловалъ ея руки, щеки и глаза, которые едва выглядывали изъ-за лисьяго мѣха, и говорилъ:

— Да хранитъ тебя Богъ! Ты моя, моя до смерти!

А когда ее снова оторвали отъ него, онъ поднялся, насколько могъ, припалъ головой къ окну и смотрѣлъ. Сквозь снѣговую сѣтку, какъ сквозь какую-нибудь занавѣску онъ видѣлъ, какъ Дануся садилась въ сани, какъ княгиня долго держала ее въ своихъ объятіяхъ, какъ ксёндзъ Вышонекъ осѣнилъ ее на дорогу крестнымъ знаменіемъ. Дануся еще разъ передъ самымъ отъѣздомъ обернулась и протянула къ нему руки:

— Оставайся съ Богомъ, Збышко!

— Богъ дастъ, увидимся въ Цехановѣ...

Снѣгъ падалъ такъ обильно, какъ будто хотѣлъ все заглушить, все прикрыть, и послѣднія слова, какими обмѣнялись Збышко и Дануся, дошли до нихъ такими заглушенными, что казалось, будто они окликаютъ другъ друга, но уже издалека.

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ вопросу о положеніи учащихъ въ народной школѣ *).

О положеніи учащихъ въ народныхъ школахъ Новгородской губерніи.

Получено 110 отвѣтовъ (50 изъ Новгородскаго, 16 изъ Бѣлозерскаго, 11 изъ Валдайскаго, 15 изъ Тихвинскаго и 18 изъ неизвѣстныхъ уѣздовъ). Изъ 108 школъ, приславшихъ отвѣты.—

Школъ земскихъ—94, казенныхъ (министерскихъ)—5, лютеранскихъ—1, эстонская начальная—1, латышская начальная—1, частная 3-го разряда—1. О пяти школахъ въ этомъ отношеніи нѣтъ свѣдѣній.

Въ этихъ школахъ:

Учителей.	92
Учительницъ	19
Помощницъ.	1
	112

Изъ 112 учащихъ православнаго вѣроисповѣданія — 108, лютеранскаго—4.

Семейное положеніе:

Учителей холостыхъ.	44
» женатыхъ	46
» вдовыхъ.	1
Объ одномъ свѣдѣній не имѣется.	
Учительницъ дѣвицъ.	17
» замужнихъ	2
Помощницъ замужнихъ.	1

Сословія.

Крестьянскаго: Учителей—61, учительницъ—0, помощницъ—1.
Мѣщанскаго: Учителей—7, учительницъ—4.
Купеческаго: Учительницъ—1.

*) Работы коммиссіи московскаго общества грамотности.

Духовнаго: Учителей—14, учительницъ—12.
Чиновнич.: Учителей—1, учительницъ—1.
Дворянскаю: Учителей—2, учительницъ—0.
Дѣтей нижнихъ воинскихъ чиновъ: Учителей—3, учительницъ—1.
Дѣтей учителей: Учителей—1, учительницъ—0.
Воспитанниковъ воспитательнаго дома: Учителей—1, учительницъ—0.
О двухъ учителяхъ нѣтъ свѣдѣній.

Возрастъ.

Средній возрастъ учителей — 28 л. 8 м.: младшему—19 л., старшему—48 лѣтъ.

Въ возрастѣ отъ 19 до 30 л. . . 57 ч.
» » » 30 » 40 » . . 27 »
» » » 40 » 48 » . . 7 »

Объ одномъ свѣдѣній не имѣется.

Средній возрастъ учительницъ—25 л. 6 м.

Въ возрастѣ отъ 18 до 30 л. . . 13 ч.
» » » 30 » 37 » . . 6 »

Старшей—37 л., младшей—18 л., помощницѣ—24 года.

Средняя продолжительность педагогической дѣятельности 8 л. 3 мѣсяца. Наименьшій срокъ службы—1 годъ, наибольшій—28 лѣтъ.

Образовательный цензъ учащихъ:

	Учительская семинарія.	Учительская школа.	Духовное училище.	Уѣздное училище.	Духовная семинарія.	Гимназія.	Прогимназія.	Державинск. званское уч.	Тесовское 2-хъ клас. уч.	Женск. епархіальное уч.	Домашнее образованіе.
Учителя. . .	56	25	3	3	3	1	—	—	—	—	1
Учительницы.	—	1	—	—	—	3	5	3	1	6	—
Помощницы. .	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—

Жалованье учащимъ.

Среднее:

Учителямъ . . . . 225 р. 32 к.
Учительницамъ . . 221 » 95 »
Помощницѣ. . . . 90 » — »

Въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ—13 учителей получаютъ 200 р., 2 учителя—220 р., 1 учитель—300 р.

Въ Валдайскомъ уѣздѣ—6 учителей получаютъ—240 р., 2 учителя—300 р., 1 учитель—180 р.; 2 учительницы—240 р.

Въ неизвѣстныхъ уѣздахъ—7 учителей—200 р., 1 уч.—220 р., 2 уч.—240 р., 1 уч.—300; 2 учительницы—200 р., 3—240 р., 1—265.

Въ Тихвинскомъ уѣздѣ—9 учителей получаютъ—240 р., 1 учитель—300 р.; 5 учительницъ—240 р.

Въ Новгородскомъ уѣздѣ—17 учителей получаютъ—200 руб., 1 учитель—220 р., 1 уч.—225 р., 13 уч.—240 р., 1 уч.—210 р., 1 учитель—

245 р., 1 уч.—247 р., 1 уч.—260 р., 1 уч.—280 р., 1 уч.—300 руб.; 1 учительница—133 р., 5 учительницъ—200 р.

На педагогическихъ курсахъ было всего 41 ч. учащихъ. Полезными признаютъ ихъ почти всѣ. Только одинъ учитель въ нихъ пользы не находитъ. Прочіе замѣчаютъ, что эти курсы «придаютъ бодрость», «даютъ новыя силы для продолженія дѣятельности», «сближаютъ товарищей учителей», «знакомятъ съ новыми пріемами преподаванія». Въ одномъ отвѣтѣ мы находимъ замѣчаніе, что польза педагогическихъ курсовъ очевидна на успѣхахъ учащихся».

Большинство не посѣщавшихъ курсы очень стремятся побывать на нихъ.

На педагогическихъ курсахъ было 9 учащихъ по одному разу, 4—по 2 и 1—3 раза.

Отзывы о съѣздахъ всѣ благопріятны.

На курсахъ садоводства и огородничества было 27 ч. Къ сожалѣнію, далеко не у всѣхъ есть въ распоряженіи клочокъ земли, на которомъ можно было бы примѣнить пріобрѣтенныя знанія. На курсахъ пчеловодства было 5 человѣкъ. На курсахъ пѣнія—4 ч. 44 человѣка учащихъ состоятъ членами «общества взаимопомощи учащимъ и учившимъ въ Новгородской губ.» съ ежегоднымъ взносомъ въ 3 р.; 3 состоятъ членами общества потребителей (другихъ свѣдѣній объ этомъ обществѣ не имѣется); 1—чл. «братства св. Тихона» (взносъ 1 р.); 2—чл. ссудо-сберегательнаго т-ва (нѣтъ подробностей); 1—членъ «повѣрочной коммиссіи при Кренковско-Колбецкомъ ссудо-сберег. т-вѣ»; 1—состоитъ членомъ «общ. взаимопомощи» (о немъ говорилось выше) и членомъ «наблюдательнаго совѣта «общ. потребителей». Библіотекъ въ 108 школахъ показано—37. Составъ ихъ крайне разнообразный. Спеціально учительскихъ библіотекъ нѣтъ. Количество книгъ (названія и томы въ отвѣтахъ не различаются) колеблется между 6—282. 0 многихъ библіотекахъ свѣдѣнія очень неполныя: не упоминается количество книгъ и даже составъ библіотекъ. Въ одной только библіотекѣ Бѣлозерскаго уѣзда 1,000 книгъ (50 педагогическихъ, 250 дух.-нравств., 600 беллетр., 100 историческихъ и проч.).

Бѣлозерское земство выписываетъ для одной школы *Пчеловодство*. Прочія земства ни книгъ, ни журналовъ для школъ не выписываютъ. Министерское 1 классное училище «выписываетъ *Русскій народный учитель* и *Родникъ*, министерскія двухклассныя выписываютъ: одно—*Родникъ*, *Воскресенье* и *Русская Школа*, другое—*Плодоводство* и *Родникъ*. Частное училище получаетъ *Плодоводство*. Сами учителя получаютъ: *Сынъ Отечества* (5 ч.), *Русскій начальный учитель* (3 ч.), *Свѣтъ* (3 ч.), *Вятская газета* (1 ч.), *Русь* (2 ч.), *Душеполезный Собесѣдникъ* (1 ч.), *Нива* (1 ч.), *Задушевное Слово* (1 ч.), *Земля* (1 ч.), *Живописное Обозрѣніе* (1 ч.), *Родина* (1 ч.), *Сельскій Вѣстникъ* (1 ч.), *Петербургскій Листокъ* (1 ч.). 49 ч. учащихъ удѣляютъ часть жалованья на книги и журналы. Количество такихъ затратъ простирается отъ 1 р. до 28 руб.

Тѣмъ не менѣе въ книгахъ нуждаются почти всѣ (около 85%). Многіе желали бы имѣть общеобразовательныя книги, нѣкоторые—беллетристическія, 3-мъ учителямъ нужны книги для народныхъ чтеній. Большинство тратятъ на книги и журналы 3—6 рублей, нѣкоторые до 20 р., 3 учителя тратятъ до 25 р., 1—28 р.

Общее число учащихъ въ школахъ, приславшихъ отвѣты—4,898. На школу съ однимъ учащимъ приходится въ среднемъ 43 ученика, на школу съ двумя учащими—111 уч.

Число учебныхъ дней въ году—отъ 130 до 296 *). Чаще всего упоминаются 170—180 учебныхъ дней. Внѣклассныя занятія ведутся въ 68 школахъ. Въ 4-хъ преподаются садоводство и огородничество, въ 42-хъ пѣніе (въ 3-хъ изъ нихъ преподаютъ особые учителя), въ 3-хъ гимнастика, въ 14 гимнастика и пѣніе, въ 1-мъ рукодѣліе, въ 1-мъ гимнастика, пѣніе, садоводство, огородничество, пчеловодство; въ 2-хъ гимнастика, пѣніе, садоводство, огородничество; въ 1-мъ пѣніе и рукодѣліе, въ одномъ пѣніе, садоводство и огородничество. Вечернія занятія ведутся въ четырехъ школахъ, причемъ не указано, съ кѣмъ именно они ведутся. Воскресныя бесѣды ведутся тоже въ четырехъ школахъ; многіе учителя жалуются на недостатокъ книгъ для общественныхъ чтеній.

Чѣмъ опредѣляется жалованье въ Новгородской губерніи—опредѣлить невозможно. Въ Новгородскомъ уѣздѣ встрѣчаются подрядъ три цифры жалованья: 225 р., 280 р. и 210 р. Первый учитель служитъ восемь лѣтъ, второй 3 года, третій 11 лѣтъ. Въ министерскихъ и частныхъ школахъ жалованье гораздо выше; въ министерскомъ одноклассномъ—330 р. въ другомъ такомъ же—390 р. Въ двухъ министерскихъ двухклассныхъ учителя 1-го класса получаютъ 330 р., учителя 2-го кл.—360 и 390 руб., въ частномъ—390 р. Законоучитель лютеранской школы получаетъ 425 р. (отъ общества). Учителя Бѣлозерскаго уѣзда указываютъ на то, что съ 1895 года въ ихъ уѣздѣ учреждена эмеритура съ отчисленіемъ 5% изъ жалованья. Земство прибавляетъ 3%. На это указываютъ 3 учителя. О пенсіяхъ никто не упоминаетъ. Многіе жалуются на необезпеченность учителей въ матеріальномъ отношеніи. Изъ-за этого даже двѣнадцать человѣкъ стремятся перемѣнить родъ службы. «Пока есть силы,— говоритъ одинъ изъ нихъ,— работаешь. До тѣхъ поръ учителя содержатъ. А что же будетъ къ старости? Чѣмъ будешь жить? А семья растетъ. Приходится отказывать и себѣ и дѣтямъ даже въ необходимомъ». Сторонніе заработки есть только у немногихъ. Частные уроки имѣетъ одинъ (на 40 р. въ годъ). Одинъ зарабатываетъ до 20 р. переплетнымъ мастерствомъ. 1 получаетъ 70 рублей за уроки пѣнія. Одинъ получаетъ 144 р. за веденіе книгъ въ ссудо-сберегательномъ т-вѣ. Прочіе занимаются сельскимъ хозяйствомъ, или, какъ говорятъ нѣкоторые изъ нихъ, «крестьянствомъ» (безъ обозна-

*) *Бѣлозерскій уѣздъ*—156—190 д., *Валдайскій уѣздъ*—151—190 д., *Тихвинскій уѣздъ*—150—210 д., *Новгородскій уѣздъ*—130—220 д., *Прочихъ уѣздовъ*—140—225 д.

ченія цифры заработка). Найти стороннюю работу очень трудно; ищутъ многіе.

Около 60% учащихъ содержатъ семью (1—8 ч.). Кромѣ того, многіе помогаютъ роднымъ въ размѣрѣ отъ 10 до 100 р. Такую помощь оказываютъ 45 человѣкъ; многимъ приходится содержать родителей неспособныхъ къ труду, малолѣтнихъ сестеръ и братьевъ и т. д. Школьныя помѣщенія въ большинствѣ случаевъ неудобны: или холодны, хотя свѣтлы и просторны, или теплы, свѣтлы, но тѣсны. Попадаются даже такія, которыя не свѣтлы, не теплы и тѣсны.

Помѣщенія учителей также въ большинствѣ случаевъ тѣсны и холодны. Въ общемъ положеніе учителей въ Новгородской губ. характеризуется слѣдующимъ образомъ:

1. Недостаточность матеріальнаго обезпеченія. Многіе, какъ уже указано выше, при весьма ограниченномъ жалованьи имѣютъ большую семью. Пенсій не полагается никакихъ. Пособіями и наградами (въ размѣрѣ отъ 5 до 25 рублей) пользуются только 27 чел., причемъ размѣръ «наградъ и пособій зависитъ», очевидно, отъ случая: одинъ учитель получилъ за 17 лѣтъ службы 30 р., другой столько же за 3 года, третій 55 рублей за 7 лѣтъ.

2. Почти общая нужда въ книгахъ (преимущественно по образовательнымъ отдѣламъ). Добывать книги на сторонѣ очень трудно; выписывать самимъ—нѣтъ средствъ. Библіотеки существуютъ только: въ Тихвинскомъ и Валдайскомъ уѣздахъ. Библіотеки эти земскія. Въ первой за чтеніе книгъ взимается 3 рубля въ годъ, вторая—безплатная. Однако пользуются ими очень немногіе или вслѣдствіе отдаленности отъ мѣстонахожденія библіотеки, или по недостатку средствъ.

3. Плохая постановка хозяйственной части школы: многіе жалуются на недостаточность или совершенное отсутствіе школьныхъ библіотекъ и учебныхъ пособій.

4. Очень хорошія отношенія между учителями и сельскимъ населеніемъ. Только два учителя называютъ свои отношенія «неблагопріятными»: населеніе не симпатизируетъ школѣ, не оказываетъ ей никакой поддержки. Три учителя говорятъ, что ихъ отношенія «безразличны», «отсутствуютъ», «обыкновенныя». Прочіе указываютъ на «хорошія отношенія», «очень хорошія», «взаимно уважительныя», «самыя близкія» «вполнѣ дружественныя и довѣрчивыя», «хорошія»: населеніе увеличило окладъ учителя на 40 руб. Въ другомъ случаѣ крестьяне увеличили окладъ учительскаго жалованья на 27 рублей. Почти всѣ крестьяне стремятся отдавать дѣтей своихъ въ школу. Одна учительница говоритъ, что ея отношенія съ крестьянами «очень хорошія»: это доказывается тѣмъ, что крестьяне, несмотря на разныя противорѣчія священника, отдаютъ весьма охотно въ школу. У одного учителя отношенія нѣсколько странны: крестьяне относятся къ нему очень хорошо и симпатичны, но сельскія власти и міроѣды всѣми силами ему противодѣйствуютъ: «они измышляютъ всевозможные приговоры про-

тивъ учителя и заставляютъ сельское общество подписывать ихъ. Иначе на крестьянъ падетъ опала».

Несмотря на незавидное въ общемъ положеніе учителя, перемѣнить родъ дѣятельности желаютъ только 12 человѣкъ и то многіе изъ нихъ выставляютъ мотивомъ «разстроенное здоровье» или желаніе «доучиться въ какомъ-нибудь учебномъ заведеніи». На вопросъ, «стремитесь ли перемѣнить родъ службы?»—большинство категорически отвѣчаетъ «нѣтъ», а нѣкоторые отвѣчаютъ: «нѣтъ, потому что нигдѣ не буду болѣе полезенъ»,—«нѣтъ, не желаю: дѣло свое люблю, пока еще есть силы—не желаю».

О положеніи учащихъ въ народныхъ школахъ Орловской губерніи.

Получено 128 отвѣтовъ: изъ Елецкаго уѣзда—18, Дмитровскаго—9, Ливенскаго—13, Мценскаго—10, Малоархангельскаго—12, Трубчевскаго—27, Брянскаго—27 и изъ неизвѣстныхъ уѣздовъ—12.

Изъ 128 школъ, приславшихъ отвѣты: земскихъ—121, казенныхъ—1, волостныхъ—1, частныхъ—2; о 3 школахъ въ данномъ отношеніи нѣтъ свѣдѣній.

Во всѣхъ школахъ:

Учителей	73
Учительницъ	57
Помощниковъ	1
Помощницъ	4
	135

Семейное положеніе учащихъ:

Учителя: Холостыхъ—32, женатыхъ—38.

Учительницы: Дѣвицъ—52, замужнихъ—2, вдовъ—2.

Помощницы: Дѣвицъ—3.

Помощникъ—женатъ.

О 3 учителяхъ, 1 учительницѣ и 1 помощницѣ свѣдѣній въ этомъ отношеніи нѣтъ.

Сословія:

Крестьянскаго: Учителей—19, учительницъ—5.

Мѣщанскаго: Учителей—15, учительницъ—10, помощницъ—1, помощникъ—1.

Купеческаго: Учительницъ—3.

Духовнаго: Учителей—24, учительницъ—28, помощницъ—1.

Дворянскаго: Учителей—10, учительницъ—7, помощницъ—2

Почетн. гр.: Учителей—2.

Потомст. почетн. гр.: Учителей—1.

Чиновнич.: Учителей—2, учительницъ—2.

1 учительница—*дочь унт.-офицера.*
1 учительница—*дочь мастера.*

Возрастъ:

Средній возрастъ учителей—28 л. 3 м., младшему—19 л., старшему—69 л.

Въ возрастѣ отъ 19 до 30 л.	47 ч.
» » » 30 » 40 »	19 »
» » » 40 » 49 »	4 »

Одному—60 л. и одному—69 л.

Средній возрастъ учительницъ—25 л. 9 м., младшей—18 л., старшей—40 л.

Въ возрастѣ отъ 18 до 20 л.	11 ч.
» » » 20 » 30 »	33 »
» » » 30 » 40 »	13 »

Средній возрастъ помощницъ — 23 года 3 м., старшей — 26 л., младшей — 22 года.

Помощнику—32 года.

Возрастъ одного учителя не показанъ.

Средняя продолжительность педагогической дѣятельности—$7^1/_2$ л.

Наименьшее—1 годъ, наибольшее—32 года.

Одинъ учитель служитъ—42 года, другой—45 лѣтъ.

Жалованье учащимъ, по всѣхъ отвѣтамъ, среднее:

Учителямъ—240 р. 21 к.

По уѣздамъ:

Неизв. уѣздовъ	отъ 200 до 400 р.
Трубчевскаго уѣзда	» 240 » 300 »
Дмитровскаго »	» 168 » 240 »
Мценскаго »	» 165 » 240 »
Ливенскаго »	» 200 » 284 »
Елецкаго »	200 р.
Малоархангел. »	отъ 200 до 330 »
Брянскаго »	» 220 » 280 »

Жалованье учительницамъ, среднее, 218 р.

По уѣздамъ:

Неизв. уѣздовъ	отъ 180 до 300 р.
Трубчевскаго уѣзда	» 180 » 300 »
Мценскаго »	» 180 » 260 »
Ливенскаго »	» 200 » 430 »
Елецкаго »	» 175 » 460 »
Малоархангел. »	» 180 » 220 »
Брянскаго »	» 180 » 220 »

Жалованье помощницамъ отъ 100 до 150 р.

Среднее—122 р. 50 к.

Помощникъ получаетъ—180 р.

Образовательный цензъ учащихъ:

	Гимназія.	Частный пансіонъ.	Духовн. училище.	Уѣздное училище.	Духовная семинарія.	Прогимназія.	Учительская семинарія.	Домашнее воспитаніе.	Сельская школа.	Епархіальн. училище	Женскій институтъ.	Приход. училище.	Город. учил.
Учителя . .	5	—	9	5	8	2	34	2	—	—	—	—	6
Учительн. .	10	1	—	—	—	11	2	6	—	22	1	1	—
Помощницы .	—	—	—	—	—	2	—	—	—	1	—	—	—
Помощники .	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—

Одинъ учитель окончилъ духовное училище и учительскую семинарію.

3 учительницы окончили гимназію и высшіе курсы.

Объ одномъ учителѣ и одной помощницѣ въ этомъ отношеніи нѣтъ свѣдѣній.

На курсахъ садоводства и огородничества было 11 человѣкъ. Очень многіе желали бы посвящать занятіямъ на этихъ курсахъ лѣтнія каникулы. Пользу курсовъ признаютъ всѣ, хотя нѣкоторые прибавляютъ, что «крестьяне не даютъ земли для занятій огородничествомъ и садоводствомъ. Они полагаютъ, что для ихъ дѣтей это лишнее». Одинъ учитель, чтобъ имѣть хоть какую-нибудь практику, работаетъ на попечителя-помѣщика.

На педагогическихъ курсахъ былъ одинъ учитель.

Никто изъ давшихъ отвѣты учащихъ Орловской губ. не состоитъ членомъ какихъ-нибудь обществъ. На учительскихъ съѣздахъ были 5 учительницъ (одна 3 раза, одна 4 раза и три 2 раза) и 5 учителей (два 1 разъ, одинъ 2 раза, одинъ 3 раза и одинъ бываетъ ежегодно). Пользу этихъ съѣздовъ или признаютъ очевидной и очень значительной, или не высказываютъ своего мнѣнія, такъ какъ никогда не посѣщали ихъ.

Въ каникулярное время учащіе въ большинствѣ случаевъ занимаются частными уроками, хозяйствомъ и обученіемъ своихъ дѣтей. Почти всѣ выражаютъ желаніе заняться садомъ, огородомъ и ручнымъ трудомъ. Одинъ учитель говоритъ, что на лѣтнее время ему хотѣлось бы достать работу на вольномъ воздухѣ. Два другихъ хотятъ лѣтомъ работать въ губернскомъ правленіи. Значительная часть учащихъ проводитъ лѣтнее время у родныхъ—въ городахъ и деревняхъ.

На недостатокъ книгъ и журналовъ жалуются почти всѣ. Только одинъ учитель не нуждается въ книгахъ, такъ какъ ему предоставлена обширная библіотека, газеты и журналы сосѣдняго помѣщика.

Библіотекъ въ 128 школахъ Орловской губ. показано 12.

Въ Трубчевскомъ уѣздѣ—7, въ нихъ отъ 25 до 300 книгъ смѣшаннаго характера.

Въ Ливенскомъ—2, отъ 50 до 165 смѣшаннаго характера.

Въ Елецкомъ—2, отъ 72 до 100 педагогическихъ (больше различныхъ руководствъ и методикъ).

Въ Дмитровскомъ—1 (неизвѣстно какая), собрана «на крохи» учителя.

На счетъ земства газеты и журналы нигдѣ не выписываются. Въ одной школѣ на счетъ попечителя выписывается журналъ *Образованіе*.

Выписываютъ на свой счетъ книги и журналы 60 учителей. На это тратится отъ 3 до 20 р. въ годъ. Часто встрѣчаются траты въ 6—7 р. Многіе удѣляютъ изъ 200—300 рублеваго оклада жалованья 10—15 руб. на книги, газеты и журналы. Одинъ учитель получаетъ *Русскій Листокъ*, *Сынъ Отечества*, *Ниву* и *Губ. Вѣдомости*, 2 выписываютъ *Русскую Школу*, 1—*Школьное Обозрѣніе*, 5—*Родину*, 2—*Ниву*, 1—*Сынъ Отечества*, 2—*Недѣлю*, 1 тратитъ на *Новь* 14 руб., 1 получаетъ *Русское Богатство*, 1—*Сѣверъ*, 3—*Свѣтъ* и 1—*Вопросы Философіи и Психологіи*. Доставать книги на сторонѣ, по свидѣтельству учащихъ, крайне трудно. Рѣдко можно достать *Русскую Мысль*, *Русское Богатство* и нѣкоторыя газеты.

Въ школахъ, приславшихъ отвѣты, учащихся было всего 7,661 человѣкъ. Въ общемъ на каждаго учащаго приходится 57 человѣкъ учениковъ, на школы съ 2 учащими—отъ 78 до 141, съ 3 учащими—отъ 141 до 151.

Учебный годъ въ Орловской губ. продолжается обыкновенно съ сентября до мая. Самое меньшее количество учебныхъ дней 98, самое большее 250 (неизвѣстно: 250 безъ праздниковъ, или всего, съ начала до конца учебнаго года). Только въ 4 школахъ ведутся вечернія занятія, причемъ не указано, со взрослыми, или съ дѣтьми. Въ 23 школахъ преподается пѣніе (въ 2 изъ нихъ пѣнію учатъ особые учителя). Пѣніе и рукодѣліе преподаются въ 2 школахъ, пѣніе и гимнастика въ 4, садоводство и огородничество въ 7. Въ 5 школахъ ведутся вечернія бесѣды и воскресныя чтенія. Въ одной преподается гимнастика, пѣніе и садоводство. Въ другой—рукодѣліе, ремесла (обучаетъ мастеръ) и пѣніе. Чтенія съ туманными картинами бываютъ только въ одной школѣ. Въ одной школѣ учитель три года преподавалъ пѣніе. «Оно то прекращалось, то возникало вновь, смотря по тому, хотѣлъ или нѣтъ попечитель содержать хоръ и регента. Преподавать безвозмездно онъ не позволялъ». Чѣмъ опредѣляется жалованье въ Орловской губ.—опредѣлить невозможно. Въ общемъ, жалованье очень умѣренное, но нѣкоторыя учительницы получаютъ 400, 430, 460 руб. Раньше, какъ говорятъ учащіе, существовала періодическая прибавка жалованья, но съ 1894 г. она отмѣнена по приговору училищнаго совѣта. Пособія и награды получали 39 человѣкъ (отъ 1 до 5 разъ, отъ 10 до 60 р.). Чѣмъ опредѣляется размѣръ наградъ и пособій—неизвѣстно. 2 учителя говорятъ, что награды они получали «за хорошее, по отзыву инспектора, состояніе училища». Одинъ учитель говоритъ, «что раньше получалъ ежегодно по 30 р., а теперь эти получки прекратились неизвѣстно почему». Изъ 135 учащихъ роднымъ помогаютъ 80 человѣкъ. Большинство тратитъ на это отъ 10 до 80 руб., многіе отдаютъ роднымъ треть жалованья, 2 человѣка—половину. Учащимъ часто приходится содержать стариковъ-родителей, братьевъ, учащихся въ городѣ и т. д. Попадаются учителя, на полномъ иждивеніи которыхъ живутъ семьи отъ 1 до 7 человѣкъ.

Около трети школьныхъ помѣщеній вполнѣ удовлетворительны, многія сыры, холодны, тѣсны. Нѣкоторыя школы «ветхи, почти развалились». Квартиры учителей въ большинствѣ случаевъ удовлетворительны, хотя изрѣдка попадаются горькія жалобы на тѣсноту, холодъ и сырость. Такія квартиры крайне вредно вліяютъ на здоровье учащихъ. Есть квартиры въ 12—18 кв. арш., въ которыхъ живутъ семьи по 3—5 человѣкъ.

Почти всѣ учителя положеніе учителя признаютъ очень тяжелымъ. Нѣкоторые совсѣмъ не высказываются по этому вопросу, и только одна учительница признаетъ положеніе учащаго хорошимъ. Надо замѣтить, что она получаетъ 220 рублей, много помогаетъ родственникамъ, живетъ въ очень тѣсномъ помѣщеніи и не получаетъ никакихъ наградъ и пособій. Въ общемъ положеніе учителей опредѣляется ихъ отвѣтами такъ:

1) Слишкомъ ничтожное вознагражденіе, которое даетъ возможность жить только впроголодь, отказывая себѣ и семьѣ часто даже въ необходимомъ. Нѣтъ ни малѣйшей возможности улучшить свое положеніе въ матеріальномъ отношеніи. Сторонній заработокъ имѣютъ очень немногіе и заработокъ этотъ слишкомъ ничтоженъ.

2) Полное отсутствіе какихъ бы то ни было библіотекъ. Читать почти нечего. Въ книгахъ нуждаются почти всѣ, а средства позволяютъ выписывать ихъ весьма немногимъ. Одинъ учитель говоритъ, что «до сихъ поръ не имѣетъ возможности выписывать книги. Потребности семьи все растутъ... Что же будетъ дальше?» Достать книги на сторонѣ очень трудно.

Отношенія учащихъ съ мѣстнымъ населеніемъ надо въ общемъ признать вполнѣ удовлетворительными. Только шесть человѣкъ говорятъ, что отношенія къ нимъ крестьянъ нехороши: «Незавидныя, населеніе очень грубо», «на учителя смотрятъ какъ на постороннее лицо, на училище—какъ на ненужную роскошь», «плохія, къ училищу равнодушны. Объясняю это бѣдностью, у крестьянъ лишь по $^3/_4$ дес. на душу», и т. д. 8 человѣкъ находятся въ индифферентныхъ отношеніяхъ къ крестьянамъ: «отношенія оффиціальныя», «почти никакихъ», «только удовлетворительно». Въ остальныхъ школахъ отношенія «очень хорошія», «довѣріе и любовь», «самыя простыя и сердечныя», «очень близкія», «тѣсныя дружественныя», «населеніе вѣритъ и любитъ меня: наплывъ учащихся. Часто обращаются за совѣтомъ». Одинъ учитель говоритъ, что отношенія еще улучшились съ тѣхъ поръ, какъ онъ ввелъ пѣніе: крестьяне даже пожертвовали 10 р. на ноты. Другого особенно сблизили съ крестьянами духовно-нравственныя бесѣды. Третьяго особенно полюбили за пѣніе. Просятъ учить ихъ дѣтей, охотно слушаютъ хоръ и часто съ восторгомъ говорятъ: «поютъ, якъ ангели на небеси».

О положеніи учащихъ въ народныхъ школахъ Олонецкой губерніи.

Получено 73 отвѣта (15 изъ Олонецкаго уѣзда, 18 изъ Вытегорскаго, 17 изъ Повѣнецкаго, 13 изъ Каргопольскаго, 10 изъ Петрозаводскаго).

Жалованье учащимъ по этимъ отвѣтамъ среднее:
Учителямъ . . . . 309 р. 51 к. Учительницамъ . . . . 277 р. 03 к.

Въ Олонецкомъ уѣздѣ:
Учителямъ . . . . . 288 р. — (отъ 240 р. до 300 р.)
Учительницамъ . . . 302 » 80 к. (отъ 300 р. до 314 р.).

Въ Вытегорскомъ уѣздѣ:
Учителямъ . . . . . 294 р. 58 к. (отъ 240 р. до 355 р.)
Учительницамъ . . . 183 » 33 » (отъ 180 р. до 200 р.)
Помощницамъ. . . . 180 » (одна).

Въ Повѣнецкомъ уѣздѣ:
Учителямъ . . . . . 346 р. 30 к. (отъ 324 р. до 450 р.)
Учительницамъ . . . 312 » — » (отъ 264 р. до 360 р.).

Въ Каргопольскомъ уѣздѣ:
Учителямъ . . . . . 313 р. 07 к. (отъ 180 р. до 410 р.)

Въ Петрозаводскомъ уѣздѣ:
Учителямъ . . . . . 305 р. (отъ 300 р. до 330 р.)
Учительницамъ . . . 300 »

Образовательный цензъ учащихъ таковъ:

	Учительская семинарія.	Университет.	Техническ. училищ.	Гимназія.	Прогимназія.	Епархіальн. училище.	Институтъ.	Духовная семинарія.	Духовное училище.	Домашнее.	Уѣздное училище.
Учителя	42	—	—	1	—	—	—	9	—	—	2
Учительницы . . .	—	—	—	10	2	6	—	—	—	1	—

Въ Олонецкомъ уѣздѣ изъ 15 школъ, приславшихъ отвѣты при двѣнадцати существуютъ учительскія библіотеки, составомъ отъ 36 до 695 томовъ. Книги бо́льшею частью педагогическаго содержанія, также какъ и въ библіотекахъ другихъ уѣздовъ Олонецкой губ., исключеніе составляетъ библіотека въ 695 т. (515 книгъ—беллетристическихъ, 180—педагогическихъ), библіотекъ въ сто и болѣе томовъ—2, отъ 140 до 695 том. (земская мужская школа въ селѣ Печниковѣ). На свои средства выписываютъ книги и журналы (*Ниву*) 2 учительницы и 7 учителей (отъ 4 р. до 10 р. въ годъ). На учительскихъ съѣздахъ или на педагогическихъ собраніяхъ было учителей и учительницъ 9 человѣкъ.

Въ Вытегорскомъ уѣздѣ отмѣчено 11 учительскихъ библіотекъ составомъ отъ 10 до 233 томовъ. Библіотекъ въ сто и болѣе томовъ—2, отъ 128 до 233 томовъ (въ мужской земской школѣ, Андомскій погостъ). На свои средства выписываютъ книги и журналы 2 учительницы и 5 учителей (отъ 4 до 20 р. въ годъ). На учительскихъ съѣздахъ или на педагогическихъ было учителей и учительницъ—11 человѣкъ.

Въ Повѣнецкомъ уѣздѣ 15 учительскихъ библіотекъ отъ 22 экземпляровъ до 309 томовъ (мужская земская школа въ селѣ Даниловѣ). На свои

средства выписываютъ журналы и книги 1 учительница и 4 учителя (отъ 5 р. до 15 р. въ годъ). На учительскихъ съѣздахъ или педагогическихъ собраніяхъ было учителей и учительницъ 9 человѣкъ.

Въ Каргопольскомъ уѣздѣ изъ 13 школъ, приславшихъ отвѣты, при двѣнадцати находятся учительскія библіотеки составомъ отъ 36 экземпляровъ до 323 томовъ. Библіотекъ въ сто и болѣе томовъ 4, отъ 120 до 323 т. (въ мужской земской, министерской школѣ въ селѣ Луги). На свои средства выписываютъ журналы и книги 7 учителей (отъ 4 р. до 10 р. въ годъ). На учительскихъ съѣздахъ или на педагогическихъ собраніяхъ было учителей и учительницъ 6 человѣкъ.

Въ Петрозаводскомъ уѣздѣ изъ 10 школъ, приславшихъ отвѣты, при 9 находятся учительскія библіотеки отъ 26 томовъ до 63. На свои средства книгъ и журналовъ выписываютъ 4 учителя (отъ 1 р. 20 к. на *Сельскій Вѣстникъ* и до 10 р. въ годъ). На учительскихъ съѣздахъ или педагогическихъ собраніяхъ было учителей и учительницъ 6 человѣкъ.

Всѣ учителя и учительницы, бывшіе на учительскихъ съѣздахъ или на педагогическихъ собраніяхъ, признаютъ огромную пользу такихъ съѣздовъ и собраній.

Нѣкоторые учителя хотѣли бы научиться пчеловодству. Высказывается желаніе о надѣленіи школъ землею. Одинъ учитель въ Олонецкомъ уѣздѣ выражаетъ желаніе продолжать образованіе и проситъ о высылкѣ ему книгъ образовательнаго характера. Одинъ учитель въ Каргопольскомъ уѣздѣ желалъ бы заниматься статистикой.

Нужда въ книгахъ повсемѣстная. Общая большая жалоба на тяжелое матеріальное положеніе учителя, на его необезпеченность подъ старость, на шаткость его служебнаго положенія и на неаккуратное полученіе жалованья. Въ виду этого многіе учителя, несмотря на любовь и преданность къ своей дѣятельности, стремятся перемѣнить ее на какую-нибудь другую, болѣе выгодную. На вопросъ, по какой причинѣ предшественники ихъ оставили службу, отъ учителей, дававшихъ эти свѣдѣнія, получились отвѣты такого рода: 1) Умеръ, оставивъ жену и дѣтей на произволъ судьбы; 2) сдѣлался нездоровъ, почему ему отказали отъ службы и онъ поступилъ въ полицейскіе урядники (1 случай); 3) въ виду необезпеченной старости учителя, поступилъ въ священники; 4) въ дьяконы (учителей, переходящихъ въ духовное вѣдомство очень много); 5) перешелъ учителемъ въ городскую школу; 6) въ конторщики къ лѣсопромышленнику и т. д.

Отношенія съ населеніемъ почти у всѣхъ учителей дружескія. Крестьяне обращаются къ нимъ за совѣтомъ во время болѣзней и въ другихъ важныхъ случаяхъ жизни.

Графъ Камиллъ Кавуръ по его письмамъ и современнымъ запискамъ *).

III.

Первое министерство.

Мы подошли ко времени вступленія Кавура на политическое поприще въ качествѣ отвѣтственнаго дѣятеля. Сохранилась о томъ записка предсѣдателя кабинета къ англійскому посланнику въ Туринѣ: «Октября 1849 г. Мы собираемся предложить Кавуру портфель министерства земледѣлія, торговли и морского вѣдомства. Это еще секретъ. М. Азельо».

Поддаваясь не совсѣмъ охотно этому указанію своего кабинета, король Викторъ-Эммануилъ далъ однако же свое согласіе призвать Кавура, но изъявилъ удивленіе этому выбору, говоря: «развѣ не видятъ эти синьоры, что Кавуръ ихъ въ скоромъ времени отправитъ всѣхъ вверхъ тормашками **)?

Въ октябрѣ 1849 года въ *Risorgimento* значилось: «Сегодня утромъ графъ Кавуръ присягнулъ королю въ качествѣ министра земледѣлія и торговли», а въ слѣдующемъ номерѣ газеты было напечатано: «Призванный его величествомъ принять участіе въ кабинетѣ, нижеподписавшійся перестаетъ съ нынѣшняго дня участвовать въ редакціи газеты; разставаясь съ тѣми, съ кѣмъ онъ въ продолженіе трехъ лѣтъ работалъ на тяжеломъ поприщѣ журналиста, нижеподписавшійся чувствуетъ потребность публично заявить о чувствахъ уваженія, симпатіи и дружбы, которыми онъ былъ связанъ съ сотрудниками, и онъ надѣется, что чувства эти останутся навсегда неизмѣнными. Кавуръ». Въ бумагахъ позднѣйшаго времени мы находимъ отзывъ Кавура о школѣ, пройденной имъ на поприщѣ журналиста: «Публицистъ, имѣющій убѣжденіе, служащій принципу, предъявляя публикѣ свои взгляды, пріобрѣтаетъ навыкъ моментально рѣшать, какія положенія должны быть изложены и съ какими слѣдуетъ повременить.

*) *Русская Мысль*, кн. I, 98 г.

**) Gamba in aria, но на піэмонтскомъ нарѣчіи король выразился еще вольнѣй.

Онъ пріобрѣтаетъ тотъ тактъ, который такъ необходимъ въ обращеніи съ политическими вопросами. Это школа каждаго дня, и въ ней онъ постоянно развивается. Еслибъ я не сдѣлался журналистомъ, то не былъ бы и политикомъ. Никогда не забуду, сколькимъ я обязанъ своему участію въ *Risorgimento*».

Принимаясь за правительственную дѣятельность, Кавуръ сперва удалился на время изъ столицы, изъ круга обычныхъ лицъ и разговоровъ. Онъ посѣтилъ нѣсколько пунктовъ у подножія Альпъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ по мануфактурному или земледѣльческому промыслу, побывалъ на Лаго-Маджіоре, посѣтилъ философа аббата Розмини, видѣлся у него съ писателемъ Манзони и въ дневникахъ обоихъ осталось отмѣченнымъ это посѣщеніе; въ нихъ мы читаемъ, что Кавуръ во время оживленнаго разговора объ итальянскихъ дѣлахъ потиралъ себѣ руки, приговаривая: «кое-что сдѣлаемъ» и Розмини добавляетъ: «отъ этого человѣчка (questo omino) можно многаго ожидать».

Эта самоувѣренность еще не вступившаго въ должность министра не имѣетъ ничего общаго съ самонадѣянностью ограниченности, и въ одной изъ первыхъ рѣчей по возвращеніи Кавура въ Туринъ мы читаемъ: «Буду говорить откровенно..., хотя я изучалъ вопросъ, хотя я имѣю нѣкоторыя теоретическія свѣдѣнія объ администраціи, я сознаюсь, что не знаю ничего изъ ея практики, никогда не касался ея до сего времени. Я не стыжусь, что не знаю многихъ подробностей административнаго порядка, котораго до сего времени я былъ совершенно чуждъ..., есть вещи, синьоры, которыя познаются только навыкомъ, практикой, напримѣръ, необходимъ навыкъ для спеціальной системы счетоводства... Можетъ быть, многоуважаемые депутаты X и X полагаютъ, что возможно многое знать, не изучивъ предмета,—для себя я съ этимъ не могу согласиться; бывало, говорили les grands seigneurs savent tout sans rien apprendre *), но про себя скажу, что я, не изучивъ вопроса, никогда его не постигаю откровеніемъ свыше».

Приведемъ здѣсь письмо къ А. Коріо, относящееся ко времени этого министерства отъ октября 1850 года; оно свидѣтельствуетъ, что управленіе министерствомъ не давалось безъ труда Кавуру. «Я отстранился, какъ-то была моя обязанность, отъ всѣхъ своихъ частныхъ дѣлъ, за исключеніемъ Лери; Лери и тѣ, которые имъ завѣдуютъ, будутъ всегда мнѣ близки... Вѣрьте, что мысленно я слѣжу за вашей хозяйственной дѣятельностью».—Слѣдилъ Кавуръ за этою дѣятельностью внимательно, о чемъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся письма къ Коріо; въ нихъ иногда проскальзываютъ нѣсколько словъ о текущихъ вопросахъ политики, которая одна могла побѣдить въ Кавурѣ привязанность къ сельскому хозяйству. Предупреждая при вступленіи въ управленіе о своей малой опытности въ практикѣ администраціи, Кавуръ однако же говоритъ: «министерство обя-

*) Бары знаютъ все, не учась.

зано примѣнять либеральные замыслы и развить принципы, заложенные въ статутѣ; подвигаясь по пути реформъ, министерство обязано бороться открыто и энергично съ крайностями всѣхъ партій, особенно тѣхъ, которыхъ корни распространились за предѣлы государства подъ какими бы то ни было предлогами,—будь то предлогъ религіи или революціи».

Живость темперамента, остроуміе, просящееся на уста, часто побуждали Кавура отвѣчать въ палатѣ на запросы и затрогивать вопросы, не относящіеся прямо къ его служебнымъ обязанностямъ. Такъ, по поводу правительственнаго вмѣшательства въ дѣла духовныхъ семинарій Кавуръ говоритъ: «я полагаю, что правительство должно оставаться свободнымъ отъ преподаванія богословія, и что надзоръ за преподаваніемъ богословскихъ наукъ долженъ быть исключительно предоставленъ епископамъ. Обязанность епископовъ—блюсти богословіе; обязанность правительства—править. Пусть каждый, синьоры, остается въ своей сферѣ дѣятельности, пусть епископы завѣдуютъ каѳедрами богословскихъ наукъ, а свѣтская власть пусть вѣдаетъ каѳедры университетскія...

«Вполнѣ доказано, что нѣтъ лучшаго средства противъ клерикаловъ, какъ примѣненіе къ нимъ принциповъ вѣротерпимости и свободы, которые они отрицаютъ».

Въ концѣ этой рѣчи Кавуръ, сознавая, что вопросъ касался собственно министерства просвѣщенія, добавляетъ: «Я изложилъ принципъ, мой коллега, многоуважаемый министръ просвѣщенія, разсудитъ о приложимости его въ данномъ случаѣ. Я не уступлю по существу, но я, конечно, не лучшій судья умѣстности примѣненія принципа въ настоящую минуту, такъ какъ не имѣю данныхъ, по которымъ можно бы разрѣшить вопросъ о преподаваніи въ духовныхъ училищахъ, преподаваніи, которое къ тому же оплачивается казной государства... Я долженъ сознаться, что мой коллега былъ осмотрительнѣе меня, и что я виноватъ поспѣшностью своихъ заявленій, но что касается принципа, я не какъ министръ, а какъ частный человѣкъ, повторю передъ палатой то же самое и желаю, чтобы мое мнѣніе было всѣмъ ясно, такъ какъ я хочу быть понятымъ такимъ, каковъ я есмь».

Умъ Кавура обобщалъ многія явленія, казавшіяся обособленными для болѣе ограниченныхъ способностей, что иногда было причиной рѣзкости и нѣкоторой пренебрежительности его рѣчи; къ тому же онъ не воздерживался судить открыто и свободно о мнѣніяхъ и характерѣ людей, съ которыми приходилъ въ соприкосновеніе; отъ этого накапливались порой неудовольствія и обиды, которыя угнетали настроеніе кабинета; при всемъ томъ дальновидность Кавура, не менѣе его чувства общительности, побуждала его сближаться съ противниками, прощать обиды, предупреждать столкновенія.

Впрочемъ, вотъ что пишетъ о первой порѣ участія Кавура въ кабинетѣ предсѣдатель кабинета М. Азельо въ письмѣ къ англійскому послу въ Туринѣ: «Кавуръ въ самомъ дѣлѣ полезенъ, и въ палатѣ—намъ не доста-

вало борца, а у него есть и знаніе и задоръ; притомъ онъ вовсе не оправдываетъ молвы о немъ, что у него тяжелый характеръ: миръ и покой царятъ въ кабинетѣ».

Вернемся къ рѣчи о преподаваніи въ духовныхъ училищахъ и приведемъ изъ нея заключительныя слова: «Очень вѣроятно, что въ духовныхъ училищахъ, благодаря отсутствію контроля, проявятся нежелательныя явленія. Я не поручусь, сохрани меня Богъ, за преподаваніе во всѣхъ духовныхъ училищахъ; но гдѣ, синьоры, та свобода, которая никакихъ горькихъ плодовъ не приноситъ, которая доставляетъ одно добро, не принося никакого ущерба? Я такой не знаю. Если окажется, что преподаваніе духовенству не свойственно, пусть люди свѣдующіе и спеціалисты дѣла пишутъ объ этомъ трактаты, соотвѣтствующіе идеямъ прогресса и свободы... но, ради Бога, синьоры, воздержимся вступать на путь реформъ стѣсненіемъ свободы, воздержимся отрицать одно изъ большихъ, изъ важнѣйшихъ правъ свободы — лишь съ цѣлью предотвратить нѣкоторыя злоупотребленія».

Умѣстно здѣсь вспомнить, что слова Кавура, произнесенныя имъ въ послѣдніе дни его жизни—«свободная церковь въ свободномъ государствѣ», которыя теперь кажутся почти общимъ мѣстомъ, по крайней мѣрѣ человѣческой мысли, если еще не дѣйствительности, были въ 1861 году новы и впервые тогда сказаны, но тема ихъ уже видна на первыхъ порахъ министерской дѣятельности Кавура, въ рѣчи нами сейчасъ приведенной.

Вотъ еще нѣсколько выписокъ изъ рѣчей о свободной торговлѣ, вопросъ о которой, мы знаемъ, занималъ Кавура давно, какъ видно изъ его письма, помѣченнаго еще 1813 годомъ въ Лондонѣ и адресованнаго къ Навилю де Шатовье: «Я мало читалъ французскія газеты съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ Парижъ... Однако же съ большимъ удовольствіемъ увидалъ изъ нихъ, что принято уравненіе пошлинъ на сахаръ. Я надѣюсь, что это будетъ имѣть бо́льшее значеніе, чѣмъ того ожидаютъ. Какъ скоро рѣшаешься пожертвовать привилегированнымъ положеніемъ какого-либо промысла, тѣмъ самымъ наносишь смертельный ударъ всей охранительной системѣ. Сахаровары сами сдѣлаются поборниками свободной торговли и въ дебатахъ не разъ придется ссылаться на этотъ предметъ».

Семь лѣтъ спустя, сдѣлавшись министромъ, Кавуръ не измѣнилъ доктринѣ и доказывалъ, что таможенная реформа принесетъ пользу и безъ разсчета на обязательную взаимность по таможеннымъ тарифамъ со стороны другихъ государствъ.

«Устойчивость экономическая,—говоритъ Кавуръ,—зависитъ отъ примѣненія самой широкой свободы». Изъ приведенныхъ словъ видно, какъ далекъ былъ Кавуръ отъ обычая уступками платить лишь за уступки. Палата въ этомъ отношеніи была далеко позади министра, и хотя въ преніяхъ успѣхъ оказался на его сторонѣ, онъ не гарантировалъ Кавуру убѣжденной поддержки. Придавая торговымъ сношеніямъ и политическое

значеніе, Кавуръ говоритъ: «я надѣюсь, что изложенныя выше соображенія убѣдятъ васъ, что если политика министерства искренне-либеральна,— она въ то же время и охранительна; она не поддерживаетъ тѣхъ частей зданія, которыя обветшали, но укрѣпляетъ тѣ существенные устои, на которыхъ зиждется общество и наши свободныя учрежденія».

Какъ мы сказали, Кавуръ началъ съ управленія министерствами земледѣлія, торговли и морскимъ; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ ко всему этому былъ присоединенъ портфель финансовъ.

Вотъ что пишетъ объ этомъ Робертъ Азельо своему сыну Эммануилу въ апрѣлѣ 1851 года: «Кавуръ стоитъ выше общаго уровня, какъ увидишь изъ его рѣчей по всѣмъ вопросамъ... имъ бы восхищались всюду. Боюсь, что кабинетъ перемѣнитъ свое имя *), и всячески доказываю твоему дядѣ, что оба **) они нужны для успѣшнаго хода дѣла, что они другъ друга дополняютъ, но, кажется, твоему дядѣ порой не въ мочь... приходится ужъ очень солоно».

Тогда же въ апрѣлѣ 1851 года будущій министръ Фарини пишетъ про Кавура: «онъ человѣкъ дѣятельный, высокаго ума и возвышенныхъ чувствъ, которому, я думаю, въ Европѣ нѣтъ подобнаго; онъ восторжествуетъ надъ всякою завистью и злобою»...

Эти свидѣтельства современниковъ занимательны тѣмъ, что они предшествуютъ времени успѣховъ и славы Кавура.

Изъ длиннаго ряда писемъ самого Кавура къ контръ-адмиралу Овару, касающагося подробностей техническаго свойства и административныхъ распоряженій, приведемъ только одно письмо, заключающее нѣкоторыя черты для характеристики пишущаго: «Я счастливъ, что вы находите желательнымъ, чтобы я сохранилъ за собою управленіе морскимъ вѣдомствомъ. Можетъ быть и очень самонадѣянно съ моей стороны браться за столько разныхъ и столь отвѣтственныхъ обязанностей, но не было возможности въ настоящую минуту отказываться отъ портфеля финансовъ, это было бы трусостью съ моей стороны, и я подумалъ, что лучше казаться самонадѣяннымъ, чѣмъ малодушнымъ. Я найду время заняться и вашимъ морскимъ дѣломъ, которое, вы въ томъ не сомнѣвайтесь, для меня очень привлекательное дѣло; къ тому же я имѣю добраго помощника въ Сера (Sera); онъ сотрудникъ неутомимый. Благодаря его помощи, я не боюсь, что дѣло потерпитъ ущербъ отъ множества моихъ занятій».

Мы находимъ въ воспоминаніяхъ Виліама де-ла-Ривъ, что Кавуръ, съ присущей ему энергіей и проницательностью, принялся за изученіе дѣлъ морского вѣдомства. Кавуръ,—говоритъ де-ла-Ривъ,—скоро пріобрѣлъ тѣ спеціальныя познанія, которыя необходимы министру, если онъ не хочетъ ограничиваться лишь подписью своего имени на исходящихъ бумагахъ.

---

*) То-есть предсѣдателя,—имъ былъ въ это время Максимъ Азельо, братъ Роберта.

**) Максимъ Азельо и Кавуръ.

Скажу даже, что изъ вѣтвей управленія, которыя, хотя и въ разной степени, всѣ были знакомы Кавуру, ни одна какъ будто не манила и не прельщала его такъ, какъ морское дѣло. Онъ въ немъ находилъ какъ бы личное удовольствіе; все, что касалось морского дѣла, представлялось ему любопытнымъ; онъ относился къ развитію и улучшеніямъ его съ самолюбіемъ автора, изъ чего можно заключить, что его познанія по этому дѣлу дались ему только благодаря нѣкоторому усилію; а можетъ быть онъ чувствовалъ, что не освоился съ этимъ дѣломъ достаточно; онъ любилъ возвращаться къ вопросамъ, его касающимся, и излагать по нимъ свои взгляды. Впрочемъ, если онъ и остался не вполнѣ свѣдущимъ по всѣмъ подробностямъ морского вѣдомства, онъ вполнѣ совладалъ съ основою и ходомъ его дѣла; и дѣятельность Кавура здѣсь, какъ и всюду, сообщалась другимъ и была плодотворна.

Физическія силы однако же порой измѣняютъ Кавуру, и мы читаемъ въ письмѣ Роберта Азельо къ сыну Эммануилу: «Сегодня Кавуръ долженъ былъ изложить въ палатѣ свой финансовый планъ, котораго ждетъ вся страна; говорятъ, что онъ страшно тяжелъ, но пока—Кавуръ боленъ и даже въ постелѣ; можетъ быть это вслѣдствіе чрезмѣрной работы, которой онъ себя подвергаетъ». Тѣмъ не менѣе дѣятельность Кавура все усиливается; отъ сессіи съ 27 мая по 17 іюня остались записанными 52 его рѣчи въ палатѣ Онъ въ нихъ касается самыхъ разнообразныхъ вопросовъ: таможенъ свободныхъ искусствъ, промысловъ, торговыхъ трактатовъ съ сѣверо германскимъ таможеннымъ союзомъ, съ Швейцаріей, съ Голландіей. Сторонник и противники равно восхищались его энергіей; ясность его мысли, порой ея новизна, будили вниманіе; неожиданныя для самого оратора остроты отгоняли скуку и при такихъ сухихъ темахъ, какъ вопросъ о кожахъ, растительныхъ маслахъ, хлопчатникѣ, сахарѣ и т. п. Къ тому же онъ находилъ время нести и нѣкоторую мѣстную службу въ провинціи, гдѣ находилось его имѣніе, какъ указываетъ слѣдующее письмо изъ Лери къ Торелли, редактору *Risorgimento*: «Милѣйшій сотрудникъ, вы меня оклеветали передъ всей страной, представивъ меня противнымъ помѣщикомъ, занятымъ уборкой своего риса и сѣна,— а я остатокъ силъ клалъ на службу верчельезцевъ, предсѣдательствуя въ весьма демократическомъ совѣтѣ этой любезной провинціи. Въ наказаніе за такую обиду я васъ обязываю пріѣхать въ субботу... и привезти друга Кастелли... предупреждаю, что исключая вина, все здѣсь демократично: и столъ, и домъ, и постель; не демократична только душа того, кто ждетъ васъ обоихъ съ нетерпѣніемъ».

Вообще поражаетъ, сколько дѣлъ могъ вести Кавуръ одновременно и какъ среди огромной дѣловой переписки онъ находилъ еще возможность обмѣниваться письмами съ пріятелями. Въ это же лѣто имѣла мѣсто длинная дѣловая переписка по случаю крупнаго тогда для Піэмонта займа въ 75 милліоновъ; вполнѣ надежнымъ лицомъ для веденія этого нелегкаго и неотложнаго дѣла являлся графъ де-Ревель, но онъ былъ представителемъ

правой и рѣзко и постоянно оппонировалъ графу Кавуру: къ чести обоихъ Кавуръ довѣрился противнику, а графъ де-Ревель, сознавая важность этого дѣла для страны, положилъ все свое умѣнье на услугу министерству, которому былъ политически враждебенъ.

Писемъ Кавура къ графу де-Ревель по дѣлу займа насчитывается 32; нѣкоторыя изъ нихъ составляютъ цѣлыя тетради; они подробно трактуютъ о техническихъ пріемахъ и полны указаній какъ относительно людей, съ которыми долженъ имѣть дѣло де-Ревель, такъ и относительно политическихъ соображеній. Слѣдуютъ они другъ за другомъ почти ежедневно; иногда приходится по два письма на день и только въ чрезмѣрной учтивости и предупредительности формы можно усмотрѣть признаки натянутыхъ личныхъ отношеній Кавура къ графу де-Ревель.

Въ эту сессію произошелъ разрывъ Кавура съ его политическими друзьями и то сближеніе съ лѣвымъ центромъ, которое такъ часто упоминается въ политической жизни Кавура подъ именемъ «Connubio».

Внѣшнимъ поводомъ къ сближенію съ лѣвымъ центромъ послужилъ инцидентъ, касающійся свободы печати. По дипломатическимъ соображеніямъ возбужденъ былъ вопросъ о нѣкоторомъ стѣсненіи печати относительно иностранныхъ государей. Мы знаемъ, что вездѣ и всегда Кавуръ отстаивалъ, по мѣрѣ своихъ силъ, свободу слова, онъ говоритъ: «... въ дѣлѣ прессы мы знаемъ только два закона: пресса свободна или—цензура... по-моему, лучшій, единственный законъ состоитъ изъ двухъ словъ: пресса свободна... Друзья свободы знаютъ, что нельзя пользоваться одними ея благами, не испытывая и неудобствъ; всегда говорили, что она, т.-е. свобода прессы, подобна копью Ахиллеса,—и наноситъ, и исцѣляетъ раны. Но я скажу больше: если существуетъ страна, достойная пользоваться свободой прессы, то это—Піемонтъ; если есть общество, которое, перейдя отъ цензуры къ свободѣ печати, мало ею злоупотребляло, это — наше общество. Въ два года мы достигли умѣренности, которой, очевидно, суждено только прогрессировать... Вредная печать кричитъ и зазываетъ, но разумная западаетъ въ умъ и сердце, и въ концѣ концовъ за ней побѣда.

«Нѣкоторыя нежелательныя явленія извращенія истины, безъ сомнѣнія, иногда проявятся, но они будутъ явленіями спорадическими, и общество отъ нихъ не поколеблется. Слово нашего короля, обращенное къ своему народу, сразу побѣдитъ сто газетъ. Отчего же не признать эту счастливую черту нашего народнаго характера, отчего не воспользоваться ею, чтобы воспитать населеніе примѣненіемъ свободы, которой могутъ позавидовать государства, уже окрѣпшія въ конституціонныхъ порядкахъ».

Свобода печати, которая была одинаково дорога какъ Кавуру, такъ и представителямъ лѣвой, послужила хорошимъ предлогомъ для желаемаго привлеченія этой партіи къ кабинету. Кавуръ начиналъ тяготиться косностью той партіи, къ которой принадлежалъ по рожденію, и цѣль его внутренней политики была—развитіе гражданской полноправной личности, внѣшней политики—независимость Италіи, и только партія національная,

либеральная, могла способствовать достиженію этихъ цѣлей. Такою могла стать вновь возникающая партія, имѣвшая общія цѣли съ лѣвой, но преслѣдовавшая ихъ иными путями. Эта партія, обособившаяся въ лѣвый центръ, получила огромное значеніе въ послѣдующей политической жизни Кавура; главный ея представитель былъ Ратаци, и къ нему Кавуръ протянулъ руку.

Въ письмѣ къ Санта-Роза Кавуръ пишетъ: «Вы знаете, что я не дорожу властью изъ-за власти; я ею дорожу, чтобы послужить на пользу моей родины: въ тотъ день, когда мнѣ въ этомъ будетъ отказано, я раскланяюсь со своими политическими соперниками и вернусь къ сельскому хозяйству» *).

Мы находимъ слѣдующую защиту графа Кавура въ легкости, съ которой онъ расходился съ друзьями и коллегами: «меня справедливо было бы упрекнуть въ непостоянствѣ или измѣнчивости, еслибъ я былъ женщиной; но я не женщина, а слуга государства, и не упрекать, а хвалить меня должно за то, что я приношу въ жертву своей странѣ дружбу, добрыя отношенія къ людямъ, которыхъ уважаю, но дѣйствія которыхъ, при существующихъ политическихъ условіяхъ, кажутся мнѣ помѣхой успѣху предпринятыхъ реформъ».

При разрывѣ съ правой на Кавура посыпались не менѣе жестокіе упреки, чѣмъ тѣ, которые долженъ былъ вынести Пиль при отмѣнѣ въ Англіи хлѣбныхъ пошлинъ.

Слѣдующія строки изъ воспоминаній В. де ла Ривъ о посѣщеніи Кавуромъ въ молодости англійскаго парламента поясняютъ, какое значеніе онъ придавалъ въ данномъ случаѣ лѣвому центру.

«Въ Англіи, присматривалсь къ драмѣ парламента, Камиллъ замѣтилъ то лицо, которое въ древнихъ трагедіяхъ называлось хоромъ и которое теперь замѣняется общественнымъ мнѣніемъ. Къ этому-то сложному лицу онъ присматривался внимательно,—нужно ли добавлять, что присматриваться значило и понимать, и цѣнить его».

Сближеніе Кавура съ лѣвымъ центромъ въ скоромъ времени привело главу этой партіи, Ратаци, къ предсѣдательству въ палатѣ. Предсѣдатель кабинета, маркизъ М. Азельо, съ трудомъ мирился съ этимъ выборомъ, и Кавуръ, виновникъ новаго положенія, счелъ нужнымъ удалиться пока изъ министерства **). Вотъ нѣсколько словъ, произнесенныхъ имъ тогда: «Я

---

*) Приведемъ здѣсь слова графа Брольи, который имѣлъ очень значительное вліяніе на графа Кавура въ его молодости: „я былъ тогда и всегда оставался новаторомъ въ порядкѣ, безъ сожалѣнія къ прошедшему, тяготѣя къ будущему".

**) Мы читаемъ въ одномъ письмѣ изъ Швейцаріи, относящемся къ этому времени, слѣдующую оцѣнку положенія дѣлъ: „Годомъ раньше, годомъ позже—направлять политику Піэмонта будетъ Кавуръ. Къ сожалѣнію, въ Туринѣ спѣсивая правая состоитъ изъ настоящихъ доктринеровъ, вродѣ Гизо; ихъ нетерпимость не мирится съ мудрою комбинаціей, по которой Ратаци сталъ предсѣдателемъ палаты. Въ этомъ причина ссоры"...

знаю, синьоры, что когда работаешь на политическомъ поприщѣ, тебя ожидаютъ трудныя минуты горькихъ разочарованій... я на нихъ готовъ. Если я буду принужденъ отказаться отъ друзей дѣтства и увижу, что самые близкіе мнѣ люди станутъ мнѣ враждебны, я все-таки не измѣню своему долгу, не откажусь служить свободѣ, которой посвятилъ всю дѣятельность, которой былъ вѣренъ всю жизнь».

Въ этотъ разъ Кавуръ не вернулся къ своимъ сельскимъ занятіямъ, но поѣхалъ путешествовать въ Англію и Францію.

Въ Англіи онъ посѣтилъ доки, арсеналъ, былъ въ восхищеніи отъ Эдинбурга, объѣздилъ много второстепенныхъ городовъ. Изъ Лондона въ письмѣ къ Фарини Кавуръ пишетъ: «... дорогой, спасибо вамъ за доброе письмо. Произволъ и дерзость клерикаловъ меня не удивляютъ, скажу болѣе, я объ этомъ не жалѣю; наша страна—не обѣтованная страна для крайностей, она ихъ терпитъ не долго. Вспомните 49-й годъ; я убѣжденъ, что мы переживемъ благополучно критическій періодъ. Я увѣренъ, что внушенія, о которыхъ идетъ рѣчь, вмѣсто того, чтобъ оказать вліяніе на душу короля, укрѣпятъ его въ достойныхъ намѣреніяхъ. Все пойдетъ хорошо. Я вѣрю въ судьбу нашего отечества и въ благородство царствующаго въ немъ дома (stirpe)».

Въ другомъ письмѣ оттуда же Кавуръ говоритъ про М. Азельо, виновника его выхода изъ кабинета: «... имя Массима Азельо имѣетъ еще здѣсь много обаянія... если король держится его, я нахожу, что надобно терпѣть нынѣшнее министерство».

Между тѣмъ газета *Крестъ Савои*, представляющая лѣвый центръ, дерзко писала: «Правый центръ сольется съ лѣвымъ, коль скоро выяснится, что существующій кабинетъ себя этимъ не упразднитъ».

Продолжая свое путешествіе, Кавуръ пишетъ Фарини изъ Парижа въ сентябрѣ 1852 года: «Прелести новаго Вавилона не заставятъ меня забыть друзей и особенно васъ; узнавъ, что вы въ Салуджи, такъ близко отъ Лери, я ужасно досадую, что меня тамъ нѣтъ и что я не могу воспользоваться вашимъ сосѣдствомъ. Я надѣюсь, что все-таки вы проѣдете въ Лери и что, если король будетъ тамъ охотиться, вы поможете совѣтомъ доброму нашему Коріо въ его хлопотахъ. Еслибы не разговоры (diceric), которые непремѣнно вызовешь моимъ внезапнымъ возвращеніемъ, я считалъ бы себя обязаннымъ спѣшить въ Лери, чтобы встрѣтить короля. Но это доказательство моей искренней преданности было бы истолковано какъ заискиваніе, какъ подличаніе... министерство бы насупилось и самъ Азельо спалъ бы менѣе спокойно цѣлыхъ двѣ ночи».

Въ другомъ письмѣ, адресованномъ къ М. Кастелли, читаемъ: «Дорогой,... вы вѣрно согласитесь теперь со мной, что я хорошо сдѣлалъ, что остался въ Парижѣ. Я писалъ къ Ла Мармора о причинахъ, меня къ этому побудившихъ, прося его представить ихъ королю, и онъ, навѣрно, это исполнилъ... Пока Ратаци и я не теряемъ здѣсь времени. Могу васъ увѣрить, что нашъ предсѣдатель произвелъ на всѣхъ самое лучшее впечатлѣ-

ніе... Президентъ (Людовикъ-Наполеонъ) сказалъ: я очень радъ, что познакомился съ Ратази... мнѣ говорили, что это пылкая голова; я его нахожу очень благоразумнымъ».

Но перерыву министерской дѣятельности Кавура не суждено было длиться. Еще во время его путешествія на него было возложено, по желанію короля, полуоффиціальное порученіе, касающееся возмѣщенія принцу Монакскому убытковъ за потерю мѣстечекъ Рокка-Бруна и Ментона, незадолго передъ тѣмъ порвавшихъ съ княжествомъ Монако, чтобы присоединиться къ Піэмонту. Указывая для этого порученія на Кавура, Викторъ-Эммануилъ выразился полушутливо: «Графъ Кавуръ—тонкая штука (furbachione), поэтому и нужно имѣть его въ числѣ своихъ друзей», а въ послѣднихъ дняхъ этого года (1852) Кавуръ былъ призванъ составить новое министерство; маркизъ Азельо, котораго теперь замѣнилъ Кавуръ, пишетъ о своей отставкѣ такъ: «уступаю другому, который полонъ чертовской живой энергіи; онъ очень прытокъ и умомъ и тѣломъ, и ему такъ этого хочется!»

Занимательна слѣдующая иллюстрація отношеній Кавура и короля. Въ тронной рѣчи, которой долженъ былъ открыться парламентъ 1853 года, составленной Кавуромъ, было выраженіе: «возстановленные финансы»; Викторъ-Эммануилъ пожелалъ вставить передъ этимъ выраженіемъ слово «почти» (quasi), «чтобы быть ближе къ истинѣ», добавилъ король. «Vada per il quasi (пускай будетъ почти). Ваше величество правы», съ присущей живостью воскликнулъ Кавуръ, вписывая поправку искренняго короля.

Эта мелкая черта подчеркиваетъ прозвище Виктора-Эммануила, данное ему еще при жизни,—re galantuomo, короля-честнаго человѣка. Прозвище это объясняется принципами, которыми руководился Викторъ-Эммануилъ въ управленіи государствомъ; они были несложны и носили печать здраваго смысла: не измѣнять данному слову и всегда оставаться на сторонѣ законнаго большинства. Король былъ нрава простого и привлекательнаго; совершенно равнодушный къ своему личному будущему, чуткій къ признакамъ народнаго неудовольствія, онъ обладалъ здоровымъ чувствомъ чести, что помогало ему съ успѣхомъ выходить изъ самыхъ неожиданныхъ и сложныхъ положеній.

Въ началѣ упомянутой сессіи Кавуръ жестоко заболѣлъ желудочными болями и остановить воспаленіе удалось, лишь пустивъ не разъ кровь больному; это былъ не первый приступъ такого заболѣванія; оно напоминаетъ тотъ недугъ, который потомъ свелъ графа Кавура такъ внезапно въ могилу.

Несмотря на то, что доктора настаивали на полномъ спокойствіи, не прошло недѣли, какъ Кавуръ, оправившись, уже стоялъ у того станка, на которомъ онъ безчисленными нитями неутомимо ткалъ матеріалъ будущей Италіи.

Въ это время особенную заботу министерства составляло экономическое развитіе страны; оно покровительствовало промысламъ и, пользуясь содѣй-

ствіемъ дипломатіи, облегчало по возможности таможенныя стѣсненія международной торговли.

Кавуръ такимъ образомъ выводилъ Піэмонтъ не только изъ застоя, но изъ одиночества, изъ оброшенности, въ которой страна находилась со временъ наполеоновскихъ войнъ, т.-е. уже болѣе полувѣка. Онъ связывалъ узами торговыхъ интересовъ маленькое государство съ западными державами и торговыми договорами прокладывалъ путь къ осуществленію политической солидарности. Онъ чувствовалъ, что привлекаетъ къ своему отечеству симпатіи если не англійскаго правительства, то англичанъ, начинающихъ замѣчать на итальянскомъ полуостровѣ, въ гражданскомъ складѣ Піэмонта, какъ бы маленькую Англію. Какъ государственный человѣкъ, онъ понималъ, что достиженіе народомъ высокаго политическаго уровня — тоже сила, это — источникъ престижа, который можетъ оказать не меньше значенія, чѣмъ обладаніе обширною территоріей или многочисленною арміей.

Неутомимость Кавура видна изъ отрывка слѣдующаго его письма къ маркизу Альфіери лѣтомъ 1853 года: «Пришлось опять отложить поѣздку въ С.-Мартино, гдѣ мнѣ такъ хочется побывать; я не могу уѣзжать изъ Турина, пока бюджеты не приготовлены. Чтобы добиться этого, я долженъ употребить еще болѣе усилій, чѣмъ требуютъ сессіи палаты. Когда меня нѣтъ, ничего не дѣлаютъ, потому что всѣ министерства болѣе или менѣе враждебны реформамъ, которыя я хотѣлъ бы вводить».

Осенью того же года произошла уличная манифестація противъ Кавура; толпа упрекала его въ закупкѣ всей муки для умышленнаго ея вздорожанія. Распространеніе этого грубаго наговора среди самой темной массы туринскаго населенія объясняется пропагандой противъ Кавура со стороны клира, этого злѣйшаго его противника.

Между тѣмъ отношенія Кавура къ духовенству вовсе не были враждебны. При возбужденіи въ палатѣ вопроса объ упраздненіи всѣхъ монастырей онъ отстаиваетъ тѣ монашескія корпораціи, призваніе которыхъ было служить обществу, заявляетъ, что скорѣе выйдетъ изъ министерства, чѣмъ уничтожитъ общины сестеръ милосердія, не соглашается на секуляризацію церковныхъ и монастырскихъ имуществъ. Противъ ихъ выкупа или даже замѣны пенсіями или денежными окладами онъ приводитъ аргументъ нравственнаго порядка: онъ находитъ, что духовенство на пенсіи, какъ во Франціи, или на ругѣ, какъ въ Ирландіи, безъ семейныхъ узъ и безъ имущественныхъ интересовъ, будетъ совершенно чуждо ходу жизни своей родины; что, напротивъ, необходимо стараться, чтобы духовенство стало живымъ, а не инертнымъ членомъ общества.

Кавуръ съ политическою дальновидностью всячески старался способствовать общности интересовъ всѣхъ слоевъ населенія; впослѣдствіи онъ объявилъ: «я дѣлалъ все, что могъ, для единодушія націи, чтобъ имѣть право разсчитывать на энергическія усилія всѣхъ, когда явится возможность возстановленія Италіи»; но въ эту данную пору вмѣсто слова «Италія» онъ только говорилъ «нашу судьбу».

Вотъ нѣсколько выписокъ изъ рѣчей Кавура въ палатѣ по вышеупомянутому вопросу о духовныхъ конгрегаціяхъ: «Мы не противъ духовныхъ братствъ или конгрегацій, мы только противники тѣхъ учрежденій, которыя не отвѣчаютъ болѣе требованіямъ времени. Если общественная потребность создаетъ религіозныя общества, направленныя къ удовлетворенію общественныхъ нуждъ, если эти конгрегаціи будутъ основываться добровольно и свободно, мы не только не увидимъ въ нихъ нежелательнаго явленія, но будемъ привѣтствовать ихъ, какъ настоящее развитіе... Послѣ сильнѣйшаго отпора религіознымъ идеямъ наступаетъ реакція, которая, естественно, переходитъ за границы благоразумія. Но я увѣренъ, что сама свобода умѣритъ преувеличенія реакціоннаго порядка».

Пренія по вопросамъ, касающимся клира, были долги и сложны; приведемъ изъ нихъ еще нѣсколько словъ Кавура, какъ имѣющихъ общее значеніе: «Когда времена затруднительны и вопросы, предъявленные временемъ, серьезны, тогда-то, синьоры, политика правительства и должна быть опредѣленная...: Я вѣрю въ политическій тактъ моихъ друзей, я убѣжденъ, что они сумѣютъ различить желательное отъ возможнаго... Въ конституціонномъ государствѣ тѣ, кто составляетъ оппозицію, кто не отвѣтственъ въ правленіи, могутъ стремиться къ желательному; тѣ же, которые управляютъ, хотя бы они признавали желательнымъ то же самое, но они обязаны, они должны придерживаться лишь возможнаго».

Прежде чѣмъ идти дальше, приведемъ нѣсколько писемъ Кавура частнаго характера, которыя относятся къ этимъ годамъ.

Изъ письма къ доктору Граменья, май 1853 года: «Я прочелъ съ удовольствіемъ и пользой вашу брошюру объ общественной гигіенѣ. Я думаю, что ее слѣдовало бы обсудить въ палатѣ и поэтому прошу васъ прислать мнѣ 250 экземпляровъ ея, которые я велю раздать членамъ. Благодарю васъ и какъ частный человѣкъ, и какъ министръ за трудъ, внушенный искренней любовью къ человѣчеству и прогрессу, и убѣдительно прошу васъ не измѣнять вашему намѣренію распространять здравыя понятія среди земледѣльческаго населенія, которое въ общемъ самый вѣрный базисъ человѣческаго общества».

Изъ письма къ Августу де ла Ривъ, іюнь 1855 года, написаннаго изъ Лери: «Послѣ усиленной борьбы и въ палатѣ, и въ гостиныхъ, при дворѣ и на улицахъ, — борьбы еще болѣе тягостной отъ многихъ постороннихъ обстоятельствъ, я почувствовалъ, что умственнымъ моимъ силамъ больше не вмоготу, и я былъ вынужденъ дать отдохнуть головѣ. Благодаря упругости моей натуры (l'élasticité de ma fibre), я вскорѣ буду въ состояніи взяться опять за тяжелую лямку и въ концѣ недѣли разсчитываю быть на своемъ посту; меня тамъ ждутъ разныя затрудненія, вызываемыя съ каждымъ часомъ все болѣе осложняющимся политическимъ положеніемъ. Еслибы Женева не была отдѣлена Альпами отъ Турина, я уже былъ бы у васъ, такъ какъ я не знаю умственной атмосферы болѣе цѣлебной, чѣмъ та, которою дышишь въ Прессенжѣ» (имѣніе гг. де ла Ривъ).

Изъ письма къ Санта-Роза, іюня 1855 года, написаннаго изъ Лери: «Я провелъ здѣсь еще всего одни сутки и уже чувствую, что оживаю. Мозгъ требовалъ абсолютнаго покоя; я уже объѣздилъ всѣ поля; хлѣба прекрасны, и говорятъ, что они таковы повсюду въ здѣшней мѣстности; можно надѣяться на хорошій урожай».

Приведемъ еще письмо, на этотъ разъ шуточнаго содержанія, какъ образчикъ той упругости натуры, о которой упоминаетъ Кавуръ; письмо адресовано къ Ратацци: «Вернувшись, я нашелъ дома лососку, пойманную въ коронныхъ водахъ, которую искуситель, инженеръ Ноэ, мнѣ присылаетъ вмѣсто того, чтобы продать ее въ пользу казны. Это искушеніе ставитъ меня въ необходимость или наказать Ноэ, или раздѣлить съ нимъ и грѣхъ, и лососку.

«Но я боюсь, что, съѣвъ лососку, я подпаду подъ громы палаты, во избѣжаніе чего необходимо призвать васъ въ соучастники преступленія, купно со строгими Д. и Р. (члены палаты). Прошу васъ поэтому отложить условленный обѣдъ у Тромбеты (ресторанъ) до послѣзавтра, а завтра пріѣхать ко мнѣ. Еслибы лосося могла ждать, я бы охотно отложилъ грѣшный свой обѣдъ до середы; но тогда намъ бы пришлось грѣшить, поѣдая казенную лососку безъ удовольствія ѣсть ее свѣжею».

IV.

Мы теперь подошли къ 1854 и 1855 годамъ, которые могутъ считаться расцвѣтомъ политической дѣятельности Кавура, а союзъ Піэмонта съ великими западными державами и участіе піэмонтскаго министра въ Парижскомъ конгрессѣ было, конечно, самымъ пышнымъ цвѣткомъ этой дѣятельности.

Наполеонъ III желалъ содѣйствія Австріи въ предстоящей войнѣ съ Россіей; онъ зналъ, что однимъ изъ важныхъ условій для этого было обезпечить Австріи неприкосновенность ея итальянской границы.

Кавуръ понялъ, какія карты давались ему въ руки, и воспользовался ими мастерски.

Было весьма вѣроятно, что итальянцы разныхъ частей полуострова воспользуются отвлеченіемъ Австріи на Дунай, чтобы стряхнуть австрійскіе порядки и вытѣснить австрійскіе гарнизоны, и Піэмонтъ могъ быть увлеченъ на поддержку своихъ единоплеменниковъ. Въ виду этого Австрія потребовала отъ Піэмонта обѣщанія полнаго покоя; великія союзныя державы, съ своей стороны, высказывали надежду, что это требованіе будетъ удовлетворено, а туринскій кабинетъ заявилъ, что необходимымъ условіемъ тому долженъ быть трактатъ, ограждающій матеріальные и нравственные интересы піэмонтскаго правительства.

Союзъ державъ съ Піэмонтомъ состоялся, и слухъ о немъ раздался пистолетнымъ выстрѣломъ въ ушахъ австрійскихъ министровъ *).

*) Выраженіе графа Узедома, прусскаго посланника тогда въ Лондонѣ.

Кавуръ разгадалъ Наполеона III и управлялъ его колеблющейся волей, подыскивая себѣ союзниковъ при его дворѣ, изъ которыхъ самымъ дѣятельнымъ сталъ принцъ Наполеонъ. Императоръ постоянно, но неопредѣленно, мечталъ о возвышеніи своего дома и прославленіи своего имени, а Италія могла быть ему предоставлена какъ хорошее поприще для достиженія обѣихъ цѣлей.

Наполеону грезилась возможность и освободить итальянцевъ отъ австрійскихъ принцевъ, обезпечивъ послѣднихъ на устьяхъ Дуная, и дать Италіи Мюратовъ и Бонапартовъ, будто бы носителей новыхъ принциповъ, представителей народной воли, а не политики старинныхъ династій.

Кавуръ сумѣлъ изъ этого туманнаго плана создать себѣ опору для политики внутренней и защиту для политики внѣшней.

Между тѣмъ Англія, имѣя меньшее количество войска, чѣмъ Франція, охотно покрыла бы эту разницу наемными войсками, и это послужило первымъ поводомъ къ предложенію военнаго договора съ Піэментомъ. Кавуръ удачно воспользовался этими переговорами, но отказалъ Англіи въ войскѣ на условіяхъ найма, въ славномъ отвѣтѣ за подписью министра иностранныхъ дѣлъ Дабормида; приведемъ изъ него слѣдующія слова: «Правительство піэмонтское не можетъ одолжать своихъ солдатъ; войско состоитъ изъ гражданъ, поступающихъ въ ряды по жребію, и можно требовать отъ нихъ жертвы жизнью только на службѣ родинѣ. Поэтому наши полки могутъ принять участіе въ восточной войнѣ только на правахъ союзныхъ войскъ на основаніи договора между воинствующими державами.

«Договоръ долженъ быть наступательный и оборонительный; договоръ долженъ ограждать интересы какъ матеріальные, такъ и нравственные короля и страны; необходимо оправдать требуемыя у страны жертвы удовлетворительными результатами.

«Министерство не считаетъ возможнымъ выговорить однѣ матеріальныя выгоды, что дало бы право предполагать, что оно торгуетъ своими солдатами...

«Министерство обязано передъ своимъ правительствомъ получить отъ воинствующихъ державъ доказательства признанія и уваженія; оно не можетъ уступать чего-либо касающагося чести или будущности своего правительства».

Между тѣмъ Наполеонъ, по своему обычаю, придерживался двойной политики; онъ льстилъ Піэмонту, какъ бы искупая этимъ передъ общественнымъ мнѣніемъ свой союзъ съ абсолютной монархіей, съ тою самой Австріей, которая видѣла въ національномъ принципѣ лишь безпокойныя бредни.

Условія обѣщаннаго союза съ Піэмонтомъ установляли, что по окончаніи войны положеніе итальянскаго полуострова будетъ принято къ разсмотрѣнію и что Франція и Англія вступятся передъ Австріей, ихъ союзницей, чтобы снять секвестръ съ имуществъ итальянскихъ эмигрантовъ, поселившихся въ Піэмонтѣ.

Неожиданно представители Англіи и особенно Франціи стали настаивать, чтобы Піэмонтъ примкнулъ къ нимъ, не выговаривая никакихъ условій и довольствуясь лишь военною конвенціей. Кавуръ былъ пораженъ этою перемѣной настроенія, которая грозила крушеніемъ всѣхъ его дальновидныхъ плановъ; онъ тотчасъ же подписалъ трактатъ, не ограждая себя никакими условіями, и при поддержкѣ короля,на этотъ разъ ему вполнѣ сочувствующаго, онъ сталъ торопливо нагружать суда и отправлять войска въ Крымъ.

Эта самонадѣянность и поспѣшность подняли на Кавура цѣлую бурю; доказывали, что дѣйствія министра зависѣли отъ его недавняго соглашенія съ лѣвымъ центромъ. Утверждали, что, соединяясь съ радикалами, Кавуръ внушилъ европейскимъ кабинетамъ недовѣріе къ политикѣ Піэмонта, что и заставляетъ его теперь подчиняться всѣмъ ихъ требованіямъ. Приведемъ нѣсколько словъ изъ отвѣтовъ Кавура на взводимыя противъ него обвиненія:

«...Можетъ быть, мои надежды преувеличены, но я твердо убѣжденъ, синьоры, что дѣйствіе, за которое меня упрекаютъ (сближеніе съ лѣвымъ центромъ, извѣстное подъ именемъ connubio), помогло правительству удержаться на томъ пути законной, прогрессивной свободы, по которому оно движется съ минуты восшествія на престолъ нашего славнаго (prode) короля Виктора-Эммануила... Когда успѣхомъ 2 декабря порядокъ укрѣпился во Франціи внѣ всякаго сомнѣнія, я почувствовалъ, что нѣтъ болѣе нужды остерегаться партіи движенія и что, напротивъ, опасность можно ожидать отъ консервативной реакціонной партіи. Вотъ почему, синьоры, не только было кстати, но было необходимо сплотить большую либеральную партію, вмѣщающую всѣхъ тѣхъ, которымъ дороги принципы прогресса и свободы, не останавливаясь передъ второстепенными вопросами. И я думаю,—меня вынуждаютъ это говорить,—что я сослужилъ добрую службу нашему отечеству, такъ какъ этимъ соглашеніемъ я могъ оградить новые порядки такимъ оплотомъ, котораго, кажется, расшатать теперь нельзя. Вотъ, синьоры, что подпало столь жестокому осужденію достоуважаемаго депутата, графа де-Ревель».

Но не одинъ графъ де-Ревель былъ здѣсь на-лицо: трактатъ съ державами считался многими безумною затѣей чванства Кавура; и лѣвая, и правая одинаково прямо отказывались понимать его доводы въ пользу союза. Вотъ выдержки изъ его рѣчей къ противникамъ того и другого лагеря: «Опытомъ доказано, какъ мало помогли Италіи заговоры и возстанія... необходимо поднять ея значеніе въ Европѣ, а какъ это сдѣлать?... Надобно, чтобъ Европа видѣла, что мы довольно развиты, чтобы свободно управляться... что мы можемъ держаться самой просвѣщенной формы правленія... Мы вступили въ союзъ, не измѣняя ни внѣшнимъ симпатіямъ, ни внутреннимъ принципамъ. Мы не скрывали нашего попеченія объ Италіи, нашего желанія служить улучшенію ея положенія».

Слова эти были тщетны; даже тѣ, которые понимали провидѣнную Ка-

вуромъ великую, но еще дальнюю цѣль, все-таки возбуждали множество второстепенныхъ вопросовъ, преградъ, условій, которые имъ казались мудрыми, предусмотрительными и которые необходимо было Кавуру самоувѣренно, но также и самоотверженно преодолѣть, обойти, вызывая этимъ на себя еще большія нареканія, и онъ пишетъ другу: «Я взялъ на голову ужасающую отвѣтственность; будь, что будетъ,—совѣсть мнѣ говоритъ, что я исполнилъ священную обязанность».

Приведемъ еще выдержку изъ письма того времени къ графинѣ Сиркуръ: «Такъ какъ одинъ Піэмонтъ, по волѣ Провидѣнія, свободенъ *) и независимъ въ Италіи, то Піэмонтъ и долженъ употребить свою свободу и независимость, чтобы предъявить передъ судомъ Европы искъ несчастнаго полуострова... и времена привели къ тому, что Піэмонтъ сталъ открыто представителемъ Италіи. Это положеніе не безопасное, и я чувствую всю тяжесть отвѣтственности, лежащей на мнѣ... Ваши друзья, доктринеры и либералы, оплакивающіе свободу Франціи... найдутъ, быть можетъ, нашу политику сумасбродной и романической. Отдаюсь на ихъ судъ, но увѣренъ, что сердца, подобныя вашему, будутъ сочувствовать усиліямъ вызвать къ жизни націю, вѣками заключенную въ могилу. Если погибну, вы не откажете мнѣ въ пріютѣ среди славныхъ побѣжденныхъ, которые группируются вокругъ васъ».

Было виртуозно навязать великимъ державамъ для крымской кампаніи маленькій піэмонтскій контингентъ, собственно никому не нужный,—нужна была Кавуру общая почва съ державами для дѣла, какъ и для слова, и этою почвой оказалось участіе въ войнѣ піэмонтскаго оружія.

Однако же начало кампаніи было бѣдственно: зима въ Крыму оказалась необычайно суровой и при такой стужѣ итальянское войско было жестоко поражено бѣдствіями лагерныхъ условій; смертность отъ тифа, лихорадокъ, наконецъ отъ холеры все увеличивалась. Въ письмахъ Кавура впервые замѣтны слѣды грусти и тревоги. Наконецъ кровопролитное дѣло подъ Черной, дорого стоившее итальянскому оружію, обратило вниманіе союзниковъ на итальянцевъ; много знатныхъ именъ, начиная съ имени главнокомандующаго, потерявшаго брата, насчитывалось среди павшихъ офицеровъ и внушило уваженіе къ итальянскому патріотизму.

Кавуръ не могъ этого не замѣтить; онъ ободрился и привѣтствовалъ сраженіе подъ Черной, какъ многозначительную побѣду; въ отвѣтѣ на депешу генералу Альфонсу ла Мармора Кавуръ пишетъ: «Всѣ твои прежніе коллеги (министры) присоединяютъ свои поздравленія къ моимъ; они счастливы твоимъ успѣхомъ, зала совѣта гремѣла возгласами: Viva Alfonso!—которые вырывались отъ души».

Страна инстинктивно приняла этотъ лозунгъ и расцвѣтилась флагами, и почти не было города, не давшаго названія «Черной»—площади или улицѣ.

---

*) Неаполь не имѣлъ представительныхъ учрежденій.

Однако же крымская война была ближе къ развязкѣ, чѣмъ того желалъ и ожидалъ Кавуръ. Слухъ о предстоящемъ мирѣ сталъ распространяться тотчасъ послѣ неожиданной смерти императора Николая Павловича; то обстоятельство, что инициатива предложенія мира шла отъ Австріи, смущало еще болѣе итальянцевъ, но приходилось покоряться исторіи, и Кавуръ пишетъ въ письмахъ къ генералу ла Мармора: «Милый другъ, разъ Россія приняла предложенныя условія, восточный вопросъ переходитъ въ дипломатическій фазисъ... Твое присутствіе теперь нужнѣе въ Лондонѣ и Парижѣ, чѣмъ въ Крыму... Твое слово очень цѣнится въ Англіи, постарайся убѣдить лорда Пальмерстона въ необходимости выговорить при заключеніи мира что-либо для Италіи... Минута серьезна; я пораженъ, но не теряю надежды».

Въ другомъ письмѣ къ нему же читаемъ: «Милый другъ, миръ насъ губитъ; я пораженъ, но такъ какъ онъ отъ насъ не зависитъ, то надобно, принимая его, постараться извлечь все, что можно изъ непріятнаго положенія, въ которое насъ поставила эта хитрая кумушка Австрія... Въ Англіи, гдѣ война была популярна, мы можемъ высказывать наше неудовольствіе и выражаться откровенно на счетъ Австріи, но во Франціи надобно быть осторожнѣе, чтобы не оттолкнуть императора, который считаетъ этотъ миръ торжествомъ своей политики... Ты увидишь, что наши требованія очень скромны, но въ виду позиціи, принятой Австріей, надобно было во Франціи, въ особенности, выказаться очень умѣреннымъ и непритязательнымъ... Ты скажешь Англіи, что если ничего не будетъ сдѣлано для Сардиніи, то конституціонная партія пропала въ Италіи... ей придется отступить сперва передъ реакціей, а потомъ передъ революціей...

«Извѣстіе о согласіи Россіи (на миръ) опечалило здѣсь всѣхъ; не говоря о либералахъ всѣхъ оттѣнковъ, сами консерваторы не слишкомъ довольны. Король былъ очень не въ духѣ; теперь онъ примирился; наши друзья эмигранты, особенно Т. и О., сильно горюютъ и снятіе секвестровъ съ ихъ имѣній не утѣшитъ ихъ».

Крымская война кончилась, но полемъ битвы для Италіи былъ не одинъ Крымъ, а еще Тюльери, и полководцемъ тамъ былъ все тотъ же Кавуръ. Надобно было теперь приложить все умѣнье къ тому, чтобы миръ, а за нимъ конгрессъ—не миновали Италіи.

Представителемъ Піэмонта долженъ былъ ѣхать маркизъ Массимо Азельо, какъ самый популярный въ Европѣ итальянецъ, литераторъ, умѣренный либералъ, неспособный никого озадачить неожиданной новизной мысли. Но когда Азельо узналъ, неожиданно для себя, что формально не выговорены равныя права участія въ конгрессѣ для представителей Піэмонта съ правами представителей другихъ воюющихъ державъ, онъ съ негодованіемъ отвергнулъ возложенное на него порученіе. Кавуру самому пришлось его замѣнить и онъ пишетъ въ Парижъ посланнику своего двора маркизу Вилламарина, февраль 1856 г.:

«...Въ виду затрудненій, въ которыя повергъ насъ отказъ Азельо, я

не колеблясь сказалъ королю, что готовъ ѣхать, прося его величество присоединить васъ къ этой неблагодарной миссіи... Можетъ быть, даже весьма вѣроятно, что моя теперешняя миссія будетъ послѣднимъ дѣйствіемъ моей политической карьеры».

Не увѣнчайся эта миссія успѣхомъ, Кавуръ, конечно, былъ бы покончень, какъ политическій дѣятель; не стало бы гегемоніи Піэмонта и обезсилѣла бы умѣренная партія; Италія снова подпала бы раздорамъ революціоннымъ или гнету жестокой реакціи.

Неопредѣленность положенія піэмонтскаго представителя, ничѣмъ неограждающая достоинство его правительства, дѣйствительно возбуждала въ Туринѣ всеобщее негодованіе, и самыя жестокія издѣвательства раздавались повсемѣстно какъ въ рѣчахъ, такъ и въ печати надъ самонадѣянностью министерства. Редакторы распространенныхъ газетъ печатали: «Анаѳема на тѣхъ, которые произнесутъ имя Италіи на конгрессѣ, гдѣ засѣдаетъ Австрія» (редакторъ Теккіо), или: «Министры разсчитываютъ, что Піэмонту будетъ оказано уваженіе и почетъ за то, что онъ сражался съ союзниками... какъ же, разсчитывайте на признательность. Ваша наивность безмѣрна» (редакторъ Броферіо), и еще: «Насъ увѣряютъ, что мы можемъ занять почетное мѣсто на совѣтѣ народовъ; но, во-истину, не предвидится такой возможности» (редакторъ Кабелла). Подобныхъ выписокъ можно было бы выбрать огромное число изъ газетъ того времени; онѣ интересны только какъ доказательство прозорливости Кавура, сумѣвшаго отрѣшиться отъ общаго настроенія.

Кавуръ пишетъ въ это же время Вильяму де ла Ривъ, февраль 1856 г.: «Не хочу уѣхать въ Парижъ, не отвѣтивъ вамъ на письмо, рекомендующее А. и Б. Мнѣ удалось помѣстить кое-какъ послѣдняго въ таможенномъ вѣдомствѣ; мѣсто пока не важное, но я постараюсь пристроить его получше при первой возможности... Уѣзжаю, не очень довольный ролью, которая мнѣ предстоитъ: не то, чтобъ я опасался встрѣтить пренебреженіе, но потому, что не льщу себя надеждой доставить малѣйшую выгоду своей странѣ. Я не думаю, чтобы конференціи затянулись; всѣмъ должно быть желательно скорѣе съ ними покончить.

«Если вашъ сынъ въ Парижѣ, пришлите его ко мнѣ; я остановлюсь, вѣроятно, въ Hôtel du Rhin».

Каково будетъ положеніе, которое Піэмонтъ займетъ на конгрессѣ? Опытный министръ понималъ, что это будетъ зависѣть отъ личныхъ качествъ представителя страны, какъ то уже было въ Крыму: ла Мармора, по своимъ личнымъ способностямъ, по достоинству своего характера, естественно занялъ равное положеніе съ командующими французскимъ и англійскимъ войскомъ, хотя это условіе не было выговорено въ спѣшноподписанномъ военномъ договорѣ.

Но, какъ бы то ни было, положеніе представителя Піэмонта было не легкое и еще труднѣе было ввести за собою на конгрессъ Италію, уже вовсе передъ нимъ не аккредитованную; но именно Италію и хотѣлъ Ка

вуръ выставить передъ Европой; собственно она и была ему дорога, ей негласно была посвящена его общественная дѣятельность.

Первый мѣсяцъ въ Парижѣ быстро прошелъ и оставалось, повидимому, лишь закрѣпить трактатъ заключеннаго мира, но для Кавура вопросъ, побудившій его участвовать въ конгрессѣ, дѣло, о которомъ онъ заботился, было во всемъ разгарѣ; для него Кавуръ учащалъ свиданія, возбуждалъ объясненія, посѣщалъ Тюльери, сносился съ англійскимъ уполномоченнымъ, съ англійскимъ посланникомъ, съ членами русской миссіи. Вотъ письмо его къ графу Арезе, политическому изгнаннику и когда-то другу Людовика-Наполеона, съ которымъ оставался въ довольно близкихъ сношеніяхъ. Мартъ 1856 г.: «Что касается нашихъ дѣлъ, то ничего еще не сказано. Во всю первую стадію переговоровъ я наложилъ на себя величайшую сдержанность. Не знаю, наступитъ ли минута благопріятная для объясненій. Дернуло чорта внушить императрицѣ желаніе имѣть Папу воспріемникомъ ожидаемаго ребенка. Это порядочно попортило мой первоначальный планъ дѣйствій; теперь приспособляю другой, но не знаю, какъ онъ удастся».

По всему видно, что Кавуръ не замедлилъ поставить себя на конгрессѣ въ положеніе, вполнѣ удовлетворяющее личному самолюбію; его непритязательность и безкорыстіе, его сговорчивость и мягкія формы обращенія тѣмъ болѣе прельщали, чѣмъ надменнѣе выказывалъ себя австрійскій уполномоченный, графъ Буоль.

«Право, тонъ графа Буоля таковъ, точно Севастополь сдался австрійцамъ»,—замѣтилъ разъ графъ Орловъ довольно громко, хотя и обращаясь къ своему сосѣду, піэмонтскому министру.

Среди самаго пыла конференцій, графъ Кавуръ способенъ былъ еще писать своему управляющему г. Коріо не одно письмо о дѣлахъ имѣнія; но мы выберемъ оттуда лишь нѣсколько словъ, касающихся политики. Мартъ 1856 г.: «Не могу вамъ многаго писать, такъ какъ относительно конференцій молчаніе обязательно... На Піэмонтъ сыплются комплименты, но изъ этого еще не много выудишь. Много чаду, мало жаренаго. Однако же и то хорошо, что мы заставили о себѣ заговорить, какъ будто мы крупная единица. Рано или поздно пожнемъ, что теперь сѣемъ»...

Нельзя забывать, что доселѣ не было «итальянскаго вопроса»; Италія конкретно не существовала, не было лица, не было формулы оффиціальной, которая могла ее представить, олицетворить. Нельзя было говорить о чужестранномъ въ ней владычествѣ, такъ какъ принципъ національностей только зараждался въ міросозерцаніи дипломатіи; Австрія не допускала на конгрессѣ другихъ вопросовъ, кромѣ восточнаго; но Кавуръ, выждавъ минуту, сумѣлъ поставить на своемъ и выдвинуть цѣль своихъ стремленій, такъ что на послѣднихъ засѣданіяхъ, когда условія мира были утверждены, итальянскій вопросъ неожиданно оказался возбужденнымъ передъ собравшимися представителями европейскихъ государствъ. Такимъ образомъ, за Піэмонтомъ было фактически признано право предъявлять вопросы, и піэмонтскій уполномоченный, говоря открыто объ Италіи, становился ея представителемъ.

Лучше всего объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія письма Кавура. Изъ письма къ Ратацци: «...Въ виду общаго раздраженія (на конгрессѣ) и надменности Австріи, представляется (Піэмонту) лишь два исхода: или помириться съ Австріей и съ папой, или готовиться къ войнѣ съ Австріей въ недалекомъ будущемъ. Если выбрать первое, то, возвратясь въ Туринъ, я долженъ совѣтовать королю призвать въ кабинетъ друзей Австріи и папы; если же предпочесть второе, то ни наши друзья, ни я не побоимся готовиться къ войнѣ на смерть... Надѣюсь, что по полученіи настоящаго письма вы не подумаете, что я въ бѣлой горячкѣ или сумасшедшій. Напротивъ, я въ совершенно здравомъ умѣ, никогда хладнокровнѣе не былъ; я даже стяжалъ себѣ репутацію большой умѣренности; Кларендонъ *) мнѣ это прямо сказалъ, а принцъ Наполеонъ упрекаетъ меня въ недостаткѣ энергіи».

Изъ письма къ М. Кастелли: «...Франція хотѣла мира и поэтому ей нужно быть въ согласіи съ Австріей... оттого не могла она настаивать, а должна была ограничиваться увѣщеваніями по отношенію къ Италіи... Но Буоль былъ несговорчивъ и въ мелкихъ, и въ крупныхъ вопросахъ. Это упрямство, которое теперь жестко для Италіи, современемъ ей сослужитъ службу. Императоръ предлагалъ Австріи занять Дунайскія княжества взамѣнъ Ломбардіи и Венеціи... Одно это доказываетъ расположеніе къ намъ императора и не слѣдуетъ его задѣвать никому не нужными остротами, которыя могутъ намъ очень повредить».

Въ другомъ письмѣ къ М. Кастелли онъ пишетъ: «...Попроси отъ меня адвоката Берзеціо и вдвоемъ пойдите къ Кіавесу и отъ моего же имени упросите его употребить все свое вліяніе въ редакціи Fischietto (Свистка), чтобы перестали нападать, поносить, трунить надъ императоромъ. Наши недруги посылаютъ въ Парижъ всѣ номера, которые что-либо содержатъ объ императорѣ, и эти номера всегда попадаются ему на глаза; это его раздражаетъ, и онъ дѣлается менѣе сговорчивъ... Кіавесъ добрый малый, онъ пойметъ важность того, чего я прошу; онъ не пожертвуетъ интересами страны ради удовольствія отпускать остроты.

«Пусть журналъ упражняется надъ министрами, надо мной; я не буду въ претензіи, но не трогайте того, въ рукахъ котораго, волей-неволей, находится ключъ политики настоящаго времени».

Изъ письма къ М. Кастелли: «...Конференціи оканчиваются. Еслибы не безмѣрная бездарность Валевскаго **), онѣ давно бы были кончены. Мы матеріально ничего не выиграли, но мы добились, что Франція и Англія признали: 1) что настоящее положеніе Италіи нестерпимо и 2) что одинъ Піэмонтъ можетъ возродить Италію».

По окончаніи конгресса и передъ выѣздомъ изъ Парижа, Кавуръ отослалъ въ Туринъ министру иностранныхъ дѣлъ обстоятельную записку, изъ которой приводимъ нѣсколько выдержекъ: «...Лордъ Кларендонъ готовъ

*) Англійскій уполномоченный.

**) Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ и предсѣдательствующій на конгрессѣ.

былъ опять возражать графу Буолю, но такъ какъ этотъ несомнѣнно постарался бы смягчить грубую рѣзкость своихъ послѣднихъ словъ, а я находилъ выгоднымъ, чтобы присутствующіе разошлись подъ впечатлѣніемъ этихъ словъ, то мнѣ удалось удержать Кларендона... На предложеніе при впредь могущихъ возникнуть столкновеніяхъ всегда предпосылать военнымъ дѣйствіямъ попытки примиренія, я позабавился спросить: можетъ ли подобная попытка имѣть мѣсто тамъ, гдѣ уже существуютъ враждебныя отношенія, и при уже занятой чужестранными войсками территоріи. Лордъ Кларендонъ отвѣтилъ утвердительно, а графъ Буоль былъ совершенно взбѣшенъ моимъ наивнымъ вопросомъ, но худыхъ послѣдствій это не имѣло... Вчера закрѣпили протоколы засѣданій. Графъ Орловъ предложилъ благодарить графа Валевскаго за исполненіе обязанностей предсѣдателя; предложеніе было принято, но очень холодно. Нѣсколько минутъ до того, на вопросъ великаго визиря, спросившаго меня съ усмѣшкой, кто предложитъ благодарить нашего предсѣдателя, я отвѣчалъ: тотъ, кому ложь наименѣе противна... Конгрессъ можетъ считаться законченнымъ... Въ виду общественнаго мнѣнія, нахожу, что слѣдуетъ министерству иностранныхъ дѣлъ напечатать поскорѣе in 8° весь трактатъ съ протоколами, чтобы можно было раздать книгу членамъ парламента и пустить ее въ продажу въ Туринѣ въ тотъ же день, когда будетъ получено извѣстіе объ обмѣнѣ ратификацій.

«Предупреждая всѣхъ этимъ изданіемъ, мы успѣемъ тѣмъ самымъ обратить на себя вниманіе Европы, чѣмъ не слѣдуетъ пренебрегать».

Кавуръ вернулся въ Туринъ безъ малѣйшаго матеріальнаго выигрыша, но съ торжествомъ въ душѣ. Развѣ было мало того, что маленькій Піэмонтъ,—тотъ Піэмонтъ, который считался очагомъ революціонныхъ движеній,—сталъ защитникомъ Италіи, обличителемъ Австріи съ одобренія даже русскихъ дипломатовъ? Развѣ было мало записать въ протоколахъ европейскаго совѣщанія жалобы Италіи?

Австрія поняла все значеніе этой послѣдней черты; она циркулярно оповѣстила европейскіе дворы, что не признаетъ претензій Піэмонта выступать заступникомъ Италіи и что она всецѣло сохраняетъ за собой право высылать войска на итальянскій полуостровъ по первому призыву родственныхъ ей тамъ государей.

Правительства эрцгерцога тосканскаго и короля неаполитанскаго притворно пренебрегали заявленіями Піэмонта, но въ Германіи, въ Пруссіи, дѣйствительно какъ будто никто и не догадывался о крупныхъ измѣненіяхъ, которыя неминуемо за ними послѣдуютъ; смѣялись претензіямъ маленькаго двора, важности маленькаго министра: говорили съ усмѣшкой о томъ, что онъ не получилъ ни гроша за воинскія свои затраты. Даже мадзинисты, по своей ненависти къ монархическому принципу, были слѣпы и печатали въ своихъ листкахъ напыщенную оду Виктора Гюго, въ которой стояло: «Будьте на стражѣ, берегитесь, не Каинъ ли сходитъ подъ одеждой пророка съ истоковъ рѣки По».

Но большинство, т.-е. большая публика, свободная отъ опредѣленной

доктрины, инстинктивно поняла, чего достигъ піэмонтскій министръ. Кавуру на родинѣ аплодировали повсемѣстно; молодежь видѣла въ немъ чародѣя (magga); изъ Тосканы онъ получилъ мраморное изваяніе «Италіи» съ надписью изъ Данта: «тому, кто за нее заступается, поднявши забрало»; во многихъ городахъ подписывались ему адресы; на средства частныхъ кружковъ выбивались медали съ его изображеніемъ.

По возвращеніи съ конгресса Кавуръ по просьбѣ большого числа депутатовъ изложилъ передъ ними свои дѣйствія и результатъ своего участія въ парижскихъ конференціяхъ; при этомъ Кавуръ не могъ не коснуться будущаго направленія политики, которое вытекало изъ сообщаемыхъ данныхъ: «По винѣ Австріи, до сихъ поръ четыре итальянскія государства лишены независимости, а въ другихъ княжествахъ на полуостровѣ условія жизни хотя не такъ тяжелы, но далеко не удовлетворительны. И тамъ правительство отказываетъ населенію не только въ свободѣ, но даже въ тѣхъ ограниченныхъ гражданскихъ правахъ, которыхъ въ настоящее время и деспотическія правительства, когда они просвѣщенны, не лишаютъ своихъ подданныхъ... Отъ этого возбуждается только сильнѣе духъ революціонный, и онъ можетъ оказаться опаснымъ и для мира Европы, и особенно для насъ... Хотя европейскіе кабинеты расточаютъ свои совѣты и убѣждаютъ правителей полуострова въ выгодахъ умѣренности и милосердія, но,—прибавляетъ графъ Кавуръ,—великіе вопросы не разрѣшаются словами; дипломаты не могутъ измѣнить хода жизни народовъ. Они только въ силахъ признать совершившееся и узаконить его... Нами выиграно два пункта: первый—это то, что положеніе Италіи признано плачевнымъ не одними журналистами, людьми извѣстнаго направленія, а представителями европейскихъ державъ; второй пунктъ—что Европой признана необходимость пріискать облегченіе этому плачевному положенію... Конгрессъ оконченъ, но искъ Италіи перенесенъ на судилище общаго мнѣнія... дѣло можетъ протянуться; ходъ дѣлъ можетъ быть различенъ, но мы, убѣжденные въ правотѣ нашего иска, мы увѣренно ждемъ его разрѣшенія»... Взрывъ восторга покрылъ эти слова.

Приведемъ заключительныя слова одновременной статьи радикала Броферіо, какъ образецъ того, что путь, выбранный Кавуромъ, былъ не безъ терній: «Нѣтъ, не синедріону дипломатовъ вызвать къ жизни Италію. Нѣтъ, Италіи не достичь независимости по милости Пруссіи или Россіи, Франціи или Англіи; Италія только тогда воспрянетъ отъ сна могильнаго, когда разбудятъ ее итальянцы».

До какой степени Италія была еще тогда внѣ общаго народнаго права, видно изъ того, что слова Кавура показались нескромными европейскимъ кабинетамъ и они дали это замѣтить піэмонтскимъ дипломатамъ, аккредитованнымъ при нихъ; конечно, раздражающія фразы противниковъ Кавура, вродѣ приведенныхъ пустозвонныхъ словъ Броферіо, усиливали высказанное неудовольствіе.

О. Орлова.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Чѣмъ можетъ и долженъ быть современный русскій писатель *).

I.

Среди всевозможныхъ «кризисовъ» и «переходныхъ состояній» нашего времени литературѣ выпала едва ли не самая печальная участь. На нее одновременно надвинулось два страшныхъ неумолимыхъ врага—политика и наука.

Одна вотъ уже въ теченіе цѣлаго вѣка неуклонно устраняетъ со сцены все традиціонно-величавое, аристократическое и изящное и даетъ неограниченный просторъ безличной толпѣ, прозаической демократіи, будничнымъ жизненнымъ интересамъ въ ущербъ былымъ рыцарственнымъ замысламъ и подвигамъ исключительныхъ героевъ. Другая—наука—совершаетъ такія же опустошенія въ прошломъ, какія политика въ настоящемъ. Она развѣнчиваетъ и губитъ одну за другою поэтичнѣйшія легенды старины, стираетъ безсмертную славу съ самыхъ романтическихъ именъ,—и герои превращаются въ миѳы, дѣйствительностью остается только одна народная сила, все та же «презрѣнная толпа».

А между тѣмъ героическое, исключительное въ какомъ бы то ни было смыслѣ — основной нервъ художественнаго вдохновенія, и новый англійскій поэтъ, въ порывѣ естественнаго негодованія, науку уподобитъ полуженщинѣ-полузмѣѣ, а французскій эстетическій философъ современные успѣхи демократіи объявитъ похоронами всякаго искусства и всякой художественной красоты.

Что же остается поэтамъ и эстетикамъ?

Бѣжать отъ дѣйствительности, которая оказывается суровой, скептически-холодной или насмѣшливой мачихой и искать звуковъ и вдохновенія гдѣ-нибудь въ заоблачныхъ краяхъ, на высотахъ вновь созданныхъ Олимпа и Парнаса.

---

*) Рѣчь, произнесенная въ пользу московскаго Пречистенскаго попечительства о бѣдныхъ, на тургеневскомъ музыкально-литературномъ вечерѣ, въ Историческомъ музеѣ, 15 января.

Поэты должны заговорить подлиннымъ языкомъ боговъ, возможно менѣе внятнымъ для смертнаго слуха, открыть символы отрѣшенной красоты и человѣческое слово слить съ нечленораздѣльными стихійно-чарующими звуками музыки.

Тогда поэзія дѣйствительно будетъ спасена отъ унизительнаго соприкосновенія съ варварами и отъ назойливаго вмѣшательства знанія. Но принесетъ ли честь это спасеніе? Кому не извѣстно, что презрѣніе къ врагу слишкомъ часто уловка безсилія предъ этимъ самымъ врагомъ и что жизнь безжалостно разсчитывается съ тѣми, кто съ видомъ оскорбленнаго величія отходитъ отъ нея въ сторону и побѣдой считаетъ заугольное одиночество и тупеядное самодовольство.

Разсчетъ жизни—холодное равнодушіе и полное забвеніе. Надъ могилами своихъ жертвъ она повторяетъ одну и ту же эпитафію·

Эта смерть для общества чужда:
Онъ свѣту не принесъ ни пользы, ни вреда,
И мы безъ горести, безъ страха и волненья
Глядимъ на павшаго, достойнаго паденья...

Не всѣхъ смущенныхъ друзей поэзіи можетъ утѣшить такая судьба, и они ищутъ другого пути—борьбы и побѣды.

Должна, говорятъ намъ, возродиться особая наука въ отвѣтъ на скептицизмъ и иронію положительной мысли, съ собственными законами и правилами.

И вы знаете, сколько шуму за послѣднее время успѣли натворить новоявленные изслѣдователи и законодатели!

Снова подняты вопросы, что̀ такое художественный талантъ, въ чемъ тайна творчества, каковы отношенія искусства къ дѣйствительности,—однимъ словомъ, эстетика вновь грозитъ расцвѣсть пышнымъ цвѣтомъ на давно истлѣвшемъ прахѣ средневѣковаго и классическаго педантизма.

Но помните ли вы, можете ли даже представить, чтобы теорія вызвала вдохновеніе, чтобы философія—пѣвца цвѣтовъ и любви превратила въ поэта-гражданина или наоборотъ?

Не мнѣ управлять вдохновеньемъ поэта,—

заявляетъ средневѣковый императоръ въ шиллеровской балладѣ,—и эти слова достойны въ нашемъ опытѣ занять то самое мѣсто, какое эллины отвели на олимпійскомъ храмѣ великой истинѣ «познай самого себя».

Итакъ, ни выспренныхъ полетовъ, знаменующихъ немощь и страхъ, ни благонамѣренныхъ правилъ, воскрешающихъ схоластику и нетерпимѣйшій деспотизмъ въ мірѣ,—деспотизмъ надъ талантомъ и творческой личностью.

Гдѣ же спасеніе? Врагъ не ждетъ. Въ Парижѣ—вѣковомъ привилегированномъ царствѣ всемірно-вліятельной литературы—безпрестанно раздаются голоса: «литература въ опасности»,—и всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ молодой критикъ, Ренэ Думикъ, еще разъ пропѣлъ отходную

французскому роману. Имъ будто интересуются теперь только праздныя женщины и спеціально-литераторскіе кружки: люди серьезные, люди жизненнаго дѣла и особенно народъ, — эта по часамъ возрастающая сила будущаго,—и знать не хотятъ о существованіи Золя, Додэ, Мопассана.

Перспектива по-истинѣ трагическая и роковая для значенія и самолюбія писателей.

Она далеко не новая.

Уже много лѣтъ назадъ на нее указывалъ восторженнѣйшій почитатель русской литературы—Вогюэ, и именно своими восторгами намѣчалъ исходъ.

Тамъ, на далекомъ, на французскій взглядъ, варварскомъ сѣверѣ литература и писатель играютъ совершенно другую роль, чѣмъ въ Парижѣ, въ центрѣ міровой культуры. Мы,—говорилъ критикъ,—забавляемся новымъ романомъ, мимоходомъ, какъ развлеченіемъ, будто модной картиной, выставленной въ окнахъ магазина, тамъ литература—насущный хлѣбъ для души, «писатель — вождь своего племени», носитель его міросозерцанія, часто поэтъ — пророкъ.

И Вогюэ могъ обильными фактами пояснить свою мысль и во главѣ примѣровъ поставилъ онъ Ив. С. Тургенева.

Для иностранца это было результатомъ скорѣе внѣшнихъ впечатлѣній,— великой славы романиста, его обаятельной личности, его глубоко-сердечнаго писательскаго генія. Иностранецъ не могъ отдать себѣ полнаго отчета въ терніяхъ славы, въ громадной внутренней работѣ писателя надъ своимъ нравственнымъ міромъ и въ драматической исторіи сердца и таланта именно тамъ, гдѣ на посторонній взглядъ рисовалось только тріумфальное шествіе вождя и пророка.

А между тѣмъ въ этой исторіи и заключается вся наша эстетика, рѣшеніе столь рѣзко поставленныхъ вопросовъ о будущемъ художественнаго творчества и о достойномъ назначеніи талантовъ. И всѣ отвѣты составляются изъ подлинныхъ фактовъ, настолько краснорѣчивыхъ что для выводовъ не требуется никакихъ усилій теоріи и никакихъ тенденцій публицистики.

II.

Перенеситесь къ моменту, когда Тургеневъ готовился взяться за литературу. Предположите,—вы полвѣка назадъ задали вопросъ иностранцу,— что̀ такое писатель, и каковы плоды его дѣятельности?

Въ отвѣтъ вамъ назвали бы рядъ именъ съ чрезвычайно громкими титулами: депутатъ, министръ, дипломатъ, герой политической печати, даже глава государства. Вотъ чѣмъ безпрестанно увѣнчивался путь, начатый часто впроголодь, на какой-нибудь мансардѣ, въ передней газетной редакціи.

А тамъ, гдѣ предстояло дѣйствовать «вождямъ» и «пророкамъ», не только жизнь писателя, а даже его смерть не успѣваетъ примирить съ нимъ людей силы и власти.

Надъ свѣжими могилами именно тѣхъ, кому теперь воздвигаются всероссійскіе монументы, неизмѣнно поднимается междоусобная брань. Какъ! журналистъ смѣлъ поприще Пушкина назвать «великимъ!» Развѣ Пушкинъ былъ полководцемъ или литераторомъ? Писать стишки—какое тутъ величіе?

Немного позже, столь же легкомысленный литераторъ Гоголя обзоветъ «великимъ человѣкомъ»... Еще горшее преступленіе,—и въ обоихъ случаяхъ послѣдуетъ соотвѣтствующая кара.

Можетъ статься и хуже. «Собакѣ—собачья смерть!»—будетъ эпитафіей Лермонтову.

Для кого же и во имя чего при такихъ условіяхъ отдаваться литературѣ—искренно безраздѣльно, какъ дѣлу цѣлой жизни?

О блестящихъ перспективахъ не можетъ быть и рѣчи. Кое-какая публика, вѣроятно, есть: читаются нѣкоторые журналы, иногда даже покупаются книги. Но гдѣ эта публика и кто она такая? Все, что на виду, что стоитъ во главѣ просвѣщеннаго общества,—или подобно просвѣщенному администратору Писемскаго считаетъ «этихъ господъ» на дурномъ счету, или смотритъ на нихъ какъ на изобрѣтателей особаго рода лимонада.

И сами писатели отлично знаютъ горькую дѣйствительность. Если они заговариваютъ о *благодарной* публикѣ,—непремѣнно на сцену появляется или обитатель четвертаго этажа, юный, неосновательный энтузіастъ, или «неизвѣстный, скромно-одѣтый» провинціалъ, или какая-нибудь мечтательница, исписывающая альбомы отрывками изъ любимыхъ писателей.

И посмотрите,—съ какимъ лиризмомъ русскіе литераторы разсказываютъ объ этихъ друзьяхъ-читателяхъ! Вы помните, въ какой рамкѣ чарующей поэзіи нарисовалъ Гоголь любителя литературы съ четвертаго этажа,—и сколько вдохнулъ сердца и гражданской мудрости въ невзрачную фигуру сѣраго провинціала,—послушайте писателя не поэта, сопоставьте фактъ и восторги, имъ вызванные,—вы ничего подобнаго не откроете въ признаніяхъ ни одного европейскаго «властителя думъ».

Молодой начинающій авторъ пишетъ своему другу:

«Еслибы ты зналъ, какъ весело быть писателемъ! Я написалъ одну статью, говоря по совѣсти довольно плохо, и, еслибы могъ, уничтожилъ бы ее теперь. Но, несмотря на то, эта одна плохая статья доставила мнѣ минуты неоцѣненныя; кромѣ многаго другого скажу только одно. Есть въ Москвѣ одна дѣвушка, прекрасная, умная, любезная, которую я не знаю и которая меня отъ роду не видывала. Тутъ еще нѣтъ ничего особенно пріятнаго, но дѣло въ томъ, что у этой дѣвушки есть альбомъ, куда она пишетъ все, что ей нравится,—и вообрази, подлѣ стиховъ Пушкина, Жуковскаго и проч. списано больше половины моей статьи. Что она нашла въ ней такого трогательнаго, я не знаю; но, несмотря на то, это одно можетъ заставить писать, еслибы даже въ самой работѣ и не заключалось лучшей награды *).

*) И. В. Кирѣевскій: *Сочиненія*. М., 1861 г., *Матеріалы для біографіи*, стр. 17.

Скромно и юношески-наивно,—но другого утѣшенія нѣтъ,—и авторъ мужественно собирается въ путь.

Онъ, конечно, знаетъ объ опасностяхъ, но только изъ одного источника—всѣмъ видимаго и для всѣхъ одинаково грознаго. Онъ не подозрѣваетъ другихъ, еще болѣе чувствительныхъ, потому что онѣ надвинутся какъ разъ со стороны восторженныхъ молодыхъ читателей и читательницъ. Именно они въ своемъ благородномъ энтузіазмѣ готовы ежеминутно огорчить самаго избраннаго писателя и даже развѣнчать его.

Какъ это можетъ произойти?

На Западѣ—дѣло немыслимое, но у насъ прямо неизбѣжное—въ силу неотразимой логики жизни и психологіи.

По словамъ Гоголя,—въ его время ни подъ какимъ полуденнымъ небомъ не читались поэты съ такимъ возвышенно-пылкимъ трепетомъ сердца, какъ въ холодной и снѣжной Россіи.

Это собственно даже не литературное чтеніе, не интересъ къ искусству и менѣе всего упоеніе красотой,—а насыщеніе алчущей и жаждущей души, тѣ самыя минуты высокаго счастья, какія Платонъ заставлялъ переживать смертныхъ въ царствѣ чистыхъ идей.

Намъ «нуженъ былъ вождь», говорилъ молодой Тургеневъ о себѣ и о своихъ сверстникахъ и—какой вождь!—«Кто на родномъ языкѣ русской души нашей умѣлъ бы намъ сказать это всемогущее слово *впередъ*».

Такъ Гоголь поясняетъ духовную жажду, томившую поколѣнія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ,—и отсутствію такого вождя приписывалъ гибель благороднѣйшихъ молодыхъ русскихъ силъ.

И вождя трудно было найти.

Между отцами и дѣтьми съ каждымъ годомъ пропасть становилась все глубже, и задолго до появленія тургеневскаго романа въ жизни даровитѣйшихъ будущихъ дѣятелей успѣлъ разыграться цѣлый рядъ драмъ и траги-комедій на тему Базарова и «старенькихъ романтиковъ», а еще чаще прирожденныхъ деспотовъ и рыцарственныхъ идеалистовъ.

Въ университетахъ «солнце истины освѣщало наши умы очень тускло и холодно»,—пишетъ одинъ изъ скромнѣйшихъ «дѣтей» *),—и свѣта приходилось искать гдѣ угодно, только не въ оффиціальномъ органѣ науки,—не у людей завѣщавшихъ потомству анекдотическія біографіи и мелкіе характеры,—естественнѣе всего въ литературѣ.

И она становится источникомъ всего личнаго и общественнаго бытія молодежи. Она—одновременно искусство, наука, религія. Даже въ провинціи у ея свѣта группируются всѣ, въ комъ не умеръ человѣкъ, она «маленькій ручеекъ мысли»—единственный «скромно и таинственно бѣгущій посреди грубой и солдатскимъ сукномъ исполненной жизни» **).

---

*) К. С. Аксаковъ.

**) Писемскій въ романѣ *Люди сороковыхъ годовъ*.

Теперь посмотрите,—какъ такое небывалое въ мірѣ назначеніе художественнаго творчества должно отразиться на писателяхъ и ихъ дѣятельности.

III.

Представьте, все, что возможно въ вашей трудовой и тусклой жизни свѣтлаго и свободнаго, сосредоточено на одномъ предметѣ,—все равно, будь это человѣкъ или какая-нибудь цѣль. Вы по цѣлымъ днямъ задыхаетесь въ мелочахъ подневольной, можетъ быть даже незамѣтно опошляющей и ожесточающей работы, и живете одною мыслью: вотъ вернусь домой и дамъ просторъ истомленной и изломанной душѣ въ человѣческой бесѣдѣ, въ бодрящихъ думахъ и надеждахъ.

И вдругъ—этотъ единственный свѣтильникъ начинаетъ меркнуть, чадить и готовъ совсѣмъ погаснуть. Взрывъ отчаянія и безнадежнаго гнѣва невольно охватитъ васъ—и вы жестоко отомстите за свое разочарованіе, за свое теперь полное и безпросвѣтное одиночество.

Вотъ именно съ такими настроеніями приступало тургеневское поколѣніе къ поискамъ вождя. Если онъ находился,—не было предѣловъ благодарности и восторга. Вы помните, какъ Тургеневъ замеръ въ безмолвномъ созерцаніи при первой встрѣчѣ съ Пушкинымъ, какъ позже Бѣлинскому даже на улицахъ приходилось выдерживать объятія какого-нибудь энтузіаста-студента. Но у столь стремительныхъ чувствъ имѣется и своя оборотная сторона.

Эта молодежь не даромъ расточаетъ овація и проникается благоговѣніемъ. Она зорко слѣдитъ за своими кумирами и часто раньше анализа и разсудка—сердцемъ чувствуетъ изъяны и фальшь. Великое счастье попасть въ «вожди», но оно своего рода шапка Мономаха, и еще нигдѣ и никогда писатель не несъ такихъ суровыхъ нравственныхъ обязательствъ, какъ у насъ, въ началѣ великой эпохи нашего возрожденія.

У публики единственный культурный руководитель—литература, и она, подобно натановскому Саладину:

> Правды требуетъ, хочетъ правды!
> Притомъ наличной, ясной, какъ монета...

И горе, если монета покажется ей неполновѣсной или поддѣльной! Психологическій законъ, смѣны сильнаго чувства другимъ столь же сильнымъ, ему противоположнымъ, оправдается съ убійственной послѣдовательностью обманутыхъ надеждъ и оскорбленныхъ иллюзій молодости.

Не будетъ допущено никакихъ оправданій и оговорокъ. Маркизъ Поза не признаетъ уступокъ въ пользу жизни въ ущербъ идеалу, и это значитъ нанести ему личную обиду—открыть тѣни и противорѣчія на ослѣпительномъ дѣтищѣ его благороднаго воображенія.

Еще рискованнѣе вопросъ съ идеями.

Здѣсь, предъ русской молодежью, будто предъ сказочнымъ принцемъ,—цѣлые волшебные міры. Европа переживаетъ едва ли не самую плодород-

ную полосу своей цивилизаціи. Что ни страна, то новое движеніе—могучее, геніальное, съ первостепенными талантами во главѣ и съ неограниченнымъ размахомъ идеи. И размахъ одинаково охватываетъ всѣ области человѣческаго духа: въ поэзіи—байронизмъ, въ философіи—гегельянство, въ политикѣ—французскіе перевороты, эффектнѣйшая борьба въ парламентѣ и внѣ парламента,— борьба не партій, а общественныхъ стихій—политическаго либерализма и соціальныхъ идеаловъ демократіи.

И при всѣхъ этихъ зрѣлищахъ присутствуетъ обитатель четвертаго этажа и юная составительница завѣтнаго альбома. Какъ будетъ воспринято этой публикой бурное дыханіе новаго вѣка, даже на своей родинѣ безпрестанно вызывавшее или самозабвеніе восторга, или манію злобы?

Что же должно произойти у насъ?

Всякая идея можетъ имѣть двоякую судьбу, въ прямой зависимости отъ дѣйствительности.

Она, дѣйствительность, можетъ или свободно воспринимать идеи, или оказывать имъ упорное сопротивленіе. Сообразно съ этими условіями мѣняется исторія идей и характеры идеалистовъ.

Гдѣ идея не встрѣчаетъ завѣдомой стихійной вражды, тамъ она не представляетъ какого-либо экстреннаго, чрезвычайнаго явленія, и тѣ, кто усвоиваетъ ее, не имѣютъ права на исключительное положеніе и драматическій героизмъ.

Имъ, конечно, приходится бороться. Но если они умѣютъ доказать жизненность и настоятельность своихъ идей,—они могутъ быть увѣрены въ побѣдѣ. Все зависитъ отъ качества идеи и реальной силы идеалистовъ.

Совершенно другая картина тамъ, гдѣ дѣйствительность невосприимчива къ идеямъ только потому, что онѣ—идеи, гдѣ она отстаиваетъ свое бытіе просто во имя его самого, а не логики или даже практической пользы.

На этой почвѣ идея становится контрабандой и совершенно мѣняется и ея значеніе и роль идеалистовъ.

Идею склонны высоко цѣнить не по ея положительному достоинству, а потому что она вообще *идея,* а не *фактъ* окружающей дѣйствительности, т.-е. одна крайность вызываетъ другую.

Отсюда—неизбѣжныя увлеченія самыми отважными теоріями, часто менѣе всего жизненными и цѣлесообразными,—фантастическими построеніями въ противовѣсъ реальной жизни.

Достаточно, если то или другое отвлеченное представленіе противорѣчитъ дѣйствительности, уже оно въ силу этого увлекательно, во-первыхъ, потому что дѣйствительность органически враждебна идеалу, а потомъ она не воспитала у людей здраваго и спокойнаго отношенія къ идеаламъ и подорвала кредитъ всего реальнаго и положительнаго *вообще*, враждуя съ идеальнымъ *безусловно.*

Это—одно.

Съ другой стороны, гдѣ идея—контрабанда, всякій ее исповѣдующій невольно вырастаетъ въ своихъ и чужихъ глазахъ до героя, до подвиж-

ника. Естественно тамъ, гдѣ не умѣютъ опредѣлить дѣйствительной цѣнности идеи, столь же мало смогутъ различить и положительныя качества идеалиста.

Въ результатѣ за идеи сходятъ подчасъ самые легкомысленные и дикіе продукты воображенія и теоретическаго ума, за идеалистовъ—невѣжественнѣйшіе и пустѣйшіе фантазёры, за героевъ—мишурные лицедѣи и вздорные говоруны.

И нигдѣ всѣхъ этихъ прелестей не появлялось и не могло появиться въ такомъ количествѣ, какъ въ затхломъ, застоявшемся воздухѣ дореформенной Россіи.

И вы припоминаете—жертвами оказывалась не только безличная толпа «малыхъ сихъ», падкая на дешевый соблазнъ и театральное кривляніе, а можно сказать «соль» Русской земли.

IV.

Байронизмъ даже Пушкина облекъ на нѣкоторое время въ пронзительный костюмъ принципіальнаго человѣконенавистника и поэтъ поучалъ брата, съ высоты своего двадцатитрехлѣтняго опыта, презирать людей возможно глубже и отважнѣе.

Не избѣгъ и Лермонтовъ артистическаго демонизма, хотя бы ради пугливыхъ дѣвичьихъ сердецъ.

Съ гегельянствомъ вышло еще хуже.

Злополучная «разумная дѣйствительность» довела Бѣлинскаго до чистомученическаго экстаза и въ его произведеніяхъ оставила такой слѣдъ, что великій идеалистъ потомъ не зналъ, чѣмъ искупить свое головокруженіе.

Не столь грустная исторія разыгралась съ Тургеневымъ, но также мало лестная для его самолюбія и духовной зрѣлости во дни молодости.

Онъ отдалъ обильную дань фразѣ и позѣ, ухитрившись, повидимому, поцеголять сразу въ двухъ модныхъ уборахъ—въ Чайльдъ-Гарольдовомъ плащѣ и въ нѣмецкомъ философскомъ колпакѣ.

Если въ такіе грѣхи впадали великіе и сильные, что же творилось внизу! Ни величія, ни силъ здѣсь не имѣлось, но что могло помѣшать какимъ угодно притязаніямъ и сценическимъ фокусамъ? Тѣмъ болѣе, что большинство публики всегда и вездѣ съ трудомъ различаетъ *роль* отъ *исполнителя*, текстъ отъ декламаціи, правду и жизнь отъ гримасы и грима.

И вотъ широкая Русская земля закишѣла демонами, Рудиными,—и не было ни одного среди нихъ, кто бы не обездолилъ Татьяны, не загубилъ Мэри, все равно гдѣ,—въ столичномъ салонѣ, на губернскомъ балу, на уѣздной вечеринкѣ, въ любительскомъ спектаклѣ.

Наконецъ, третій самый головокружительный фокусъ европейскихъ вліяній—политика. Въ ней русской молодежи еще труднѣе было разобраться, чѣмъ въ художествѣ и въ философіи. Здѣсь дѣйствительность не ус-

пѣла создать самой элементарной школы критики и опытнаго анализа,—и въ результатѣ уже не комическій маскарадъ блѣднолицаго разочарованія и школьническаго пессимизма гвардейскихъ недорослей, а настоящія драмы по роковому недоразумѣнію, по стихійному ослѣпленію часто благороднѣйшихъ, но политически-первобытныхъ, жизненно-безпомощныхъ умовъ.

И предъ вами, будто тяжелый, но удручающе-реальный сонъ, проходятъ страдальческія тѣни Неждановыхъ, Маркеловыхъ, и вы, предоставляя будущему окончательный судъ, только и можете повторить съ глубокою грустью слова тургеневской героини:

— Несчастные они люди, неудачливые...

Да, это мы теперь такъ можемъ говорить, но отъ писателя, дѣйствовавшаго у самой сцены событій, требовали другого. Онъ взялся быть истолкователемъ стремленій и надеждъ, какими живутъ молодыя поколѣнія. Онъ самъ отъ плоти и крови этихъ поколѣній, и это сходство душъ немедленно одушевило его истолкованія силой правды и убѣдительностью лично пережитыхъ томленій и исканій эпохи.

Но правды мало изъ устъ «вождя»,—мало для той самой публики, какую онъ представляетъ и единственно на чье сочувствіе разсчитываетъ. «Вождь» не только долженъ вѣрно говорить о томъ, что̀ есть,—онъ долженъ указать, какъ оно должно быть. Онъ, по неотразимымъ запросамъ публики, не только поэтъ дѣйствительности, но и учитель жизни. Вѣдь онъ ни на минуту не долженъ забывать, что онъ—и только онъ—единственный ангелъ для всѣхъ, чающихъ движенія живой воды.

Разрѣшить эту задачу можно въ высшей степени просто: писателю надлежитъ пристроиться къ современнымъ передовымъ теченіямъ и иллюстрировать ихъ плодами своего воображенія и таланта.

Программа совершенно ясная. Для всякаго героя готова рамка и модель: Рудинъ будетъ безупречнымъ послѣдователемъ германскаго идеализма,—безъ недостойныхъ философа театральныхъ эффектовъ и демоническихъ аттакъ на чувства и нервы наивной барышни. Базаровъ отъ начала до конца останется неумолимымъ истребителемъ романтизма и побѣдоноснымъ борцомъ съ женской красотой и аристократическими предразсудками. Нежданов, наконецъ, долженъ затмить и гегельянцевъ, и позитивистовъ—чрезвычайной силой воли, находчивостью и главное—политическою мудростью.

Въ результатѣ, и авторъ, и публика остались бы довольны другъ другомъ, и исторія русской журналистики не знала бы долголѣтней жестокой войны молодого поколѣнія съ первостепеннымъ современнымъ художникомъ.

И не одного молодо̀го поколѣнія.

Писатель, оказалось, «оскорбилъ и правую, и лѣвую сторону» *). Отцы вопіяли о «постыдномъ полдизываніи къ мальчишкамъ» **), а «мальчишки» въ свою очередь уличали его въ трусости и отступничествѣ.

*) Слова Тургенева.

**) Это выраженіе Фетомъ приписывается Кетчеру. *Мои воспоминанія*, т. II, стр. 306.

Положеніе по-истинѣ трагическое и, на первый взглядъ, заслуженное. Разъ писателя съ одинаковымъ ожесточеніемъ преслѣдуютъ противоположныя партіи,—естественнѣе всего искать вину въ немъ самомъ, въ его желаніи усѣсться на двухъ стульяхъ и прожить нехитрой мѣщанской политикой золотой средины.

Но этого нѣтъ.

Горе-богатыри умѣренности и аккуратности обыкновенно никому не нужны, кромѣ своего муравейника. Никто не считаетъ особенной честью заслужить ихъ сочувствіе, отмѣчающее только посредственность и нравственную немощь. Совершенно иначе съ Тургеневымъ.

«Правая» и «лѣвая» съ одинаковымъ усердіемъ стремятся отнять у него славу,—прежде всего изъ-за горькаго сознанія, что онъ «не ихъ». Ни отцы, ни дѣти не могутъ Тургенева считать своимъ призомъ, и именно значительность приза усугубляетъ злобу и неотразимая сила таланта и оригинальной мысли съ каждымъ новымъ романомъ все больше окисляетъ сердца критиковъ.

Тургеневъ, оказывается, виноватъ своимъ талантомъ, и еще чѣмъ-то другимъ, придающимъ особую цѣну самому таланту и безъ чего талантъ не выдержалъ бы натиска даровитѣйшей современной публицистики.

Это нѣчто—искомая нами тайна, разгадка всѣхъ эстетическихъ загадокъ.

V.

Вамъ безпрестанно приходится встрѣчать чрезвычайно удобное объясненіе характеровъ и талантовъ писателей, на основаніи будто бы точныхъ научныхъ данныхъ. Слѣдуетъ изучить только предковъ автора, потомъ среду, на него вліявшую,—и его личность и дѣятельность получается какъ сумма извѣстныхъ слагаемыхъ.

Попробуйте подобную операцію продѣлать надъ Тургеневымъ и вы не выпутаетесь изъ противорѣчій и неразрѣшимыхъ вопросовъ. Какая наслѣдственность, если сынъ крѣпостнической семьи и потомокъ крѣпостниковъ-деспотовъ явится энергичнѣйшимъ врагомъ господской власти и народнаго рабства? Можетъ ли быть рѣчь о внѣшнихъ рѣшительныхъ вліяніяхъ, если на почвѣ западныхъ теорій выростаетъ практикъ русской дѣйствительности?

Очевидно, въ мнимый законъ вмѣшалась другая сила, и мы только что видѣли, не тенденція, не преднамѣренно поставленная задача, а сила—независимая и естественная.

Тургеневъ называлъ себя «западникомъ» и разсказывалъ, какъ онъ съ перваго же путешествія за границу «бросился внизъ головою въ нѣмецкое море». Это означало прежде всего—открыть новаго Мессію въ лицѣ Гегеля и поклоняться ему какъ фетишу *).

*) Выраженіе Боткина. *Анненковъ и его друзья.* Спб., 1892 г., стр. 527.

Но это только первые восторги молодости, въ основѣ ихъ таятся другія настроенія и живутъ свои, не гегельянскіе идеалы. «Западничество» уже давно владѣло писателемъ независимо отъ волнъ нѣмецкаго моря и этотъ свой независимый голосъ скоро покроетъ всѣ чужія мессіанскія рѣчи.

Зазвучалъ онъ впервые не въ отвлеченныхъ идеяхъ, не отъ чужого внушенія, а родился непосредственно въ сердцѣ будущаго художника, явился органическимъ выраженіемъ его природы.

Основная задача тургеневскаго таланта—бороться противъ крѣпостного права, эта его «аннибалова клятва» произнесена въ ранней молодости, въ родительскомъ домѣ, и въ ней вылился крикъ оскорбленной души, а не нарочито-составленный пароль и лозунгъ идейнаго либерализма.

Это фактъ капитальной важности, только онъ можетъ объяснить неожиданную исторію нашего «западничества».

Въ то самое время, когда Гегель гипнотизируетъ русскую молодежь, когда она стремится въ Берлинъ, будто въ Мекку, и не щадитъ труда и силъ въ безконечныхъ философскихъ битвахъ, здѣсь же рядомъ она, собравшись въ кружокъ у восторженнаго поклонника новаго мессіи, даетъ торжественное обѣщаніе «всю свою дѣятельность» посвятить не на поиски абсолюта, а разумной русской дѣйствительности, т.-е. народной свободы и народнаго просвѣщенія *).

Это—мечта цѣлаго поколѣнія, вычитанная не изъ книгъ и не изъ лекцій, а подсказанная инстинктами благородной природы среди краснорѣчивѣйшихъ уроковъ родной жизни. Посмотрите, какъ просто объясняетъ дѣло едва ли не самый пламенный фетишистъ, сочинившій романтическую драму на тему все той же «Аннибаловой клятвы». «Въ этомъ сочиненіи со всѣмъ жаромъ сердца, пламенѣющаго любовью къ истинѣ, со всѣмъ негодованіемъ души, ненавидящей несправедливость, я въ картинѣ, довольно живой и вѣрной, представилъ тиранство людей, присвоившихъ себѣ гибельное и несправедливое право мучить себѣ подобныхъ».

Это признаніе Бѣлинскаго—и здѣсь каждое слово для насъ цѣлое откровеніе.

Мы не знаемъ подробно *фактовъ*, внушившихъ Бѣлинскому драму, но жизнь Тургенева переполнена ими,—и мы можемъ точно прослѣдить, какъ именно *сердце* и *естественная жажда истины* шагъ за шагомъ создавали художника-протестанта, поэта-вождя.

Мало этого, тѣ же силы сопровождали его и во всемъ дальнѣйшемъ пути, оберегли отъ прекраснодушнаго мѣщанскаго резонерства гегельянской мысли, какъ политики, оградили отъ еще болѣе соблазнительныхъ искушеній прямолинейнаго позитивизма и политическаго романтизма,—и Тургеневъ до конца оставался верховнымъ судьей идей и фактовъ въ самую отвѣтственную эпоху русской общественной исторіи.

---

*) Сцена произошла въ Берлинѣ, въ присутствіи Станкевича. „Воспоминанія Я. М. Невѣрова". *Русская Старина*, т. XL, стр. 419.

VI.

Судъ, мы знаемъ, признавался далеко не всѣми современниками, и подчасъ горько и жутко приходилось писателю, дѣйствовавшему передъ глазами самыхъ настойчивыхъ и неумолимыхъ зрителей и критиковъ, какіе только возможны на великой культурной сценѣ: фанатически вѣрующихъ идеалистовъ, мнящихъ мгновеннымъ, молодецкимъ движеніемъ плечъ сбросить съ себя вѣковую тяготу исторической дѣйствительности.

И вы знаете, сколько невыносимо-тяжелыхъ минутъ пережилъ геніальный художникъ! Сколько разъ ему приходилось растолковывать свои продуманнѣйшія произведенія даже тѣмъ, у кого было искреннее желаніе понять, но еще болѣе сильная воля—заставить художника мыслить на ихъ образецъ, служить ихъ собственнымъ мыслямъ.

Могло ли это сбыться?

Если Тургеневъ въ лицѣ Рудина безжалостно покончилъ съ идолопоклонствомъ своей молодости, съ эффектной реторикой германскаго любомудрія и съ позами безпріютнаго на землѣ таинственнаго героизма, какъ онъ могъ встрѣтить другіе эффекты и другія притязанія на завоеваніе міра путемъ теорій и беззавѣтнаго энтузіазма!

Онъ, съ дѣтства знавшій, какая это громоздкая и неподатливая сила жизнь и какое обманчивое и дурное основаніе наша человѣческая природа для величественныхъ идеальныхъ сооруженій!

И художникъ во имя все того же личнаго и непосредственнаго опыта, вдохновляемый все тѣмъ же сердцемъ и пламенемъ истины, отважится на безъисходную для его гуманной природы мучительную борьбу.

Всѣ его сочувствія на сторонѣ идейныхъ интересовъ молодежи. Онъ по себѣ знаетъ, сколько наслажденій именно русскому юношѣ приноситъ чистофилософское ученіе, широкій отвлеченный идеалъ, и какая радость,—хотя бы на нѣсколько часовъ,—уйти отъ неразумной и тщедушной дѣйствительности въ царство мощныхъ образовъ и безграничныхъ обѣтованій.

Омрачать эти часы и открывать изъяны на идеалахъ—какая жестокая задача! Но ее приметъ художникъ, какъ долгъ писательской чести, какъ службу гражданина.

И въ результатѣ Базаровъ, весь самонадѣянный порывъ только къ реальному и полезному, запутается во мглѣ романтизма и переживетъ даже горечь разбитаго сердца.

Автора немедленно потребуютъ къ допросу за такое поруганіе нигилистическаго канона. Да, поруганіе, между тѣмъ какъ вся русская да и западная литература не создавали натуры болѣе органически-мощной, по разуму и инстинктамъ свободной и по самой своей сущности культурно-прогрессивной и преобразующей.

Но именно великія силы и героическія стремленія дѣлаютъ особенно замѣтными неотъемлемыя ущербы человѣческой природы. На сѣромъ фонѣ пятна менѣе бросаются въ глаза и по поводу «галокъ» не приходится впадать въ сильныя чувства и произносить рѣзкія рѣчи... Но Базаровъ!

Онъ,—заявляла молодежь,—такое величественное явленіе, что рѣшительно во всемъ долженъ быть образцомъ, даже «совершеннымъ джентльменомъ» въ манерахъ и костюмѣ, не можетъ онъ и въ карты проигрывать,—однимъ словомъ, цезарь и жизнь его—тріумфальное шествіе.

Да,—буквально такіе упреки выслушивалъ Тургеневъ и отвѣчалъ на нихъ.

Чѣмъ,—оправданіями и поправками?—Нѣтъ. Нельзя нарочно изобрѣсти болѣе вопіющей безсмыслицы, чѣмъ обвиненіе Тургенева въ погонѣ за популярностью. Хороша забота о популярности—послѣ войны за Базарова писать *Дымъ*, а потомъ *Новь*, т.-е. явно подливать масла въ огонь и бередить зіяющія раны.

Художникъ даже утрачивалъ по временамъ былое спокойное и ясное творчество и принимался намѣренно оттачивать стрѣлы по адресу новаго фетишизма.

Онъ—по-прежнему—нѣжнѣйшій другъ молодежи, онъ готовъ «ломать шапку» передъ ней, не перестаетъ звать ее впередъ и устами своего героя—стараго романтика—посылаетъ благословеніе, но на какія дѣла и на какой путь?

Менѣе всего героическій и цезарскій.

VII.

Тургеневъ не можетъ забыть спасительныхъ опытовъ своей молодости, онъ помнитъ мглистую, безмолвно-трудовую и незамѣтно-страдальческую жизнь мужика. Здѣсь нуженъ прежде всего кое-какой умственный свѣтъ и нравственный роздыхъ. Что здѣсь можно сдѣлать съ блескомъ и трескомъ? Напротивъ, «надо умѣть смириться и не гнушаться мелкой и темной работы». Зачѣмъ здѣсь геніальность и широкій размахъ геніальныхъ натуръ? «Нужно одно сердце, способное жертвовать своимъ эгоизмомъ»...

Слышите?—опять *сердце*, то самое простое, но неутомимо вибрирующее сердце, какое еще съ дѣтства было одновременно и мукой, и геніемъ великаго писателя.

Оно, вы видите, внушило ему и свою эстетику, свои правила творчества и надѣлило его мужествомъ выполнять ихъ при какихъ угодно условіяхъ.

Эстетика до послѣдней степени наглядная: вдумчиво всматривайся въ окружающую дѣйствительность, открыто и безъ лукавства дай ей проникать въ твою душу и честно и мужественно повѣдывай другимъ о томъ, что ты замѣтилъ и что перечувствовалъ.

Для пересказа нужно умѣнье, талантъ, и если его нѣтъ—не вступай на путь творчества. Но это—вопросъ дальнѣйшій, не первый по мѣсту и по значенію для дѣла писателя. Корень и сущность въ почвѣ и матеріалѣ, подлежащемъ разработкѣ таланта.

А ихъ не создастъ никакая наука и никакая публицистика, и разго-

воры о томъ, какъ слѣдуетъ направить талантъ, столь же праздны, какъ, напримѣръ, замыселъ превратить Квазимодо въ Нарцисса.

Талантъ направляется силой, въ личности художника заключенной, — направляется часто вопреки его сознательной волѣ, какъ было съ Гоголемъ, и наперекоръ всяческимъ внѣшнимъ стихіямъ, какъ мы видимъ у Тургенева.

И эта сила до такой степени властна, что художникъ можетъ ослушаться ея только цѣной своей литературной власти. Краснорѣчивѣйшій примѣръ — тотъ же Гоголь. Тургеневу не приходило и на мысль вступить въ борьбу съ своимъ нравственнымъ и писательскимъ *я*.

Всю жизнь онъ разсказывалъ только свои *впечатлѣнія*.

«Я всѣ эти лица,— говоритъ онъ о герояхъ *Отцовъ и дѣтей*,— рисовалъ, какъ бы я рисовалъ грибы, листья, деревья; намозолили мнѣ глаза, я и принялся чертить».

Въ результатѣ на иной взглядъ получалось будто нѣчто преднамѣренное. И оно дѣйствительно было, только не въ творчествѣ писателя, а въ самой жизни и ея дѣлателяхъ. Какъ же оставалось поступать писателю? Закрыть глаза и заткнуть уши?

Нѣтъ,—отвѣчалъ Тургеневъ.

«Освобождаться отъ собственныхъ впечатлѣній потому только, что они похожи на тенденціи, было бы странно и смѣшно».

А между тѣмъ съ этой честностью, съ этимъ чистосердечнымъ отношеніемъ писателя къ жизни и своему дѣлу связана судьба художественнаго творчества. Можетъ ли оно изсякнуть и сойти со сцены человѣческой цивилизаціи, какъ нѣчто отжившее и ненужное?

VIII.

По тургеневской эстетикѣ, оно неизмѣнно слагается изъ двухъ стихій— дѣйствительности и души писателя, жадной до истины и справедливости. Когда же человѣчество переживетъ эти двѣ стихіи? Другими словами, когда жизнь перестанетъ волновать человѣческую душу и когда въ этой душѣ исчезнутъ всѣ представленія о болѣе совершенномъ и разумномъ, чѣмъ торжествующія кругомъ силы?

Это значило бы чаять въ будущемъ живого не въ жизни, а въ смерти, и мыслить человѣчество безъ надеждъ и желаній.

Нѣтъ, подлинное искусство безсмертно, потому что неразрывно связано съ самыми основами нашего бытія и нашего возможнаго счастья.

И чтобъ эта связь не ослаблялась ни временемъ, ни людьми, необходимо выполнять только одно правило, провозглашенное еще Евангеліемъ:

«Имѣяй уши слышати да слышитъ».

И до Евангелія эта истина, какъ и ученіе о любви, не было новостью, но Евангеліе умѣло вызвать къ дѣятельности людей, съ минуты просвѣщенія до послѣдняго часа не закрывавшихъ слуха и взора предъ зломъ

нашего міра и его неизбывной тоской по свѣту и возможной для человѣка правдѣ.

Этого было достаточно, чтобы христіанство запечатлѣло свою проповѣдь мученичествомъ. Но оно побѣдило міръ и истину, едва извѣстную избраннымъ, сдѣлало достояніемъ всѣхъ, кто въ силахъ вмѣстить ее.

Нашихъ писателей сравниваютъ съ пророками, и это сравненіе — не сказка и не комплиментъ. Оно — точное выраженіе идейнаго и нравственнаго смысла тургеневскихъ завѣтовъ русской литературѣ.

До конца дней исполненный вѣры въ культурное призваніе русскаго народа и русскаго общества, онъ не задолго до смерти, увѣнчанный лаврами со всѣхъ концовъ міра, провозглашалъ тостъ: «за молодость, за будущее!»

Можетъ быть, дорога къ этому будущему извилиста и терниста, тогда призваннымъ вождямъ его Тургеневъ могъ указать на свою жизнь, на свои разсчеты съ многообразными препонами и рожнами писательской дѣятельности и лишній разъ повторить истинно-пророческое напутствіе страстно любимому русскому художественному слову. Пусть оно идетъ къ своей цѣли безъ всякихъ школъ и направленій въ литературѣ, безъ всякихъ напряженныхъ искусственныхъ задачъ ради публики, подъ великою эгидой жизненной правды и жизнью воспитаннаго идеализма.

Встрѣтится на пути врагъ и даже гонитель, тогда обратитесь къ нему съ тѣми самыми словами, съ какими пророки Евангелія прошли весь міръ, съ единственнымъ оружіемъ — слова и любви. Ихъ девизъ былъ избраннымъ утѣшеніемъ и нашего писателя въ дни невзгодъ и жестокихъ недоразумѣній:

Бей меня, но будь здоровъ и сытъ...

Ив. Ивановъ.

Картины жизни Византіи въ X-мъ вѣкѣ *).

IX.

Зима съ 963 на 964 годъ прошла въ Византіи очень весело. Никифоръ, любимый народомъ за блестящія побѣды, но, можетъ быть, скомпрометированный уже нѣсколько врожденною скупостью и суровостью, старался всѣми мѣрами поддержать свою популярность щедротами, постоянными играми въ циркѣ и всевозможными увеселеніями. Не превосходя роскошью великолѣпія временъ Іустина и Юстиніана, зрѣлища въ византійскомъ ипподромѣ пріобрѣли въ десятомъ вѣкѣ характеръ еще болѣе странный и отличались бо́льшимъ разнообразіемъ. Все, что можно было заимствовать съ Востока, отъ сарацинъ и арабовъ, съ Сѣвера, отъ народовъ древней Скиѳіи, отъ руссовъ, хозаръ, печенѣговъ и болгаръ, пускалось въ ходъ распорядителями празднествъ для развлеченія народа. Фантасмагоріи индійскихъ фокусниковъ, чудеса проворства и ловкости арабскихъ гимнастовъ, забавныя выходки скомороховъ, дикія пляски сѣверянъ, одѣтыхъ въ звѣриныя шкуры, страшныя появленія скиѳскихъ волхвовъ и кудесниковъ, танцы собакъ, наряженныхъ въ разнообразные костюмы подвластныхъ или союзныхъ народовъ, служили неисчерпаемыми интермедіями чисто-византійскимъ потѣхамъ, скачкамъ въ колесницахъ, хоровому пѣнію цирковыхъ партій, пантомимамъ актрисъ и танцовщицъ. Диковинные звѣри, доставленные изъ странъ полярныхъ и изъ раскаленныхъ пустынь Ливіи, по-очередно проходили съ поводильщиками въ живописныхъ костюмахъ передъ глазами толпы, вѣчно жадной на новизны. Про невѣдомыхъ животныхъ слагались необычайныя сказки, производившія захватывающее впечатлѣніе на зрителей, наивно принимавшихъ на вѣру розсказни о скованныхъ цѣпями крокодилахъ, олицетворявшихъ собою для нихъ драконовъ «преисподней», объ ученой собакѣ Пиеонѣ, представлявшейся прирученнымъ бѣсомъ, о двуголовомъ мулѣ, чудищѣ совершенно поразительномъ.

Такого рода зрѣлища, при оркестрахъ въ нѣсколько сотенъ музыкантовъ, при хорахъ чуть не въ тысячу человѣкъ, исключительно занимали

*) *Русская Мысль*, кн. I, 1898 г.

умы византійцевъ въ послѣднія недѣли 963 г. и въ первые мѣсяцы 964 г. И почти каждый день появлялся въ ипподромѣ «Богомъ избранный» василевсъ, въ царственномъ уборѣ, со скипетромъ въ рукѣ всходилъ на *кавсиму* и медленно, «истово», трижды осѣнялъ многотысячную толпу крестнымъ знаменіемъ. Затѣмъ царь отдавалъ актуарію приказаніе начинать игры и потомъ, такъ же невозмутимо и безстрастно, передавалъ знакъ отличія побѣдившему на скачкахъ возницѣ, одѣтому въ расшитую золотомъ голубую куртку, при неистовыхъ крикахъ «голубыхъ», при дикихъ воплях бѣшенства «зеленыхъ» *).

Вопреки своимъ личнымъ вкусамъ, Никифоръ присутствовалъ на всѣхъ подобныхъ зрѣлищахъ, приневоливая себя принимать въ нихъ участіе ради поддержанія своей популярности. Такъ же точно, но, вѣроятно, много охотнѣе, появлялся онъ во всѣхъ религіозныхъ процессіяхъ, занимавшихъ очень большое мѣсто въ византійской жизни. И въ эту первую зиму царствованія Никифора почти дня не проходило безъ того, чтобъ народъ не видалъ его то во главѣ какой-нибудь церковной процессіи, вмѣстѣ съ патріархомъ, то на разволоченной царской галерѣ, направляющимся по Золотому Рогу къ цѣлебному источнику Влахернской Божіей Матери, дабы погрузиться въ него въ присутствіи только своихъ евнуховъ, то проходящимъ въ храмъ Св. Софіи, то шествующимъ въ сопровожденіи духовенства къ чтимымъ монастырямъ и святынямъ на берегахъ Босфора и Никомидійскаго залива. На улицахъ и на крышахъ ждали царя толпы народа, восхищеннаго блестящимъ зрѣлищемъ, умиленнаго набожностью своего государя.

По возвращеніи въ Священныя Палаты, Никофоръ долженъ былъ продѣлать разныя церемоніи, исполнить многочисленныя обязанности, налагаемыя на него почти неземнымъ величіемъ царя византійскаго. Ежедневно по нѣсколько разъ проходили передъ нимъ однообразные ряды палатныхъ чиновъ и сановниковъ, воздававшихъ ему монотонныя, навсегда установленныя почести. Затѣмъ слѣдовали представленія должностныхъ лицъ, получившихъ новыя назначенія и являвшихся принять отъ царя инвеституры. Далѣе происходили пріемы пословъ, прибывавшихъ безпрерывно изъ странъ вассальныхъ и сосѣднихъ,—*апокрисарія* **) сарацинскаго, темнокожаго, въ бѣлоснѣжной одеждѣ, болгарскихъ бояръ, печенѣговъ въ звѣриныхъ шкурахъ, лохматыхъ хозаръ, итальянскаго прелата, лукаваго и льстиваго, привезшаго письмо папы Іоанна XII, или какого-нибудь лонгобардскаго вассала, гонцовъ съ далекаго Кавказа отъ «царя царей» Арменіи или отъ куропалата Иверіи... И только покончивши со всѣми поклоненіями, представленіями и пріемами, Никифоръ могъ на короткое время удалиться въ геникей къ своей возлюбленной красавицѣ Ѳеофано, умѣвшей своими чарами и

*) *Голубые* и *зеленые* — двѣ извѣстныя цирковыя партіи, не разъ производившія серьезныя смуты въ Византіи и всегда фигурировавшія во всѣхъ торжествахъ въ качествѣ признанныхъ корпорацій.

**) *Апокрисарій* — византійское наименованіе посланника, легата, дипломатическаго агента.

ласками каждый день все болѣе и болѣе разжигать страсть своего далеко не молодого супруга. И онъ, угрюмый, строгій къ себѣ и къ другимъ, суровый со всѣми, бережливый до скупости, становился нѣжнымъ, щедрымъ, расточительнымъ,—не зналъ, чѣмъ угодить волшебницѣ, осыпалъ ее драгоцѣнностями отъ византійскихъ ювелировъ и отъ знаменитѣйшихъ мастеровъ Дамаска и Алепо, дарилъ ей роскошнѣйшія ткани и персидскіе ковры, серебряную мебель и посуду, дворцы и виллы на Босфорѣ, помѣстья въ Азіи и Ѳракіи, колесницы, отдѣланныя золотомъ, слоновой костью и перламутромъ, коней изъ Аравіи и Венгріи, рѣдкостныхъ евнуховъ, купленныхъ за огромныя деньги въ самыхъ далекихъ краяхъ. Любоваться дивною красотой царицы удавалось византійцамъ лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, когда строгіе и незыблемые уставы двора дозволяли супругѣ василевса, вмѣстѣ съ малолѣтними царями, очень издали показываться народу. Въ ослѣпительно-блестящемъ убранствѣ, неподвижная, поддерживаемая подъ руки евнухами, окруженная знатнѣйшими женщинами, она казалась неземнымъ созданіемъ, какимъ-то божествомъ, передъ которымъ благоговѣйно преклонялись византійцы, забывавшіе въ такія минуты ту негодную репутацію, которою пользовалась дочь кабатчика Кратера.

Помимо оффиціальныхъ торжествъ и церемоній, Никифоръ отдавалъ очень много времени правительственнымъ заботамъ, предсѣдательствуя каждый день въ государственномъ совѣтѣ, выслушивая доклады министровъ и начальниковъ отдѣльныхъ частей управленія, лично принимая ежедневно донесенія отъ гонцовъ о ходѣ войны съ сарацинами, которую продолжалъ вести доместикъ Цимисхій во главѣ анатолійскихъ войскъ. За всю эту зиму Никифоръ не оставлялъ мысли съ наступленіемъ весны принять лично начальство надъ восточною арміей и нанести окончательное пораженіе мосульманамъ. Ради этого онъ, съ обычною своею энергіей, собиралъ и дѣятельно организовалъ такія вооруженныя силы, какихъ до тѣхъ поръ Византія еще не видала. Прибывавшимъ отовсюду отрядамъ императоръ производилъ лично смотры и ученья, что не мѣшало ему заниматься дѣлами гражданскаго и церковнаго управленій, а также актами законодательства, изъ которыхъ до насъ дошло, къ сожалѣнію, очень немногое,—кажется, всего шесть «новеллъ», изъ которыхъ въ особенности замѣчательна одна, обнародованная въ эту самую зиму и въ высшей степени характерная для такого высокорелигіознаго и искренно благочестиваго человѣка, какимъ былъ всю жизнь Никифоръ. Озабоченный увеличеніемъ своихъ армій для огражденія имперіи отъ враговъ, подступавшихъ къ ней со всѣхъ сторонъ, Никифоръ обратилъ вниманіе на чрезмѣрное возрастаніе числа монаховъ и изыскивалъ средства поставить этому извѣстный предѣлъ.

Въ столицѣ, въ любомъ провинціальномъ городѣ и въ ничтожномъ посадѣ нельзя было пройти ста шаговъ, не встрѣтивши чернеца или калугера, болѣе или менѣе грязнаго, невѣжественнаго и грубаго, эксплуатирующаго простодушную вѣру обывателей. Не было ни городка, ни поселка, въ которомъ не оказалось бы своего большого или малаго монастыря. Въ

Константинополѣ и его предмѣстьяхъ ихъ насчитывались сотни. Императоры, принцы крови, знатные вельможи и разбогатѣвшіе торговцы почитали своимъ непремѣннымъ долгомъ основать одинъ или нѣсколько монастырей и щедро надѣлить ихъ при жизни или завѣщать имъ недвижимыя имѣнія. Въ долгіе годы тяжелыхъ войнъ, тревогъ и смутъ, люди искали тихаго и спокойнаго пристанища и сколько-нибудь обезпеченнаго существованія, спѣшили укрыться подъ одеждою иноковъ отъ военной службы, и число монашествующихъ разрасталось неимовѣрно: въ одной Студійской обители ихъ было до тысячи и счета не было проживавшимъ въ монастыряхъ и лаврахъ Аѳона и Пелопонеза, въ киновіяхъ и кельяхъ горы Олимпа. Сотни тысячъ бодрыхъ и здоровыхъ силъ ускользали отъ службы въ войскахъ и слагались въ громадную армію чернецовъ, которая могла оказаться весьма опаснымъ элементомъ въ минуты взрывовъ фанатизма. Другого рода опасность, отнюдь не меньшую для государства, представляло накопленіе земель, безпрерывно переходившихъ путемъ даренія и наслѣдованія изъ частнаго владѣнія въ собственность монастырей, церквей и всякаго рода богоугодныхъ заведеній. Надо было имѣть очень большую смѣлость для того, чтобы коснуться многочисленнаго и вліятельнаго въ имперіи духовенства.

Благочестивѣйшій Никифоръ,—самъ основавшій и щедро одарившій одинъ изъ богатѣйшихъ монастырей Аѳона, самъ не разъ высказывавшій желаніе принять монашество,—не побоялся обнародовать законъ, направленный прямо противъ монастырей. Въ его знаменитой «новеллѣ» говорится очень опредѣленно: «Симъ воспрещается основывать новые монастыри и иныя богоугодныя учрежденія, такъ какъ нынѣ существующіе весьма многочисленны. Достаточно ихъ содержать, не воздвигая новыхъ. Воспрещается и ихъ обогащать новыми пожертвованіями недвижимыхъ имѣній, а равно и увеличивать ихъ. Отнынѣ воспрещается также кому бы то ни было завѣщать поля, земли или дачи монастырямъ, богоугоднымъ заведеніямъ или духовнымъ лицамъ». Царь очень серьезно указываетъ инокамъ, что лучше бы имъ удалиться въ пустыни, чѣмъ тѣсниться вокругъ городовъ, что имъ слѣдовало бы отказаться отъ большихъ помѣстій и богатыхъ имѣній. Очень любопытны для того времени откровенно приводимые мотивы такого закона: «Монахи не проявляютъ ни одной изъ евангельскихъ добродѣтелей. Каждую минуту они думаютъ только о пріобрѣтеніи земельной собственности, клочокъ за клочкомъ, о сооруженіи обширныхъ построекъ, о покупкѣ безчисленнаго множества лошадей, рогатаго скота, верблюдовъ и иныхъ вьючныхъ животныхъ. Всѣ свои силы и способности монахи употребляютъ лишь на то, чтобъ обогащаться, и ведутъ такую же точно жизнь, какъ самые свѣтскіе люди». «Какая разница,—восклицаетъ законодатель,—между легкимъ житьемъ такихъ монаховъ и жизнью святыхъ подвижниковъ прежнихъ вѣковъ въ Египтѣ, въ Палестинѣ, въ Александріи, гдѣ они уподоблялись ангеламъ».

X.

Весною 964 г. Никифоръ, увлекаемый страстью къ войнѣ и сознаніемъ необходимости нанести рѣшительные удары сарацинамъ, рѣшилъ покинуть Священныя Палаты и во главѣ многочисленной, превосходно подготовленной, арміи двинулся въ предѣлы Сиріи. Въ *Книгѣ Церемоній*, отчасти написанной, отчасти редактированной императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ для его сына Романа, находятся любопытныя и самыя подробныя наставленія о томъ, какія должны быть сдѣланы распоряженія и приготовленія въ томъ случаѣ, «когда василевсъ отправляется на войну съ сарацинами во главѣ царской арміи». Въ трактующемъ объ этомъ отдѣлѣ книги опредѣлено все до послѣднихъ мелочей, что и въ какомъ количествѣ должно сопровождать царя въ походѣ, откуда должно быть взято и какъ расположено въ пути, во время стоянокъ и по вступленіи въ непріятельскія земли. Изъ этихъ «расписаній» и «наставленій» мы приведемъ лишь немногія, могущія дать нѣкоторое понятіе о порядкахъ, обычаяхъ и правахъ того времени. Для перевозки царскаго багажа требовалось 585 лошадей и муловъ, доставляемыхъ, по разъ навсегда установленному расписанію, должностными лицами и чиновниками, митрополитами и епископами, и, кромѣ того, сто вьючныхъ животныхъ «отъ святыхъ обителей монастырскихъ». Всѣ животныя должны быть представлены «логоѳету табуновъ»—бодрыми, здоровыми, подкованными, снаряженными полною походною сбруей. Всѣ, кромѣ монастырскихъ, мѣтятся царскимъ тавромъ, ихъ снаряженіе—царскимъ клеймомъ. Монастырскіе мулы и лошади не клеймятся потому, что предназначаются на подарки, по миованіи въ нихъ надобности. Остальныя животныя остаются навсегда въ царскихъ табунахъ, не могутъ быть ни проданы, ни подарены. Тотъ, у кого оказалось бы животное съ царскимъ тавромъ, подвергается тяжелому наказанію, какъ за кражу. Но вышеуказаннаго числа животныхъ, повидимому, не хватало и на обязанности мѣстныхъ стратиговъ лежало дополнить ихъ количество, сообразно потребности.

Подъ посуду для царской кухни и для царскаго стола назначалось не менѣе 80 вьючныхъ животныхъ. Императорское вино, императорское масло,—каждый предметъ, назначающійся къ царскому столу, обязательно титуловался *императорскимъ*,— бобы, фасоль, рисъ, фисташки, миндаль, чечевица получались отъ извѣстныхъ поставщиковъ. Въ росписи провизіи значатся далѣе: сало, жиръ, сыръ, маринованная рыба и другіе припасы, распознать которые не легко подъ ихъ византійскими названіями. Въ ихъ числѣ была, повидимому, и икра. За кухней постоянно должны слѣдовать сто овецъ съ ягнятами, пятьсотъ козлятъ, пятьдесятъ дойныхъ коровъ, опредѣленное количество куръ и гусей... При кухнѣ состоитъ штатъ рыболововъ съ ихъ снастями. Зелень и овощи, свѣжее оливковое масло и мѣстное вино для свиты добываются на мѣстѣ... Тридцать лошадей назначаются исключительно для перевозки царскаго гардероба. Далѣе идутъ при-

надлежности туалета, серебряные тазы, рукомойники и другая посуда въ ящикахъ и футлярахъ изъ пурпурной кожи, ароматы, розовая вода, душистыя масла, куренія всякаго рода, походная царская библіотека, походная мебель, ковры и подушки, палатки для спанья и столованій, походная императорская церковь, императорская казна, различныя принадлежности царскаго вооруженія, запасы пергамента для писемъ, золота и серебра для печатей, всякаго рода матерій для подарковъ и т. д. Къ этому царскому обозу надо добавить еще 400 верховыхъ лошадей, осѣдланныхъ и вполнѣ снаряженныхъ, изъ которыхъ 30—лично для царя, и, при всемъ этомъ, соотвѣтствующій штатъ чиновниковъ всякаго ранга, служителей конюховъ и погонщиковъ...

При проѣздѣ царя каждая часть войска отдаетъ ему честь по уставу. Командующіе частями и всѣ офицеры сходятъ съ лошадей и нѣкоторое время пѣшіе провожаютъ императора. Рядовые падаютъ на колѣни и кланяются въ землю, кромѣ кавалеристовъ, не сходящихъ съ коней. Послѣ этого, проѣхавшій впередъ императоръ останавливается у дороги и, пропуская отрядъ мимо, привѣтствуетъ воиновъ такими словами: «Воины, надѣюсь, что все у васъ обстоитъ благополучно. Дѣти мои, здоровы ли ваши жены, мои дочери? Здоровы ли дѣти ваши?» На это солдаты отвѣчали: «Въ блескѣ величія твоего, о, василевсъ, мы, рабы твои, живемъ въ добромъ здоровьѣ». Тогда царь говорилъ: «Слава Господу Богу, изволящему хранить насъ по благости Своей». Потомъ царь приказывалъ офицерамъ сѣсть на коней и отправляться къ своимъ мѣстамъ, а самъ продолжалъ путь. Въ устахъ царя Никифора слова: «дѣти мои» и «дочери мои»—не были формальнымъ и оффиціальнымъ привѣтствіемъ: старый вождь былъ для нихъ на самомъ дѣлѣ любящимъ и заботливымъ отцомъ,—строгимъ и суровымъ подъ знаменами, но слишкомъ снисходительнымъ, милостивымъ до баловства внѣ боевой службы.

Линія маяковъ, проведенная черезъ всю Малую Азію и передававшая извѣстія съ изумительною быстротой и отчетливостью, сообщила военному логоѳету для доклада императору, что войска готовы начать кампанію и что съ своей стороны «нечестивые агаряне» собираются вторгнуться въ предѣлы имперіи. На сигналы послѣдняго азіатскаго маяка у Хризополя маякъ Священныхъ Палатъ отвѣтилъ тѣмъ, что зажегъ всѣ свои огни. Кампанія открыта. По приказу царя, императорскій панцырь, мечъ и щитъ вывѣшаны подъ главными воротами дворца, что для всѣхъ служитъ знакомъ немедленнаго выступленія въ походъ. Какъ всегда то бывало, передъ отбытіемъ царя изъ Священныхъ Палатъ, Никифоръ назначилъ «викарія», которому поручалось править имперіей во время отсутствія василевса. Императрицу и ея малолѣтнихъ сыновей онъ увозилъ съ собою, побуждаемый къ тому, вѣроятно, очень серьезными соображеніями. Быть можетъ, онъ не хотѣлъ разстаться надолго съ красавицей Ѳеофано, или же поступалъ онъ такъ изъ опасенія какихъ-либо покушеній со стороны побѣжденной партіи. Нѣтъ ничего неправдоподобнаго и въ томъ, что онъ боялся под-

вергнуть мало надежную и слишкомъ для него молодую супругу всѣмъ опасностямъ интригъ, любовныхъ и политическихъ, для которыхъ Священныя Палаты представляли весьма удобное поприще. Какъ бы ни было, молодая царица съ дѣтьми отправилась въ великолѣпныхъ носилкахъ одновременно съ царемъ, и отъ того ихъ свита, охрана и обозъ должны были разростись до совершенно колоссальныхъ размѣровъ. Въ іюлѣ, прежде чѣмъ перейти горы Тавра и вступить въ непріятельскія земли, Никифоръ водворилъ царицу и маленькихъ царей въ сильно укрѣпленный горный замокъ Друзіонъ (или Дризибіонъ), подъ охраной многочисленнаго отряда. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло абсолютно никакихъ свѣдѣній о томъ, какъ прожила великолѣпная Ѳеофано все лѣто до возвращенія императора на зимнія квартиры въ Каппадокіи.

О кампаніи 964 г. до насъ не дошло никакихъ сколько-нибудь опредѣленныхъ свѣдѣній. Надо полагать, что она не была удачною для византійцевъ, ибо Левъ Діаконъ упоминаетъ, между прочимъ, о томъ подавленномъ и мрачномъ настроеніи, въ которомъ василевсъ Никифоръ вернулся на свои зимнія квартиры. Раннею весной слѣдующаго года съ еще большими силами,—до 150 тысячъ, по сказанію лѣтописцевъ,—онъ снова двинулся въ сарацинскія земли и одновременно осадилъ двѣ важнѣйшія ихъ крѣпости, Тарсъ и Массису или Миссису. Жители этихъ городовъ, освѣдомленные о наступленіи огромныхъ войскъ императора, послали ему навстрѣчу своихъ старѣйшинъ съ изъявленіемъ полной покорности, подъ условіемъ охраны жизни и имущества обывателей. Никифоръ отвѣтилъ жестокимъ отказомъ и приказалъ посланцамъ опалить бороды принесенными ими письменными прошеніями. Униженные и опозоренные вернулись старѣйшины назадъ и рѣшили защищаться до послѣдней крайности.

Послѣ долгой и тяжелой осады Массиса была первою взята приступомъ и разграблена, но не разрушена, а занята византійскимъ гарнизономъ и заселена исключительно христіанами. Все мосульманское населеніе отправлено въ далекія сѣверныя провинціи (лѣтописи не указываютъ, куда именно) и водворено на земляхъ, оставшихся пустопорожними вслѣдствіе предшествовавшихъ войнъ. Такія насильственныя, массовыя, переселенія побѣжденныхъ были въ обычаяхъ того времени. Опустошенные округа быстро населялись покорными подданными, обязанными, взамѣнъ дарованныхъ имъ земель, отбывать воинскую повинность въ царскихъ войскахъ. Повидимому, число плѣнныхъ было на этотъ разъ необычайно велико, такъ какъ, по взятіи Тарса, обыватели этого города были отосланы въ сарацинскія земли подъ надзоромъ трехъ патриціевъ, а покоренный городъ заселенъ христіанами. Для характеристики времени, считаемъ не лишнимъ отмѣтить два эпизода, переданныхъ арабскими писателями. При высылкѣ жителей Массисы, нѣсколько армянскихъ воиновъ безчинно напали на безоружныхъ и совершили насилія надъ мосульманскими женщинами. По приказанію Никифора, виновные подвергнуты тѣлесному наказанію, а затѣмъ имъ всѣмъ отрѣзаны носы и руки. Для устрашенія жителей Тарса, не-

счастные переселенцы проведены передъ стѣнами этого города и знатнѣйшимъ изъ нихъ, въ числѣ 100 человѣкъ, отрублены головы. Обыватели Тарса отвѣтили тѣмъ, что въ виду византійцевъ отрубили головы тремъ тысячамъ христіанскихъ невольниковъ... А вотъ еще менѣе мрачная, но любопытная черта нравовъ: жители Тарса, доведенные до отчаянія голодомъ во время осады, рѣшили просить «аманъ» у василевса. Никифоръ согласился принять начальствовавшаго эмира, главнаго кади, знатнѣйшихъ шейховъ и старѣйшинъ города. Распростертые на землѣ, эти почетнѣйшіе люди съ мольбами цѣловали колѣни царя, онъ ногами попиралъ ихъ бритыя головы, потомъ приказалъ имъ подняться и позвалъ къ своему столу, гдѣ очень любезно угощалъ ихъ великолѣпною трапезой.

Побѣда была полною, блестящею, такою, какой византійцы очень давно не одерживали надъ «невѣрными» Востока. Мы не знаемъ, одновременно съ Никифоромъ или нѣсколько ранѣе его возвратилась Θеофано съ юными царями въ столичный «богоспасаемый градъ». Во всякомъ случаѣ, для императора, сокрушившаго силы «нечестивыхъ агарянъ», то было тріумфальное шествіе черезъ всю Малую Азію. Рядомъ съ нимъ и почти въ равной степени вызывалъ восторги населенія его первый соратникъ и доблестнѣйшій изъ вождей Іоаннъ Цимисхій. Доступный и привѣтливый, мастеръ говорить и очаровывать собесѣдниковъ, онъ представлялъ собою совершенную противоположность съ Никифоромъ, крайне сдержаннымъ, сухимъ и мрачнымъ. Пылкій Цимисхій хотѣлъ продолжать войну и просилъ у Никифора позволенія идти съ частью войска за Ефратъ и Тигръ противъ алепскаго эмира, сосредоточившаго тамъ свои силы. Императоръ воспротивился этому, начиная, быть можетъ, опасаться возрастающей популярности Цимисхія, и приказалъ ему слѣдовать за собою въ Константинополь.

Впереди императора на громаднѣйшихъ колесницахъ направлялись къ Цареграду важнѣйшіе трофеи и безчисленныя сокровища, — десятая доля всей добычи поступала, по обычаю, въ собственность царя, изъ которой значительная часть предназначалась въ даръ наиболѣе чтимымъ храмамъ и монастырямъ. Наибольшій же восторгъ и благоговѣніе христіанскаго населенія вызывали найденные въ Тарсѣ большіе золотые кресты, осыпанные драгоцѣнными камнями и заключающіе въ себѣ части древа Честного и Животворящаго Креста Господня. Эти святыни, подъ знаменіемъ которыхъ византійскіе полки не разъ ходили въ бой противъ невѣрныхъ, были захвачены сарацинами во время пораженія войскъ Стиніота, доместика Востока, на голову разбитаго ими подъ стѣнами Тарса около ста лѣтъ назадъ, при царѣ Василіи I, въ 877 г. Въ тѣ времена, о которыхъ мы рѣчь ведемъ, византійскія войска вообще не имѣли знаменъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Во главѣ отрядовъ шли священники съ крестами *), нерѣдко очень цѣнными, чеканной работы, изукрашенными ка-

*) Кресты имѣли форму, сходную съ нашими запрестольными крестами.

меньями и заключающими въ себѣ почти всегда частицы истиннаго древа креста Господня. Кресты, взятые въ Тарсѣ, были переданы благочестивымъ царемъ Великой Церкви св. Софіи.

XI.

Никифоръ прибылъ въ Византію къ концу октября 965 г. Вступленіе василевса въ столицу «послѣ продолжительнаго и далекаго похода» совершалось по точно опредѣленному порядку, установленному *Книгою церемоній* Константина Багрянороднаго и не многимъ отличалось отъ тріумфа побѣдителя, описаннаго нами выше. При возвращеніи съ юга царь обязательно проводилъ нѣсколько дней, иногда цѣлую недѣлю, на азіатскомъ берегу Босфора въ одномъ изъ своихъ загородныхъ дворцовъ, гдѣ снималъ воинскіе доспѣхи, освѣжался купаньями и облекался въ парадныя одежды. Потомъ на императорской галерѣ, изукрашенной золотомъ и пурпуромъ, сопровождаемой всѣмъ наличнымъ флотомъ, онъ переправлялся на европейскій берегъ во Влахернскія палаты въ глубинѣ Золотого Рога или во дворецъ близъ Мраморнаго моря, внѣ городскихъ стѣнъ. Тутъ съ поклонами и «метаніями» встрѣчали царя высшіе чины, правившіе въ его отсутствіе имперіей и городомъ, префектъ столицы, сенатъ, патриціи, всѣ знатнѣйшіе люди Византіи, въ строго опредѣленномъ іерархическомъ порядкѣ. Въ отвѣтъ на ихъ привѣтствія царь наклонялся на своемъ конѣ и говорилъ: «Здоровы ли вы, ваши эминенціи, любезныя дѣти мои? Здоровы ли ваши супруги, любезныя мои дочери?» и т. д.

Далѣе слѣдовали,—какъ выше разсказано,—многочисленныя остановки у церквей для совершенія молитвъ и многократныхъ переодѣваній царя. Во главѣ процессіи шелъ конный отрядъ варварской гвардіи въ золоченыхъ чешуйчатыхъ панцыряхъ, съ копьями въ рукахъ и съ мечами у поясовъ, за ними—тоже въ золоченыхъ латахъ—кубикуларіи, а потомъ—протоспаѳаріи, отрядъ евнуховъ, въ столь же блестящихъ доспѣхахъ и съ алебардами въ рукахъ. Они непосредственно предшествовали императору, ѣхавшему верхомъ, одѣтому въ золотую броню и расшитый золотомъ пурпурный, или парчевой плащъ, съ тіарой на головѣ и съ золотымъ скипетромъ въ рукѣ, унизанный браслетами. Его бѣлый конь былъ почти сплошь покрытъ шелкомъ, золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. За царемъ слѣдовали сенаторы и другіе высшіе сановники. Несмѣтныя толпы народа, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, встрѣчали царя, держа въ рукахъ вѣнки изъ розъ, букеты и небольшіе флаги (*flammula*). Дѣти усыпали путь цвѣтами. Стѣны домовъ исчезали подъ разноцвѣтными тканями и пестрыми коврами, балконы были изукрашены дорогою утварью, подсвѣчниками съ зажженными свѣчами, курильницами, въ которыхъ дымились ароматы.

Если вѣрно предположеніе, что царица Ѳеофано прибыла въ городъ ранѣе императора, то она, по вѣковому обычаю, должна была встрѣтить

своего мужа и повелителя и преклонить передъ нимъ колѣна. Тогда василевсъ сходилъ съ коня, поднималъ августѣйшую супругу, цѣловалъ ее въ лобъ и привѣтствовалъ пожеланіями благоденствія и счастья. У Золотыхъ воротъ подъ роскошными палатками, раскинутыми на лугу, ожидали царя знатнѣйшіе плѣнники, закованные въ цѣпи. На-ряду съ ними были выставлены наиболѣе цѣнные трофеи, захваченные во время войны, богатѣйшія вооруженія, знамена и иные предметы, которые потомъ поднимались на носилки, присоединявшіяся къ торжественной процессіи, вступавшей въ городъ черезъ главный входъ Золотыхъ воротъ, раскрывавшійся только въ исключительныхъ случаяхъ торжественнаго шествія царя. На пути царь не разъ долженъ былъ останавливаться и выслушивать пѣснопѣнія, восхваленія и привѣтственные крики, по формуламъ, опредѣленнымъ старымъ церемоніаломъ.

На Августеонѣ, главной площади города, всѣ сходили съ коней. Царь удалялся въ маленькую церковь Богородицы на Форумѣ для молитвы и новаго переодѣванія въ царскія облаченія и въ пурпурную обувь. Тутъ являлся къ самодержцу и земно ему кланялся патріархъ со всѣмъ духовенствомъ. Вся процессія, на этотъ разъ пѣшкомъ, направлялась въ Великую Церковь Св. Софіи. Передъ императоромъ священники несли *лабарумъ*, хоругви церковныя, «великіе скиптры» и подлинный животворящій крестъ Господень, весь осыпанный драгоцѣнностями. По окончаніи молитвословій въ храмѣ, царь снова проходилъ черезъ Августеонъ къ главному входу въ Священныя Палаты, гдѣ для такихъ торжествъ сооружался великолѣпный помостъ съ золотымъ тропомъ. Царь садился на тронъ и осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ. Партіи Ипподрома, составлявшія своего рода городскую милицію, громко возглашали: «Единъ Святъ!» Принявши отъ чиновъ города дары въ видѣ золотыхъ браслетовъ и надѣвши ихъ на руки, царь обращался къ народу съ заранѣе выученною рѣчью, въ которой витіевато перечислялъ побѣды, одержанныя имъ, города, имъ взятые, сокровища, отнятыя у враговъ, имена вождей, взятыхъ въ плѣнъ, и т. д. На каждое изъ такихъ перечисленій народъ отвѣчалъ восторженными напередъ установленными, криками.

По окончаніи и этой церемоніи, царь вновь садился на коня и черезъ Ипподромъ отправлялся къ боковому въѣзду въ Священныя Палаты. Здѣсь предстояли новыя торжества, длившіяся до глубокой ночи: раздача сановникамъ наградъ въ видѣ кошельковъ съ золотомъ и богатыхъ одеждъ, производство въ чины, хвалебные гимны и мимическія пляски «партій», банкетъ на нѣсколько сотъ приборовъ въ триклиніи Юстиніана, концерты, представленія, разнообразныя игры и забавы. И, лишь отбывши всю эту до изнеможенія утомительную царскую повинность, освободившись отъ своихъ кубикуларіевъ—ближайшихъ евнуховъ, несчастный, едва державшійся на ногахъ, василевсъ могъ удалиться въ геникей и вкусить нѣкоторый покой въ объятіяхъ своей возлюбленной царицы.

Никифоръ пробылъ не долго въ Константинополѣ, и въ слѣдующемъ

966 г. мы видимъ его опять во главѣ византійскихъ войскъ вторгающимся въ Сирію. Объ этой новой экспедиціи до насъ дошли свѣдѣнія крайне скудныя и неопредѣленныя. Ни въ византійскихъ, ни въ арабскихъ сказаніяхъ не упоминается о взятіи какихъ-либо большихъ городовъ и крѣпостей. Византійская армія и ея отдѣльные отряды ограничивались, повидимому, опустошеніемъ страны, захватомъ добычи и плѣнниковъ. Царь вернулся въ столицу лишь позднею зимой 967 г., и на этотъ разъ нѣтъ уже помина ни о какихъ особенныхъ торжествахъ. Миновало время блеска и восторговъ, громкой популярности славнаго вождя и преклоненія передъ нимъ населенія столицы, подвижнаго, капризнаго и крайне непостояннаго въ своихъ увлеченіяхъ. Общее недовольство замѣтно и неослабно разрасталось, главнымъ образомъ, потому, что далекія и не совсѣмъ понятныя народу побѣды императора обходились слишкомъ дорого всѣмъ его подданнымъ и на всѣхъ слишкомъ тяжелымъ гнетомъ ложилась рука суроваго и непреклоннаго правителя.

Закаленный въ бояхъ полководецъ, задавшись единственною цѣлью уничтожить наслѣдственнаго врага имперіи и христіанства, возстановить имперію въ древнихъ границахъ римскаго владычества, Никифоръ всѣ силы своихъ выдающихся способностей и несокрушимой энергіи употреблялъ на организацію и увеличеніе вооруженныхъ силъ Византіи, не щадя ни средствъ государственной казны, ни имущества обывателей, которыхъ онъ не стѣснялся облагать непосильными налогами. О безпощадности дисциплины, установленной имъ въ войскахъ на время походовъ и войнъ, мы уже говорили. За то въ мирное время, въ короткіе періоды отдыха для воиновъ, онъ относился съ крайнею снисходительностью къ своимъ боевымъ сподвижникамъ и почти всегда смотрѣлъ сквозь пальцы на ихъ буйства, оставлялъ безнаказанными обиды, наносимыя ими гражданамъ, какъ бы потѣшаясь «баловствомъ» своихъ солдатъ, которымъ «надо же позабавиться послѣ тяжелыхъ понесенныхъ ими трудовъ и лишеній»... Само собою разумѣется, что мирнымъ обывателямъ городовъ и селъ не легко доставались и отнюдь не могли нравиться «баловства» и «потѣхи» полудикой орды, набранной гдѣ попало и какъ попало, сдерживаемый подъ знаменами безпощадной дисциплиной и буйно своевольничающей въ столицѣ и въ провинціи.

Столичная чернь почти открыто негодовала на царя за то, что имъ прекращена была традиціонная раздача хлѣба, вина и денегъ, за недостаткомъ наличныхъ средствъ, непрерывно поглощаемыхъ содержаніемъ армій и войнами, до которыхъ этой голодной черни никакого дѣла не было. Не особенно стѣснялся Никифоръ и съ высшими, правящими, классами. Такъ онъ дошелъ до того, что распорядился отмѣнить установленный изстари обычай раздавать подарки сенаторамъ. «Я не могу тратить на васъ деньги,—говорилъ онъ съ угрюмою серьезностью,— у меня ихъ уже не хватаетъ и на то, чтобы вести войска противъ враговъ имперіи».

Духовенство простить не могло Никифору его знаменитаго закона, положившаго предѣлъ развитію монастырей и пріостановившаго накопленіе

богатствъ въ рукахъ церковнаго клира. Но еще большее озлобленіе духовныхъ лицъ вызвала попытка царя присвоить себѣ право назначать епископовъ или, по меньшей мѣрѣ, непосредственно вмѣшиваться въ дѣла о ихъ назначеніи и утвержденіи. Онъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, держать въ своихъ рукахъ всѣ отрасли государственнаго управленія и не упустилъ случая воспользоваться рѣзкимъ разногласіемъ между патріархомъ и высшимъ духовенствомъ, по поводу распредѣленія нѣкоторыхъ епархій. Постановленіемъ синода, большинство котораго оказалось на сторонѣ Никифора, предоставлено царю окончательное утвержденіе въ санѣ кандидатовъ, представляемыхъ на епископскія каѳедры. И Никифоръ,—по словамъ враждебныхъ ему лѣтописцевъ, — воспользовался этимъ новымъ закономъ, на долгое время откладывалъ утвержденіе епископовъ на вакантныя каѳедры, посылалъ своихъ придворныхъ священниковъ управлять епархіями и отбиралъ въ казну значительную часть получаемыхъ съ нихъ церковныхъ доходовъ. Насколько такое постановленіе раздражило высшее духовенство, можно судить по тому, что патріархъ Поліевктъ только тогда согласился короновать Іоанна Цимисхія, когда тотъ обязался отмѣнить этотъ законъ.

Еще большее и общее озлобленіе клира вызвало очень странное и настоятельное требованіе Никифора, чтобы,—ради наибольшаго возбужденія храбрости его солдатъ, — всѣ павшіе въ бою съ невѣрными воины были сопричисляемы къ лику праведниковъ. Этого, однако, несмотря ни на какія усилія, императоръ не могъ добиться. Патріархъ и святѣйшій синодъ наотрѣзъ отказали въ своемъ согласіи, ссылаясь на не менѣе удивительный законъ царя Василія I, которымъ повелѣно было отлучать на три года отъ святого причастія всякаго, кто убьетъ на войнѣ себѣ подобнаго. Рѣшительно непонятно, какъ могъ состояться такой законъ при воинственнѣйшемъ изъ царей, славномъ основателѣ македонской династіи, заставившемъ впервые своими побѣдами отступить арабовъ передъ византійскими силами въ Азіи.

Къ таковымъ частнымъ и далеко не всегда основательнымъ поводамъ къ недовольству царемъ присоединились скоро причины, много болѣе существенныя, затрогивающія интересы всѣхъ подданныхъ имперіи, доведенныхъ до крайняго негодованія указами, касающимися монетной системы. Крайне трудно, почти невозможно опредѣлить съ точностью сущность этого дѣла, передаваемаго лѣтописцами въ крайне неясныхъ и смутныхъ чертахъ. Изъ всего до насъ дошедшаго можно понять лишь одно, что, нуждаясь постоянно въ большихъ суммахъ, Никифоръ обратился къ довольно обычному въ средніе вѣка средству—къ уменьшенію вѣса монеты съ сохраненіемъ ея нарицательной стоимости и съ обязательнымъ курсомъ. Вотъ сказаніе объ этомъ лѣтописи: «Никифоръ уменьшилъ вѣсъ номизмы и въ то же время пустилъ въ обращеніе новую номизму, называемую *тетартеронъ*. И такимъ образомъ стало въ обращеніи двѣ номизмы. Казна, при платежѣ налоговъ, принимала только полновѣсную монету и, наоборотъ, при расплатѣ съ частными лицами, выдавала монеты низшаго вѣса». До этого

времени находилось въ обращеніи множество золотыхъ съ изображеніями прежнихъ императоровъ; по закону и по обычаю, эти монеты принимались по ихъ нарицательной стоимости, если онѣ не утратили установленнаго вѣса. Никифоръ повелѣлъ особымъ указомъ отдавать передъ старыми монетами предпочтеніе золотой монетѣ его чекана, хотя бы она была меньшаго вѣса. Иначе говоря, онъ просто распорядился понизить цѣну противъ настоящаго вѣса на монеты своихъ предшественниковъ. Въ результатѣ получилась, во-первыхъ, страшная путаница, во-вторыхъ неимовѣрное вздорожаніе всѣхъ продуктовъ и, въ особенности, хлѣба, въ третьихъ, обѣднѣніе всѣхъ и полное разореніе многихъ.

Страсти неудержимо разгарались, въ городѣ возникали слухи, крайне неблагопріятные для людей, близкихъ къ императору, и для его родственниковъ. И слухи эти не были лишены основанія. Родной братъ царя, блестящій куропалатъ Левъ Фока, соскучившись въ дальнихъ походахъ, воспользовался своимъ исключительнымъ положеніемъ, спокойно устроился въ столицѣ и принялся наживать деньги обширными спекуляціями на хлѣбѣ, на винѣ и на оливковомъ маслѣ. Весьма скоро народъ сталъ обвинять куропалата въ очень неблаговидныхъ дѣяніяхъ, въ стремленіи оголодить народъ огромными скупками жизненныхъ припасовъ. Въ городѣ не стѣсняясь говорили публично, что оба брата дѣйствуютъ за-одно, хотятъ забрать въ свои сундуки всѣ деньги царскихъ подданныхъ. Отовсюду скоплялись грозные признаки готоваго вспыхнуть народнаго возстанія.

Въ день Свѣтлаго воскресенія, 21 марта 967 г., гвардейцы армяне затѣяли драку съ лодочниками и матросами. Ничтожное столкновеніе быстро перешло въ настоящее побоище, едва прекращенное вмѣшательствомъ властей. Въ тотъ же день должны были происходить скачки въ ипподромѣ. Среди массы собравшагося народа пронесся нелѣпый слухъ, будто василевсъ намѣренъ воспользоваться случаемъ и отомстить гражданамъ избіеніемъ зрителей, наполнявшихъ ступени цирка. И вотъ,—на бѣду для многихъ, среди игръ Никифоръ приказалъ выслать на арену нѣсколько сотенъ гвардейцевъ для изображенія примѣрнаго сраженія. Весьма возможно, что царь хотѣлъ развлечь публику довольно обычнымъ и любимымъ въ то время зрѣлищемъ. Съ другой стороны, нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ утвержденіи Льва Діакона, будто василевсъ счелъ нужнымъ припугнуть народъ и предупредить новые безпорядки, болѣе серьезные, чѣмъ утреннее побоище. Какъ бы ни было, зрители перепугались до ужаса, при видѣ вооруженной силы, нежданно появившейся на аренѣ. Охваченная паникой вся масса народа ринулась къ выходамъ, которые скоро оказались заваленными на-глухо сбитыми съ ногъ и затоптанными людьми. Ихъ погибло множество, прежде чѣмъ удалось кое-какъ возстановить спокойствіе. Но умы были уже настолько возбуждены, что и въ этомъ совершенно случайномъ несчастіи народъ не задумался обвинить Никифора.

Менѣе, чѣмъ черезъ два мѣсяца, въ день Вознесенія, царь отправился, по своему обыкновенію, на богомолье за городъ въ храмъ Пресвятой Бо-

городицы при живоносномъ источникѣ *). Передъ вечеромъ на обратномъ пути къ Священнымъ Палатамъ императоръ былъ внезапно остановленъ неистовыми криками толпы, тѣснившейся на площади *Артополіонъ* **). Тутъ собрались родные и друзья тѣхъ несчастныхъ, что погибли во время давки въ ипподромѣ, и всяческими ругательствами поносили василевса. Тѣлохранители принуждены были силой расчищать дальнѣйшій путь и отражать нападенія разъяренной черни, преслѣдовавшей царя дикими воплями и проклятіями, швырявшей въ него камнями и грязью. Двѣ женщины, мать и дочь, забравшіяся на крышу одного дома, чуть не убили Никифора кирпичами. Большинство свиты царя разбѣжалось въ разныя стороны, и лишь немногимъ преданнымъ и смѣлымъ людямъ удалось оружіемъ охранить своего государя и съ величайшимъ трудомъ пробиться сквозь толпы мятежниковъ до Священныхъ Палатъ. Лишь наступившая темная ночь положила конецъ этому бунту черни. На утро стража претора захватила двухъ женщинъ, швырявшихъ кирпичи, и онѣ, безъ разбирательства и суда, были живыми сожжены на площади. А затѣмъ никто изъ бунтовщиковъ казненъ не былъ. Никифоръ хотѣлъ милосердіемъ утишить народное раздраженіе. Но было уже поздно, озлобленіе городской черни все усиливалось и дошло до настоящей ненависти къ василевсу.

Всѣ подробности этого печальнаго событія обстоятельно записаны очевидцемъ, Львомъ Діакономъ, бывшимъ тогда очень молодымъ человѣкомъ и изучавшимъ словесность въ Константинополѣ. Въ этотъ страшно тревожный день Вознесенія юноша близко видѣлъ Никифора, тихо ѣхавшаго на конѣ среди бушующей массы освирѣпѣвшаго населенія. Старый воинъ все время оставался невозмутимымъ, и Левъ Діаконъ съ восторгомъ говоритъ о его геройствѣ и восхваляетъ его милосердіе, по отношенію къ виновникамъ мятежа. Этотъ справедливый и спокойный человѣкъ приписалъ все дѣло взрыву безумія и счелъ за лучшее предать полному забвенію это трагическое событіе. Но онъ отлично понималъ, что все это только предвѣстники болѣе грозныхъ бурь, и сознавалъ настоятельную необходимость оградить себя отъ болѣе серьезныхъ возстаній. На этотъ конецъ онъ рѣшилъ окружить сильными укрѣпленіями Священныя Палаты, оставшіяся до тѣхъ поръ,—какъ это ни странно,—совершенно открытыми и беззащитными. Во время майскаго уличнаго бунта, вѣроятно, только наступленіе ночи помѣшало разъяренной черни ворваться въ жилище царей. Не откладывая вдаль, Никифоръ тотчасъ же приступилъ къ сооруженію громадной стѣны, тянувшейся отъ Золотого Рога до Мраморнаго моря и замыкавшей своею твердыней весь полуостровъ, занятый въ то время безчисленными постройками царскаго дворца, а нынѣ носящій названіе Стараго Сераля. Внутри этой крѣпости воздвигнута была для жительства

*) Нынѣ *Балукли*.

**) Хлѣбный рынокъ.

царя настоящая цитадель, получившая наименованіе *Акрополя* *). Всѣ эти сооруженія потребовали колоссальныхъ расходовъ и слѣдовательно увеличенія податныхъ тягостей, что довело народъ до послѣднихъ предѣловъ озлобленія.

Никифоръ торопилъ постройки съ своею обычною, ни передъ чѣмъ не останавливающеюся, энергіей. Едва окончивши ихъ, онъ поспѣшилъ снабдить «свою крѣпость» огромными запасами провіанта, оружія и множествомъ боевыхъ машинъ, представлявшихъ собою, по тому времени, весьма грозную артиллерію, метавшую на значительныя разстоянія очень большія тяжести и страшные снаряды, начиненные знаменитымъ «греческимъ огнемъ». Славный вождь какъ бы готовился къ отчаянной борьбѣ съ своею столицей и принималъ всѣ мѣры на случай осады. Самъ онъ перешелъ на жительство въ новый дворецъ-замокъ, построенный на мѣстѣ стараго *Буколеона*, дворца царя Ѳеодосія.

XII.

Побѣды Никифора въ Киликіи и Сиріи, если не окончательно сломили страшное для имперіи могущество сарацинъ, все же остановили на время наступательное движеніе ислама на христіанскій міръ и дали возможность царю византійскому предпринять болѣе дѣятельную политику по отношенію къ сѣвернымъ сосѣдямъ имперіи. Поставивши себѣ задачей представить только «картины жизни Византіи», мы не касались внѣшней политики и о войнахъ говорили мало, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда считали это нужнымъ для характеристики нравовъ взятой нами эпохи. Теперь мы вынуждены сдѣлать небольшое отступленіе въ область внѣшнихъ сношеній ради уясненія нѣкоторыхъ событій, о которыхъ намъ предстоитъ разсказывать.

Съ сѣвера ближайшимъ и непосредственнымъ сосѣдомъ Восточной Римской имперіи было царство болгарское, занимавшее болѣе значительную часть Балканскаго полуострова, чѣмъ нынѣшнее княжество, такъ какъ его граница, начинаясь у Чернаго моря южнѣе Варны, проходила близъ Адріанополя, захватывала часть нынѣшней Греціи и доходила до Адріатическаго моря южнѣе Рагузы, захватывая Черногорію и оставляя во владѣніи Византіи лишь узкую береговую полосу Албаніи. Въ концѣ IX в. (893—894 гг.) болгарскій царь Симеонъ, воюя съ византійцами, доходилъ до Константинополя, едва не овладѣлъ имъ и навелъ такой ужасъ на императора, что тотъ, по мирному договору обязался платить болгарамъ ежегодную дань. Воинственному и славному полководцу Симеону наслѣдовалъ его сынъ Петръ, женившійся на внучкѣ царя Романа Лакапина, причемъ договоръ о дани остался въ силѣ съ нѣкоторыми измѣненіями.

---

*) Опредѣлить мѣсто, гдѣ стоялъ этотъ замокъ, очень легко, такъ какъ за нимъ до сихъ поръ сохранилось названіе *Акрополя*.

Съ тѣхъ поръ эта дань, унизительная для Византіи, уплачивалась непрерывно въ теченіе сорока лѣтъ. Византійскіе политики не особенно чувствительны были къ такого рода униженіямъ и преспокойно отплачивались деньгами не только отъ болгаръ, но и отъ сицилійскихъ арабовъ за то, чтобъ эти послѣдніе оставили въ покоѣ владѣнія имперіи въ южной Италіи. Дани болгарамъ былъ приданъ такой видъ, что выплачивается она за охрану болгарами владѣній имперіи отъ вторженія мадьяръ или венгровъ.

Въ сношеніяхъ съ болгарами византійскій дворъ постоянно соблюдалъ величайшую любезность и оказывалъ исключительный почетъ государю Болгаріи, оффиціально титулуя его *василевскимъ* и признавая его такимъ образомъ равнымъ царямъ Византіи, чего не удостоивался ни одинъ изъ иноземныхъ властителей. На всѣхъ пріемахъ и торжествахъ послы «добрыхъ друзей болгаръ» постоянно занимали первыя мѣста, и пріемы этихъ посольствъ отличались особеннымъ великолѣпіемъ. Въ такихъ случаяхъ сановникъ, стоящій во главѣ посольства, спрашивалъ самодержца «о здоровьѣ», по слѣдующей формулѣ: «Въ добромъ ли здоровьѣ василевсъ, превознесенный Господомъ, духовный отецъ болгарскаго государя, Богомъ поставленнаго? Въ добромъ ли здоровьѣ императрица, госпожа наша? Въ добромъ ли здоровьѣ кесари, сыновья великаго и могущественнаго василевса? Здоровы ли другія дѣти царя? Здоровъ ли святѣйшій патріархъ вселенскій? Здоровы ли два *магистра*? Здравствуетъ ли святѣйшій синодъ? Здравствуютъ ли четыре логофета?» На это логофетъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, «пріятнымъ голосомъ и любительнымъ тономъ» отвѣчалъ отъ имени самодержца такими вопросами: «Въ добромъ ли здоровьѣ духовный сынъ благочестивѣйшаго василевса, государь Болгаріи милостію Божіей? Въ добромъ ли здоровьѣ супруга его, Богомъ любимая? Въ добромъ ли здоровьѣ сыновья государя Болгаріи, милостію Божіей, и другія чада его? Здравствуютъ ли шесть великихъ бояръ, пребывающихъ въ царствѣ вашемъ или находящихся внѣ его предѣловъ? Здравствуетъ ли весь народъ болгарскій?»—За пріемами слѣдовали пиры и угощенія, выраженія всяческаго вниманія и величайшей любезности.

Но что возможно и необходимо было при Романѣ Лакапинѣ и Константинѣ Багрянародномъ, что допускалось до сихъ поръ, то становилось теперь неумѣстнымъ и оскорбительнымъ. Могущество Болгаріи, сплотненной и возвеличенной побѣдами Симеона, значительно понизилось при его наслѣдникѣ, благочестивомъ и миролюбивомъ царѣ Петрѣ, которому приходилось всѣ силы напрягать на то, чтобъ удержать за собой отцовское наслѣдство, сохранить готовое распасться болгарское царство, расшатываемое внутренними неурядицами и нападеніями буйныхъ сосѣдей, сербовъ, мадьяръ и печенѣговъ. Другія времена настали, измѣнилось распредѣленіе силъ, и отношенія измѣнились. Не таковъ былъ человѣкъ василевсъ Никифоръ, чтобы смиренно платить болгарамъ дань и окупъ въ какомъ бы то ни было видѣ. Къ тому же для прекращенія платежей представился достаточный поводъ, такъ какъ мадьяры, пользуясь слабостью

царя Петра, все чаще и смѣлѣе перебирались черезъ Дунай и Балканы, проходили болгарскія земли, дѣлали набѣги за Родопскія горы, даже до Ѳракіи, разоряли и грабили византійскія владѣнія и уводили въ плѣнъ жителей. Послѣднее, крайне дерзкое вторженіе произведено было не далѣе, какъ весною 967 г. На требованія византійскихъ дипломатовъ точно соблюдать договоръ объ охранѣ имперскихъ границъ, царь Петръ далъ малоудовлетворительные отвѣты, ссылаясь на слабость своихъ войскъ, на недостаточность помощи, оказанной имъ греками. Все это было совершенно справедливо, но въ Константинополѣ дѣлали видъ, будто не вѣрятъ такимъ отговоркамъ. Никифоръ искалъ только предлога, чтобы порвать старыя добрыя и родственныя отношенія съ царемъ Болгаріи *).

Въ разгаръ торжествъ, по случаю взятія Тарса и великихъ побѣдъ, одержанныхъ надъ «невѣрными агарянами», явилось въ Царьградъ болгарское посольство за полученіемъ обычной дани. Очевидно, что моментъ былъ выбранъ крайне неудачно. Хотя дѣло шло, въ сущности, только объ уплатѣ условленнаго вознагражденія за военныя услуги,—о субсидіи, какъ мы сказали бы нынѣ, — гордость византійцевъ, упоенныхъ необычайными успѣхами въ Азіи, сочла за тяжкое оскорбленіе требованіе слабаго сосѣда. На этотъ разъ пріемъ, оказанный посламъ, былъ совсѣмъ не таковъ, какого они ожидали, высказывая свои наивныя требованія, и служитъ очень характернымъ доказательствомъ той поразительной грубости нравовъ, которая скрывалась подъ внѣшнимъ лоскомъ и хитрымъ этикетомъ византійскаго двора.

Былъ одинъ изъ дней торжественныхъ пріемовъ въ Священныхъ Палатахъ, когда византійцы такъ любили и умѣли поражать иноземцевъ необычайнымъ великолѣпіемъ своихъ церемоніаловъ. Въ громадной залѣ василевсъ Никифоръ, сидя на золотомъ тронѣ, окруженный многочисленнымъ и пышнымъ дворомъ, принималъ рядъ посольствъ иностранныхъ государей. Дошла очередь до болгаръ. Едва они успѣли сказать нѣсколько словъ, какъ Никифоръ поднялся во весь ростъ и обратился къ своему престарѣлому отцу, кесарю Вардѣ, сидѣвшему немного позади, и громкимъ, умышленно усиленнымъ, голосомъ спросилъ: «Есть ли какое-либо объясненіе столь наглой дерзости царя Петра?» Затѣмъ, не дожидаясь отвѣта и еще болѣе возвышая голосъ, императоръ заговорилъ передъ растерявшимся дворомъ и онѣмѣвшимъ отъ ужаса посольствомъ: «Горе, горе намъ римлянамъ, до сихъ поръ побѣждавшимъ всѣхъ нашихъ враговъ! До какого униженія дошли мы, если насъ хотятъ заставить платить дань, какъ ничтожныхъ славянъ, этимъ мерзкимъ нищимъ, этимъ скиѳамъ Болгаріи!» —И, обращаясь къ главѣ посольства, онъ кричалъ: «Вонъ пошелъ, вонъ! Иди къ своему государю и передай этому кожеѣду, (*sic*), одѣтому въ звѣриныя шкуры, что василевсъ Константинополя самъ понесетъ ему дань, которую онъ

*) Супруга царя Петра, внучка Романа Лакапина, приходилась родною племянницей Константину VII, женатому на дочери Романа.

требуетъ! Иди вонъ и лично на себѣ испытай, съ какимъ уваженіемъ должно относиться къ славному имени римлянина, негодный рабъ, собачій сынъ!»—Послѣ такой диковинно-дипломатической отповѣди, Никифоръ приказалъ своимъ евнухамъ схватить посла, надавать ему пощечинъ передъ всѣми присутствующими и выпроводить, какъ можно скорѣе, несчастное посольство обратно въ Болгарію.

Не давая царю Петру времени собраться съ силами, Никифоръ напалъ на пограничныя болгарскія крѣпости, овладѣлъ нѣкоторыми изъ нихъ, но тѣмъ и ограничился, не рѣшаясь пуститься въ дальнѣйшій походъ черезъ страшныя стремнины Балканъ, картинно описанныя Львомъ Діакономъ, испытавшимъ на себѣ лично, насколько опасны эти дебри. Доблестный полководецъ былъ не менѣе искуснымъ политикомъ и съ обычною византійскою хитростью нашелъ болѣе выгоднымъ для себя поберечь свои легіоны для борьбы съ сарацинами, а все еще грозныя для Византіи силы болгаръ сломить чужими руками. Никифоръ нашелъ наиболѣе удобнымъ и надежнымъ обратиться къ содѣйствію русскихъ или росовъ, какъ ихъ тогда называли, надъ которыми въ Кіевѣ княжилъ воинственный Святославъ. Ближайшими сосѣдями болгаръ были съ одной стороны печенѣги, съ другой венгры,—византійцы называли ихъ «турками». Дикія орды печенѣговъ были способны только къ быстрымъ набѣгамъ и грабежамъ, а отнюдь не къ серьезнымъ военнымъ дѣйствіямъ, отъ которыхъ можно было бы ожидать какихъ-либо положительныхъ результатовъ. Силы мадьяръ или венгровъ были значительно подорваны пораженіями, нанесенными имъ германскими войсками императора Оттона I. Да и не въ интересахъ Византіи было приближать къ своимъ границамъ столь безпокойныхъ сосѣдей.

Стольный городъ русскихъ былъ далеко, дружины Святослава многочисленны, хорошо вооружены и отлично дисциплинированы. На нихъ можно было положиться въ томъ, что они разгромятъ Болгарію, возьмутъ съ нея дань и съ большою добычей возвратятся въ свой родной Кіевъ. Лукавые византійцы,—какъ извѣстно,—разсчитали не совсѣмъ вѣрно и жестоко поплатились за свою ошибку. Какъ бы ни было, Никифоръ обратился къ содѣйствію русскихъ и отправилъ въ Кіевъ блестящее посольство, во главѣ котораго поставилъ Калокира, уроженца Херсонеса, одной изъ послѣднихъ колоній на сѣверѣ Чернаго моря, остававшейся во власти грековъ, человѣка знатнаго, владѣвшаго славянскимъ языкомъ, очень ловкаго и честолюбиваго, отлично знавшаго всѣ темныя для византійцевъ отношенія между народами и племенами въ невѣдомой Скиѳіи. Посольство составлено было многочисленное, богатое и пышное, способное произвести сильное впечатлѣніе на простыхъ витязей дружины Святославовой и воочію показать имъ все превосходство цивилизаціи и выгоды союза съ Византіей. На расходы посольства, на подарки князю, его приближеннымъ и дружинѣ, отпущена была громадная сумма, около ста тысячъ золотыхъ номизмъ *), т.-е. бо-

*) Соловьевъ въ *Исторіи* говоритъ, „15 кентинарій золота“. По Черткову, это равно 132,000 голландскихъ червонцевъ.

лѣе милліона нынѣшнихъ рублей золотомъ. Изъ этого ясно, какое большое значеніе придавалъ экономный Никифоръ нападенію русскихъ на Болгарское царство. Осенью того же 967 г. Святославъ уже громилъ Болгарію. Походы и подвиги русскаго князя слишкомъ извѣстны для того, чтобы здѣсь говорить о нихъ.

XIII.

Въ тѣхъ же годахъ (966 и 967) Никифоръ былъ крайне озабоченъ тѣмъ направленіемъ, какое приняли дѣла въ Италіи, гдѣ къ этому времени столкнулись политическіе и религіозные интересы двухъ могущественнѣйшихъ христіанскихъ державъ, Восточной Римской имперіи, т.-е. Византійской, и Западной Римской имперіи, главою которой сталъ воинственный король саксовъ Оттонъ I, успѣвшій силою оружія подчинить себѣ всю сѣверную и среднюю Италію. Въ Римѣ онъ распоряжался полновластно, ставилъ и свергалъ папъ, «присвоилъ» себѣ,—по понятіямъ византійцевъ,—императорскій титулъ, провозгласилъ императоромъ своего четырнадцатилѣтняго сына Оттона, котораго короновалъ папа, не переставшій претендовать на первенство передъ патріархомъ Константинопольскимъ. Византійцамъ и ихъ василевсу, считавшему себя прямымъ и единственнымъ преемникомъ Константина Великаго, было невыносимо оскорбительно допускать возможность существованія другого *василевса* и признавать за равноправнаго императора «дикаго тевтона», какого-то варварскаго князька, дерзко присвоившаго священный титулъ. Но противъ совершившихся фактовъ нельзя было ничего сдѣлать. Въ виду неоконченной войны съ сарацинами въ Азіи, въ виду грозныхъ силъ русскихъ, неосторожно призванныхъ на Балканскій полуостровъ, было бы безуміемъ вступать еще въ борьбу съ могущественнымъ саксомъ.

Съ своей стороны, императоръ Оттонъ считалъ себя не менѣе законнымъ наслѣдникомъ всѣхъ владѣній Западной Римской имперіи. Южная часть Италіи, съ главнымъ городомъ Бари, принадлежала еще грекамъ, составляла двѣ провинціи Византійской имперіи, мелкіе сосѣдніе владѣтели признавали себя вассалами царя Византійскаго. Оттонъ хотѣлъ, во что бы ни стало, захватить эти провинціи, распространить свою власть на всю Италію. Но, насколько Никифору нежелательно было отвлекать свои силы на Западъ, настолько же опаснымъ представлялось Оттону вступать въ открытый бой съ такимъ могущественнымъ соперникомъ, какимъ былъ царь Востока. По совѣту близкаго человѣка, Луитпранда, епископа Кремоны, Оттонъ задумалъ мирнымъ и дружественнымъ путемъ добиться уступки желательныхъ для него провинцій въ видѣ «приданаго» за одною изъ византійскихъ царевенъ, на которой могъ бы жениться его юный сынъ Оттонъ II. Выборъ императора и его совѣтниковъ палъ на Ѳеофано, дочь Романа II и царицы Ѳеофано. На этотъ конецъ было снаряжено въ Константинополь посольство, во главѣ котораго отправился венеціанецъ До-

миникъ. Съ обѣихъ сторонъ расточались любезности и обѣщанія, но дѣло кончилось ничѣмъ, и Доминикъ къ Рождеству 967 г. вернулся назадъ къ несомнѣнной досадѣ своего государя.

Ничѣмъ, кромѣ жестокаго раздраженія Оттона, нельзя объяснить его странное,—можно сказать, предательское,—нападеніе среди мира на гор. Бари, кончившееся полною неудачей для вождя тевтоновъ. Приходилось снова обратиться къ проекту хитраго епископа Кремоны, блестяще образованнаго, искуснаго дипломата, въ совершенствѣ владѣвшаго греческимъ языкомъ, отлично знавшаго всѣ византійскіе обычаи и порядки, такъ какъ онъ былъ уже разъ посломъ въ Константинополѣ, при царѣ Константинѣ V I Багрянородномъ (въ 949 г.), и находился въ наилучшихъ отношеніяхъ съ многими вельможами Цареграда. Луитпрандъ былъ убѣжденъ въ томъ, что сумѣетъ обойтись съ лукавыми греками и, при случаѣ, ловко ихъ обойти. Въ этомъ онъ увѣрилъ Оттона и тотчасъ же послѣ отступленія отъ Бари отправился въ Константинополь съ своею свитой, состоявшей изъ нѣсколькихъ секретарей, служителей разнаго рода и пяти *львовъ* (*leones*),—не настоящихъ четвероногихъ львовъ, а своего рода тѣлохранителей, людей огромной силы, испытанной неустрашимости и ловкости, готовыхъ на все ради защиты чести своего господина *), такихъ молодцовъ, которыхъ позднѣе въ Италіи называли *bravi*.

Луитпрандъ прибылъ къ Константинополю 4 іюня 968 г. и у самыхъ воротъ города долженъ былъ удостовѣриться въ томъ, что его посольство ожидаетъ совсѣмъ не такой любезный пріемъ, на какой онъ разсчитывалъ. Послу не только не было сдѣлано никакой оффиціальной встрѣчи, но его съ свитой остановили у Золотыхъ воротъ и продержали на коняхъ до пяти часовъ вечера подъ проливнымъ дождемъ. Потомъ,—обида для посла неслыханная,—заставили сойти съ коней и повели пѣшкомъ по грязнымъ улицамъ на очень далекое разстояніе до «Мраморнаго дворца», отведеннаго для жительства посольству. Луитпрандъ (въ своихъ интереснѣйшихъ, дошедшихъ до насъ, письмахъ императору Оттону) оставилъ подробное описаніе этого «дворца», съ такимъ громкимъ названіемъ, и всѣхъ злоключеній, которыя пришлось испытать посольству за четыре мѣсяца пребыванія его въ Цареградѣ. «Дворецъ» оказался огромнымъ, обветшалымъ домомъ, плохо защищающимъ отъ вѣтровъ и непогоды и еще хуже—отъ лѣтняго зноя, лишеннымъ какихъ бы то ни было удобствъ **). Въ этомъ неудобномъ и нездоровомъ жилищѣ, очень отдаленномъ отъ Священныхъ Палатъ, съ посломъ и его спутниками обращались какъ съ плѣнными,—быть-можетъ, вѣрнѣе было бы сказать, какъ съ шпіонами, за каковыхъ, вѣроятно, ихъ не безъ основанія принимали, въ виду агрессивныхъ, ничѣмъ не оправ-

*) Въ случаѣ надобности эти *leones* обязаны были за своихъ господъ биться на „судебныхъ поединкахъ".

**) Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что Луитпрандъ, крайне озлобленный противъ византійцевъ, не стѣсняется мѣстами сгущать краски въ смыслѣ, неблагопріятномъ для непривѣтливыхъ хозяевъ.

дываемыхъ дѣйствій Оттона. Болѣе чѣмъ правдоподобно, что, помимо открыто заявленныхъ переговоровъ о предположенномъ бракѣ, посольству было поручено собрать точныя справки о вооруженныхъ силахъ Византіи, о средствахъ, которыми располагаетъ Восточная имперія, о томъ, насколько успѣлъ утвердиться на тронѣ новый василевсъ... Все это не ускользнуло, разумѣется, отъ подозрительности Никифора и его ближайшихъ совѣтниковъ, и не мудрено, что къ посольству Кремонскаго епископа относились съ величайшимъ недовѣріемъ, окружили его стражей подъ предлогомъ охраны «дорогихъ» гостей, не дозволяли выходить изъ дома безъ особаго на то разрѣшенія, никого не допускали къ членамъ посольства. Луитпрандъ особенно недоволенъ былъ плохимъ столомъ и дряннымъ греческимъ виномъ: почтенный прелатъ любилъ покушать и хорошо выпить.

Въ субботу, 6 іюня, назначенъ былъ пріемъ посольства въ Священныхъ Палатахъ. И на этотъ разъ Луитпранда и его свиту заставили идти пѣшкомъ на далекое разстояніе, по грязнымъ улицамъ, размытымъ за ночь страшнымъ ливнемъ. Вопреки ожиданія пословъ, ихъ не допустили къ царю. Ихъ принялъ братъ императора, куропалатъ Левъ Фока, правившій въ то время должность логоѳета по иностраннымъ дѣламъ. Съ первыхъ же фразъ отношенія сторонъ обострились и дошли до серьезнаго раздраженія, когда рѣчь коснулась титуловъ. Левъ наотрѣзъ отказался именовать Оттона императоромъ, т.-е. василевсомъ, рѣзко настаивая на томъ, что такъ величать подобаетъ исключительно только властителя Византіи. Это уже была прямая обида, противъ которой послы энергично протестовали. Тогда куропалатъ поднялся съ мѣста и сталъ грубо укорять епископа въ томъ, что онъ пріѣхалъ къ нимъ пререкаться о титулахъ, а не серьезно вести переговоры о мирѣ. Левъ Фока высокомѣрно оборвалъ бесѣду и отказался взять лично отъ посла письма его государя. Ихъ принялъ *мегалодіерменевтъ*, т.-е. первый драгоманъ министерства. Можно себѣ представить, насколько разочарованнымъ и обозленнымъ отбылъ Луитпрандъ въ свой «мраморный баракъ», послѣ этой первой аудіенціи.

Въ день Св. Троицы (7 іюня) посольство Луитпранда было торжественно принято царемъ Никифоромъ такъ же непривѣтливо и грубо, какъ наканунѣ куропалатомъ *). Василевсъ принималъ пословъ, сидя на своемъ знаменитомъ золотомъ тронѣ, стоявшемъ на возвышеніи въ нѣсколько ступеней. По лѣвую сторону, нѣсколько позади, сидѣли два юныхъ царя, сыновья Романа,

*) Луитпрандъ очень подробно и широковѣщательно описываетъ этотъ пріемъ и слѣдовавшія за нимъ торжества. Но, увлекаемый злобой, латинскій епископъ придаетъ всему окраску крайне неблагопріятную для византійцевъ и, очевидно, съ истиною не совсѣмъ согласную. Почтенный прелатъ не щадитъ ни внѣшности, ни нравственныхъ качествъ Никифора, ни его двора, ни, вообще, византійцевъ и ихъ обычаевъ. Себѣ же онъ отводитъ, конечно, самую лучшую роль и постоянно разсыпается въ похвалахъ и лести Оттону и его супругѣ. Тѣмъ не менѣе въ разсказахъ Кремонскаго епископа сохранились нѣкоторыя свѣдѣнія, въ высшей степени интересныя и характерныя. И мы считаемъ необходимымъ воспользоваться ими, съ оговоркою, которую мы дѣлаемъ.

«когда-то государи Никифора, нынѣ его покорные рабы». Эта подробность, отмѣченная епископомъ Кремоны, ясно раскрываетъ передъ нами истинное положеніе опекуна-правителя и малолѣтнихъ законныхъ царей. Настоящимъ властителемъ и самодержцемъ былъ онъ одинъ. Разговоръ его съ посломъ Оттона былъ нисколько не любезнѣе, чѣмъ предшествовавшее совѣщаніе съ Львомъ Фокой. Сообщенія Луитпранда вполнѣ доказываютъ, насколько лживы были оффиціальные придворные отчеты, изображавшіе утонченный этикетъ, безупречную корректность и строгую вѣжливость, соблюдавшіеся при такихъ случаяхъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ высокіе собесѣдники весьма часто обмѣнивались очень крѣпкими выраженіями и дипломатическіе переговоры переходили въ самую непристойную ругань.

«Мы сочли бы своею обязанностью и желаніе наше было оказать тебѣ радушный и милостивый пріемъ, но безчестные поступки твоего государя не дозволяютъ намъ сдѣлать это», — говорилъ Никифоръ и, раздражаясь все болѣе и болѣе, забывая всякую сдержанность, началъ перечислять всѣ дѣйствія Оттона въ Италіи, которыя византійскій императоръ считалъ злостнымъ нарушеніемъ своихъ законныхъ и неоспоримыхъ державныхъ правъ. Онъ дошелъ до того, что сталъ обвинять властителя Запада въ безсовѣстномъ захватѣ Рима и его территоріи, въ варварскихъ жестокостяхъ противъ знатныхъ римлянъ, въ безпощадныхъ казняхъ людей партіи, враждебной германцамъ, и, наконецъ, въ предательскомъ убійствѣ бывшаго короля Италіи и его сына, которыхъ Никифоръ продолжалъ считать все еще своими вассалами. На самомъ же дѣлѣ оба они были живы, одинъ находился въ плѣну у Оттона, другой укрывался въ горахъ Италіи. Василевсъ закончилъ рѣчь прямымъ обращеніемъ къ послу и укорами въ томъ, что онъ, епископъ, постоянно подстрекалъ своего государя злыми и вѣроломными совѣтами. «И вотъ, когда твой государь потерпѣлъ неудачи въ своихъ безчестныхъ предпріятіяхъ, онъ прислалъ тебя къ намъ съ коварными изъявленіями дружбы, въ дѣйствительности же—за тѣмъ, чтобы шпіонствовать!»

Свою отповѣдь Луитпрандъ передаетъ, навѣрное, въ прикрашенномъ видѣ. Такимъ высокимъ тономъ онъ не говорилъ, конечно, но весьма правдоподобно, что, по существу, отвѣтъ его былъ именно таковъ: «Мой государь, — говорилъ епископъ, — никакимъ тиранствомъ не угнеталъ городъ Римъ, онъ вошелъ въ него избавителемъ отъ несноснаго рабства, въ которомъ находился городъ у куртизанокъ и развратниковъ *). А за это время что же дѣлало твое царское могущество? Дремало оно,—о, Никифоръ, какъ дремало при твоихъ предшественникахъ! Какъ ты, такъ и они были римскими императорами только по имени, а не въ дѣйствительности». Укоривши Никифора въ томъ, что онъ не пришелъ на помощь великому городу, что не поддержалъ на должной высотѣ достоинство папы, пылкій

*) Прямой намекъ на извѣстную безнравственность папы Іоанна XII и его приближенныхъ.

епископъ продолжалъ: «Что сдѣлать вы не посмѣли, то совершилъ мой государь, Оттонъ. Онъ перешелъ горы, двинулся къ Риму, дабы возстановить въ немъ миръ, порядокъ и справедливость, дабы охранить безопасность законнаго преемника верховнаго апостола. Онъ по закону и по праву поступилъ, низложивши короля Италіи и его сына, дерзнувшихъ, по наущенію діавола, возстать на своего повелителя. Онъ покаралъ ихъ, и ты поступилъ бы такъ же съ своими возмутившимися подданными». «Однако,— прервалъ его Никифоръ,—посланецъ маркиза Адальберта, находящійся при нашемъ дворѣ, завѣряетъ, что совсѣмъ не такъ было дѣло. Онъ настойчиво доказываетъ законность правъ своего государя на корону Италіи и полную неосновательность притязаній твоего». «Онъ лжетъ!— смѣло отвѣтилъ епископъ.—И каждый изъ людей моей свиты готовъ, хоть завтра же, поддержать справедливость моихъ словъ оружіемъ на поединкѣ, если тебѣ благоугодно будетъ» *). Разрѣшенія на это царь не далъ и пустился въ пререканія съ посломъ о преимуществѣ своихъ правъ на Италію передъ правами Оттона. «Желя покончить эти ссоры дружественнымъ соглашеніемъ,— въ видѣ заключенія объявилъ епископъ, — мой государь, непобѣдимый и славный императоръ Оттонъ, прислалъ меня сюда предложить тебѣ бракъ между его сыномъ и юною царевной, дочерью покойнаго василевса Романа и царицы Ѳеофано. Если ты изъявишь на это согласіе, я сообщу тебѣ о тѣхъ уступкахъ, сдѣлать которыя расположенъ мой государь взамѣнъ этого».

Мы передали въ самыхъ короткихъ словахъ эти странные переговоры, представляющіе собою въ латинскомъ текстѣ Луитпрандова посланія изумительную смѣсь рѣзкой правды, смѣлыхъ словъ, безстыдной лжи и всякихъ хитрыхъ изворотовъ. При всемъ своемъ раздраженіи, Никифоръ счелъ за лучшее сдержаться и прервать аудіенцію подъ тѣмъ предлогомъ, что «наступилъ уже третій часъ» (по нашему времени, девятый утра), и что время отправляться къ богослуженію въ храмъ Св. Софіи. Изъ этого мы можемъ заключить, какъ рано начинался трудовой день василевса, принимавшаго иноземныхъ пословъ чуть не на разсвѣтѣ. Поддаваясь враждебнымъ чувствамъ къ византійцамъ, Луитпрандъ описываетъ почти въ забавномъ видѣ шествіе царя, увѣряетъ, будто парадныя одежды его были очень поношены, а костюмы высшихъ сановниковъ, сопровождавшихъ его,— бѣдны и истрепаны. Для изображенія самого василевса, его наружности и обращенія, разобиженный имъ прелатъ усерднѣйшимъ образомъ подбираетъ наиболѣе презрительныя и оскорбительныя выраженія.

По окончаніи богослуженія, Луитпрандъ былъ приглашенъ на обычный праздничный пиръ въ Священныхъ Палатахъ. О праздничныхъ царскихъ обѣдахъ этого рода мы говорили уже. Всѣ они были одинаково великолѣпны, почти тождественны, обставлены разъ навсегда утвержденнымъ пышнымъ церемоніаломъ, разсчитаннымъ на то, чтобы поражать иноземцевъ необычайнымъ величіемъ царя-самодержца.

---

*) Выше было говорено о сопровождавшихъ посольство *leones*.

XIV.

Пиръ въ день Св. Троицы, на которомъ присутствовалъ епископъ Луитпрандъ 7 іюня 968 г., былъ замѣчателенъ только новыми оскорбленіями, нанесенными византійцами чрезвычайному посланнику германскаго императора. Никто изъ свиты посла къ столу позванъ не былъ, и самъ епископъ былъ посаженъ лишь на пятнадцатое мѣсто за столомъ дипломатическаго корпуса. Во время обѣда Никифоръ многократно обращался къ послу черезъ переводчика съ вопросами о численности вооруженныхъ силъ Оттона въ Италіи, о пространствѣ земель, подчиненныхъ власти этого государя, о составѣ его войскъ, которыя царь старался всячески осмѣивать. Луитпрандъ энергично вступился за своихъ и началъ превозносить боевыя качества и доблести германскихъ воиновъ.

«Ты лжешь!—гнѣвно закричалъ Никифоръ.—Воины твоего государя не умѣютъ биться пѣшими и на коняхъ сидѣть не умѣютъ. Ихъ мечи слишкомъ длинны, щиты слишкомъ велики, шлемы и брони такъ тяжелы, что въ нихъ двигаться трудно. О военномъ дѣлѣ у васъ понятія не имѣютъ!—затѣмъ, громко смѣясь, онъ добавилъ:—они такіе обжоры, что ихъ расплывшіеся животы мѣшаютъ имъ ходить. Пьяницы они и трусы!»—Далѣе и болѣе правильно онъ заговорилъ о совершенномъ ничтожествѣ морскихъ силъ Оттона, похваляясь могуществомъ своего флота.—«На морѣ я безъ труда одолѣю твоего государя, сожгу и разрушу его приморскіе города, опустошу берега его рѣкъ. Море принадлежитъ мнѣ одному, и на немъ никто противустоять мнѣ не можетъ. Да и на сушѣ не твоему государю тягаться со мною, когда онъ принужденъ былъ позорно уйти отъ моей маленькой крѣпостцы *), со всѣми своими саксами, швабами, баварцами и итальянцами». Долго говорилъ онъ еще тѣмъ же раздраженнымъ и заносчивымъ тономъ и закончилъ послѣднимъ, наивящимъ, оскорбленіемъ: «Напрасно и неправильно называютъ васъ римлянами, вы не болѣе, какъ лонгобарды» **).

Луитпрандъ, окончательно взбѣшенный такою выходкой передъ многочисленнымъ собраніемъ, въ долгу не остался и принялся по-своему проводить параллель между бѣдными лонгобардами и византійцами, кичившимися тѣмъ, что они являются прямыми наслѣдниками римлянъ. Никифоръ пытался нѣсколько разъ остановить расходившагося прелата. Но тотъ закусилъ удила и, ничѣмъ не стѣсняясь, на свой ладъ раздѣлывалъ грековъ, а за одно и исторію.—«Вы, греки, похваляетесь тѣмъ, что происходите отъ римлянъ, изъ которыхъ первый былъ в..... и братоубійца, а остальные представляли собою сбродъ бѣглыхъ рабовъ, убійцъ, неоплатныхъ должниковъ. Насъ вы называете въ насмѣшку лонгобардами, тогда какъ на самомъ дѣлѣ мы саксы, франки, лотарингцы, швабы и бургунды, и къ

*) Прямой намекъ на гор. Бари.

**) Т.-е. варвары, по понятіямъ того времени.

вамъ мы относимся съ такимъ презрѣніемъ, что нѣтъ у насъ болѣе оскорбительнаго ругательства, какъ названіе ненавистнаго человѣка римлянином. Это позорящее наименованіе служитъ у насъ для обозначенія самыхъ мерзкихъ пороковъ и всякихъ гнусностей. Вы обвиняете нашихъ воиновъ въ трусости, вы говорите, будто они не умѣютъ биться ни пѣшими, ни конными. Такъ я вызываю васъ помѣриться съ нами въ будущую войну, и тогда видно будетъ, кто изъ насъ сказалъ правду!»

Никифоръ не выдержалъ, распорядился убирать столы, приказавъ отвести черезъ мѣру заговорившагося прелата въ его унылое жилище и держать его тамъ въ строгомъ заключеніи. Луитпрандъ занемогъ отъ бѣшенства и отъ тѣхъ лишеній, которыя ему приходилось терпѣть, по милости византійцевъ, засадившихъ его съ свитой безвыходно, точно въ тюрьму, въ необитаемый, разрушающійся дворецъ, открытый всѣмъ вѣтрамъ и непогодамъ. Почтенный епископъ не на шутку струсилъ, какъ бы не довелось ему и кости сложить на чужой сторонѣ. Цѣною золота онъ подкупилъ одного изъ сторожей и поручилъ ему доставить письмо брату императора. Въ этомъ посланіи онъ умолялъ покончить скорѣе переговоры и отпустить его на родину, пока онъ въ силахъ еще выбраться изъ Константинополя. Суровый куропалатъ заставилъ его ждать отвѣта цѣлыхъ четыре дня и только потомъ принялъ его въ присутствіи цѣлой коммиссіи, состоявшей, кромѣ самого Льва Фоки, изъ паракимомена Василія, двухъ высшихъ дворцовыхъ сановниковъ, протосикрита Симеона и протовистіарія, и двухъ *магистровъ*,—вѣроятно, Іоанна Цимисхія и префекта Сизинія,—«людей отмѣнно мудрыхъ, высоко ученыхъ, весьма напитанныхъ медомъ аттическимъ»,—иронически замѣчаетъ злобствующій епископъ. Изъ этихъ переговоровъ опять ничего не вышло, кромѣ величайшей досады для посла, которому византійцы прямо говорили, что считаютъ унизительнымъ бракъ царевны съ сыномъ Оттона. На пылкія возраженія Луитпранда они отвѣчали громкимъ хохотомъ. Вѣжливѣе другихъ держалъ себя Левъ Фока.

Въ день св. апостоловъ Петра и Павла, 29 іюня, посолъ, совсѣмъ, больной, вынужденъ былъ присутствовать на богослуженіи, а потомъ—на царскомъ пиру, и испытать новое оскорбленіе. Наканунѣ прибыли послы Петра, царя Болгаріи, и вотъ ему, епископу и посланнику великаго императора Запада, указали за столомъ мѣсто ниже этихъ полу-дикихъ варваровъ «съ бритыми головами, одѣтыхъ въ грубые костюмы, въ широкіе штаны, сдерживаемые поясами изъ мѣдныхъ бляхъ». Такой обиды латинскій прелатъ уже не могъ снести и ушелъ изъ-за стола, выражая свое крайнее негодованіе. Скандалъ оказался настолько большой, что самъ Левъ Фока и протосикритъ Симеонъ побѣжали за Луитпрандомъ, стараясь объяснить ему, что иначе они поступить не могли, такъ какъ со времени женитьбы *василевса* Петра (они подчеркивали титулъ) на внучкѣ василевса Романа условлено было письменнымъ договоромъ, что посламъ василевса Болгаріи должны всегда отводиться первыя мѣста въ Священныхъ Палатахъ. Епископъ не хотѣлъ слушать никакихъ доводовъ. Тогда куропалатъ

распорядился отвести его обѣдать въ трактиръ съ мелкими дворцовыми чиновниками.—«Я молча повиновался, ибо удрученъ былъ настолько, что не могъ уже сказать ни слова, и покорно снесъ это жестокое униженіе, счастливый тѣмъ, что страдаю, вѣрно служа моимъ возлюбленнымъ государямъ», умиленно восклицаетъ епископъ, никогда не упускающій случая выставить на видъ свои заслуги съ приправою лести.

Никифоръ сообразилъ, что его приближенные зашли слишкомъ далеко въ своемъ нахальствѣ, и попытался нѣсколько поправить дѣло тѣмъ, что сталъ посылать лучшія блюда съ своего стола несчастному посланнику, засаженному въ харчевню. Луитпрандъ былъ, надо полагать, большой лакомка, такъ какъ получилъ, повидимому, не малое утѣшеніе отъ того, что и на людской застольной его кормили изысканнѣйшими кушаньями со стола самого императора, отложенными для гостя собственноручно самимъ василевсомъ. Епископъ Кремоны съ истиннымъ наслажденіемъ описываетъ, какими изумительными деликатессами его угощали.

По отъѣздѣ болгарскаго посольства, Луитпрандъ былъ въ третій разъ на царскомъ обѣдѣ и сидѣлъ за однимъ столомъ съ патріархомъ Поліевктомъ и многими архіереями. И опять нельзя не удивляться большой рѣзкости и грубости ихъ бесѣды, посвященной почти исключительно богословскимъ вопросамъ, столь излюбленнымъ византійцами. Несомнѣнно, что уже въ это время греки и латиняне ненавидѣли другъ друга такъ же, какъ во времена Комниновъ и Палеологовъ. Четвертый обѣдъ во дворцѣ, три недѣли спустя, прошелъ для Луитпранда безъ особенныхъ непріятностей и заслуживаетъ упоминанія лишь потому, что, по приказу царя, во время пира читалась вслухъ (*voce elata*) проповѣдь Іоанна Златоуста. По-истинѣ, изумительны обычаи императорскаго двора, при которомъ столь душеспасительныя чтенія чередовались самымъ естественнымъ образомъ съ плясками скомороховъ и съ фокусами всякихъ шарлатановъ!...

Больной, изнуренный физически и нравственно, Луитпрандъ зналъ уже доподлинно, что миссія его покончена полною неудачей, и умолялъ лишь о скорѣйшемъ отпускѣ изъ ненавистнаго ему Константинополя. Никифоръ дѣятельно готовился къ новому походу въ Сирію, отправлялъ подкрѣпленія въ свои южно-итальянскія владѣнія, сносился съ маркизомъ Адальбертомъ *), обѣщавшимъ выставить противъ Оттона 8-тысячное, хорошо вооруженное войско, если на это ему будутъ даны отъ царя субсидіи. Никифоръ послалъ деньги съ своимъ евнухомъ, командовавшимъ флотомъ въ итальянскихъ водахъ, но осмотрительно приказалъ выплатить деньги лишь въ томъ случаѣ, когда обѣщанное войско окажется въ наличности, начальство надъ этимъ войскомъ поручить брату Адальберта, Конону или Конраду, самого Адальберта на все время военныхъ дѣйствій задержать

*) Сыномъ Беренгара II (Berenger), короля Италіи, свергнутаго Оттономъ I, взятаго въ плѣнъ и отправленнаго въ Бамбергъ, гдѣ Беренгаръ и умеръ около этого времени.

въ Бари и, въ случаѣ неисполненія имъ принятыхъ на себя обязательствъ, схватить его и выдать германцамъ... совсѣмъ по-византійски.

Не такъ скоро и легко довелось послу Оттона выбраться изъ Византіи. То царю угодно было проститься съ епископомъ, то Луитпранду слѣдовало проводить царя на азіатскій берегъ Босфора, то появившіеся въ Архипелагѣ пираты дѣлали опаснымъ путешествіе моремъ столь дорогого гостя, а сухимъ путемъ сообщенія оказывались прерванными набѣгами мадьярскихъ шаекъ грабителей. Никифоръ далъ слово, что посолъ отпущенъ будетъ тотчасъ по выступленіи арміи въ сирійскій походъ; куропалатъ Левъ клялся «головою василевса, его дѣтей и своею собственною» въ томъ, что не задержитъ посла, «но,— замѣчаетъ Луитпрандъ,— греки безпрестанно готовы клясться чьею-либо головой въ чемъ угодно»... И Луитпранда задерживали подъ всякими вымышленными предлогами и выпустили его только 2 октября, ровно черезъ четыре мѣсяца по его прибытіи къ воротамъ злополучнаго для него города. При отпускѣ послу были вручены два посланія: одно къ императору Оттону, писанное золотыми буквами и подписанное собственноручно царемъ Никифоромъ, скрѣпленное золотою печатью, другое къ папѣ, писанное серебромъ и за серебряною печатью, подписанное куропалатомъ Львомъ. И сдѣлано это было для того, чтобы яснѣе показать, что папу считаютъ не болѣе, какъ епископомъ Рима, а отнюдь не главою и даже не первенствующимъ іерархомъ вселенской церкви. Къ сожалѣнію, ни Луитпрандъ, ни другіе источники не сохранили намъ содержанія этихъ любопытнѣйшихъ документовъ. Послѣ крайне тяжелаго путешествія, Луитпрандъ съ своею свитой прибылъ, наконецъ, къ берегамъ Италіи и высадился въ Анконѣ 10 января 969 г.

XV.

Послѣ многихъ и не менѣе блестящихъ, чѣмъ прежде, побѣдъ надъ сарацинами, Никифоръ вернулся въ столицу къ январю 969 г., поручивши начальство надъ арміей въ Сиріи своему родному племяннику, сыну куропалата Льва, Петру Фокѣ, человѣку необычайной храбрости и энергіи, «несмотря на то, что онъ былъ евнухъ». Вторымъ лицомъ послѣ стратопедарха Петра былъ поставленъ патриціи Михаилъ Бурзхій (Bourtzés или Bourza, арабскіе лѣтописцы называютъ его Alborâgi). Обоимъ царь приказалъ не предпринимать никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ осажденной имъ Антіохіи и ограничиваться тѣсною блокадой этой сильной и знаменитой крѣпости до его возвращенія будущею весной.

Столицею былъ оказанъ Никифору великолѣпнѣйшій пріемъ, но всѣ восторги были, такъ сказать, оффиціальные и показные, по распоряженію властей. Въ народѣ не было уже того увлеченія и воодушевленія, съ какими населеніе города встрѣчало завоевателя Крита и побѣдителя мусульманъ въ Киликіи. Наоборотъ, тамъ и самъ слышался ропотъ, раздавались злобные крики, едва сдерживаемые присутствіемъ варварской гвардіи.

Мрачнымъ и озабоченнымъ вступилъ Никифоръ въ Священныя Палаты послѣ этого, послѣдняго, своего тріумфа. Раздраженіе царя достигло крайней степени, когда онъ получилъ извѣстіе о томъ, что произошло въ Антіохіи... А произошло вотъ что: патрицій Михаилъ завелъ тайныя сношенія съ многочисленными христіанами, жившими въ Антіохіи, упорно звавшими византійскаго вождя. Они увѣрили его въ томъ, что безъ боя впустятъ его въ городъ. Не сносясь съ Петромъ Θокой, желая одинъ воспользоваться славой, Михаилъ ночью подступилъ къ стѣнамъ Антіохіи и, при содѣйствіи христіанъ, успѣлъ овладѣть двумя башнями и частью стѣны. Но разбуженные шумомъ магометане напали на византійцевъ въ неизмѣримо-превосходнѣйшихъ силахъ и быстро оттѣснили ихъ въ захваченныя ими башни. Поставленный въ отчаянное положеніе, Михаилъ слалъ гонца за гонцомъ къ Петру Фокѣ, извѣщая его о неминучей гибели своего малочисленнаго отряда. Не имѣя возможности выжидать разрѣшенія императора, Петръ, на свой страхъ и вопреки царскаго приказа, поспѣшилъ на выручку смѣльчакамъ, изнемогавшимъ въ бою, длившемся три дня и три ночи. Нежданное появленіе многочисленнаго греческаго войска привело сарацинъ въ полное замѣшательство, быстро обратившееся въ настоящую панику, и древняя столица христіанской Сиріи была взята приступомъ 29 октября 969 г.

Современникъ, Левъ Діаконъ, очень опредѣленно говоритъ, что василевсъ получилъ «великую радость» отъ этой чрезвычайно важной и нежданной побѣды, обошедшейся очень дешево его войскамъ. Но это не помѣшало суровому царю высказать свое негодованіе Михаилу Бурзхію, лишить его командованія и подвергнуть аресту въ его собственномъ домѣ. Такому поступку Никифора было дано толкованіе совершенно неправильное, по нашему мнѣнію, и прямо злонамѣренное, по всей вѣроятности; Никифора обвинили въ зависти, въ постыдномъ нежеланіи съ кѣмъ-либо подѣлиться побѣдами. Мы полагаемъ, что, по отношенію къ патрицію Михаилу, Никифоръ поступилъ такъ, какъ долженъ поступать настоящій полководецъ съ генераломъ, осмѣлившимся ослушаться и не исполнить въ точности его приказа. Мы знаемъ, насколько безпощаденъ былъ Никифоръ въ дѣлахъ о нарушеніи дисциплины, и въ данномъ случаѣ можемъ сказать только, что съ несомнѣнно виновнымъ патриціемъ онъ поступилъ мягко и милостиво, вѣроятно, потому, что былъ, на самомъ дѣлѣ, очень доволенъ одержанною побѣдой. Настоящій побѣдитель, стратопедархъ Петръ не подвергся даже выговору, насколько извѣстно, и шелъ во главѣ войскъ къ Алепо *).

Враждебно настроенное общественное мнѣніе воспользовалось и этимъ случаемъ противъ Никифора и обвинило его въ несправедливости и злост-

*) Шлюмберже называетъ поступокъ Никифора „очень страннымъ“ и, повидимому, не сомнѣвается въ томъ, что онъ былъ вызванъ, именно, нехорошими чувствами, причемъ оговаривается, что „за неимѣніемъ положительныхъ свѣдѣній, слѣдуетъ воздержаться отъ какихъ-либо сужденій“.

ной неблагодарности. А въ лицѣ патриція Михаила Никифоръ нажилъ себѣ съ этой минуты непримиримѣйшаго врага, жестоко отплатившаго царю за его милостивое снисхожденіе. При дворѣ, въ высшихъ кругахъ византійскаго общества и среди военачальниковъ, было много людей, недовольныхъ царемъ, обиженныхъ имъ, раздраженныхъ тѣмъ, что всѣмъ распоряжался онъ самъ, угрюмо и рѣзко, точно полкомъ командовалъ, не имѣлъ ни близкихъ совѣтниковъ, ни любимцевъ, старался всегда быть одинокимъ, терпѣть не могъ льстивыхъ придворныхъ, интригановъ и всю жадную толпу, вѣчно тѣснившуюся вокругъ царскихъ палатъ. Отъ всѣхъ онъ требовалъ только службы и дѣла. Самъ онъ не зналъ ни усталости, ни отдыха; по словамъ лѣтописца, «никто не видалъ, когда василевсъ спитъ»,—и отъ другихъ хотѣлъ того же, никому не давалъ покоя или поблажки. За усердную службу награждалъ скудно и неохотно, по своей скупости и по недостатку казны, вѣчно опустошаемой на военные расходы, за неисправности каралъ сурово, своею мрачною непривѣтливостью всѣхъ отталкивалъ отъ себя и, въ концѣ-концовъ, сталъ для всѣхъ невыносимъ.

Нерасположеніе къ царю духовенства разрослось до настоящей, почти всеобщей, ненависти, по причинамъ, о которыхъ говорено выше. Монахи всѣми средствами возбуждали противъ Никифора низшіе классы, и народъ уже едва сдерживалъ проявленія вражды къ любимому когда-то герою, побѣды котораго обходились слишкомъ дорого и ложились невыносимымъ гнетомъ на все населеніе имперіи. Въ довершеніе бѣдъ наступилъ сильный голодъ, не столько отъ неурожая, сколько отъ недостатка рукъ, постоянно отрываемыхъ на войну, и отъ страшной дороговизны хлѣба, захваченнаго скупщиками, въ числѣ которыхъ, по общему убѣжденію, первое мѣсто занималъ братъ императора, Левъ Фока, а по весьма распространенному слуху—будто бы и самъ Никифоръ. Ко всему этому, въ данное время, присоединился страхъ неминуемой войны съ русскими, неосторожно наведенными на Болгарію самимъ Никифоромъ, разсчитывавшимъ на то, что варвары далекаго Сѣвера пограбятъ болгаръ, окончательно подорвутъ ихъ силы и, удовлетворившись огромною добычей, возвратятся въ свою далекую родину. Вмѣсто того, Святославъ, прельщенный заманчивыми перспективами дальнѣйшихъ подвиговъ и побѣдъ, объявилъ захваченную часть Болгаріи «своею завоеванною землею», прочно и крѣпко осѣлъ на Дунаѣ и грозилъ Константинополю не простымъ набѣгомъ, а настоящимъ завоеваніемъ.

Никифору пришлось спѣшно исправлять свой промахъ, собирать новое большое войско, укрѣплять города, сооружать боевыя машины, готовиться къ тяжелому походу и еще болѣе увеличивать и безъ того уже непосильное обложеніе народа податями. За все это царь принялся съ своею обычною, несокрушимою, энергіей, поспѣшилъ заключить съ болгарскимъ царемъ Петромъ оборонительный и наступательный союзъ и скрѣпить дружескій договоръ брачными узами. Вслѣдствіе такого соглашенія, двѣ болгарскія царевны были наречены невѣстами малолѣтнихъ царей Василія и

Константина и привезены въ Константинополь для воспитанія и обученія въ геникеѣ палатномъ подъ наблюденіемъ царицы Ѳеофано. Посольство, привезшее порфирородныхъ невѣстъ, забрало съ собою, за одно уже и на всякій случай, въ видѣ заложниковъ, двухъ сыновей царя Петра, царевичей Бориса и Романа. Вскорѣ царь Петръ умеръ, въ Болгаріи начались большія смуты, и Никифоръ вынужденъ былъ отправить обоихъ царевичей обратно въ ихъ отечество, не на радость, впрочемъ, такъ какъ они почти тотчасъ же были захвачены въ плѣнъ воеводою Святослава Свѣнельдомъ.

Чуть не со дня возвращенія Никифора изъ Сиріи, въ Константинополѣ начали распространяться слухи о заговорахъ, о возможности покушенія на жизнь императора. Во время одного изъ праздничныхъ шествій царя на богомолье произошло очень странное, таинственное событіе. Къ императору протѣснился какой-то неизвѣстный монахъ, подалъ ему записку и скрылся, не говоря ни слова. Вотъ что прочелъ Никифоръ: «Василевсъ, хотя я ничтожный червь, но промысломъ Всевышняго мнѣ открыто, что ты умрешь въ теченіе третьяго мѣсяца, имѣющаго наступить послѣ грядущаго сентября». Былъ ли это бредъ человѣка, вообразившаго себя пророкомъ, или предостереженіе, данное неизвѣстнымъ другомъ,—какъ бы то ни было, при всей своей неустрашимости и непоколебимомъ спокойствіи, императоръ сильно смутился. Предпринятые самые тщательные розыски монаха или человѣка, переодѣтаго монахомъ, не привели ни къ чему. Податель записки исчезъ безслѣдно.

Съ этого дня Никифоръ сдѣлался еще мрачнѣе, лицо его осунулось, онъ пересталъ удаляться на ночь въ свою царскую опочивальню и ложился гдѣ-нибудь на полу въ кубикулумѣ, подостлавши шкуру пантеры и пурпурный коверъ. Новое, крайне тягостное, событіе подѣйствовало на несчастнаго василевса окончательно удручающимъ образомъ. Скончался его отецъ, до обожанія любимый имъ цезарь Варда, достигшій глубокой старости. Императоръ, сильно уже потрясенный многими душевными страданіями, горько оплакивалъ родителя, устроилъ ему великолѣпныя похороны и собственноручно положилъ его тѣло въ отдѣльный саркофагъ у храма Святыхъ Апостоловъ.

XVI.

Никифоръ сдѣлался ненавистнымъ не только народу и многимъ прежнимъ боевымъ товарищамъ, но и супругѣ своей, царицѣ Ѳеофано. И вполнѣ естественно, что молодой красавицѣ, очаровательной, совершенно безнравственной, страшно жаждущей всяческихъ наслажденій, скоро опротивѣлъ старый мужъ, вѣчно угрюмый и черствый, некрасивый чуть не до безобразія, нисколько не изящный, простой и грубый, большой постникъ, считавшій для себя обязательнымъ строгое воздержаніе. Къ тому же Ѳеофано едва ли когда-нибудь серьезно любила Никифора, и если отдалась ему и стала его женой, то изъ желанія остаться царицей и имѣть въ

мужѣ вѣрнаго защитника себѣ и своимъ дѣтямъ. Къ этому времени всѣ отношенія стали иными, а съ тѣмъ вмѣстѣ, измѣнились и политическія соображенія. Никифоръ, утратившій любовь народа и духовенства, знатнѣйшихъ вельможъ и славныхъ полководцевъ, окруженный общимъ недовольствомъ, готовымъ перейти въ открытое возстаніе, не былъ уже достаточно надежнымъ охранителемъ малолѣтнихъ царей. Лѣтописцы, недоброжелательные Никифору, высказываютъ даже прямое,—хотя совершенно неправдоподобное,—подозрѣніе, будто онъ хотѣлъ избавиться отъ царей-пасынковъ, оскопить ихъ и постричь въ монахи, дабы оставить престолъ своему брату Льву и его потомкамъ. Восточные лѣтописцы говорятъ о замѣтномъ охлажденіи императора къ Θеофано и о его крайне грубомъ обращеніи съ нею, съ нѣкоторыхъ поръ, разумѣется. Между прочимъ, сохранился пространный разсказъ такого содержанія: собираясь въ походъ, Никифоръ хотѣлъ оставить правителемъ куропалата Льва. Θеофано испугалась за дѣтей и умоляла царя не брать съ собою Цимисхія. Царь разгнѣвался и сказалъ, что прикажетъ оскопить обоихъ ея сыновей. Тогда доведенная до ужаса Θеофано рѣшилась покончить съ царемъ при содѣйствіи Цимисхія, уже бывшаго ея любовникомъ.

А любовникомъ ея онъ былъ, повидимому, давно. Пылкая и страстная Θеофано, на этотъ разъ, вполнѣ искренно увлеклась смѣлымъ доместикомъ Востока, блестящимъ полководцемъ, обожаемымъ войсками, очаровывавшимъ всю столицу. Начало связи между царицей и изящнымъ арменинномъ осталось для насъ неизвѣстнымъ. Но есть достаточно основаній думать, что Цимисхій не испытывалъ особенно глубокой любви къ тридцатилѣтней красавицѣ и въ большой мѣрѣ отдавался своимъ честолюбивымъ замысламъ и чувству затаенной вражды къ императору, котораго онъ считалъ всѣмъ обязаннымъ лично ему, доместику. И въ этомъ Цимисхій былъ отчасти правъ, какъ и въ томъ, что имѣлъ серьезные поводы обвинять въ неблагодарности царя, забывшаго оказанныя ему услуги и обращавшагося слишкомъ дурно съ своими сподвижниками. Что-же касается Θеофано, то къ ея страстной любви къ льстивому красавцу присоединялась острая ненависть къ старому, опостылѣвшему мужу.

Никифоръ, по всей вѣроятности, заподозрившій невѣрность супруги, дѣлался все мрачнѣе, тревожнѣе и нелюдимѣе. Его братъ Левъ, постоянно завидовавшій Цимисхію, ежедневно наговаривалъ царю на арменина, растравлялъ подозрительность царя и добился, наконецъ, того, что, по повелѣнію василевса, Іоаннъ Цимисхій вынужденъ былъ удалиться на жительство въ свои азіатскія помѣстья съ воспрещеніемъ выѣзда изъ нихъ. Главное начальство надъ войсками Востока было отнято у него ранѣе, и онъ получилъ чисто-гражданскую должность, соотвѣтствующую положенію главноуправляющаго почтами имперіи съ титуломъ логоѳета. Это назначеніе онъ принялъ за новое и очень тяжкое оскорбленіе со стороны своего бывшаго друга и соратника Никифора. Θеофано пришла въ совершенное отчаяніе и бѣшенство отъ удаленія изъ Византіи своего любовника.

Далѣе мы съ возможною точностью передаемъ повѣствованіе Льва Діакона о трагическомъ концѣ царствованія Никифора Фоки. Царь, глубоко потрясенный смертью отца, единственнаго человѣка, въ безкорыстную любовь котораго онъ вѣрилъ, провелъ нѣсколько дней въ отдѣльныхъ покояхъ своего дворца, отдавшись молчаливому горю. Пылкая Θеофано, страстная и лукавая, безнравственная по натурѣ, энергичная, развращенная воспитаніемъ и смѣлая, воспользовалась моментомъ, когда ея супругъ нуждался въ утѣшеніи, и достигла того, что вернула своего любовника. Она тайно отъ всѣхъ пошла къ мужу, убѣдила его ловкими доводами, обольстила ласками, все еще неутратившими надъ нимъ своей обаятельной силы, и на своемъ настояла. Съ обычною женскою хитростью, она льстила его тщеславію, искусно затрогивала его слабыя стороны, нѣжно говорила о томъ, что мудрый правитель, справедливѣйшій и великодушнѣйшій изъ государей, славящійся тонкимъ знаніемъ людей и умѣньемъ ими пользоваться, поддается навѣтамъ и держитъ вдалекѣ отъ столицы и войскъ, въ тяжеломъ и оскорбительномъ бездѣйствіи, такого способнаго и безгранично преданнаго ему полководца, съ которымъ онъ связанъ тѣсными узами родства и старой дружбы. Въ видѣ наиболѣе убѣдительнаго и главнаго мотива она привела то обстоятельство, что Іоаннъ Цимисхій, овдовѣвшій года два назадъ, очень желалъ вступить въ новый бракъ. Это было, конечно, лучшее средство отклонить ревнивыя подозрѣнія царя.

Никифоръ не устоялъ, исполнилъ волю царицы, «ибо,—говоритъ Левъ Діаконъ, современный свидѣтель событій,—василевсъ все еще безгранично любилъ Θеофано, и чары этой дивной красавицы оказывали на стараго воина необычайное вліяніе». Іоанну Цимисхію повелѣно вернуться въ столицу и явиться въ Священныя Палаты. Онъ тотчасъ же пріѣхалъ и испросилъ дозволеніе представиться царю. Никифоръ принялъ его, но запретилъ ему бывать во дворцѣ ежедневно, какъ то обычно дѣлали и почти обязаны были дѣлать всѣ знатные и сановные люди, пребывающіе въ Константинополѣ. Цимисхій поселился въ своей наслѣдственной усадьбѣ въ Халкидонѣ, нынѣ Кады-кою, на азіатскомъ берегу Мраморнаго моря. Оттуда ему было очень удобно тайно сноситься съ царицей и, при помощи подкупленныхъ евнуховъ и рабынь, даже видаться съ нею въ недоступныхъ ни для кого покояхъ царскаго геникея. Для этого безстрашному доместику приходилось каждую ночь переправляться въ лодкѣ черезъ Босфоръ и пробираться крадучись по безчисленнымъ закоулкамъ дворцовыхъ зданій, занимавшихъ цѣлый кварталъ города. За малѣйшую неосторожность или чью-либо нескромность оба любовника должны были неминуемо заплатить жизнью. Но Священныя Палаты были всегда гнѣздомъ всяческихъ измѣнъ и предательствъ, обширнымъ полемъ мрачныхъ интригъ и алчныхъ вожделѣній, чутьемъ угадывавшихъ близость наступленія новаго царствованія, и это спасало смѣльчака честолюбца и безумно влюбленную въ него Θеофано.

На этихъ тайныхъ свиданіяхъ окончательно рѣшено было убить Ни-

кифора, съ тѣмъ условіемъ, что, послѣ его смерти, Θеофано станетъ женою Цимисхія и сдѣлаетъ его царемъ. Таиться и ждать обоимъ было уже не подъ силу, да и слишкомъ опасно было, а потому планъ покушенія былъ составленъ скоро и весьма искусно. Іоаннъ Цимисхій безъ труда нашелъ вѣрныхъ сообщниковъ среди недовольныхъ царемъ, число которыхъ возрастало съ каждымъ днемъ. Изъ нихъ наиболѣе видными были: стратигъ Михаилъ Бурзхій, прославившійся взятіемъ Антіохіи и жестоко оскорбленный постигшею его за то немилостью, патрицій Левъ Педіасимъ, таксіархъ *), Левъ Валантій и Θеодоръ Черный, одинъ изъ людей, наиболѣе преданныхъ Цимисхію. Всѣхъ ихъ было, впрочемъ, больше,—по однимъ извѣстіямъ восемь, по другимъ—десять человѣкъ, кромѣ самого доместика. Все это были люди рѣшительные, неустрашимые, на все готовые изъ ненависти къ Никифору. Цимисхій связалъ ихъ страшными клятвами и самыми заманчивыми обѣщаніями въ случаѣ удачи. Каждый изъ нихъ имѣлъ ночью тайныя собесѣдованія съ царицей. Евнухи и рабыни проводили заговорщиковъ по-одиночкѣ въ отдаленныя комнаты геникея, гдѣ Θеофано принимала ихъ. Эта подробность служитъ достаточнымъ показателемъ того, какою измѣной былъ окруженъ несчастный василевсъ въ своемъ укрѣпленномъ дворцѣ.

Условлено было убить царя въ ночь съ 10 на 11 декабря. Заговорщики, переодѣтые въ женскія платья, были одинъ по одному проведены въ геникей. Θеофано самолично спрятала ихъ въ темныхъ комнатахъ, по близости отъ опочивальни императора. При наступленіи роковой ночи, Никифоръ получилъ еще разъ предостерегающую его записку, писанную однимъ изъ дворцовыхъ священниковъ, такого содержанія: «Василевсъ, знай, что нынѣшнею ночью тебѣ готовятъ ужасную смерть. Если хочешь убѣдиться въ этомъ, прикажи обыскать геникей, тамъ спрятаны вооруженные люди, пришедшіе убить тебя». Императоръ, получавшій чуть не ежедневно такія же угрожающія извѣщенія, былъ на этотъ разъ пораженъ точностью указанія. Сохраняя полное спокойствіе, Никифоръ тотчасъ же приказалъ Михаилу, главному кубикуларію, т.-е. начальнику евнуховъ, тщательнѣйшимъ образомъ осмотрѣть всѣ помѣщенія женщинъ до послѣдняго закоулка. Приказаніе было исполнено немедленно, и никто найденъ не былъ: Михаилъ осмотрѣлъ «всѣ закоулки», кромѣ тѣхъ комнатъ, въ которыхъ скрывались заговорщики, и доложилъ царю, что полученная имъ записка, подобно многимъ прежнимъ, есть не болѣе, какъ мистификація.

Наступила долгая зимняя ночь, и стемнѣло уже давно, заговорщики въ смертельной тревогѣ поджидали Цимисхія, который все еще не являлся. Да и сможетъ ли онъ перебраться черезъ Босфоръ такою темною и бурною ночью? Необходимо было, во что бы то ни стало, усыпить подозрительность Никифора. Θеофано идетъ въ его опочивальню и объясняетъ ему, что отправляется присмотрѣть за маленькими болгарскими царевнами, по-

*) Военный чинъ, соотвѣтствующій нынѣшнему положенію ротнаго командира.

рученными ея попеченію, а затѣмъ скоро вернется въ спальную провести ночь съ супругомъ. Царица проситъ не запирать двери на это короткое время. Никифоръ, обманутый ласками жены, долгое время предается молитвѣ и чтенію священнаго писанія, потомъ ложится не на царскую постель, а, по своему обыкновенію, на шкуру пантеры, разостланную на полу въ углу подъ иконами Спасителя, Богородицы и Предтечи Іоанна. Происходило это въ только что отстроенномъ дворцѣ, называемомъ *Буколеонъ*, окруженномъ неприступными укрѣпленіями. И Никифоръ уснулъ на этотъ разъ, не имѣя подъ руками оружія.

Былъ пятый часъ ночи, когда Цимисхій въ маленькой лодкѣ, сопровождаемый тремя человѣками, переплылъ бурное море и вышелъ на берегъ у дворцовой пристани близъ знаменитой мраморной группы, изображавшей бой быка съ львомъ и давшей свое названіе этой пристани и дворцу. По условленному сигнальному свистку, изъ окна царициной комнаты была спущена веревочная лѣстница. Нѣкоторыя сказанія не упоминаютъ про лѣстницу и говорятъ, что Цимисхій и его спутники были одинъ за другимъ втащены наверхъ служанками геникея въ ивовой корзинѣ, спущенной на веревкѣ. Ободренные совершенно баснословною удачей, никѣмъ не замѣченные и, что̀ еще диковиннѣе, никѣмъ не преданные, заговорщики съ обнаженными мечами въ рукахъ входятъ въ императорскій *кубикулумъ*. Одна арабская лѣтопись передаетъ, будто Θеофано сама ввела ихъ въ опочивальню, но это представляется намъ мало правдоподобнымъ. Цимисхій вошелъ въ комнату послѣднимъ. Къ неописуемому ужасу заговорщиковъ, царская постель оказалась пустою! Заподозривши предательство и зная, что спасенія почти нѣтъ, они отдались паникѣ, готовы уже были съ высокой стѣны зàмка броситься въ море и попытаться вплавь добраться до азіатскаго берега. Провожавшій ихъ мальчикъ евнухъ указалъ имъ пальцемъ тотъ уголъ, гдѣ царь крѣпко спалъ на полу.

«Точно хищные звѣри», они бросились на императора и принялись толкать его ногами. Никифоръ въ просонкахъ приподнялся, опираясь на руку. Левъ Валентій нанесъ ему первый ударъ мечомъ, которымъ разсѣкъ ему лобъ и бровь до кости. Ошеломленный ударомъ, но не потерявшій сознанія, Никифоръ крикнулъ: «Матерь Божія, помоги мнѣ!» Ему связали ноги и облитаго кровью поволокли къ царскому ложу, на которомъ уже сидѣлъ Іоаннъ Цимисхій. Убійцы хотѣли принудить Никифора стать на колѣни, но онъ уже не въ силахъ былъ держаться и повалился на полъ. Цимисхій и всѣ остальные принялись осыпать его всяческими укорами и оскорбленіями. «Отвѣчай мнѣ, проклятый тиранъ,—кричалъ армянинъ, топча его ногами,—говори, не по моей ли милости сѣлъ ты на тронъ и сдѣлался могущественнымъ императоромъ? И ты забылъ всѣ мои благодѣянія, ослѣпленный подлою завистью, ты унижалъ меня, отнялъ у меня начальство надъ войскомъ, послалъ въ изгнаніе жить въ глуши, тогда какъ я во сто разъ лучше тебя и всѣ любятъ и почитаютъ меня, а тебя ненавидятъ. Теперь ты въ моей

власти и не вырвешься изъ моихъ рукъ. Но, все-таки, если можешь сказать что-нибудь въ свое оправданіе, говори, я слушаю тебя».

Несчастный василевсъ молчитъ,—нечего ему отвѣчать на всѣ эти оскорбленія и силъ у него нѣтъ говорить. Онъ знаетъ, что наступилъ его конецъ, и продолжаетъ только взывать къ милосердію Бога и Пречистой Богородицы. Убійцы неистовствуютъ: Цимисхій клочками вырываетъ ему бороду, другіе раздробляютъ ему челюсть и выбиваютъ зубы рукоятками мечей. Всякій спѣшитъ на безпомощномъ властителѣ выместить накипѣвшую на душѣ злобу... Поднявшійся тѣмъ временемъ шумъ и угрожающее движеніе во дворцѣ заставляютъ опомниться злодѣевъ, даютъ имъ понять, что пора закончить преступное дѣло. Одинъ изъ нихъ наноситъ василевсу смертельный ударъ кривымъ ножомъ. Такъ злосчастно погибъ великій императоръ и славный полководецъ. Гдѣ была въ это время Θеофано? «Вѣроятно, стояла за дверью»,—говоритъ Шлюмберже.

Переданная нами ужасная сцена тянулась слишкомъ долго. «Глухой шумъ даетъ знать слугамъ, оставшимся вѣрными царю, объ опасности, угрожающей государю. Они спѣшатъ ему на помощь. Прибѣгаютъ гвардейцы,—быть можетъ, варяги,—бывшіе въ этотъ день въ караулѣ у входовъ во дворецъ. О смерти императора они еще не знаютъ и пытаются топорами выломать запертыя бронзовыя двери, завязывается настоящій ожесточенный бой. Арабскій лѣтописецъ говоритъ, будто убито было до 70 гвардейцевъ. Были минуты, когда гибель заговорщиковъ казалась неизбѣжною. Цимисхій бросился въ Золотую Палату, чтобы скорѣе надѣть на себя знаки царскаго достоинства, а одному изъ сообщниковъ приказалъ отрѣзать голову Никифору и показать ее, при свѣтѣ факеловъ, народу, сбѣгавшемуся толпами ко дворцу, вмѣстѣ съ солдатами. При видѣ окровавленной головы императора воины-наемники сразу остановились. Люди иного племени, одушевленные единственно чувствами воинской чести и долга, ненавистные народу, презираемому ими, они поняли, что все кончено и что никто не послѣдуетъ за ними, чтобы помѣшать дворцовому перевороту, уже совершившемуся. Они головы сложили бы, защищая Никифора, мстить же за него они обязаны не были.

Тѣмъ временемъ Іоаннъ Цимисхій успѣлъ уже облечься въ пурпурную обувь и царскія одежды и сидѣлъ на золотомъ тронѣ василевса, провозглашенный императоромъ своими сообщниками и сторонниками, успѣвшими толпами проникнуть въ Священныя Палаты. Византія была въ рукахъ новаго властителя. Прибѣжавшіе защищать Никифора чуть ли не громче другихъ кричали: «Многая лѣта самодержцу Іоанну, нашему великому государю! Многая лѣта нашимъ царямъ Василію и Константину!» Непоколебленною оставалась прежняя фикція, будто царствуютъ малолѣтніе сыновья Романа II, а Цимисхій лишь занялъ мѣсто Никифора въ качествѣ опекуна законныхъ царей.

Существуетъ такой разсказъ, будто Никифоръ, сильно встревоженный таинственнымъ предупрежденіемъ, послалъ тотчасъ же своему брату Льву приказъ явиться немедленно во дворецъ съ достаточнымъ числомъ надежныхъ воиновъ. Куропалатъ, страстный игрокъ, былъ такъ увлеченъ игрой, что записку царя отложилъ въ сторону и прочелъ ее лишь по окончаніи игры. Узнавши, въ чемъ дѣло, Левъ пришелъ въ ужасъ и бросился къ дворцу съ однимъ изъ своихъ сыновей Никифоромъ и съ людьми, которыхъ успѣлъ собрать. Но было уже поздно. На Ипподромѣ, среди снѣжной метели, они услыхали, что василевсъ убитъ заговорщиками. На дворахъ Священныхъ Палатъ, на сосѣднихъ площадяхъ и улицахъ мелькали факелы, раздавались крики, провозглашавшіе новаго властителя Востока. Вмѣсто того, чтобы сдѣлать энергичную попытку въ свою пользу, Левъ такъ растерялся, что не нашелъ ничего лучшаго, какъ укрыться съ сыномъ въ храмѣ Св. Софіи. При своихъ громадныхъ богатствахъ, Левъ Фока могъ еще разсчитывать въ эту минуту вырвать власть изъ рукъ Цимисхія. Куропалатъ былъ потомъ сосланъ на Лесбосъ, его сыновья, Никифоръ и Варда, тоже сосланы въ разныя мѣста. Третій, стратопедархъ Петръ, былъ незаконный сынъ и евнухъ.

Въ теченіе всего слѣдующаго дня (суббота, 11 декабря), обезглавленное тѣло побѣдителя сарацинъ, выброшенное изъ окна въ дворцовый садъ, пролежало на снѣгу до тѣхъ поръ, пока новый царь вспомнилъ о немъ вечеромъ и приказалъ на-скоро убрать. О торжественныхъ похоронахъ не могло быть и рѣчи, разумѣется. Темною ночью останки императора были положены на простыя носилки и отнесены, бѣгомъ, крадучись, къ храму Св. Апостоловъ и погребены въ одномъ изъ большихъ саркофаговъ, стоявшихъ близъ храма.

За всѣхъ заговорщиковъ расплатился жизнью одинъ Левъ Валентій, нанесшій первый ударъ Никифору. Онъ былъ казненъ тотчасъ же. Іоаннъ Цимисхій не могъ или, быть можетъ, по какимъ-либо соображеніямъ, не захотѣлъ его спасти. Благочестивый Левъ Діаконъ говоритъ, что всѣ остальные участники преступленія не долго пользовались плодами своего злодѣянія, и каждаго изъ нихъ въ свою очередь постигла кара Провидѣнія... Но это относится уже къ новому царствованію и составитъ предметъ нашего особаго повѣствованія о Византіи и ея нравахъ въ тревожный періодъ недолгаго правленія Іоанна Цимисхія.

М. Ремезовъ.

Возможна ли постройка „Народнаго дома“ въ Москвѣ?

Необходимость устройства «образовательно-воспитательныхъ учрежденій» для рабочихъ, по терминологіи экспертныхъ коммиссій всероссійской промышленной выставки 1896 года, едва ли можетъ въ настоящее время возбуждать какія-либо сомнѣнія. Въ особенности сильно эта необходимость ощущается въ Москвѣ, благодаря тому, что въ ней преобладаетъ мелкій типъ промышленныхъ заведеній (менѣе 50 рабочихъ).

Изъ 773 фабрикъ, по спискамъ департамента торг. и мануф. за 1894—95 г. было 314 фабрикъ, имѣющихъ по 50 и болѣе рабочихъ (около 70 тыс. чел. о. п.), остальныя же все небольшія заведенія. Данныя переписи за 1882 г. показали, что Москва, прежде всего, городъ промышленный, затѣмъ уже торговый. Обработка волокнистыхъ веществъ доставляетъ въ Москвѣ заработокъ до 70 тыс. челов. или 9% всего населенія города, т.-е. значительно больше, нежели въ Петербургѣ (около 2%), въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ. Главнымъ образомъ, такіе густонаселенные промышленные участки расположены сплошной лентой въ восточныхъ и южныхъ частяхъ города. Уже въ 1882 г. въ Москвѣ числилось до 215 тыс. рабочихъ всякаго рода, а по свѣдѣніямъ департамента торговли и мануфактуръ, числящіеся въ оффиціальныхъ спискахъ фабричные и мастеровые (91 тыс. чел.) выработали разнаго рода товаровъ на сумму до 1½ милліона рублей или въ среднемъ, на каждаго рабочаго приходится почти 1½ тыс. руб. въ годъ.

Въ центральныхъ же частяхъ города сосредоточена цѣлая армія мелкихъ торговцевъ и приказчиковъ, насчитывающая въ своихъ рядахъ свыше 100 тыс. человѣкъ. По свѣдѣніямъ городской управы за 1879 годъ въ Москвѣ числилось: 10 тыс. ремесленныхъ заведеній, 11 тыс. магазиновъ и лавокъ, 600 конторъ, до 500 фабрикъ и т. д. Съ тѣхъ поръ эти цифры колоссально возросли, а условія быта рѣзко измѣнились. Самая мысль о постройкѣ «Народныхъ домовъ», такъ называемыхъ съ легкой руки министерства народнаго просвѣщенія, соорудившаго подъ этимъ названіемъ примѣрный типъ такого зданія на Нижегородской выставкѣ (аудиторія,

сцена, читальня и библіотека, чайная и пр.), получила недавно въ Россіи повсюду замѣчательно быстрое распространеніе, весьма дѣятельное сочувствіе и матеріальную поддержку. Кромѣ особыхъ «Обществъ для устройства народныхъ увеселеній» (болѣе пяти однородныхъ по цѣли обществъ въ Петербургѣ, по одному обществу въ г. Ивановѣ-Вознесенскѣ, Владимірской губ., въ г. Кобеляхъ, Полтавской губ., въ г. Тамбовѣ, въ г. Коломнѣ, Московской губ. и т. д.), сооружается уже или проектируется постройка отдѣльныхъ зданій «Народнаго дома» въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ Россіи. Отмѣтимъ лишь нѣкоторыя изъ нихъ, а именно: 1) *Нижній-Новгородъ* (проектъ зданія по смѣтѣ въ 55 т. р.); 2) *Севастополь* (народныя чтенія съ туманными картинами и театръ, безплатная читальня, дешевая чайная съ отпускомъ чая по 1 к. за стаканъ и дешевая столовая съ обѣдами изъ 2-хъ блюдъ по 8 к.); 3) *г. Барнаулъ*, Тобольской губ. (библіотека, музей, народный театръ и пр.); 4) *г. Красный*, Смоленской губ. (маленькій городокъ, строющій «народный домъ» съ театромъ, библіотекой-читальней, съ народными чтеніями и проч. на частныя пожертвованія, изъ коихъ 100 р. получено отъ отца Іоанна Кронштадтскаго при письмѣ съ благословеніемъ его на успѣшное довершеніе задуманнаго предпріятія); 5) *г. Саратовъ* (чистая прибыль отъ театра и другихъ общедоступныхъ развлеченій для народа при 5 тыс. посѣтителей и цѣнахъ отъ 5 коп. до 65 коп., около 300 руб. въ годъ); 6) *г. Харьковъ* (проектъ постройки на жертвуемой городскимъ управленіемъ землѣ общаго зданія для помѣщенія народной аудиторіи, театра, библіотеки-читальни, чайной, продажи книгъ и проч., по образцу «Народнаго дворца» въ Лондонѣ, при ссудѣ изъ суммъ государственнаго казначейства и при непосредственномъ содѣйствіи г. начальника губерніи); 7) *ст. Екатеринославль*, екатерининской жел. дор. (воскресная школа для взрослыхъ рабочихъ, народныя чтенія съ туманными картинами и музыкальными отдѣленіями, библіотека-читальня); 8) *Нижне-Тагильскъ*, Пермской губ. (главнымъ образомъ для служащихъ на заводахъ наслѣдниковъ Демидова); 9) *Одесса* (участокъ пожертвованной городомъ земли въ 1,037 кв. саж., отдѣльное зданіе на 1,070 человѣкъ стоимостью около 100 тыс. р., для устройства народныхъ чтеній, музыкально-литературныхъ вечеровъ, драматическихъ представленій, концертовъ, книжнаго склада, химической и фотографической лабораторій, плотничьихъ, столярныхъ и слесарныхъ мастерскихъ, при ежегодномъ бюджетѣ въ $10^1/_2$ тыс. р.); 10) *г. Кременчугъ*, Полтавской губ. (залъ для народныхъ чтеній, театръ, библіотека-читальня, столовая, чайная и различныя развлеченія для простого народа, причемъ по приблизительной смѣтѣ зданіе обойдется въ 30 т. р., пожертвована уже отъ города земля съ безплатнымъ отпускомъ камня для постройки, 1,000 р. отъ мѣстнаго обывателя г. Шапошникова и проч.); 11) *г. Новоградволынскъ* («народный домъ» или, точнѣе, въ настоящее время лишь «народный клубъ», какъ указывалось въ газетѣ *Волынь*, устроенный мѣстнымъ попечительствомъ трезвости); 12) *г. Елецъ*, Орловской губ. (народныя чтенія съ туманными

картинами по различнымъ отраслямъ естествознанія, библіотека-читальня, въ числѣ лекторовъ состоитъ губернскій предводитель дворянства М. А. Стаховичъ); 13) *село Городецъ*, Балахнинскаго у., Нижегородской губ. (постройка зданія для народныхъ чтеній, театра и проч.); 14) «Народный домъ» имени Н. В. Гоголя въ Полтавѣ; 16) народный театръ съ дешевой столовой и чайной, устроенный предсѣдателемъ попечительства о народной трезвости—Его Высочествомъ принцемъ Ольденбургскимъ *въ Петербургѣ*, (театръ открытъ съ января 1898 г. въ манежѣ юнкерскаго училища на Петербургской сторонѣ, на 4 тыс. мѣстъ, отъ 5 до 75 коп., чайный буфетъ съ разнообразными закусками, замѣчательно дешевая столовая съ кухней, гдѣ кушанья готовятся на виду у публики); 17) роскошное помѣщеніе, подаренное недавно Петербургу В. Н. фонъ-Дервизъ (громадная зала для народныхъ чтеній, спектаклей и концертовъ, читальня, библіотека, 10 комнатъ съ роялями для музыкальныхъ упражненій) и т. д.

Такимъ образомъ, независимо отъ торгово-промышленныхъ, экономическихъ, нравственныхъ, санитарныхъ («психогигіеническихъ» по теоріи проф. Hallervorden'a въ Кенигсбергѣ) и другихъ выгодъ, едва ли пристало первопрестольной столицѣ съ ея милліоннымъ населеніемъ и многомилліоннымъ бюджетомъ отставать въ этомъ дѣлѣ отъ какого-нибудь села Городецъ, отъ г. Кобелякъ и т. п. *).

Какъ было уже выше указано, полтавское городское управленіе приступаетъ къ постройкѣ «народнаго дома» имени Н. В. Гоголя, гдѣ будутъ помѣщаться: народная аудиторія съ приспособленіемъ для сценическихъ представленій (на 1,000 посѣтителей), чайная, библіотека-читальня съ книгохранилищемъ, разсчитаннымъ на 30 т. томовъ, земскій естественно-историческій музей, состоящій изъ двухъ залъ и т. д. Опредѣленіе условій конкурса на составленіе проекта «Народнаго дома» въ Полтавѣ поручено Импер. акад. художествъ съ назначеніемъ трехъ премій (200, 300, 1,000 р.) и срока доставленія премированныхъ проектовъ въ полтавскую городскую управу не позднѣе 15 апрѣля 1898 г. Впрочемъ, въ послѣднее время и въ Москвѣ выработано уже два проекта постройки зданій, которыя также можно было бы назвать отчасти «народными домами». Такъ, кромѣ весьма плодотворной, хотя и скромной пока дѣятельности рогожскаго попечительства о трезвости, коммиссія народныхъ чтеній въ Москвѣ, какъ сообщалось недавно въ газетахъ, въ концѣ прошлаго года поручила московскому архитектурному обществу выработать условія конкурса на постройку каменнаго зданія на одной изъ городскихъ площадей, открытой со всѣхъ четырехъ сторонъ. Изъ другихъ проектовъ особеннаго вниманія заслуживаютъ соображенія постоянной коммиссіи по техническому

*) См. чрезвычайно интересныя лекціи кенигсбергскаго проф. Hallervorden'a о соотношеніи между волей и работой: *Arbeit und Wille*; ein Kapitel klinischer Psychologie zur Grundlegung der Psychohygiene (Würzburg, 1896 — 1897 гг.). Сравн. также „Обзоры экспертныхъ коммиссій Всероссійской выставки 1896 г.". Изд. Мин. Фин. Спб., 1897 г., стр. 52.

образованію при московскомъ отдѣленіи Императорскаго русскаго техническаго общества.

Предположенія эти довольно близки къ осуществленію, такъ какъ на постройку зданія однимъ лицомъ обѣщана довольно крупная сумма, но при непремѣнномъ условіи, чтобъ зданіе было выстроено, по возможности, въ центральной части города. Такимъ образомъ дѣло тормозится главнымъ образомъ затруднительностью найти необходимый участокъ, при данныхъ условіяхъ. Надо думать, что деньги на покупку земли могутъ быть собраны путемъ подписки, если только самое предпріятіе привлечетъ къ себѣ вниманіе московскаго общества. Въ соединенномъ засѣданіи постоянной коммиссіи по техническому образованію и санитарной группы Императорскаго русскаго техническаго общества, 19 декабря 1897 года, была организована коммиссія съ цѣлью подробной разработки основаній для учрежденія и выясненія ближайшихъ условій дѣятельности особой (девятой) группы при названномъ обществѣ по устройству «воспитательныхъ» учрежденій для рабочихъ. При этомъ были также демонстрированы архитектурные чертежи предполагаемаго для постройки зданія, по проекту одного изъ лучшихъ московскихъ архитекторовъ Фр. Ос. Шехтеля. Само собой разумѣется, при осуществленіи самой постройки потребуются весьма существенныя измѣненія въ первоначальномъ проектѣ, составленномъ по общимъ указаніямъ частнаго кружка лицъ, имѣвшихъ въ виду организовать для этой цѣли акціонерное общество. Въ своемъ первоначальномъ видѣ проектъ архитектора Шехтеля состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣленій: 1) зрительная зала на 1.200 челов. со сценой и пр.; 2) три аудиторіи (на 100—400 челов.); 3) двѣ классныхъ комнаты; 4) комнаты для лекторовъ и другихъ исполнителей; 5) чайная; 6) читальня, библіотека и складъ для продажи книгъ; 7) нѣсколько отдѣльныхъ торговыхъ помѣщеній для сдачи въ наймы и т. д. Въ двухъ послѣдующихъ засѣданіяхъ той же коммиссіи въ цѣломъ рядѣ докладовъ были установлены главнѣйшія основы всего предпріятія, осуществленіе котораго несомнѣнно встрѣтитъ дѣятельную поддержку со стороны высшей администраціи и городского управленія.

Въ непродолжительномъ времени доклады проф. А. И. Чупрова и др. будутъ изданы на средства Н. А. Попова, вмѣстѣ съ фототипіями проекта Фр. Ос. Шехтеля, отдѣльною брошюрой. Вся выручка отъ продажи ея предназначается на усиленіе средствъ постоянной коммиссіи техническаго образованія по устройству въ текущемъ сезонѣ спектаклей, концертовъ и проч., какъ въ школахъ для рабочихъ Императорскаго русскаго техническаго общества, такъ и въ другихъ наиболѣе удобныхъ для этой цѣли помѣщеніяхъ, какъ, наприм., въ Историческомъ музеѣ, въ имѣющихся при нѣкоторыхъ фабрикахъ въ Москвѣ театрахъ и т. п. При ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ легко убѣдиться, что существующія въ настоящее время кое-гдѣ учрежденія «воспитательнаго характера», дающія рабочимъ здоровыя развлеченія (театры, концерты и т. п.), по отзыву гг. экспертовъ-фабрикантовъ выставки 1896 г., къ сожалѣнію, въ настоящее время со-

ставляютъ, дѣйствительно, «мало замѣтное явленіе въ строѣ жизни современной русской промышленности». Это признается ими нынѣ вообще весьма ощутительнымъ пробѣломъ, который, на-ряду съ недостаточнымъ развитіемъ собственно «образовательныхъ» учрежденій, составляющимъ по уставу ближайшую цѣль дѣятельности постоянныхъ коммиссій по техническому образованію при Императорскомъ русскомъ техническомъ обществѣ въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, «сильно тормозитъ, въ своей совокупности, прогрессъ нашей промышленности».

Самая постановка всего дѣла представляетъ очень много случайнаго, неопредѣленнаго и безсистемнаго, какъ въ санитарномъ и техническомъ отношеніи, такъ и съ точки зрѣнія основъ «психогигіены» профессіональнаго труда, подробно выясняемыхъ въ упомянутыхъ выше лекціяхъ кенигсбергскаго профессора. Вполнѣ понятно, что постройка зданія должна быть сообразована съ техническими и санитарными условіями, какъ, наприм., по отношенію къ вентиляціи, акустикѣ, размѣщенію различныхъ отдѣленій «Народнаго дома» и проч. Условія же эти, по новизнѣ дѣла и случайности производства построекъ, нуждаются въ серьезномъ, систематическомъ, чисто «эмпирическомъ» изученіи. Однако, результаты опыта, полученные въ одномъ мѣстѣ, остаются неизвѣстными другимъ строителямъ, столь же «случайно» повторяющимъ прежніе недосмотры и ошибки.

Судя по имѣющимся въ настоящее время отзывамъ администраціи различныхъ народныхъ аудиторій, частью въ провинціи, частью въ столицѣ, главные недостатки подобнаго рода построекъ сводятся чаще всего къ неудовлетворительности вентиляціи и акустическихъ условій. Между тѣмъ, въ первомъ отношеніи слѣдовало бы принимать въ соображеніе «бытовыя условія» той части населенія, для которой и предназначаются «Народные дома», на что, наприм., и обращено, между прочимъ, вниманіе въ проектѣ архитектора Шехтеля. Соотвѣтственно профессіональнымъ занятіямъ слушателей, образу жизни, одеждѣ и пр., должны быть примѣняемы и видоизмѣняемы основныя требованія для удаленія болѣе или менѣе быстро портящагося воздуха и для замѣны его свѣжимъ подогрѣтымъ. Тоже самое слѣдуетъ замѣтить и относительно условій акустики, безусловно требующей, чтобы слова лектора, тихія мелодіи и т. п., отчетливо слышны были во всѣхъ самыхъ отдаленныхъ пунктахъ народной аудиторіи и концертной залы. Это, впрочемъ, все такія условія, удовлетворить которымъ, сравнительно, легче при соблюденіи общихъ правилъ санитарнаго зодчества, теоретическихъ и эмпирическихъ соображеній. При этомъ можно было бы впослѣдствіи установить даже наименьшія и наибольшія нормы вентиляціи, глубины зрительной залы, размѣщенія экрана и волшебнаго фонаря, разстояній между отдѣльными мѣстами (между спинками стульевъ или скамей), быстроту обмѣна воздуха при различныхъ условіяхъ и т. п.

Несравненно труднѣе поддаются изслѣдованію и нормировкѣ требованія педагогическія и, такъ сказать, «психогигіеническія», какъ, наприм., размѣщеніе и устройство отдѣльныхъ аудиторій, размѣры ихъ, сообщеніе съ

зрительной, концертной залой и съ множествомъ другихъ помѣщеній «Народнаго дома», подборъ персонала опытныхъ лекторовъ и остальныхъ исполнителей, систематизированіе темъ для народныхъ чтеній съ туманными картинами, организація репертуарной и бутафорской части, выборъ театральныхъ пьесъ, хоровыхъ пѣсенъ и проч. Сюда относится также изысканіе способовъ для безплатнаго или удешевленнаго пользованія картинами для волшебнаго фонаря, бутафорскими вещами, декораціями, музыкальными инструментами, научными коллекціями, моделями и т. п. Не маловажное значеніе можетъ также имѣть выясненіе юридической и административной стороны правильной и успѣшной организаціи «воспитательныхъ учрежденій» для рабочихъ, а именно: составленіе систематическаго свода всѣхъ имѣющихся или издаваемыхъ соотвѣтственныхъ узаконеній, циркулярныхъ разъясненій и пр., выясненіе порядка полученія необходимыхъ разрѣшеній, тѣхъ или иныхъ неудобствъ, обнаруживающихся на практикѣ отъ излишнихъ или устарѣлыхъ формальностей и т. д., и т. д.

Однимъ словомъ, польза и необходимость организаціи центральнаго органа или, въ нѣкоторомъ родѣ, «опытной» станціи по устройству и веденію «воспитательныхъ учрежденій» для рабочихъ, кругъ его правъ и обязанностей и пр., едва ли могутъ вызывать какія-либо недоумѣнія, въ предѣлахъ общаго устава московскаго отдѣленія Императорскаго русскаго техническаго общества. Ближайшая цѣль его—«содѣйствовать» развитію промышленности вообще, тормазомъ для котораго, по экспертизѣ всероссійской выставки 1896 г., признаны малочисленность и безсистемность «образовательно-воспитательныхъ учрежденій» для рабочихъ. Далѣе, организація такого объединяющаго органа, очевидно, удовлетворила бы и другимъ цѣлямъ, перечисленнымъ въ общихъ и частныхъ инструкціяхъ названнаго общества, именно по разработкѣ вопросовъ городскаго благоустройства, городской и фабричной гигіены и пр.

Въ особенности, въ виду вступленія въ силу закона 2 іюня 1897 г. и предстоящаго введенія казенной продажи питей, огромныя услуги могла бы оказать своевременная организація упомянутой особой группы при Императорскомъ русскомъ техническомъ обществѣ или особаго отдѣла постоянной комиссіи по техническому образованію, пользующейся весьма широкими правами, согласно своему уставу, Высочайше утвержденному 25 мая 1882 г. Вообще, съ точки зрѣнія интересовъ русской промышленности и въ предѣлахъ успѣшной дѣятельности Императорскаго русскаго техническаго общества, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Великаго Князя Константина Константиновича, ревнителя профессіональнаго, техническаго и общаго образованія въ Россіи, содѣйствіе систематической постановкѣ дѣла, устройства и правильнаго веденія «образовательно-воспитательныхъ» учрежденій для рабочихъ, при благосклонномъ вниманіи высшей столичной администраціи, всегда отзывчивой къ нуждамъ Москвы, представляется безотлагательно необходимымъ. Отдѣльные примѣры организаціи такихъ учрежденій въ городахъ и на фабрикахъ, правда, до сихъ поръ все еще мало-

численные, «малозамѣтные» и случайные, вполнѣ подтвердили заключеніе экспертныхъ коммиссій всероссійской выставки 1896 года, постановленія профессіонально-техническихъ и торгово-промышленныхъ съѣздовъ въ Россіи, а равно фактическія соображенія экономическаго и «психогигіеническаго» свойства, столь подробно выясненныя лишь въ теченіе послѣднихъ 2—3 лѣтъ.

Нѣтъ даже надобности связывать вопросъ о дѣятельности намѣченнаго лишь въ общихъ чертахъ центральнаго органа по устройству «образовательно-воспитательныхъ учрежденій» съ вопросомъ о постройкѣ спеціальнаго «Народнаго дома» въ Москвѣ, въ которомъ могли бы соединиться всѣ отдѣльныя «образовательно-воспитательныя» предпріятія московскаго отдѣленія Императорскаго русскаго техническаго общества, частью существующія уже, частью близкія къ осуществленію, а именно: спеціальные классы по различнымъ отраслямъ производства, съ особыми, въ случаѣ надобности, учебными или «показательными» мастерскими (по примѣру, наприм., существующихъ въ Германіи), общеобразовательныя школы, утренніе воскресные классы для рабочихъ и работницъ, публичныя чтенія, концерты, спектакли и т. п. (§ 3, 27, 34 устава постоянной коммиссіи по техническому образованію). Дѣятельность постоянной коммиссіи по техническому образованію въ направленіи, указанномъ на засѣданіяхъ 18 декабря 1897 г., а равно 15 и 19 января текущаго года, можетъ проявиться уже въ настоящее время въ самой разнообразной формѣ. По составу лицъ, записавшихся въ образованную въ первомъ же засѣданіи подкоммиссію (около 100 челов., въ томъ числѣ нѣсколько техниковъ, врачей и выдающихся представителей торгово-промышленной и литературно-артистической дѣятельности) можно быть увѣреннымъ, что дѣятельность эта будетъ вполнѣ успѣшна и въ высокой степени плодотворна. Надежнымъ ручательствомъ успѣха дѣла могутъ, между прочимъ, служить столь извѣстныя и уважаемыя имена проф. А. И. Чупрова, С. Т. Морозова, П. И. Бларамберга, М. К. Бларамберга-Черновой, А. П. Чехова, проф. А. И. Кирпичникова, кн. Сумбатова (Южина), О. А. Правдина, проф. В. И. Герье, проф. М. В. Духовского, проф. С. А. Муромцева, проф. А. Н. Веселовскаго, К. С. Алексѣева (Станиславскаго), В. И. Немировича-Данченко, Ф. О. Шехтеля, директора Раменской мануфактуры В. М. Дмитріева, М. Я. Герценштейна, Е. Э. Паприцъ-Линевой и мн. др. Въ числѣ 85 участниковъ подкоммиссіи, учрежденной 18 декабря прошлаго года, дѣйствительныхъ членовъ московскаго отдѣленія Императорскаго русскаго техническаго общества состоитъ уже болѣе 30 человѣкъ, по инструкціи же (§ 4 и примѣч. § 3 общаго устава) для учрежденія отдѣльной самостоятельной группы московскаго отдѣленія требуются заявленія лишь десяти дѣйствительныхъ членовъ и постановленіе по этому предмету общаго собранія всѣхъ членовъ общества. Въ этой новой отрасли дѣятельности Императорское русское техническое общество, безъ сомнѣнія, можетъ разсчитывать на полное сочувствіе и поддержку со стороны другихъ учрежденій, преслѣдующихъ тѣ же просвѣтительныя задачи. Съ точки зрѣнія

торгово-промышленныхъ интересовъ и «психогигіены» профессіональнаго труда, они, по характеру своей дѣятельности, имѣютъ въ виду также *воспитательныя* цѣли, наприм., музей прикладныхъ знаній, коммиссія по устройству народныхъ чтеній въ Москвѣ, попечительства о трезвости, общество распространенія техническихъ знаній и др. Нѣкоторыя отдѣльныя торгово-промышленныя фирмы уже въ настоящее время изъявляютъ готовность взять годовые абонементы и внести единовременно небольшую сумму, по числу служащихъ и рабочихъ, въ случаѣ осуществленія задуманнаго предпріятія.

Осуществима ли, однако, въ ближайшемъ будущемъ самая мысль о «постройкѣ образцоваго «Народнаго дома» въ Москвѣ съ его филіальными отдѣленіями въ торговопромышленныхъ центрахъ города и на отдѣльныхъ фабрикахъ и заводахъ? Еслибы рѣчь шла о Московской *губерніи,* то, на основаніи своего почти 20-лѣтняго знакомства съ русскими фабрикантами, я, не задумываясь, сказалъ бы: да, вполнѣ осуществима, если вы сумѣете доказать, что это *полезно и необходимо.* Впрочемъ, для фабрикантовъ Московской губерніи не представляется и надобности въ подобныхъ доказательствахъ, ибо все чаще и чаще встрѣчаются на отдѣльныхъ крупныхъ фабрикахъ попытки устройства «образовательно-воспитательныхъ учрежденій» для рабочихъ, кое-гдѣ выстроены собственные «Народные дома». Не стану перечислять особенно выдающіяся въ этомъ отношеніи фирмы, но замѣчу, что, именно, близкое мое знакомство съ этими «попытками», которыя все же составляютъ «мало замѣтное явленіе въ современной русской промышленности», побуждаютъ меня лично выступить защитникомъ необходимости постройки въ Москвѣ образцоваго «Народнаго дома» и устройства «Опытной станціи» образовательно-воспитательныхъ учрежденій для рабочихъ. Было бы слишкомъ долго и едва ли умѣстно приводить всѣ соображенія въ поясненіе указанной необходимости, но слѣдуетъ имѣть въ виду, какъ и указывалось нѣкоторыми фабрикантами, что такія учрежденія «случайны», часто вовсе не по винѣ владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ. Возможна ли постройка «Народнаго дома» въ Москвѣ? Не зная всѣхъ «интимныхъ» сторонъ столичной фабричной жизни, индивидуальныхъ особенностей городскихъ фабрикантовъ и капиталистовъ и т. п., я лично затрудняюсь отвѣтить категорически, вполнѣ опредѣленно, съ достаточной увѣренностью на этотъ вопросъ... Многіе все еще держатся мнѣнія, будто бы для привлеченія пожертвованій на этотъ предметъ Императорское русское техническое общество не располагаетъ достаточно благопріятными условіями, т.-е. не можетъ, наприм., представить гарантіи, что жертвователи изъ среды московскаго купечества получатъ за свое усердіе и поддержку въ данномъ дѣлѣ какія-либо внѣшнія поощренія, вродѣ орденовъ, медалей, оффиціальной благодарности и пр. Судя по своему личному знакомству съ русскими фабрикантами, думаю, что это—не что иное, какъ привычное повтореніе прежнихъ легендарныхъ разсказовъ объ увлеченіи нашего купечества подобными внѣшними отличіями.

Если раньше подобное тщеславіе и наблюдалось въ дѣйствительности, то теперь произошли рѣзкія, явно замѣтныя перемѣны... Опять-таки не стану упоминать о фабрикахъ въ различныхъ уѣздахъ Московской губерніи, гдѣ систематически, безъ всякаго шума и безъ газетной рекламы, столь доступной въ настоящее время, совершились и совершаются улучшенія, весьма существенныя, съ точки зрѣнія санитарной техники и фабричной филантропіи. Будучи близко знакомъ съ тѣмъ, что представляли собою подмосковныя фабрики 15 — 20 лѣтъ тому назадъ и въ какомъ положеніи онѣ находятся теперь, можетъ быть, я черезчуръ склоненъ видѣть наблюдаемыя улучшенія нѣсколько болѣе въ радужномъ свѣтѣ, нежели тотъ, кто будетъ оцѣнивать ихъ, внѣ «историко-индуктивнаго метода мышленія»... Однако, милліонныя пожертвованія на постройку университетскихъ клиникъ, Бахрушинской больницы, богадѣленъ, Канатчиковой дачи, спеціальной больницы для больныхъ, страдающихъ ракомъ и т. д., и т. д., во всякомъ случаѣ, являются краснорѣчивымъ доказательствомъ готовности московскихъ капиталистовъ приходить на помощь всякому истинно доброму общественному предпріятію...

Если постройка «Народнаго дома» въ Москвѣ не осуществится въ нынѣшнемъ же году, хотя можно быть увѣреннымъ, что это совершится позднѣе, черезъ какія-нибудь 5—6 лѣтъ, то ближайшимъ и наиболѣе вѣроятнымъ объясненіемъ въ данномъ случаѣ можетъ служить слѣдующее: 1) не было случая достаточно рельефно и убѣдительно доказать пользу и необходимость подобнаго предпріятія и, слѣдовательно, Императорское русское техническое общество должно продолжать теоретически и практически начатое дѣло, располагая небольшими средствами, которыя всегда можно собрать, и не дожидаясь постройки собственнаго центральнаго зданія; 2) самое понятіе о практическомъ значеніи «образовательно-воспитательныхъ учрежденій» для рабочихъ не успѣло еще окончательно сложиться, войти «въ плоть и въ кровь» гг. фабрикантовъ г. Москвы, какъ это уже совершилось почти во всѣхъ уѣздахъ Московской *губерніи*.

Если общество пойметъ, что тѣ или иныя попытки имѣютъ почву подъ собою, имѣютъ въ виду практическую цѣль, оно легко проникнется древне-русскимъ завѣтомъ, который,—по словамъ проф. Ключевскаго, въ одной изъ его публичныхъ лекцій,—заключается въ томъ, что «жить значитъ любить ближняго, т.-е. *помогать ему жить*». Эта цѣль, на ряду съ устройствомъ сельскихъ пріютовъ для выздоравливающихъ и больныхъ, или такъ называемыхъ *санаторій*, скорѣе всего можетъ быть достигнута своевременнымъ принятіемъ *предупредительныхъ* мѣръ для ослабленія нравственнаго «оскудѣнія» и, по мнѣнію нѣкоторыхъ наблюдателей, прогрессивно возрастающей «неврастенической дегенераціи» городскаго фабричнаго, ремесленнаго и торгово-промышленнаго населенія... Обязанность интеллигенціи и печати постоянно указывать и освѣщать ближайшіе пути, по которымъ должна въ настоящее время проявляться общественная, разумно-сердечная, «производительная», сама себя окупающая «трудовая по-

мощь» безпомощному, жаждущему свѣта и «духовной пищи» люду, поддерживая ту «Божью искру», которая при самыхъ ужасающихъ условіяхъ все еще теплится въ его душѣ.

Повторяю, я не берусь отвѣчать на вопросъ, осуществима ли, *въ скоромъ будущемъ*, постройка «Народнаго дома» въ Москвѣ, но думаю, что пока сомнѣваться въ этомъ не представляется достаточныхъ основаній. «Рука ваша должна быть простерта къ требующимъ,—внушалъ 500 лѣтъ тому назадъ основатель сѣверно-русскаго монашества,— аки рѣка многоводна и тиха струями: аще заповѣдь сію исполните безъ роптанія, изду отъ Бога пріемлете». Ежедневная практика жизни указала, что по отношенію къ современнымъ нуждамъ бѣднѣйшаго населенія, не «требующимъ», но съ безмолвнымъ краснорѣчіемъ «умоляющимъ», всѣ пожертвованія должны быть сосредоточены теперь, главнымъ образомъ, въ трехъ направленіяхъ: 1) содѣйствіе къ систематическому устройству «образовательно-воспитательныхъ» учрежденій или «народныхъ домовъ»; 2) устраненіе жилищной нужды въ населенныхъ центрахъ; 3) повсемѣстное устройство сельскихъ пріютовъ для легочныхъ, раковыхъ и нервныхъ больныхъ, *внѣ городовъ*. Безразлично, кто приметъ на себя починъ въ развитіи всѣхъ перечисленныхъ формъ «трудовой помощи» рабочему населенію, но важно, чтобы всѣ проникались сознаніемъ, что это, именно, и значитъ «помогать ближнему», т.-е. *помогать ему жить*. Проф. Ключевскій находилъ въ 1892 году, что «больше ничего не значитъ *жить* и больше не для чего жить». Быть можетъ, это и слишкомъ сильно сказано, ибо мы знаемъ, что, пожалуй, можно жить и безъ этого, отстраняя лишь отъ себя всякія докучныя заботы о ближнемъ, пока онъ не сорветъ цѣнной собольей шапки при проѣздѣ черезъ Хитровъ рынокъ, какъ это было на-дняхъ въ Москвѣ. Какъ бы то ни было, дѣятельность общества и отдѣльныхъ его членовъ въ трехъ указанныхъ выше направленіяхъ, помимо нравственнаго удовлетворенія, столь глубоко залегающихъ и нынѣ въ душѣ каждаго изъ насъ, древне-русскихъ завѣтовъ, представляетъ, сравнительно съ другими формами филантропіи, ту еще выгоду, что такая «трудовая помощь» требуетъ крупныхъ затратъ лишь на первое время, впослѣдствіи же она сама себя въ состояніи будетъ сторицею *окупать*... Не будемъ касаться пока *коммерческихъ выгодъ* устройства сельскихъ пріютовъ для выздоравливающихъ и больныхъ, а равно систематическихъ мѣропріятій по устраненію *жилищной нужды*, оздоровленія Хитрова рынка и проч. Въ частности же, есть серьезное основаніе надѣяться, что организація «опытной станціи» при московскомъ отдѣлен. Императорскаго русскаго техническаго общества съ постройкой образцоваго «Народнаго дома» въ Москвѣ, какъ достаточно уже выяснилось въ засѣданіи 18 декабря 1897 года, дѣйствительно, можетъ доставить, согласно заключенію экспертныхъ коммиссій выставки 1896 г., самые «благотворные плоды». По старинной англійской поговоркѣ, однообразный, утомительный трудъ «дѣлаетъ человѣка глупцомъ». Наблюденія же современныхъ невропатологовъ и психіатровъ доказали, что лишь этимъ путемъ

создаются и умножаются поколѣнія не только «глупцовъ», съ чѣмъ еще можно было бы помириться, пренебрегая интересами промышленности, но,—что несравненно печальнѣе,—алкоголиковъ, преступниковъ, неврастениковъ, дегенерантовъ въ самыхъ разнообразныхъ, часто неуловимыхъ переходныхъ формахъ...

Попытаться принять испытанныя уже съ успѣхомъ кое-гдѣ мѣры, если не для устраненія, то хотя бы для ограниченія этого общественнаго недуга, прогрессивно наростающаго, по теоріи Вейсса объ условіяхъ передачи наслѣдственнаго вырожденія, физическаго и нравственнаго, развѣ эта задача, лишь на первый взглядъ кажущаяся неразрѣшимой, не стоитъ того, чтобы надъ нею потрудиться? Еслибы даже предпріятіе, задуманное московск. отдѣл. Императ. русск. технич. общества, находилось въ менѣе благопріятныхъ, въ финансовомъ отношеніи, условіяхъ, думаю, что вопросъ о денежныхъ средствахъ всего менѣе долженъ насъ смущать... Надо лишь сознать все неизмѣримо-глубокое значеніе подобнаго предпріятія, съ точки зрѣнія интересовъ промышленности и городского благоустройства, ибо при осуществленіи его, быть можетъ, въ немалой долѣ сократятся милліонные расходы на устройство и содержаніе тюремъ, больницъ и домовъ для умалишенныхъ.

Шестнадцать лѣтъ тому назадъ, извѣстный московскій фабрикантъ Овчинниковъ, въ изданной имъ брошюрѣ, доказывая необходимость перейти «отъ словъ къ дѣлу», недоумѣвалъ по поводу того, возможно ли «разсуждать о расходахъ въ такомъ дѣлѣ, какъ обновленіе не одного десятка милліоновъ русскаго рабочаго населенія?» Съ неменьшимъ правомъ можно и теперь недоумѣвать, еслибы кто-нибудь сталъ ссылаться на недостатокъ денежныхъ средствъ для постройки «Народнаго дома» въ Москвѣ. Помните вѣковое правило профессіональной гигіены, что главнѣйшими факторами, имѣющими громадное вліяніе на здоровье человѣка, являются, прежде всего, *продолжительность труда и душевное состояніе*, въ которое онъ приводитъ работника. «Гигіена,—писалъ проф. Эрисманъ еще въ 1876 г. въ своемъ учебникѣ *Профессіональной гигіены*,—была бы весьма односторонняя, еслибъ она, въ своихъ стремленіяхъ сохранять нормальное состояніе человѣческаго организма, не обращала большаго вниманія на умственную и нравственную сторону человѣческой жизни».

Вообще, физическое благосостояніе рабочихъ и успѣшное воздѣйствіе на нихъ всѣхъ законодательныхъ, частныхъ и общественныхъ попеченій могутъ быть достигнуты лишь при нормальныхъ отправленіяхъ умственныхъ способностей, внутреннемъ удовлетвореніи своими занятіями и *душевномъ спокойствіи*. «Умъ и душа не менѣе, чѣмъ тѣло, требуютъ ухода при всѣхъ условіяхъ жизни,—давно уже замѣтилъ знаменитый англійскій гигіенистъ Паркесъ (*Manual of Practical Hygiene*, 4-е изд.)—весьма односторонне, если гигіеническія мѣропріятія направлены только къ улучшенію состоянія тѣла; *нравственныя условія жизни* не менѣе важны, чѣмъ физическія; безъ душевнаго удовлетворенія, *безъ веселости духа*, безъ удо-

вольствія, безъ надежды—нѣтъ здоровья!» Общее пренебреженіе къ основнымъ требованіямъ «психогигіены» профессіональнаго труда составляетъ въ фабричной и ремесленной промышленности пробѣлъ, который, по заявленію экспертныхъ коммиссій 1896 г., «такъ *сильно чувствуется* за послѣднее время». Пополнить этотъ пробѣлъ самимъ фабрикантамъ становится не подъ силу, ибо усилія ихъ въ этомъ отношеніи,—замѣчаютъ гг. эксперты,—«разрозненны и не систематичны, поставленная же задача слишкомъ обширна». Слѣдовательно, для устраненія существующей «розни» и безсистемности въ указанномъ направленіи должны оказать посильное содѣйствіе городскія управленія и ученыя общества, въ частности постоянная коммиссія по техническому образованію въ Москвѣ. Безъ «воспитательныхъ» учрежденій, т.-е. безъ организаціи разумныхъ развлеченій для народа, дающихъ отдыхъ душѣ, и *образовательныя учрежденія*, въ собственномъ смыслѣ, останутся лишь слабыми палліативами, какъ прекрасно выяснилъ фабрикантъ С. И. Четвериковъ два года тому назадъ въ открытомъ письмѣ комитету 2-го профессіональнаго техническаго съѣзда въ Москвѣ.

Еще на первомъ съѣздѣ фабрикантовъ и заводчиковъ въ Петербургѣ въ 1870 году, намѣчался цѣлый рядъ мѣръ, которыя должны быть приняты «для содѣйствія умственному и нравственному развитію рабочаго сословія». Теперь же, болѣе чѣмъ когда-либо, должно помнить призывъ фабриканта Овчинникова въ 1881 году, что «пора отъ словъ перейти къ дѣлу». Никто, конечно, не думаетъ, чтобы постройка одного «Народнаго дома» въ Москвѣ могла бы исцѣлить волшебной силой ту, сравнительно, впрочемъ, не многочисленную погибшую среду, которая, по результатамъ спеціальныхъ изслѣдованій покойнаго фабричнаго инспектора В. И. Миропольскаго въ теченіе 10 лѣтъ, представляетъ «вполнѣ темное царство», въ которое «ни религія, ни школа почти не проникаютъ». Здѣсь особенно важенъ правильный *починъ* и призывъ къ общей работѣ.

Всероссійская промышленная выставка 1896 г. фактически доказала справедливость «эмпирическаго» вывода директора Раменской мануфактуры, болѣе 20 лѣтъ тому назадъ, что «фабрикантамъ и техникамъ въ практической жизни приходится имѣть дѣло не съ одними только механизмами и машинами, но и съ другимъ еще болѣе важнымъ элементомъ всякаго промышленнаго производства—съ рабочими людьми». Въ настоящее время тотъ же самый выводъ эмпирически же усвоенъ нѣкоторыми фабрикантами, но для его упроченія, прежде всего, необходимо установленіе планообразной системы и устраненіе всякихъ случайностей въ столь сложномъ дѣлѣ, какъ правильная организація и успѣшное веденіе «образовательно-воспитательныхъ учрежденій» для рабочихъ.

А. В. Погожевъ.

Союзы и центральныя кассы сельско-хозяйственныхъ товариществъ въ Германіи.

Къ 30 іюня 1897 г. въ Германіи состояло 10,669 сельско-хозяйственныхъ товариществъ, изъ которыхъ было 7,612 кредитныхъ, 999 для общественныхъ закупокъ и продажъ, 1,574 молочныхъ и 484 разныхъ другихъ товариществъ. Съ 1890 до 1897 г. число ихъ увеличилось на 7,663, и въ этой цифрѣ главное увеличеніе приходится на кредитныя товарищества:

	1895 г.	1896 г.	Приростъ.	1897 г.	Приростъ.
Кредитныя т-ва	4,872	6,391	1,519	7,612	1,221
Т-ва для продажи и закупки.	869	925	56	999	74
Молочныя.	1,222	1,397	175	1,574	177
Разныя другія.	209	273	66	484	211

Вся эта масса кредитныхъ и прочихъ сельско-хозяйственныхъ товариществъ объединена рядомъ союзовъ. Такихъ, утвержденныхъ правительствомъ, союзовъ насчитывается во всей Германіи 36; изъ нихъ первое по численности мѣсто занимаетъ Всеобщій союзъ нѣмецкихъ сельско-хозяйственныхъ товариществъ съ управленіемъ въ Оффенбахѣ на-М. (основанъ 1883 г.): къ нему принадлежатъ 24 мѣстныхъ союза отдѣльныхъ провинцій и государствъ, съ 4,358 товариществами. Союзъ этотъ необыкновенно быстро растетъ: въ 1890 г. въ его составъ входили 1,319 товариществъ, въ 1891 г.—1,556 тов., въ 1892 г.—1,470 тов., въ 1893 г.—1,815 тов., въ 1894 г.—1,967 тов., въ 1895 г.—2,447 тов., въ 1896 г.—3,633 тов. и въ 1897 г.—4,358 тов., причемъ изъ этого числа на долю кредитныхъ приходится *2,275* кассъ (товариществъ для продажи и покупки—1,127, молочныхъ—829 и другихъ—127). Слѣдующее мѣсто принадлежитъ старѣйшему «Главному союзу сельскихъ товариществъ въ Германіи» съ управленіемъ въ Нейвидѣ (основанъ 1877 г.), въ составъ котораго входятъ 2,700 кредитныхъ чисто-райф. кассъ (сентябрь 1897 г.); затѣмъ идутъ: Баварскій (Bayerischer Landesverband) съ 744 ссудо-сберегат. т-вами (1895 г), Вюртенбергскій съ 649 (1895 г.), Вестфальскій съ 309 (1895 г.), Нижне-Франконскій съ 288 кредитными товариществами (1893 г.) и рядъ болѣе мел-

кихъ союзовъ. Необъединенной остается скромная цифра нѣсколькихъ сотенъ товариществъ (преимущественно молочныхъ), и централизація этой группы «дикихъ» (Wilde Vereine) является только вопросомъ времени.

Въ этомъ движеніи отдѣльныхъ товариществъ къ объединенію рельефно выражается громадное значеніе центральныхъ учрежденій, къ обозрѣнію организаціи которыхъ мы и переходимъ.

Всѣ центральныя учрежденія германскихъ товариществъ, подъ какимъ бы названіемъ они ни существовали, выполняютъ функціи ревизіоннаго бюро, центральной кредитной кассы и организаціоннаго комитета, который въ свою очередь преслѣдуетъ троякую задачу — усовершенствованіе дѣйствующей конструкціи товариществъ, юридическую защиту ихъ интересовъ и посредничество въ области общественныхъ закупокъ и продажъ товара. Каждая изъ этихъ функцій отвѣчаетъ самымъ насущнымъ потребностямъ кооперативной жизни: a) ревизія, сдѣлавшись съ изданіемъ извѣстнаго закона 1 мая 1889 г. облигаторной (§§ 51—62) и послуживъ основаніемъ къ расширенію правъ существовавшихъ союзовъ и возникновенію цѣлаго ряда самостоятельныхъ органовъ, поставившихъ своею задачей спеціальное выполненіе этого законнаго требованія (какъ-то: Revisionsverbände Anhaltischer, Hessischer, Rheinischer, Revisionsverband fur Consumvereine in Kreisen Merzig, Sarlouis, Saarbrücken, Ottweiler), является необходимымъ и неизбѣжнымъ, помимо юридической точки зрѣнія, дополненіемъ къ дѣятельности такихъ кредитныхъ или хозяйственныхъ институтовъ, которые оперируютъ, за неимѣніемъ или недостаточностью собственнаго капитала, общественными денежными фондами; которые связываютъ своихъ членовъ солидарной и неограниченной отвѣтственностью, грозящей въ своемъ примѣненіи полнымъ разоренiемъ ихъ имущественной состоятельности; которые руководятся людьми, не обладающими спеціальными банковыми познаніями и способными, при громадномъ значеніи предоставленныхъ въ статутѣ правъ, воспользоваться оказаннымъ имъ довѣріемъ. Въ такой ревизіи заинтересованы кредиторы и должники, и выполненіе ревизіи, дѣйствительно, имѣло мѣсто задолго до изданія закона. Конечно, сторонники государственнаго невмѣшательства, каковыми при обсужденіи законодательнаго проекта на Эрфуртскомъ собраніи оказались неисправимые шульцеделичисты, высказались противъ такой регламентаціи ревизій, но представители большинства оказались выше всякихъ предположеній и отрицаній манчестерскаго пошиба; тѣмъ болѣе, что выполненіе ревизій было предоставлено правительствомъ самому обществу, и такимъ путемъ достигнута громадная выгода для обѣихъ сторонъ: правительство сохранило часть своихъ доходовъ, общество пріобрѣло въ ревизорахъ не чиновниковъ, а истинныхъ руководителей кооперативной жизни. b) Центральная касса отвѣчаетъ условіямъ дѣятельности крестьянскаго банка, въ которомъ почти къ одному моменту сосредоточены всѣ кредитныя активныя операціи (лѣто) и къ другому (осень)—обратное движеніе капиталовъ, и который поэтому настоятельно нуждается въ учрежденіи, предназначенномъ къ пріему излишнихъ капи-

таловъ, накопившихся въ кредитной кассѣ безъ употребленія, и къ выдачѣ ссудъ въ моменты недостаточности оборотнаго капитала. Конечно, помѣщеніе излишнихъ капиталовъ не представляетъ затрудненій, и услуги центральной кассы могутъ выразиться лишь въ болѣе выгодныхъ условіяхъ помѣщенія—бо́льшихъ процентахъ, меньшихъ комиссіонныхъ расходахъ и болѣе скоромъ начисленіи процентовъ; главная заслуга и значеніе ихъ заключаются въ кредитѣ товариществамъ, еще не окрѣпшимъ или временно нуждающимся въ капиталѣ, потому что, помимо большей дешевизны кредита и его полной доступности, товарищество получаетъ сроки и капиталъ въ соотвѣтствіи съ дѣйствительною потребностью, и, слѣдовательно, при такихъ условіяхъ совершенно невозможны случаи прекращенія или недостаточнаго развитія дѣятельности товариществъ,— случаи, хорошо извѣстные какъ нашимъ русскимъ ссудо-сберательнымъ кассамъ *), такъ и нѣкоторымъ германскимъ провинціямъ съ недостаточно развитою системой центральныхъ банковъ (Познань, Зап. Пруссія). Значеніе такихъ центральныхъ банковъ для товариществъ ясно выступаетъ въ движеніи долговъ товариществъ банку (—) и долга банка товариществамъ (+): для Саксонскаго королев. **) приходилось въ среднемъ на 1 т-во въ 1891 г.—1,140 м., въ 1892 г.—6,091 м., въ 1893 г.—1,805 м., въ 1894 г.—903 м., въ 1895 г.+6,558 м.; для гессенскихъ товариществъ Оффенбахскаго союза дана интересная таблица ***) движенія кредита съ центральной кассой:

	Долгъ		Депозиты		Превышеніе
	кассъ.	въ тыс. мар.	кассъ.	въ тыс. мар.	долга(—)депоз.(+)..
1884 г. . .	42	222	27	133	— 89 т. м.
1885 » . .	37	323	32	246	— 77 » »
1886 » . .	51	536	23	135	— 401 » »
1887 » . .	41	410	34	370	— 40 » »
1888 » . .	38	345	37	394	+ 49 » »
1889 » . .	47	553	35	346	— 207 » »
1890 » . .	53	592	58	423	— 169 » »
1891 » . .	90	791	74	434	— 357 » »
1892 » . .	117	1,111	83	597	— 514 » »
1893 » . .	152	1,541	69	505	—1,036 » »
1894 » . .	150	1,719	83	665	—1,054 » »
1895 » . .	109	1,016	135	2,129	+1,113 » »

т.-е. въ двѣнадцатилѣтній періодъ два раза превысили депозиты товариществъ свой долгъ центральной кассѣ; такъ какъ въ одномъ только 1895

*) См., наприм., выпускъ VII *Сообщеній комитета о сельскихъ ссудо-сберегат. товариществахъ*, стр. 54.

**) *Schriften des Vereins für Sociale Politik. Der Personalcredit des ländlichen Kleingrundbesitzes in Deutschland.* 1896. Bd. II, p, 327.

***) *Schriften.* Bd. I, p. 406. По отчетамъ 12 центральныхъ кассъ долги товариществъ составляли 35.413,295 мар., а депозиты 28.403,461. См. *Verhandlungen des Vereins f. S. P.* Bd. 176, p. 178—77.

году число депонировавшихъ товариществъ (135) было больше числа должниковъ (109), то, слѣдовательно, въ этомъ году часть товариществъ *вовсе не* воспользовалась ссудой; во всѣ остальные годы (если не считать 1890 г. съ общимъ превышеніемъ долга) всегда бывали товарищества, имѣвшія одни только долги, а для такихъ кредитъ центральной кассы имѣлъ неоцѣнимое значеніе. c) Необходимость организаторской дѣятельности центральныхъ органовъ вытекаетъ изъ постояннаго движенія юридической и хозяйственной жизни, благодаря которому части дѣйствующихъ уставовъ вступаютъ въ разрѣзъ съ требованіями права или не удовлетворяютъ своему назначенію; центральный органъ съ бо́льшимъ совершенствомъ можетъ выполнить такую задачу, потому что его обозрѣнію открыта дѣятельность тысячъ товариществъ, функціонирующихъ въ самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Кромѣ того, въ виду принципіальности многихъ вопросовъ, затрагивающихъ дѣятельность отдѣльныхъ товариществъ, центральный органъ имѣетъ возможность, обращаясь къ администраціи и законодателю, своевременно предупредить массу толчковъ, задерживающихъ движеніе кооперативной жизни. И можно съ полной достовѣрностью утверждать, что германское кооперативное движеніе никогда не достигло бы такого блестящаго расцвѣта безъ организаціонной и пропагандистской дѣятельности центральныхъ органовъ. Наконецъ, область общественныхъ закупокъ и продажъ, требующая производства тѣхъ и другихъ операцій en masse, стала возможной только съ момента такого объединенія центральнымъ органомъ, который, являясь въ роли крупнаго рыночнаго продавца и покупателя, пріобрѣтаетъ товариществамъ всѣ выгоды оптовой торговли. И за всѣмъ этимъ, расчлененно указаннымъ вліяніемъ центральныхъ органовъ на кооперативное движеніе, скрывается простое выраженіе значенія всякаго общественнаго союза, который, реально осуществляя дремлющее въ отдѣльныхъ индивидахъ сознаніе солидарности классовыхъ интересовъ, возводитъ это сознаніе на степень дѣятельной общественной силы.

Переходя къ обозрѣнію организаціи центральныхъ органовъ, мы не станемъ останавливаться на всѣхъ формахъ, въ виду полной тождественности ихъ основныхъ началъ и даже подробностей. По уставу Нейвидскаго главнаго союза сельскихъ товариществъ *) союзъ преслѣдуетъ (§ 2): a) «выполненіе закономъ предписанныхъ ревизій надъ принадлежащими къ нему товариществами посредствомъ своихъ ревизоровъ, b) представительство и защиту интересовъ этихъ товариществъ во всѣхъ отношеніяхъ и въ особенности c) организацію общественныхъ закупокъ и продажи потребныхъ хозяйству предметовъ и сельскихъ продуктовъ». Членами союза (§ 4) могутъ быть производительно-подсобныя товарищества и кредитныя, но среди послѣднихъ одни только товарищества строго райффейзенскаго

*) Statut des Generalanwaltschaftsverbands landlicher Genossenschaften für Deutschland zu Neuwied am Rhein. Vom 10 September 1889 mit den Aenderungen von 22 Juni 1893. Neuwied a-R.

типа (слѣдуетъ подробное перечисленіе всѣхъ основныхъ признаковъ этой системы). Товарищества, вступившія въ союзъ, *обязаны* (§ 7): a) сохранять эти основныя черты системы, подъ угрозой исключенія изъ союза, b) принять всѣ предписанныя директоромъ инструкціи, касающіяся дѣло-и книговодства, c) подчиняться контролю союза и въ особенности ревизіямъ, d) выписывать органъ союза *Landwirthschaftliche Genossenschaftsblatt*, e) представлять къ 1 іюня каждаго года свой балансъ и свѣдѣнія по вопросамъ, затрагивающимъ интересы общества, f) вносить извѣстную сумму, опредѣленную общимъ собраніемъ, на покрытіе ревизіонныхъ расходовъ. Товариществамъ принадлежитъ право (§ 8): a) требовать, черезъ каждые полтора года ревизіи, b) участвовать чрезъ уполномоченныхъ на общихъ собраніяхъ Главнаго союза, союзовъ и подчиненныхъ союзовъ и представлять къ этимъ собраніямъ доклады, c) участвовать во всѣхъ выгодахъ, представляемыхъ главнымъ управленіемъ союза, и въ частности организованной имъ общественной продажи и закупки, выполняемой при посредствѣ фирмы «Raiffeisen und Consorten». Нѣсколько словъ объ этой фирмѣ, потому что здѣсь лежитъ одно изъ отличій Нейвидскаго союза отъ прочихъ. Фирма—частное коммерческое предпріятіе, основанное старикомъ Райффейзеномъ и соединяющее въ себѣ посредническую контору, типографію и, съ недавняго времени, фабрику для производства искусственнаго удобренія. Сношенія ея съ отдѣльными товариществами и главнымъ управленіемъ союза основаны на договорѣ, по § 4 котораго «чистый доходъ не долженъ быть раздѣленъ между участниками, но, по отчисленіи издержекъ, идетъ на покрытіе расходовъ Главнаго союза, на улучшеніе райффейзенской организаціи, на увеличеніе резервнаго фонда центральной кассы и пенсію служащимъ». Всѣ заказы, поступившіе къ Generalanwaltschaftsverband'у, передаются къ исполненію фирмѣ. Во всѣхъ другихъ союзахъ такой фирмы не существуетъ, и посредничество въ продажѣ и покупкѣ принимаютъ сами органы *).

Органами Generalanwaltschaftsverband'a являются директоръ (Generalanwalt), его замѣститель, совѣтъ дирекціи (Generalanwaltschaftsrath) и об-

---

*) Въ договорѣ 14 іюня 1881 г. среди расходовъ—„5% на вклады участниковъ“; 11 іюля 1884 г. вмѣсто 5%—„проценты по состоянію рынка“. Противъ фирмы, составляющей одну изъ трехъ частей высшей центральной организаціи Нейвида, въ печати неоднократно поднималась рѣзкая критика, порицающая организацію *частной* фирмы среди строго общественнаго дѣла (Eschenbach, Arnstadt и Recger на страницахъ силезскаго *Landwirth.*, кельнскаго *Volksbolen*, *Deutsche Landw. Presse*). Установленъ такой порядокъ: Generalanwalt, опредѣливъ цифру заказовъ, набираетъ изъ членовъ General-Verband комиссію, которая сносится съ торговыми фирмами и фабриками съ просьбой прислать свои цѣны; происходитъ обычный торгъ; по установленіи цѣны, комиссія опредѣляетъ добавочный %, который получаетъ фирма Raif & C° (въ 1895 г.—2% стоимости корма, 2%—искусств. удобр., 2½%—машинъ и т. д.): фирма за то несетъ всѣ расходы по управленію. Указываютъ и на ненормальность совмѣщенія въ одномъ лицѣ должности директора союза, директора центральной кассы и одного изъ членовъ фирмы.

щее собраніе; первые два—постоянные, третій—временный органъ. Директоръ избирается совѣтомъ, а этотъ послѣдній состоитъ изъ членовъ совѣта центральной *кассы*. Обязанность директора—распространеніе и развитіе райфф. ссудосбер. т-въ, надзоръ за выполненіемъ ревизіи, изданіе инструкцій для дѣла и книговодства, сообщеніе директорамъ мѣстныхъ союзовъ о предположенныхъ и выполненныхъ новыхъ товарищескихъ организаціяхъ, выполненіе счетоводства союза; его права — исключеніе товариществъ изъ союза, назначеніе экстренныхъ ревизій, присутствіе на всѣхъ собраніяхъ союзовъ. Совѣтъ контролируетъ денежные расходы и заботится о защитѣ интересовъ т-въ. Общее собраніе (Vereinstag или Generalversammlung, въ отличіе отъ собраній отдѣльныхъ союзовъ—Verbandstag и Unterverbandstag) состоитъ изъ делегатовъ кассъ, собирается каждые 2 года, постановляетъ по всѣмъ дѣламъ, назначаетъ коммиссіи, измѣняетъ уставъ (за исключеніемъ извѣстныхъ райф. принциповъ), утверждаетъ союзы и подсоюзы. Что касается ревизіи, то она выполняется по строго установленному образцу; протоколъ ревизіи отправляется въ одномъ экземплярѣ къ суду, въ которомъ зарегистровано товарищество, въ другомъ къ управленію союза. Ревизоръ, открывшій грубое нарушеніе обязанностей органами кассы, немедленно сзываетъ общее собраніе кассы и предлагаетъ совершить новые выборы (§ 30).

Такова организація одного изъ союзовъ, объединяющихъ товарищества разныхъ провинцій и государствъ. Точно такъ же организованы союзы, обнимающіе районъ одного только государства или провинціи: такъ Баварскій союзъ (Bayerischer Landesverband) преслѣдуетъ цѣль выполненія ревизій, защиты интересовъ товариществъ, организаціи учрежденій, удовлетворяющихъ общей потребности, поддержки вновь возникающихъ товариществъ, въ своихъ основныхъ чертахъ не уклоняющихся отъ формуляра статута. Союзъ нисколько не уничтожаетъ самостоятельности и независимости входящихъ въ его составъ товариществъ; между ними нѣтъ и никакой взаимной отвѣтственности. Средства союза тѣ же; правительственная субсидія, впрочемъ, играетъ здѣсь значительную роль. Органы: 1) общее собраніе (Landesverbandsversammlung), происходящее ежегодно; 2) правленіе (Vorstand), которое состоитъ изъ директора, его замѣстителя и директоровъ отдѣльныхъ округовъ (Kreisanwälte), избираемыхъ послѣдними; директоръ союза избирается общимъ собраніемъ на три года; 3) дѣлопроизводитель (Geschäftsführer) и 4) ревизоры.

Баварскому союзу подчинены меньшія центральныя единицы—Kreisverbände, съ особымъ органами: общимъ собраніемъ (Kreisverbandsversammlung), комитетомъ (Ausschuss) изъ 4—8 избираемыхъ собраніемъ на трехлѣтіе членовъ, и директоромъ (Kreisanwalt); эти союзы наряду съ выполненіемъ указанныхъ общихъ задачъ преслѣдуютъ еще спеціальныя цѣли: организацію совмѣстныхъ закупокъ и продажъ и контролированіе добротности купленныхъ при посредствѣ союза товаровъ, главнымъ образомъ—искусственнаго удобренія, подвергающагося при управленіи союза химическому анализу.

Главный союзъ беретъ на себя закупку и продажу только по желанію товариществъ; эта операція обыкновенно предоставляется окружнымъ союзамъ *).

Еще проще организація низшей центральной инстанціи—Unterverband **); она обнимаетъ еще меньшую административную единицу и преслѣдуетъ (§ 2) цѣли: взаимную поддержку товариществъ въ ихъ стремленіи къ улучшенію хозяйственнаго положенія членовъ, облегченіе сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ, взаимный обмѣнъ сдѣланныхъ наблюденій.

Органы: собраніе (Unterverbandstag), которое происходитъ не менѣе одного раза въ годъ; комитетъ (Unterverbandsausschuss), избираемый временно и для продолжительнаго періода; директоръ (Unterverbandsdirector), избираемый на 1 годъ вмѣстѣ съ однимъ или многими замѣстителями и выполняющій обязанности дѣлопроизводителя; онъ приглашаетъ къ общимъ собраніямъ, наблюдаетъ за своевременной отсылкой отчетовъ въ Главный союзъ и т. д.; кассу союза ведетъ одно изъ ссудосберегательныхъ товариществъ по выбору собранія. Товарищества и здѣсь сохраняютъ свою неприкосновенность и не связаны между собой никакой отвѣтственностью; но для Нейвидскаго союза крайне характерно стремленіе къ сильной централизаціи: товарищества (§ 3 b) «*обязаны*... принять участіе въ полномъ размѣрѣ потребностей членовъ въ организованной Главнымъ союзомъ совмѣстной закупкѣ необходимыхъ хозяйственныхъ предметовъ (искусствен. удобр., кормов. сред., сѣмянъ, машинъ), если только признанныя комитетомъ причины не дѣлаютъ такую закупку невозможной».

Центральныя кассы. Вся совокупность дѣйствующихъ въ Германіи центральныхъ кассъ можетъ быть раздѣлена на четыре группы: собственныя кассы, организованныя отдѣльными мѣстными или всеобщими союзами; частные и общественные банки, регулирующіе свои отношенія къ товариществамъ на основаніи спеціальныхъ договоровъ; правительственные банки — на основаніи такихъ же договоровъ и прусская правительственная центральная товарищеская касса. Большинство самостоятельныхъ товарищескихъ кассъ, за исключеніемъ Нейвидской, возникло недавно; до этого момента товарищества прибѣгали или къ услугамъ разныхъ банковъ или къ взаимному кредитованію, которое происходило иногда неудобнымъ, хотя и оригинальнымъ способомъ ***). Теперь, въ особенности съ момента учрежденія правительственной кассы, кредитъ товариществамъ предоставленъ въ абсолютно полномъ размѣрѣ и на самыхъ выгодныхъ усло-

---

*) Статутъ Баварскаго союза и подчиненныхъ ему Kreisverbände въ Personalcredit. Bd. I p. 67, 80.

**) Statut des Unterverbandes der Darlehnskassenvereine und sonstiger ländlichen Genossenschaften (Raiff. Organisation) Neuwied.

***) Товарищества, на основаніи договора съ опредѣленнымъ органомъ печати, публиковали запросъ и предложеніе капиталовъ; т-о, нуждавшееся въ деньгахъ, писало: Anhausen 500 mark; т-о, обладавшее свободными деньгами и желавшее отдать въ кредитъ: Anhausen 1,000 mark. (Personalcr. Bd. I, p. 60).

віяхъ, вполнѣ отвѣчающихъ современному денежному рынку. Нигдѣ въ мірѣ сельско-хозяйственные кредитные институты не пользуются такой громадною поддержкой центральныхъ кассъ; организація этихъ послѣднихъ заслуживаетъ, поэтому, самаго серьезнаго вниманія.

1. Всѣ собственно-товарищескія центральныя кассы, какъ-то: Central Darlehnskasse Neuwied, Landwirhtschaftliche Genossenschaftsbank - Darmstadt, ländliche Cent.- Darlehnskasse Münster, Landesgenossenschaftskasse Hannover, landw.Genossenschafts-Central kasse.Württemberg,Genossenschaftsbank.Leipzig, Bayer. Cent. Darl.-kasse. München, Landw. Provinz. Genossenschaftskasse-Wormditt, Hauptgenossenschaftskasse für Rheinpreussen и друг., организованы по типу акціонерныхъ обществъ или товариществъ съ ограниченной отвѣтственностью (Eingetr. Genoss. mit beschr. Haftpflicht) *); товарищества-члены, при вступленіи своемъ, пріобрѣтаютъ акцію или пай, который составляетъ для кассы вормдитской 500 м., баварской—100 м., саксонской—100 м., рейнской—20 м., нейвидской—1,000 м. и т. д.; въ центральныхъ кассахъ съ ограничен. отвѣтственностью каждый изъ членовъ принимаетъ, кромѣ того, опредѣленную отвѣтственность, которая для ганноверской кассы выражается 2,000 мар. на пай, саксонской (Halle)—6,000 м., рейнской—1,000, вормдитской—5,000 м. и т. д. Размѣръ кредита опредѣляется обыкновенно въ зависимости отъ числа паевъ: въ ганноверской 10,000 кредита на пай и въ общемъ не свыше 50,000 м., рейнской—1,000 м. на пай и въ общемъ не свыше 50,000 мар. и т. д. Чтобы получить болѣе полное представленіе объ организаціи и дѣятельности центральныхъ кассъ, остановимся на двухъ типахъ: нейвидской и баварской кассѣ.

«Landwirthschaftliche Central Darlehnskasse für Deutschland zu Neuwied»**), акціонерное товарищество съ основнымъ капиталомъ въ 5.000,000 мар., раздѣленныхъ на 5,000 акцій достоинствомъ въ 1,000 марокъ; въ случаѣ надобности этотъ капиталъ можетъ быть увеличенъ. Цѣль кассы—«совершать банковыя и кредитныя операціи преимущественно въ интересахъ сельско-хозяйственнаго населенія» (art. I — 2), причемъ спекулятивныя сдѣлки съ движимостью и недвижимостью абсолютно запрещены (art. VI—1): «предпріятіе это не разсчитано для пріобрѣтенія доходовъ» (art. VIII).

Необходимый для операцій капиталъ, кромѣ основного акціонернаго, доставляютъ вклады и, по мѣрѣ надобности, облигаціонный заемъ, о заключеніи котораго правленіе можетъ просить правительственнаго разрѣшенія. Эти средства идутъ: 1) на ссуду товариществамъ-членамъ кассы, 2)

*) Какъ извѣстно, Райффейзенъ предлагалъ для центральныхъ кассъ примѣненіе неограниченной отвѣтственности входящихъ въ составъ товариществъ, но планъ этотъ подвергся критикѣ Ш. Делича, который добился уничтоженія существовавшихъ кассъ этого типа. Критика эта была вполнѣ правильна. Однако, и въ настоящее время существуютъ, насколько намъ извѣстно, три такихъ центральныхъ кассы по типу товарищества съ неограниченной отвѣтственностью членовъ: одна въ Германіи, другая во Франціи, третья въ Австріи.

**) Statut der landw. C. D. K. für Deutschland. Neuwied. Vereinsdruckerei von Raiffeisen и C-ten.

для вексельнаго и ломбарднаго дѣла, 3) для пріобрѣтенія ипотекъ и «протоколовъ», 4) для пріобрѣтенія недвижимости *), поскольку это требуется интересами кассы, 5) для пріобрѣтенія имперскихъ, государственныхъ и гарантированныхъ государствомъ общинныхъ и корпоративныхъ цѣнныхъ бумагъ на предъявителя (art. VIII). Прибыль идетъ на покрытіе расходовъ, затѣмъ 20% остатка въ резервный фондъ, куда поступаетъ и та часть прибыли, которая останется за вычетомъ дивидендовъ, уплачиваемыхъ на пай, въ размѣрѣ, не превышающемъ ссудный процентъ. Кредитъ выдается только членамъ, а ими могутъ быть частныя лица, принадлежащія къ составу правленія и наблюдательнаго совѣта кассы, и кредитныя товарищества, удовлетворяющія всѣмъ основнымъ принципамъ райффейзенской системы и принадлежащія къ составу Generalanwaltschaftsverband; послѣднее требованіе станетъ понятнымъ, если вспомнить ревизіонную дѣятельность союза, на результатахъ которой по отношенію къ каждому товариществу и покоится кредитъ кассы. Органы кассы: общее собраніе (Generalversammlung), наблюдательный совѣтъ и правленіе. Общее собраніе состоитъ изъ всѣхъ акціонеровъ и должно происходить, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ первые шесть мѣсяцевъ каждаго года; право созывать собраніе, кромѣ этихъ ординарныхъ засѣданій, принадлежитъ правленію, совѣту и акціонерамъ при согласіи $^1/_{10}$ общаго числа. На ординарныхъ засѣданіяхъ собранія происходятъ выборы членовъ наблюдательнаго совѣта и членовъ счетоводной комиссіи (Rechnungsausschuss), которая въ числѣ не менѣе 3 лицъ, не принадлежащихъ къ служащимъ кассы и наблюдательному совѣту, разсматриваетъ составленный совѣтомъ годовой отчетъ и контролируетъ его дѣлопроизводство. Эта комиссія избираетъ изъ своей среды предсѣдателя и распредѣляетъ между собой всѣ дѣла, члены ея получаютъ вознагражденіе только за понесенные ими денежные расходы. Правленіе (Vorstand) состоитъ изъ директора и бухгалтера (Rendant); они избираются наблюдат. совѣтомъ, который можетъ ихъ временно устранить отъ должности или вовсе исключить за нарушеніе обязанностей. Правленіе выполняетъ одну только административную часть и въ общей дѣятельности кассы играетъ подчиненную роль по сравненію съ наблюдательнымъ совѣтомъ. Совѣтъ состоитъ изъ 18 членовъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ на 3 года и выбывающихъ по третямъ; должность эта считается почетной, и члены совѣта не получаютъ жалованья. Совѣтъ (art. V) наблюдаетъ за дѣлопроизводствомъ во всѣхъ отрасляхъ управленія, можетъ во всякое время освѣдомляться о состояніи дѣлъ, просматривать книги и провѣрять кассу; предварительнаго его *разрѣшенія* требуетъ

*) Операціи по пріобрѣтенію ипотекъ и Vorkaufsprotocollen въ дѣйствительности играютъ очень ничтожную роль въ активахъ товар. кассы: въ 1893 г. подъ „протоколами“ числилось 1,413 мар., а въ 1894 г. уже вовсе нѣтъ этой рубрики; подъ ипотеку въ 1894 г. выдано было 59,568 м., т.-е. меньше 1% всего актива (pro 1894 г.—6.627,299 м.). „Протоколомъ“ называется актъ о продажѣ недвижимости, цѣна которой уплачена третьимъ лицомъ.

цѣлый рядъ дѣлъ: установленіе размѣра кредита по текущему счету, затрата капитала на пріобрѣтеніе ипотекъ и протоколовъ, установленіе процента и комиссіонныхъ, установленіе дивидендовъ и резервнаго фонда, способъ приложенія резервнаго фонда и свободныхъ денегъ, провѣрка довѣренностей къ участію акціонеровъ въ общемъ собраніи, учрежденіе филіальныхъ отдѣленій и агентуръ, опредѣленіе числа служащихъ, ихъ жалованья и залога, бюджетъ расходовъ, веденіе всѣхъ процессовъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые направлены ко взысканію долговъ и которые предоставлены директору,—все это требуетъ разрѣшенія со стороны наблюдательнаго совѣта, который такимъ образомъ и является главнымъ органомъ кассы. Наконецъ, совѣтъ провѣряетъ балансъ, годовой отчетъ и передаетъ его счетоводной комиссіи (Rechnungsausschuss). Засѣданія совѣта происходятъ не менѣе двухъ разъ въ годъ; президенту, правленію и тремъ членамъ предстоитъ право требовать дополнительныхъ засѣданій. Совѣтъ для выполненія своихъ функцій избираетъ изъ своей среды комиссіи, временныя или постоянныя, и одной изъ этихъ послѣднихъ, состоящей изъ 3 членовъ поручается контроль надъ дѣлопроизводствомъ и и кассой, надъ затратой капиталовъ, кредитами по текущему счету, и предварительное разсмотрѣніе отчета и баланса; эта постоянная комиссія производитъ 12 регулярныхъ ежемѣсячныхъ ревизій кассы и дѣлопроизводства и двѣ чрезвычайныхъ.

Переходимъ ко второму типу центральныхъ кассъ—товариществамъ съ ограниченной отвѣтственностью и къ баварской центральной кассѣ (Centraldarlehnskasse), какъ одному изъ такихъ образцовъ. По ея уставу *) членами кассы могутъ быть ссудосберегательныя товарищества, принадлежащія къ «баварскому союзу сельско-хозяйственныхъ кредитныхъ товариществъ», и лица, избранныя членами правленія и наблюдательнаго совѣта кассы; всякое товарищество, вышедшее изъ состава *союза*, подлежитъ исключенію и въ центральной кассѣ. Всѣ члены: a) уплачиваютъ «вступныя деньги» въ пользу резервнаго фонда и въ размѣрѣ, установленномъ общимъ собраніемъ, b) уплачиваютъ пай высотой въ 100 марокъ, c) *отвѣчаютъ по всѣмъ обязательствамъ* кассы какъ предъ ней, такъ и кредиторами ея въ размѣрѣ *1,000 мар. на каждый пай*, d) исполняютъ установленныя правила дѣлопроизводства, e) при выступленіи своемъ уплачиваютъ 25 мар. въ резервный фондъ и f) не должны безъ разрѣшенія наблюдат. совѣта кассы принимать участіе въ какомъ-либо подобномъ ей учрежденіи. Органы: 1) правленіе (Vorstand), изъ двухъ директоровъ и непремѣннаго члена, *избираемыхъ общимъ собраніемъ* на неопредѣленное время и получающихъ жалованье по опредѣленію совѣта. 2) Наблюдательный совѣтъ, изъ 5 членовъ, избираемыхъ собраніемъ на 4 года и выполняющихъ возложенную на нихъ обязанность, какъ почетную должность. 3) Общее собраніе изъ всѣхъ членовъ кассы, директора союза (Landesverbandsdirector)

*) *Personalcredit.* Bd. I, p. 69 ff.

и ревизоровъ. Функціи этихъ органовъ тѣ же, что и въ нейвидской кассѣ, но собранію принадлежитъ большая власть. Избранными въ правленіе и совѣтъ могутъ быть члены центральной кассы или отдѣльныхъ товариществъ, чѣмъ очень рѣзко подчеркивается общественно-товарищескій характеръ предпріятія. Для покрытія убытковъ кассѣ служатъ четыре капитала въ слѣдующей постепенности: операціонный фондъ (Betriebsfonds), резервный фондъ (Reservef.), паевой капиталъ и тотъ идеально существующій капиталъ, который образуется изъ суммы принятыхъ всѣми товариществами гарантій (Haftsummen). Резервный фондъ образуется изъ 10% отчисленій прибыли, пока онъ не достигнетъ половины паевого капитала; Betriebsfonds, который служитъ не только покрытію убытковъ, но и другимъ назначеніямъ, по опредѣленію общаго собранія, образуется изъ отчисленій 10% прибыли до достиженія имъ четверти того же паевого капитала; послѣдній состоитъ изъ уплаченныхъ товариществами паевъ, число которыхъ на одного члена можетъ доходить до 10. Дивидендъ выдается въ размѣрѣ 4%.

Нейвидскій уставъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ тѣ пріемы, которыми должна руководиться касса при опредѣленіи кредитоспособности отдѣльнаго товарищества. Баварская касса говоритъ о нихъ подробно. Всякое товарищество, испрашивая себѣ открытіе кредита, указываетъ его высшій размѣръ и представляетъ списокъ членовъ съ указаніемъ номера ихъ хозяйства или дома, мѣстожительства, занятій, и выписку изъ фискальныхъ книгъ о размѣрѣ платимыхъ членами поземельнаго и подоходнаго налоговъ (Grund und Einkommensteuer)—выписку, достовѣрность которой должна быть скрѣплена подписью общинныхъ властей. Ею, главнымъ образомъ, и руководствуется касса при опредѣленіи размѣра кредита: этотъ размѣръ на практикѣ различныхъ центральныхъ кассъ опредѣляется 20—24-кратнымъ платимой членами суммы налоговъ *). Для предупрежденій слишкомъ большихъ и рискованныхъ кредитовъ общее собраніе устанавливаетъ максимальный размѣръ кредита (для баварской кассы 80,000 мар.), и въ этихъ предѣлахъ разрѣшаетъ правленіе, съ утвержденія наблюдательнаго совѣта, кредитъ отдѣльнымъ товариществамъ, пользуясь указанными податными листами; притомъ, такъ какъ съ увеличеніемъ кредита увеличивается и рискъ, то на каждые 8,000 кредита товарищество должно пріобрѣсти новый пай: при связи числа паевъ съ суммой гарантіи этимъ путемъ перекладывается рискъ на самое товарищество. Кредитъ временно прекращается, если товарищество вступитъ въ операцію текущаго счета съ другимъ денежнымъ институтомъ, если правленіе усомнится въ кредитоспособности должниковъ и если ревизія обнаружитъ неправильное дѣлопроизводство въ товариществѣ. Полное прекращеніе кредита зависитъ отъ наблюдательнаго совѣта, временное—отъ правленія. При перемѣнѣ личнаго состава, товарищество немедленно извѣщаетъ о томъ кассу и предъ-

*) См., наприм., Bd. I, p. 239.

являетъ подписи новыхъ администраторовъ. Разсчетъ съ товариществами полугодичный.

Такъ организовано большинство центральныхъ кассъ. Полная приспособленность ихъ къ интересамъ и нуждамъ кредитныхъ товариществъ такъ ясна, что не требуетъ никакихъ спеціальныхъ разъясненій. Обороты кассъ растутъ необыкновенно быстро и составляли къ 30 іюня 1896 года: для 11 центральныхъ кассъ всеобщаго Оффенбахскаго союза, съ акціонернымъ и паевымъ капиталомъ въ 9.443,000 мар., — 88.002,592, для кассъ отдѣльныхъ союзовъ, съ капиталомъ въ 2.739,000 мар.,—76.399,000 мар. и для нейвидской кассы съ 10 филіальными отдѣленіями при 3.000,000 акціонер. капитала, — 61.660,500 мар. оборота; весь пассивъ составлялъ къ 30 іюня 1897 г. для Оффенбахскаго союза—23.000,000 мар., для изолированныхъ союзовъ—23.000,000 и нейвидскаго—18.000,000 мар. Услуги кредита обходятся такъ дешево, какъ это возможно по условіямъ денежнаго рынка: *Нейвидъ* (1 мая 1895 г.) платилъ за вклады до 10,000 м.— $3^3/_4$%, свыше—$3^1/_2$%; взималъ за ссуду до 10,000 м. $3^0/_{10}$, свыше 10,000 $4^1/_4$% при $^1/_{10}$% комиссіонныхъ для большей стороны текущаго счета; въ гессенской кассѣ вклады 3%, ссуда 4%; въ баварской (1895 г.) $3^1/_2$% и $3^3/_4$%, вюртембергской $3^1/_2$ и $4^1/_2$%, и т. д. *); съ основаніемъ прусской правительственной кассы (эти размѣры процентовъ существовали до этого момента) должно было произойти дальнѣйшее пониженіе стоимости кредита, и если для 1895 г. средняя стоимость кредита составляла 4%, то причину такого уровня надо искать въ кредитной дѣятельности отдѣльныхъ товариществъ, которыя *сами* платятъ за *вклады* не меньше 3—$3^1/_2$%: центральная касса не можетъ понизить этого процента за депозиты, должна считаться съ такимъ фактомъ, а при необходимой $^1/_2$—$^3/_4$% разницѣ между депозитами и ссудой процентъ послѣдней и не можетъ быть меньше средней 4%. Касса не можетъ повліять на уменьшеніе стоимости денегъ въ деревнѣ, гдѣ $3^1/_2$% всегда легко получить и въ сберегательной кассѣ. Въ прусской правительственной кассѣ кредитъ стоитъ 3%, и въ тяготѣніи къ этому проценту, несомнѣнно, будетъ заключаться банковая политика центральныхъ кассъ по отношенію къ депозитамъ отдѣльныхъ товариществъ **).

2. Вторая группа частныхъ и общественныхъ банковъ, функціонирующихъ на основаніи договора въ роли центральныхъ кассъ, представлена въ Германіи слабѣе (Landwirthschaftliche Kredit-Bank Frankfurt, Rheinische Hypotheken-Bank Mannheim, Landwirth. Kredit-Verein Dresden, Landständische-Bank Bauzen, Rheinischer Bauernkreditverein, Landesbank der Rheinprovinz и др.), потому что подобныя учрежденія приспособлены къ инымъ условіямъ, преслѣдуютъ свои собственныя цѣли, которыя могутъ расходиться

*) См. *Verhandlungen des V. f. S. P.*, p. 176.

**) Нѣкоторые союзы, поэтому, враждебно стояли къ образованію прусской кассы, которая грозила нарушить установившіяся отношенія центральной кассы къ товариществамъ и товарищества къ своимъ вкладчикамъ.

съ интересами товарищескихъ организацій. Мы изложимъ крайне интересный договоръ *), заключенный между Баденскимъ союзомъ сельско-хозяйственныхъ кредитныхъ товариществъ и Рейнскимъ ипотечнымъ банкомъ въ Маннгеймѣ и представляющій образецъ самой высшей и самой удобной для товариществъ формы примѣненія *частныхъ* банковъ въ роли центральныхъ кассъ.

Рейнскій ипотечный банкъ принимаетъ функцію учрежденія посредника для уравненія предложенія и спроса на денежный капиталъ, который поступаетъ вкладами отъ товариществъ и обратно требуется ими въ кредитъ. Правленіе союза черезъ директора (Verbandsdirector) передаетъ банку требуемыя свѣдѣнія о кредитоспособности отдѣльныхъ товариществъ, на основаніи которыхъ опредѣляется каждому товариществу кредитъ. Между товариществами нѣтъ никакой солидарной отвѣтственности (§ 2), но за то банку предоставлено право во всякое время требовать у правленія производства ревизіи надъ дѣятельностью кассъ, получившихъ въ банкѣ кредитъ (§ 3). Каждому товариществу открытъ въ банковыхъ книгахъ особый счетъ, о состояніи котораго могутъ во всякое время получить свѣдѣнія члены правленія союза (§ 4). Начисленіе процентовъ по вкладамъ, поступившимъ отъ товариществъ, начинается со дня, слѣдующаго за днемъ уплаты (для вкладовъ, поступившихъ въ субботу или праздникъ—съ понедѣльника и ближайшаго будничнаго дня). Начисленіе процентовъ по ссудѣ начинается со дня, предшествующаго ея отсылкѣ, и, конечно, въ томъ только случаѣ, если выданный товариществу кредитъ превысилъ его активъ въ банкѣ. Размѣръ процента за депозиты опредѣляется соглашеніемъ директора союза съ банкомъ и регулируется денежнымъ рынкомъ (§ 5). Если кредитомъ исчерпана вся сумма сдѣланныхъ товариществами вкладовъ, то банкъ обязанъ предоставить въ кредитъ свои собственныя средства по особому, установленному соглашеніемъ, проценту, начисленіе котораго происходитъ до тѣхъ поръ, пока сумма вкладовъ не покроетъ суммы выданнаго кредита (§ 6). «Каждое товарищество, получившее въ банкѣ деньги, обязано въ теченіе полугодія совершить съ банкомъ оборотъ, равный, по крайней мѣрѣ, двойному размѣру кредитованнаго капитала» (§ 7),—другими словами, возвращеніе кредитованнаго капитала должно произойти въ теченіе 6 мѣсяцевъ. По истеченіи полугодія банкъ представляетъ каждому товариществу выписку изъ книгъ о состояніи его счета, которую оно обязано скрѣпить своей подписью; такой же отчетъ представляется и правленію союза (§ 8). Банкъ получаетъ за свои труды вознагражденіе, равное $^1/_{10}\%$ бо́льшей части совершеннаго съ банкомъ по текущему счету полугодичнаго оборота; почтовые расходы несетъ само товарищество (§ 9). Банкъ, однако, совершенно не преслѣдуетъ какихъ-либо коммерческихъ цѣлей: «вся прибыль, полученная отъ оборотовъ съ товариществами и представляющая излишекъ процентовъ, уплачиваемыхъ ими за ссуду, надъ процентами, на-

*) *Personalcredit.* Bd. I, p. 326.

численными по вкладамъ, предоставляется банкомъ въ распоряженіе союза (§ 10),—условіе, абсолютно-исключающее предположеніе какой-либо корыстности въ банкѣ и заставляющее вѣрить, что это посредничество банка происходитъ исключительно въ интересахъ товариществъ; неудивительно, что товарищества и не преминули воспользоваться предоставленнымъ въ § 12 правомъ продленія срока договора, дѣйствующаго и по наши дни. Несомнѣнно, подобнаго рода договоръ можетъ вполнѣ замѣнить собственную центральную кассу, но онъ не долговѣченъ *) и не можетъ найти достаточно подражателей.

3. Такими же договорами регулируются сношенія союзовъ съ правительственными банками, какъ Königl. Bankfiliale - Würzburg, Bayerische Notenbank, Kgl. Staatsbank zu Nürnberg, Kögl. Hofbank Stuttgart (до 1893 г.). Дѣятельность этихъ банковыхъ учрежденій въ настоящее время довольно скромна, потому что большинство союзовъ обзавелось собственными центральными кассами, а гдѣ такихъ нѣтъ, предстоитъ возможность воспользоваться правительственной товарищеской кассой, которая во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ преимущество по сравненію съ обыкновенными правительственными банками. Кое-гдѣ и сейчасъ пользуются услугами послѣдней. Такъ, филіальнымъ отдѣленіемъ королевскаго Баварскаго банка открытъ кредитъ товариществамъ нижнефранконскаго комитета (landw. Kreiskomitee), съ которымъ у него установлено слѣдующее соглашеніе: всякое товарищество, желающее получить кредитъ, обращается къ посредству комитета, представляетъ ему подписанный членами статутъ, свидѣтельство суда о занесеніи товарищества въ торговый регистръ, перечень членовъ - домохозяевъ при суммарномъ обозначеніи какъ цѣнности ихъ недвижимаго имущества, такъ мертваго и живого инвентаря, послѣдній годовой отчетъ, заявленіе о порученіи комитету произвести изслѣдованіе кредитоспособности и, наконецъ, указаніе размѣра и срока ссуды. При утвердительномъ рѣшеніи комитета товарищество должно письменно выразить согласіе подчиниться ревизору и представляетъ актъ, въ которомъ члены товарищества принимаютъ солидарную отвѣтственность за испрошенную ссуду. Получивъ разрѣшеніе комитета, банкъ выдаетъ деньги непосредственно самому должнику по 4% и съ крайнимъ срокомъ до 10 лѣтъ. Мы видимъ, дѣлопроизводство слишкомъ продолжительно и формально; такая органи-

---

*) Основаніе къ такому заключенію даетъ намъ фактъ значительныхъ превышеній активовъ товарищества въ банкѣ надъ долгомъ ему,—фактъ, который нарушаетъ интересы самого банка. Въ 1892 г. превышенія достигали въ ряду мѣсяцевъ 200,000 мар., и стремленіе къ прекращенію такого явленія сдѣлалось предметомъ обсужденія одного изъ годичныхъ общихъ собраній баденскихъ товариществъ. Дирекція банка предлагала товариществамъ для предупрежденія излишнихъ сберег. денегъ понизить % за вклады: съ этимъ не согласились представители кассъ; рѣшено было отказывать въ такіе моменты въ принятіи вкладовъ отъ нечленовъ и при долгосрочныхъ вкладахъ покупать процентныя бумаги. См. *Jaeger, Der ländliche Personalcredit.* Berlin, 1893. p. 324.

зація разрѣшенія кредитовъ можетъ въ цѣломъ ряду случаевъ приводить къ полной безполезности ссуды за минованіемъ надобности въ ней, и неудивительно, что комитетъ позаботился организовать собственное посредническое бюро для помѣщенія свободныхъ капиталовъ (Anmeldestelle für Unterbringung verfügbarer Kassenbestände) и взаимнаго кредитованія товариществъ.

4. Прусская центральная касса *) — послѣднее и высшее звено въ цѣпи центральныхъ учрежденій — представляетъ самостоятельный, обладающій правами юридическаго лица, институтъ, поставившій своею цѣлью развитіе личнаго кредита и, въ частности, кредита общественныхъ организацій: если Имперскій банкъ призванъ къ «регулированію денежнаго обращенія во *всей* странѣ, къ облегченію уравненія платежей и производительному примѣненію свободныхъ капиталовъ», то центральная касса предназначена къ выполненію тѣхъ же функцій въ отношеніи къ товарищескимъ организаціямъ, и такъ какъ эти послѣднія преимущественно распространены среди сельско-хозяйственнаго населенія, испытывающаго максимальную потребность въ кредитѣ въ лѣтніе и минимальную — въ зимніе мѣсяцы, т.-е. въ періоды не соотвѣтствующіе и даже противоположные слабому лѣтнему и оживленному зимнему промышленному сезону, то центральная касса, какъ значительный кредитный институтъ, предположена ко взаимному передвиженію изъ промышленности къ земледѣлію свободныхъ наличныхъ капиталовъ, появляющихся въ различные моменты хозяйственной жизни этихъ двухъ главнѣйшихъ источниковъ общественнаго богатства, и этимъ перемѣщеніемъ капиталовъ содѣйствовать возможному удешевленію стоимости кредита въ періоды наибольшаго денежнаго спроса въ предѣлахъ обѣихъ отраслей. Нельзя ли было для достиженія поставленной кассѣ цѣли воспользоваться существовавшими банковыми институтами? Вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ отрицательно: для полученія кредита въ Имперскомъ банкѣ товарищество должно обладать собственнымъ резервнымъ фондомъ въ 15,000 мар., которыхъ нѣтъ у большинства сельскихъ кредитныхъ товариществъ; большинство послѣднихъ не имѣетъ въ своемъ портфелѣ векселей, которые можно было бы переучесть въ коммерческихъ или имперскомъ банкахъ; ломбардированіе сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, связанное съ крупными техническими затрудненіями, невозможно при отдаленности банковъ отъ крестьянина и полной неприспособленности къ этой операціи обыкновенныхъ кредитныхъ институтовъ; кредитъ въ такихъ банкахъ слишкомъ дорогъ, краткосроченъ и обставленъ условіемъ уплаты къ опредѣленному моменту, а въ сельскомъ хозяйствѣ нельзя съ опредѣленностью предусмотрѣть моментъ реализаціи капитала; банкъ не можетъ провѣрить кредитоспособность отдѣльнаго члена, а реализація принятой членами солидарной и неограниченной имущественной отвѣтственности требуетъ больше времени, чѣмъ су-

*) „Die Preussische Central-Genossenschafts-Kasse". D-r Heiligenstadt. Jena, 1897. Касса находится въ Берлинѣ.

дебное взысканіе по векселямъ: для коммерческихъ банковъ быстрота реализаціи—conditio sine qua non собственнаго благополучія.

Таковы основанія, заставившія организовать новый и самостоятельный институтъ. При обсужденіи юридической формы новаго учрежденія была выяснена непригодность ея конструкціи какъ отдѣленія Имперскаго банка, въ силу выше указанныхъ соображеній; непригодность акціонернаго общества или товарищества съ ограниченной отвѣтственностью, предполагающихъ слишкомъ сложное и продолжительное дѣлопроизводство; непригодность и формы чисто-правительственнаго банка, налагающей на государство слишкомъ большую финансовую отвѣтственность и неразрывно связанной съ безконечнымъ бюрократическимъ формализмомъ. Поэтому, центральная касса организована какъ самостоятельный институтъ, права и обязанности котораго совершенно отдѣлены отъ имущественныхъ правъ казначейства, и такъ какъ постоянный капиталъ полученъ отъ правительства, то касса подчинена контролю министра финансовъ, который въ вопросахъ, затрагивающихъ министерство земледѣлія или торговли и ремесла, сносится съ ихъ представителями; въ интересахъ правильнаго счетоводства балансы и счета подчинены ревизіи государственнаго контроля (Oberrechnungskammer); отчеты о состояніи расходовъ банка по управленію подлежатъ ежегодному разсмотрѣнію ландтага, которому принадлежитъ совѣщательный голосъ во внѣшнихъ дѣлахъ кассы. Руководство принадлежитъ коллегіальной директоріи, но «такъ какъ имѣлось въ виду создать институтъ, руководимый не зеленымъ столомъ, а учрежденіе, которое стояло бы посреди кооперативной жизни, то рядомъ съ директоріумомъ установлена совѣщательная комиссія *изъ лицъ, принимающихъ участіе* въ этомъ общественномъ движеніи» *).

Основной капиталъ, опредѣленный сначала въ 5.000,000 мар., а затѣмъ (8 іюня 1896 г.) увеличенный до 20.000,000 мар., предоставленъ кассѣ государствомъ въ собственность (не въ кредитъ), потому что только въ этомъ случаѣ *сможетъ* касса, во исполненіе принятыхъ на себя обязанностей, занять видное мѣсто на денежномъ рынкѣ. Но въ этомъ основномъ капиталѣ одна только часть служитъ оборотнымъ; другая, бо́льшая, сохраняетъ характеръ резервнаго фонда и заключена въ прусскихъ консоляхъ на 12.000,000 м., т.-е. въ размѣрѣ, значительно превышающемъ установленный германскимъ банковымъ законодательствомъ (14 марта 1875 г.) фондъ покрытія въ одну треть (Drittelдeckung), потому что, пріобрѣтая часть оборотнаго капитала посредствомъ собственныхъ пассивныхъ операцій, центральная касса, по условіямъ сельскаго кредита, не можетъ разсчитывать на обычную въ коммерческихъ банкахъ плавность въ оборотномъ притеченіи кредитованныхъ капиталовъ или быстроту судебной реализаціи долговъ. Конечно, касса набираетъ и резервный капиталъ, который образуется изъ операціонной годичной прибыли.

*) *Heiligenstadt*, p. 63.

Прусская центральная касса предназначена исключительно для цѣлей личнаго кредита, подъ понятіе котораго подводится и ломбардный, или заложовый кредитъ; выдача ипотечнаго кредита абсолютно исключена. Но личный кредитъ долженъ быть краткосрочнымъ, потому что касса имѣетъ въ виду содѣйствовать пополненію одного только оборотнаго капитала и удовлетворенію преходящихъ хозяйственныхъ нуждъ (ф. Микель). Поэтому кассой обращено серьезное вниманіе, чтобы кредиты въ текущемъ счету не превращались въ долгосрочные, и по отношенію къ такимъ должникамъ кассѣ предоставлено право немедленнаго истребованія ссуды.

Опредѣляя такъ свою задачу, прусская центральная касса знаетъ двоякаго рода ограниченія, касающіяся территоріальной сферы дѣйствія и личности должниковъ. Она различаетъ полный и неполный кредитъ; отдѣльныя товарищества и отдѣльныя лица могутъ пользоваться услугами только второго; первый предоставленъ однимъ только центральнымъ союзнымъ кассамъ (Verbandskassen) и союзамъ отдѣльныхъ товариществъ, и удовлетвореніе кредитной потребности этихъ центральныхъ органовъ является главною задачей возникшей кассы *); по отношенію къ тѣмъ и другимъ совершенно особыя условія и формы пользованія кредита. Съ другой стороны, касса учреждена прусскимъ правительствомъ, и потому ея кредитомъ могутъ располагать только прусскія центральныя кассы и союзы, а этотъ терминъ «прусскія» понимается въ томъ смыслѣ, что какъ центральныя союзныя кассы, расположенныя въ Пруссіи и составленныя изъ членовъ непрусскихъ товариществъ, такъ и расположенныя внѣ Пруссіи, но съ составомъ прусскихъ товариществъ, пользуются правомъ полнаго гражданства. Границы разрѣшаемаго союзнымъ кассамъ кредита опредѣляются ихъ кредитоспособностью, а эта послѣдняя зависитъ отъ юридической организаціи самой центральной союзной кассы и подчиненныхъ ей кредитныхъ товариществъ: a) размѣръ кредита, открываемаго центральнымъ кассамъ, организованнымъ на принципѣ акціонернаго общества, опредѣляется величиной собственнаго акціонернаго и резервнаго капиталовъ, и такъ какъ подобнаго рода товарищескія союзныя кассы совершенно исключаютъ спекулятивныя предпріятія, а весь банковый активъ ихъ помѣщенъ въ обязательствахъ товариществъ, преимущественно съ неограниченной отвѣтственностью членовъ, то «непокрытая» часть кредита, предоставленная кассамъ сверхъ собственнаго капитала, въ центральной прусской кассѣ значительно выше, чѣмъ во всѣхъ прочихъ банкахъ; b) для центральныхъ кассъ, организованныхъ по типу товарищества съ ограниченной отвѣтственностью членовъ, размѣръ кредита опредѣляется извѣстнымъ процентомъ суммы капиталовъ, гарантированныхъ отвѣтственностью членовъ, и (вторичный моментъ) величиной собственнаго, резервнаго и паевого капи-

*) На ряду съ союзами, „полнымъ“ кредитомъ пользуются земскія ссудныя кассы (landschaftliche Darlehnskassen) и подобные же институты для удовлетворенія личнаго кредита, учрежденные провинціями или провинціальными общинными союзами (Landescommunalverbände); сберегательныя кассы допущены къ неполному кредиту.

тала. Касса провѣряетъ, въ какой степени принятая гарантія соотвѣтствуетъ дѣйствительной кредитоспособности каждаго отдѣльнаго товарищества, входящаго въ составъ членства союзной кассы: 1) кредитъ той части членовъ, въ которой выступаютъ отдѣльныя лица и акціонерныя общества, опредѣляется только размѣромъ собственнаго ихъ имущества, и сумма гарантированнаго капитала можетъ превысить этотъ собственный только извѣстнымъ процентомъ; 2) кредитъ членовъ товариществъ съ неограниченной отвѣтственностью опредѣляется извѣстнымъ процентомъ собственнаго имущества членовъ, установленнаго податными списками или, гдѣ такихъ данныхъ нѣтъ, умноженіемъ числа членовъ на 100—300 мар. (въ зависимости отъ хозяйственнаго положенія мѣстности); прусская касса считаетъ только ту часть гарантированной суммы (Haftsumme) дѣйствительной, которая не выходитъ за предѣлы извѣстнаго процента установленной цѣнности имущества; 3) кредитъ товариществъ съ ограниченной отвѣтственностью опредѣляется извѣстнымъ процентомъ ниже гарантированной суммы. Такимъ путемъ устанавливаетъ центральная прусская касса тотъ кредитъ, которымъ можетъ пользоваться союзная центральная касса; разумѣется, caeteris paribus величина его зависитъ отъ того, находится ли касса въ сношеніяхъ съ какимъ-либо другимъ кредитнымъ институтомъ.

Операціи:

Главная и самая удобная операція кредита для союзныхъ кассъ—*текущій счетъ*, потому что ею какъ бы предполагается неопредѣленность денежныхъ поступленій изъ сельскаго хозяйства; *учетъ* купеческихъ векселей—наиболѣе удобная форма для союзныхъ кассъ, объединяющихъ товарищества съ преобладаніемъ городского населенія, при этомъ, такъ какъ благодаря большей высотѣ учетнаго % надъ текущимъ счетомъ эта форма кредита менѣе выгодна, то центральная касса увеличиваетъ размѣръ вексельнаго кредита по сравненію съ кредитомъ текущаго счета; наконецъ, *ломбардный* или заложный кредитъ (подъ обезпеченіе цѣнныхъ бумагъ и сельско-хозяйственныхъ продуктовъ), въ заранѣе опредѣленномъ размѣрѣ и съ процентомъ за ссуду по текущему счету. Средній процентъ за ссуду для операцій «полнаго» кредита, т.-е. съ центральными союзными кассами, составляетъ за все время дѣятельности центральной прусской кассы только 3%,—норма, которая до сихъ поръ была совершенно неизвѣстна личному сельско-хозяйственному кредиту. При этомъ: 1) желая какъ можно сильнѣе развить операціи текущаго счета и пріучить къ этой формѣ кредита даже мелкое крестьянство, центральная касса совершенно не взимаетъ коммиссіонныхъ или провизій: текущій счетъ для сельскаго хозяина, выручившаго продажей продуктовъ извѣстную сумму денегъ, предназначенныхъ въ недалекомъ будущемъ къ дальнѣйшей затратѣ, имѣетъ смыслъ только тогда, если провизія не поглотитъ всей промежуточной прибыли; 2) такъ какъ колебанія денежнаго процента воспринимаются сельскимъ хозяйствомъ съ большей чувствительностью, чѣмъ промышленно-торговыми предпріятіями, то прусская касса,

даже съ нѣкоторыми временными для себя жертвами, опредѣляетъ размѣръ процента по текущему счету на цѣлое полугодіе; вексельный же учетъ и ломбардный кредитъ въ той части, которая превышаетъ установленную границу кредита, регулируется процентомъ имперскаго банка, 3) для сокращенія расходовъ союзныхъ кассъ по управленію и связаннаго съ нимъ удешевленія открытаго кассами кредита прусская касса приняла на себя (для цѣлаго ряда союзовъ) уплату наличными деньгами за ихъ счетъ, такъ что кассамъ остается одно только книговодство и присылка ордеровъ объ уплатѣ, которая (уплата) производится прусскою кассой непосредственно самому получателю *). Таковъ «полный» кредитъ союзнымъ кассамъ.

Операціи неполнаго кредита распространяются на всю Германію и открыты къ услугамъ каждаго отдѣльнаго товарищества или лица; его назначеніе—служить дополненіемъ къ осуществленію основной задачи, т.-е. полному удовлетворенію кредитной нужды союзныхъ кассъ: это—покрытый вексельный и ломбардный, но не бланковый кредитъ. Среди *пассивныхъ* сдѣлокъ, назначенныхъ къ увеличенію и реализаціи оборотнаго капитала: пассивная ссуда «непокрытая», если заемъ съ разрѣшенія министра получается изъ государственныхъ капиталовъ, и «покрытая», если капиталъ получается изъ имперскаго банка или на биржѣ (подъ залогъ цѣнныхъ бумагъ); переучетъ банковыхъ векселей; пріемъ депозитовъ и сберегательныхъ денегъ, реализація собственныхъ акцептовъ и собственныхъ цѣнныхъ бумагъ. Среди *активныхъ* операцій неполнаго кредита: учетъ прима-векселей по условіямъ имперскаго банка, пріобрѣтеніе цѣнныхъ бумагъ по условіямъ берлинской биржи,— операціи, которымъ касса придаетъ большое значеніе, потому что въ залогѣ этихъ цѣнностей и перепродажѣ частныхъ дисконтовъ — самый удобный и дешевый путь для реализаціи капиталовъ; наконецъ, ломбардный кредитъ—*подъ залогъ цѣнныхъ бумагъ*, съ постояннымъ процентомъ, на $^1/_4$ большимъ процента текущаго счета, для той части кредита, которая не превышаетъ заранѣе установленнаго размѣра, и обычнымъ процентомъ имперскаго банка для остальной, и ломбардный кредитъ—*подъ залогъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ*, но не чисто-ломбардный: ссуда облекается въ вексель, а товарныя цѣнности служатъ лишь обезпеченіемъ кредита, чѣмъ достигаетъ касса возможности легкой реализаціи кредитованнаго капитала, должникъ—болѣе дешеваго кредита, потому что норма ломбарднаго процента выше вексельнаго; если объектомъ залога будетъ сахаръ, то залогопринимателемъ является, съ разрѣшенія министра финансовъ, органъ акцизнаго вѣдомства, и залогъ происходитъ на самомъ сахарномъ заводѣ.

---

*) На основаніи договора, заключеннаго съ министерствомъ финансовъ и банкомъ имперскимъ, чеки центральной прусской кассы принимаются по всѣмъ германскимъ отдѣленіямъ имперскаго банка и въ прусскихъ королевскихъ кассахъ (Kreiskassen) не только для уплаты обязательствъ, но даже пошлинъ и косвенныхъ налоговъ. При такихъ условіяхъ сношенія кассы съ кредиторами союзныхъ кассъ происходятъ очень удобно и просто.

Мы разсмотрѣли характеръ дѣятельности центральной прусской кассы въ роли кредитнаго института *), предназначеннаго развитію товарищескихъ организацій вообще и сельско-хозяйственныхъ преимущественно **). Она грандіознымъ вѣнцомъ завершаетъ превосходную систему центральныхъ союзныхъ кассъ, и въ недалекомъ будущемъ станетъ главнымъ двигателемъ кооперативнаго развитія германскаго сельскаго хозяйства. Уже теперь своими оборотами стоитъ прусская касса головой выше всѣхъ союзныхъ товарищескихъ кассъ, примкнувшихъ къ ней (за исключеніемъ кассы въ Kempten) и не преминувшихъ воспользоваться ея дешевымъ кредитомъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ данныхъ, характеризующихъ небывалый ростъ кредитнаго института ***).

Итакъ, за 15 мѣсяцевъ своей дѣятельности центральная касса развила кредитный оборотъ въ 271.650,000 марокъ. Разумѣется, такое движеніе кредита было бы совершенно немыслимо при полномъ отсутствіи товарищескихъ союзныхъ кассъ, выполняющихъ, собственно говоря, цѣли филіальнаго отдѣленія кассы; безъ нихъ центральная касса не смогла бы выполнить возложенную на нее задачу, потому что организація провѣрки кредитоспособности отдѣльныхъ товариществъ совершенно не по силамъ одному центральному институту, расположенному въ сотняхъ километровъ отъ мѣста дѣятельности товариществъ и принужденному руководствоваться сооб-

---

*) Касса знаетъ еще комиссіонное посредничество для покупки и продажи цѣнныхъ бумагъ, но только для *однихъ центральныхъ союзныхъ кассъ*: для послѣднихъ подобное посредничество имѣетъ громадное значеніе, потому что свободные капиталы могутъ получить немедленное примѣненіе.

**) Ш.-Делицкія (т.-е. городскія) товарищества въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ собственныхъ центральныхъ кассъ, замѣняя ихъ кредитомъ обыкновенныхъ коммерческихъ банковъ,—слѣдовательно, по уставу прусской кассы, всѣ они могутъ пользоваться только неполнымъ кредитомъ.

***) *Heiligenstadt*, p. 100.

Обороты въ 1,000 марокъ.

	1 окт.—31 дек. 1895 г.	1 янв.—31 марта. 1896 г.	1 апр.—30 іюля. 1896 г.	1 іюля—30 сент. 1896 г.	1 окт.—31 дек. 1896 г.	За 15 мѣсяцевъ.
Полный оборотъ (включая обороты съ Имперскимъ банкомъ и главной государственной кассой).	60,710	80,835	129,502	198,484	371,414	840,945
Въ частности:						
1. Обороты съ союзными кассами, земскими кассами и провинціальными институтами . . .	1 окт. 1895 г.—31 марта 1896 г. 37,946		20,195	32,098	62,530	152,769
2. Оборотъ депозитовъ. .	1,112		5,489	16,297	17,914	40,812
3. Оборотъ векселей . .	3,882		5,701	7,355	14,053	30,991
4. Оборотъ ломбардный .	492		3,253	6,152	6,632	16,529
5. Оборотъ цѣнн. бумагъ.	3,797		2,432	11,618	12,702	30,549
6. Группы 1—5	—		—	—	—	271,650

щеніями корреспондентовъ, не принимающихъ на себя никакой отвѣтственности за достовѣрность представленныхъ свѣдѣній; поэтому уставъ совершенно умалчиваетъ о правѣ кассы учреждать филіальныя отдѣленія и агентуры: ихъ могутъ и должны замѣстить союзныя кассы, у которыхъ всѣ средства и условія къ наиболѣе полному осуществленію такой задачи.

Такова организація центральныхъ учрежденій въ системѣ того колоссальнаго кооперативнаго движенія, которое охватило современную Германію и предоставило нѣмецкому крестьянину сильное орудіе въ борьбѣ съ сельско-хозяйственнымъ кризисомъ.

М. Лунцъ.

Сельско-хозяйственная организація

I.

Недавно призванное у насъ къ жизни министерство земледѣлія озабочено въ настоящее время разработкой плана учрежденія своихъ органовъ на мѣстахъ. Вопросъ этотъ представляетъ общій и немаловажный интересъ въ виду нѣсколько отличныхъ условій дѣятельности названнаго министерства въ ряду другихъ нашихъ вѣдомствъ. Въ данномъ случаѣ оказались совершенно неприменимыми тѣ обычныя начала взаимныхъ отношеній между населеніемъ и различными правительственными органами, въ силу которыхъ центральныя вѣдомства регламентируютъ отдѣльныя стороны жизни путемъ изданія законоположеній, мѣстные органы ихъ примѣняютъ, а населеніе представляетъ собою объектъ регламентаціи. Роль министерства земледѣлія, предназначеннаго для оказанія содѣйствія усовершенствованію земледѣльческаго промысла, по самому кругу своихъ задачъ, является подчиненною. Для проявленія содѣйствія нужно прежде всего, чтобы на лицъ имѣлось дѣйствіе. Съ другой стороны, между дѣйствующими и содѣйствующими должна быть установлена возможно тѣсная связь и гармонія, безъ чего дѣйствіе и содѣйствіе не могутъ слиться въ одно искомое цѣлое. Въ объяснительной запискѣ къ проекту устройства мѣстныхъ органовъ министерства земледѣлія по этому поводу, между прочимъ справедливо говорится, что «первенствующее значеніе въ дѣлѣ улучшенія сельскаго хозяйства должно принадлежать мѣстному почину, по отношенію къ которому правительству принадлежитъ роль могущественнаго покровителя и объединителя разрозненныхъ дѣйствій отдѣльныхъ учрежденій и лицъ». Исходя изъ этого положенія, министерство всегда «стремилось, съ одной стороны, вызвать широкое проявленіе самодѣятельности сельскихъ хозяевъ, оказывая всякаго рода содѣйствіе дѣятельности имѣющихся у насъ, для ихъ взаимопомощи, учрежденій, съ другой — принимало мѣры къ распространенному, при участіи мѣстныхъ силъ, выясненію нуждъ сельскаго хозяйства». Въ цѣляхъ наиболѣе успѣшнаго выполненія такихъ задачъ создаются и мѣстные органы министерства земле ѣлія

Надо сказать, что еще при самомъ учрежденіи министерства земледѣлія въ составъ его введенъ органъ, долженствующій «содѣйствовать установленію тѣсной и живой связи между министерствомъ и практическими дѣятелями въ области сельскаго хозяйства и выясненію сельско-хозяйственныхъ нуждъ путемъ обмѣна мнѣній между представителями администраціи и сельско-хозяйственной промышленности». Такимъ органомъ явился сельскохозяйственный совѣтъ. Напомнимъ, что даже и въ сферѣ дѣятельности другихъ вѣдомствъ «обмѣнъ мнѣній» между представителями администраціи и практики получаетъ все болѣе и болѣе широкое примѣненіе. Чисто-бюрократическое, канцелярское, рѣшеніе различныхъ законодательныхъ вопросовъ отходитъ въ область преданій. Въ настоящее время почти всѣ важнѣйшіе вопросы поступаютъ на предварительное обсужденіе коммиссій съ широкимъ участіемъ въ немъ и представителей практики. Затѣмъ при многихъ вѣдомствахъ формируются и постоянные совѣщательные органы однороднаго характера.

Вопросъ объ учрежденіи при вѣдомствѣ, предназначавшемся отчасти и для попеченія о нуждахъ сельскаго хозяйства (министерствѣ государственныхъ имуществъ), не сходилъ у насъ съ очереди начиная съ 60-хъ годовъ. Такъ, въ 1861 г. предположено было, на-ряду съ мѣстными земледѣльческими совѣтами въ губерніяхъ, учредить «главный земледѣльческій совѣтъ» при министерствѣ государственныхъ имуществъ. Такая организація имѣла цѣлію «сближеніе существующихъ въ имперіи сельско-хозяйственныхъ обществъ съ министерствомъ государственныхъ имуществъ и приданіе мѣропріятіямъ послѣдняго болѣе практическаго и сообразнаго съ нуждами сельскаго хозяйства направленія». Затѣмъ гр. Валуевъ предполагалъ осуществить ту же мысль путемъ усиленія состава совѣта министра приглашеніемъ «почетныхъ членовъ» изъ среды представителей сельско-хозяйственной практики. Выработанный на этихъ началахъ проектъ былъ внесенъ въ государственный совѣтъ, который, однако, высказался за предпочтительность учрежденія самостоятельнаго сельско-хозяйственнаго совѣта. Наконецъ, 30 мая 1880 г. издано было даже положеніе объ окружныхъ и центральномъ сельско-хозяйственныхъ съѣздахъ. Согласно этому положенію, Россія была подраздѣлена на двѣнадцать районовъ, въ каждомъ изъ которыхъ долженъ былъ созываться ежегодный окружный съѣздъ сельскихъ хозяевъ. Точно также ежегодно предполагалось созывать центральные съѣзды въ Петербургѣ, подъ пресѣдательствомъ министра государственныхъ имуществъ. Въ составъ членовъ центральныхъ съѣздовъ входятъ представители высшей администраціи и окружныхъ съѣздовъ. Занятія ихъ должны были заключаться въ обсужденіи различныхъ проектовъ и ходатайствъ окружныхъ съѣздовъ, имѣющихъ общее значеніе, а также отдѣльныхъ вопросовъ по предложенію министра государственныхъ имуществъ. Но уже въ 1881 г. дѣйствіе этого положенія было пріостановлено.

Въ 1892 году вопросъ объ учрежденіи совѣщательнаго сельско-хозяй-

ственнаго органа при министерствѣ государственныхъ имуществъ вновь ставится на очередь статсъ-секретаремъ Островскимъ. По мнѣнію его, органъ этотъ не долженъ бы походить на другіе административные совѣты, существующіе при министерствахъ, а долженъ занимать выдающееся положеніе и оказывать дѣятельное содѣйствіе правительству въ изысканіи мѣропріятій на пользу сельскаго хозяйства». Наконецъ, почти одновременно за настоятельность осуществленія этой мысли высказалась и коммиссія, образованная въ 1888 г. подъ предсѣдательствомъ сенатора фонъ-Плеве «по поводу паденія цѣнъ на сельско-хозяйственныя произведенія». Отмѣчая фактъ давно уже сложившейся, въ большинствѣ государствъ Западной Европы, организаціи «представительства сельскихъ хозяевъ» при различныхъ центральныхъ органахъ, коммиссія приходитъ къ выводу, что «настоящее значеніе сельскохозяйственныхъ вопросовъ въ Россіи побуждаетъ, казалось бы, слѣдовать указаннымъ примѣрамъ западныхъ государствъ; центральный органъ представительства интересовъ сельскихъ хозяевъ можетъ быть образованъ при министерствѣ государственныхъ имуществъ, составиться изъ наиболѣе опытныхъ сельскихъ хозяевъ, приглашаемыхъ министромъ, и стать учрежденіемъ, призваннымъ къ разсмотрѣнію всѣхъ предположеній министерства государственныхъ имуществъ по вопросамъ сельскаго хозяйства и уполномоченнымъ на возбужденіе вопросовъ о неотложныхъ мѣропріятіяхъ въ области сельско-хозяйственныхъ улучшеній. Учрежденіе такого центральнаго органа представительства земледѣльческихъ интересовъ могло бы содѣйствовать оживленію дѣятельности по сельскому хозяйству мѣстныхъ учрежденій и дало бы возможность правительству своевременно удовлетворять разнообразныя нужды нашего общирнаго сельскаго хозяйства». Затѣмъ по первоначальной мысли коммиссіи, учрежденіе центральнаго сельско-хозяйственнаго органа совѣщательнаго характера при министерствѣ государственныхъ имуществъ могло бы послужить переходной стадіей къ учрежденію особаго министерства земледѣлія. Но окончаніе трудовъ коммиссіи совпало съ посѣтившимъ Россію въ 1891 г. неурожаемъ, который, такъ сказать, подчеркнулъ неотложность усилить государственныя заботы объ удовлетвореніи нуждъ земледѣльческаго промысла. Въ виду такого обстоятельства въ своемъ окончательномъ заключеніи коммиссія высказалась уже за желательность немедленно создать у насъ особое центральное вѣдомство для попеченія о сельскомъ хозяйствѣ. «Экономическое положеніе земледѣльческаго промысла,—говорится по этому поводу въ докладѣ коммиссіи,—въ значительной степени потрясенное пережитымъ неурожайнымъ годомъ и предшествовавшими затрудненіями при сбытѣ сельско-хозяйственныхъ произведеній, нуждается въ особенно напряженной дѣятельности государства къ возстановленію производительныхъ силъ страны». Въ 1894 г. такое положеніе объ учрежденіи министерства земледѣлія было дѣйствительно осуществлено.

При учрежденіи министерства земледѣлія въ свою очередь придавалось весьма важное значеніе установленію возможно болѣе тѣсной связи между

этимъ вѣдомствомъ и представителями сельско-хозяйственной практики, въ видахъ приданія правительственнымъ мѣропріятіямъ характера, болѣе отвѣчающаго нуждамъ практическаго сельскаго хозяйства, а равно для болѣе полнаго и всесторонняго ознакомленія съ послѣдними. Какъ на средство осуществленія такого сближенія проектъ указывалъ на желательность учрежденія при министерствѣ земледѣлія особаго совѣщательнаго характера въ видѣ «сельско-хозяйственнаго совѣта». Какъ и комиссія фонъ-Плеве, такъ и составители проекта ссылались въ данномъ случаѣ на государства Западной Европы, въ большинствѣ которыхъ подобныя учрежденія либо давно существуютъ, либо постепенно возникаютъ въ той или иной формѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ выражалась надежда, что «призваніе къ участію въ обсужденіи упомянутыхъ мѣропріятій представителей сельскаго хозяйства принесетъ и у насъ ожидаемую пользу». Съ другой стороны, говорится далѣе, «такъ какъ въ составъ сельско-хозяйственнаго совѣта, безъ сомнѣнія, войдутъ, въ качествѣ опытныхъ и свѣдущихъ хозяевъ, представители сельско-хозяйственныхъ обществъ и земскихъ учрежденій, то возникновеніе его послужитъ, между прочимъ, средствомъ къ объединенію и оживленію дѣятельности первыхъ и къ усиленію интереса къ сельско-хозяйственнымъ вопросамъ вторыхъ, активное участіе коихъ въ дѣлахъ мѣстнаго сельскаго хозяйства обѣщаетъ принести весьма плодотворные результаты» *).

Согласно Положенію о министерствѣ земледѣлія, сельско-хозяйственный совѣтъ получилъ слѣдующую организацію. Въ составъ его входятъ представители отъ различныхъ вѣдомствъ, и 15 представителей отъ сельскаго хозяйства, «приглашаемыхъ» министромъ земледѣлія. Назначеніемъ совѣта является обсужденіе мѣръ, имѣющихъ цѣлію развитіе и усовершенствованіе земледѣльческаго промысла. Созываются совѣты ежегодно, по распоряженію министра, на одну сессію продолжительностью не свыше шести недѣль. Въ исключительныхъ случаяхъ они могутъ быть созваны и на вторую сессію въ томъ же году. Кромѣ вопросовъ, подвергаемыхъ на обсужденіе совѣта министерствомъ, имъ обсуждаются «заявленія и ходатайства сельско-хозяйственныхъ обществъ и съѣздовъ, земскихъ и иныхъ учрежденій, а также частныхъ лицъ, касающіяся общихъ правительственныхъ мѣръ въ отношеніи сельскаго хозяйства» (ст. 33). Но вообще «дѣла и вопросы вносятся на обсужденіе совѣта не иначе, какъ по распредѣленію министра». Журналы, заключающіе въ себѣ мнѣнія и постановленія совѣта, прилагаются къ соотвѣтствующимъ законопроектамъ, вносимымъ министерствомъ земледѣлія въ государственный совѣтъ и комитетъ министровъ. О дѣятельности совѣта составляется ежегодно отчетъ, публикуемый во всеобщее свѣдѣніе.

II.

Такимъ образомъ, задача мѣстныхъ органовъ министерства земледѣлія заключается въ укрѣпленіи и расширеніи связи этого вѣдомства съ мѣстною

*) Отчетъ о дѣятельности сельско-хозяйственнаго совѣта въ первую его сессію. Изд. министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Спб., 1895 г.

сельско-хозяйственною жизнью,—связи уже отчасти осуществленной наверху въ видѣ учрежденія особаго сельско-хозяйственнаго совѣта. На важное значеніе такихъ органовъ гогударственный совѣтъ указалъ еще при самомъ обсужденіи вопроса о преобразованіи министерства государственныхъ имуществъ, высказавъ мнѣніе, что «преобразованіемъ центральнаго управленія соотвѣтственно возрастающимъ нуждамъ отечественнаго земледѣлія не можетъ быть ограничена задача, предстоящая правительству по переустройству установленій, вѣдающихъ сельско-хозяйственную часть. Для успѣха предпринятаго дѣла нужны, кромѣ центральныхъ, еще и мѣстныя установленія». Въ мотивахъ къ такому мнѣнію, между прочимъ, говорится, что «обширностію нашего отечества обусловливается крайнее разнообразіе сельско-хозяйственныхъ районовъ, отличающихся какъ климатическими, такъ и почвенными условіями. Къ изученію этихъ особенностей едва ли еще только приступлено. Между тѣмъ, лишь всестороннее съ ними ознакомленіе дастъ возможность изыскать дѣйствительные способы къ устраненію явленій, препятствующихъ развитію и преуспѣянію въ Россіи сельскаго хозяйства вообще и отдѣльныхъ его отраслей въ частности. Въ свою очередь, долженствующій служить для указанныхъ мѣръ достаточно обильный и достовѣрный матеріалъ можетъ быть доставляемъ только съ мѣста».

Дѣйствительно, мы видѣли, что министерство земледѣлія почти вслѣдъ за своимъ возникновеніемъ занялось разработкой проектовъ осуществленія высказаннаго государственнымъ совѣтомъ пожеланія. Такихъ проектовъ имѣется теперь два. Одинъ изъ нихъ былъ подвергнутъ подробному обсужденію въ особыхъ губернскихъ совѣщаніяхъ, а другой не менѣе подробно обсуждался въ 1896 г. сельско-хозяйственнымъ совѣтомъ. По первому проекту органами министерства на мѣстахъ должны были явиться особые губернскіе и уѣздные сельско-хозяйственные комитеты, въ составъ которыхъ входятъ представители высшей мѣстной администраціи, земствъ, дворянства, сельско-хозяйственныхъ обществъ и, наконецъ, назначаемый министерствомъ губернскій инспекторъ сельскаго хозяйства, являющійся въ то же время и дѣлопроизводителемъ комитета. Но огромное большинство губернскихъ совѣщаній отнеслось къ этому проекту вполнѣ отрицательно. Второй проектъ возлагаетъ роль органовъ министерства на особыхъ чиновниковъ, получающихъ званіе его «уполномоченныхъ». Съ другой стороны, земствами учреждаются особыя коллегіи для попеченія о нуждахъ сельскаго хозяйства. Въ составъ этихъ коллегій входитъ и уполномоченный министерства. Затѣмъ въ неземскихъ губерніяхъ учреждаются, взамѣнъ этихъ коллегій, сельско-хозяйственные совѣты, состоящіе преимущественно изъ сельскихъ хозяевъ. Въ составъ послѣднихъ также входитъ уполномоченный министерства. Независимо отъ этого, уполномоченный долженъ пользоваться и всякими другими способами для изученія мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ нуждъ въ видахъ выясненія ихъ передъ министерствомъ. Такимъ путемъ уполномоченный и долженъ былъ выполнять роль звена, связывающаго министерство земледѣлія съ мѣстною сельско-хозяйственною жизнію. Боль-

шинство сельскихъ хозяевъ въ совѣтѣ высказалось, однако, отрицательно и къ этому проекту. Вмѣстѣ съ тѣмъ ими выражено было пожеланіе, чтобы функціи мѣстныхъ органовъ министерства земледѣлія были переданы особымъ учреждаемымъ на мѣстахъ коллегіямъ, а не присвоивались единолично назначаемымъ имъ для этого своимъ чиновникамъ.

Такимъ образомъ, въ одномъ случаѣ сельскіе хозяева какъ бы высказались противъ учрежденія коллегій въ качествѣ мѣстныхъ органовъ министерства земледѣлія, а въ другомъ—за коллегіи. Чтобы разъяснить и примирить это кажущееся противорѣчіе, необходимо обратиться къ подробностямъ самыхъ проектовъ и сдѣланныхъ противъ нихъ возраженій.

По отношенію къ первому проекту губернскія совѣщанія отмѣтили прежде всего черезчуръ бюрократическій характеръ состава предполагавшихся къ учрежденію сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. Во главѣ ихъ предполагалось поставить губернаторовъ. Затѣмъ въ качествѣ членовъ должны были войти: вице-губернаторъ, управляющій казенною палатой, непремѣнный членъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, управляющій отдѣленіемъ дворянскаго и крестьянскаго банка и т. д. Представителями же сельскаго хозяйства въ нихъ являлись бы: предсѣдатель или членъ земской управы, четыре сельскіе хозяева (два по избранію земства и два—дворянства) и губернскій инспекторъ сельскаго хозяйства. Такимъ образомъ, изъ 22 членовъ комитетовъ 12-ть оказывались не имѣющими никакого отношенія къ сельскому хозяйству, лично не заинтересованными въ его успѣхахъ, не обладающими никакой спеціальной подготовкой для роли руководителей въ дѣлѣ удовлетворенія сельско-хозяйственныхъ нуждъ, затѣмъ людьми въ большинствѣ случаевъ пришлыми, незнакомыми съ мѣстными условіями и, наконецъ, занятыми выполненіемъ своихъ прямыхъ, нерѣдко весьма сложныхъ служебныхъ обязанностей. О передачѣ какихъ-либо полномочій комитетами въ проектѣ ничего опредѣленнаго не говорилось. Главнѣйшею же ихъ обязанностію являлось «участіе въ направленіи» дѣятельности земствъ и сельско-хозяйственныхъ обществъ, поскольку она касается удовлетворенія нуждъ земледѣлія. Съ такою цѣлію предполагалось возложить на комитеты обсужденіе всѣхъ постановленій земскихъ собраній по этимъ предметамъ, подлежащихъ утвержденію или разсмотрѣнію губернатора, обсужденіе тѣхъ частей земскихъ смѣтъ, которыя касаются ассигнованій средствъ на сельско-хозяйственныя нужды и т. д. На тѣ же комитеты возлагалось «наблюденіе за цѣлесообразнымъ направленіемъ дѣятельности мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ».

Въ возложеніи на комитеты подобныхъ обязанностей большинство губернскихъ совѣщаній увидѣли покушеніе на дальнѣйшее суженіе самостоятельности земствъ въ одной изъ важнѣйшихъ отраслей ихъ дѣятельности. По мнѣнію нѣкоторыхъ совѣщаній, устанавливаемое проектомъ подчиненное положеніе земствъ по отношенію къ сельско-хозяйственнымъ комитетамъ «вполнѣ извращаетъ смыслъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ». Дѣйствующій теперь надзоръ касается лишь законности или незаконности постановленій зем-

скихъ собраній, но не входитъ въ оцѣнку существа предпринимаемыхъ земствами мѣръ. Между тѣмъ, возлагавшаяся на комитеты обязанность руководить дѣятельностію земствъ въ данной области предполагала право контроля на основаніи такой оцѣнки. Къ установленію подобнаго «руководства» надъ дѣятельностію земствъ и сельско-хозяйственныхъ обществъ, притомъ органами весьма мало компетентными по своему составу въ сельско-хозяйственныхъ вопросахъ, и свелись бы, по мнѣнію совѣщаній, функціи сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. Не располагая собственными матеріальными средствами, они не могли бы проявлять какого-либо активнаго участія въ удовлетвореніи мѣстныхъ земледѣльческихъ нуждъ. Затѣмъ, въ виду ихъ состава, подобные комитеты не принесли бы никакой пользы и въ качествѣ органовъ, освѣдомляющихъ центральное вѣдомство какъ о нуждахъ сельскихъ хозяйствъ, такъ и о наиболѣе цѣлесообразныхъ способахъ ихъ удовлетворенія.

Очевидно, что проектъ объ учрежденіи сельско-хозяйственныхъ комитетовъ встрѣтилъ на губернскихъ совѣщаніяхъ отрицательное къ себѣ отношеніе именно въ виду предполагавшагося его состава и намѣченнаго круга дѣятельности. Изъ 43 совѣщаній 28 высказались прямо за желательность учрежденія подобныхъ органовъ, но на другихъ началахъ. Изъ остальныхъ 15 большинство возражали противъ ихъ учрежденія, также въ виду лишь тѣхъ особенностей въ постановкѣ ихъ дѣятельности, на которыя указано выше.

Надо сказать, что и этотъ проектъ предусматривалъ необходимость узаконить право земства учреждать «особые по сельско-хозяйственной части исполнительные органы», юридическое положеніе которыхъ въ настоящее время довольно неопредѣленно. Тѣмъ же проектомъ инспектору сельскаго хозяйства предоставлялось право участвовать въ земскихъ собраніяхъ. Такимъ образомъ второй проектъ о сельскихъ органахъ министерства земледѣлія явился лишь видоизмѣненіемъ перваго, причемъ изъ него было выброшено все, касающееся учрежденія комитетовъ, а правительственные инспекторы сельскаго хозяйства переименованы въ уполномоченныхъ министерства. Главная разница между ними заключается въ томъ, что второй проектъ предлагалъ сдѣлать учрежденіе особыхъ органовъ по сельско-хозяйственной части обязательнымъ для земства, причемъ, какъ мы говорили уже, въ составъ ихъ долженъ былъ войти и уполномоченный министерства въ качествѣ «связующаго звена».

Отмѣчая недостатки второго проекта, представители сельскаго хозяйства въ совѣтѣ находили, что сущность его сводится къ появленію на мѣстахъ новыхъ чиновниковъ, которые и получатъ громкое наименованіе «мѣстныхъ органовъ министерства». Все прочее остается по-старому, если не считать установленія обязательнаго для земствъ учрежденія особыхъ органовъ по сельско-хозяйственной части. Но создаваемые принудительно, безъ ощущаемой въ нихъ земствами надобности, они будутъ существовать лишь на бумагѣ. Уполномоченный министерства своимъ присутствіемъ едва ли будетъ въ состояніи вдохнуть въ нихъ жизнь. Затѣмъ, учрежденіе должности уполномоченныхъ министерства на мѣстахъ, о полномочіяхъ кото-

рыхъ въ проектѣ, однако, ничего не говорится, не избавитъ земства и сельско-хозяйственныя общества отъ необходимости по-прежнему лично поддерживать передъ центральными вѣдомствами свои ходатайства. Въ этомъ отношеніи уполномоченные явятся лишь совершенно ненужной, а иногда и вредной, передаточной инстанціей.

Большинство сельскихъ хозяевъ въ совѣтѣ съ своей стороны находило, что назначеніе мѣстныхъ органовъ министерства земледѣлія должно заключаться въ объединеніи дѣятельности всѣхъ сельско-хозяйственныхъ учрежденій, дѣйствующихъ на мѣстахъ, — земствъ, сельско-хозяйственныхъ обществъ, товариществъ сельскихъ хозяевъ, сельско-хозяйственныхъ съѣздовъ и т. д. Такую роль и могли бы выполнить только особыя коллегіи, состоящія изъ представителей всѣхъ этихъ учрежденій. Существованіе подобныхъ коллегій нисколько не нарушало бы отдѣльныхъ правъ всѣхъ этихъ учрежденій на самостоятельную дѣятельность. Между тѣмъ на земскихъ собраніяхъ часто остаются не представленными или недостаточно представленными цѣлыя отрасли сельскаго хозяйства. Въ общемъ это большинство сельскихъ хозяевъ на частномъ совѣщаніи, устроенномъ ими для обсужденія проекта министерства объ учрежденіи мѣстныхъ его органовъ, пришло къ заключенію, формулированному имъ слѣдующимъ образомъ: «Послѣ продолжительнаго и очень подробнаго его (проекта) обсужденія, совѣщаніе совершенно убѣжденно примкнуло къ взглядамъ департамента земледѣлія на необходимость этихъ органовъ и необходимость союза министерства съ мѣстными силами и средствами, какъ единственно возможный путь для осуществленія его задачъ. При этомъ совѣщаніе полагаетъ, что для установленія прямой и постоянной связи центральнаго сельско-хозяйственнаго управленія съ мѣстною сельско-хозяйственною жизнью, необходимой въ цѣляхъ правильной постановки правительственнаго участія въ дѣлѣ обезпеченія успѣховъ сельскаго хозяйства, во всякой губерніи должна существовать коллегія изъ мѣстныхъ людей. Естественнымъ составомъ для этой коллегіи явятся представители земства въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ оно учреждено, а тамъ, гдѣ его пока нѣтъ, — представители мѣстныхъ силъ и нуждъ изъ мѣстныхъ жителей. Предполагаемое въ проектѣ лицо казеннаго вѣдомства должно входить въ эту коллегію непремѣннымъ членомъ, конечно, сохраняя въ то же время пригодность свою къ исполненію отдѣльныхъ распоряженій, предписаній или командировокъ министерства земледѣлія». Поддерживая эту резолюцію въ совѣтѣ, сельскіе хозяева находили, что только съ учрежденіемъ такихъ коллегій въ качествѣ мѣстныхъ органовъ министерства земледѣлія будетъ установлена желаемая тѣсная непосредственная связь между центральнымъ управленіемъ, вѣдающимъ нужды сельскаго хозяйства, и представителями сельско-хозяйственной практики, а также будетъ достигнуто объединеніе дѣятельности всѣхъ мѣстныхъ учрежденій, «въ задачи которыхъ входитъ удовлетвореніе нуждъ земледѣльческой промышленности» *).

*) Протоколы засѣданій сельско-хозяйственнаго совѣта второй сессіи.

III.

Замѣчанія, сдѣланныя въ сельско-хозяйственномъ совѣтѣ, послужили, повидимому, причиной ко внесенію въ проектъ нѣкоторыхъ измѣненій, такъ что въ послѣдней своей редакціи онъ представляетъ уже собою компромиссъ между первоначальными его положеніями и тѣми пожеланіями, которыя были высказаны сельскими хозяевами. Результатомъ компромисса явилась, однако, своего рода двойственность основныхъ началъ, на которыхъ предполагается построить связь министерства земледѣлія съ мѣстною сельскохозяйственною жизнью.

Проектъ положенія о мѣстной сельско-хозяйственной организаціи возлагаетъ проявленіе заботъ на мѣстахъ объ удовлетвореніи нуждъ сельскаго хозяйства на земства, сельско-хозяйственныя общества и съѣзды. Затѣмъ для постоянной связи министерства земледѣлія съ этими учрежденіями въ каждой губерніи учреждается должность уполномоченнаго министерства по сельско-хозяйственной части. На обязанности уполномоченныхъ, между прочимъ, лежитъ освѣдомленіе министерства обо всемъ, касающемся сельскаго хозяйства, участіе въ осуществленіи различныхъ начинаній на совмѣстныя средства министерства и мѣстныхъ учрежденій, надзоръ надъ дѣятельностью различныхъ сельско-хозяйственныхъ заведеній, въ содержаніи которыхъ принимаетъ участіе министерство, какъ-то: учебныхъ заведеній, опытныхъ полей и т. д. Но затѣмъ и обязанности земствъ передъ министерствомъ земледѣлія заключаются: а) въ выясненіи мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ и экономическихъ нуждъ и мѣръ къ ихъ удовлетворенію; б) доставленіе заключеній по всякаго рода вопросамъ, вносимымъ министерствомъ на ихъ обсужденіе; в) обсужденіе, совмѣстно съ представителями министерства, сельско-хозяйственныхъ начинаній, осуществляемыхъ въ губерніи на общія средства правительства и земствъ; г) наблюденіе за исполненіемъ отдѣльныхъ сельско-хозяйственныхъ мѣръ и за направленіемъ дѣятельности различныхъ сельско-хозяйственныхъ заведеній,— съ точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ; д) завѣдываніе ими, по соглашенію съ министерствомъ. Затѣмъ, для выполненія обязанностей по воспособленію сельскому хозяйству, земствамъ предоставляется учреждать особыя коллегіи, въ составъ которыхъ входитъ и уполномоченный министерства. При отсутствіи такихъ коллегій, онъ участвуетъ съ совѣщательнымъ голосомъ при обсужденіи управой мѣръ сельско-хозяйственнаго характера. Точно также, по приглашенію предсѣдателей земскихъ собраній, уполномоченный можетъ участвовать на этихъ собраніяхъ съ совѣщательнымъ голосомъ, при обсужденіи ими вопросовъ, касающихся удовлетворенія нуждъ сельскаго хозяйства. Наконецъ, земскимъ учрежденіямъ предоставляется право непосредственно сноситься съ министерствомъ земледѣлія и со всѣми его органами.

Въ губерніяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія, попеченіе о нуждахъ сельскаго хозяйства возлагается на особые губернскіе и уѣздные

сельско-хозяйственные совѣты. Въ составъ первыхъ входятъ: мѣстные землевладѣльцы, по приглашенію губернскаго предводителя дворянства, двое волостныхъ старшинъ по назначенію губернатора, представители сельскохозяйственныхъ обществъ и постоянныхъ съѣздовъ. Губернскіе совѣты состоятъ изъ губернскаго предводителя дворянства (предсѣдателя) и изъ представителей уѣздныхъ совѣтовъ, по одному отъ каждаго, мѣстнаго отдѣленія крестьянскаго банка, государственнаго коннозаводства, сельскохозяйственныхъ обществъ и съѣздовъ. Уполномоченный министерства является непремѣннымъ членомъ губернскаго совѣта и входитъ, на правахъ члена, въ составъ уѣздныхъ. Кромѣ выполненія тѣхъ же обязанностей по отношенію къ министерству, которыя возлагаются на земства, сельско-хозяйственные совѣты представляютъ губернскимъ распорядительнымъ комитетамъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя могутъ быть выполнены на счетъ мѣстныхъ земскихъ сборовъ въ интересахъ сельскаго хозяйства.

Такимъ образомъ, если одной изъ цѣлей учрежденія мѣстныхъ органовъ министерства земледѣлія является установленіе связи между этимъ центральнымъ вѣдомствомъ и земствами, то исправленный проектъ устанавливаетъ двойную такую связь. Съ одной стороны представителемъ ея является уполномоченный министерства, а съ другой—земства. Министерство при своихъ сношеніяхъ съ земствами можетъ обходиться и безъ его посредничества. Тоже относится и къ земствамъ. Отсюда же и нѣкоторая однородность функцій какъ уполномоченныхъ, такъ и земствъ по отношенію къ министерству. Уполномоченные «освѣдомляютъ» министерство о нуждахъ сельскаго хозяйства, земства «выясняютъ» ихъ; уполномоченные «надзираютъ» надъ сельско-хозяйственными заведеніями, земства «наблюдаютъ» за ними и т. д. Но и при такой параллельности функцій земствъ и уполномоченныхъ, мѣстными органами министерства нужно признать все-таки послѣднихъ. Земства уже по самому своему положенію не могутъ быть «органами» какого-либо отдѣльнаго вѣдомства. Дѣйствительно, мы видѣли, что большинство пунктовъ, касающихся отношеній земствъ къ министерству, представляютъ скорѣе расширеніе или подтвержденіе ихъ правъ, чѣмъ «возложеніе» какихъ-либо точныхъ обязанностей. Обязанности вродѣ выясненія мѣстныхъ нуждъ, доставленіе заключеній, обсужденіе разныхъ мѣръ, наблюденіе за ихъ выполненіемъ—относятся къ числу такихъ, объемъ которыхъ можетъ быть сведенъ къ нулю. Нѣкоторое какъ бы исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ послѣдній пунктъ, гдѣ говорится о возложеніи на земства завѣдыванія различными сельско-хозяйственными учрежденіями. Очевидно, однако, что въ этомъ случаѣ министерство можетъ только *довѣрить* земству завѣдываніе извѣстными своими учрежденіями, а не поручить ему таковое. Справедливость такого заключенія явствуетъ и изъ сдѣланной въ данномъ пунктѣ прибавки «по соглашенію». Уже самое сопоставленіе выраженія «возлагается» съ присоединеніемъ къ нему выраженія «по соглашенію» представляетъ собою нѣкоторую ересь съ точки зрѣнія административной терминологіи, такъ какъ по отношенію къ

учрежденіямъ, на которыя извѣстное вѣдомство можетъ «возлагать», въ какомъ-либо «соглашеніи» для этого съ ними не имѣется уже надобности. Разница здѣсь очень значительная, такъ какъ, довѣряя земству завѣдываніе тѣмъ или другимъ своимъ учрежденіемъ (школой, опытной станціей), министерство должно уже отказаться отъ своихъ правъ высшей инстанціи въ дѣлѣ такого завѣдыванія. Оно не можетъ отмѣнять распоряженій земства въ данной области, предписывать ему что-либо и т. д., какъ это оно могло бы дѣлать по отношенію къ своему мѣстному органу. Приведенный примѣръ наглядно свидѣтельствуетъ о непригодности земствъ для роли мѣстныхъ органовъ министерства земледѣлія.

IV.

Подобное рѣшеніе вопроса о мѣстныхъ органахъ министерства земледѣлія, предложенное послѣднимъ проектомъ, можно было бы признать удовлетворительно выполняющимъ требуемую задачу, еслибъ единственною цѣлью этихъ органовъ являлось бы освѣдомленіе центральнаго управленія о нуждахъ земледѣлія и объ успѣхахъ разныхъ предпринимаемыхъ имъ на мѣстахъ мѣропріятій. Возможность пользоваться въ данномъ отношеніи услугами какъ земствъ, такъ и своихъ собственныхъ агентовъ, лишь гарантировали бы бо́льшую полноту и разносторонность получаемыхъ свѣдѣній. Учрежденіе для этого спеціальнаго «органа», съ предоставленіемъ ему монопольныхъ правъ по освѣдомленію министерства касательно мѣстныхъ нуждъ, представлялось бы, пожалуй, даже нежелательнымъ. Но у мѣстныхъ органовъ есть еще и другая весьма важная задача, въ видѣ объединенія дѣятельности мѣстныхъ силъ и учрежденій по оказанію ими воспособленія сельскому хозяйству. Въ одномъ изъ проектовъ министерства по этому поводу, между прочимъ, говорится, что задача его заключается въ томъ, чтобы «собирать во-едино работу всѣхъ этихъ учрежденій и лицъ, не нарушая ничьихъ правъ и ничьей законной свободы и самостоятельности, направлять ее къ достиженію общихъ цѣлей, заботиться о томъ, чтобъ она равномѣрно распространялась на всѣ мѣстности страны и приводить въ должную связь съ нею какъ свои собственныя мѣропріятія, такъ и дѣятельность своихъ учрежденій». Но, говорится далѣе: «выполненіе этой задачи представляется для него недостаточнымъ до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ располагать и на мѣстѣ *соотвѣтственными* органами».

Не трудно, однако, видѣть, что особые чиновники явятся весьма мало «соотвѣтственными» мѣстными органами министерства съ точки зрѣнія успѣшнаго выполненія тѣхъ задачъ, которыя оно себѣ ставитъ. Вмѣсто предоставленія возможности непосредственнаго общенія для представителей различныхъ учрежденій, призванныхъ заботиться объ удовлетвореніи нуждъ сельскаго хозяйства, проектъ предлагаетъ имъ посредничество своихъ чиновниковъ, которыя и будутъ «собирать во-едино работу» ихъ и «направлять ее къ достиженію общихъ цѣлей». Само собою разумѣется, что по-

добную задачу съ гораздо большимъ успѣхомъ могли бы выполнить предлагавшіеся сельскими хозяевами въ совѣтѣ коллегіальные органы, въ составъ которыхъ вошли бы представители всѣхъ учрежденій, дѣятельность которыхъ подлежитъ объединенію. Можно сказать даже, что учрежденіе такого связующаго органа представляется единственнымъ способомъ достигнуть желаемаго объединенія. Существующая земская организація, какъ о томъ заявляли и сельскія хозяева въ совѣтѣ, не вполнѣ приспособлена къ проявленію заботъ объ удовлетвореніи нуждъ сельскаго хозяйства въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ. Поэтому, какъ только дѣятельность земствъ въ данной области принимаетъ такіе размѣры, обыкновенно они прибѣгаютъ къ учрежденію, на-ряду съ управами, особыхъ органовъ, въ которыхъ и сосредоточивается завѣдываніе мѣропріятіями сельско-хозяйственнаго характера. Скажутъ, что подобныя коллегіи и могутъ явиться искомыми органами, такъ какъ въ составъ ихъ земствамъ предоставлено право приглашать и постороннихъ лицъ. Но это не вполнѣ удобно. Прежде всего самое положеніе такихъ органовъ довольно неопредѣленно. Представитель министерства внутреннихъ дѣлъ въ совѣтѣ заявилъ, напримѣръ, что представляемое имъ министерство вообще противъ образованія всякихъ новыхъ исполнительныхъ земскихъ органовъ. Точно также, какъ извѣстно, и земскія управы довольно ревниво охраняютъ свои права единственныхъ исполнительныхъ органовъ земствъ, вслѣдствіе чего попытки учрежденія новыхъ самостоятельныхъ органовъ ведутъ къ междуусобицамъ. Въ результатѣ подобные органы то нараждаются, то, подъ вліяніемъ успѣшныхъ усилій управскихъ партій на земскихъ собраніяхъ, вновь исчезаютъ. Наконецъ, что самое главное, земскія коллегіи, какъ мы уже выясняли ранѣе, ни въ какомъ случаѣ не могутъ явиться мѣстными органами министерства земледѣлія въ порядкѣ необходимаго въ данномъ случаѣ ему подчиненія.

Послѣднее обстоятельство имѣетъ весьма важное значеніе въ виду желательной передачи министерствомъ земледѣлія своимъ мѣстнымъ органамъ нѣкоторой доли власти, присвоенной ему въ качествѣ высшаго правительственнаго учрежденія, вѣдающаго нужды сельскаго хозяйства. Сюда нужно прежде всего отнести функціи высшаго надзора, выражающіяся въ правѣ разрѣшать устройство мѣстныхъ выставокъ, съѣздовъ сельскихъ хозяевъ, образованіе товариществъ, разрѣшеніе споровъ по измѣненію лѣсоохранительнаго закона и т. д. Мы не можемъ касаться въ данномъ случаѣ вопроса, въ какомъ объемѣ подобныя права могли быть переданы министерствомъ своимъ мѣстнымъ органамъ. Но несомнѣнно, что децентрализація въ этой области значительно улучшила бы условія проявленія самодѣятельности, уничтоживъ ту волокиту, которая связана съ необходимостью имѣть каждый разъ дѣло съ центральнымъ вѣдомствомъ. Съ другой стороны въ распоряженіи министерства находятся тѣ средства, которыя отпускаются на удовлетвореніе нуждъ сельскаго хозяйства изъ государственнаго бюджета. Эти нужды въ свою очередь раз-

дѣляются на общія и мѣстныя. Если удовлетвореніе первыхъ насчетъ такихъ средствъ должно остаться въ непосредственномъ вѣдѣніи министерства, то удовлетвореніе вторыхъ съ большою пользой для дѣла могло бы быть передано мѣстнымъ его органамъ. Въ послѣднемъ случаѣ эти средства большею частью расходуются въ видѣ оказанія матеріальной поддержки начинаніямъ земствъ, сельско-хозяйственныхъ обществъ и частныхъ лицъ. Такъ, министерство выдаетъ пособія на содержаніе школъ, опытныхъ станцій, устройство выставки, улучшеніе скота и т. д. Естественно, что цѣлесообразность такихъ затратъ будетъ достигнута гораздо скорѣе, если онѣ будутъ производиться на мѣстахъ компетентными органами. Въ этомъ отношеніи министерство должно сохранить за собою, конечно, право надзора и руководства, что весьма мало осуществимо при условіи, если эти функціи будутъ переданы земскимъ органамъ, хотя бы и пополненнымъ представителемъ отъ министерства и сельскихъ хозяевъ.

Такимъ образомъ, принимая во вниманіе всѣ тѣ функціи, которыя желательно присвоить мѣстнымъ органамъ министерства земледѣлія, нужно признать, что для успѣшнаго выполненія этой роли не пригодны ни проектируемые «уполномоченные», ни земства. Если требуется объединить дѣятельность по воспособленію сельскому хозяйству всѣхъ мѣстныхъ учрежденій и отдѣльныхъ лицъ, то слѣдуетъ создать и органъ непосредственно объединяющій ихъ. Такими органами и могутъ явиться намѣченные сельскими хозяевами, при обсужденіи этого вопроса въ совѣтѣ, коллегіи, состоящія изъ представителей земствъ, сельскаго хозяйства и уполномоченнаго министерства. Только этимъ органамъ министерство могло бы также передовѣрить нѣкоторую долю своихъ правъ, сохраняя за собою, однако, всѣ права высшей инстанціи. Точно также и земскія собранія могли бы довѣрить имъ какъ разработку различныхъ вопросовъ, касающихся воспособленія сельскому хозяйству, такъ и самое выполненіе подобныхъ начинаній. Мы видимъ, что земства и теперь уже пользуются въ этомъ отношеніи услугами сельско-хозяйственныхъ обществъ, въ качествѣ учрежденій, болѣе къ тому приспособленныхъ, чѣмъ собственные земскіе исполнительные органы. Въ другихъ случаяхъ довѣріе земствъ къ сельско-хозяйственнымъ коллегіямъ могло бы выражаться въ простомъ ассигнованіи въ распоряженіе его извѣстныхъ средствъ на выполненіе тѣхъ или другихъ начинаній. «Уполномоченный» же министерства можетъ пользоваться подобнымъ довѣріемъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Въ результатѣ образованныя на мѣстахъ, самостоятельно отъ земствъ, сельско-хозяйственныя коллегіи способны были бы, дѣйствительно, внести требуемое объединеніе въ дѣятельность министерства земледѣлія и мѣстныхъ силъ на пользу сельскаго хозяйства. Между тѣмъ выработанный проектъ суживаетъ значеніе мѣстныхъ органовъ министерства, приспособляя ихъ исключительно къ возможности для этого центральнаго вѣдомства получать съ мѣста разныя необходимыя ему свѣдѣнія.

Надо сказать, что на почвѣ образованія особыхъ коллегій разрѣшенъ

вопросъ о мѣстныхъ органахъ центральныхъ управленій, вѣдающихъ нужды сельскаго хозяйства, и въ большинствѣ государствъ Западной Европы. Такъ, въ Германіи до послѣдняго времени эту роль выполняли центральныя сельско-хозяйственныя общества, возникшія путемъ объединенія мелкихъ обществъ. Министерство земледѣлія лишь воспользовалось существованіемъ такихъ учрежденій, чтобы приспособить ихъ къ выполненію функцій своихъ мѣстныхъ органовъ. Съ этою цѣлью министерство позаботилось о приданіи имъ болѣе однородной организаціи и о пріуроченіи районовъ ихъ дѣятельности къ административнымъ подраздѣленіямъ страны. Центральныя общества должны были служить посредниками при распредѣленіи правительственныхъ пособій мелкимъ сельско-хозяйственнымъ обществамъ и находиться въ связи съ дѣятельностью земской организаціи. Въ настоящее время сельскимъ хозяевамъ каждой провинціи предоставлено право учреждать особыя сельско-хозяйственныя палаты (Landwirthschafts Kammern), къ которымъ, по мѣрѣ ихъ возникновенія, и переходятъ функціи мѣстныхъ органовъ министерства земледѣлія. Главнымъ источникомъ ихъ средствъ являются пособія, выдаваемыя правительствомъ. Но имъ предоставлено право также и обложенія поземельной собственности даннаго района въ извѣстныхъ предѣлахъ (не свыше $^1/_2\%$ съ земельной подати). Ежегодно составляемыя палатою смѣты поступаютъ на утвержденіе министерства земледѣлія. Въ члены палатъ имѣютъ право быть избранными владѣльцы земельныхъ участковъ, достаточныхъ для веденія самостоятельнаго хозяйства, а также лица, соприкасающіяся съ сельскимъ хозяйствомъ по роду своей дѣятельности.

Въ Австріи мѣстными органами министерства земледѣлія являются провинціальные сельско-хозяйственные совѣты, объединяющіе дѣятельность товариществъ сельскихъ хозяевъ и служащіе посредниками между ними и центральнымъ управленіемъ. Во Франціи и Бельгіи существуетъ обязательная сельско-хозяйственная организація въ видѣ comices agricole. Въ Бельгіи райономъ дѣятельности этихъ комицій служитъ судебный кантонъ. Во Франціи въ каждомъ округѣ должны быть одно или нѣсколько комицій, пользующихся правительственной субсидіей. Правомъ избранія въ члены комицій пользуются всѣ сельскіе хозяева даннаго района, сдѣлавшіе взносъ въ размѣрѣ отъ 2 до 20 фр. Слѣдующую инстанцію въ Бельгіи представляютъ собою провинціальныя сельско-хозяйственныя комисіи, а во Франціи—сельско-хозяйственныя камеры департаментовъ. Эти учрежденія уже и являются ближайшими мѣстными органами центральныхъ управленій. Разница, однако, та, что въ Бельгіи комиссіи составляются изъ представителей комицій по ихъ выбору, а во Франціи камеры пополняются по назначенію префектовъ. Въ настоящее время, впрочемъ, во Франціи поставленъ на очередь вопросъ объ измѣненіи этого порядка, созданнаго закономъ 25 марта 1852 года и взамѣнъ его, вѣроятно, будетъ принятъ порядокъ, существующій въ Бельгіи.

Такимъ образомъ повсюду правительства, приходя на помощь земле-

владѣльческой промышленности, опираются непосредственно на мѣстные самостоятельные сельско-хозяйственные органы, созданные спеціально съ этою цѣлью или имѣвшіеся уже ранѣе и лишь нѣсколько приспособленные къ ней. Въ распоряженіе подобныхъ учрежденій предоставляется нѣкоторая часть матеріальныхъ средствъ, ассигнуемыхъ правительствами на удовлетвореніе нуждъ сельскаго хозяйства; они освѣдомляютъ центральныя управленія объ этихъ нуждахъ и являются ихъ мѣстными органами, объединяющими дѣятельность всѣхъ прочихъ мѣстныхъ учрежденій, въ задачи которыхъ входитъ оказаніе воспособленія сельскому хозяйству.

V.

Естественно, что съ учрежденіемъ мѣстныхъ органовъ министерства земледѣлія въ тѣсную связь съ ними должна быть поставлена и организація представительства сельскихъ хозяевъ въ самомъ центральномъ управленіи. По дѣйствующему положенію, сельско-хозяйственный совѣтъ при министерствѣ составляется изъ сельскихъ хозяевъ, приглашаемыхъ для этого г. министромъ по своему усмотрѣнію. По коль скоро на мѣстахъ будутъ имѣться особые сельско-хозяйственные органы, то такой порядокъ долженъ быть замѣненъ представительствомъ отъ этихъ органовъ. Соотвѣтственно должно быть увеличено и число членовъ въ совѣтѣ отъ сельскихъ хозяевъ, ограниченное въ настоящее время пятнадцатью. При обширности нашего отечества и разнообразіи его мѣстныхъ нуждъ интересы сельскаго хозяйства при такомъ ограниченномъ числѣ членовъ едва ли могутъ быть представлены съ достаточною полнотой. Въ Пруссіи, напримѣръ, Leandes Oekonomie collegium состоитъ изъ 27 представителей сельскаго хозяйства, изъ которыхъ 19 избираются мѣстными сельско-хозяйственными союзами и 9 назначаются правительствомъ. Во Франціи въ составъ Conseil supérieur d'Agriculture входятъ 100 членовъ, назначаемыхъ изъ среды членовъ сельско-хозяйственныхъ камеръ департаментовъ.

Съ другой стороны, въ настоящее время представители отъ сельскохозяйственной практики, привлекаемые въ составъ совѣта, участвуютъ лишь въ обсужденіи коренныхъ мѣръ, «имѣющихъ цѣлію развитіе и усовершенствованіе сельскаго хозяйства, вообще и нѣкоторыхъ его отраслей въ частности». Самое же выполненіе подобныхъ мѣръ происходитъ безъ всякаго ихъ участія. Между тѣмъ послѣднее имѣетъ не менѣе важное значеніе. Это дѣлаетъ желательнымъ учрежденіе при министерствѣ и постояннаго совѣщательнаго органа изъ представителей сельско-хозяйственной практики. Такой постоянный органъ можетъ быть выдѣленъ тѣмъ же сельско-хозяйственнымъ совѣтомъ. Точно также и во всѣхъ прежнихъ проектахъ, какъ мы видѣли, предполагалось, что министерство будетъ располагать и постояннымъ совѣщательнымъ органомъ изъ сельскихъ хозяевъ.

Наконецъ, за представительствомъ отъ сельскихъ хозяевъ слѣдовало бы обезпечить возможность большей инціативы въ дѣлѣ постановки на

очередь разныхъ вопросовъ, съ разрѣшеніемъ которыхъ тѣсно связано успѣшное удовлетвореніе нуждъ сельскаго хозяйства. Такого именно взгляда держалась комиссія сенатора фонъ-Плеве, по мнѣнію которой при министерствѣ земледѣлія долженъ быть созданъ «*центральный органъ представительства интересовъ сельскаго хозяйства*». Онъ является не только совѣщательнымъ органомъ центральнаго вѣдомства, но и «уполномоченнымъ на возбужденіе вопросовъ о неотложныхъ мѣропріятіяхъ въ области сельско-хозяйственныхъ улучшеній». Хотя и въ настоящее время члены сельско-хозяйственнаго совѣта имѣютъ право предлагать на обсужденіе его различные вопросы, но въ этомъ отношеніи права ихъ одинаковы съ правами земскихъ и иныхъ учрежденій, а также частныхъ лицъ, которымъ въ свою очередь предоставляется вносить свои заявленія и ходатайства на разсмотрѣніе совѣта (стр. 33). Вопросы же, «подлежащіе обсужденію совѣта въ каждую его сессію, опредѣляются программою, составляемою министерствомъ земледѣлія и государств. имуществъ». Слѣдовательно, разсмотрѣніе совѣтомъ вопросовъ, вносимыхъ отдѣльными его членами, вовсе не обязательно. Съ другой стороны, характеръ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію сельско-хозяйственнаго совѣта, опредѣляется самимъ кругомъ компетенціи министерства земледѣлія. Между тѣмъ въ такой кругъ его компетенціи входятъ лишь заботы объ улучшеніи техники земледѣльческой промышленности. Слѣдовательно все, что касается желѣзнодорожной политики, таможено-покровительственной, кредита и т. д.,—все это, несмотря на его часто даже болѣе важное значеніе для земледѣльческой промышленности, изъято изъ обсужденія сельско-хозяйственнаго совѣта. Но еслибъ министерство даже и допустило обсужденіе подобныхъ вопросовъ въ совѣтѣ, то расширеніе полномочій его все-таки осталось бы безо всякихъ практическихъ результатовъ. Въ этомъ случаѣ министерство не въ состояніи было бы, по кругу своей компетенціи, осуществить выраженное совѣтомъ пожеланіе, и могло бы лишь препроводить его въ подлежащее вѣдомство, отъ котораго и зависѣло бы принять или не принять его во вниманіе.

Очевидно, что кромѣ иниціативы въ дѣлѣ выбора вопросовъ для обсужденія, сельско-хозяйственному совѣту должна быть обезпечена и нѣкоторая доступная у насъ возможность вліянія на общую экономическую политику. Это вліяніе могло бы выразиться хотя бы въ доведеніи всѣхъ постановленій совѣта до свѣдѣнія высшаго правительства, отъ усмотрѣнія котораго и должна была бы зависѣть ихъ дальнѣйшая судьба. Въ этомъ отношеніи можно сослаться на права, предоставленныя германскому сельско-хозяйственному совѣту (*Deutscher Landwirthschafts-Rath*). Ему предоставляется «слѣдить за сельско-хозяйственными интересами всей Германской имперіи и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они затрогиваются имперскимъ законодательствомъ или правительственными мѣропріятіями, не только отвѣчать на предложенные ему запросы, но и по собственной иниціативѣ сообщать канцлеру свои заключенія или дѣлать представленія въ рейхстагъ». Только съ присвоеніемъ сельско-хозяйственному совѣту соотвѣтствующихъ

правъ онъ явился бы дѣйствительно «центральнымъ органомъ представительства интересовъ сельскаго хозяйства». Въ общемъ же подобнаго рода центральный органъ выполнялъ бы функціи, аналогичныя съ функціями мѣстныхъ органовъ министерства земледѣлія, т.-е. онъ освѣдомлялъ бы высшее правительство о нуждахъ сельскаго хозяйства, намѣчалъ бы мѣры къ ихъ удовлетворенію и объединялъ бы дѣятельность всѣхъ центральныхъ вѣдомствъ, поскольку она непосредственно затрогиваетъ интересы земледѣльческой промышленности. Мы и касались сельско-хозяйственной организаціи лишь съ той ея стороны, которая должна быть приспособлена для обезпеченія правительству возможности наиболѣе широко пользоваться указаніями представителей практики какъ при разрѣшеніи различныхъ государственныхъ вопросовъ, затрогивающихъ интересы земледѣлія, такъ и при оказаніи мѣстнымъ силамъ своего содѣйствія на пользу улучшенія условій земледѣльческаго промысла.

Вл. Бирюковичъ.

Университетъ и среднеобразовательная школа.

Лѣтъ двадцать-тридцать назадъ, молодой человѣкъ, прошедшій обычный курсъ университета, *тѣмъ самымъ* считался вполнѣ подготовленнымъ и къ педагогической дѣятельности въ среднеобразовательной школѣ. Съ тѣхъ поръ, однако, много воды утекло, и это мнѣніе все чаще встрѣчается съ разными «но».

Да это и понятно. За 30 лѣтъ многое измѣнилось и въ университетѣ и въ школѣ. Въ университетѣ факультеты все болѣе и болѣе замыкались въ рамки своихъ спеціальныхъ задачъ; alma mater, вслѣдствіе этого, пріобрѣтала характеръ «единаго зданія», въ которомъ для удобства администраціи было собрано нѣсколько различныхъ школъ, а не единой школы, какою была прежде. Общеніе студентовъ разныхъ факультетовъ становилось все труднѣе и труднѣе, а вмѣстѣ съ этимъ *спеціальныя* занятія становились все болѣе и болѣе полными. Приватъ-доцентура внесла въ эту спеціализацію факультетскихъ занятій свой элементъ и, вмѣсто того, чтобы, пользуясь удобствомъ необязательности своего курса, разрабатывать общіе вопросы, хотя бы одного только факультетскаго цикла наукъ, не рѣдко открывала чтенія по спеціальнымъ отдѣламъ спеціальныхъ наукъ: таковъ спросъ времени!

Въ итогѣ все чаще и чаще получаются спеціалисты, иногда до такой степени «граненые и отшлифованные», что блескомъ своего односторонняго міросозерцанія и круглымъ невѣжествомъ въ капитальныхъ вопросахъ общечеловѣческаго значенія поражаютъ людей, даже не заглядывавшихъ въ зданіе университета.

А между тѣмъ средняя школа, вопреки «вѣяніямъ» и «курсамъ», а можетъ быть и вслѣдствіе этихъ курсовъ и вѣяній, предъявляетъ къ своимъ преподавателямъ все болѣе и болѣе разносторонніе требованія, тамъ, разумѣется, гдѣ изъ нея хотятъ сдѣлать учебное заведеніе, долженствующее не только пропустить чрезъ свои классы сотню молодыхъ существъ, но еще и снабдить ихъ тѣмъ, чѣмъ должна была бы снабжать ихъ всякая школа, отнимающая въ свою пользу лучшіе годы жизни.

Она требуетъ не «спеціалиста», готоваго напичкать своихъ учениковъ

богатѣйшимъ запасомъ фактическаго матеріала, а педагога, стремящагося дать школѣ истинное знаніе, пытающагося установить связь между своимъ дѣломъ и дѣломъ своихъ товарищей и, наконецъ, ставящаго себѣ задачей развитіе мысли и способности къ сужденію, а не одной только памяти. Такимъ образомъ университетъ, по-прежнему выдающій дипломы на право преподавательской дѣятельности, совершаетъ нѣчто не соотвѣтствующее положенію вещей и этимъ положеніемъ не оправдываемое.

Исправить дѣло путемъ такихъ университетскихъ реформъ, которыя касались бы интересовъ только этой высшей школы, едва ли возможно.

Мы не можемъ, разумѣется, не признать плодотворности такой реорганизаціи университета, въ основѣ которой лежали бы завѣты лучшихъ его представителей — Грановскаго, Костомарова и др.; мы не можемъ не признать цѣлесообразной и такую реформу гимназій, которая давала бы ихъ питомцамъ трудъ, не притупляющій, а развивающій способность мыслить; но мы думаемъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что, рѣшивъ этимъ путемъ спеціальныя задачи для университета и среднеобразовательной школы, мы тѣмъ самымъ еще *не создадимъ учителя для этой послѣдней*, потому что для этой спеціальной цѣли: создать *учителя, кромѣ общихъ, нужны еще и спеціальныя средства* въ этомъ именно направленіи и смыслѣ. Какъ бы ни было широко и раціонально поставлено дѣло университетскаго образованія, время, предъявляющее къ студенту нашихъ дней неизмѣримо бо́льшія требованія по каждому изъ предметовъ курса, чѣмъ это было какихъ-нибудь 30—40 лѣтъ назадъ, поведетъ къ спеціализаціи, быть можетъ болѣе раціонально поставленной, но во всякомъ случаѣ неизбѣжной и неустранимой. Университетъ, вслѣдствіе самого успѣха своего дѣла, не можетъ давать кончающихъ курсъ съ такими разносторонними познаніями, какихъ онъ давалъ жизни во времена Грановскаго. Худо или хорошо, это—другой вопросъ, но въ спеціализаціи, какъ слѣдствіи раздѣленія труда, выражается самая сущность прогресса современной намъ эпохи, и съ этимъ надо считаться, когда рѣчь идетъ о подготовкѣ «учителя», если не для университета, такъ какъ Грановскихъ и Костомаровыхъ одною школой, какова бы она ни была, — не подготовишь, то среднеобразовательной школы, котораго можетъ дать университетъ.

Само собою разумѣется, что эта спеціальная его роль будетъ тѣмъ совершеннѣе выполнена, чѣмъ совершеннѣе будетъ поставленъ самъ университетъ, какъ высшая школа вообще; но это уже другой вопросъ, и не въ немъ заключается прямое рѣшеніе очередной и неотложной задачи—дать хорошо подготовленнаго преподавателя средней школѣ.

Многіе изъ западно-европейскихъ и американскихъ университетовъ такъ именно и понимаютъ свою роль въ этомъ отношеніи. Представляя собою такую организацію, которая въ смыслѣ свободы преподаванія и организаціи часто не оставляетъ желать ничего лучшаго, они, однако, не считаютъ своего дѣла по отношенію къ подготовкѣ преподавателя средней школы тѣмъ самымъ оконченнымъ и для достиженія этой спеціальной цѣли пользуются

спеціальными средствами. Университеты С. Америки являются въ этомъ смыслѣ особенно интересными, такъ какъ послѣдніе годы ихъ дѣятельности знаменуются, между прочимъ, и численнымъ ростомъ и развитіемъ каѳедръ, которыхъ назначеніе—дать всестороннюю и основательную подготовку къ педагогическому дѣлу тѣмъ изъ молодыхъ людей, которые пожелали бы посвятить свои силы среднеобразовательной школѣ. Ознакомиться съ тѣмъ, что сдѣлано у нихъ, во многихъ отношеніяхъ является и своевременнымъ и очень полезнымъ. Мы воспользуемся для этого матеріаломъ, собраннымъ профессоромъ Пенсильванскаго университета E. J. James'омъ въ его брошюрѣ: *Chairs of pedagogics in our universities*, съ содержаніемъ которой ознакомились по французскому ея переводу M. Marion'a въ *Revue Pedagogique*. Въ брошюрѣ идетъ рѣчь о каѳедрахъ педагогики въ 26 университетахъ. Изъ нихъ четырнадцать университетовъ имѣютъ по три каѳедры педагогики: теоретическую и такъ называемые нормальные курсы. Десять университетовъ имѣютъ *по двѣ*, которыхъ курсы не вездѣ одного и того же содержанія. Одни изъ нихъ: какъ Канадскій, Каролинскій, Южно-Колумбійскій, Виргинскій, Вашингтонскій и др.—имѣютъ каѳедры теоретической и практической педагогики; другіе, какъ Колорадскій, напримѣръ, имѣютъ, одну каѳедру исторіи педагогики и одну теоріи обученія; третьи, какъ Индіанскій, Пенсильванскій и нѣкоторые другіе, имѣютъ теоретическую педагогику и нормальные курсы; четвертые, какъ университеты въ Огіо, имѣютъ практическую педагогику и нормальные курсы.

Наконецъ, университеты, въ которыхъ имѣются лишь *по одной каѳедрѣ*, разрабатываютъ вопросы только теоретической педагогики. Прежде чѣмъ говорить о томъ, чему считаютъ необходимымъ научить каѳедры педагогики американскихъ университетовъ будущихъ преподавателей средней школы, скажемъ нѣсколько словъ о самомъ подраздѣленіи этихъ каѳедръ на теоретическую, практическую и нормальные курсы педагогики. Ближайшее разсмотрѣніе программъ разныхъ университетовъ приводитъ къ заключенію, что раздѣленіе предмета между тремя сказанными каѳедрами не всѣми университетами дѣлается по одному плану, что въ одномъ мѣстѣ составъ этихъ каѳедръ одинъ, въ другомъ—другой, въ третьемъ—третій.

Такъ въ программу *нормальныхъ курсовъ* Техасскаго и нѣкоторыхъ другихъ университетовъ входятъ, между прочимъ, теорія и методы обученія, а предметомъ теоретической педагогики является, главнымъ образомъ, исторія воспитанія. Въ Кноксвильскомъ же университетѣ, который имѣетъ только двѣ каѳедры педагогики (теоретической и практической) теорія и методы обученія, а также и исторія воспитанія отнесены къ одной каѳедрѣ теоретической педагогики, вмѣстѣ съ исторіей воспитанія.

Ясно, что здѣсь нормальные курсы представляютъ собою часть теоретической педагогики, выдѣленной изъ этой послѣдней, съ цѣлью болѣе подробнаго изученія предмета. Съ другой стороны тамъ, гдѣ изъ двухъ каѳедръ ни одна не занимается спеціально вопросами практической педагогики, тамъ нѣкоторыя изъ этихъ вопросовъ входятъ въ составъ параллельныхъ курсовъ.

Такъ въ Эвапстонскомъ университетѣ (Illinois) имѣются двѣ каѳедры: теоретической педагогики и нормальные курсы. На этихъ послѣднихъ занимаются обсужденіемъ диссертацій на темы, вытекающія изъ исторіи и теоріи воспитанія,—задача, въ другихъ университетахъ входящая въ составъ каѳедры практической педагогики.

То же мы видимъ и въ университетѣ Чикаго, который имѣетъ три каѳедры педагогики, всѣ посвященныя *теоретической педагогикѣ*. Каѳедры практической педагогики въ немъ нѣтъ. И вотъ часть нормальныхъ курсовъ здѣсь посвящается ознакомленію слушателей съ нѣкоторыми вопросами практической педагогики въ формѣ конференціи съ докладами и обсужденіемъ тезисовъ на заданныя темы. Иногда въ составъ нормальныхъ курсовъ входитъ изученіе анатоміи и физіологіи центральной нервной системы, сравнительной психологіи, гигіены дѣтскаго возраста и т. д.,—другими словами то, что въ американскомъ университетѣ называется *физіологической педагогикой*. Въ другихъ университетахъ этотъ курсъ входитъ въ составъ то практической педагогики, то педагогики теоретической.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ *нормальные курсы* представляютъ собою не болѣе какъ практическія занятія (конференціи) по вопросамъ практической педагогики.

Также не одинаково распредѣляются разные отдѣлы науки о воспитаніи и обученіи между каѳедрами теоретической и практической педагогики,—то, что въ одномъ университетѣ входитъ въ составъ послѣдней изъ нихъ, въ другомъ—читается на первой и обратно.

Особенно замѣтно это смѣшеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда при двухъ и даже трехъ каѳедрахъ ни одна изъ нихъ не составляетъ предмета практической педагогики спеціально.

Многое зависитъ, повидимому, отъ воззрѣній на предметъ педагогики ближайшихъ руководителей дѣла. Въ одномъ университетѣ исторіи педагогики посвѣщается самостоятельная каѳедра; въ другомъ на нее удѣляется сравнительно немного времени при каѳедрѣ теоретической педагогики и т. д. Къ сдѣланнымъ замѣчаніямъ остается присовокупить, что такого университета, въ которомъ изучались бы всѣ отдѣлы науки, какими они встрѣчаются въ разныхъ университетахъ Сѣверной Америки вообще, нѣтъ. Изъ этого само собою слѣдуетъ, что полное практическое осуществленіе дѣла, признаннаго необходимымъ принципіально, еще впереди, и что Америка лишь отчасти удовлетворила требованіямъ, представленнымъ жизнью университету.

Въ виду сказаннаго намъ не представляется надобности въ своемъ отвѣтѣ на поставленный выше вопросъ: чему учитъ американскій университетъ своихъ питомцевъ, собирающихся посвятить свои силы педагогическому дѣлу?—держаться подраздѣленій предмета на теоретическую, практическую педагогику и нормальные курсы. Въ этомъ подраздѣленіи несомнѣнно много еще случайнаго и неустановившагося. Да для дѣла собственно и не важно, какъ группируются по каѳедрамъ предметы, считающіеся необхо-

димыми для педагога, важно знать, что именно считается необходимымъ. А это мы имѣемъ возможность сдѣлать на основаніи отчета, о которомъ идетъ рѣчь и который свидѣтельствуетъ о слѣдующемъ. На каѳедрахъ педагогики Сѣверо-Американскихъ университетовъ читаютъ:

1. *Теорію воспитанія.*

Въ составъ этого предмета (не въ одинаковой программѣ) входятъ: психологія ребенка и взрослаго, съ одной стороны, а съ другой—свѣдѣнія о физическомъ воспитаніи (Moc Lellon, Sully, Palmer Baldwin и др.). Къ той же каѳедрѣ относятся сообщеніе свѣдѣній и критическая оцѣнка классическихъ работъ въ этой области знанія (Ascham, Bacon, Milton, Locke, Spencer и др.).

2. *Исторію воспитанія.*

Задача этой каѳедры Нью-Іоркскимъ и нѣкоторыми другими университетами опредѣляется такимъ образомъ: начертить развитіе принциповъ и системъ педагогики, не только въ ихъ отношеніи съ интеллектуальною жизнью вѣковъ и націй, но еще въ ихъ вліяніи на практику воспитанія. Сначала обращается вниманіе на идеалы великихъ цивилизацій прошлаго, выраженные главнѣйшими философами и воспитателями. Сжатое резюме цивилизаціи грековъ и римлянъ. Интеллектуальное развитіе въ средніе вѣка, первыя христіанскія школы. Вліяніе рыцарства и университетовъ. Эпоха возрожденія и реформація, новые элементы въ идеяхъ педагогики и ихъ видоизмѣненіе философіей и практикой XVII и XVIII вѣка. Курсъ заканчивается критическимъ обзоромъ наиболѣе выдающихся писателей, которые трактуютъ вопросы воспитанія въ XIX вѣкѣ. Исторія воспитанія читается въ нѣкоторыхъ университетахъ два года, причемъ (въ Индіанскомъ университетѣ) второй годъ посвящается исключительно исторіи воспитанія Сѣверной Америки.

Въ нѣкоторыхъ университетахъ (Univer. Leland Stanford Iunior) въ курсъ исторіи воспитанія включается: a) исторія цивилизаціи въ Европѣ, съ точки зрѣнія развитія политическихъ, религіозныхъ, соціальныхъ и моральныхъ идеаловъ и усилій реализовать ихъ помощью воспитанія; b) исторія интеллектуальнаго развитія Америки, какимъ оно проявляется въ школахъ, литературѣ, журналахъ и соціальномъ движеніи.

3. *Методы обученія.*

Для насъ не важно, разумѣется, что къ рѣшенію этой, какъ и другихъ задачъ, американскіе университеты идутъ не одинаковыми путями, что въ однихъ методика относится къ задачамъ практической педагогики и идетъ параллельно съ ученіемъ объ организаціи и управленіи школами, а въ другихъ она входитъ въ составъ нормальнаго курса, организація же и управленіе школами составляетъ часть каѳедры педагогики практической; для насъ важно, что *методика обученія въ средней школѣ, какъ предметъ университетскаго курса*, существуетъ и что на-ряду съ нимъ существуетъ рядъ другихъ пріемовъ и занятій, ведущихъ къ достиженію аналогичной цѣли.

Студенты американскихъ университетовъ, предполагающіе сдѣлаться педагогами, имѣютъ возможность ознакомиться, *во-первыхъ*, съ методами обученія собственно, т.-е. съ дѣломъ преподавателя какъ такового, а *во-вторыхъ*, со свѣдѣніями, касающимися организаціи и управленія школами, т.-е. съ дѣломъ преподавателя, какъ члена извѣстной корпораціи. Первая половина задачи, т.-е. изученіе методовъ преподаванія, сводится къ ознакомленію слушателей съ основными принципами этого дѣла, т.-е. съ природою, формою и элементами обученія, съ группировкою предметовъ курса и ихъ организаціей, съ порядкомъ, въ которомъ должны быть представляемы различные предметы курса и т. п.

Вопросы методики служатъ предметомъ рефератовъ и диссертацій, обсуждающихся на семинаріяхъ или конференціяхъ, а въ нѣкоторыхъ университетахъ, сверхъ того, практикуются методическія упражненія (въ Массачузетскомъ университетѣ, напримѣръ, до десяти по каждому изъ слѣдующихъ предметовъ: физики, химіи, физической географіи, ботаники, зоологіи, физіологіи и математики); въ другихъ университетахъ студенты посѣщаютъ школы для присутствованія при преподаваніи и занятіяхъ въ классахъ и т. д.

Что касается до подготовки преподавателя, какъ будущаго члена корпораціи, университетъ даетъ своимъ слушателямъ свѣдѣнія объ организаціи и управленіи школами, не вездѣ съ одинаковой, но, говоря вообще, широкой программой. Лекціи по этому предмету имѣютъ въ виду организацію и управленіе школами въ Европѣ и Америкѣ, между прочимъ, съ цѣлью опредѣлить политическія, соціальныя и педагогическія причины, вліяющія на образованіе, развитіе и жизненность школъ; онѣ трактуютъ о развитіи національныхъ школьныхъ системъ въ Германіи, Франціи и Англіи, трактуютъ о школьныхъ правилахъ, о школьной администраціи, о школьной дисциплинѣ, о школьной статистикѣ, о классныхъ распредѣленіяхъ учениковъ, объ организаціи курсовъ школы, объ экзаменахъ, какъ педагогической мѣрѣ, о переводахъ изъ класса въ классъ, о надзорѣ, рекреаціяхъ и т. д.

Такъ, говоря вообще, широка программа университетскаго курса въ С.-Американскихъ Штатахъ, имѣющаго въ виду подготовку къ педагогической дѣятельности. Она еще не полна, въ ней не все приведено въ должную систему, но она съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ о томъ, что университетъ призналъ своею обязанностью принять непосредственное участіе въ дѣлѣ, съ которымъ средняя школа стоитъ въ тѣсной связи и прямой зависимости.

Отъ Америки обратимся къ намъ и посмотримъ, что даетъ нашъ университетъ среднеобразовательной школѣ.

До настоящаго времени онъ давалъ и продолжаетъ намъ давать преподавателей двоякаго рода. Это или спеціалисты по тому или другому предмету факультета, относящіеся къ преподавательской дѣятельности, по крайней мѣрѣ въ началѣ, какъ къ дѣлу временному; или это просто кон-

чившіе курсъ студенты, ничѣмъ спеціально не занимавшіеся, ни къ какой дѣятельности себя не готовившіе и остановившіеся на преподавательскомъ дѣлѣ потому лишь, что оно первое подвернулось имъ подъ руки, и по такому предмету иногда, которымъ въ университетѣ либо вовсе не занимались, либо занимались кое-какъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ университетъ, открывая своимъ дипломомъ дорогу къ учительской каѳедрѣ, оказываетъ среднеобразовательной школѣ не соотвѣтствующую услугу.

Возьмемъ лучшій случай,—тотъ, когда университетъ далъ своему питомцу хорошія спеціальныя знанія и хорошій запасъ научно-обработаннаго матеріала.

Получивъ дипломъ, молодой человѣкъ принимается за преподаваніе излюбленнаго имъ предмета въ школѣ.

Какъ поставить дѣло? чего требовать? Какъ его вести? къ чему стремиться? Всѣ эти и многое множество другихъ *педагогическихъ, т.-е. самыхъ важныхъ для него теперь*, вопросовъ представляются ему совершенно открытыми. У него нѣтъ ни руководителя, ни опыта, ни примѣра. И естественникъ, и словесникъ, и историкъ принимаются за дѣло иногда съ самымъ искреннимъ желаніемъ принести пользу, работаютъ не покладая рукъ, а дѣло... скрипитъ! Сначала этотъ скрипъ для нихъ совершенно ясенъ, онъ раздражаетъ и заставляетъ кое-что измѣнять, кое-что поправлять; но измѣнить все сверху до низу, переработать весь курсъ заново, хватаетъ силъ далеко не у всѣхъ: этому мѣшаетъ и трудность признать, что сдѣланное было неудовлетворительно сдѣлано и главное — невозможность съ увѣренностью сказать, что планъ, который онъ предпочелъ бы замѣнить новымъ, дѣйствительно лучше стараго... а годы бѣгутъ, да бѣгутъ... Скрипъ слышится все рѣже и рѣже и вотъ... потекли часы у однихъ въ «штудированіи» одобренныхъ учебниковъ только, у другихъ въ томъ же «штудированіи», дополняемомъ выдержками изъ старыхъ тетрадокъ.

Ясно, что предлагаемый университетомъ преподаватель, за рѣдкими исключеніями, не таковъ, какимъ была бы вправѣ его желать средняя школа.

Что же можетъ и долженъ дать университетъ для нея въ этомъ смыслѣ?

Вопросъ не новый, и отвѣтъ на него у насъ давался уже не одинъ разъ. Не одинъ разъ указывалась необходимость организаціи такихъ каѳедръ, которыя давали бы надлежащую для преподавателя средней школы подготовку. Объ этомъ поднималась рѣчь и въ печати, и на съѣздахъ, и на засѣданіи профессіональныхъ обществъ. Нѣтъ сомнѣнія, что сдѣланныя указанія достигли своихъ результатовъ: они выдвинули на очередь и заставили подумать надъ этимъ капитальнымъ вопросомъ всѣхъ, кому близки успѣхи просвѣщенія нашей родины. Но отъ принципіальнаго рѣшенія вопроса пора и очень пора перейти, наконецъ, къ его практическому рѣшенію. Не достаточно только указать на полезность такихъ каѳедръ, которые подготовляли бы учителя средней школы вообще, не достаточно указать, что силою вещей университетъ, подготовляющій спеціалистовъ по тому или другому факультету, съ каждымъ годомъ имѣетъ все меньшее и

меньшее право удостовѣрять, выдаваемыми имъ дипломами, подготовленность своихъ питомцевъ къ сложной дѣятельности преподавателя средней школы.

Надо перейти къ детальной разработкѣ предмета; надо выработать всесторонній планъ реформъ въ этомъ направленіи и возможно точно опредѣлить задачи новыхъ каѳедръ, которыя могли бы взять на себя трудную задачу формировки широко образованнаго и хорошо подготовленнаго педагога. Программы американскихъ университетовъ могли бы для этого служить исходнымъ пунктомъ, а недостатки преподавательскаго дѣла въ среднихъ школахъ, на которые уже не одинъ разъ обращала вниманіе наша печать, руководящимъ критеріемъ при выработкѣ программы, необходимой въ этомъ смыслѣ реформы.

Мы отнюдь не претендуемъ на рѣшеніе этого огромнаго по своему значенію вопроса, и еще того менѣе на безошибочность предлагаемой программы, но исходя изъ того, что было сказано о дѣятельности американскихъ университетовъ, и принимая во вниманіе основные недостатки нашего преподаванія въ школѣ, которые главнымъ образомъ сводятся къ отсутствію желательнаго единства въ дѣйствіяхъ преподавателей, — единства въ методахъ обученія (поскольку это возможно, принимая во вниманіе особенности предметовъ средней школы) и единства цѣли, программа эта представляется намъ такою.

Для достиженія *единства дѣйствій* преподавательскаго персонала необходимо, чтобъ они знали *кому, въ какой возрастъ и при какихъ психологическихъ особенностяхъ* они предлагаютъ свои знанія. Педагогъ-преподаватель *обязанъ знать* психологію ребенка, о которой большинство не имѣетъ надлежащаго понятія. Многіе изъ нихъ поэтому и не подозрѣваютъ, сколько вреда они вносятъ въ школьное дѣло системою извѣстнаго рода «поощреній» и «угрозъ»; какою цѣной психическихъ процессовъ учащихся достигается формальное удовлетвореніе того, что требуется учителемъ. Имъ какъ будто нѣтъ дѣла до того, какая изъ сторонъ умственныхъ способностей развивается за счетъ остальныхъ, нерѣдко подавляя эти остальныя; они иногда не замѣчаютъ, что ихъ «система» развиваетъ въ дѣтяхъ лицемѣріе, страхъ, эгоизмъ, лишь бы *предметъ* былъ пройденъ по программѣ сполна, — главное — *сполна*, т.-е. чтобы весь наборъ фактовъ, цитатъ, отрывковъ былъ заученъ *«какъ слѣдуетъ»*, чтобы цензура не нашла успѣхи по ихъ предмету менѣе полными, чѣмъ у товарищей по преподаванію.

Намъ можетъ быть возразятъ на это, что дѣйствительное положеніе вещей далеко не такъ безотрадно, какъ оно вытекаетъ изъ только что сказаннаго; что будь иначе, дѣти выходили бы изъ школы совершенно испорченными, чего на дѣлѣ, однако, не бываетъ. Отвѣчу, что положеніе дѣла именно таково, какимъ оно представлено, и что если дѣти выходятъ изъ школы далеко не всегда испорченными, то это объясняется давно уже отмѣченной способностью души ребенка, съ развитіемъ, принимать нравственный типъ расы, подчиняя себѣ второстепенныя вліянія.

Изъ этого конечно вовсе не слѣдуетъ, чтобы въ разсчетѣ на такую способность развивающагося духа школа продолжала свое дѣло такъ, какъ вела его до сихъ поръ; чтобы про оканчивающихъ въ нихъ курсъ можно говорить, какъ про выходящихъ изъ дурной больницы, что они остались живы *несмотря на то*, что провели въ ней довольно долгое время. А для того, чтобъ исправить дѣло, чтобы преподаватели получили требуемое единство дѣйствія, чтобъ они шли навстрѣчу развивающемуся духу ребенка и содѣйствовали ему, *ставя это развитіе въ нормальныя и здоровыя условія*, необходимо, чтобъ они знали основные законы этого развитія, необходимо знакомство съ *педагогикой* въ широкомъ смыслѣ этого слова. Дать это знакомство можетъ только университетъ, создавъ спеціальную для этого каѳедру, посѣщеніе которой должно быть обязательнымъ для всякаго изъ студентовъ, желающихъ по окончаніи курса посвятить свои силы педагогической дѣятельности.

Выше было сказано, что для удовлетворительнаго рѣшенія задачи, лежащей на школѣ, необходимо, кромѣ единства дѣйствія, еще и *единство методовъ*, поскольку это возможно, принимая во вниманіе особенности каждаго изъ предметовъ школы.

Лекціи университета ничего не даютъ въ качествѣ критерія для того, чтобы разобраться въ матеріалѣ учебниковъ, чтобы расположить и пользоваться этимъ матеріаломъ осмысленно, а не рутинно; лекціи ничего не даютъ въ смыслѣ *метода обученія предмету*; онъ не касается тѣхъ задачъ, которыя должны достигаться преподавателемъ въ школѣ, тѣхъ путей и тѣхъ предметовъ, которыми задачи эти могутъ получить осуществленіе. Университетъ создаетъ въ своихъ питомцахъ-спеціалистахъ только увѣренность въ высокомъ значеніи «своего предмета», снабжаетъ ихъ значительнымъ фактическимъ матеріаломъ по какому-нибудь одному или нѣсколькимъ сроднымъ предметамъ и пускаетъ обучать молодое поколѣніе *естествознанію*, *географіи*, *исторіи*, *словесности* и проч. Въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ вести преподаваніе: идти ли отъ конкретнаго къ абстрактному, или наоборотъ? слѣдуетъ ли при изученіи языка начинать съ грамматики и почему не слѣдуетъ, или надо обращаться къ ней послѣ всего? Курсъ географіи слѣдуетъ ли начинать съ политической ея части, или съ физической, или вести ихъ параллельно, и почему слѣдуетъ поступать такъ, а не иначе? Всегда ли нужно опредѣленіе науки, ея правила и принципы выставлять впередъ, или ихъ слѣдуетъ *выводить* изъ подлежащаго изученію матеріала, и если не всегда, то когда именно и почему? Допустима, или не допустима система заучиванія на память, и если допустима, то въ какихъ случаяхъ и при какихъ условіяхъ? и т. д. и т. д. Всѣ эти и многое множество другихъ методологическихъ вопросовъ для начинающаго по выходѣ изъ университета, а иногда даже и заканчивающаго свое педагогическое поприще,—остаются открытыми.

Въ результатѣ мы получаемъ питомцевъ школы съ поразительною притупленностью мыслительнаго аппарата, какъ вслѣдствіе принудитель-

ной работы памяти и безпросвѣтной путаницы въ методахъ преподаванія, такъ и вслѣдствіе того, что обучающіеся въ громадномъ большинствѣ случаевъ не бываютъ *активными* работниками, активными «изслѣдователями», если такъ можно выразиться о дѣтяхъ, а получаютъ все съ чужого голоса въ готовыхъ формулахъ, которыя остается только усвоить, т.-е. заучить; мы получаемъ питомцевъ, которые «пройдя курсъ» такого-то класса, поступаютъ съ отслужившими свое дѣло книжками, какъ съ врагами. А съ окончаніемъ курса все пріобрѣтенное, какъ груда мусора, состоящая изъ предметовъ, не имѣющихъ другъ къ другу никакого отношенія и ничѣмъ между собою не связанныхъ, выбрасывается изъ жизненнаго обихода и забывается съ изумительною быстротой, а то немногое, что остается въ памяти, неорганизованное, безжизненное, представляетъ обрывки чего-то «о глинѣ» и «крестоцвѣтныхъ», чего-то изъ хожденія за полкомъ Игоревымъ, смѣны фаворитокъ французскихъ королей и т. п. и т. п.

Да и можетъ ли быть иначе, когда за дѣло преподаванія берутся люди, иногда не имѣвшіе случая даже подумать о принципахъ и методахъ преподаванія? Мы не нанимаемъ швейцара, если онъ не знаетъ своего дѣла, мы требуемъ хорошей и очень продолжительной *подготовки* отъ портного и кухарки, а обучать дѣтей поручаемъ людямъ, которые иногда не имѣютъ о предстоящей имъ дѣятельности никакого понятія!

И здѣсь не кто другой, какъ университетъ и можетъ и долженъ придти на помощь среднеобразовательной школѣ.

Въ немъ должны быть: на физико-математическомъ факультетѣ по крайней мѣрѣ *одна каѳедра по методикѣ физическихъ, біологическихъ наукъ* и одна аналогичная по историко-филологическому факультету, которыхъ посѣщеніе для студентовъ 3 и 4 курсовъ, избирающихъ преподавательскую дѣятельность, должно быть смотря по спеціальности такъ же обязательнымъ, какъ и посѣщеніе каѳедры педагогики слова. Методологическій курсъ въ университетѣ не долженъ однако носить характеръ только историческій или философскій; въ немъ непремѣнно должно быть удѣлено широкое мѣсто вопросамъ практическаго преподаванія въ средней школѣ, необходимо толковое и всестороннее ознакомленіе слушателей съ пріемами, выработанными лучшими педагогами образцовыхъ школъ Западной Европы и Сѣверной Америки, по основнымъ предметамъ школьнаго образованія. Наконецъ, послѣднимъ пунктомъ требованій, изъ числа тѣхъ, которые имѣетъ право предъявлять къ преподавательскому персоналу средняя школа, это—*единство цѣли*.

Для того, чтобы преподаваніе въ средней школѣ могло привести *не къ формальному усвоенію на память* кое-какихъ, часто не имѣющихъ никакой цѣнности отрывковъ знанія, необходимо, кромѣ единства дѣйствій и методовъ преподаванія, еще единство между самими преподавателями; необходимо сознаніе, что они не представители разныхъ конкуррирующихъ на предпочтеніе спеціальностей, а товарищи по одному общему для всѣхъ дѣлу, *съ одною для всѣхъ нихъ обязательною цѣлью преподаванія*.

Создать такое единеніе возможно, разумѣется, не путемъ циркуляра за соотвѣтствующимъ нумеромъ, или стараніями непосредственнаго начальства, а путемъ насажденія тѣхъ идей, которыя сами собою должны привести и несомнѣнно приведутъ къ требуемому единенію. Необходимо пробить широкія окна въ стѣнѣ спеціальныхъ вопросовъ, окружающей студента на любомъ факультетѣ, если онъ собирается быть педагогомъ-преподавателемъ, и раскрыть ему то единое, что лежитъ въ основѣ и составляетъ самую сущность науки, вслѣдствіе печальной и временной необходимости, разбившейся на множество обособленныхъ дисциплинъ знанія, необходимо освѣтить по возможности разомъ картину того, что составляетъ науку, показать и выяснить ему, чѣмъ обусловливается единство этой картины, несмотря на кажущуюся ея пестроту и разнообразіе. Рѣшить эту многотрудную задачу можетъ опять-таки одинъ университетъ трудами лучшихъ своихъ представителей, не углубившихся сполна въ ремесло своего спеціальнаго дѣла и не потерявшихъ связи съ движеніемъ человѣческаго генія на пути къ рѣшенію основныхъ вопросовъ знанія.

Съ цѣлью рѣшенія этой спеціальной задачи необходима организація каѳедръ *философіи* по основнымъ предметамъ факультетовъ физико-математическаго (одной каѳедры) и историко-филологическаго (тоже одной). Такими представляются намъ задачи университета,—этой высшей школы, по отношенію къ ея меньшому брату,—школѣ среднеобразовательной; задачи эти ставятъ ихъ въ отношенія гораздо болѣе тѣсныя и непосредственныя, чѣмъ они были до сихъ поръ и чѣмъ по традиціи представляются многимъ, какъ нормальныя и окончательныя. Времена, когда университетъ, рѣшая свои ближайшія задачи, *тѣмъ самымъ* подготовлялъ руководителей-педагоговъ средней школы и, такъ сказать, мимоходомъ, не останавливаясь на ней, рѣшалъ эту задачу,—прошли безвозвратно! Подготовляющій спеціалистовъ университетъ долженъ принять на себя подготовку спеціалистовъ и преподавательскаго персонала для средней школы,—задача по своему огромному государственному значенію, разумѣется, ни на іоту не меньшая, чѣмъ любая изъ тѣхъ, которыя онъ преслѣдуетъ въ настоящее время.

Влад. Вагнеръ.

Хищники и золотопромышленники на Амурѣ.

Четыре года я вращаюсь среди золотопромышленнаго міра на Амурѣ, и все такъ сложилось для меня благопріятно, что я могъ основательно и разносторонне ознакомиться съ условіями золотого промысла.

Золотопромышленность есть главный промыселъ на Амурѣ. Амуръ имъ живетъ, къ нему онъ направляетъ всѣ свои помыслы и вожделѣнія. Всѣ остальныя предпріятія и промыслы поставлены такъ, что лишь раболѣпно служатъ завладѣвшему всѣмъ краемъ золотому дѣлу. Богатства Амурской тайги неисчислимы, и если дѣла крупныхъ золотопромышленныхъ компаній пошли за послѣднее время на пониженіе, то тутъ кроется другая причина, а не оскудѣніе богатствъ въ этой тайгѣ. Рано или поздно найдутся люди, болѣе свѣдущіе, болѣе опытные, которые не только выяснятъ причины неудовлетворительнаго веденія золотого дѣла, но, вѣроятно, укажутъ и способы, болѣе совершенные для добычи золота. А потому я ограничусь лишь описаніемъ того, что въ настоящее время дѣлаютъ люди, ищущіе и добывающіе драгоцѣнный металлъ. Эти люди раздѣляются на два разряда. Одни выправляютъ всѣ необходимыя права на добычу золота и именуются золотопромышленниками. Есть капиталъ и удалось захватить много площадей, то получается «крупный» золотопромышленникъ. Подобравшій же тѣмъ или другимъ путемъ крохи, малоденежный предприниматель называется «мелкимъ» золотопромышленникомъ. Слова «крупный» и «мелкій» породили среди начальства и печати не мало недоразумѣній. Требовалось поощреніе «мелкой» золотопромышленности и предоставленіе ей всякихъ льготъ. На мелкую золотопромышленность смотрѣли какъ на желательную форму золотого промысла въ противовѣсъ крупной монополіи. А между тѣмъ «мелкая» золотопромышленность въ томъ видѣ, какъ она существуетъ сейчасъ, самая вредная и самая нежелательная для края форма добычи золота. При нынѣшнихъ таежныхъ условіяхъ, мелкій золотопромышленникъ вродѣ кустарнаго, или артельнаго предпріятія, не можетъ существовать самостоятельно, онъ становится прихлебателемъ «крупнаго» и пускается на всѣ ухищренія и обходы закона для скорѣйшаго превращенія изъ мелкаго въ крупнаго. Я далекъ отъ того, чтобы защищать крупныхъ золотопромышленниковъ и

считать ихъ однихъ полезными для края, но мелкій золотопромышленникъ на Амурѣ есть не болѣе, какъ яичко, изъ котораго стремится вылупиться крупный эксплоататоръ. И холить это яичко вовсе не составляетъ какой-либо выгоды для общаго благосостоянія и процвѣтанія промысла. По этому вопросу я писалъ не разъ въ *Восточномъ Обозрѣніи* болѣе подробно, какъ въ отдѣльныхъ корреспонденціяхъ, такъ и въ особыхъ очеркахъ. И въ настоящее время становится все меньше и меньше людей, увлекающихся заботами о мелкомъ золотопромышленникѣ. Таковъ первый разрядъ добывателей золота. Второй разрядъ составляютъ люди, которые не взявши никакихъ документовъ на право промысла, идутъ въ тайгу и добываютъ тамъ золото: Этихъ людей зовутъ хищниками.

Такова разница передъ закономъ между золотопромышленникомъ и хищникомъ. Какая же разница между ними по существу производства золотого промысла, можно видѣть изъ самой дѣятельности тѣхъ и другихъ. Начну съ хищниковъ. Богатое золото, хорошо оплачиваемый трудъ рабочаго, и, главное, сказочные разсказы о быстромъ обогащеніи ежегодно привлекаютъ на Амуръ массу народа изъ самыхъ отдаленныхъ губерній. Всѣ крупныя золотопромышленныя К° нанимаютъ рабочихъ въ Благовѣщенскѣ, одна лишь Верхнеамурская К° поручаетъ дѣлать наёмку рабочихъ въ Забайкальѣ среди «семейскихъ» (раскольники). Но это вызывается не недостаткомъ рабочихъ рукъ на мѣстѣ, а особыми соображеніями пріискового управленія. Когда закончится наёмка крупными компаніями, тогда рабочіе расходятся по мелкимъ золотопромышленникамъ, гдѣ ведутся преимущественно золотничныя работы. Оставшіеся затѣмъ не у дѣлъ, или не пожелавшіе идти въ золотничники, уходятъ въ тайгу на «вольное стараніе». Не понравилось почему-либо золотничникамъ, или золото оказалось плохое у нанимателя, они тоже отправляются на «вольное стараніе». Кромѣ того, рабочій, скопившій сотню-другую рублей на пріискахъ, желаетъ попытать счастья и тоже отправляется въ тайгу на розыскъ золота «вольнымъ стараніемъ».

Когда же золотопромышленники испытали удобство рабочаго труда манджуръ и корейцевъ, когда они увидѣли, что эти инородцы очень подходящи къ ихъ алчности, когда они убѣдились, что съ манджуромъ или корейцемъ меньше можно стѣсняться, проще вести разсчеты и разрѣшать всякія недоразумѣнія, чѣмъ съ русскимъ рабочимъ, то пріиски наводнились сынами небесной имперіи, а оставшіеся за штатомъ русскіе рабочіе увеличили собой число «вольныхъ старателей».

Хотя доступъ въ золотопромышленный районъ постороннему закономъ воспрещается, и хотя существуетъ полицейскій надзоръ для наблюденія за этимъ, но «вольный старатель» проникаетъ туда свободно подъ тѣмъ или другимъ видомъ.

Самое трудное для «вольнаго старателя»—это занести или завезти провизію въ достаточномъ количествѣ, но тутъ-то и приходятъ на помощь quasi-золотопромышленники, т.-е. люди, заручившіеся правами, занявшіе или заарендовавшіе площади. Они на законномъ основаніи завозятъ въ тайгу все

необходимое, продаютъ «вольнымъ старателямъ» и нерѣдко, благодаря этому, на совершенно пустыхъ площадяхъ намываютъ достаточно золота. Нынче нѣтъ спиртоносовъ, скупщиковъ золота и торгующихъ въ тайгѣ, нынче все это золотопромышленники. Все оформлено, все на законномъ основаніи. Если нѣтъ занятой площади, то по тайгѣ разбросаны партіи поисковыя и развѣдочныя, а потому завозъ туда всего необходимаго не прекращается. Благодаря этому, «вольному старателю» не грозитъ голодъ въ тайгѣ. Но такъ какъ цѣны на продукты обратно пропорціональны совѣсти продающаго, то «вольному старателю» необходимо найти хорошее золото, чтобъ окупить расходы по розыску. И вотъ тайга подвергается самому тщательному изслѣдованію. Закапывается трудъ и деньги одновременно во многихъ мѣстахъ и въ результатѣ находятъ золото. Какъ только пройдетъ слухъ о сдѣланномъ гдѣ-нибудь открытіи, тотчасъ туда направляются всѣ, и начинается разработка сообща. Всѣ скупщики и торговцы съ правами золотопромышленника идутъ слѣдомъ за «вольными старателями». Понагрѣвши хорошо руки около нихъ, эти золотопромышленники подымаютъ шумъ о появленіи хищниковъ, призываютъ власти для разгона ихъ и подъ шумокъ заявляютъ на свое имя площади, открытыя хищниками. Разогнали «вольныхъ старателей» въ одномъ мѣстѣ, они переходятъ на другое, и тамъ повторяется та же исторія. Такимъ образомъ «вольные старатели» работаютъ для другихъ. Они дѣлаютъ открытія золотыхъ залежей, производятъ развѣдку, добываютъ золото въ большинствѣ случаевъ столько, сколько надо заплатить за взятые припасы и проч., затѣмъ площадь попадаетъ къ золотопромышленнику, а они снова идутъ искать новыхъ розсыпей. Не многимъ изъ нихъ удается добыть излишекъ и вынести изъ тайги золото для продажи китайцамъ. И вотъ этихъ первыхъ открывателей золота зовутъ хищниками, они являются нарушителями закона, противъ нихъ все, за нихъ ничто. И все только потому, что у нихъ нѣтъ дозволительнаго свидѣтельства на право золотого промысла. «Вольный старатель» на Амурѣ, или, говоря оффиціальнымъ языкомъ, хищникъ, вовсе не бездомный бродяга, которому терять нечего, онъ совсѣмъ не отверженецъ общества, а полноправный гражданинъ, домовитый крестьянинъ или мѣщанинъ, отправившійся попытать счастья въ тайгѣ для поддержанія своего домашняго благосостоянія. Почти каждому изъ нихъ законъ дозволяетъ взять свидѣтельство на добычу золота. Казалось бы, чего проще: взять хоть бы одному на артель свидѣтельство—и ходи по тайгѣ, отыскалъ золото—пользуйся по праву открытіемъ. Анъ, нѣтъ! Выходитъ не такъ просто. Сильно укоренилась у всѣхъ боязнь канцелярскихъ формальностей, и потому предпочитаютъ идти съ рискомъ въ тайгу, чѣмъ тянуть канитель нѣсколько мѣсяцевъ для полученія изъ Иркутскаго горнаго управленія дозволительнаго свидѣтельства. Кромѣ того, у «вольнаго старателя» составилось незыблемое представленіе о томъ, что золото Божіе, и всякъ нашедшій его имѣетъ право имъ воспользоваться. Гоненіе со стороны властей они объясняютъ тѣмъ, что золотопромышленники просятъ объ этомъ, чтобы завладѣть чужой на-

ходкой. «Вольный старатель» съ презрѣніемъ смотритъ на всякаго проходимца съ правами золотопромышленника, а потому онъ и не добивается полученія этого права. На Амурѣ установился цѣлый промыселъ на дозволительныхъ свидѣтельствахъ. Имѣющій такое свидѣтельство выдаетъ довѣренность на розыскъ золота другому, получая за это извѣстную плату. Плата колеблется, смотря по обстоятельствамъ, отъ 40 до 200 руб. А такъ какъ такихъ довѣренностей можно выдать неограниченное количество, то и получается выгодная операція. Особенно этимъ занимаются разные ходатаи по судебнымъ дѣламъ, которыми кишитъ Благовѣщенскъ. И къ такимъ господамъ прибѣгаютъ не «вольные старатели», а лица, желающія устроить кое-какія дѣлишки въ тайгѣ, главнымъ образомъ, торговлю спиртомъ или скупъ золота.

«Вольный старатель», видя разныя продѣлки лицъ съ правами, недоумѣваетъ и искренно негодуетъ, когда его гонятъ и преслѣдуютъ, а лицъ съ правами ограждаютъ и оказываютъ имъ всякое содѣйствіе.

«Вольныхъ старателей» въ Амурской тайгѣ не одна тысяча. Ихъ гоняютъ съ мѣста на мѣсто, но изгнать совсѣмъ—дѣло безусловно неисполнимое при существующихъ порядкахъ.

Принимая во вниманіе, что всѣ золотопромышленныя поисковыя партіи рѣдко дѣлаютъ какія-либо открытія, благодаря невысокимъ качествамъ партіонныхъ руководителей, «вольные старатели» являются почти единственными открывателями богатствъ. Ихъ руками загребаютъ жаръ, такъ называемые, опытные партіонцы. Полнѣйшее невѣжество, зачастую недобросовѣстность и почти всегда пьянство—обычныя явленія у самыхъ прославившихся партіонцахъ. Вотъ почему на партіи тратятся такія громадныя суммы, и вотъ почему эти партіи дѣлаютъ такъ мало открытій. Тутъ-то и приходитъ на помощь безсилію золотопромышленниковъ добровольный открыватель, которому кличка—хищникъ.

И эти хищники нѣсколько разъ дѣлали крупныя открытія золотыхъ розсыпей, чѣмъ на время и взбудораживали цѣлый край.

Въ этомъ году Зейская тайга прогремѣла на весь Амурскій край. «Вольные старатели» или хищники, открыли богатѣйшую розсыпь. Но прежде, чѣмъ перейти къ этому событію, я вкратцѣ напомню читателямъ о прежнихъ большихъ открытіяхъ, сдѣланныхъ хищниками въ послѣднее десятилѣтіе на Амурѣ. Для нѣкотораго сравненія это будетъ нелишнее.

Лѣтъ одиннадцать тому назадъ на правомъ берегу Амура *), противъ станица Игнашиной, хищники наткнулись на богатѣйшее золото по рѣкѣ Желтугѣ. Толпы рабочихъ повалили сюда, а такъ какъ это была китайская территорія, то къ рабочимъ присоединились и манджуры. Работа закипѣла. Явились и торгующіе съ припасами и товарами, понаѣхали разные аферисты. Заволновалось, зашумѣло все и всѣ. Ажитація и жажда скорой наживы дошла до того, что даже находившіеся по близости казенные амбары

*) Владѣнія Китайской имперіи.

были опустошены для потребностей желтугинцевъ. Казенная мука, халаты, бродни—все было отправлено съ надежными людьми въ «Калифорнію», какъ называли тогда желтугинское открытіе. Кого только тамъ нельзя было встрѣтить? Установилось у нихъ свое самоуправленіе, свои законы, и долго никто не препятствовалъ ни работамъ, ни подвозу на Желтугу припасовъ и прочаго. Добытое золото увозилось въ Благовѣщенскъ или въ Кяхту, гдѣ и продавалось китайцамъ.

Наконецъ, рѣшили принять энергичныя мѣры. Явилась военная сила. Хищниковъ разогнали. Китайская власть отрубила своимъ провинившимся подданнымъ головы, а наши земляки подверглись національному наказанію—розгамъ. Торговцы и разные аферисты убрались во-свояси, а казенные амбары наканунѣ ревизіи сгорѣли дотла. Въ 1892 и 1893 гг. открылась, такъ называемая, бомская Калифорнія. По р. Бому, системы р. Селемджи, притока Зеи, хищники нашли почти на поверхности земли богатую розсыпь золота довольно высокой пробы. Снова повторилась та же исторія. Ни у кого не явилась мысль помѣшать хищничать, наоборотъ, всѣ помогали, всѣ спѣшили такъ или иначе нажиться около хищниковъ. Пока власти переписывались, пока соображали, какія принять мѣры къ разгону, на Бомѣ жизнь била ключомъ. Наконецъ послали туда военный отрядъ подъ начальствомъ хорунжаго Кузьмицкаго.

Хорунжій Кузьмицкій принялся за разгонъ хищниковъ слишкомъ ретиво. Слово хищникъ какъ бы отуманило хорунжаго, и онъ въ своемъ ослѣпленіи сталъ примѣнять слишкомъ жестокія мѣры, хотя и не было особенной надобности въ примѣненіи такой жестокости. Словомъ, погромъ былъ произведенъ такой, что китайскія головы, выставленныя на Желтугѣ въ назиданіе потомству, могутъ считаться не особенно жестокою карой сравнительно съ бомскимъ избіеніемъ. Разогнавъ хищниковъ съ мѣста работъ, хорунжій сталъ ихъ преслѣдовать по тайгѣ, подкарауливалъ уходящихъ, пристрѣливалъ, а золото отбиралъ. Онъ до того увлекся преслѣдованіемъ, что въ концѣ-концовъ стрѣлялъ по настоящимъ золотопромышленникамъ, ѣхавшимъ съ золотомъ въ городъ. Однажды выстрѣлами онъ потопилъ лодку и убилъ мальчика, плывшаго въ ней съ отцомъ. Вообще экспедиція хорунжаго Кузьмицкаго есть самая мрачная картина на и безъ того безсвѣтломъ горизонтѣ Амурскаго края. Болѣе подробное описаніе подвиговъ Кузьмицкаго—дѣло будущаго историка.

Ретиваго воина, разумѣется, убрали и перевели куда-то въ другое мѣсто службы, но могильные кресты, разсѣянные по Селемджинской тайгѣ, еще долго будутъ указывать путь, по которому хищники выходили съ Бома.

Положеніе хищника считается безправнымъ, надъ нимъ допускаются всякія насилія и вообще на практикѣ выработался взглядъ, что въ тайгѣ все допускается, все почему-то сходитъ безнаказанно.

Выгнанные съ Бома хищники разсѣялись по всей Селемджинской тайгѣ и то тутъ, то тамъ, подъ носомъ у золотопромышленниковъ, стали открывать золото. Поднялся вопль, и въ тайгу послали подвижной отрядъ подъ

начальствомъ казачьяго офицера Черноты де-Бояры-Боярскаго. Этотъ офицеръ, помня, что широкое примѣненіе Кузьмицкимъ огнестрѣльнаго оружія не было одобрено начальствомъ, выбралъ другое оружіе—розги. Гоняя хищниковъ съ мѣста на мѣсто, отбирая у нихъ золото и припасы, этотъ офицеръ также не ушелъ отъ соблазна. Мнѣ пришлось прочесть нѣсколько дознаній, произведенныхъ по поводу дѣйствій Черноты де-Бояры-Боярскаго, и невольно является вопросъ, да кто же тутъ болѣе хищникъ и нарушитель закона?

Когда высшему начальству были представлены эти дознанія, то, разумѣется, Чернота де-Бояры-Боярскій былъ убранъ, а затѣмъ вскорѣ вышелъ въ отставку.

Энергичныя мѣры двухъ этихъ офицеровъ принудили хищниковъ перейти изъ Селемджинской системы на р. Гилюй, правый притокъ р. Зеи. Какъ по самому Гилюю, такъ и по боковымъ ключамъ, впадающимъ въ р. Гилюй, оказалось богатое золото. Русло Гилюя на много верстъ занято Верхнеамурскою золотопромышленною К°, тутъ же присосѣдились и мелкіе золотопромышленники. Работать по Гилюю нельзя, такъ какъ некуда отвести воду, а потому Верхнеамурская К° пока обдумываетъ, какъ взять гилюйское золото, мелкіе же золотопромышленники заманиваютъ къ себѣ золотничниковъ и копаются на береговыхъ откосахъ самымъ варварскимъ способомъ.

Появившіеся хищники тотчасъ же принялись за развѣдку боковыхъ ключей и сдѣлали цѣлый рядъ открытій. Ключи Савушкинъ, Богатый, Стариковскій, Шипиловскій и друг. быстро получили извѣстность. Народъ стекался отовсюду, всюду работали, добывали золото, а лица «съ правами» отправляли на Гилюй цѣлые транспорты съ припасами.

Затѣмъ пошелъ обычный порядокъ: площадь, оказавшаяся съ золотомъ, заявлялась кѣмъ-либо изъ лицъ съ правами, просили изгнанія хищниковъ и отвода площади въ пользу заявителя. Площади отводились, а хищники шли дальше.

Система заявки площади и процедура отвода заявленнаго урочища одно изъ слабыхъ мѣстъ горнаго устава. Тутъ столько поводовъ для разныхъ продѣлокъ, сутяжничества для ловкаго дѣльца, и слишкомъ мало охраны для дѣйствительнаго открывателя, полнѣйшая же зависимость отводчика отъ принимающаго площадь окончательно дополняетъ неприглядную картину занятія площадей подъ разработку золота. Благодаря хищническимъ открытіямъ, выработалась особая система занятія площадей.

Или наставятъ дутыхъ столбовъ, или же напишутъ съ десятокъ заглазныхъ заявокъ. А когда понадобится, то и предъявляется претензія. Провѣрка заявокъ до того упрощена, что по одной и той же заявкѣ можно отвести любое урочище. Мнѣ самому пришлось читать три заявки, изъ которыхъ видно, что партія, состоящая изъ трехъ человѣкъ рабочихъ, въ одно и тоже время производила развѣдку на трехъ площадяхъ, удаленныхъ одна отъ другой на разстояніи 15 верстъ. И столбы на этихъ площадяхъ

поставлены въ одинъ и тотъ же день. Несмотря на такую очевидную и безцеремонную ложь и дутость заявокъ, всѣ эти площади отведены заявителю.

Я думаю, что пока на всякое назначеніе по горно-полицейскому надзору, пока на всякую командировку въ тайгу будутъ смотрѣть какъ на предоставленіе случая поправить разстроенные финансы чиновника, до тѣхъ поръ никакія законоположенія не въ силахъ будутъ что-нибудь измѣнить къ лучшему.

Возвращаюсь къ хищникамъ. Изгнанные съ открытыхъ ключей, хищники перешли на другія мѣста. Дѣло подходило къ осени 1895 г. Какой-то семейскій съ сыномъ, плывя на плоту по р. Гилюю, остановился на ночлегъ въ устьѣ неизвѣстнаго ключа, впадающаго справа въ р. Гилюй. Тутъ они переночевали, а на утро случайно въ самомъ руслѣ ключа отецъ поднялъ крупную самородку золота. Тотчасъ же они принялись за раскопки и убѣдились, что золота здѣсь вдоволь. Но такъ какъ хищниковъ гнали, и въ этомъ году уже поздно было созывать народъ, то они и разсудили молчать и ѣхать на зимовку, а весной собраться сюда въ большомъ количествѣ. Они правильно разсудили, что небольшая артель будетъ немедленно разогнана, и открытіе достанется какому-нибудь золотопромышленнику. Если же собрать толпу побольше, то пока пошлютъ отрядъ, можно много поработать. И дѣйствительно, въ мартѣ настоящаго года *) уже стали стекаться сюда хищники, а въ апрѣлѣ ихъ насчитывали до 700 человѣкъ. Золото оказалось чудовищнымъ, и ключъ назвали Милліоннымъ. Всѣ работающіе на ключѣ именовали себя «Обществомъ вольныхъ старателей».

Я видѣлъ записку, писанную къ уряднику, который отобралъ у одного изъ хищниковъ ружье. Этого хищника товарищи послали съ какимъ-то порученіемъ на Зейскую пристань. Когда онъ проходилъ мимо полицейскаго поста, то урядникъ отобралъ у него ружье. Узнавъ объ этомъ, хищники и написали бумагу, въ коей называютъ поступокъ урядника грабежомъ на дорогѣ, требуютъ ружье возвратить обратно и предупреждаютъ, что на будущее время съ нимъ будетъ поступлено какъ съ грабителемъ. Записка эта подписана «Общество вольныхъ старателей». Въ маѣ мѣсяцѣ хищниковъ прибавилось еще больше, а въ іюнѣ дошло до 3-хъ тысячъ человѣкъ.

Подобно тому, какъ на Желтугѣ, на Бомѣ, такъ и тутъ установилось самоуправленіе, выработали свои законы и порядки. Какой-то мѣщанинъ изъ ссыльныхъ Бостриковъ былъ избранъ старостой, а запасный унтеръ-офицеръ Разбойниковъ назначенъ ему въ помощники.

Работа производилась небольшими артелями, подобранными по своему желанію. Каждая артель избирала себѣ мѣсто по своему усмотрѣнію. Для жилья построили шалаши и балаганы, изъ камней сложили печи для пе-

*) 1896 годъ.

ченья хлѣба. Нѣкоторыя работы пришлось дѣлать сообща, какъ-то: отводъ русла ключа, устройство плотины и т. п. На работу принимался всякій, лишь бы онъ не имѣлъ правъ на золотопромышленность, лишь бы онъ не былъ контрактованный пріисковый рабочій. Если такіе попадались, то наказывались розгами и удалялись за предѣлы ключа.

Вначалѣ на ключѣ была одна женщина, весьма скромная, но вскорѣ появилась другая, болѣе легкаго нрава. Начались скандалы, и на сходѣ было рѣшено удалить обѣихъ и не допускать на будущее время на ключъ женщинъ. Чтобы нѣсколько умѣрить разнузданность страстей, установили нѣкоторый режимъ. Пьянство, доходящее до безобразія, драка между собой, нечестное отношеніе къ товарищамъ и воровство наказывались розгами по опредѣленію схода.

Для развлеченія и увеселенія публики отвели на лѣвомъ склонѣ ключа площадь, около которой возвышается обнаженный утесъ, на подобіе средневѣковой башни. Мѣсто это получило названіе «Орлово поле». Тутъ настроили балаганы, въ которыхъ продавалось не только все необходимое, но и нѣкоторые предметы роскоши и излишества. Тутъ были и балаганы, изображающіе изъ себя нѣчто вродѣ питейныхъ домовъ, ресторановъ и т. п. Картежная игра и игра въ орлянку не прекращались. Тутъ проживали торгующіе, профессіональные игроки, скупщики золота, забрался сюда какой-то манджуръ-врачъ, но самое главное отличіе Милліонной общины — это отсутствіе публичныхъ женщинъ. На Желтугѣ основались форменные дома терпимости, на Бомѣ тоже было нѣчто подобное, здѣсь же безусловно воспрещалось пребываніе какой бы то ни было женщины на ключѣ.

Недостатка на ключѣ ни въ чемъ не было, всевозможный товаръ—мануфактурный, бакалейный, виноградныя вина и спиртъ доставлялись сюда въ изобиліи. Цѣлою вереницей тянулись ежедневно лодки по Гилюю, нагруженныя разнымъ добромъ, вдоль берега шли вьючные караваны. Надо было напоить и накормить не одну тысячу человѣкъ. Когда подходила лодка или караванъ къ устью ключа, то староста съ помощникомъ встрѣчали его, осматривали привезенное, расцѣняли его и тогда ужъ пропускали на Орлово поле, или тутъ же предлагали общинникамъ разобрать каждому, что надо. За продажу свыше установленной таксы виновные наказывались розгами, а потому нарушить эту таксу было гораздо труднѣе, чѣмъ то дѣлается золотопромышленниками съ таксой, утвержденной горнымъ начальствомъ.

Благодаря изобилію продуктовъ, инструментовъ, работа шла на ключѣ успѣшно. Работали ямами, безусловно воспрещенными горнымъ уставомъ, но такъ какъ здѣсь оказалась вѣчная мерзлота, то стѣны ямы неособенно сползали, гдѣ же грунтъ оказывался болѣе жидокъ, тамъ клали деревянные срубы. Породу изъ ямъ неглубокихъ выбрасывали лопатой, а изъ болѣе глубокихъ вытаскивали ведрами при помощи устроенныхъ рычаговъ, на подобіе колодезныхъ журавлей. Золотоносный пластъ въ самомъ руслѣ ключа лежалъ неглубоко, четверти на двѣ, а въ остальныхъ мѣстахъ на

глубинѣ отъ 18 до 30 и даже 40 четвертей аршина. Воду откачивали изъ ямъ помпами, которыя тутъ же на мѣстѣ и изготовлялись. Обручи на помпахъ дѣлали деревянные. Пески промывались на лоткахъ, хотя въ нѣкоторыхъ ямахъ пески вовсе не промывались, а крупныя золотаны выбирались руками, все же остальное уходило въ отвалъ

Оригинальную картину представляетъ площадь Милліоннаго ключа послѣ выработки.

Долина на протяженіи 800 слишкомъ саженъ отъ устья ключа и почти во всю ширину, саженъ до 50, оголена отъ лѣсу и вся изрыта на подобіе наружной поверхности наперстка.

Если вѣрить слухамъ, то золота продано китайцамъ въ Благовѣщенскѣ до 50 пудовъ, а всего добыто на ключѣ около ста пудовъ.

Все это очень возможно при томъ громадномъ содержаніи золота въ пластѣ.

Вѣдь тысячи человѣкъ усердно работали до нѣсколькихъ потовъ, спѣша побольше и поскорѣе добыть золота. Нельзя было разсчитывать на завтрашній день, такъ какъ всякую минуту могла явиться военная сила и разогнать ихъ. Сегодня добылъ хищникъ достаточно золота, намаялся, промокъ, а назавтра онъ ужъ на Орловомъ полѣ козыремъ ходитъ, одѣтый во все новое, при часахъ, съ гармоникой въ рукахъ.

И пока внизу по ямамъ копошатся сотни лицъ, добывая золото, на Орловомъ полѣ десятокъ-другой счастливцевъ безшабашно проводятъ время. Вино льется рѣкой, гармоники заливаются, несется удалая пѣснь, и золотыя груды ставятся на карту, или же проигрываются въ орлянку. Проигравшись и натѣшившись вдоволь, они снова спускаются въ долину и принимаются за тяжелый трудъ, а ихъ мѣсто на Орловомъ полѣ заняли другіе.

Свалившееся неожиданно богатство туманитъ человѣка, онъ шалѣетъ, швыряетъ съ легкою душой добытое съ трудомъ золото, и вотъ почему такъ много находятъ золота, но очень немногіе выносятъ его изъ тайги. У большинства остается лишь пріятное воспоминаніе о прошедшемъ сквозь пальцы богатствѣ. Послѣ такой безшабашной и разудалой жизни, хищникъ снова бродитъ впроголодь по тайгѣ, подвергается всевозможнымъ опасностямъ и лишеніямъ, пока снова не наткнется на золото. Такая жизнь не располагаетъ къ поэзіи, а потому врядъ ли среди хищниковъ имѣются вполнѣ самостоятельныя пѣсни. Большею частью пѣсни у нихъ передѣлка городскихъ или традиціонные романсы, вродѣ «Подъ вечеръ осенью ненастный» и т. п. Но отъ одного изъ хищниковъ Милліоннаго ключа дошли до меня слова трехъ пѣсенъ, яко бы распространенныхъ среди нихъ. Плохія эти пѣсни, и есть въ нихъ нѣкоторая натяжка, но въ общемъ онѣ рисуютъ дѣйствительность той безотрадной жизни, какую приходится вести человѣку, заразившемуся золотою лихорадкой.

Привожу слова пѣсенъ, какъ они записаны съ устъ самого пѣвца.

Первая.

„Я думаю, что мнѣ нужно
Заняться дѣломъ всей душой,
Но дѣло въ томъ, что недосужно:
Всегда съ похмѣлья, братецъ мой!

Бывало, я ли не любилъ порядокъ,
Хоть мало жилъ съ женой, съ дѣтьми,
Теперь сталъ пить и какъ сталъ гадокъ,
Навѣрно гадость, братецъ мой!

Бывало вспомню, какъ ласкала
Моя красотка въ часъ ночной,
Теперь навѣрно не узнала-бъ,
Что я въ лохмотьяхъ, братецъ мой.

Опухла харя, весь въ дырахъ же,
Ношу сапогъ не франтовской,
Квартиры нѣтъ, кругомъ въ долгу же,—
На шкаликъ нѣту, братецъ мой!

Но не нажить того имѣнья,
Которо я въ трубу спустилъ,
Имѣлъ карету (?), два коня я,
Имѣлъ свой домъ по Мостовой (?);

По отчего же это тоже?
Игры, пляски, пиръ горой,
Карточки любилъ я тоже,
Но проигрался, братецъ мой!“

Вторая.

„Долго ли, долго ли, наша жизнь,
Мы будемъ скитаться
По тайгѣ, тайгѣ скитаться
Съ грязною котомкой?
Полно, полно намъ скитаться
По ущельямъ, по горамъ.
Нашъ бродяжескій пріютъ—
Непокрытый балаганъ.
Неизмѣнный мой товарищъ—
Острый ножъ или кинжалъ“.

Третья.

„Благовѣщенскъ городъ невеселый
Я уѣду изъ него,
Я уѣду на недѣлю,
А проживу я круглый годъ.
Вспомню мягкую постелю,
Ея веселый разговоръ.
Да вспомню, вспомню голы нары,
Одинъ свой грязный потничокъ,
Да въ головахъ одна котомка,
И то набита барахломъ,
А одѣяло замѣняли
Одни поношены штаны...“

На правомъ берегу р. Зеи, верстахъ въ 650 отъ впаденія ея въ Амуръ, находится Зейская пристань—центръ главнаго управленія пріисками В. А. К°. Тутъ живетъ главноуправляющій, тутъ главная контора, больница, школа, церковь и прочее. Зейская пристань соединена съ внѣшнимъ міромъ телеграфной проволокой, а съ остальными пріисками К° телефономъ. Главноуправляющій, не выходя изъ своего кабинета, можетъ бесѣдовать съ Петербургомъ и дѣлать распоряженія по всѣмъ подвѣдомственнымъ ему пріискамъ. Рядомъ съ резиденціей В. А. К° стали селиться другіе золотопромышленники, комиссіонеры, торгующіе, подрядчики и вообще всякій людъ, такъ или иначе кормящійся у золотого дѣла. Крупныя торговыя фирмы открыли здѣсь свои заведенія и ведутъ дѣло не въ убытокъ. На этой пристани центръ управленія горной полиціи съ горнымъ исправникомъ во главѣ. На другомъ берегу р. Зеи образовалось тоже поселеніе, такъ называемое «Зарѣчная Слободка». Это поселеніе всякаго сброда, это главный притонъ всего нелегальнаго въ тайгѣ, это зимовка и мѣсто разгула вышедшихъ изъ тайги пріискателей. Два-три купца покруннѣе тоже свили здѣсь себѣ гнѣзда и не жалуются на плохую торговлю. Что творится въ этой слободкѣ, надо пожить тамъ и самому видѣть, а описать трудно. Въ то время, когда одна сторона спѣшитъ разбросать и промыть все, что тяжелымъ трудомъ, а иногда и съ большимъ рискомъ, добыто въ тайгѣ, другая—забывъ совѣсть, честь, ни на минуту не задумывается надъ средствами, какъ бы половчѣе, да побольше обобрать разгулявшагося пріискателя. Несмотря на воспрещеніе ввоза спирта, на обѣихъ берегахъ р. Зеи существуютъ негласно цѣлые склады и винные погреба. А въ слободкѣ каждый домъ въ одно и то же время и кабакъ, и заѣзжій домъ, и притонъ веселья. Отъ этого оживленнаго пункта идетъ пріисковая дорога до р. Гилюя протяженіемъ въ 90 верстъ. Затѣмъ на р. Гилюѣ устроенъ перевозъ, и дорога переходитъ на лѣвую сторону Гилюя, гдѣ расположены пріиски Верхне-Амурской К°. Если отъ перевоза подняться вверхъ по р. Гилюѣ верстъ на 40, то тутъ и будетъ Милліонный ключъ. Такимъ образомъ, этотъ ключъ находится въ самомъ центрѣ пріисковъ Верхне-Амурской К°. И выше, и ниже, и съ боковъ его работаются пріиски или компаніей, или же арендаторами. Словомъ, Милліонный ключъ оказался какъ бы среди двора Верхне-Амурской К°. Что же, вы думаете, что пріисковое управленіе игнорировало эту площадь? Ничуть не бывало. Года два или три тому назадъ тамъ «опытный партіонецъ» дѣлалъ развѣдку и нашелъ, что на этомъ ключѣ золота вовсе нѣтъ.

Кромѣ пріисковъ Верхне-Амурской К° въ этомъ же районѣ разбросаны и другіе пріиски мелкихъ золотопромышленниковъ, и вообще эта часть тайги очень людная. Заручившись правами на золотой промыселъ, сюда всякъ подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ спѣшитъ и находитъ себѣ поживу.

Это маленькое отступленіе я позволилъ себѣ для того, чтобы читателю стало ясно, какъ легко и безпрепятственно могли снабжать въ изобиліи всѣмъ необходимымъ такое громадное скопленіе работающихъ на Милліонномъ ключѣ. Склады и амбары всюду опустѣли, пароходы не успѣвали

подвозить на Зейскую пристань изъ Благовѣщенска товары, припасы и проч. Лошадей не хватало подъ перевозку груза съ пристани до Гилюйскаго перевоза. За разстояніе въ 90 верстъ брали по 2 рубля съ пуда груза. Лодокъ не хватало, чтобы поднять грузъ вверхъ по Гилюю отъ перевоза до ключа. Громадная площадь у перевоза вся была заставлена палатками и таборами съ грузомъ. Гамъ, крики, брань и споры изъ-за мѣста, изъ-за лодокъ не умолкали ни днемъ, ни ночью. Всякъ спѣшилъ, всякъ торопился захватить полакомѣй кусокъ. Работающій людъ валилъ днемъ и ночью за добычей золота, а торгующій классъ и артисты разные за наживой около работающихъ. Мелкіе золотопромышленники сразу остались безъ рабочихъ. Всѣ ушли на ключъ, на крупныхъ пріискахъ началось броженіе. Вѣсть о Милліонномъ ключѣ съ быстротой молніи разнеслась на далекое пространство. Не только Зейская и Селемджинская тайга заволновались, пошли сумятицы среди рабочихъ и на Ниманѣ и на Амгуни.

Въ Джалиндинскомъ же районѣ разыгралось что-то вродѣ бунта, который настолько интересенъ, что я хочу сдѣлать новое отступленіе и разсказать исторію этого бунта.

На Нижне-Ивановскомъ пріискѣ, арендуемомъ Доениным и К°, 31 мая 82 человѣка рабочихъ не пошли на работу, а собрались у конторы, потребовали управляющаго, стали жаловаться на прижимки въ пріемѣ уроковъ, на худой хлѣбъ, на дурное обращеніе съ ними служащихъ. Между прочимъ они потребовали удаленія со службы братьевъ Дудиныхъ, якобы обижающихъ рабочихъ въ пріемкѣ выработки, причемъ обвиняли Дудиныхъ и въ жестокомъ обращеніи съ рабочими.

На другой день эти 82 человѣка потребовали, чтобъ и остальная команда тоже не выходила на работу и присоединилась бы къ нимъ, но другіе не пожелали, а трое человѣкъ рабочихъ, уговаривавшихъ не бунтоваться и идти на работу, были избиты. Въ квартирѣ управляющаго побили стекла, контору, куда спрятались бр. Дудины, хотѣли вовсе разнести, уже сорвали двери и требовали выдачи Дудиныхъ, спрятавшихся въ конторѣ, но въ эту минуту урядникъ Тонкихъ съ двумя казаками отстоялъ контору. Рабочимъ объявили, что хлѣбопёкъ назначенъ другой и хлѣбъ они будутъ получать хорошій, а Дудиныхъ уволили со службы. Урядникъ Тонкихъ съ двумя казаками арестовалъ и заковалъ въ кандалы 23 человѣка, якобы зачинщиковъ, а затѣмъ телеграфировалъ исправнику о бунтѣ съ насиліемъ. Пріисковое управленіе со страху послало телеграмму къ высшему начальству и просило прислать военную команду для усмиренія. Словомъ, всполошили всѣхъ понапрасну. Насколько бунтовщики были опасны, лучше всего видно изъ того, что урядникъ Тонкихъ «почти одинъ», какъ сказано въ донесеніи исправника начальству, арестовалъ 23 зачинщика. Но, понятно, золотопромышленникамъ нужно было раздуть исторію, хотѣлось показать, что опасность велика, хотѣлось репрессивныхъ мѣръ, чтобы нагнать страху на остальныхъ рабочихъ, которые, будучи недовольны порядками и слыша о богатствахъ Милліоннаго ключа, волнуются и не хотятъ мириться съ

тѣмъ, съ чѣмъ до сихъ поръ изъ-за нужды мирились. Благодаря же тому, что высшее начальство на сей разъ взглянуло болѣе правильно, дѣло обошлось безъ военной команды, которой въ сущности и дѣлать было бы нечего послѣ геройскаго подвига урядника Тонкихъ. На мѣсто происшествія изъ Благовѣщенска выѣхало лицо прокурорскаго надзора, а 11 іюня явился туда и горный исправникъ Елгаштинъ. Многія жалобы рабочихъ были признаны исправникомъ безусловно правильными. Контракты, заключенные съ рабочими, исправникъ находитъ невозможными, установленіе урока въ нихъ неопредѣленно, отчего происходятъ и недоразумѣнія, особенно при недобросовѣстности служащихъ. Поведеніе Дудиныхъ онъ осуждаетъ, а управляющаго пріиска, Нагибина, хвалитъ и полагаетъ, что благодаря его такту и гуманному отношенію къ рабочимъ дѣло съ бунтомъ окончилось такъ благополучно. Словомъ, не умаляя вины бунтовщиковъ, исправникъ усматриваетъ въ порядкѣ пріисковаго управленія и веденія работъ много поводовъ къ возбужденію недовольствъ у рабочихъ. Я нарочно привожу мнѣніе горнаго исправника, высказанное имъ оффиціально своему начальству. Такъ говоритъ и смотритъ на бунтъ человѣкъ, признающій цѣлесообразность и необходимость хоть изрѣдка хорошей зуботычины. Понятно, что пріѣхавшему исправнику пришлось не усмирять бунтъ, а лишь выяснить причины и отыскать зачинщиковъ. 22 человѣка были на-лицо. Хотя исправникъ и нашелъ, что порядки пріисковые вызвали бунтъ, но и зачинщики виноваты, а потому, не раздувая уголовщины, онъ постановилъ ихъ отправить по этапу на родину. Наказаніе это самъ исправникъ признавалъ тяжелымъ и совершенно разорительнымъ для рабочаго, но, какъ человѣкъ порядка и дисциплины, онъ находилъ нужнымъ показать примѣръ прочимъ, дабы и на другихъ пріискахъ не повторилось то же, что на Нижне-Ивановскомъ.

Рабочіе обжаловали постановленіе исправника губернатору, и наказаніе было смягчено. 22 человѣка подъ конвоемъ отвезены на пароходѣ до Срѣтенска, а затѣмъ выдали имъ проходные виды для отправленія на родину.

Словомъ, всюду все недовольное пріисковыми порядками зашевѣлилось, заволновалось и начало огорчать золотопромышленниковъ. «Вольные старатели» прекрасно поняли, что броженіе пріисковыхъ рабочихъ вызоветъ жалобы золотопромышленниковъ высшему начальству, которое и прикажетъ принять болѣе энергичныя мѣры къ разгону хищниковъ, а потому они рѣшили не принимать къ себѣ рабочихъ, ушедшихъ съ пріисковъ. А чтобы объ этомъ рѣшеніи было извѣстно, они разослали въ нѣсколько мѣстъ такія объявленія: «общество вольныхъ старателей объявляетъ такой-то золотопромышленной К°, чтобы она прислала списки всѣхъ бѣжавшихъ съ пріисковъ рабочихъ, которые немедленно будутъ наказаны розгами и высланы за предѣлы Миліоннаго ключа». Подписались староста Бостриковъ и помощникъ его Разбойниковъ.

Несмотря на шумъ, поднятый въ тайгѣ Миліоннымъ ключемъ, въ те-

ченіе почти 3-хъ мѣсяцевъ со стороны начальства не принималось никакихъ экстренныхъ мѣръ къ изгнанію хищниковъ.

Разумѣется, переписка шла. Исправникъ писалъ губернатору, губернаторъ—генералъ-губернатору, а такъ какъ у насъ очень часто даже телеграммы передаются не по проволокѣ, а развозятъ почтовымъ порядкомъ, то на ключѣ работали и работали, а около работающихъ наживались и наживались. Горный исправникъ въ маѣ мѣсяцѣ съ казакомъ поѣхалъ на ключъ, началъ уговаривать, чтобы разошлись и не совершали противозаконныхъ дѣяній, но «вольные старатели», разумѣется, не послушались. Исправникъ мирно провелъ у нихъ нѣсколько часовъ, кажется, даже переночевалъ на ключѣ и уѣхалъ во-свояси.

Но вотъ начинаютъ поступать жалобы отъ золотопромышленниковъ, желающихъ захватить ключъ, что хищники одолѣли. Начинаются всевозможныя ухищренія и продѣлки для занятія этой площади. Но такъ какъ ни промѣровъ сдѣлать, ни столбовъ поставить хищники не позволяютъ, то пускаются на всякія уловки и пишутъ заглазныя заявки. Одинъ же изъ золотопромышленниковъ, мѣщанинъ Зыковъ, явился на ключъ, якобы съ торгомъ. Его предупредили, чтобъ онъ и не покушался на какіе-либо осмотры или промѣры, но Зыковъ все-таки ухитрился сдѣлать кое-какіе промѣры шагами. Это выслѣдили и объявили старостѣ. Тотчасъ же былъ собранъ сходъ, на которомъ послѣ бурныхъ споровъ о количествѣ ударовъ, постановили наказать Зыкова 50 ударами розогъ.

Относительно производства наказанія въ этой общинѣ существовалъ такой порядокъ. Палача постояннаго не было, а всякій наказанный обязанъ былъ выполнить приговоръ надъ слѣдующимъ осужденнымъ. Въ этотъ же день были выпороты двое рабочихъ за драку между собой. Когда Зыкова осудили, то хотѣли бросить жребій, кому изъ двухъ ранѣе наказанныхъ предоставить высѣчь Зыкова. Тутъ одинъ изъ нихъ, всмотрѣвшись въ Зыкова, узналъ въ немъ своего злѣйшаго врага, разсказалъ о возмутительной продѣлкѣ съ нимъ когда-то этого Зыкова, обычнаго спутника хищниковъ, но «съ правами», и попросилъ сходъ предоставить ему выполнить приговоръ надъ Зыковымъ. Согласіе было дано, и Зыкову его знакомый отсчиталъ, по словамъ самого Зыкова, 44 удара. Во время экзекуціи Зыковъ не издалъ ни одного звука, но поднявшись онъ погрозилъ кулакомъ наказывавшему его и сказавъ: «Я съ тобой разсчитаюсь», сѣлъ на лошадь и уѣхалъ съ ключа.

Другой такой же любитель хищническихъ открытій, мѣщанинъ Мостовскій, какъ-то вырвался и избѣгъ наказанія. Что сдѣлалъ хищникамъ чиновникъ, прикомандированный къ канцеляріи горнаго исправника безъ содержанія *), я такъ и не могъ узнать, но «общество вольныхъ стара-

*) Это не шутка. Къ горному исправнику Зейской системы прикомандировываютъ чиновниковъ безъ содержанія. Эти чиновники тѣмъ отличаются отъ птицъ евангельскихъ, что они хотя тоже не сѣютъ и не жнутъ, но въ житницы собираютъ, а потому и сыты безъ содержанія бываютъ.

телей» объявило награду въ 1,000 рублей тому, кто доставитъ этого чиновника на Милліонный ключъ.

Наконецъ, въ половинѣ іюня отъ главнаго начальника края приходитъ приказъ о немедленномъ изгнаніи хищниковъ «не стѣсняясь мѣрами». Формируется въ Благовѣщенскѣ отрядъ изъ 20 солдатъ подъ командой поручика Вржосека, и на пароходѣ этотъ отрядъ плыветъ до Зейской пристани. Въ обществѣ поднялись толки и высказывались опасенія за столь незначительный отрядъ. 3,000 хищниковъ представлялись всѣмъ чѣмъ-то страшнымъ и могучимъ. Слово «хищникъ» невольно дѣлало представленіе о работающихъ на ключѣ, какъ о чемъ-то дикомъ, свирѣпомъ и грозномъ. Мнѣ пришлось слышать отъ лицъ оффиціальныхъ, что такой незначительный отрядъ посланъ опрометчиво, и поговаривали отправить подкрѣпленіе болѣе значительное. Были и такіе, что думали, что надо послать туда хоть одно орудіе. Но пока судили да рядили, а 27 іюня утромъ отрядъ подошелъ къ устью Милліоннаго ключа. Не доходя саженъ сто до устья ключа, отрядъ отаборился, и поручикъ Вржосекъ послалъ сказать, чтобы къ нему вышли для переговоровъ три человѣка. Когда пришли депутаты, то офицеръ объявилъ имъ, чтобы всѣ работающіе оставили работы и ушли бы съ ключа,—въ противномъ случаѣ онъ вынужденъ будетъ силою выдворить ихъ оттуда. Депутаты ушли и вскорѣ вернулись съ отвѣтомъ, что уходить не желаютъ, а просятъ разрѣшить имъ поработать еще недѣльку, много—другую, и тогда они сами уйдутъ. Кромѣ того, просили офицера дать имъ для просмотра инструкцію губернатора.

Получивъ отказъ въ своей просьбѣ, депутаты ушли на ключъ.

28 числа поручикъ Вржосекъ поднялся на вершину праваго склона ключа, откуда замѣтилъ, что въ долинѣ началось какое-то движеніе. Все волновалось, шумѣло. Предполагая, что внизу подготовляется нападеніе и «не желая, чтобы на насъ напали,—говорилъ офицеръ,—я рѣшилъ самъ напасть на нихъ». А потому онъ крикнулъ толпѣ, чтобъ она расходилась, въ противномъ случаѣ онъ откроетъ огонь. Въ отвѣтъ послышались брань и крики: «всѣхъ не перестрѣляешь». Вржосекъ скомандовалъ, и урочище огласилось выстрѣлами. Въ это самое время разразилась гроза, полилъ сильный дождь. Вотъ сверкнула молнія, раздался страшный трескъ, и огромная лѣсина рухнула, раздавивъ два балагана, построенныхъ вблизи нея. На минуту въ долинѣ все притихло... Снова офицеръ кричитъ, чтобъ расходились, снова въ отвѣтъ брань и проч. Отрядъ даетъ второй залпъ. Внизу общее смятеніе, шумъ, крики, но никакихъ признаковъ, что собираются уходить. Нужно замѣтить, что выстрѣлы направлялись не внизъ въ толпу, а на противоположный склонъ. Поэтому оба залпа не причинили никому вреда. Тогда снизу послышались ободряющіе толпу крики, что стрѣляютъ холостыми зарядами, увѣряли, будто у офицера нѣтъ приказа стрѣлять въ народъ боевыми патронами. Наконецъ, въ третій разъ поручикъ Вржосекъ выходитъ впередъ и требуетъ, чтобъ начали расходиться. Но такъ какъ приказъ и не думаютъ исполнять, то ружья направ-

ляются уже внизъ, отрядъ даетъ залпъ и нѣсколько человѣкъ падаютъ. Сразу картина мѣняется. Кровь товарищей отрезвила толпу. Послышались крики: «не стрѣляй, не стрѣляй!» Въ это время дождь сталъ затихать, громъ изрѣдка раздавался гдѣ-то уже далеко и небо начало проясняться.

«Общество вольныхъ старателей» выслало депутатовъ для переговоровъ. Было рѣшено, что въ теченіе двухъ дней ключъ долженъ быть очищенъ. Никого задерживать не будутъ, каждый можетъ идти куда хочетъ и унести съ собой свое имущество.

Послѣднимъ залпомъ оказался одинъ убитый и семь человѣкъ раненыхъ. Убитаго похоронили вблизи Орлова поля, гдѣ уже была одна могила. Какой-то молодой рабочій захворалъ и умеръ въ маѣ. Его похоронили и поставили большой крестъ съ надписью. Рядомъ съ этою могилой положили и убитаго 28 іюня и тоже водрузили деревянный крестъ.

Черезъ два дня на ключѣ не осталось ни одного хищника. Солдаты спустились внизъ и начали собирать остатки брошеннаго имущества. Нашли двѣ банки спирту, цѣлую кучу коробокъ съ сардинками и кое-что изъ одежи. Мнѣ солдаты говорили, что особенно много они нашли рубахъ, тутъ были и ситцевыя, тутъ были и шелковыя. Все найденное подѣлили между собой, спиртъ выпили, сардинками закусили.

Поручикъ Вржосекъ, считая, что его миссія выполнена, забралъ раненыхъ и пошелъ обратно на Зейскую пристань.

3 іюля горный исправникъ, возвратившійся съ Джаланды и окружный инженеръ Оранскій выѣхали съ Зейской пристани на Милліонный ключъ, еще не зная, чѣмъ кончилась экспедиція поручика Вржосека. Къ нимъ присоединился въ качествѣ туриста устраненный временно отъ должности правитель канцеляріи амурскаго губернатора, чиновникъ Геденштромъ, и золотопромышленники Кандинскій и Шнейдеръ. На-встрѣчу имъ стали попадаться толпы народу, идущаго съ ключа. Ихъ останавливали, разспрашивали и отпускали. Обысковъ никакихъ не производилось, золото не отбиралось. Одно требованіе предъявлялось каждому: уходи съ глазъ долой!

4 іюля на р. Гилюѣ эта гражданская экспедиція встрѣтила военный отрядъ и объявила, что миссія его далеко еще не кончена, а, молъ, пойдемъ съ нами назадъ и посмотримъ, дѣйствительно ли хищники ушли. Раненые были отправлены въ больницы Верхнеамурской Золотопромышленной К°, находящіяся по близости. Двое изъ раненыхъ умерли, а остальные поправились.

6 іюля наши путешественники снова вступили въ долину Милліоннаго ключа и убѣдились, что опасенія исправника оправдались. На ключѣ шла работа. Увидѣвъ возвратившійся отрядъ, хищники стали уходить, а нѣсколько человѣкъ болѣе упорныхъ были задержаны. Во многихъ печахъ нашли посаженный туда для испеченія хлѣбъ. Около одной печи хищникъ не желалъ разстаться съ напеченными имъ блинами и спѣшилъ ихъ съѣсть. Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ это сдѣлать, подошли солдаты и арестовали его. Такихъ «упорствующихъ», какъ ихъ назвалъ горный ис-

правникъ, набралось въ разныхъ мѣстахъ 24 человѣка. «Для престижа власти и чтобъ показать рабочимъ, какъ начальство не шутитъ съ ослушниками,—такъ писалъ исправникъ въ своемъ донесеніи начальству:—я велѣлъ ихъ заковать въ кандалы». Затѣмъ эти арестованные были высланы на родину по этапу.

8 іюля гражданскія власти отправились обратно, а отрядъ остался для охраны ключа и его окрестностей. На правомъ берегу ключа возвышается гора со срѣзанной вершиной. На этой площадкѣ и основалъ свой постъ отрядъ. Отсюда посылались солдаты, а иногда самъ офицеръ отправлялся на рекогносцировку. Народу по сосѣдству все еще много бродило. Все еще надѣялись, что отрядъ уйдетъ, а потому пока провизія была, то тамъ, то тутъ держались хищники и спиртоносы.

Какъ-то вскорѣ офицеръ съ нѣсколькими солдатами отправился на Благовѣщенскій ключъ, такъ какъ услышали, будто тамъ собрались хищники. Дѣйствительно, они встрѣтили двухъ человѣкъ съ вьючными конями. Ихъ задержали и повели съ собой. Дорогой одинъ изъ арестованныхъ бросился бѣжать въ гору. Солдаты погнались было за нимъ, но завязли въ трясинѣ. Сколько ни кричали бѣжавшему, чтобъ онъ остановился, тотъ не слушался и быстро поднимался по горѣ. Еще нѣсколько шаговъ, и бѣглецъ скрылся бы въ чащѣ, но тутъ офицеръ приказалъ солдату Соболевскому стрѣлять по бѣжавшему. И Соболевскій, на разстояніи 200 саженъ, стрѣляя снизу вверхъ, всадилъ пулю въ затылокъ бѣглецу. Оставшійся въ живыхъ другой арестованный не хотѣлъ сказать ни своего имени, ни назвать фамилію убитаго. Документовъ при нихъ никакихъ не оказалось.

Убитаго тутъ же не обыскали, а на другой день при осмотрѣ трупа вмѣстѣ съ фельдшеромъ съ сосѣдняго пріиска оказались у него обрѣзанными карманы у шароваръ. Такъ и осталось неизвѣстнымъ, кто такой былъ убитый.

Другого же арестованнаго отправили на полицейскій постъ у Гилюйскаго перевоза для препровожденія на Зейскую пристань къ исправнику. Но арестованный въ первую же ночь бѣжалъ изъ-подъ казачьяго караула.

Кромѣ 24 арестованныхъ, о которыхъ я говорилъ выше, были еще задержаны на Джалиндѣ Бостриковъ и Разбойниковъ. При обыскѣ у Бострикова золота не оказалось, а денегъ всего нашли 27 рублей. Ихъ отправили въ Благовѣщенскъ, а тамъ отпустили на волю. По слухамъ, золота у Бострикова было фунтовъ 10, но онъ отправилъ его другимъ путемъ. Очутившись на свободѣ и покончивъ съ продажей золота, бывшій староста Милліоннаго ключа загулялъ во всю вмѣстѣ съ Разбойниковымъ, не подозрѣвая, что имъ угрожаетъ новая бѣда.

Зыковъ возбудилъ дѣло о своемъ истязаніи, Бостриковъ и Разбойниковъ привлечены къ обвиненію, какъ представители той власти, которая приговорила Зыкова къ наказанію. И вотъ, по требованію горнаго исправника, этихъ представителей засадили въ тюрьму, гдѣ они сидятъ по сіе время.

Бостриковъ—ссыльный, былъ осужденъ за растлѣніе малолѣтней. Разбойниковъ запасный солдатъ, унтеръ-офицеръ, служилъ въ Благовѣщенскомъ отдѣленіи государственнаго банка сторожемъ. Затѣмъ, въ 1894 году, нанялся на работу въ Нижанскую золотопромышленную компанію, гдѣ пробылъ до конца операціи. Что дѣлалъ онъ въ 1895 году—неизвѣстно, а въ 1896 году выступилъ однимъ изъ представителей «общества вольныхъ старателей».

Такъ закончилась исторія разработки хищниками Милліоннаго ключа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ началась новая исторія. Появилась цѣлая куча претендентовъ на занятіе этой площади.

Въ сентябрѣ составилась новая экспедиція, состоящая изъ претендентовъ, адвокатовъ во главѣ съ горнымъ инженеромъ Балинскимъ, которому поручено было разрѣшить на мѣстѣ притязанія на знаменитый ключъ.

Вмѣсто разрѣшенія получилось новое осложненіе, и дѣло затянулось. Когда окончится, тогда и разскажу, а пока отрядъ оставленъ на ключѣ зимовать.

Какъ видите, хищники оказались не такъ страшны, и еслибъ они сразу повѣрили, что ихъ не будутъ преслѣдовать, не будутъ отбирать у нихъ золота, то, пожалуй, обошлось бы и безъ выстрѣловъ. Но память о жестокостяхъ на Бомѣ и Селемджѣ у большинства еще была жива, и многіе думали, что ихъ обманутъ. Когда власти говорили: «бери все съ собой и уходи только съ глазъ долой», то ихъ все еще брало сомнѣніе. Я помню такой случай.

Казакъ задержалъ уходящаго съ ключа хищника, обыскалъ его и нашелъ нѣсколько золотниковъ золота. Казакъ подалъ золото исправнику. Исправникъ бросилъ золото хищнику со словами: «Возьми, с—нъ с—нъ, твое золото и проваливай на всѣ четыре стороны!»

Оторопѣлъ на минуту хищникъ, глазамъ своимъ не вѣритъ,—наконецъ, хватаетъ золото и удираетъ во всѣ лопатки.

Если хищники сразу не послушались приказа уходить, то это объясняютъ тѣмъ, будто нѣсколько человѣкъ увѣрили толпу, что въ нихъ стрѣлять не будутъ. Я думаю, что значительный процентъ среди хищниковъ запасныхъ солдатъ *) много способствовалъ такому толкованію. Кромѣ того, на ключѣ была небольшая кучка черкесовъ, которые уговаривали толпу перестрѣлять солдатъ, и, несмотря на то, что большинство хищниковъ было съ оружіемъ, такъ какъ по тайгѣ никто не ходитъ безъ него, предложеніе черкесовъ встрѣтило рѣшительный отпоръ.

А слѣдующій фактъ прекрасно доказываетъ миролюбивое настроеніе работавшихъ на ключѣ. Во время переговоровъ поручика Вржосека съ депутатами, одинъ изъ черкесовъ прицѣлился изъ винчестера въ офицера. Но, къ счастью, товарищи замѣтили это, отняли ружье у черкеса, связали

*) По свѣдѣніямъ горнаго исправника, на Милліонномъ ключѣ было 50% запасныхъ нижнихъ чиновъ. Очень вѣроятно.

его и увезли за рѣку. Черкесъ съ досады, что помѣшали ему попасть въ кокарду на фуражкѣ поручика, заплакалъ какъ дитя. А говорятъ, что этотъ азіатъ на разстояніи ста шаговъ изъ своего винчестера бьетъ безъ промаха въ пятакъ. Это обстоятельство открылось позже, а въ ту же минуту поручикъ Вржосекъ и не подозрѣвалъ, какъ близко онъ стоялъ къ могилѣ.

Вотъ каковы нелегальные открыватели золотыхъ розсыпей, и вотъ при какихъ условіяхъ производится ими добыча золота. Ихъ именуютъ хищниками и нарушителями закона. Посмотримъ теперь, какъ ведутъ золотой промыселъ легальные золотопромышленники, къ услугамъ коихъ и охрана закона, и всякія привилегіи. Возьмемъ крупныя компаніи.

Пока золото валовое, пока оно само дается въ руки, не требуя отъ руководителей дѣла почти никакихъ знаній, никакихъ свѣдѣній, до тѣхъ поръ компанія гремитъ, швыряетъ большія подачки направо и налѣво. Рабочіе и служащіе получаютъ хорошее за трудъ вознагражденіе, управляющіе и уполномоченные считаются знатоками дѣла и щедро награждаются. Но вотъ шальное золото выбрано, и картина мѣняется. Изъ кожи вонъ лѣзутъ знатоки дѣла, а расходы едва-едва окупаются. Начинаются урѣзыванья, сокращенія расходовъ, но ничего не помогаетъ. Вся надежда возлагается на новыя открытія.

И сами владѣльцы ослѣпляются шальнымъ золотомъ. Скажетъ имъ уполномоченный, что пріискъ выработался, что надо за другой приниматься, они и соглашаются. Владѣльцы понятія не имѣютъ о томъ, какъ добывается ихъ золото. Никакого представленія нѣтъ у нихъ о мѣстныхъ условіяхъ какъ для заготовки всего необходимаго для пріисковъ, такъ и для найма рабочихъ и служащихъ. Правильность веденія дѣла измѣряютъ лишь размѣромъ полученныхъ барышей. И только, когда барыши станутъ приближаться къ нулю, тогда они суетятся, смѣняютъ уполномоченныхъ, посылаютъ ревизоровъ, отъ которыхъ никакого толку не получается, да и не можетъ получиться. Лучшимъ доказательствомъ, какъ затаптывается золото невѣжественными или недобросовѣстными дѣльцами, можетъ служить слѣдующее явленіе. Пріиски, объявленные выработанными, зачастую отдаются въ аренду или бывшимъ служащимъ, или же постороннимъ лицамъ. И на такихъ пріискахъ арендаторы, собирая крохи, наживаютъ громадныя состоянія. Въ этомъ году я былъ на одномъ изъ подобныхъ пріисковъ. Лица, взявшія въ аренду этотъ пріискъ, сдѣлали развѣдку въ бортахъ и, промывши 37 лотковъ, т.-е. 37 пудовъ песку, намыли 12 золотниковъ золота. Это выходитъ 33 золотника со ста пудовъ!

Что же смотрѣлъ управляющій, работавшій этотъ пріискъ? Оставить такую кроху въ бортахъ, да притомъ на незначительной глубинѣ (30 чет. арш.), врядъ ли можетъ считаться правильной разработкой розсыпи.

Случай съ Тимоѳеевскимъ пріискомъ въ Нижанской тайгѣ говоритъ о такомъ же способѣ работъ. Пріискъ бракуютъ и увѣряютъ хозяевъ, что его не стоитъ работать,—невыгодно, молъ!

Случайно попадаетъ этотъ пріискъ въ руки другого распорядителя и даетъ владѣльцамъ нѣсколько сотъ пудовъ золота.

О томъ, какъ производятся поиски и развѣдки новыхъ розсыпей, я уже говорилъ, и случай съ Милліоннымъ ключемъ не единичное явленіе. Всѣ открытія 1895 года, сдѣланныя хищниками въ Гилюйской системѣ, находятся подъ самымъ носомъ золотопромышленниковъ, и не одинъ разъ ихъ партіи закапывали тутъ компанейскіе капиталы.

Верхнеамурская компанія заявила цѣлый рядъ площадей по руслу Гилюя, но все тянула съ отводами и пропустила сроки. Въ нынѣшнемъ году эти площади были объявлены горнымъ управленіемъ свободными къ новымъ заявкамъ.

Но вотъ хищники напали на золото, и компанія всполошилась. Потревожили самого министра, и снова имъ возстановлено право на отводъ. А Гилюй стоитъ того, чтобы подумать о немъ. Что въ руслѣ р. Гилюя есть хорошее золото, это установленный фактъ. И нужно только отвести русло, чтобы получить грандіозный разрѣзъ безъ всякихъ торфовъ съ обнаженными песками, содержащими не одну тысячу пудовъ золота. Понятно, что отводъ русла будетъ стоить милліонныхъ затратъ, но развѣ это можетъ остановить такихъ капиталистовъ, какъ владѣльцы Верхнеамурской компаніи? Кому, какъ не имъ, заняться подобнымъ дѣломъ? Но рутина и косность одолѣли всѣхъ и все.

Въ Зейской же компаніи дѣла вовсе пошли «за всяко просто», какъ говорятъ въ Сибири. Широкое примѣненіе тамъ манджурскаго труда и, вмѣсто правильнаго разрѣза, работа ямами или, какъ выражается глава пріисковаго управленія, «камерными выемками», признается пріисковымъ управленіемъ за единственно возможную разработку пріиска. Я не спеціалистъ, а потому и не могъ разсмотрѣть, чѣмъ отличается «камерная выемка» на пріискахъ Зейской компаніи отъ хищнической ямы Милліоннаго ключа. Но надо полагать, что есть разница, иначе горный надзоръ запретилъ бы подобныя работы. Про работы на Хинганѣ, гдѣ исключительно работаютъ китайцы, и говорить нечего. Тамъ до того въ этомъ году дошло, что когда владѣльцу Рубинову не понравилась такса, утвержденная окружнымъ инженеромъ, то онъ составилъ другую, попросилъ лицо, замѣняющее горнаго исправника, утвердить ее и сталъ отпускать изъ амбаровъ по новой таксѣ.

Такъ ведется дѣло у болѣе крупныхъ предпринимателей. Мелкіе же золотопромышленники, главнымъ образомъ, держатся торговлей, а работы у нихъ преимущественно золотничныя.

Золотничникъ (такъ выработано на практикѣ) не требуетъ ничего отъ хозяина. Онъ и жилье себѣ самъ построитъ, ему не надо ни медицинской помощи, не надо никакихъ заботъ ни по доставкѣ его въ тайгу, ни по вывозу обратно изъ тайги. Всѣ подготовительныя работы золотничникъ ведетъ за свой счетъ и рискъ. Плату получаетъ онъ лишь съ золотника добытаго имъ золота. Таксъ, утвержденныхъ начальствомъ, тутъ не при-

знается, а у каждаго золотопромышленника дѣйствуетъ своя собственная такса. Кромѣ того, установилась система полученія отъ рабочихъ задатковъ или въ видѣ денегъ, или же провизіей. Въ моихъ статьяхъ въ *Восточномъ Обозрѣніи* за 1895 г. *) подробно описаны эти порядки, а потому повторять не буду. Работаютъ, разумѣется, ямами, и золото заваливается пустою породой.

Въ этомъ году я побывалъ на многихъ пріискахъ такого рода, и вотъ условія работъ.

Пр. Вершинина по р. Гилюю: Работа ямами. Промывка на лоткахъ и бутарахъ. Сухари—10—12 р. пудъ. Пшеничная мука—7 р. п. Мяса вовсе нѣтъ. Масло—1 р. фунтъ. Золотникъ золота—3 рубля.

Николаевскій пр., арендаторъ Гармановъ.

Мясо съ червями—8 руб. пудъ. «Русскіе не берутъ, а манджуры ѣдятъ», объяснили мнѣ на пріискѣ. Мясо безъ червей—10 р. пудъ. Масло—1 руб. фунтъ. Сухари—8 руб. Сахаръ—80 к. фунтъ. Золото—2 р. 50 к. зол.

Сергіевскій пр., арендаторъ Раковъ и К°:

Хлѣбъ печеный—6 р. пудъ. Мяса свѣжаго нѣтъ. Солонина—10 р. п. Сухари—8 р. п. Масло 1 р. ф. Золото—3 р. зол. И такихъ примѣровъ можно набрать десятки.

А, между тѣмъ, для этого района существуетъ законная такса, и можете быть увѣрены, что эта такса составлена не въ убытокъ золотопромышленникамъ.

Мясо	4	р.	—	к. за пудъ.
Мука пшеничная	3	»	—	» » »
Сухари	3	»	50	» » »
Масло	—	»	40	» » фунтъ.
Сахаръ	—	»	30	» » »

Не думайте, что эти пріиски гдѣ-нибудь въ глухомъ углу. Нѣтъ, они почти на глазахъ у начальства, на самомъ удобномъ для проѣзда горнаго надзора мѣстѣ. Но что подѣлаешь? При настоящемъ положеніи дѣлъ надзоръ этотъ безсиленъ. А потому такимъ продѣлкамъ здѣсь широкій просторъ и полная безнаказанность.

Для полноты картины веденія золотого промысла, скажу нѣсколько словъ о существующемъ горно-полицейскомъ надзорѣ, который находится въ полной зависимости отъ золотопромышленника. Какъ высшіе, такъ и низшіе чины этого надзора получаютъ субсидіи отъ золотопромышленниковъ, превышающія въ нѣсколько разъ установленное имъ отъ казны жалованье. Кромѣ того, золото имѣетъ какое-то одуряющее свойство, и административныя лица какъ бы отравляются золотымъ ядомъ. Алчность развивается непомѣрная, а потому на все и смотрятъ сквозь пальцы.

Стоитъ только золотопромышленнику сказать, что онъ оставитъ работы и прекратитъ дѣло, разъ къ нему предъявятъ законныя требованія, какъ

*) №№ 41—43: *Не выгорѣло* и 22 ноября 1895 г.: *Старатели на Амурѣ*.

тотчасъ же лицо горнополицейскаго надзора сдается и идетъ на разные компромиссы. Оно и понятно. Чѣмъ больше работающихся пріисковъ, тѣмъ выгоднѣе служба для административнаго лица.

Ну, развѣ можно допустить такую наивность, чтобы лица, просматривавшія документы и фактуры, не обратили вниманіе на такой усиленный провозъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ грузовъ на Гилюй?

Кто повѣритъ, что лица, пропускавшія этотъ грузъ, не знали, что онъ идетъ на Милліонный ключъ?

Положимъ, чиновникъ, посланный на Гилюй для надзора за провозимыми грузами, былъ удаленъ со службы «по болѣзни». Но свѣдующіе люди говорятъ, что за свою наивность, особенно за неумѣнье отличить транспортъ керосину *) отъ транспорта спирту, получилъ такое вознагражденіе, какое ему не выслужить за десять амурскихъ пенсій.

Принимая же во вниманіе, что здѣсь никто не любитъ выполнять свои обязанности лишь за присвоенное ему по службѣ жалованье, золотопромышленнику приходится всѣмъ и каждому платить и платить. И платить не только за то, чтобы глаза худо видѣли, а платить, лишь бы не было проволочки, канцелярской волокиты и т. п.

Почему золото идетъ въ Китай? А потому, что мелкому золотопромышленнику нужны деньги сейчасъ. Ему нельзя ждать всей процедуры прохожденія золота черезъ Иркутскую лабораторію. Вотъ почему они золото, даже добытое законнымъ путемъ, не записываютъ въ книги, а везутъ китайцамъ. Насколько я присмотрѣлся, золотопромышленники сбываютъ въ Китай золота не меньше, чѣмъ хищники.

Въ этомъ году отдѣленіе Сибирскаго торговаго банка въ Благовѣщенскѣ начало принимать золото подъ залогъ съ выдачей ссуды по 4 руб. за золотникъ. Посмотрите, какъ ожила вся мелкота! Чѣмъ подвергать себя риску, всѣ спокойно понесли золото въ банкъ и получали тотчасъ же ссуду. Но, кажется, эту операцію придется прекратить **), благодаря нѣкоторымъ несогласіямъ горнаго устава съ интересами банка.

Золото находится въ такомъ исключительномъ положеніи, что иногда оно теряетъ всякую цѣнность, какъ залогъ, и выданная ссуда можетъ оказаться обезпеченною лишь бумажнымъ обязательствомъ, полученіе по коему не всегда возможно.

Закончу выпиской изъ отчета одной золотопромышленной компаніи. И я смѣю думать, что подобное можно встрѣтить и въ отчетахъ другихъ компаній.

Выписка эта—счетъ экстраординарныхъ расходовъ.

1) На усиленіе средствъ Амурской области 2,000 руб.

---

*) Спиртъ разливаютъ въ керосиновыя жестянки, укладываютъ двѣ жестянки въ деревянный ящикъ и въ такомъ видѣ отправляютъ въ тайгу. А потому, по наружному виду, ящикъ со спиртомъ походитъ на ящикъ съ керосиномъ.

**) Въ настоящее время она уже прекращена.

2) На усиленіе средствъ городской полиціи 1,000 руб.

3) Горному исправнику 5,000 руб. *).

4) Окружному инженеру, его помощнику и письмоводителю 6,300 руб.

5) Праздничныхъ чинамъ почтово-телеграфнаго вѣдомства 1,560 руб.

Затѣмъ идутъ разныя пожертвованія на благотворительныя и другія учрежденія.

Въ концѣ-концовъ показанъ расходъ горному управленію и лабораторіи въ суммѣ 2,184 руб.

Этотъ послѣдній расходъ очень интересенъ, какъ правильно установленный обычаемъ налогъ.

За сдачу въ лабораторію золота уплачивается золотопромышленникомъ на «усиленіе канцелярскихъ средствъ» по 24 руб. съ пуда шлихованаго золота. Если же принять во вниманіе, что черезъ Иркутскую лабораторію проходитъ почти 1,500 пудовъ ежегодно, то «канцелярскія средства» усиливаются довольно значительною суммой, доходящей до 36 тысячъ рублей въ годъ.

Все это уплачивается по какому-то установившемуся обычаю и неизбѣжно для каждаго золотопромышленника. Въ случаяхъ же особенныхъ размѣры субсидій и вознагражденій опредѣляются уже по обоюдному соглашенію въ зависимости отъ оказанной услуги.

Теперь предоставляю читателю отыскать, гдѣ граница между хищникомъ и золотопромышленникомъ. Отъ себя же скажу, что никакіе военные отряды не въ силахъ прекратить хищничества.

Нужна полная реорганизація золотого промысла, при которой хищничество исчезнетъ само собой, какъ ненужное и безполезное занятіе. Тогда можно будетъ говорить о мелкомъ золотопромышленникѣ какъ о желательномъ факторѣ въ золотомъ промыслѣ.

Этотъ промыселъ весь впереди, и правильная его постановка будетъ вовсе не лишняя для общаго благосостоянія края. Правильно поставленное золотое дѣло не тормозитъ другія предпріятія, а, наоборотъ, будетъ способствовать расширенію всѣхъ отраслей промышленности, не исключая и земледѣлія. Снимите съ золотого промысла все запретное, и лихорадка прекратится, страсти успокоятся и работа пойдетъ разумная. Пора уже убѣдиться, что никакія запретительныя мѣры не достигаютъ цѣли, а лишь вызываютъ новыя осложненія и новыя закононарушенія.

П. Надинъ.

---

*) Кромѣ этого, въ числѣ расходовъ по общему управленію значится расходъ на содержаніе пріисковой полиціи 18,000 руб.

Очерки провинціальной жизни.

«Печать есть лучшій помощникъ администраціи»,—эти слова не разъ публично высказывалъ переведенный недавно губернаторомъ изъ Калуги въ Тверь кн. Н. Д. Голицынъ. Исходя изъ этого воззрѣнія, бывшій калужскій губернаторъ содѣйствовалъ разрѣшенію открытія въ Калугѣ частной газеты. Что печать есть лучшій помощникъ администраціи, это ясно какъ Божій день. Но у насъ въ провинціи цѣнить печать за такое ея значеніе могутъ только губернаторы, да и то лишь изрѣдка; административные же органы ниже губернаторскаго ранга не любятъ печати. И это понятно. Наше культурное развитіе доросло только еще до того момента, когда печать, и то по преимуществу столичная, можетъ свободно говорить о неправильныхъ дѣйствіяхъ исправниковъ, земскихъ начальниковъ, становыхъ, урядниковъ, волостныхъ старшинъ и волостныхъ писарей. А такъ какъ злоупотребленій на Руси еще не мало, то печать всегда стоитъ грознымъ призракомъ предъ массою должностныхъ лицъ. Могутъ ли они, въ виду этого, чувствовать къ печати симпатію? Надо очень любить общественное благо и высоко уважать законность, чтобы цѣнить значеніе печати, какъ лучшаго помощника администраціи. Что у насъ этотъ лучшій помощникъ администраціи не получилъ еще законнаго права на существованіе, а только терпится, хорошимъ свидѣтельствомъ тому служитъ тотъ фактъ, что провинціальный органъ разрѣшается не иначе, какъ по полученіи на него согласія губернатора. Бывшій калужскій губернаторъ, какъ мы уже упомянули, оказалъ содѣйствіе разрѣшенію печатнаго органа въ Калугѣ. Такое явленіе у насъ до сихъ поръ носитъ названіе «добраго дѣла». И вотъ за такое доброе дѣло редакторъ, издатель и сотрудники *Калужскаго Вѣстника* поднесли отъѣзжающему губернатору благодарственный адресъ. «Для насъ,—говорилось, между прочимъ, въ этомъ адресѣ,—представителей печатнаго слова, вы были дороги еще тѣмъ, что однимъ изъ немногихъ администраторовъ глухой провинціи открыто подняли голосъ въ защиту этого слова, признавъ за нимъ право гражданства. Высказанный вами нашему сотруднику взглядъ на провинціальную печать нашелъ справедливую оцѣнку среди нашихъ столичныхъ собратій и спра-

ведливо получилъ названіе золотыхъ словъ. И ваши слова не были праздными. Вы шли рука объ руку съ нами. Намъ извѣстно, что ваше сіятельство зорко слѣдили за корреспонденціями и статьями, появлявшимися на страницахъ *Калужскаго Вѣстника*, и не оставляли ихъ безъ провѣрки, немедленно принимая тѣ или другія, зависящія отъ васъ, мѣры. Такимъ образомъ одно доброе дѣло порождало другое».

Адресъ *Калужскаго Вѣстника* указываетъ, что помощь печати представителю административной власти заключалась, между прочимъ, въ сообщеніи ему свѣдѣній, которыя, безъ печати, онъ легко могъ не узнать; а благодаря этимъ свѣдѣніямъ для него открывалась возможность принимать нужныя мѣры къ устраненію нежелательныхъ явленій. Въ этомъ отношеніи печать играетъ роль вездѣсущаго и безпристрастнаго органа для контроля общественныхъ дѣлъ. И чѣмъ большею самостоятельностью пользуется печать, тѣмъ полнѣе ея контролирующее значеніе, тѣмъ болѣе добра приноситъ она родинѣ. Съ другой стороны, плодотворное значеніе печати усиливается также по мѣрѣ возрастанія просвѣщенія въ массахъ и проникновенія туда печатнаго слова. До послѣдняго времени газета составляла почти исключительно достояніе города; деревня не читала газетъ. Такое положеніе дѣлъ становится прошлымъ. *Сельскій Вѣстникъ* и *Вятская Земская Газета*, приноровленныя (особенно послѣдняя) къ интересамъ народа, имѣютъ уже въ деревнѣ десятки тысячъ подписчиковъ. Сельскія библіотеки, непрерывно увеличиваясь въ числѣ, выписываютъ различныя періодическія изданія. Съ проникновеніемъ газеты въ деревню начинаютъ возникать явленія, которыхъ еще не было на Руси: сельскія общественныя дѣла принимаютъ другой оборотъ изъ страха передъ печатью, иными словами, и здѣсь зараждается значеніе печати, какъ контролера общественныхъ дѣлъ.

Вятская Земская Газета, по словамъ *Вятскаго Края*, получается во всѣхъ селеніяхъ Вятской губерніи; во многихъ селеніяхъ имѣются и другія газеты. Крестьяне начинаютъ понимать, что ихъ общественныя дѣла— не домашняя тайна, что ихъ постановленія дѣлаются извѣстными, обсуждаются. Въ деревнѣ Боярке, Галановской волости, Сарапульскаго уѣзда, крестьяне общественнымъ приговоромъ отвели усадьбу для постройки новаго зданія для церковно-приходской школы. Мѣсто, отведенное для школы въ самомъ центрѣ деревни и вблизи большой дороги, показалось кабатчику болѣе подходящимъ для питейнаго заведенія, и вотъ онъ, когда первый приговоръ, утвержденный волостнымъ правленіемъ, былъ уже въ рукахъ священника, за полведра водки уговорилъ общество отдать школьное мѣсто подъ винную лавочку, а подъ школу отвести другое мѣсто. Посѣщая школу, которая находится теперь въ простой крестьянской избѣ, священникъ, къ удивленію своему, видитъ, какъ мужики на мѣстѣ школы воздвигаютъ кабакъ. «Что это, ребята, дѣлаете? Вѣдь вы школу на кабакъ промѣняли. Въ газетѣ васъ за это пропечатаю. Слышали?!» Мужики пріостановились, почесали въ затылкахъ и говорятъ: «Нѣтъ, батюшка,

коль нельзя, такъ мы ужъ лучше уберемъ». На другой же день на мѣстѣ не было и одного бревна.

Сходный съ этимъ случай разсказанъ на-дняхъ также въ *Нижегородскомъ Листкѣ*. Въ этой газетѣ появилась корреспонденція изъ с. Боръ о старостѣ Шерстеневѣ, склонившемъ сходъ на 300-рублевый расходъ по случаю одного празднества и указывалось, что этотъ г. Шерстеневъ арендуетъ слишкомъ выгодно для себя мѣсто у перевоза. Съ прибытіемъ газеты въ село, Шерстеневъ заявилъ сходу о томъ, что ему нанесена обида. Сторонники Шерстенева подняли шумъ. Двое или трое высказали, что дѣло небывалое, чтобы церковныхъ старостъ «пропечатывали». Остальные молчали, такъ какъ боялись Шерстенева, который могъ, конечно, припомнить имъ ихъ поведеніе. Однако, несмотря на такое смиренное поведеніе большинства членовъ схода, Шерстеневъ заявилъ сходу объ отказѣ отъ аренды, а въ письмѣ въ редакцію газеты обѣщалъ, что постановленіе схода о 300-рублевомъ расходѣ будетъ пересмотрѣно.

Добросовѣстность и осмотрительность помѣщаемыхъ въ нашей прессѣ корреспонденцій свидѣтельствуется достаточно очевидно большою рѣдкостью процессовъ о клеветѣ въ печати. Но за то какое обиліе процессовъ о диффамаціи! А извѣстно, что процессъ о диффамаціи есть подтвержденіе правильности сообщенныхъ въ печати свѣдѣній. Лишь за одни послѣдніе два мѣсяца процессы о диффамаціи разсматривались судами сибирскими, кавказскими, волжскими и центральной Россіи, повсюду рѣшенія судовъ были или вполнѣ оправдательныя, или почти-что оправдательныя, такъ какъ суды ограничивались наложеніемъ на редакторовъ незначительныхъ денежныхъ штрафовъ. Не отучатъ ли такія рѣшенія судовъ пользоваться давно осужденнымъ въ общественномъ мнѣніи закономъ о диффамаціи? Пусть всѣ, возбуждающіе противъ корреспондента или редактора процессъ не о клеветѣ, а о диффамаціи, знаютъ, что уже однимъ этимъ они въ общественномъ мнѣніи признали себя виновными въ сообщенномъ о нихъ дѣяніи; процессомъ о диффамаціи они только еще болѣе разгласятъ позорящіе ихъ факты, а своего чувства мести не удовлетворятъ, такъ какъ почти всѣ дѣла о диффамаціи кончаются или полнымъ оправданіемъ, или незначительнымъ штрафомъ.

Рядомъ съ сообщеніями корреспондентовъ объ изобиліи творящихся въ деревенской жизни беззаконій, непрестанно идутъ также сообщенія о безпомощности деревенскаго люда, о неумѣньи его защитить свое право. Не напоминаетъ ли, напримѣръ, слѣдующая деревенская картинка временъ крѣпостного права, когда крестьянское населеніе могло только «молить», а не отстаивать свое право. Въ с. Сердобѣ, Петровскаго уѣзда, Саратовской губерніи, — читаемъ въ *Волжскомъ Вѣстникѣ*, — былъ назначенъ сходъ; земскому начальнику требовалось провѣрить приговоръ о четырехъ лицахъ, отъ которыхъ отказались мѣстные жители, благодаря ихъ дурной жизни, выразившейся во многихъ кражахъ. Покончивъ съ этимъ вопросомъ, вдругъ вся тысячная толпа разомъ рухнула на колѣна и стала кричать: «ваше

благородіе, г. земскій начальникъ! Возьми, Христа ради, отъ насъ старшину и писаря. Не въ моготу они намъ. Не желаемъ ихъ! Давно жалимся на нихъ, а толку не выходитъ». Земскій начальникъ былъ ошеломленъ такой картиной и, въ виду полной незаконности подобнаго заявленія на сходѣ, объявилъ крестьянамъ, чтобы они тотчасъ же прекратили объ этомъ разговоръ на сходѣ. Вступивъ только что въ завѣдываніе участкомъ, онъ прежде всего познакомится съ дѣятельностью подчиненныхъ ему лицъ и тогда рѣшитъ вопросъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя ему надлежитъ принять.

Насколько уменьшились бы въ своихъ размѣрахъ нарушенія правъ деревенскаго люда, насколько увеличилось бы умѣнье защищать свои права, еслибы землевладѣльцы, живущіе въ своихъ помѣстьяхъ, не относились безучастно къ попиранію права окрестнаго населенія! Люди власть имѣющіе и другіе сильные люди въ средѣ деревенскаго населенія поступали бы съ большой опаской, еслибы знали, что крестьяне находятъ защитниковъ среди мѣстныхъ землевладѣльцевъ, и на беззаконныя дѣйствія можетъ быть обращено вниманіе высшей губернской власти. Въ безцеремонномъ, пренебрежительномъ отношеніи у насъ къ человѣческому достоинству простого человѣка весьма ярко проявляются слѣды недавняго рабства. Джентльменъ съ равными и высшими считаетъ ни за что обругать рабочаго человѣка по самому пустому поводу. Еще живо поколѣніе, которое помнитъ время, когда крестьянина можно было оскорблять, бить, отнять у него дѣтей, жену, можно было его заложить, продать, вымѣнять его на собаку—и все это не считалось предосудительнымъ, а было въ порядкѣ вещей. Великій актъ 19 февраля призналъ въ крестьянинѣ человѣка. Но вѣковыя привычки исчезаютъ не скоро. Отношенія къ рабочему человѣку остаются до сихъ поръ какъ къ существу не равноправному, какъ къ существу низшей расы. Возьмите хотя бы,—говоритъ по этому поводу *Нижегородскій Листокъ*,—наше злоупотребленіе мѣстоименіемъ «ты». Какъ бы высоко образованы мы ни были, какія бы гуманныя идеи мы ни проповѣдывали, мы нашей прислугѣ, дворнику, сторожу, извозчику говоримъ «ты». Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что лишь небольшая горсть нашего образованнаго общества усвоила себѣ привычку употреблять по отношенію прислуги и рабочаго человѣка мѣстоименіе «вы». Указываютъ, что народъ не оскорбляется при обращеніи къ нему на «ты». Да, это было, было не особенно давно, но теперь такое отношеніе народа къ «ты» исчезаетъ. Грамотное населеніе деревни, прислуга большихъ городовъ испытываютъ чувство оскорбленія при обращеніи къ нимъ на «ты». Въ нашей общественной жизни принципъ гражданскаго равенства нигдѣ не осуществленъ такъ полно, какъ въ Судебныхъ Учрежденіяхъ. Въ засѣданіяхъ окружныхъ судовъ, судебныхъ палатъ, сената обращеніе со всѣми одинаковое, всѣмъ говорятъ «вы». А вотъ рядомъ съ ними другое учрежденіе,—институтъ земскихъ начальниковъ, имѣющій тоже судебную власть, здѣсь царствуетъ «ты». Нѣтъ, впрочемъ, мы ошиблись. И сюда, и въ этотъ институтъ начинаетъ проникать сомнѣніе въ правильности обращенія на «ты». Недавно

въ газетѣ *Сибирь*, мы прочли слѣдующее: «Пишущему эти строки пришлось присутствовать въ собраніи земскихъ начальниковъ С—скаго уѣзда. Это было первое собраніе, которымъ открывались дѣйствія новаго института въ уѣздѣ, происходило оно въ квартирѣ предводителя дворянства, который, открывая засѣданіе, носившее полуоффиціальный характеръ, сказалъ, между прочимъ, что онъ пригласилъ всѣхъ господъ земскихъ начальниковъ для обсужденія нѣкоторыхъ общихъ, принципіальныхъ вопросовъ. Засѣданіе продолжалось около трехъ часовъ и почти все время было посвящено вопросу о мѣстоименіи второго лица. Пренія были оживленныя. Послѣ довольно долгихъ дебатовъ выяснилось, что собраніе не можетъ придти къ опредѣленному рѣшенію, въ виду значительной сложности вопроса. Тогда одинъ изъ ораторовъ, болѣе опытный въ дѣлахъ коллегіальныхъ, предложилъ расчленить вопросъ на составныя части и поставить опредѣленные тезисы. Такъ и сдѣлали. Собранію было предложенно высказаться, должны ли земскіе начальники говорить «ты» или «вы»: крестьянамъ, сельскимъ старостамъ, волостнымъ писарямъ и гласнымъ отъ крестьянъ въ земскихъ собраніяхъ, по каждому изъ этихъ вопросовъ отдѣльно. Что большинство подало голосъ въ пользу *ты*—это не удивительно, скорѣе удивительно, что нашлось здѣсь меньшинство, требовавшее обращенія на *вы*. Одинъ изъ этого меньшинства предложилъ даже обсудить вопросъ: обязательна ли для земскихъ начальниковъ общепринятая вѣжливость. На это предводитель заявилъ, что считаетъ такой вопросъ не относящимся къ дѣлу, ибо «странно говорить о вѣжливости по отношенію къ такой грубой и невѣжественной средѣ, которая никакой вѣжливости не понимаетъ».

Вопросъ о мѣстоименіи второго лица обсуждался и въ *Юридическомъ Вѣстникѣ*. Г. Дружининъ, указывая въ этомъ журналѣ на то, что въ мировыхъ судахъ, въ судахъ окружныхъ и въ судебныхъ палатахъ ко всѣмъ безъ изъятія допрашиваемымъ лицамъ обращаются на «вы», порицаетъ усвоенную земскими начальниками практику говорить подвѣдомственнымъ имъ лицамъ «ты». Между прочимъ, онъ справедливо указываетъ, что обращеніе на «вы» извѣстнымъ образомъ *воспитывало* бы населеніе, и еслибы даже не имѣло прямого основанія въ законѣ, все-таки каждое учрежденіе, само собой, должно ставить себѣ эту задачу: подъемъ въ населеніи чувства чести и личнаго достоинства. Воспрещеніе должностнымъ лицамъ обращаться въ дѣлахъ службы къ кому бы то ни было на «ты» значительно уменьшило бы область незаслуженныхъ оскорбленій, способствовало бы укрѣпленію въ населеніи чувства человѣческаго достоинства и тѣмъ самымъ оказало бы благотворное вліяніе на народную массу. При настоящей же практикѣ употребленія мѣстоименія второго лица происходятъ большія несообразности. Судится, напримѣръ, одинъ изъ саратовскихъ земскихъ начальниковъ, г. Дмитріевъ, за продовольственныя злоупотребленія и, при допросѣ свидѣтелей-крестьянъ, обращается къ нимъ на «ты». На это предсѣдатель палаты замѣчаетъ подсудимому: «Г. Дмитріевъ, при обращеніи къ свидѣтелю прошу васъ употреблять ту форму, въ какой мы обра-

щаемся и къ вамъ, и къ свидѣтелю, то-есть говорить ему «вы», а не «ты». Но вотъ выйдутъ изъ стѣнъ судебной палаты и тотъ же г. Дмитріевъ засадитъ на три дня подъ арестъ того мужика, который осмѣлится принять къ свѣдѣнію слова предсѣдателя саратовской судебной палаты.

Еелибы народные учителя ограничивались однимъ лишь обученіемъ молодого поколѣнія, то и тогда они творили бы большое дѣло. Но дѣло ихъ чревато еще болѣе важными результатами, благодаря тому, что многіе изъ народныхъ учителей не ограничиваются обученіемъ дѣтей, а воздѣйствуютъ словомъ, совѣтомъ, образомъ своей личной жизни на окружающее населеніе. Поэтому, между учителемъ и населеніемъ нерѣдко возникаетъ тѣсная духовная связь и населеніе отъ глубины сердца выражаетъ учителю свою любовь и признательность. Внѣшними поводами для констатированія такихъ отношеній въ печати являются обыкновенно: переводъ, юбилей и смерть учителя. Въ нашихъ очеркахъ были указываемы много разъ случаи выраженія населеніемъ искреннѣйшей признательности своему учителю. Мы считаемъ умѣстнымъ упомянуть о подобномъ же фактѣ, напечатанномъ недавно въ *Орловскомъ Вѣстникѣ*. Въ концѣ прошлаго года скончался въ г. Стародубѣ, Черниговской губерніи, народный учитель, Трофимъ Алексѣевичъ Скабертинъ. «Нужно было видѣть,—говорится въ корреспонденціи,—сколько бѣдняковъ шло за его гробомъ и провожало своего учителя и друга, чтобы понять, чѣмъ былъ покойный для этихъ бѣдняковъ и какую утрату они понесли въ лицѣ покойнаго. Т. А. Скабертинъ не былъ только народнымъ учителемъ, онъ былъ *другомъ* народа. Онъ всегда думалъ и чувствовалъ, что просить за другихъ можно и должно; онъ всегда сердечно относился къ чужому горю, и не было такого человѣка, который, обратившись къ нему, не получилъ бы посильной помощи, совѣта или отъ него самого, или по его просьбѣ и хлопотамъ. Не было ни одного способнаго ученика, попавшаго къ нему въ училище, всего чаще ребенка бѣдныхъ родителей, котораго онъ не вывелъ бы въ люди. Онъ хлопоталъ, просилъ, добывалъ деньги,—и въ концѣ-концовъ успѣвалъ помѣстить ученика въ средне-учебное заведеніе, выхлопотать ему стипендію изъ тѣхъ или другихъ средствъ. Не мало изъ этихъ дѣтей стародубскихъ столяровъ, сапожниковъ и хлѣбопашцевъ работаютъ теперь въ качествѣ народныхъ учителей въ родномъ своемъ уѣздѣ, другіе окончили высшія учебныя заведенія и подвизаются на разныхъ поприщахъ общественной дѣятельности, выведенные покойнымъ на надлежащую дорогу. Въ стародубской прогимназіи есть много учениковъ, которыхъ иначе не называли, какъ «скабертиновцами». Это все способные дѣти бѣдныхъ ремесленниковъ и земледѣльцевъ, попавшихъ въ гимназію исключительно благодаря энергіи и хлопотамъ покойнаго. За свою добрую педагогическую дѣятельность онъ пріобрѣлъ всеобщую любовь и уваженіе,—любовь всѣхъ его знавшихъ, любовь товарищей, любовь учениковъ и любовь нуждающихся и обездоленныхъ.

Съ неослабѣвающею энергіей продолжаетъ г. Левитскій свою работу, направленную на улучшеніе экономическаго положенія крестьянскаго насе-

ленія путемъ организаціи артелей. По поводу появившагося въ печати слуха о распаденіи артелей, устроенныхъ г. Левитскимъ въ Александрійскомъ и Елисаветградскомъ уѣздахъ, организаторъ артелей далъ обстоятельное разъясненіе. Слухъ этотъ оказывается невѣрнымъ и породило его, вѣроятно, то обстоятельство, что артели, по разнымъ хозяйственнымъ соображеніямъ, перешли къ болѣе упрощеннымъ формамъ. Что переходъ артелей къ болѣе упрощеннымъ формамъ, — разъясняетъ г. Левитскій, — не означаетъ разложенія ихъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ результаты дѣятельности артелей. Оставляя всю массу данныхъ въ сторонѣ, достаточно сказать, что относительно улучшенія и подъема экономическаго положенія и вообще благосостоянія бѣдняковъ, вошедшихъ въ составъ союзовъ, получились такіе значительные результаты, какихъ и самъ г. Левитскій сразу не ожидалъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ губернская управа, написавшая въ своемъ докладѣ земскому собранію на основаніи данныхъ, собранныхъ спеціальною комиссіей, изслѣдовавшей артели, что *сравненіе имущественнаго положенія артельщиковъ до вступленія въ артель съ тѣмъ, что они имѣютъ теперь, поражаетъ громадною разницей экономическаго благосостоянія.* И надо еще принять въ соображеніе, что управа, говоря это, имѣла въ виду, главнымъ образомъ, лишь *инвентарь* артельщиковъ и, судя по даннымъ, недостаточно оцѣнила то, что составляетъ, главную основную задачу дѣла г. Левитскаго: *освобожденіе надѣльной земли бѣдняковъ изъ чужихъ рукъ и увеличеніе запашки хлѣбовъ самими хозяевами, владѣльцами надѣловъ.* Къ великой радости организатора артелей эта цѣль достигнута; почти всѣ артельщики сами уже обрабатываютъ всю свою землю, которая прежде только номинально считалась за ними, а въ дѣйствительности они по-долгу ее и не видѣли. Нужда и безлошадность заставляли ихъ поневолѣ сдавать свой надѣлъ весь или часть его другимъ. Теперь почти вся земля уже освобождена, а съ нею и артельщики освобождены изъ кабалы. Теперь они не только не сдаютъ своей земли, а сами еще беруть въ аренду казенно-оброчныя статьи цѣлыми союзами артелей даннаго села. Если же принять во вниманіе, кромѣ увеличившагося болѣе чѣмъ *въ четыре раза* сельско-хозяйственнаго инвентаря, еще и расширеніе площади посѣвовъ, то та разница въ экономическомъ благосостояніи, о которой говоритъ управа, будетъ еще поразительнѣе. Въ общемъ,—говоритъ г. Левитскій въ заключеніе,—могу успокоить друзей артельнаго дѣла, что хотя въ силу массы условій неблагопріятныхъ наше дѣло приметъ *здѣсь* иную, болѣе простую форму, но помирать мы склонности не чувствуемъ; наоборотъ, только теперь и начинается настоящая работа, благодаря полученному опыту. Передъ нами открывается теперь большая работа въ виду того, что начатое дѣло отозвалось въ разныхъ уголкахъ Россіи и во многихъ мѣстахъ уже приступлено къ организаціи земледѣльческихъ артелей.

Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что самымъ виднымъ результатомъ распространенія просвѣщенія въ народѣ является поднятіе въ мас-

сахъ чувства человѣческаго достоинства и сужденіе разстоянія, отдѣляющаго культурное общество отъ народа. Уже одни эти задачи своей громадной важностью могутъ воодушевлять работниковъ на нивѣ народнаго просвѣщенія. То, что дѣлалось въ этой области земствами за послѣдніе годы и сдѣлано въ текущемъ году, нельзя назвать иначе, какъ воодушевленіемъ, работой, исполненной сознанія великаго ея значенія. Только скудость бюджета не позволяетъ земствамъ ввести немедленно всеобщее обученіе. Сознаніе необходимости не медлить съ этимъ дѣломъ заставляетъ земства неустанно обращаться къ министерству народнаго просвѣщенія съ ходатайствами объ увеличеніи той, пока совершенно ничтожной, доли государственнаго бюджета, которая идетъ на первоначальное образованіе. Въ охватившемъ наше общество движеніи къ просвѣщенію народа *крестьянское* вятское земство занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ по энергіи работы. По справедливому замѣчанію *Вятскаго Края*, школьное дѣло въ губерніи за два послѣдніе года сдѣлало «гигантскій шагъ, небывалый въ исторіи нашихъ земствъ». До 1 января 1895 года въ Вятской губерніи земскихъ школъ было 480, а къ 1 января 1897 года ихъ было уже 702; въ теченіе 1897 года открыто еще около сотни новыхъ школъ.

Состояніе первоначальнаго образованія въ нашемъ отечествѣ и сравненіе этого состоянія съ успѣхами народнаго образованія, сдѣланными въ другихъ государствахъ не только Европы и Америки, но также Азіи, Африки и Австраліи, объясняетъ намъ, почему почти всѣ земскія собранія выдвинули дѣло народныхъ школъ на первый планъ. Каждое новое изслѣдованіе о сравнительномъ состояніи народнаго образованія въ государствахъ земного шара указываетъ на крайнюю нашу въ этомъ отношеніи отсталость. Одной изъ послѣднихъ работъ по этому предмету является трудъ Левассера: «Первоначальное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ». Изъ этого труда, равно какъ и изъ предшествовавшихъ работъ другихъ авторовъ по данному предмету, видимъ, что Россія занимаетъ до сихъ поръ одно изъ первыхъ мѣстъ по относительному числу неграмотныхъ и послѣднее по затратамъ на первоначальное образованіе. Что касается до числа учениковъ народныхъ школъ, приходящихся на 100 жителей, то изъ 58-ми странъ, находящихся въ пяти частяхъ свѣта, только пять стоятъ ниже Россіи въ указанномъ отношеніи, а именно: Тунисъ, Сенегалъ, Французская Индія, Кохинхинъ и Новая Каледонія.

Рядомъ съ увеличеніемъ числа школъ земства озабочены также улучшеніемъ качества школъ. Производимыя изслѣдованія показываютъ, что почти всюду имѣется значительный процентъ школъ тѣсныхъ, сырыхъ, холодныхъ. Одна изъ важнѣйшихъ причинъ такого нежелательнаго факта заключается въ существующей системѣ содержанія школьныхъ зданій. Содержаніе школьныхъ зданій, отопленіе ихъ и освѣщеніе, ремонтъ и пр. дѣлается двояко: или исключительно земствомъ на свои собственныя средства, или совмѣстно съ сельскими обществами. Опять-таки, по скудости

земскихъ бюджетовъ, первый способъ распространенъ мало; господствуетъ второй способъ. Сельскія общества понуждаются земствомъ содержать школьныя зданія въ удовлетворительномъ состояніи, но эти понужденія далеко не всегда достигаютъ своей цѣли, причемъ въ безуспѣшности понужденій крестьянская бѣдность играетъ едва ли не главную роль. Въ виду этого, въ земскихъ собраніяхъ все настоятельнѣе высказывается мысль о необходимости измѣнить господствующую систему содержанія школьныхъ зданій. Черниговскому уѣздному земству удалось въ послѣднее время добиться того, что многія сельскія общества вносятъ потребныя на хозяйственныя нужды школъ суммы (въ среднемъ около 70 руб. на школу) въ мірскія раскладки и передаютъ эти суммы въ управу, которая расходуетъ ихъ при посредствѣ учителей или попечителей школъ. Съ цѣлью упорядочить это дѣло и установить возможно большую равномѣрность въ платежахъ на содержаніе школъ, черниговская управа просила земское собраніе послѣдней сессіи уполномочить ее на составленіе плана совмѣстнаго участія земства и сельскихъ обществъ въ постройкѣ и содержаніи школъ, причемъ въ основаніе такого плана должно быть положено изслѣдованіе платежныхъ силъ всѣхъ населеній уѣзда. Собраніе одобрило такое направленіе дѣла и поручило управѣ представить къ слѣдующему очередному собранію планъ новой организаціи дѣла постройки и содержанія школъ.

По предмету, о которомъ идетъ у насъ теперь рѣчь, заслуживаетъ также вниманія удачный четырехлѣтній опытъ кременчугскаго земства. Кременчугское земство организовало особые школьные хозяйственные совѣты изъ попечителей и народныхъ учителей. Школьныя нужды обсуждаются и опредѣляются не иначе, какъ полнымъ составомъ совѣта. Опредѣливъ нужды, подлежащія удовлетворенію, совѣтъ составляетъ примѣрную смѣту потребныхъ расходовъ и все это заноситъ въ протоколъ, копію съ котораго вручаетъ попечителю для полученія отъ земства назначенныхъ по смѣтѣ суммъ. Попечитель приводитъ въ исполненіе постановленія совѣтовъ, т.-е. покупаетъ матеріалы и нанимаетъ рабочихъ для ремонта школъ, заботится объ освѣщеніи и топливѣ, нанимаетъ сторожа и проч.; во всей своей дѣятельности онъ отчитывается передъ совѣтомъ. Совѣты, въ свою очередь, ведутъ отчетность въ расходованіи школьныхъ суммъ и всю переписку съ земствомъ и другими учрежденіями по разнымъ текущимъ вопросамъ. Практика дѣла показала, что при такихъ условіяхъ школьныя нужды удовлетворяются своевременно и съ большею полнотой, чѣмъ при системѣ завѣдыванія школьными нуждами сельскими обществами.

Изслѣдованіе дѣла, организованнаго г. Левитскимъ, привело,— какъ сообщаютъ *Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости*,—Александровское земство къ выводу, что устройство земледѣльческихъ артелей есть наилучшій путь къ поднятію экономическаго положенія населенія. Въ помощи же матеріальной крестьянское населеніе уѣзда крайне нуждается. Изъ до-

ставленныхъ волостными правленіями, на запросъ управы, свѣдѣній оказывается, что въ уѣздѣ свыше 4,000 крестьянъ, а съ женщинами и дѣтьми — 20,000 душъ, которые не могутъ обрабатывать своихъ надѣловъ за неимѣніемъ хозяйственнаго инвентаря: лошадей, воловъ, земледѣльческихъ орудій. За этими двадцатью тысячами стоятъ другія тысячи, которыя напрягаютъ послѣднія силы, чтобъ удержаться на уровнѣ самостоятельныхъ хозяевъ и которыя, силою вещей, постепенно наполняютъ ряды первыхъ. Чтобы помочь безъинвентарнымъ крестьянамъ организоваться въ артели, управа просила собраніе разрѣшить ей выдачу изъ оброчнаго капитала ссудъ возникающимъ артелямъ, по 200 рублей каждой. Собраніе согласилось съ предложеніемъ управы.

Вятское губернское земство, уже много поработавшее для поднятія земледѣльческой техники на крестьянскихъ поляхъ, выступаетъ теперь съ новой широкой помощью крестьянскому населенію. На послѣднемъ земскомъ собраніи постановлено учрежденіе кустарнаго банка, на подобіе существующаго уже пермскаго банка, но съ болѣе широкою программой, съ основнымъ капиталомъ въ 300,000 руб. и съ оборотами на *полтора милліона* рублей. Важное значеніе этого новаго учрежденія, организуемаго земствомъ, становится тѣмъ болѣе понятнымъ, если вспомнить, что Вятская губернія, по числу кустарей и по валовому обороту ихъ издѣлій, занимаетъ едва ли не первое мѣсто въ Россіи. Кустарными промыслами здѣсь занято до 150,000 человѣкъ съ оборотомъ около 16 милліоновъ рублей. Успѣшный опытъ пермскаго кустарнаго банка, операціи котораго съ каждымъ годомъ расширяются и ссуды возвращаются съ большой аккуратностью, даетъ вятскому земству полное право считать организуемое имъ новое кредитное учрежденіе обоснованнымъ солидно. Главная причина успѣшной и цѣлесообразной дѣятельности пермскаго кустарнаго банка заключается въ удачной организаціи института агентовъ, разсѣянныхъ по всей губерніи и хорошо знакомыхъ съ мѣстными условіями. Агенты назначаются правленіемъ банка изъ лицъ или лично извѣстныхъ правленію, или рекомендованныхъ людьми, заслуживающими довѣрія. Агентура безплатна. Въ составъ ея входятъ, главнымъ образомъ, народные учителя, врачи, священники. И вотъ эта мѣстная интеллигенція, кромѣ своего прямого дѣла, даетъ возможность осуществленію и успѣшному функціонированію такого сложнаго дѣла, какъ беззалоговый ссудный банкъ, кліентами котораго, притомъ, состоятъ почти исключительно люди изъ малодостаточнаго населенія. Для операцій банка вся губернія раздѣляется на участки и каждымъ участкомъ завѣдуетъ одинъ изъ агентовъ. Поступающее въ банкъ заявленіе просителя ссуды пересылается соотвѣтствующему агенту съ просьбой произвести изслѣдованіе о просителѣ и объ его хозяйственномъ положеніи. Заявленіе о выдачѣ ссуды можетъ быть подано просителемъ также непосредственно агенту, который пересылаетъ его, вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ, въ правленіе банка. Лица, получившія ссуду и не могущія почему-либо уплатить

ее въ срокъ, увѣдомляютъ объ этомъ агентовъ; послѣдніе производятъ изслѣдованіе и сообщаютъ банку объ обстоятельствахъ, препятствующихъ своевременной уплатѣ займа, о необходимости отсрочки платежа. Словомъ, во всѣхъ операціяхъ банка агенты являются посредниками между нимъ и кредитующимся населеніемъ.

Вятскій банкъ принимаетъ эту систему для оказанія кредита не только кустарямъ, но и земледѣльцамъ. Опытъ вятскаго земства будетъ чрезвычайно поучителенъ. Въ случаѣ успѣха ссудной операціи и въ средѣ земледѣльцевъ, опытъ этотъ укажетъ государству наилучшій путь устройства кредита сельскому населенію.

И. Иванюковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Толки о всесословной волости.—Проектъ взиманія окладныхъ сборовъ.—Измѣненія въ семейственномъ законодательствѣ.—Къ вопросу о положеніи печати.—О дворянствѣ (по поводу брошюры г. Евреинова).—Русско-польскія отношенія въ статьяхъ г. Пильца.

Въ послѣднее время оживилась мысль о необходимости учрежденія всесословной или безсословной волости, какъ мелкой земской единицы, усилились вмѣстѣ съ тѣмъ и нападенія на такую волость. Когда эти нападенія исходятъ изъ реакціонныхъ органовъ печати, то это понятно и обусловливается общимъ строемъ мысли нашихъ новокрѣпостниковъ. Для нихъ строгое раздѣленіе населенія на сословія является однимъ изъ существенныхъ пунктовъ политической программы, причемъ дѣлаются обыкновенно ссылки на историческій духъ русскаго народа и на пагубный будто бы примѣръ европейскаго Запада. Сколько-нибудь внимательное знакомство съ исторіей Россіи совершенно опровергаетъ такое истолкованіе ея духа. Едва ли есть народъ, столь мало склонный къ сословнымъ перегородкамъ, какъ именно русскій народъ. Сословіе, пользующееся до сихъ поръ у насъ относительно большими правами, дворянское, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей и въ литературѣ, и въ жизни всегда проводило земскіе, демократическіе взгляды. Примѣровъ нечего указывать: ими переполнена и наша печать, и дѣятельность земскихъ учрежденій.

Нападенія, повторяемъ, на всесословную волость понятны; но мы не можемъ не выразить сожалѣнія, что противъ этой волости выступили *Петербургскія Вѣдомости* *). Въ статьѣ, озаглавленной *Возможна ли всесословная волость?*—г. Фесенко приходитъ къ отрицательному выводу. По его мнѣнію, «экономическія и иныя условія нашей жизни» измѣнились въ томъ смыслѣ, что осуществленіе всесословной волости сдѣлалось болѣе, чѣмъ когда-либо фактически-неосуществимымъ. «Въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ г. Фесенко,—развѣ рядъ реформъ послѣднихъ десяти-пятнадцати лѣтъ, направленныхъ къ упорядоченію экономическаго положенія и вообще быта крестьянъ, не создалъ настолько значительную обособленность интересовъ

*) *Петербургскія Вѣдомости*, 2 февраля.

крестьянскаго населенія, что думать о какомъ-то сліяніи интересовъ всѣхъ сословій, хотя бы только на почвѣ общихъ интересовъ всеобщаго благосостоянія волости, представляется не только фактически неосуществимымъ, но и безусловно опаснымъ, въ смыслѣ нарушенія прочности уже существующихъ основъ того же крестьянскаго сословія? Дѣйствительно, крестьянская среда и крестьянскіе интересы стали вполнѣ обособленными: къ ранѣе существовавшему среди крестьянъ самостоятельному управленію прибавился самостоятельный волостной судъ, созданъ ближайшій охранитель ихъ интересовъ—земскій начальникъ, дарованъ независимый и спеціальный банкъ для увеличенія исключительно ихъ матеріальнаго благосостоянія и, наконецъ, прочно создано и установлено крестьянское представительство въ земскихъ собраніяхъ, на судѣ и въ другихъ случаяхъ великой государственной важности. Словомъ, рядомъ предшествующихъ экономическихъ, административныхъ и даже государственныхъ реформъ, крестьянское сословіе, болѣе чѣмъ когда-либо, въ данное время является не только вполнѣ обособленнымъ, но и вполнѣ сформировавшимся въ самостоятельное, независимое и, въ то же время, могучее и прочное сословіе въ нашемъ государствѣ».

Совершенно справедливо, что учрежденіе земскихъ начальниковъ и нѣкоторыя другія мѣропріятія восьмидесятыхъ и начала девяностыхъ годовъ повели къ возстановленію и усиленію сословной розни; но именно противъ этого направленія, односторонняго и, съ нашей точки зрѣнія, не соотвѣтствующаго духу русскаго народа, и должно быть направлено установленіе безсословной волости.

Крестьянскій банкъ въ послѣднее время поставленъ подъ одно управленіе съ дворянскимъ и ничто не мѣшаетъ имъ быть государственнымъ земельнымъ банкомъ, если только не раздѣлять мысли *Гражданина* о необходимости разъединить все сельское населеніе на землевладѣльцевъ (дворянъ) и безземельныхъ батраковъ.

На основаніи доступныхъ намъ статистическихъ данныхъ, мы видимъ паденіе дворянскаго землевладѣнія. Въ волости все болѣе и болѣе появляется людей другихъ сословій, мелкихъ землевладѣльцевъ, ремесленниковъ, торговцевъ. Въ то же время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьянское населеніе отчасти отливаетъ въ города. Народное образованіе неудержимымъ потокомъ надвигается на сословную замкнутость и создаетъ для всего мѣстнаго населенія все большее и большее число общихъ интересовъ. При такихъ условіяхъ всесословная волость одна только можетъ сочетать эти интересы въ соотвѣтствіи съ общегосударственными цѣлями.

«Главнымъ и существеннымъ мотивомъ къ созданію всесословной волости, — говоритъ далѣе г. Фесенко, — служитъ, между прочимъ, то, что крестьянская-де среда далеко не всегда представляетъ собою достаточный контингентъ лицъ, изъ котораго возможно было бы съ успѣхомъ для дѣла избирать представителей крестьянскаго управленія на разнородныя должности этого послѣдняго».

Г. Фесенко совершенно отрицаетъ этотъ доводъ. По его мнѣнію,— которое раздѣляемъ и мы,—въ крестьянской средѣ существуетъ достаточное число людей, способныхъ достойно занимать общественныя должности, но... «достойныя занимать эти должности лица сознательно отъ этого уклоняются». Прибавимъ, что такое уклоненіе вызвано именно мѣропріятіями послѣднихъ десяти-пятнадцати лѣтъ. Самъ г. Фесенко говоритъ, что «причина подобнаго явленія скрыта въ тѣхъ по-истинѣ тяжелыхъ условіяхъ службы волостныхъ должностныхъ лицъ, какія существуютъ въ данное время въ сферѣ крестьянскаго управленія: ничтожность вознагражденія за трудъ, масса «начальства», завѣдующая волостными старшинами, полное разстройство собственнаго хозяйства, за неимѣніемъ времени имъ заниматься вполнѣ радиво и прилежно, всякія случайности въ служебной дѣятельности, часто оканчивающіяся арестомъ, штрафомъ, а слѣдовательно и «публичнымъ» позоромъ,—все это и тому подобное побуждаетъ лучшихъ крестьянъ деревни отклонять избраніе сходовъ быть представителями крестьянскаго управленія, но отнюдь не отсутствіе контингента лицъ создаетъ жалкій и убогій персоналъ служащихъ въ крестьянскомъ управленіи».

Вѣроятно, г. Фесенко согласится съ нами, что приниженность волостныхъ и сельскихъ властей въ значительной степени объясняется командующимъ положеніемъ земскаго начальника, въ лицѣ котораго спутываются начала судебной власти и вотчинной полиціи.

Г. Фесенко упрекаетъ защитниковъ всесословной волости въ непониманіи истинныхъ крестьянскихъ интересовъ. «Всякія иныя сословія,— говоритъ онъ,—вышедшія изъ податной зависимости (?), совершенно утратили всякую способность если не понимать, то чувствовать нужды и потребности крестьянскаго населенія и если они иногда горячо и энергично защищаютъ потребности и нужды крестьянской среды, то это они дѣлаютъ на основаніи лишь теоретическихъ умозаключеній и фактовъ, всегда понимаемыхъ ими съ общечеловѣческой точки зрѣнія».

Признаемся, мы не понимаемъ сословной психологіи г. Фесенка. Неужели честный и неглупый помѣщикъ, живущій давно уже у себя въ деревнѣ, не можетъ *почувствовать* крестьянскія нужды? Неужели это также недоступно сельскому священнику, земскому врачу или учителю?

Г. Фесенко возстаетъ противъ *узурпаторства* надъ крестьянами, въ всесословной волости, умственно болѣе развитаго сословія. И мы этого, конечно, по меньшей мѣрѣ, не желаемъ; но вѣдь еще хуже этого узурпаторства диктатура земскаго начальника (назначаемаго изъ дворянъ).

Въ тѣхъ же *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* *) недавно указывалось на совершенно ненормальное состояніе нынѣшняго волостного управленія. Объ этомъ многократно говорила и *Русская Мысль*, и другія повременныя изданія. Волостной старшина подавленъ неисполнимымъ множествомъ обязанностей, а между тѣмъ,—говоритъ г. Львовъ, авторъ упомянутой статьи,—

*) *Петербургскія Вѣдомости*, № 15.

«земскій начальникъ одинъ, безъ помощи волостного старшины, не можетъ никакъ быть проводникомъ въ деревнѣ благихъ стремленій правительства и земствъ, а главный и единственный его помощникъ, такъ сказать — правая его рука — волостной старшина на $^{7}/_{8}$ у него отнятъ, обремененный непосильными другими обязанностями, игнорировать которыя—грѣхъ земскому начальнику. Вотъ почему, при самыхъ добрыхъ намѣреніяхъ, упорядоченіе хозяйствъ волостей и деревень откладывается все дальше и дальше въ долгій ящикъ, и такое живое и доброе дѣло стоитъ на точкѣ замерзанія».

Въ виду полнаго безсилія земскаго начальника упорядочить волостное хозяйство, не будетъ ли цѣлесообразно замѣнить его волостною управой, по образцу земской, и возстановить институтъ мировыхъ судей, такъ благодѣтельно вліявшій на развитіе въ народѣ чувства законности?

Къ числу наиболѣе тяжелыхъ обязанностей волостного старшины принадлежитъ, какъ извѣстно, взысканіе податей и разныхъ сборовъ. Въ настоящее время въ министерствѣ финансовъ выработанъ новый проектъ для взиманія окладныхъ сборовъ. Порядокъ ихъ взиманія, неудовлетворительный и прежде, былъ ухудшенъ замѣною, по закону 12 іюля 1889 года, уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій единоличною властью земскихъ начальниковъ. «Сфера дѣятельности земскихъ начальниковъ,—говоритъ *Недѣля* *),— имѣющая обыкновенно случайный характеръ, не могла отразиться замѣтнымъ образомъ на улучшеніи податного дѣла и внесла даже крайнюю путаницу въ вопросъ о томъ, кто именно является органомъ податного надзора въ деревнѣ». Компетенція податного инспектора, уѣзднаго исправника и земскаго начальника не имѣетъ достаточной опредѣленности. Проектомъ министерства финансовъ, по сообщеніямъ газетъ, предполагается возложить *на земскихъ начальниковъ:* 1) наблюденіе за своевременною разсылкою волостными правленіями окладныхъ листовъ и за исполненіемъ сельскими и волостными сходами правилъ о раскладкѣ государственныхъ и земскихъ сборовъ; 2) надзоръ за тѣмъ, чтобы распоряженія сходовъ по обложенію селянъ денежными мірскими или натуральными повинностями строго сообразовались съ дѣйствительною потребностью и не клонились къ ущербу платежеспособности крестьянъ; 3) наблюденіе за составленіемъ сходами приговоровъ о частныхъ срокахъ платежа и доляхъ годового оклада, подлежащихъ уплатѣ въ частный срокъ, и представленіе ихъ на утвержденіе уѣзднаго съѣзда; 4) установленіе правильнаго счетоводства по окладнымъ сборамъ и представленіе на утвержденіе уѣздныхъ съѣздовъ приговоровъ волостныхъ и сельскихъ сходовъ, относящихся до установленія или измѣненія порядка сбора, храненія и сдачи казенныхъ, земскихъ и мірскихъ сборовъ и учета волостныхъ правленій и должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленія въ этихъ сборахъ; 5) на-

*) *Недѣля*, № 2.

блюденіе и понужденіе всѣхъ установленій и должностныхъ лицъ крестьянскаго общественнаго управленія къ точному выполненію обязанностей по взносу сельскими обывателями окладныхъ сборовъ по частнымъ срокамъ, разсмотрѣніе жалобъ на нихъ и наложеніе взысканій, и 6) предоставленіе селянамъ льготъ въ уплатѣ окладныхъ сборовъ и нѣкоторыя другія обязанности.

Уѣздному исправнику проектъ поручаетъ, по полученіи имъ отъ податного инспектора списка недоимочныхъ селеній, распорядиться о производствѣ подчиненными ему чинами полиціи описи и оцѣнки движимаго имущества названныхъ селеній и строеній, находящихся на общественной землѣ, и о продажѣ этого имущества, послѣ чего исправникъ обязанъ возвратить списокъ обратно, съ указаніемъ суммы, вырученной по каждому селенію на покрытіе недоимокъ.

Компетенція *податныхъ инспекторовъ* въ періодъ взиманія сборовъ должна имѣть исключительно характеръ наблюденія за строгою закономѣрностью взысканія и за точнымъ исполненіемъ всѣми мѣстными установленіями и должностными лицами опредѣленнаго закономъ порядка взиманія, при ознакомленіи непосредственно на мѣстѣ съ положеніемъ каждаго даннаго дѣла (правильность раскладки повинностей, пополненіе текущихъ окладовъ, предоставленіе льготъ, пополненіе недоимокъ). Къ этимъ обязанностямъ присоединяется надзоръ за правильностью податного счетоводства и за тѣмъ, чтобы съ крестьянъ не взималось сборовъ, запрещенныхъ или неустановленныхъ закономъ.

Уѣзднымъ съѣздамъ предоставлено: 1) разрѣшеніе разномыслій между земскими начальниками и податными инспекторами при производствѣ отмѣтокъ движимаго имущества крестьянъ; 2) утвержденіе отмѣнъ и измѣненіе приговоровъ крестьянскихъ сходовъ о распредѣленіи общаго оклада сборовъ, раскладкѣ повинностей и т. п., и 3) назначеніе мѣста для производства земскимъ начальникомъ торговъ на сдачу въ аренду необрабатываемой земли недоимочнаго селенія, разсмотрѣніе жалобъ на неправильное производство торговъ, распоряженіе о сдачѣ въ аренду съ торговъ полевой земли неисправнаго домохозяина и проч. Податные инспекторы имѣютъ право *протеста* противъ означенныхъ опредѣленій съѣзда.

На *губернаторовъ* возлагается попеченіе о томъ, чтобы земскіе начальники и чины полиціи правильно исполняли свои обязанности, и руководство этими послѣдними въ сомнительныхъ случаяхъ, по соглашенію съ *управляющими казенныхъ палатъ*. Управляющему также предоставляется окончательное рѣшеніе вопроса объ отсрочкѣ отдѣльнымъ домохозяевамъ уплаты недобора до одного изъ слѣдующихъ частныхъ сроковъ въ предѣлахъ окладного года, когда по этому предмету не состоится соглашенія между земскимъ начальникомъ и податнымъ инспекторомъ, и представленіе въ министерство финансовъ о разрѣшеніи крестьянамъ тѣхъ льготъ во взносѣ текущаго оклада и недоимки, которыя превышаютъ власть мѣстныхъ установленій.

Губернское присутствіе привлекается къ обсужденію вопроса объ установленіи однообразныхъ для губерніи правилъ относительно предметовъ крестьянскаго движимаго имущества, не подлежащихъ принудительной продажѣ на пополненіе окладныхъ сборовъ.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ земскихъ начальниковъ, функціи этихъ послѣднихъ предположено предоставить мировымъ посредникамъ и чиновникамъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ.

Такимъ образомъ проектъ суживаетъ дѣятельность полиціи по взысканію податей; но онъ все же очень сложенъ и едва ли уничтожитъ господствующую теперь неурядицу. И въ этомъ случаѣ дѣло значительно упростилось бы съ введеніемъ всесословной волости, тѣмъ болѣе, что и теперь въ вопросахъ взиманія податей волость является не только крестьянскимъ, но и всесословнымъ органомъ.

Заслуживаетъ живѣйшаго вниманія реформа, которая подготовляется въ нашемъ гражданскомъ законодательствѣ. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта поручено коммиссіи по составленію гражданскаго уложенія внести въ началѣ наступившаго года въ государственный совѣтъ составленныя ею предположенія о разлученіи супруговъ и объ улучшеніи положенія незаконнорожденныхъ. До сихъ поръ нашъ законъ неумолимо формаленъ, и поэтому требуетъ нерѣдко полнаго нарушенія нравственнаго смысла семьи. Статья 103 первой части X-го тома *Свода законовъ гражданскихъ* предписываетъ супругамъ жить вмѣстѣ, а женѣ слѣдовать за мужемъ. Всѣмъ извѣстно, къ какимъ тягостнымъ послѣдствіямъ, въ особенности, конечно, для жены, приводило и приводитъ это приказаніе закона въ области отношеній, въ которыхъ прежде всего должны господствовать взаимное уваженіе и личная самостоятельность, гдѣ при иныхъ условіяхъ является самый тяжелый и нерѣдко возмутительный видъ зависимости и грубаго произвола и издѣвательства. На самомъ дѣлѣ жизнь брала свое и законъ постоянно нарушается; но такія нарушенія создаютъ въ свою очередь ненормальныя послѣдствія и не избавляютъ отъ зла, не говоря уже о томъ, какъ компрометируетъ законность такой законъ, который вынуждены нарушать честные люди по нравственнымъ требованіямъ. Теперь бракоразводные процессы составляютъ больное мѣсто нашего законодательства и ведутся они во многихъ и многихъ случаяхъ темными и грязными путями. Всего болѣе страдаетъ при этомъ именно святость брака, которую стремится поддержать нашъ десятый томъ. Какой юридическій смыслъ имѣютъ его предписанія вродѣ слѣдующихъ: «Мужъ *обязанъ любить свою жену*, какъ собственное свое тѣло (почему не душу?), жить съ ней въ согласіи, уважать, защищать, извинять ея недостатки и облегчать ея немощи?»

По справедливому замѣчанію *Недѣли*, «если гражданское законодательство и не коснется собственно церковной стороны брачнаго союза, то оно способно разрѣшить важную практическую сторону дѣла, устранивъ при-

нудительное сожительство двухъ враждебныхъ сторонъ или жестокое подчиненіе одного супруга злоупотребленіямъ другого. И при отсутствіи расторженія брака въ церковномъ смыслѣ, можетъ узакониться и охраняться раздѣльное жительство супруговъ. Необходимость въ подобномъ исходѣ давно ввела въ практику, наприм., истребованіе властями отъ мужа отдѣльнаго вида на жительство для жены, только подобные примѣры являлись внѣ правилъ, случайно, и отличались одностороннимъ характеромъ, почему практиковавшійся обычай былъ слабымъ и далеко не для всѣхъ нуждающихся доступнымъ жизненнымъ коррективомъ».

Необходимо при этомъ принять во вниманіе тягостное положеніе не однѣхъ женъ, но и мужей: «Слишкомъ часто встрѣчаются въ жизни необузданныя жены, отравляющія своими безобразными поступками семейную жизнь, и тутъ мужъ часто бываетъ безсильною жертвой. Если онъ выдастъ такой женѣ видъ на отдѣльное жительство, сдѣлавъ и матеріальныя пожертвованія, то она, поживъ на сторонѣ пока ей нравится, можетъ опять вернуться къ мужу, приводя къ нему и новыхъ дѣтей, причемъ на ея сторонѣ будетъ та же 103 статья X-го тома. Получивъ упомянутый видъ даже при содѣйствіи властей, она не лишается возможности вернуться къ мужу во всякое время, потому что преграды подобному возвращенію не положено. Вслѣдствіе того выходитъ, что одна сторона находитъ хотя случайную защиту, а другая — никакой. Мужъ бываетъ лишаемъ возможности требовать къ себѣ жену, но самъ избавиться отъ ея возврата не можетъ и отъ новыхъ дѣтей долженъ освобождаться только путемъ затяжного и непріятнаго процесса съ сомнительными шансами успѣха, такъ какъ церковный судъ не будетъ основываться на одномъ фактѣ выдачи отдѣльнаго вида, а станетъ требовать еще доказательствъ фактически раздѣльной жизни супруговъ изо-дня въ день, какія и представить не всегда возможно, особенно если оба супруга проживали въ одномъ городѣ или не въ очень далекомъ разстояніи одинъ отъ другого. Въ судебной практикѣ встрѣчались примѣры попытокъ мужей избавляться отъ возвращенія женъ, но попытки эти не имѣли успѣха, потому что видовъ на отдѣльное жительство для мужей не полагается. Поэтому отъ новаго закона слѣдуетъ ожидать бо́льшаго равенства положенія, т.-е., чтобы онъ, входя въ интересы обѣихъ сторонъ, допустивъ разлученіе супруговъ, ограждалъ каждаго и отъ произвольнаго возврата другого къ совмѣстному жительству» *).

Не менѣе, если не болѣе важенъ вопросъ объ улучшеніи положенія ни въ чемъ неповинныхъ незаконнорожденныхъ дѣтей. Въ послѣднее время наше законодательство сдѣлало въ этомъ отношеніи шагъ впередъ, допустивъ узаконеніе дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, при вступленіи впослѣдствіи въ бракъ ихъ родителей; но во всѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда родители не могли этого исполнить или когда этого не хотѣлъ одинъ изъ родителей, терпѣть приходится несчастнымъ дѣтямъ, которыя лишаются

*) *Недѣля*, № 5.

естественно принадлежащихъ имъ правъ. При нынѣшнемъ законодательствѣ дѣйствительныя дѣти лишаются состоянія и правъ отца и матери, должны, напримѣръ, при родителяхъ-дворянахъ записываться въ мѣщане, а съ другой стороны, завѣдомо для мужа чужія дѣти его жены являются полноправными наслѣдниками. Мы вполнѣ присоединяемся поэтому къ слѣдующимъ благороднымъ словамъ уже упомянутой нами статьи *Недѣли*:

«Наше законодательство много бы выиграло въ своемъ достоинствѣ, сравнительно съ другими, еслибы оно, наприм., совершенно упразднило кличку «незаконнорожденныхъ», позорящую цѣлый вѣкъ людей, совершенно неповинныхъ. Права состоянія можно бы предоставить имъ хотя по матери, не ставя ихъ ниже обоихъ родителей; фамилію имъ можно давать тоже по матери или даже по отцу, если онъ несомнѣненъ; такимъ же порядкомъ можно бы опредѣлить ихъ долю въ наслѣдствѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ избавить ихъ отъ тѣхъ приписочныхъ мытарствъ, которыя теперь испытываютъ всѣ, обязанные закономъ избирать себѣ такъ называемый «родъ жизни». Тогда вопросъ о внѣбрачности имѣлъ бы мѣсто только при самомъ первоначальномъ опредѣленіи правъ людей и затѣмъ исчезалъ бы совершенно и забывался. Вмѣстѣ съ этимъ устранились бы и поводы къ искусственному затрудненію для мужей доказыванія дѣйствительной внѣбрачности происхожденія дѣтей ихъ женъ. Не ведя за собою слишкомъ тяжелыхъ послѣдствій, оно утратило бы свою остроту, и каждое дѣло подобнаго рода разрѣшалось бы легче и справедливѣе».

Кстати отмѣтить, въ связи съ нашимъ брачнымъ законодательствомъ, недавнее рѣшеніе кассаціоннаго департамента сената по дѣлу о столкновеніи пароходовъ *Колумбія* и *Владиміръ*. Право вознагражденія въ случаѣ увѣчья или лишенія жизни въ случаяхъ подобнаго рода имѣютъ, по рѣшенію сената, только жена, самъ потерпѣвшій, его родители и дѣти; мужъ не вправѣ просить о присужденіи ему содержанія съ виновнаго въ случаѣ причиненія смерти его женѣ. *Содержанія* — согласны, но почему онъ не имѣетъ права искать вознагражденія или, правильнѣе, имущественнаго возмѣщенія? Теперь не только въ крестьянскомъ населеніи, но и въ среднихъ классахъ общества жена часто является работницей на семью. Но если она даже не получаетъ посторонняго заработка,—ея смерть или увѣчье наносятъ и матеріальный вредъ мужу и дѣтямъ, потому что приходится замѣнить ее наемною женщиной для нѣкоторыхъ изъ тѣхъ обязанностей, которыя она выполняла. Мотивы сенатскаго рѣшенія для насъ непонятны.

Въ немногочисленной семьѣ ежемѣсячныхъ нашихъ изданій одно неожиданно *выбыло изъ строя:* постановленіемъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора святѣйшаго синода прекращено безъ предостереженій и навсегда *Новое Слово*. Этотъ журналъ считался органомъ нео-марксистовъ и читатели *Русской Мысли* знаютъ, что мы принципіально расходимся съ этимъ направленіемъ. Но не можемъ

мы не пожалѣть, что суровою мѣрою, мотивы которой намъ неизвѣстны, произнесенъ надъ *Новымъ Словомъ* смертный приговоръ.

Другой фактъ въ области нашей повременной печати, наоборотъ, отраднаго свойства: одной изъ старѣйшихъ провинціальныхъ газетъ, *Кіевлянину*, разрѣшено выходить безъ предварительной цензуры. Газета эта—строго консервативная, и правительство, конечно, именно поэтому дало ей такую льготу. Мы искренне привѣтствуемъ эту мѣру и надѣемся, что и другія провинціальныя газеты, иного и такого же оттѣнка, получатъ независимое по отношенію къ мѣстнымъ условіямъ положеніе. Русская печать доставляла и доставляетъ правительству много важныхъ свѣдѣній и соображеній, и расширеніе цензурныхъ рамокъ сдѣлаетъ ея работу только болѣе плодотворною.

Мы получили книжку г. Евреинова по вопросу, о которомъ и намъ, и другимъ повременнымъ изданіямъ приходится теперь такъ много говорить: *Прошлое и настоящее значеніе русскаго дворянства.* г. Евреинова *) Авторъ говоритъ въ предисловіи, что за послѣдніе годы въ извѣстной части нашего общества настойчиво распространяется мысль о кастовой обособленности сословій и о необходимости произвести въ этомъ направленіи измѣненія въ нашемъ государственномъ строѣ, начало которыхъ было положено въ восьмидесятыхъ годахъ. Дворянамъ при этомъ предполагается предоставить особыя политическія привилегіи и экономическія преимущества. «Проповѣдники этой политической теоріи,—пишетъ г. Евреиновъ,—ведутъ свою пропаганду подъ знаменемъ русской національной самобытности и зовутъ насъ вернуться вспять съ того пути, на который поставили Россію преобразованія императора Александра II, задуманныя, будто бы, не для удовлетворенія назрѣвшихъ государственныхъ потребностей, а въ подражаніе чуждымъ Россіи порядкамъ государственнаго общежитія, существующимъ въ Западной Европѣ.

«При этомъ они оставляютъ однако невыясненнымъ, что именно разумѣютъ они подъ русской самобытностью, и не указываютъ, какъ далеко въ глубь прошедшихъ вѣковъ должно простираться наше попятное шествіе для обрѣтенія чистыхъ источниковъ русской народной жизни.

«Вообще аргументація людей этого направленія отличается крайней неопредѣленностью, основана на доводахъ умозрительныхъ и чисто голословныхъ ссылкахъ на прошлое Русскаго государства».

Г. Евреиновъ и имѣетъ въ виду своею книжкой напомнить прошлое русскаго дворянства и опредѣлить его современное значеніе.

Мы не будемъ касаться исторической части книжки г. Евреинова, отсылая къ ней всѣхъ интересующихся этою стороной вопроса. Для насъ важны въ данномъ случаѣ тѣ выводы, къ которымъ приходитъ почтенный авторъ.

---

*) Спб., 1898.

Г. Евреиновъ говоритъ, что «благодѣтельное дѣйствіе преобразованій императора Александра II обнаружилось прежде и болѣе всего въ дворянской средѣ, нравственный и образовательный уровень которой измѣнился къ лучшему до неузнаваемости». Самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ правильности этого утвержденія служитъ дѣятельность дворянства въ земствѣ. «Здѣсь,—пишетъ г. Евреиновъ,—на первомъ планѣ должны быть поставлены заслуги земства по народному образованію. Земство уже тѣмъ обнаружило свою зрѣлость, что, оцѣнивъ великое значеніе просвѣщенія народныхъ массъ, оно заботы о немъ поставило во главу угла всей земской дѣятельности.

«Затѣмъ земство впервые обезпечило населенію уѣздовъ врачебную помощь. Чтобы оцѣнить заслуги земства въ этомъ направленіи, надо припомнить, что дѣловая сообразительность приказовъ общественнаго призрѣнія по врачебной части не пошла далѣе устройства для всего населенія губерніи одной больницы въ губернскомъ городѣ,—огромной, дорого стоющей, казарменнаго типа.

«По вѣрному пути пошло земство и въ своихъ заботахъ объ улучшеніи современныхъ условій сельскаго хозяйства, имѣющаго первенствующее значеніе въ нашей по преимуществу земледѣльческой странѣ. Оно не ограничивается одними жалобами и воплями о правительственной помощи, а принимаетъ, въ предѣлахъ своихъ ограниченныхъ средствъ, такія дѣйствительныя мѣры къ улучшенію сельско-хозяйственной культуры, какъ образованіе при земскихъ управахъ коллегіальныхъ сельско-экономическихъ органовъ, назначеніе губернскихъ и уѣздныхъ агрономовъ, устройство опытныхъ полей, сельско-хозяйственныхъ складовъ, музеевъ, фермъ, метеорологическихъ станцій и главнѣе всего—сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній.

«Изъ опубликованныхъ министерствомъ земледѣлія свѣдѣній мы узнаемъ, что 31 губернское и 309 уѣздныхъ земствъ принимали въ 1896 г. участіе въ попеченіи о мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ нуждахъ, расходуя на этотъ предметъ свыше 1.300,000 рублей, причемъ, по сравненію съ 1895 г. земскій сельско-хозяйственный бюджетъ возросъ въ 1896 г. на 787,480 р.»

Кончаетъ свою книжку г. Евреиновъ такими словами, которыя навѣрное возбудятъ негодованіе дворянъ изъ *Московск. Вѣдом.* и *Гражданина*: «Здоровый ростъ Русскаго государства требуетъ не возвращенія на путь сословныхъ привилегій, а спокойнаго завершенія съ начала столѣтія совершающагося у насъ естественнаго процесса обращенія привилегій въ общее право».

Русско-польскія отношенія продолжаютъ обсуждаться въ нашей печати. Приводить мнѣнія «охранителей» не стоитъ: это вѣчный и скудоумный призывъ «тащить и не пущать». Несравненно интереснѣе прислушаться къ польскимъ голосамъ. Въ *Краѣ* (петербургскомъ) были напечатаны Э. И.

Пильцемъ три статьи, которыя онъ теперь перевелъ и прислалъ намъ въ видѣ брошюры. Первая статья озаглавлена *Поворотный моментъ* и напечатана 14 августа прошлаго года передъ посѣщеніемъ Государемъ Императоромъ столицы русской Польши. «Наступило время,—говорилъ редакторъ-издатель газеты *Край*,—искренняго объясненія какъ для насъ самихъ, такъ и относительно русскихъ,—объясненія безъ утайки истины, хотя бы самой горькой для гордости и самолюбія нашего народа». Нынѣшняя программа польскаго общества, по крайней мѣрѣ умѣренной его части, рѣзко отличается отъ программы конца пятидесятыхъ годовъ передъ злосчастнымъ возстаніемъ 1863 года. «Какъ нѣкогда, такъ и нынѣ,—пишетъ г. Пильцъ,—мы питаемъ привязанность къ нашей родной землѣ, къ нашей народности, къ языку, обычаямъ и вѣрѣ. Мы не измѣняемъ нашимъ преданіямъ, любимъ наше прошлое во всей его совокупности, безразлично, говоритъ ли оно намъ о блестящихъ и славныхъ, или же о печальныхъ моментахъ, является ли оно достойнымъ подражанія, или же внушающимъ предостереженіе. Мы вѣруемъ, что народъ, имѣющій за собою тысячелѣтнюю цивилизацію и высокую культуру, соперничающій съ самыми старыми націями Европы на поприщѣ науки, литературы и искусства, доказывающій на каждомъ шагу, что его право на существованіе не подлежитъ давности,—что такой народъ не можетъ погибнуть.

«Наши пути расходятся только, когда требуется начертать программу политической дѣятельности въ видахъ сохраненія развитія народности, а равно и для того, чтобъ обезпечить за обществомъ наибольшую мѣру благосостоянія. Наша программа не отвлекается отъ дѣйствительности, отъ жизни, она вполнѣ реальна, она несравненно скромнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и несравненно осуществимѣе. Понимая, что такъ точно, какъ 31-й годъ разбилъ конституціонное Царство Польское, такъ 63-й схоронилъ автономные проекты Велепольскаго, зная, что въ понятіяхъ правительства и русскаго народа произошли съ тѣхъ поръ перемѣны во взглядахъ на условія государственнаго единства, съ которыми надо считаться,—мы заключаемъ нашу программу въ слѣдующихъ предѣлахъ: признаніе національной этнографической и культурной самобытности съ вытекающими отсюда послѣдствіями, уравненіе правъ поляковъ съ правами всѣхъ подданныхъ государства дарованіемъ Царству Польскому тѣхъ учрежденій, какими пользуются внутреннія губерніи; съ нашей же стороны: лояльность относительно Монарха и правительства, искреннее признаніе государственнаго единства и добросовѣстное исполненіе государственныхъ обязанностей».

Г. Пильцъ полагаетъ, что эта программа можетъ быть названа программою большинства польскаго общества. Мы полагаемъ, что требовать отъ поляковъ большаго было бы несправедливостью и безуміемъ. Пообѣщать этого большаго могли бы только лицемѣры изъ корыстныхъ видовъ или люди, отступившіе отъ національныхъ и культурныхъ преданій своей родины, т. - е. естественные сотрудники нашихъ націоналъ - реакціонеровъ. Мы будемъ искренними до конца и скажемъ полякамъ, что на-

ши отношенія къ нимъ нерѣдко портятся подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма, развиваемаго римско-католическимъ духовенствомъ. Только поляки могутъ рѣшить, неразрывно ли связано ихъ стремленіе къ сохраненію самобытности съ догматомъ папской непогрѣшимости, и, конечно, ни одинъ публицистъ не осмѣлится предложить малѣйшаго видоизмѣненія религіозныхъ убѣжденій, какъ дѣла исключительно личной совѣсти; но устраненіе римско-католической церкви отъ какой-либо политической агитаціи и ея примирительное отношеніе къ православному населенію принесло бы Царству Польскому большую пользу. Вѣрующій католикъ-полякъ можетъ этого требовать отъ служителей своей церкви. Многое въ русско-польскихъ отношеніяхъ утратило бы острый характеръ, еслибы не разжигалась вѣроисповѣдная нетерпимость. Само собою разумѣется, что все сказанное было бы справедливо и по отношенію къ намъ, еслибъ въ подобномъ грѣхѣ повинно было русское духовенство.

Въ заключеніе третьей своей статьи г. Пильцъ говоритъ, что «поляки могутъ соединить горячую привязанность къ своей національности и вѣрѣ съ любовью и преданностью къ своему Монарху и съ добросовѣстнымъ исполненіемъ обязанностей, вытекающихъ изъ государственнаго единства».

Въ милостивой рѣчи къ представителямъ польскаго общества въ Варшавѣ Государь Императоръ сказалъ, что вѣритъ искренности одушевляющихъ это общество чувствъ. Вѣрятъ въ нее консервативныя (въ точномъ и добросовѣстномъ смыслѣ слова) *Петербургскія Вѣдомости*, вѣритъ либеральная печать. Не вѣрятъ, по арендной преемственности, *Московскія Вѣдомости*. Предположимъ, что газета не вѣритъ искренно; никто и не приглашаетъ ее перемѣнить мнѣніе и не видѣть опасности въ томъ, гдѣ она ее теперь усматриваетъ. Но русскому публицисту, безъ различія направленія, слѣдуетъ помнить, что онъ представитель господствующаго народа, и не разжигать оскорбительными выраженіями людей другого племени и другого вѣроисповѣданія, которые могутъ и хотятъ быть добрыми гражданами нашего государства.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ печати появилось важное правительственное сообщеніе, разъясняющее то положеніе, которое приняла Россія въ греко-турецкомъ вопросѣ. «Въ общемъ положеніи дѣлъ на турецкомъ Востокѣ,—сказано въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* *),—по сравненію съ прошлымъ совершились значительныя перемѣны: то революціонное броженіе на островѣ Критѣ, противъ котораго Россія первая возвысила свой голосъ, было подавлено совмѣстными усиліями державъ, изъявившими готовность принять всѣ необходимыя мѣры, дабы воспрепятствовать насильственному захвату острова Греціею; полковникъ Вассосъ, со своими эмиссарами и волонтерами, принужденъ былъ покинуть Критъ, гдѣ, благодаря энергичнымъ усиліямъ, возстановлено было сравнительное спокойствіе; критяне не возбуждали болѣе требованій о присоединеніи къ Греціи и съ радостью приняли дарованную имъ автономію; наконецъ, благодаря мощному заступничеству нашего Августѣйшаго Монарха, прекращены были военныя дѣйствія между Турціею и Греціею; уполномоченные эллинскаго правительства отбыли въ Константинополь для совмѣстнаго обсужденія съ турецкими делегатами условій мира (нынѣ благополучно заключеннаго), между тѣмъ какъ европейскіе представители въ Царьградѣ заняты были выработкою основаній для автономнаго управленія островомъ Критомъ, взятымъ всѣми державами подъ ихъ покровительство».

Но для введенія автономіи, прежде всего, надо было установить прочную власть. Всѣ предложенія державъ, имѣвшія въ виду назначеніе на островъ генералъ-губернатора, потерпѣли полную неудачу. Тогда Россія «сочла возможнымъ, при вышеуказанныхъ условіяхъ, поставить на очередь кандидатуру греческаго королевича Георга, назначеніе котораго на постъ критскаго генералъ-губернатора, удовлетворяя вполнѣ законнымъ вожделѣніямъ христіанскаго населенія острова, вмѣстѣ съ тѣмъ, являлось залогомъ успокоенія всего эллинскаго народа, съ тревогою взирающаго на безвѣстность будущей судьбы своихъ единоплеменниковъ».

*) *Правительственный Вѣстникъ*, 28 января.

Предложеніе нашего правительства было встрѣчено сочувственно Франціей, Англіей и Италіей, но встрѣтило сопротивленіе со стороны Германіи, Австро-Венгріи и султана. Послѣдній попрежнему настаиваетъ на томъ, чтобы постъ критскаго генералъ-губернатора былъ замѣщенъ турецкимъ подданнымъ. «На сдѣланныя султаномъ въ этомъ смыслѣ предложенія наше правительство неизмѣнно отвѣчало, что ни одна изъ великихъ державъ не дастъ своего согласія на кандидатуру турецкаго подданнаго и что, въ виду принятаго всѣми иностранными правительствами единодушнаго рѣшенія не допускать увеличенія оттоманскихъ войскъ на островѣ, султанъ лишенъ былъ бы всякихъ средствъ къ водворенію турецкаго генералъ-губернатора на Критѣ.

«Предлагая назначить на этотъ постъ королевича Георга, Россія имѣла въ виду обезпечить цѣлость Оттоманской имперіи, такъ какъ со стороны королевича заранѣе послѣдовало согласіе на признаніе сюзеренныхъ правъ султана, и сохранить миръ на Востокѣ, для чего необходимо было поставить во главѣ управленія Критомъ лицо, которое могло бы водворить тамъ полное спокойствіе и съ должнымъ авторитетомъ поддерживать генералъ-губернаторскую власть, защищая какъ христіанское, такъ мусульманское населеніе острова.

«Таковы единственныя цѣли безкорыстно предложеннаго Россіею рѣшенія критскаго вопроса, разъ навсегда устраняющаго всякій поводъ для державъ къ вмѣшательству, вызываемому періодически возникавшими на островѣ кровавыми событіями».

Изъ этихъ объясненій видно, съ какимъ искреннимъ миролюбіемъ, съ какимъ вниманіемъ къ разумнымъ интересамъ грековъ и съ какою пощадою къ султану выступаетъ наше правительство.

Въ виду сопротивленія Германіи и Австро-Венгріи, рѣшеніе критскаго вопроса опять затягивается, къ явному ущербу для авторитета европейскаго «концерта». *Правительственный Вѣстникъ* въ такихъ словахъ намѣчаетъ дальнѣйшій образъ дѣйствій нашего министерства иностранныхъ дѣлъ: «Высказавъ откровенно какъ султану, такъ и великимъ державамъ взглядъ свой на настоящее положеніе критскаго вопроса, Россія отнюдь не настаиваетъ на предложенномъ ею рѣшеніи; еслибы какая-либо изъ европейскихъ державъ изыскала иной выходъ изъ затрудненій, который, удовлетворяя требованіямъ султана и державъ, а равно и вожделѣніямъ критянъ, могъ бы впослѣдствіи послужить основаніемъ для окончательнаго рѣшенія критскаго вопроса, то, конечно, русское правительство не преминуло бы дать на это свое согласіе.

«Но столь многосложная задача намъ представляется трудно выполнимою, и вотъ почему Россія не считала возможнымъ принять на себя иниціативу какихъ бы то ни было новыхъ предложеній.

«Оставаясь въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ какъ съ Турціею, такъ и съ тѣми европейскими державами, которыя не отнеслись сочувственно къ ея предложеніямъ, Россія не замедлила предупредить европейскія правитель-

ства, что она слагаетъ съ себя отвѣтственность за всѣ неблагопріятныя послѣдствія, которыя могутъ, по ея мнѣнію, возникнуть отъ дальнѣйшихъ проволочекъ въ разрѣшеніи критскаго вопроса, и что для насильственнаго водворенія генералъ-губернаторской власти она ни подъ какимъ видомъ не допуститъ увеличенія на островѣ турецкихъ войскъ и ни въ какомъ случаѣ не приметъ участія въ какихъ бы то ни было понудительныхъ мѣрахъ противъ критскаго населенія, уже такъ давно терпѣливо выжидающаго окончательнаго рѣшенія своей судьбы».

Привѣтствуя миролюбіе и прямодушіе правительственнаго заявленія, мы привѣтствуемъ въ то же время и самый фактъ его появленія. Наше общественное мнѣніе очень заинтересовано событіями на европейскомъ Востокѣ и знать о томъ, что дѣлаетъ и предполагаетъ дѣлать въ этомъ отношеніи императорское правительство, оно можетъ теперь изъ первоисточника. Всеобщее и благодарное сочувствіе, которое возбудило въ обществѣ сообщеніе *Правительственнаго Вѣстника*, въ свою очередь можетъ только поднять нравственный авторитетъ нашего правительства въ глазахъ Европы.

Къ сожалѣнію, сопротивленіе Германіи и Австро-Венгріи примирительному предложенію Россіи укрѣпитъ упрямство Блистательной Порты и поведетъ къ усложненію и безъ того запутаннаго положенія. Султанъ теперь вполнѣ увѣренъ, что до понудительныхъ по отношенію къ нему мѣръ дѣло не дойдетъ. Германская, австро-нѣмецкая и мадъярская печать говорятъ о кандидатурѣ принца Георга несочувственно, напоминая, что нельзя вознаграждать побѣжденную Грецію. Оффиціозный органъ австрійскаго правительства, *Fremdenblatt*, высказывается противъ всякихъ понудительныхъ къ Турціи мѣръ; *National Zeitung* полагаетъ, что соглашеніе между европейскими державами не осуществимо. Скорѣе,—полагаетъ берлинская газета,—можетъ случиться, что руководительство этимъ вопросомъ совсѣмъ ускользнетъ изъ рукъ дипломатіи. Вотъ почему слѣдуетъ обождать, какъ поступитъ критское національное собраніе. Если послѣднее выскажется за кандидатуру королевича Георгія, то въ такомъ случаѣ нѣкоторыя великія державы непремѣнно выйдутъ по этому вопросу изъ «европейскаго концерта».

А тѣмъ временемъ турецкія войска крѣпко занимаютъ Ѳессалію и творятъ въ ней и въ Эпирѣ всяческія насилія и жестокости, — истребляютъ цѣлыя греческія деревни, жители избиваются или изгоняются. И, конечно, главная вина въ этомъ отношеніи падаетъ на германское и австро-венгерское правительства. Послѣднее, быть можетъ, потому такъ упорно защищаетъ невыносимое для христіанскаго населенія Турціи *status quo*, что оно само стремится удержать равновѣсіе внутри расшатавшейся Габсбургской монархіи. Вражда между австрійскими нѣмцами и славянами (въ особенности чехами) нисколько не ослабѣваетъ. Нѣмцы упрямо не желаютъ признавать другія народности Цислейтаніи равноправными себѣ. Нѣмецкіе студенты производятъ вызывающія демонстраціи, всячески оскорбляютъ своихъ славянскихъ товарищей и довели дѣло до того, что правительство пріі-

остановило занятія во всѣхъ австро-нѣмецкихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Австро-нѣмецкія газеты, безъ различія направленія, привѣтствуютъ постановленіе верхне-австрійскаго областного сейма, которое требуетъ отмѣны изданнаго графомъ Бадени распоряженія о равноправности въ Богеміи и Моравіи нѣмецкаго и чешскаго языковъ. Надобно замѣтить, что большинство этого сейма принадлежитъ къ нѣмецкой католической народной партіи, которая въ парламентѣ до сихъ поръ была въ коалиціи съ славянскими депутатами. «Состоявшійся въ декабрѣ прошлаго года въ Краковѣ австро-славянскій съѣздъ отправилъ вождю католической народной партіи, д-ру Эбенгоху, сочувственную телеграмму и выразилъ ему благодарность за поддержку справедливыхъ національныхъ стремленій австрійскихъ славянъ, вообще, и чешскаго народа, въ частности. Нынѣ же д-ръ Эбенгохъ явился докладчикомъ упомянутой резолюціи верхне-австрійскаго сейма и рѣзко осудилъ распоряженіе о равноправности языковъ» *).

Если нарушенъ будетъ союзъ между клерикалами и славянами, то въ этомъ не будетъ еще большой бѣды для послѣднихъ, лишь бы только они крѣпко держались другъ за друга. Вѣнскій корреспондентъ *Новостей* справедливо указываетъ на то, что союзъ съ клерикалами никогда не пользовался сочувствіемъ чешскаго народа. «Не слѣдуетъ забывать, что д-ръ Эбенгохъ внесъ въ рейхсратъ законопроектъ о преобразованіи нынѣшней либеральной школьной системы въ реакціонномъ духѣ, а чехи горячо отстаиваютъ народное просвѣщеніе. Если нѣмецкіе клерикалы выйдутъ изъ нынѣшняго парламентскаго большинства, то славяне, вѣроятно, еще тѣснѣе сплотятся и убѣдятся въ томъ, что они предоставлены самимъ себѣ и что вся сила заключается въ солидарности. Безъ славянъ нѣмцы, и въ случаѣ полнаго объединенія, не имѣютъ большинства въ рейхсратѣ. Нѣмцы, конечно, разсчитываютъ на помощь поляковъ; но члены польскаго клуба недавно только высказались въ галицкомъ сеймѣ въ пользу расширенія автономіи земель. Въ правительственныхъ сферахъ увѣряютъ, что баронъ Гаучъ далекъ, вообще, отъ мысли заставить чеховъ перейти въ оппозицію. Ему только хочется путемъ отмѣны непопулярныхъ среди нѣмцевъ апрѣльскихъ распоряженій лишить нѣмецкихъ оппозиціонеровъ повода продолжать, въ случаѣ открытія рейхсрата, обструкціонную борьбу и подготовить почву для улаженія вопроса о языкахъ законодательнымъ путемъ».

Настаивая на раздѣленіи Богеміи на области нѣмецкія и чешскія, австрійскіе централисты выступили теперь съ лозунгомъ: *вонъ изъ Праги*. Такъ какъ населеніе богемской столицы въ подавляющемъ большинствѣ чешское, то нѣмцы предлагаютъ перевести и нѣмецкій университетъ, и управленіе *замкнутою областью нѣмецкаго языка* въ другой городъ. Чешскія газеты энергически возстаютъ противъ этихъ замысловъ. *Politik* называетъ образъ дѣйствій австро-нѣмецкихъ централистовъ національнымъ нигилизмомъ, и, дѣйствительно, высокомѣрному, грубому, эгоистическому національному ав-

*) *Новости*, № 21.

стрійскіе нѣмцы приносятъ въ жертву основныя требованія справедливости и такіе принципы государственнаго устройства, безъ которыхъ немыслима культурная народная жизнь въ концѣ девятнадцатаго столѣтія.

Въ Германіи попрежнему съ напряженнымъ вниманіемъ и съ тревогой слѣдятъ за развивающейся національною борьбой въ Цислейтаніи *). *National Zeitung* сомнѣвается, чтобы перенесеніе вопроса о равноправности языковъ въ ландтагъ было искуснымъ ходомъ правительства, потому что не примирительный духъ вѣетъ теперь въ Богеміи. Берлинская газета утверждаетъ, что распоряженіе графа Бадени объ языкахъ угрожаетъ національному существованію австрійскихъ нѣмцевъ. Было бы понятно, еслибы *National Zeitung* сказала: это распоряженіе угрожаетъ нѣмцамъ, какъ *господствующей* національности. Но къ утратѣ такого положенія австро-нѣмецкимъ централистамъ неизбѣжно придется привыкать. *National Zeitung* робко совѣтуетъ австрійскимъ нѣмцамъ нѣкоторую умѣренность, предостерегаетъ ихъ отъ плохихъ послѣдствій, къ которымъ можетъ привести тактика Вольфа и другихъ буяновъ австро-нѣмецкаго національнаго нигилизма.

Frankfurter Zeitung замѣчаетъ, что соглашеніе *народа съ народомъ* (von Volk zu Volk) не можетъ состояться въ богемскомъ ландтагѣ уже по тому одному, что представительство въ немъ построено на неправильныхъ началахъ: депутатовъ выбираетъ преимущественно привилегированное меньшинство, дворянство, клиръ, крупная промышленность, чиновничество. Это справедливо, но *Frankfurter Zeitung* забываетъ прибавить, что такого порядка представительства крѣпко держатся именно австрійскіе нѣмцы, что всякое расширеніе избирательной системы, каждый шагъ, приближающій ее ко всеобщей подачѣ голосовъ, былъ бы выгоденъ для славянскаго большинства Австрійской имперіи.

Та же *Frankfurter Zeitung*, напоминая объ извѣстномъ письмѣ проф. Ягича, въ которомъ онъ называлъ взгляды Моммзена на Австрію анахронизмомъ и утверждалъ, что она не можетъ быть ни нѣмецкимъ, ни славянскимъ государствомъ, находясь между Германіей и Россіей,—говоритъ и объ отвѣтѣ знаменитаго ученаго. Моммзенъ присоединяется къ мнѣнію Ягича и говоритъ теперь, что именно такимъ онъ представляетъ себѣ будущее Австріи: думать въ настоящее время объ ея германизированіи было бы утопіей. Но Моммзенъ полагаетъ, что отношенія великой державы требуютъ извѣстнаго единства и что это единство можетъ дать только нѣмецкій элементъ. Эти объясненія во всякомъ случаѣ неизмѣримо далеки отъ рекомендаціи Моммзена колотить по чешской башкѣ ad majorem Germaniae gloriam.

Нѣмецкая печать очень занята бюджетомъ, который внесенъ министромъ финансовъ въ прусскую палату депутатовъ. Бюджетъ въ высшей

---

*) Отмѣтимъ при этомъ, что трансильванскіе нѣмцы горячо протестуютъ противъ настойчиваго стремленія омадьярить населяемую ими область.

степени благопріятенъ. Доходы на 1898—99 годъ (съ 1 апрѣля по 1 апрѣля) исчисляются въ 2.187.527,384 марки, обыкновенные расходы въ 2.055.891,380 м. Значительно увеличились доходы съ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ и отъ прямыхъ податей (отъ подоходнаго налога). Увеличено сравнительно съ прошлымъ годомъ погашеніе долговъ (на 4.960,026 марокъ). Значительно увеличены расходы на народное образованіе и на медицинскую часть (на 12.421,257 марокъ, преимущественно на народное образованіе, въ особенности на увеличеніе содержанія учителямъ и учительницамъ въ народныхъ школахъ, именно 5.798,000 марокъ). Чрезвычайные расходы подняты на 131.636,104 мар., причемъ огромная сумма идетъ на погашеніе долговъ (65½ милл.) и годъ кончится безъ дефицита. Мало этого: министръ финансовъ Микель предполагаетъ поступленія съ большою осторожностью, такъ что можно предвидѣть болѣе или менѣе значительный перевѣсъ доходовъ надъ расходами.

Frankfurter Zeitung справедливо замѣчаетъ, что избытокъ государственныхъ доходовъ долженъ бы идти, кромѣ погашенія долговъ, на культурныя цѣли. Микель опасается обязываться расходами на долгіе сроки, такъ какъ финансовое положеніе Пруссіи можетъ и ухудшиться и тогда для ихъ покрытія пришлось бы прибѣгнуть къ новымъ налогамъ. До нѣкоторой степени это основательно, хотя именно культурныя затраты, поддерживая общее экономическое благосостояніе, и предохраняютъ отъ непріятныхъ бюджетныхъ неожиданностей. *Frankfurter Zeitung* кромѣ того упрекаетъ Микеля въ томъ, что, будучи столь осторожнымъ, какъ прусскій министръ финансовъ и въ государствѣ, хозяйство котораго находится въ столь благопріятномъ состояніи, онъ не противодѣйствуетъ долговременному и тяжелому обремененію всей Германіи, неизбѣжному въ томъ случаѣ, если въ парламентѣ пройдетъ проектъ чрезвычайнаго усиленія военнаго флота. Имперскіе финансы напряжены и безъ того значительно болѣе прусскихъ *).

National Zeitung, указывая на то, что блестящее состояніе прусскихъ финансовъ объясняется благопріятными условіями производства и торговли, не зависящими отъ правительства вообще и финансоваго управленія въ частности, признаетъ большія заслуги Микеля въ дѣлѣ упорядоченія и усиленія прямыхъ налоговъ (въ особенности подоходнаго) **). Органъ національ-либеральной буржуазіи, въ противоположность демократической *Frankfurter Zeitung*, весьма одобряетъ прусскаго министра финансовъ за то, что онъ отказывается быстро повышать расходы на культурныя цѣли. *National Zeitung* видитъ въ стремленіи къ такому повышенію нежелательный ростъ государственной централизаціи. Намъ этотъ терминъ представляется въ данномъ случаѣ совершенно неудачнымъ: почему, напримѣръ,

*) *Frankfurter Zeitung*, № 12.
**) *National Zeitung*, № 21.

увеличеніе жалованья народному учителю на сто или на двѣсти марокъ будетъ увеличеніемъ государственной централизаціи *)?

Сознаніе необходимости придти на помощь культурному подъему народа быстро растетъ въ германскомъ обществѣ. На конгрессѣ для устройства народныхъ развлеченій, недавно происходившемъ въ Берлинѣ, указывалось на необходимость широкихъ мѣръ въ этомъ отношеніи. Трудящимся классамъ, у которыхъ такъ мало досуга и такъ мало средствъ, необходимо облегчить доступъ въ музеи и галлереи, необходимо основать новыя учрежденія подобнаго рода, слѣдуетъ развить и усилить чтенія и вечера какъ съ научно-воспитательною цѣлью, такъ и для чистаго, разумнаго отдыха и развлеченія. Уже многое дѣлается въ этомъ отношеніи въ Германіи, но поле для работы—необозримое, и всѣхъ прусскихъ сбереженій не хватило бы у Микеля для полнаго удовлетворенія духовныхъ потребностей народа **)

Когда пишется это обозрѣніе, весь образованный міръ прикованъ къ процессу Золя и ждетъ съ напряженнымъ вниманіемъ приговора присяжныхъ. Жива ли старая великодушная Франція, такъ страстно любившая справедливость?

Всѣ подробности этого знаменитаго дѣла читатели знаютъ изъ газетъ, и мы коснемся его лишь въ нѣсколькихъ словахъ.

13 января н. ст. въ газетѣ *L'Aurore* появилась прогремѣвшая на весь міръ статья *J'Accuse...* Это настоящій пламенно и честно написанный обвинительный актъ противъ правительства и военныхъ властей, нарушившихъ въ процессахъ Дрейфуса и Эстергази основныя требованія законности. Правительство, послѣ долгаго колебанія, привлекло Золя и редакцію газеты *L'Aurore* къ суду, но только по самому маловажному изъ обвиненій, открыто брошенныхъ мужественнымъ писателемъ въ лицо властей. Другихъ вопросовъ, тѣсно и даже неразрывно связанныхъ съ правильностью или неправильностью оправданія военнымъ судомъ Эстергази, подсудимымъ и свидѣтелямъ не позволено касаться. Реакціонныя и клерикальныя вѣянія чувствуются во всемъ этомъ дѣлѣ. Свойственный французамъ шовинизмъ, подкрѣпленный милитаризмомъ, выходитъ изъ скрытаго состоянія наружу, и неразумный культъ «*арміи*» приноситъ свои горькіе плоды.

Что касается до правосудія въ собственномъ смыслѣ слова, до юридической стороны въ дѣлѣ Эмиля Золя, то вотъ компетентное въ этомъ отношеніи мнѣніе русскаго юриста, сенатора Закревскаго (въ *Юридической Газетѣ*). «Дѣло Дрейфуса-Эстергази,—говоритъ г. Закревскій,—особенно

---

*) Отмѣтимъ, что въ бюджетъ внесено четыреста тысячъ марокъ на усиленіе германскаго элемента въ Познани и въ Западной Пруссіи.

**) Для интересующихся вопросомъ укажемъ, что въ Германіи издается газета, сосредоточивающая свѣдѣнія объ учрежденіяхъ для рабочихъ (*Zeitschrift der Centralstelle für Arbeiter-Wohlfahrtseinrichtungen*).

любопытно для юриста, такъ какъ оно съ поразительною наглядностью подтверждаетъ, какъ опасно гдѣ-либо, когда-либо и подъ какими-либо предлогами отступать отъ коренныхъ началъ правосудія, примѣшивать къ дѣлу суда политическіе вопросы и не соблюдать существенныхъ обрядовъ судопроизводства».

Г. Закревскій, указывая на то, что правительство не охотно выступило противъ Эстергази, склоняясь къ мысли, что его обвиненіе вызывалось *компаніей евреевъ*, съ горечью спрашиваетъ: «Кто могъ бы подумать нѣсколько лѣтъ тому назадъ, двадцать, тридцать лѣтъ, что на французской землѣ, которая родила Вольтера и сыны которой гордятся тѣмъ, что они первые торжественно признали передъ міромъ, что всѣмъ людямъ, независимо отъ происхожденія и отъ убѣжденій, отъ племени и отъ религіи, принадлежатъ одни и тѣ же человѣческія права,—что тамъ, въ этой скептической и свободной Франціи, раздадутся дикіе крики: «жидъ, жидъ, ату его! бей жида!»... Пусть бы это дѣлалось въ другихъ обществахъ, не имѣющихъ такого прошедшаго, какъ французское. Но Франціи стыдно проявлять подобные признаки зоологическаго регресса».

Каждый добросовѣстный человѣкъ отъ всей души присоединится къ слѣдующимъ словамъ г. Закревскаго: «Когда вы идете въ судъ, когда вы отводите туда подчиненнаго вашего, взводя на него тяжкое обвиненіе, требуя для него строгаго, на основаніи закона, наказанія, то являйтесь же съ опрятными средствами,—съ доказательствами, не боящимися свѣта, дѣйствуйте способами, дозволенными законами цивилизованнаго міра, въ особенности не шепчитесь съ судьями, не совращайте ихъ вашими «агентурными свѣдѣніями». Все это, кажется, было нарушено въ дѣлѣ Дрейфуса, да къ тому же еще—судъ офицерскій, военный, особенно склонный къ патріотическимъ увлеченіямъ, приходящій въ восторгъ при возгласахъ о «чести мундира»,—изъятіе изъ общаго порядка судопроизводства, а всякія такія изъятія никогда не вселяли къ себѣ особеннаго довѣрія. Въ Англіи, напримѣръ, когда военный судъ приговоритъ подсудимаго къ тяжкому наказанію, то хотя такой приговоръ и окончательный и не подлежитъ обжалованію, но, въ случаѣ просьбы подсудимаго о помилованіи, по существующей практикѣ, все производство отсылается, распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ, на разсмотрѣніе коллегіи изъ двѣнадцати гражданскихъ судей, которые и даютъ свое заключеніе».

Не менѣе горячаго сочувствія возбуждаютъ и такія замѣчанія г. Закревскаго: «Дрейфуса и Эстергази судили во мракѣ,—никто до сихъ поръ не знаетъ, какіе обстоятельства и мотивы положены были въ основаніе обвинительнаго и оправдательнаго приговоровъ. Благодаря этому мраку, осталось неопровергнутымъ чудовищное заявленіе, что Дрейфусъ былъ осужденъ на основаніи доказательствъ, не предъявленныхъ при судебномъ слѣдствіи, показанныхъ судьямъ только въ совѣщательной комнатѣ, когда подсудимый уже не могъ представить никакихъ опроверженій. Если это такъ было,—а по послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ, генералъ Мерсье въ томъ

сознался,—то судъ надъ Дрейфусомъ не былъ судомъ, а застѣнкомъ, воспроизведеніемъ испанской инквизиціи. Если въ дѣйствительности было допущено подобное вопіющее нарушеніе всякихъ формъ процесса, то хотя бы не только бывшій военный министръ Бильо поклялся на трибунѣ, что онъ убѣжденъ въ виновности Дрейфуса, но еслибы всѣ министры Франціи принесли такую же клятву,—что всѣ они въ совокупности и каждый въ отдѣльности въ томъ же убѣждены,—тѣмъ не менѣе, оставалось бы только пригласить этихъ министровъ посыпать головы свои пепломъ, ибо ни одно уважающее себя правительство не должно допускать такихъ безобразій. Никакіе крики о «чести арміи» не въ силахъ заглушить голоса людей, которымъ дороги начала правосудія, такъ какъ безъ нихъ ни одинъ цивилизованный народъ жить не можетъ».

Вся независимая и добросовѣстная печать Запада и Россіи стоитъ на сторонѣ Золя, за котораго высказываются лучшіе люди Франціи, которому тысячами шлютъ привѣтствія изъ Италіи, Бельгіи, Австріи и другихъ странъ. Органы, всегда бывшіе дружественными къ кабинету Мелина-Ганото, какъ *L'Indépendance Belge*, рѣшительно осуждаютъ его образъ дѣйствія въ процессахъ Дрейфуса, Эстергази и Эмиля Золя. Бывшіе министры юстиціи въ правительствѣ Французской республики, — сенаторъ Трарье и Тевенэ,—въ сильныхъ выраженіяхъ высказываются противъ допущеннаго въ этихъ дѣлахъ неправосудія. Бьёрнестерне-Бьёрнсонъ обратился къ Золя съ краснорѣчивымъ письмомъ, въ которомъ говоритъ, что завидуетъ ему *). «Какъ бы я хотѣлъ,—пишетъ знаменитый поэтъ и политическій дѣятель,—быть на вашемъ мѣстѣ, чтобы оказать отечеству и человѣчеству такую услугу, какую вы имъ оказываете!» Дѣло Золя можетъ отнынѣ называться и иначе: нравственная смерть кабинета Мелина-Ганото.

PS. Мы получили изъ Софіи (Болгарія) горячій протестъ, подписанный г. Сташевскимъ, противъ нелѣпицъ и небывальщинъ, взводимыхъ на болгаръ *Русскимъ Вѣстникомъ* (сентябрь прошлаго года). Въ чрезмѣрномъ усердіи подражать Каткову и вездѣ видѣть *ржондъ народовый*, журналъ этотъ нашелъ, что поляки чуть ли не наводняютъ Болгарію. Дѣйствительно, въ Македоніи, Болгаріи и Сербіи оказывается масса *поляковъ*, т.-е. сельскихъ сторожей (отъ слова *поле*). Ссылки *Русскаго Вѣстника* на *Гласъ Македонскій* категорически опровергаются въ полученномъ нами протестѣ.

В. Г.

---

*) Это письмо напечатано въ *L'Aurore* 19 Janvier.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

Малый театръ: *Разрушенный домъ*, драматическій очеркъ въ 2-хъ дѣйствіяхъ, соч. Виктора Крылова.

В. А. Крыловъ еще разъ доказалъ своимъ «драматическимъ очеркомъ», что умному и большому мастеру нѣтъ надобности особенно много мудрствовать и измышлять очень сложные сюжеты для того, чтобы написать красивое, доброе и всѣмъ нравящееся сценическое произведеніе и вложить въ него честную мысль, весьма пригодную при разрѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ современной жизни. Давно уже въ нашемъ обществѣ,—и только въ русскомъ обществѣ, — повторяется фраза, полная тоски:—«такъ жить нельзя!»—и за нею неизмѣнно слѣдуетъ естественный вопросъ:—«что же дѣлать?» И чѣмъ дальше, чѣмъ чаще мы слышимъ это, тѣмъ большее число людей не знаетъ, «что дѣлать», дабы «жить было можно». Ни одинъ писатель, будь онъ первоклассный художникъ или философъ-мыслитель, не въ состояніи указать для всѣхъ подходящій выходъ изъ такого томительнаго положенія. Всѣ проповѣди и ученія на эту тему оказываются старыми, всѣмъ давно извѣстными, общими мѣстами о незлобивости, о любви къ ближнему, о личномъ совершенствованіи и очень почтенными наставленіями «жить по-божески». Въ теоріи это превосходно,—чего лучше, еслибы водворились «на землѣ миръ и въ человѣкахъ благоволеніе». Но когда-то это будетъ, а пока всякому хочется жить «по-своему», сдѣлать же это удается очень немногимъ, большинство остается въ такомъ положеніи, что жить «по-своему» невозможно и, слѣдовательно, «жить нельзя». «Недѣланіе» никого неудовлетворяетъ, всякій требуетъ себѣ дѣла, своего дѣла, и дѣлать его хочетъ «по-своему», не по придуманному и писанному, опредѣленному регламентомъ для солдатъ, уставами для монашествующихъ, безысходною нуждою для рабочихъ. Тяжело положеніе мужчинъ, дошедшихъ до сознанія, что «нельзя жить такъ», какъ обстоятельства вынуждаютъ, но за то для мужчинъ значительно упрощено рѣшеніе вопроса:—«что дѣлать?» Имъ предоставленъ все-таки большой выборъ для пріисканія дѣла по-душѣ. Неизмѣримо тяжелѣе положеніе женщины, выбитой жизнью изъ колеи. А такихъ много, значительно больше,

чѣмъ мужчинъ, тогда какъ выходовъ изъ невыносимаго положенія для нихъ, сравнительно, очень мало. Да и слѣдовать какимъ-либо общимъ проповѣдническимъ указаніямъ для нихъ значительно меньше средствъ и способностей. Это, конечно, не вина женщинъ. Мужчина съ дѣтства и въ юности, и въ молодыхъ годахъ, и въ зрѣломъ возрастѣ проходитъ черезъ такую житейскую дисциплину упорнаго труда и подчиненія чужой волѣ въ школѣ и на службѣ, что крѣпнетъ нравственно и физически, дѣлается устойчивѣе умственно и нервно-выносливѣе. Всякій мужчина,—за крайне рѣдкими исключеніями,—къ зрѣлому возрасту успѣваетъ пережить и испытать множество грубыхъ толчковъ, успѣваетъ побывать,—говоря просторѣчьемъ,—въ такихъ «кольяхъ и мяльяхъ», что мозгъ и нервы у него закалятся, но сдѣлаются гибче и приспособятся къ выдержанности, если не къ покладистости. Женщина, наоборотъ, съ дѣтства, со дня рожденія, воспитываемая даже и теперь «по-женственному», обучаемая по «женскимъ» программамъ и тщательно ограждаемая отъ знанія и пониманія настоящей жизни, вступаетъ въ эту жизнь, въ большинствѣ случаевъ, хорошо дрессированною въ извѣстномъ смыслѣ, но весьма мало дисциплинированною и неприспособленною къ большой выносливости. Выпадающее на ея долю счастье она беретъ, какъ нѣчто должное, для нея нарочито пріуготованное, и пользуется имъ сполна и беззаботно, какъ неотъемлемымъ даромъ, доставшимся ей безъ труда за ея прекрасность, которою всѣ восхищались съ тѣхъ поръ, какъ она себя помнитъ. И вдругъ въ разгарѣ невозмутимаго блаженства, нежданно и совершенно безсмысленно, происходитъ полное крушеніе. Можно себѣ представить, какъ это должно подѣйствовать на женщину, не испытавшую во всю жизнь ни малѣйшаго толчка.

Въ такомъ, именно, положеніи представляетъ г. Крыловъ героиню своей пьесы, Марью Павловну Мелецкую (г-жа Ермолова). Пьеса озаглавлена *Разрушенный домъ* и шла въ первый разъ на сценѣ Малаго театра въ бенефисъ заслуженнаго артиста Н. И. Музиля. Марья Павловна жила счастливо, безпечально и богато, съ любимымъ мужемъ, сначала въ столицѣ, потомъ въ деревнѣ, куда они переѣхали съ надеждою приносить посильную пользу провинціи. Мелецкій принялся за излюбленное имъ дѣло «по-своему», по убѣжденному, не соображаясь съ тѣмъ, насколько его слова и дѣйствія одобряются мѣстными воротилами, захватившими въ свои руки все управленіе уѣздомъ и преспокойно подѣлившими его между собою, какъ это водится теперь между пріятелями, успѣвшими сплотиться въ одну шайку, въ которой «рука руку моетъ». Мелецкій не захотѣлъ ни вступить въ шайку господъ заправилъ, ни стать къ сторонкѣ отъ нихъ подъ удобную охрану «непротивленія». Устранить же или унять его, независимаго и богатаго землевладѣльца, безупречнаго помѣщика, было не такъ легко и просто, какъ это практикуется иногда надъ людьми, менѣе видными. А между тѣмъ «противленіе», имъ чинимое, оказывалось опаснымъ для заправилъ и, во всякомъ случаѣ, нетерпимымъ съ ихъ точки зрѣнія. Началась довольно обычная, при такихъ обстоятельствахъ, травля

безпокойнаго человѣка, и его затравили, какъ звѣря. Перипетіи этой травли, намѣченныя въ пьесѣ г. Крылова, таковы: въ какомъ-то собраніи мѣстныхъ дворянъ Мелецкаго довели до необходимости высказать прямо нѣчто такое, что однимъ изъ присутствующихъ, на сей предметъ подставленнымъ, было принято за личную обиду, на которую тотъ, воспользовавшись случаемъ, отвѣтилъ оскорбленіемъ. Это-то, именно, и требовалось. Друзья-пріятели поспѣшили раздуть инцидентъ до послѣдней крайности и такъ обставили дѣло, что закончить его ничѣмъ уже нельзя было, кромѣ дуэли. Мелецкій никогда въ жизни не держалъ въ рукахъ пистолета, его противникъ былъ первый стрѣлокъ въ Россіи, и ухлопалъ онъ Мелецкаго на-повалъ въ «честномъ» бою, отказаться отъ котораго считается позорнымъ даже и въ наши дни... Въ этой дикой травлѣ, кончившейся завѣдомымъ, но безнаказаннымъ, убійствомъ, принималъ дѣятельное участіе двоюродный братъ Марьи Павловны, Валентинъ Андреевичъ Окраиновъ (г. Южинъ), помѣщикъ, обремененный большимъ семействомъ и имущественно весьма облегченный жизнью не по-средствамъ.

Все это произошло до начала пьесы и выясняется изъ разговоровъ дѣйствующихъ лицъ въ квартирѣ Мелецкой, переѣхавшей, послѣ катастрофы, на житье въ уѣздный городъ. На сценѣ ближайшій родственникъ хозяйки, Окраиновъ, богатый помѣщикъ Чукинъ (г. Макшеевъ) и губернскій врачъ Блуичъ (г. Васильевъ). Ихъ привезъ Окраиновъ для того, чтобы они лично убѣдились въ психической ненормальности,—просто говоря, въ сумасшествіи,—Марьи Павловны Мелецкой. Окраиновъ состоитъ единственнымъ наслѣдникомъ ея крупнаго имѣнія, которое она «пускаетъ по вѣтру» въ своемъ безуміи. Съ приличествующею родовитому человѣку гордостью и съ высокимъ безкорыстіемъ истиннаго дворянина, онъ объясняетъ, что никакихъ собственныхъ интересовъ не имѣетъ въ виду, онъ, какъ ближайшій родственникъ, считаетъ священнымъ для себя долгомъ позаботиться о судьбѣ несчастной женщины, оградить ее отъ полнаго разоренія и нищеты и сохранить въ цѣлости ея состояніе не для себя, конечно,—отнюдь нѣтъ, онъ благороденъ и безкорыстенъ,—а для своихъ дѣтей, ибо его священная обязанность тоже сберечь для нихъ наслѣдственное имѣніе, ускользающее изъ дворянскаго рода, по милости сошедшей съ ума женщины. Въ доказательство сумасшествія Мелецкой онъ приводитъ неотразимые, по его мнѣнію, факты:—Марья Павловна, тотчасъ послѣ похоронъ убитаго на дуэли мужа, приказала сломать, «разрушить» свой деревенскій домъ, совершенно уничтожить его, распилить на дрова; самое имѣніе она хочетъ продать какому-то мѣщанину-кулаку за безцѣнокъ, деньги у безумной «пойдутъ прахомъ», большое состояніе погибнетъ безъ слѣда... Этого онъ, какъ ближайшій человѣкъ и какъ благородный дворянинъ, обязанный стоять на-стражѣ, допустить не можетъ. Заручившись свидѣтельствомъ такихъ авторитетныхъ лицъ, какъ богатѣйшій дворянинъ Чукинъ и уважаемый психіатръ Блуичъ, онъ, Окраиновъ, неотложно начнетъ дѣло о признаніи Мелецкой умалишенною, объ учрежденіи надъ ней опеки,

о назначеніи опекуномъ его, ближайшаго родственника и законнаго наслѣдника, и формальнымъ заявленіемъ остановитъ совершеніе какихъ-либо актовъ, ведущихъ къ отчужденію имѣнія. Горячо изложенные доводы Окраинова представляются свидѣтелямъ недостаточно убѣдительными, доктору и Чукину необходимо видѣть Марью Павловну, обстоятельно съ нею побесѣдовать, да такъ, чтобъ она не подозрѣвала цѣли ихъ посѣщенія и предстоящаго разговора. Большое затрудненіе въ томъ заключается, что Марья Павловна, со смерти мужа, никого не принимаетъ. Обойти препятствіе можно только однимъ способомъ: увѣрить ее, будто эти господа пріѣхали покупать у нея имѣніе. Но Окраиновъ, съ пылкостью облегченнаго помѣщика, у котораго ускользаетъ намѣченный имъ лакомый кусокъ, проговаривается въ присутствіи Вѣры (г-жа Турчанинова), горничной Мелецкой, а проболтавшись, суетъ горничной деньги, подкупаетъ ее, чтобъ она не выдала барынѣ ихъ секрета. Горничная взяла деньги и все въ точности отрапортовала хозяйкѣ. Совершенно измученная, съ разбитыми нервами, Марья Павловна вышла къ незваннымъ гостямъ въ состояніи очень близкомъ къ невмѣняемости, отчитала своего благороднаго братца въ наилучшемъ видѣ, какъ онъ того заслуживалъ, объявила, что изъ ея наслѣдства не получитъ онъ ни копейки, такъ какъ имѣніе она продастъ кулаку за такую цѣну, какую онъ захочетъ дать, а полученныя деньги сожжетъ, а непрошенныхъ посѣтителей попросила убираться вонъ и оставить ее въ покоѣ. Продѣлавши это, Мелецкая ушла. «Вотъ видѣли,—говоритъ Окраиновъ,—развѣ не сумасшедшая?» —«Нѣтъ,—отвѣчаетъ докторъ,—никакихъ признаковъ сумасшествія не усматривается, а есть сильное нервное разстройство, въ ея положеніи совершенно естественное и понятное...» На смѣну удалившимся гостямъ является молодая дѣвушка, учительница сельской школы, Ольга Загорина (г-жа Музиль). Она пришла просить у богатой барыни на пристройку къ тѣсной школѣ кирпичъ, оставшійся отъ фундамента разрушеннаго дома. Ни о какой школѣ, ни о какомъ обученіи ребятъ Мелецкая слушать не хочетъ. Въ томъ крайнемъ раздраженіи, до котораго ее довели, всѣ люди представляются ей злодѣями, худшими, чѣмъ звѣри. Обучать дѣтей—значитъ подготовлять болѣе опасныхъ злодѣевъ,—оставаясь невѣжественными, они не такъ страшны. Ничего она не дастъ на школу и никому ничего не дастъ. Помѣщики «убили» ея мужа, добраго, честнаго, хорошаго человѣка, такъ никто же изъ нихъ не пользуется ея состояніемъ, она отдастъ его за безцѣнокъ кулаку-пауку, ихъ природному врагу, который воспользуется богатствомъ, чтобъ ихъ опутать и разорить. Этимъ она отомститъ имъ за смерть мужа... Въ зломъ дѣлѣ, совершенномъ нѣсколькими негодными людьми, она обвиняетъ всѣхъ дворянъ уѣзда: если одни травили и изводили Мелецкаго, то остальные допускали эту безстыдную травлю, не вступились за него, не защитили его отъ убійцъ. Съ логикой нервно-больной она пускается во все болѣе и болѣе широкія обобщенія и, не разбирая ни правыхъ, ни виноватыхъ, считаетъ всѣхъ людей, чуть ли не все человѣчество, отвѣтственными за ги-

бель любимаго мужа. Молодая учительница въ ужасѣ отъ такихъ рѣчей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ей искренно жаль несчастную женщину. Ольга Загорина говоритъ ей о любви къ дѣтямъ, съ увлеченіемъ разсказываетъ о своей школѣ и, въ концѣ-концовъ, вырываетъ у Мелецкой согласіе отдать кирпичъ на школу и пріѣхать лично убѣдиться въ томъ, какое хорошее то дѣло, которому такъ убѣжденно и безкорыстно отдаетъ Ольга всѣ силы своей молодой души.

Во второмъ дѣйствіи на сценѣ сельская школа, представленная въ образцово-мастерской постановкѣ. Толпа дѣтей, самыхъ настоящихъ крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ,—человѣкъ тридцать, можетъ быть, больше,—тѣснится въ убогой сельской школѣ. Всѣ они одѣты въ подлинные крестьянскіе костюмы, говорятъ и держатъ себя какъ подлинные деревенскіе ребятки въ то время, когда милая учительница даетъ имъ незатѣйливый урокъ ариѳметики, простого счета и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пониманія нѣкоторыхъ элементарныхъ вещей. Урокъ ведется хорошею дѣвушкой живо, разумно и терпѣливо. Въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи чувствуется та добрая, облагораживающая связь, которая установилась между молодою учительницей и ея пестрою, по возрастамъ, понятіямъ и костюмамъ, немножко шумливою, аудиторіей. Появленіе сторожа Матвѣя (г. Музиль), затѣявшаго съ метлой въ рукахъ водворять чистоту, весьма несвоевременно, прерываетъ на минуту урокъ и живо иллюстрируетъ тѣ мелочи школьной жизни, съ которыми приходится постоянно считаться сельской учительницѣ. Пріѣздъ богатаго барина Чукина, а за нимъ Окраинова, совпадаетъ съ рекреаціей. Учительница отпускаетъ дѣтей на полчаса отдохнуть и порѣзвиться на просторѣ. Чукинъ заѣхалъ просто взглянуть школу, какъ сосѣдъ-помѣщикъ. Окраиновъ умыселъ другой имѣетъ, извѣстившись, что Ольга Загорина успѣла заслужить расположеніе Марьи Павловны Мелецкой, отступившей отъ своей нелюдимости ради симпатичной учительницы. Съ своимъ всегдашнимъ апломбомъ и въ обычныхъ благородныхъ фразахъ, прикрывающихъ его неостывшія покушенія на состояніе родственницы, Окраиновъ упрашиваетъ учительницу помирить его съ дорогою кузиной, повліять на нее и т. д. Въ это время къ школѣ подъѣзжаетъ сама Мелецкая съ своимъ управляющимъ Уторовымъ (г. Политковскій). Окраиновъ хочетъ воспользоваться случаемъ и возобновить свои подходы къ богатой родственницѣ. Чукинъ хорошо знаетъ, насколько такая встрѣча будетъ непріятна Марьѣ Павловнѣ, и спѣшитъ выпроводить неунывающаго дворянина. Урокъ возобновляется въ присутствіи Мелецкой, поддающейся мало-по-малу вліянію этой здоровой атмосферы живого труда, дѣятельной любви, тихаго довольства, пріютившагося подъ дырявою крышей въ тѣснотѣ полуразваливающейся сельской школы. Ничего подобнаго Марья Павловна не видывала и представить себѣ не могла. Ее все очаровываетъ, не исключая этой святой бѣдности,—и простота отношеній между учениками и учительницей, и непринужденно-веселый видъ ребятокъ, ихъ отвѣты, ихъ тетрадки, ихъ стройное пѣнье и сіяющее задушевнымъ счастьемъ лицо

Ольги. Вотъ гдѣ спасеніе измученному сердцу, вотъ гдѣ лучшее средство для возстановленія нравственнаго равновѣсія и оздоровленія разбитыхъ нервовъ! Мелецкая нашла «свое» дѣло, дѣло по-душѣ, и проситъ юную учительницу раздѣлить съ нею работу, научить ее дѣлать то же, что она дѣлаетъ. За средствами дѣло не станетъ, выстроится новая, просторная школа. Богатый, но крѣпкій на карманъ, Чукинъ поддается общему увлеченію и жертвуетъ лѣсъ на постройку. Занавѣсъ падаетъ, при единодушныхъ аплодисментахъ и вызовахъ исполнителей и автора.

Публика довольна, очень довольна, а съ нею за-одно довольны и мы. Не Америку открылъ г. Крыловъ и не далъ даже общаго отвѣта на вопросъ: «что дѣлать и какъ жить, когда *такъ* жить нельзя?» Но представленное въ драматическомъ очеркѣ легко поддается нѣкоторымъ обобщеніямъ, въ такомъ родѣ, напримѣръ: человѣку, особливо, женщинѣ, нельзя жить безъ любви и безъ дѣла. Утрата любви или единственнаго любимаго существа ставитъ женщину въ невозможность жить, но лишь до тѣхъ поръ, пока она предается «недѣланію» и тоскѣ, его непремѣнному спутнику. Стоитъ только ей найти дѣло по-сердцу, и любовь къ погибшему существу смѣнится любовью къ дѣлу и къ тѣмъ существамъ, ради которыхъ оно дѣлается, и тогда явится цѣль жизни, слѣдовательно—жить будетъ можно и жизнь вновь станетъ хорошею. Эта новая любовь будетъ совершенно иною, не похожею на прежнюю, утраченную, за то она прочнѣе будетъ и неотъемлемѣе, такъ какъ любимое дѣло не можетъ ни измѣнить, ни исчезнуть, и сама любовь къ дѣлу не ослабѣваетъ, а наоборотъ, съ теченіемъ времени, крѣпнетъ и возрастаетъ, ибо даетъ ясные, видимые результаты, подбадривающіе ее, располагающіе къ усиленному «дѣланію» ради достиженія еще лучшихъ результатовъ. Все это не ново, какъ «ничто не ново подъ луной»: изстари женщины, которымъ жить было нельзя, уходили искать новой жизни въ монастыряхъ, что онѣ тамъ находили, это—другой вопросъ. Потомъ онѣ стали уходить въ сестры милосердія, но это дѣло временное и, притомъ, это даже не дѣло, а «подвигъ», на который далеко не всѣ способны. Конечно, не всѣ женщины, которымъ «жить нельзя», способны становиться учительницами, и не всѣхъ ихъ приглашаетъ къ этому авторъ *Разрушеннаго дома*. Но всѣмъ онъ говоритъ, что изъ положенія, когда «жить нельзя», есть выходъ, надо только хотѣть его искать, и онъ найдется. Мелецкая натолкнулась на него случайно. Но, повторяемъ, не одна лежитъ дорога—въ сельскую школу. Кругомъ много дѣлъ, всѣхъ не передѣлать, выбирай любое. Г. Крыловъ своею пьесой сказалъ, вѣрнѣе, напомнилъ, что нѣтъ такого положенія, въ которомъ женщина была бы вправѣ рѣшить окончательно, что «такъ жить нельзя». Ищите и цѣль жизни найдется, и смыслъ жизни откроется. Въ такое время, когда много говорится объ исканіи «смысла жизни» и мудрено говорится, весьма полезно напомнить, что лучше дѣлать простое дѣло просто, чѣмъ философствовать о томъ, что надо бы «выдумать орудіе другое, чтобы упавшаго изъ рва на свѣтъ произвести». Вотъ почему простая и

незатѣйливая, но отлично сдѣланная и превосходно исполненная, пьеса г. Крылова нравится нашей публикѣ и заслуживаетъ не въ примѣръ большаго вниманія, чѣмъ многія громоздкія измышленія нынѣшнихъ драматурговъ и драматургическихъ дамъ, произведеніямъ коихъ совсѣмъ не мѣсто на первоклассной русской сценѣ.

Героиня пьесы, Марья Павловна Мелецкая, представляется намъ самымъ неудачнымъ лицомъ въ этомъ «драматическомъ очеркѣ». Это не типъ, а фигура, какая-то алгебраическая величина, въ формулѣ необходимая, но никакихъ типичныхъ чертъ не имѣющая. Это—ходячее отчаяніе. Кто-то въ газетахъ укорилъ г-жу Ермолову за то, что она съ перваго выхода «впала въ трагедію». Это правда, только укоръ-то мы считаемъ неправильнымъ. По нашему мнѣнію, ничего иного высокоталантливая артистка не могла сдѣлать и не должна дѣлать. Положеніе Мелецкой на самомъ дѣлѣ трагическое. У молодой женщины, любимой мужемъ, глубоко любящей его, считающей его «лучшимъ изъ людей», нежданно, ни за что, ни про что, убили мужа, по волѣ какого-то рока,—это ли не трагедія въ житейскомъ смыслѣ слова? Во всякомъ случаѣ, это не комедія, смѣемъ думать, и не драма, такъ какъ никакой внутренней борьбы тутъ нѣтъ и поводовъ для нея нѣтъ. Есть тутъ злой рокъ, неотвратимый, и его жертва, передъ рокомъ безсильная. Мы находимъ, что только «трагедіей» г-жа Ермолова и сдѣлала изъ Мелецкой живое лицо, придающее настоящій, желательный автору и понятный публикѣ смыслъ пьесы. Въ комедіи и въ драмѣ—передъ нами борьба, а пока есть борьба, «жить можно», можно и погибнуть, разумѣется, но въ борьбѣ-то и заключается «смыслъ жизни» и цѣль жизни. Только трагедія ставитъ человѣка въ такое положеніе, что «жить нельзя». Въ такомъ-то трагическомъ положеніи и находится Мелецкая, и его намъ опредѣленно и ярко передаетъ г-жа Ермолова. И большую ошибку сдѣлаетъ артистка, исполняющая эту роль, если она не сумѣетъ подняться въ ней до трагедіи,—отъ роли ничего не останется, пропадетъ роль, и значеніе пьесы умалится, можетъ сойти «на-нѣтъ». Очень милая и благодарная роль учительницы Загориной не по силамъ г-жѣ Музиль и, вѣроятно, потому только досталась на ея долю, что она дочь бенефиціанта. Въ очень старательномъ исполненіи молодой артистки не достаточно выражены убѣжденность учительницы и ея увлеченіе своимъ дѣломъ, которыми для зрителей объясняется впечатлѣніе, произведенное ея рѣчами на убитую отчаяніемъ Мелецкую. Самымъ типичнымъ лицомъ въ пьесѣ и настоящимъ типомъ въ исполненіи г. Южина мы считаемъ помѣщика Окрапнова, промотывающагося дворянина, вѣчно разсчитывающаго на какое-нибудь наслѣдство, на какую-нибудь фантастическую опеку надъ большимъ имѣніемъ, иногда просто на то, что откуда-то должны же свалиться ему хорошія средства для поддержанія его дворянскаго достоинства. Какъ и откуда, какими способами удастся ему заполучить желаемое, надъ этимъ Окрапновъ не задумывается. Онъ—не очень глупъ и даже не совсѣмъ мошенникъ, а крайне легкомысленъ, болтливъ и наивенъ, живетъ старыми традиціями и

мечтами, только не лучшими традиціями своего сословія, а тѣми, въ силу которыхъ на выручку разорившагося дворянина являлись родичи и пріятели, усердно выхлопатывавшіе «доброму, но пустому, малому» теплое мѣстечко съ приличнымъ окладомъ и съ «безгрѣшными» доходами. Окраиновъ мечется, суетится, хватается за что попало, подкупаетъ прислугу, готовъ подкупать и обольщать учительницу, городитъ всякій вздоръ, лжетъ на каждомъ шагу и безпрестанно провирается, но самъ себя считаетъ весьма ловкимъ дипломатомъ. Его шаблонно-благороднымъ фразамъ не вѣритъ ни одна душа, всѣ отлично знаютъ настоящую цѣну его уму, способностямъ и благородству и, тѣмъ не менѣе, терпятъ его потому, что онъ все-таки «добрый малый и свой братъ, дворянинъ», и, при случаѣ, можетъ постоять за дворянскіе интересы. Число Окраиновыхъ замѣтно убываетъ, на смѣну имъ становятся новые люди, «дѣятели» и «дѣльцы», но типъ Окраиновыхъ далеко еще не исчезъ, и въ пьесѣ г. Крылова онъ является полнымъ жизни и правды. Почти рядомъ съ нимъ, но, по условіямъ пьесы, менѣе разработаннымъ мы имѣемъ тоже типическое лицо въ богатомъ помѣщикѣ Чукинѣ, серьезно и превосходно изображенномъ г. Макшеевымъ. Это типъ дворянина-землевладѣльца, такъ сказать, по-реформенному,—типъ крѣпкаго барина, котораго не «слопаетъ» никакой кулакъ и никакой «чумазый». У Чукина «честь дворянская» и благородство не на языкѣ, а въ душѣ, и залегли они прочно, какъ истинно добрыя традиціи, опредѣлить которыя можно такъ: «чужого не возьму, своего зря не отдамъ; свое дѣло знаю, въ чужое не путаюсь безъ толку; никому не солгу, никого не оскорблю и себя никому въ обиду не дамъ». Вокругъ Чукина никто не поживится, у него изъ кладовой стараго гвоздя не вытащишь, онъ ломаные гвозди кузнецу отдаетъ за подковы. Но онъ отнюдь не скряга и не скупецъ, онъ только знаетъ твердо цѣну деньгамъ, вещамъ и людямъ. Онъ — типическій представитель хорошаго помѣщика-дворянина нынѣшняго времени и будущаго. Чукинъ—совершенная противоположность Окраинову. Чукинъ есть та надежная «охранительная» сила, которая одна только можетъ спасти помѣстное дворянство отъ обезземеленія и ликвидаціи вѣрнѣе и лучше, чѣмъ какія-либо мѣропріятія, составляющія предметъ страстныхъ вожделѣній для всякихъ Окраиновыхъ. Остальныя лица пьесы—чисто-вводныя, характерныя и въ исполненіи нашихъ артистовъ доподлинно живыя.

Въ тотъ же вечеръ, на бенефисѣ г. Музиля, шли двѣ очень старыя пьесы: *Комикъ XVII столѣтія*, А. Н. Островскаго, и *Причудницы*, Мольера, въ переводѣ С. Е. Путяты. Въ первой изъ нихъ бенефиціантъ игралъ роль подьячаго Клушина и, вмѣстѣ съ другимъ подьячимъ Кочетовымъ (г. Рыбаковъ), вызывалъ самые живые аплодисменты. Бенефиціанту были сдѣланы очень шумныя овація и поднесено множество цвѣтовъ и подарковъ.

М. Н. Ермолова поставила для своего бенефиса, вѣрнѣе, возобновила на сценѣ Малаго театра старую пьесу Жоржа Онэ, въ переводѣ К. А. Тарновскаго и Э. Э. Маттерна, *Теша (Serge Panin)*, шедшую два года на-

шею, по примѣру непокладистыхъ предшественниковъ, испытавшихъ на себѣ, завѣдомо для терроризированнаго населенія, чѣмъ въ Сибири кончается исканіе правды и правосудія путемъ, указаннымъ законами. Авторъ приводитъ много такихъ примѣровъ, несомнѣнно достовѣрныхъ, производящихъ очень внушительное впечатлѣніе. *Паутина,* окутывающая Сибирь, такъ давно и ловко сдѣлана, что сквозь нея ничего не видятъ и не могутъ видѣть высшіе начальники, являющіеся управлять краемъ или пріѣзжающіе съ цѣлью узнать истинное положеніе дѣлъ. Мѣстные чиновники показываютъ имъ лишь то, что находятъ нужнымъ показать. Освѣдомленные заранѣе о проѣздѣ „особы", они, при помощи старшинъ, писарей и др., всегда успѣваютъ „прибрать" строптивыхъ, засадивши ихъ въ арестантскія, въ тюрьмы и спровадивши въ такія мѣста, куда „особа" не заглянетъ. Подача какихъ-либо прошеній и заявленій о незаконныхъ поступкахъ низшихъ чиновъ администраціи преслѣдуется, какъ дѣйствіе „скопомъ", зачинщики оказываются обвиненными въ „подстрекательствѣ къ бунту" и попадаютъ въ остроги, и все остается „шитымъ и крытымъ", и громадная страна, запуганная и задавленная произволомъ, молчитъ, стало быть, благоденствуетъ. Молча она разоряется, молча вымираютъ отъ голода племена инородцевъ. Подъ эту общую молчанку творятся дѣла, ужасныя и невѣроятныя, но удостовѣряемыя такимъ свидѣтелемъ, какъ Н. И. Наумовъ, которому нельзя не вѣрить, ибо дѣла эти онъ во-очію видѣлъ и производилъ по нимъ слѣдствія, не приведшія, впрочемъ, ни къ чему и кончившіяся, кажется, весьма неблагополучно для самого слѣдователя. Всѣ разсказы г. Наумова относятся ко времени, предшествовавшему 1884 г. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось, быть можетъ, но едва ли измѣнилось въ достаточной и желательной мѣрѣ къ лучшему. Судя по произведеніямъ этого писателя, чиновничья-кулаческая *паутина* такъ окрѣпла за множество лѣтъ, что ее нельзя уже разорвать никакими усиліями отдѣльныхъ лицъ, хотя бы самыхъ благонамѣренныхъ. Тутъ необходимы мѣропріятія общія, государственныя,—эту тьму кромѣшную необходимо освѣтить снизу до верху, не щадя ни трудовъ, ни денегъ. Снизу необходимы школы, много школъ. Но однѣми школами и во сто лѣтъ ничего не подѣлаешь,—необходима широкая гласность въ судахъ всѣхъ инстанцій, необходима полная независимость суда отъ администраціи, необходима честная печать, мѣстная, совершенно огражденная отъ чиновничьяго произвола... Намъ уже чудятся вопли *лже-охранителей:* „вамъ въ Сибири хотѣлось бы завести *либеральную* печать",—это пустословіе и кликушество. Дѣло тутъ не въ „либерализмѣ", а въ государственной необходимости первѣйшей важности. Дѣло только въ томъ, чтобы до свѣдѣнія правителей той части свѣта, которая называется Сибирью, доходили правдивыя свѣдѣнія о томъ, какъ живетъ тамъ народъ, что надъ нимъ продѣлываютъ эксплуататоры и грабители всякаго званія, — чтобы лица, высшимъ довѣріемъ облеченныя, могли прозрѣть сквозь *паутину,* плотно закрывающую отъ ихъ глазъ все то, что дѣлается въ темной массѣ, ввѣренной ихъ управленію и попеченію. Если передъ большою русскою публикой возможно раскрытіе страшныхъ язвъ, губящихъ нравственно и имущественно населеніе Сибири,—какъ это раскрыто *Собраніемъ сочиненій Н. И. Наумова,*—то мы не видимъ основаній, почему бы то же самое не могло быть сдѣлано въ мѣстныхъ органахъ печати, которые дали бы возможность людямъ, облеченнымъ большою властью, неотложно провѣрить сообщае-

мые факты и принять скорѣйшія мѣры къ предупрежденію повторенія тѣхъ безобразій и ужасовъ, о которыхъ разсказываетъ Наумовъ.

Идеалистъ. Романъ въ 3-хъ частяхъ, Николая Юровскаго. Москва, 1897 г. Цѣна 1 руб. 25 коп. Прочли мы этого *Идеалиста* и на вопросъ, для чего написанъ этотъ романъ, не находимъ отвѣта, и въ романѣ этомъ никакого „идеалиста" не видимъ. Герой романа, художникъ-живописецъ Сольскій, человѣкъ очень талантливый, ищетъ въ искусствѣ новыхъ путей и пріемовъ, при помощи которыхъ живописецъ могъ бы воздѣйствовать на зрителей картины „гипнотическимъ внушеніемъ, заставляющимъ угадывать мысли автора". Но, вѣдь, и всѣ художники, не ремесленники, только этого и добиваются, ради этого и напрягаютъ свои силы,—всѣ, безъ различія кличекъ, которыя имъ даютъ,—символисты, декаденты, реалисты, отнюдь не дѣлаясь отъ того „идеалистами". Правда, всѣ „идеалисты", болѣе или менѣе, мечтатели и фантазёры, но далеко не всѣ фантазеры и мечтатели вправѣ претендовать на наименованіе „идеалиста". Желаніе, стремленіе и попытки написать картину, превосходящую всѣ другія своею „одухотворенностью" и „идейностью", не имѣютъ ровно ничего общаго съ „идеализмомъ".—Это желанія вполнѣ реальныя, осуществимыя и много разъ осуществлявшіяся великими мастерами и просто талантливыми художниками. Это—законныя желанія, влекущія художника подняться выше своихъ собратій по искусству, добиться тѣмъ большей славы, къ которой, несомнѣнно, приложатся и большія матеріальныя выгоды. Ничего иного и не хочетъ герой романа г. Юровскаго, только у художника Сольскаго, при всемъ его талантѣ, не хватаетъ духовныхъ силъ для того, чтобы достигнуть желаемаго. Онъ много мечтаетъ и фантазируетъ, какъ большинство художниковъ, и эти артистическія фантазіи изображены авторомъ настолько правильно, что человѣкъ, близко сходившійся съ художниками, смѣло подпишетъ подъ его изображеніями „съ подлиннымъ вѣрно". И герой романа представляетъ собою живое лицо богато одареннаго художника, у котораго въ душѣ нѣтъ никакого идеала, а есть только большая жажда выдумать что-то необычайное, а что собственно, онъ и самъ хорошо не знаетъ, хотя резонёрствуетъ очень много, преимущественно вкривь и вкось. Сольскій задумалъ писать картину *Комедія*. Какая это будетъ картина, символическая, аллегорическая?—Нѣтъ, онъ изобразитъ красивую женщину въ обыкновенномъ городскомъ платьѣ, декольтированную, съ книжкой въ рукѣ, декламирующую стихи. Но, по ея позѣ, выраженію лица и глазъ, всѣ должны тотчасъ же поддаться „гипнотическому внушенію" и узнать, что это олицетвореніе „комедіи", а не поэмы, не баллады, что это не просто портретъ актрисы Горбовой, декламирующей стихи на вечерѣ съ благотворительною цѣлью. Актриса Горбова согласилась позировать и увлеклась молодымъ, красивымъ, здоровымъ художникомъ. Сольскій сталъ писать картину и увлекся молодою, красивою и безсердечно-страстною артисткой. Картина была кончена, всѣ ею восхищались, и никто не угадалъ, что это *Комедія*, кромѣ пріятелей, которымъ художникъ сообщилъ объ этомъ ранѣе. Художникъ и артистка благополучно любили другъ друга до тѣхъ поръ, пока это не надоѣло Горбовой и она не замѣнила художника какимъ-то усатымъ спортсменомъ, потомъ спортсмена—еще кѣмъ-то, а этого кого-то—богатымъ графомъ, очень смахивающимъ на декадента. Всѣмъ этимъ „идеалистъ" такъ огорчился, что спортсмена побилъ и уѣхалъ испѣляться отъ тоски за границу съ бывшею натурщицей Вороновой, съ которою онъ состоялъ

въ „братскихъ“ отношеніяхъ. Здоровая натурщица не выдержала, однако, такихъ „идеальныхъ“ отношеній и изъ Италіи сбѣжала обратно въ Россію. Этому инциденту посвящена вторая часть романа, изложенная въ формѣ писемъ, неимовѣрно скучныхъ. Въ третьей части описывается житье Сольскаго въ Парижѣ. Художникъ задумалъ писать грандіозную картину на евангельскій сюжетъ и для возбужденія фантазіи принялся курить опіумъ и впрыскивать морфій, развлекаясь между дѣломъ легкою любовью какой-то уличной испанки. Картину онъ принялся писать необыкновенно страстно, но, при такомъ безсмысленкомъ режимѣ, его хватило очень ненадолго, и онъ умеръ, ничего не написавши. Вотъ и весь *Идеалистъ* г. Юровскаго. Въ фигурѣ нѣтъ ни характера, ни типичности. Весьма правдоподобно, что авторомъ вѣрно схвачены и переданы нѣкоторыя портретныя черты героя и другихъ дѣйствующихъ лицъ, но, по большей части, черты эти мелкія и второстепенныя, и остались онѣ разрозненными, не слились въ ясные и опредѣленные образы людей, взятыхъ изъ дѣйствительной жизни, хотя бы просто портретнымъ способомъ. Нѣтъ въ романѣ живыхъ людей, естественно—быть въ немъ не можетъ и живыхъ сценъ, за то всяческаго резонёрства много больше, чѣмъ нужно.

Забытыя картинки. Повѣсти и разсказы И. А. Салова. Изд. О. К. Куманиной. М., 1897 г. Цѣна 1 р. 50 к. Красиво изданная книжка начинается разсказомъ *Лѣшій*, живымъ и легкимъ, но далеко не лучшимъ изъ произведеній уважаемаго автора. Неизмѣримо содержательнѣе и, по мыслѣ, достойнѣе его большого таланта повѣсть *Павелъ Огородниковъ*. Герой, именемъ котораго названа повѣсть, простой крестьянинъ, доходящій до всего своимъ умомъ и додумавшійся до того, что всѣ бѣды, постигающія мужика, происходятъ отъ его „темноты“ и что единственное средство оградить деревенскій людъ отъ злоключеній заключается въ широкомъ распространеніи знаній, наиболѣе потребныхъ въ жизни обывателей деревни. Убѣжденія эти Павелъ Огородниковъ не выдумалъ, онъ ихъ высмотрѣлъ, какъ это не рѣдко случается съ „бывалымъ“ русскимъ человѣкомъ. А Огородниковъ побывалъ во многихъ мѣстахъ, на югѣ Россіи, въ Одессѣ и въ Крыму, на Кавказѣ и въ Закавказьѣ. Гонимый разнаго рода злоключеніями съ юности своей, онъ три раза уходилъ отъ невзгодъ, которыми удручала его родная „темная“ деревня, пространствовалъ всего пятнадцать лѣтъ и вернулся сильнымъ и закаленнымъ человѣкомъ, совершенно непонятнымъ своимъ односельцамъ, отъ которыхъ онъ совсѣмъ отбился, и зажилъ не „по-ихнему“, а по своему. Вмѣсто обыкновеннаго дома и двора въ селѣ, онъ соорудилъ себѣ землянку,—родъ сакли, чистой, теплой, удобной и несгараемой,—на высокомъ берегу р. Хопра, рядомъ устроилъ такую же кузницу и рытый въ землѣ коровникъ, на горѣ поставилъ мельницу, невиданнаго въ той округѣ образца. Постоянно заподозриваемый односельчанами то въ колдовствѣ, то въ сектантствѣ, то въ дѣланіи фальшивой монеты, онъ совсѣмъ отбился отъ деревни и водилъ знакомство только съ Фіолетовымъ, недоучившимся семинаристомъ, сыномъ недавно умершаго дьячка того же села. Въ повѣсти г. Салова этотъ юный отпрыскъ отъ корней духовенства представляетъ собою совершенно новый и интересный типъ франта „неимѣющаго призванія къ служенію церкви“. Онъ распродалъ отцовское имущество, крѣпко прибралъ вырученныя деньги и мечтаетъ наживать капиталъ, отдавая ихъ въ ссуды за ростовщическіе проценты. Всего же болѣе манитъ его надежда „подцѣпить“

богатую невѣсту и развести свои денежныя операціи на широкую ногу. Для начала, при дружескомъ содѣйствіи мѣстнаго батюшки, отца Егорія, Фіолетовъ забираетъ въ руки своего добраго пріятеля Огородникова и разорлетъ его въ конецъ самымъ безпощаднымъ и дикимъ образомъ. Кромѣ этихъ трехъ очень типичныхъ лицъ, весьма жизненна и привлекательна въ повѣсти фигура Прасковьи, жены Ивана Огородникова, сдѣлавшагося жертвой деревенской „темноты“ и торжествующей алчности распомаженнаго семинариста и сладкогласнаго „батюшки“.

Третьимъ и послѣднимъ произведеніемъ вошла въ эту книгу повѣсть *Практика жизни*. Содержаніе ея очень несложное: молодая, хорошенькая барышня, Вѣра Александровна, дочь генерала Хованскаго, внучка княгини Обрѣзковой, любитъ молодого, образованнаго, дѣлового сосѣда Срывалина, небогатаго помѣщика, отличнаго хозяина, безукоризненно честнаго и милаго человѣка. Онъ безъ ума отъ красавицы Вѣры. Они другъ другу сказали это, Срывалинъ сдѣлалъ ей предложеніе, Вѣра отвѣтила, что „подумаетъ“. Но въ ея согласіи не можетъ быть сомнѣнія, все дѣло теперь въ рѣшеніи бабушки и папаши генерала. Бабушка наводитъ справки о сосѣдѣ, самолично осматриваетъ его усадьбу, вступаетъ съ нимъ въ долгія бесѣды и, удостовѣрившись во взаимной любви молодыхъ людей, увлекается ихъ прелестнымъ романомъ. Счастье влюбленныхъ не только возможно, но и близко,—можно сказать, несомнѣнно. Въ деревню къ генералу Хованскому пріѣзжаетъ старый знакомый, тоже генералъ, но штатскій, пятидесятилѣтній Кубрицкій, весь крашеный, карьеристъ, пролаза и выжига, успѣвшій прескверными способомъ пріобрѣсти большое состояніе и очень видное положеніе. Онъ давно заглядывался на Вѣру, когда она была еще дѣвочкой институткой. А тутъ, въ деревнѣ, у него уже совсѣмъ разгорѣлись старческіе глаза на вполнѣ сформировавшуюся красавицу, и онъ сдѣлалъ предложеніе Хованскому, обѣщая, въ подкрѣпленіе своей пламенной любви, внести въ банкъ крупную недоимку, спасти тѣмъ отъ неминуемой аукціонной продажи имѣніе генерала, а его самого—отъ полнаго разоренія. Хованскій въ восторгѣ за себя и за дочь, не задумываясь даетъ слово Кубрицкому. На попытку романтической княгини вступиться за счастье молодыхъ людей, генералъ возражаетъ стародавними, но,—увы, недряхлѣющими разсужденіями о невозможности „счастья съ милымъ въ шалашѣ“, о несостоятельности всякихъ идиллій и о разумности лишь того, что установлено и подтверждено „практикой жизни“. И „практика жизни“ одерживаетъ полную побѣду. Папаша и бабушка „осчастливливаютъ“ свою любимицу, отдаютъ ее,—по-просту, говоря, продаютъ,—старому карьеристу, онъ ее покупаетъ откровенно и нагло, и она не только позволяетъ торговать собой, но сама убѣждается въ превосходствѣ „практики жизни“ надъ мечтами любви и охотно отдается противному человѣку, прельщенная подаренными имъ брилліантами, жемчугомъ и кружевами. Срывалинъ начинаетъ безумно пить съ отчаянія, и всѣ очень искренно благодарятъ Бога „за то, что онъ избавилъ Вѣрочку отъ такого пьяницы“. Свадьба была отпразднована торжественнѣйшимъ образомъ, молодые на другой день благополучно отбыли наслаждаться безпечальною жизнью богатыхъ и практическихъ людей, а Срывалинъ умеръ въ ту же ночь, допившись до удара.

Все это разсказано мастерски и живо, съ тѣмъ обычнымъ добродушнымъ юморомъ, которымъ отличаются всѣ произведенія симпатич-

нѣйшаго стараго художника И. А. Салова, умѣющаго всегда иллюстрировать честную и гуманную мысль замѣчательно красивыми и яркими „картинками“.

ФИЛОСОФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ.

„Вопросы Философіи и Психологіи“ кн. 39 и 40.

Вопросы Философіи и Психологіи. Изданіе Московскаго Психологическаго Общества. Книги 39 (IV) и 40 (V). 1897 г. Извѣстный трудъ Вл. С. Соловьева *Оправданіе добра* породилъ очень живые, сочувственные и враждебные, отголоски въ нашей литературѣ. Отозвался на него и маститый Б. Н. Чичеринъ, старый паладинъ русскаго просвѣщенія. Въ 39-мъ выпускѣ *Вопросовъ Философіи* онъ помѣстилъ большую статью *О началахъ этики*, въ которой шагъ за шагомъ добросовѣстно и вдумчиво критикуетъ произведеніе г. Соловьева и подвергаетъ строгому анализу какъ общія основы этой книги, такъ и отдѣльныя ея части, гдѣ авторъ указываетъ приложеніе своихъ этическихъ взглядовъ къ различнымъ сторонамъ дѣйствительности. Мистическія убѣжденія Вл. С. Соловьева и его теократическіе идеалы находятъ себѣ въ г. Чичеринѣ сурового судью; какъ юристъ, онъ авторитетно опровергаетъ соображенія г. Соловьева относительно уголовнаго и экономическаго вопросовъ. Но для читателя, знакомаго съ *Оправданіемъ добра*, ясно, что г. Чичеринъ не сумѣлъ стать на точку зрѣнія своего противника, не ассимилировался съ общимъ діалектическимъ развитіемъ его мыслей и поэтому впалъ въ серьезныя ошибки и такія странныя недоразумѣнія, которыя позволили ему обвинять г. Соловьева въ инквизиторскихъ тенденціяхъ, въ приверженности Торквемадѣ. Наряду съ весьма дѣльными замѣчаніями встрѣчаются у Б. Н. Чичерина слабые аргументы, въ особенности тамъ, гдѣ онъ разрушаетъ теорію Вл. С. Соловьева о стыдѣ, жалости и религіозномъ чувствѣ, какъ основахъ нравственности, и тамъ, гдѣ онъ упорно не понимаетъ того, что мыслитъ его оппонентъ подъ „нравственнымъ субъективизмомъ“. Г. Соловьевъ отвѣчаетъ своему критику въ страстной и блестящей отповѣди, которая по остроумію своихъ ядовитыхъ возраженій, тонкой логичности и силѣ своихъ ударовъ можетъ служить образцомъ полемики. Но ея тонъ иной разъ ужъ слишкомъ рѣзокъ, и обсужденіе теоретическихъ проблемъ переходитъ на почву личныхъ нападокъ, не знающихъ пощады; характеристика, которую г. Соловьевъ даетъ умственному складу своего оппонента, очень мѣтка, но и очень зла. Г. Чичеринъ посылаетъ незаслуженные упреки публицистической дѣятельности Вл. С. Соловьева, и послѣдній горячо и справедливо возражаетъ на нихъ. „Я сталъ публицистомъ,— говоритъ онъ,— какъ разъ въ то время, когда въ нашей общественной жизни явились особые поводы вступиться за этотъ элементарный принципъ“ (свободы совѣсти)... Въ это самое время Б. Н. Чичеринъ занимался химіей и классификаціей наукъ; „эти мирныя занятія, безъ сомнѣнія, дѣлаютъ честь обширной учености г. Чичерина, но они не даютъ ему никакого права выдумывать небылицы про людей другого темперамента, превращая ихъ въ сторонниковъ тѣхъ началъ и учрежденій, съ которыми они на самомъ дѣлѣ боролись во всю мѣру своихъ возможностей и не безъ нѣкоторыхъ пожертвованій“. Въ слѣдующей книгѣ журнала споръ продолжается; г. Соловьевъ, не поколебленный въ своихъ взглядахъ по

существу, извиняется за излишества, которыя онъ допустилъ въ своемъ отвѣтѣ Б. Н. Чичерину. Въ томъ же 39-мъ выпускѣ *Вопросовъ* А. Н. Гиляровъ заканчиваетъ свое интересное изслѣдованіе о „предсмертныхъ мысляхъ нашего вѣка во Франціи". Онъ сильными и яркими штрихами изображаетъ оккультизмъ, мистицизмъ, декадентство; но онъ уже не ограничивается, какъ прежде, объективнымъ анализомъ,— онъ явно высказываетъ теперь свои симпатіи къ современному движенію противъ господства науки, онъ не умѣетъ или не хочетъ возвыситься до синтеза разума и сердца и считаетъ свѣтъ ума „не грѣющимъ". На русской почвѣ такіе отзвуки брюнетьеровской проповѣди особенно нежелательны и опасны; у насъ еще слишкомъ непрочны корни науки и расшатывать ее мнимой антитезой религіи и знанія, чувства и интеллекта—легкомысленно и грѣшно. В. О. Ключевскій помѣстилъ окончаніе своего прекраснаго историко-психологическаго очерка, въ которомъ съ присущимъ автору мастерствомъ и филигранной отдѣлкой стиля выясняются взаимоотношенія раскола и западнаго вліянія въ Россіи XVII вѣка; для исторіи русской образованности статья В. О. Ключевскаго представляетъ очень важный и правильно освѣщенный матеріалъ. Вопроса объ экономическомъ пониманіи исторіи касаются два этюда гг. Софронова и Чернова. Въ статьѣ *Соотношеніе общественныхъ силъ* Ф. В. Софроновъ излагаетъ соціологическую теорію, построенную на естественно-научныхъ основаніяхъ; согласно ей, въ первомъ періодѣ жизни общества политическія учрежденія, правовыя и нравственныя нормы и идеи возникаютъ главнымъ образомъ подъ давленіемъ біологическихъ, а во второмъ періодѣ—экономическихъ силъ и, наконецъ, въ третьемъ періодѣ, который уже наступилъ, эти учрежденія и идеи достигаютъ самостоятельнаго значенія, такъ что „утилизація развитія производительныхъ силъ поступаетъ теперь подъ контроль идейной организаціи общества". В. М. Черновъ, въ живо написанномъ очеркѣ *Экономическій матеріализмъ и критическая философія*, убѣдительно доказываетъ, что первый не имѣетъ логическаго права опираться на послѣднюю, въ особенности на міровоззрѣніе Алоиза Риля, на котораго такъ часто ссылается П. Б. Струве.

Въ 40-й книгѣ философскаго органа вниманіе читателей прежде всего обратится, конечно, къ статьѣ *Что такое искусство?*—подписанной знаменитымъ именемъ гр. Л. Н. Толстого. Что скажетъ объ искусствѣ одинъ изъ его великихъ жрецовъ и какъ отнесется геніальный художникъ къ тому богу, отъ котораго онъ теперь отрекся, но которому прежде служилъ съ такой благословенной силой и съ такимъ незабвеннымъ для міра достоинствомъ? Гр. Толстой еще не вполнѣ отвѣтилъ на этотъ вопросъ,— онъ далъ только начало своего труда, но и оно уже вызываетъ грусть и разочарованіе, какъ аберрація большого, но упрямаго ума. Творецъ безсмертныхъ произведеній искусства съ горечью указываетъ на огромную трату силъ, времени, талантовъ и денегъ, которая производится теперь повсюду для поддержанія искусства; онъ печалится, что искусство поглощаетъ человѣческія жизни и нерѣдко убиваетъ любовь среди людей. Гр. Толстой посѣтилъ однажды репетицію какой-то оперы, и его больно поразило, что капельмейстеръ бранилъ хористовъ и хористокъ и всячески унижалъ ихъ. И вотъ на этомъ основаніи графъ думаетъ, что между служеніемъ искусству и грубостью капельмейстера существуетъ необходимая внутренняя связь, что искусство непремѣнно порождаетъ непріязнь и что репетиція нелѣпой оперы и неувядающее художественное созданіе—одно и то же.

Для него очень странно, что, несмотря на всякія жертвы, приносимыя искусству, несмотря на чрезвычайно важную роль, которую оно играетъ въ современной жизни, оно, тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ не имѣетъ еще безспорнаго опредѣленія и люди до сихъ поръ еще не условились въ томъ, гдѣ его сущность и каковы его задачи и цѣли. Л. Н. Толстой приводитъ длинный рядъ выписокъ изъ трактатовъ по эстетикѣ, для того чтобы уяснить читателямъ, какъ много существуетъ разнообразныхъ и противорѣчащихъ другъ другу отвѣтовъ на вопросъ о томъ, что такое искусство. Эта часть статьи далека отъ системы и точности; крупные мыслители идутъ въ перемежку съ ихъ маленькими послѣдователями, одна школа переплетается съ другой, и всѣ эти пестрыя и утомительныя цитаты, оторванныя отъ своего контекста, который одинъ придаетъ имъ надлежащій смыслъ,—всѣ онѣ доказываютъ только то, что умъ человѣка слабъ въ опредѣленіяхъ, въ исчерпывающей логической дефиниціи, что какъ не поддается его точной формулировкѣ истина, такъ не поддаются ей и красота, и искусство. Это доказываютъ онѣ, а не то, что желаетъ подчеркнуть ими гр. Толстой. Много есть опредѣленій красоты, много есть опредѣленій искусства, но искусство одно и красота одна, и чувствуютъ ихъ всѣ одинаково, хотя и различно переводятъ свои несомнѣнныя чувства на бѣдный языкъ отвлеченныхъ понятій. Выписки гр. Толстого могли бы поэтому безъ всякаго ущерба не обременять собою его статьи. Онѣ служатъ только фономъ, на которомъ рѣзче оттѣняется его собственный взглядъ на искусство. Оно, по его мнѣнію, можетъ быть опредѣлено только въ томъ случаѣ, если „откинуть путающее все дѣло понятіе красоты“; искусство не должно быть разсматриваемо какъ предметъ наслажденія,—на этой мысли знаменитый авторъ настаиваетъ особенно горячо, и онъ считаетъ возможнымъ понять искусство, уничтоживъ моментъ эстетическаго удовольствія, а слѣдовательно и моментъ красоты. Но при всемъ сочувствіи, которое можно питать къ аскетической борьбѣ съ наслажденіемъ, надо помнить, что наслажденіе, доставляемое искусствомъ, совершенно отлично отъ всякаго рода другихъ удовольствій, и что, слѣдовательно, злобныя стрѣлы, которыя пускаетъ въ него Л. Н. Толстой, не попадаютъ въ цѣль. Зачѣмъ въ ригорическомъ ужасѣ отступать передъ наслажденіемъ красотой, когда это наслажденіе безкорыстно и чисто? Оно не всегда сопутствуетъ нравственному совершенству, но его природа сама по себѣ вытекаетъ изъ кристальнаго источника. Возмутителенъ Неронъ, когда онъ сжигаетъ Римъ, для того чтобы полюбоваться невиданнымъ зрѣлищемъ; но вѣдь вѣрно то, что горящій Римъ въ самомъ дѣлѣ прекрасенъ, и вся страшная вина Нерона заключается только въ томъ, что, въ силу извращенности своей души, онъ эстетическое ставилъ выше этическаго и совершенно не имѣлъ нравственныхъ критеріевъ. И если нравственное приходитъ въ столкновеніе съ прекраснымъ, мы склоняемся передъ нравственнымъ; но тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ искусствѣ, этого столкновенія нѣтъ и тамъ не можетъ не быть рѣчи о прекрасномъ и о возвышенномъ наслажденіи прекраснымъ. То искусство безъ красоты, которое проповѣдуетъ Л. Н. Толстой, является колоссальной нелѣпицей, тѣмъ, что логика называетъ contradictio in adjecto. Это—искусство, у котораго вынута душа. Для графа искусство сводится къ одному изъ самыхъ могущественныхъ средствъ общенія между людьми; искусство хорошо и благотворно тѣмъ, что одинъ человѣкъ заражаетъ своимъ чувствомъ другого (а если это чувство дурно?); искусство такъ же важно, какъ и рѣчь, но разница въ

томъ, что „словомъ одинъ человѣкъ передаетъ другому свои мысли, искусствомъ же люди передаютъ другъ другу свои чувства“ (стр. 1022),—какъ будто слово не передаетъ чувства и какъ будто произведеніе искусства не передаетъ мысли! Глубоко вѣрно, что искусство сближаетъ человѣка съ человѣкомъ; глубоко вѣрно, что искусство заражаетъ,—но это его вторичные признаки, а не существенные. Та золотая нить, которая объединяетъ въ одно стройное цѣлое творческій экстазъ художника, жизнь его произведенія и наслажденіе зрителя или слушателя, это — красота. И пренебрегая ею, графъ Толстой съ самаго начала впадаетъ въ заблужденіе, отъ котораго рухнетъ вся его теорія искусства, стоящая безконечно ниже его былой практики искусства.

Въ этой же книгѣ *Вопросовъ* кн. С. Н. Трубецкой въ статьѣ *Филонъ и его предшественники* знакомитъ съ интересной въ историко-культурномъ отношеніи эпохой, когда въ іудейство проникли начала эллинизма и своеобразно сочетались съ мозаизмомъ. Вл. С. Соловьевъ въ этюдѣ *Первое начало теоретической философіи* показываетъ связь между этикой и философіей, въ увлекательномъ изложеніи анализируетъ принципы достовѣрности и самосознанія и тонко разбираетъ декартовское положеніе *cogito, ergo sum*. А. А. Токарскій тщательнымъ и остроумнымъ анализомъ составныхъ элементовъ, входящихъ въ сложное чувство „страха смерти“, разсѣиваетъ до извѣстной степени ту оболочку туманности и неопредѣленнаго ужаса, которая для многихъ покрываетъ идею смерти; постановка вопроса у г. Токарскаго оригинальна и интересна. В. В. Воробьевъ предлагаетъ свою „классификацію выразительныхъ движеній“, раздѣляя ихъ на двѣ главныя группы—выразительныя для интеллекта и выразительныя для чувствованій. А. Н. Гиляровъ разбираетъ новѣйшіе труды по атомистикѣ Hannequin'a и Mabilleau. Обѣ книги заканчиваются разнообразнымъ критико-библіографическимъ отдѣломъ.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРІЯ.

„Исторія русской литературы“. *А. Н. Пыпина*. Т. I.—„Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ“. Сост. кружкомъ преподавателей подъ ред. проф. *П. Г. Виноградова*.—„Германія наканунѣ революціи и ея объединенія“. *Проф. А. Трачевскаго*. — „Очеркъ развитія національной литературы въ Италіи“. *Джозуэ Кардуччи*.

Исторія русской литературы. Томъ I. Древняя письменность. А. Н. Пыпина. Спб., 1898 г. Еще недавно мы привѣтствовали четырехтомную *Исторію русской этнографіи* маститаго ученаго, теперь передъ нами начало новаго, столь же грандіознаго труда. Поразительная неутомимость и энергія, столь необычныя для русскаго ученаго и въ такомъ возрастѣ!

Въ первомъ томѣ своей *Исторіи русской литературы* А. Н. Пыпинъ знакомитъ насъ съ результатами современной научной разработки исторіи древне-русской литературы и отчасти народной поэзіи. Понимая широко литературу, онъ даетъ, собственно, исторію древне-русскаго просвѣщенія—главнымъ образомъ на основаніи литературы матеріала. Давно уже чувствовалась настоятельная потребность въ такой сводной работѣ. Наши учебники и популярныя руководства по исторіи русской словесности переполнены грубыми фактическими ошибками, неосновательными, сомнительными или давно отвергнутыми наукой

обобщеніями; въ нихъ совсѣмъ *нѣтъ исторіи*; они и *не научны* и *не педагогичны*. Наука развивалась своимъ чередомъ, обосновывала многіе очень цѣнные выводы, большая же публика случайно получала только крохи съ ея стола.

Мы гордимся своею новѣйшею литературой, ея благородною простотой, ея правдивостью, честностью и гуманностью, но почти не знаемъ ея прошлаго, ея историческихъ судебъ; въ обычныхъ представленіяхъ о ней такъ много сбивчиваго, смутнаго, противорѣчиваго. Виною этому не одна слабость научныхъ интересовъ у общества, отсутствіе подходящихъ популярныхъ пособій, но и особенности нашей спеціальной литературы, которая тщательно отучивала отъ себя средняго читателя своимъ слишкомъ гелертерскимъ духомъ: это литература „для немногихъ“. Къ драгоцѣннымъ крупицамъ научной истины приходится пробираться сквозь чащу разросшихся въ ущербъ тексту примѣчаній, не переведенныхъ разноязычныхъ цитатъ, ученыхъ „умолчаній“, своеобразнаго ученаго стиля и т. д. Дѣло давно уже стояло за переводчикомъ съ „ученаго“ языка (многіе не совсѣмъ вѣжливо называютъ его „суконнымъ“) на „человѣческій“. Только А. Н. Пыпинъ, съ его изумительно широкою начитанностью, и могъ стать такимъ посредникомъ между представителями „чистой науки“ и читающею публикой, выступить въ качествѣ такого компетентнаго переводчика и популярнаго истолкователя.

Сдѣланная имъ попытка прежде всего имѣетъ громадное значеніе для средняго читателя, который вынесетъ изъ нея много новыхъ фактовъ и цѣнныхъ выводовъ, благодаря ей будетъ сознательнѣе и безпристрастнѣе относиться къ древне-русской культурѣ; учащійся, запуганный сухостью и схоластическимъ педантизмомъ учебниковъ, доберется, благодаря г. Пыпину, и до „живыхъ глаголовъ“ Древней Руси; учащій обновитъ свои затхлыя и выцвѣтшія свѣдѣнія, если онъ раньше, на собственный рискъ, не окунался въ безбрежное море спеціальныхъ научныхъ изслѣдованій.

Но такая попытка имѣетъ и большое научное значеніе: она подводитъ итоги сдѣланному, сводитъ во-едино разрозненное и изолированное, и этимъ помогаетъ ихъ уясненію. За детальною работой обыкновенно ускользаютъ общія точки зрѣнія, сводъ каждому факту указываетъ его „полочку“ и выдвигаетъ на первый планъ общее значеніе явленій. Хорошій сводъ, однимъ словомъ, долженъ завершить одинъ моментъ въ развитіи науки—ея прошлое—и намѣтить въ общихъ чертахъ ея ближайшее будущее. Именно такой сводъ и далъ намъ г. Пыпинъ. Нельзя, конечно, требовать отъ одного лица и самостоятельныхъ изысканій, и подведенія итоговъ до-нельзя разросшейся научной литературы; отъ достоинствъ и недостатковъ послѣдней и зависитъ главнымъ образомъ научная цѣнность самого свода. Передъ г. Пыпинымъ было безбрежное море большихъ изслѣдованій, небольшихъ статей и маленькихъ замѣтокъ. Требовалось громадное научное чутье, самое широкое образованіе, чтобы разобраться во всемъ, что не „дописаша“ и что „переписаша“ наши спеціалисты.

Нашъ маститый ученый съ честью вышелъ изъ этого болѣе чѣмъ затруднительнаго положенія. За рѣдкими исключеніями, при столкновеніи противоположныхъ взглядовъ, онъ становится на правую сторону, сглаживаетъ крайности спора, принимаетъ къ свѣдѣнію pro и contra; литература каждаго вопроса изучена всесторонне; разные отдѣлы по возможности согласованы.

Подводя итоги современной научной разработкѣ литературнаго матеріала, г. Пыпинъ не могъ не допустить нѣкоторыхъ пробѣловъ. Наиболѣе слабымъ ея пунктомъ всегда былъ недостатокъ эволюціоннаго пониманія литературныхъ фактовъ. Сохраняя за собой названіе исторіи, эта научная дисциплина главнымъ образомъ устанавливала, собирала и описывала отдѣльные факты, въ рѣдкихъ случаяхъ ставила ихъ въ связь и почти ничего не давала для характеристики самой литературной эволюціи. Относительно древне-русской литературы она успокоивалась на томъ, что большинство извѣстныхъ памятниковъ безъ датъ, что они переписывались и передѣлывались въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, что въ древней Руси вообще не было и не могло быть развитія и пр. А преимущественный интересъ къ тому или другому виду произведеній, а вставки и измѣненія, принадлежащія той или другой эпохѣ, оригинальныя произведенія? Если отдѣльные вѣка отличались другъ отъ друга политическимъ, соціальнымъ и экономическимъ строемъ, можно ли a priori допустить, чтобъ они были тождественны другъ другу по своимъ литературнымъ вкусамъ и пріемамъ? Кромѣ того, сама спеціальная разработка выяснила нѣкоторые факты, которые идутъ въ разрѣзъ съ этимъ ученымъ предразсудкомъ. Г. Пыпинъ, повидимому, боролся съ нимъ, но кое-гдѣ сдѣлалъ ему уступки. Далеко не вездѣ разграничены эпохи; изложеніе распадается на рядъ самостоятельныхъ отдѣловъ, въ порядкѣ которыхъ играла слишкомъ большую роль случайность. Отводя особые отдѣлы татарскому нашествію и древнему просвѣщенію, лѣтописи, паломничеству и отреченнымъ книгамъ, г. Пыпинъ нарушаетъ нѣсколько перспективу, объединяетъ разрозненныя черты и руководится главнымъ образомъ формальными признаками: наприм., лѣтопись южная и сѣверная, ранняя и поздняя — настолько различныя произведенія, что врядъ ли ихъ можно объединять безъ ущерба для цѣльности историческаго представленія Г. Пыпину постоянно приходится возвращаться къ прерванной нити разсказа, повторяться, разрушать хронологическую послѣдовательность и располагать свое изложеніе на основаніи разныхъ принциповъ дѣленія.

Мы не чувствуемъ себя вправѣ ставить это ему въ вину: идея эволюціи почти чужда еще той научной литературѣ, результаты которой онъ популяризируетъ. Въ послѣднемъ, повидимому, и заключается *главная* цѣль, которую поставилъ себѣ почтенный ученый. И въ этомъ отношеніи его трудъ имѣетъ громадное значеніе: дѣйствительно, читатель найдетъ въ немъ много самыхъ разнообразныхъ и высоко интересныхъ историко-литературныхъ свѣдѣній, изложенныхъ доступно, трезво и безпристрастно. Пожелаемъ же маститому ученому скораго окончанія этого почтеннаго труда.

Книга для чтенія по исторіи Среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей подъ ред. проф. П. Г. Виноградова. Вып. II. М., 1897 г. Ц. 3 р. 30 к. Какъ всякая коллективная работа, настоящій трудъ отличается далеко не одинаковыми достоинствами въ различныхъ своихъ частяхъ. Нѣкоторыя статьи страдаютъ недочетами. Нельзя, наприм., назвать вполнѣ удовлетворительной статью, посвященную лирической поэзіи Среднихъ вѣковъ. Авторъ ея остановился только на любовной и воинственной поэзіи трубадуровъ, такъ что характеристика провансальской поэзіи вышла односторонней. Онъ не коснулся сатирическаго и народнаго элемента въ пѣсняхъ трубадуровъ; первый элементъ можно было отмѣтить въ пѣсняхъ того же Бертрана де Борна, котораго авторъ статьи выбралъ образцомъ для

характеристики трубадуровъ. Нельзя согласиться съ утвержденіемъ г. Казанскаго, что „миннезингеры по содержанію своихъ пѣсенъ еще бѣднѣе трубадуровъ“ и что „любовь почти единственная ихъ тема“. Не говоря уже о томъ, что самъ авторъ статьи дѣлаетъ исключеніе для Вальтера фонъ-деръ Фогельвейде, развѣ можно все содержаніе поэзіи Эшенбаха или Ульриха фонъ-Лихтенштейна свести къ любви? Отсутствіе полноты искупается, впрочемъ, простотой и живостью изложенія г. Казанскаго.

Но въ книгѣ есть недостатки болѣе серьезные, чѣмъ пробѣлы въ отдѣльныхъ статьяхъ. Это—несоотвѣтствіе между количествомъ статей и важностью вопросовъ, которымъ онѣ посвящены. Наприм., литературѣ не удѣлено мѣста, кромѣ упомянутой статьи г. Казанскаго и очень интересной статьи г. Розанова: *Театральныя представленія во Франціи въ концѣ XV вѣка*. Романы только упоминаются, а о поэзіи буржуазіи: французскихъ *Fabliaux* и нѣмецкихъ *Schwänke*—совсѣмъ не говорится. За то славянской исторіи удѣлено слишкомъ много мѣста. Одни переводы Паннонскихъ житій занимаютъ около 100 страницъ. Это тѣмъ болѣе странно, что еще при появленіи перваго выпуска редакторъ его, проф. Виноградовъ, высказалъ совершенно справедливую мысль о безполезности помѣщенія въ книгѣ самыхъ памятниковъ. Не одинаково достоинство статей и въ литературномъ отношеніи: нѣкоторыя написаны довольно сухо и едва ли пригодны для популярнаго чтенія.

Несмотря на отмѣченные недостатки, коллективная работа кружка преподавателей принадлежитъ къ числу лучшихъ популярныхъ научныхъ трудовъ, появившихся въ послѣднее время. Въ книгѣ соединены статьи по наиболѣе характернымъ явленіямъ средневѣковой жизни: въ ней разсматриваются феодализмъ, папство и имперія, крестовые походы, рыцарство и духовная культура этого періода. Среди статей, посвященныхъ феодализму, слѣдуетъ отмѣтить статью г. Виноградова: *Подготовка феодализма*. Въ сжатомъ очеркѣ авторъ показываетъ, какъ изъ столкновенія новыхъ племенъ съ римскимъ соціальнымъ строемъ подготовился новый феодальный строй. Интересно и живо написана статья г. Моравскаго. Изображая положеніе городовъ въ Средніе вѣка, авторъ не ограничился сухимъ описаніемъ, онъ привелъ для иллюстраціи этого положенія исторію Ланской коммуны. Статьи, посвященныя крестовымъ походамъ, отличаются полнотой; съ особеннымъ удовольствіемъ прочли мы статью г. Шамонина: *Вожди перваго крестоваго похода*. Эта статья живо рисуетъ могучее воодушевленіе, овладѣвшее европейскимъ обществомъ во время перваго крестоваго похода. Среди статей, посвященныхъ папству, слѣдуетъ отмѣтить превосходную статью кн. Е. Трубецкого: *Религіозно общественный идеалъ папы Григорія VII*. Авторъ охарактеризовалъ начало, развитіе и торжество теократическаго идеала Среднихъ вѣковъ всесторонне и съ глубокимъ знаніемъ эпохи и ея духа. Нельзя не указать также статей г. Ивановскаго, посвященныхъ мистикѣ и схоластикѣ въ Средніе вѣка, а также народному образованію и университетамъ. Изъ прекрасной статьи г. Вормса: *Болонскій университетъ и римское право въ Средніе вѣка*, написанной популярнымъ и живымъ языкомъ, мы знакомимся съ фактами, вызвавшими въ лучшихъ современныхъ умахъ интересъ къ римскому праву, съ положеніемъ этой науки въ различныхъ странахъ и съ исторіей Болонскаго университета, въ которомъ римское право стало впервые преподаваться въ качествѣ отдѣльной науки. Къ статьямъ по искусству приложены

иллюстраціи, за которыя слѣдуетъ поблагодарить составителей сборника; самыя лучшія описанія памятниковъ не дали бы читателю наглядиаго представленія о нихъ, еслибы прекрасныя изображенія не сопровождали ихъ описанія.

Изъ сказаннаго видно, какъ много интереснаго матеріала собрано въ разбираемой книгѣ. Остается пожелать ей по возможности широкаго и быстраго распространенія.

Германія наканунѣ революціи и ея объединенія. Проф. А. Трачевскаго. Спб. 1898. Изданіе О. Н. Поповой. Работа г. Трачевскаго представляетъ почти полную противоположность недавно разобранной нами книжкѣ Янсена — *Германія наканунѣ реформаціи*. Янсенъ грѣшитъ идиллическимъ изображеніемъ эпохи конца XV и начала XVI вѣка, такъ что происшедшій за нею переворотъ представляется мало понятною случайностью. Г. Трачевскій описываетъ состояніе Германіи въ XVIII вѣкѣ въ такихъ мрачныхъ краскахъ, что у читателя невольно является вопросъ: какъ при такихъ условіяхъ могли еще жить люди? Удивляешься не тому, что произошелъ переворотъ, а тому, что онъ такъ запоздалъ. Но удивленіе читателя возрастаетъ еще болѣе, когда у г. Трачевскаго онъ не находитъ почти и упоминанія объ этомъ переворотѣ, о вліяніи революціи и имперіи на измѣненіе политическаго и общественнаго строя Германіи. На сценѣ остаются все тѣ же безпощадно высмѣиваемые Габсбургъ, Гогенцоллернъ и Фюрсты, на смѣну которымъ является желѣзный канцлеръ. И вдругъ въ концѣ вѣка передъ читателемъ „великая нація“ съ ея промышленными успѣхами, борьбою классовъ и культурнымъ превосходствомъ. Какъ произошла такая метаморфоза, остается совершенно неяснымъ. По впечатлѣнію, ею производимому, книжка г. Трачевскаго—произведеніе литературы не исторической, а „обличительной“. Интересно сравнить ее, наприм., съ работами Лависса по исторіи Пруссіи. Лависсъ несомнѣнно не любитъ нѣмцевъ, но эта нелюбовь не настолько ослѣпляетъ его, чтобы заслонять положительныя стороны ихъ исторіи; въ его трудѣ чувствуется хотя не безпристрастный, но все же историкъ. Г. Трачевскій является въ данномъ случаѣ публицистомъ извѣстнаго лагеря и напрасно прикрывается флагомъ историка. Это замѣтно уже отчасти изъ предисловія. Свое „сжатое, но по возможности всестороннее изложеніе предмета“ авторъ предназначаетъ въ „руководство для широкой публики, хотя бы при чтеніи массы запутанныхъ газетныхъ извѣстій о Германіи“. Цѣль не крупная, хотя, конечно, благая; но для достиженія ея книжка должна была бы, на нашъ взглядъ, отличаться меньшей односторонностью и большимъ безпристрастіемъ. Вредитъ также ей свойственная вообще автору вычурная манера изложенія—обиліе пряныхъ словечекъ и пикантныхъ деталей, изъ-за которыхъ часто не легко разобрать суть дѣла. Въ небольшихъ дозахъ съ этимъ еще можно мириться, но чтеніе цѣлой книжки, написанной въ такомъ шумливомъ тонѣ, производитъ оглушающее впечатлѣніе. Фактическихъ промаховъ здѣсь гораздо меньше, чѣмъ въ учебникахъ автора, да оно и понятно: въ XVIII и XIX вѣкахъ онъ чувствуетъ себя гораздо болѣе дома, чѣмъ въ исторіи древней, средней, а тѣмъ болѣе русской. Кое-что замѣтно впрочемъ уже съ перваго взгляда: такъ мы узнаемъ, что Восточная Пруссія принадлежитъ теперь Россіи (стр. 136) и что курфюршество *Брауншвейгъ* стало англійскою державой (стр. 143); напрасно также авторъ назвалъ Данилу Галицкаго вмѣсто Романа (стр. 216). Первая половина книжки написана почти четверть вѣка назадъ; но, по словамъ

г. Трачевскаго, „новѣйшая научная разработка вопроса не дала ничего, что могло бы побудить автора измѣнить не только точку зрѣнія, но и самое изложеніе". На нашъ взглядъ это признаніе доказываетъ не столько неподвижность науки, сколько устойчивость взглядовъ и манеры автора, вложившаго въ свою книжку „не столько труда, сколько благихъ пожеланій". Въ виду всего сказаннаго, автору, на нашъ взглядъ, можно больше желать, чѣмъ ожидать отъ нынѣшняго поколѣнія „того теплаго участія, съ которымъ была встрѣчена нашими семидесятниками первая часть книжки".

Очеркъ развитія національной литературы въ Италіи. Джозуэ Кардуччи. Переводъ съ итальянскаго языка Павла Риттера. Харьковъ, 1897 г. Несмотря на свои небольшіе размѣры, книга Кардуччи представляетъ художественную картину постепеннаго роста національнаго самосознанія въ Италіи. Эта картина ярко нарисована при помощи обзора главнѣйшихъ моментовъ въ исторіи итальянской литературы. Въ первой лекціи авторъ опредѣляетъ составные элементы итальянской литературы и приходитъ къ заключенію, что исторія этой литературы есть въ сущности исторія трехъ различныхъ силъ или элементовъ: церковнаго, рыцарскаго и народнаго. Во второй лекціи авторъ старается показать, какъ народный, національный элементъ сталъ очерчиваться яснѣе и какъ его стремленія постепенно начали обнаруживаться. Третья лекція посвящена тосканскому періоду и „великому тріумвирату": Данте, Петраркѣ и Боккаччіо. Данте—представитель стараго поколѣнія; онъ создалъ гигантскій памятникъ, соборъ и могилу средневѣковья; онъ „спустился изъ Рая, унося съ собою ключи загробнаго міра, и забросилъ ихъ въ бездну прошлаго: никто ихъ больше не находилъ". Петрарка ближе стоитъ къ новому времени: онъ ненавидѣлъ римскій дворъ и яростно нападалъ на испорченность церкви, оставаясь набожнымъ, хотя и не религіознымъ, какъ Данте; съ такими сомнѣніями и стремленіями онъ ускорилъ конецъ Среднихъ вѣковъ. Несмотря на кажущуюся лесть королямъ и принцамъ, онъ первый почувствовалъ въ себѣ свободнаго человѣка и заставилъ феодальную Европу съ уваженіемъ смотрѣть на непокорныхъ буржуа. Данте и Петрарка исходили, все-таки, изъ Среднихъ вѣковъ и рыцарства; *Декамеронъ* Боккаччіо явился могучей оппозиціей противъ средневѣковыхъ принциповъ: рыцарскаго и церковнаго. Боккаччіо — живописецъ реальнаго міра, и авторъ противопоставляетъ его твореніе — созданію Данте, какъ универсальную *Человѣческую комедію*—универсальной *Божественной*. Четвертая лекція посвящена XV вѣку, за которымъ авторъ признаетъ гораздо болѣе крупное значеніе въ развитіи національной литературы, чѣмъ это обыкновенно дѣлаютъ. Пятая и послѣдняя лекція обнимаетъ XVI вѣкъ: классическое единство, идеализмъ и упадокъ. Авторъ оканчиваетъ свой курсъ патетическимъ восклицаніемъ, что Италія пожертвовала собою ради будущности другихъ народовъ: „Дорогая, святая родина! Она возсоздала умственный міръ античной древности, оформила искусство дикихъ, бурныхъ Среднихъ вѣковъ, открыла уму высшій міръ свободы и разума; и все это отдала она Европѣ. Затѣмъ она завернулась въ саванъ и съ достоинствомъ (?) Ифигеніи переносила удары Европы. Такъ умирала Италія!"

Если не считать подобныхъ патетическихъ выраженій, вызванныхъ патріотизмомъ автора и его несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ, нельзя не причислить лекціи Кардуччи къ числу оригинальнѣйшихъ и интереснѣйшихъ работъ по исторіи итальянской литературы.

Въ пяти лекціяхъ авторъ сумѣлъ сгруппировать и оригинально освѣтить чуть ли не всѣ важнѣйшія ея теченія. Переводъ сдѣланъ изящнымъ языкомъ.

Юридическія книги.

„Общепонятное законовѣдѣніе". *Н. П. Дружинина.*

Общепонятное законовѣдѣніе. Научно-практическое пособіе Н. П. Дружинина. Изданіе Д. И. Тихомирова. Москва, 1898 г. Много говорили и писали у насъ о необходимости популяризовать юридическія знанія, распространять среди народа понятія о правѣ, о законѣ, но въ дѣйствительности для достиженія этой цѣли почти вовсе не было ничего сдѣлано; у насъ нѣтъ даже болѣе или менѣе удачнаго общедоступнаго руководства по законовѣдѣнію; а между тѣмъ полезность подобнаго руководства, книги, изъ которой всякій могъ бы почерпнуть свѣдѣнія, хотя бы въ самой элементарной формѣ, о нашихъ государственныхъ учрежденіяхъ и нашихъ законахъ, стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Не одни юристы должны знать законы; всѣ люди на каждомъ шагу встрѣчаются съ ними, и для того, чтобъ отношенія людей другъ къ другу были законны и правомѣрны, необходимо хотя бы самое общее знаніе права, знаніе того, что дѣлать можно и чего дѣлать нельзя. Распространеніе юридическихъ знаній имѣетъ и другое, болѣе широкое значеніе, какъ мѣра воспитательная: популяризація права является особенно цѣнной для повышенія въ нашемъ обществѣ правосознанія чувства законности; въ виду этого и является особенно желательнымъ обращеніе законовѣдѣнія въ одинъ изъ необходимыхъ предметовъ общаго образованія.

Авторъ разсматриваемой книги поставилъ себѣ задачей составить популярное пособіе по законовѣдѣнію. Какъ видно изъ предисловія, авторъ стремился прежде всего къ тому, чтобы пособіе, какъ предназначенное для обширнаго круга читателей, не отличалось слишкомъ теоретическимъ, отвлеченнымъ характеромъ, но чтобы въ то же время оно не было однимъ сухимъ пересказомъ законовъ, а представляло бы ихъ въ научномъ освѣщеніи, выясняя основы и общія начала права; вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ старался размѣстить весь матеріалъ въ строгой системѣ, такъ, чтобы все послѣдующее находило свое объясненіе въ предыдущемъ и чтобы все законодательство страны представлялось какъ нѣчто единое и цѣльное.

Г. Дружининъ начинаетъ съ изложенія общихъ понятій о законѣ, власти, гражданахъ, послѣ чего, во второй части, переходитъ къ изложенію важнѣйшихъ общихъ законовъ—гражданскихъ, полицейскихъ, финансовыхъ; третья часть посвящена органамъ государственной власти, четвертая—уголовному праву, а пятая—законамъ судопроизводственнымъ. Въ послѣдней, шестой, части мы находимъ справочныя свѣдѣнія о частныхъ и оффиціальныхъ изданіяхъ книгъ законовъ и о различныхъ пособіяхъ къ изученію права, а также изложеніе правилъ и свѣдѣній о составленіи дѣловыхъ бумагъ.

Надо признать, что авторъ весьма успѣшно справился съ поставленной имъ себѣ нелегкой и обширной задачей. Онъ сумѣлъ отдѣлить существенное отъ несущественнаго и, не касаясь мелочей, очень умѣло изложилъ наиболѣе важные вопросы права; написано пособіе общепонятнымъ языкомъ, просто и ясно, и даетъ полную картину на-

шего законодательства. Наиболѣе успѣшно изложены законы о крестьянахъ и о сельскомъ и волостномъ управленіи, и эта часть пособія можетъ представить интересъ даже для юристовъ. Такимъ образомъ, книга г. Дружинина даетъ весьма удачное популярное изложеніе дѣйствующихъ у насъ законовъ и можетъ быть рекомендована какъ руководство по законовѣдѣнію для школъ и какъ хорошее пособіе для юридическаго самообразованія.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„О причинахъ явленій въ органическомъ мірѣ". *Т. Гёксли.*—„Популярныя рѣчи". Г. Гельмгольтца. Изд. 2-е.—„Основаніе электрохиміи". *Люпке.*—„Срѣзы изъ центральной нервной системы".—*А. Mercier.*

О причинахъ явленій въ органическомъ мірѣ. Т. Гексли. Переводъ съ англійскаго Н. Березина. Съ 13 рис. Спб. 1897 г. Ц. 60 к. Книжка, изданная подъ этимъ заглавіемъ редакціей журнала *Образованіе*, представляетъ собою шесть лекцій, читанныхъ знаменитымъ англійскимъ ученымъ и популяризаторомъ для рабочихъ. Лекціи эти затрогиваютъ цѣлый рядъ важныхъ вопросовъ общей біологіи. Вначалѣ авторъ даетъ общее схематическое описаніе строенія и жизненныхъ отправленій крупнаго позвоночнаго (лошади), а затѣмъ путемъ сравненія выясняетъ понятіе объ общности плана строенія всего типа позвоночныхъ. Затѣмъ, во второй лекціи, Гексли даетъ общее понятіе объ исторіи земной коры, сообщаетъ основные факты динамической и исторической геологіи и палеонтологіи. Конечно, столь широкая тема съ трудомъ можетъ быть уложена въ узкія рамки одной лекціи, но именно здѣсь сказывается выдающійся популяризаторскій талантъ покойнаго изслѣдователя, который сумѣлъ въ весьма небольшомъ объемѣ подобрать факты наиболѣе общаго характера и умѣло освѣтить ихъ. Третья лекція посвящена выясненію методовъ научнаго изслѣдованія и вопросу о первичномъ зарожденіи, четвертая — вопросамъ наслѣдственности и измѣнчивости, пятая—вопросу о вліяніи внѣшней среды на жизнь организмовъ и ихъ формы и, наконецъ, послѣдняя лекція излагаетъ значеніе сочиненія Дарвина *О происхожденіи видовъ*. Какъ извѣстно, Гексли былъ одинъ изъ самыхъ убѣжденныхъ сторонниковъ теоріи Дарвина и даже весьма много содѣйствовалъ распространенію Дарвиновскихъ идей въ наукѣ. Читая эти талантливо написанныя лекціи, невольно удивляешься тому, что онѣ были читаны для рабочихъ. Очевидно, опытный популяризаторъ и лекторъ Гексли зналъ хорошо уровень развитія своей аудиторіи, и мы видимъ, что онъ, однако, говоритъ съ этою аудиторіей въ такомъ тонѣ, что предполагаетъ цѣлый рядъ научныхъ понятій и терминовъ уже вполнѣ извѣстными, не нуждающимися въ объясненіяхъ. Это позволяетъ намъ сдѣлать заключеніе, что англійскіе рабочіе обладаютъ довольно солиднымъ образованіемъ и порадоваться за нихъ, что они могли слушать такія серьезныя лекціи, какъ лекціи Гексли. У насъ немного найдется рабочихъ, способныхъ прочесть съ толкомъ такую книжку, и она должна найти себѣ читателей среди широкаго контингента, такъ называемыхъ, „интеллигентныхъ" читателей, и мы должны признать, что при маломъ знакомствѣ нашего общества съ естественными науками большинство найдетъ въ книжкѣ Гексли не мало для себя новаго и интереснаго. Переводъ сдѣланъ хорошо и снабженъ интересно составленной біографіей Гексли и его портретомъ.

Популярныя рѣчи Г. Гельмгольтца. Переводъ слушательницъ С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ подъ редакціей О. Д. Хвольсона и С. Я. Терешина. Часть I. Изданіе второе, пересмотрѣнное и исправленное. О первомъ изданіи I-й части *Популярныхъ рѣчей* Г. Гельмгольтца, вышедшей въ 1896 г., нами былъ уже данъ отзывъ въ *Русской Мысли*. Быстрое появленіе второго изданія указываетъ на все возрастающее развитіе интересовъ въ русскомъ обществѣ къ вопросамъ естествознанія. Второе изданіе отличается отъ перваго нѣкоторыми (небольшими) исправленіями и дополненіями со стороны редактора. Кромѣ того, оно украшено хорошо выполненнымъ портретомъ Г. Гельмгольтца.

Основанія электрохиміи. Люпке. Переводъ Сазонова. Спб.. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к. Десять лѣтъ тому назадъ въ области ученія о растворахъ былъ сдѣланъ большой шагъ впередъ, благодаря работамъ ван-т-Гоффа, доказавшей, что вещество, находящееся въ растворѣ, подчиняется тѣмъ же законамъ, какъ и газъ, что такъ называемое осмотическое давленіе равно давленію газа. Въ томъ же году Арреніусъ развилъ свою теорію электролитической диссоціаціи, дополнившую теорію ван-т-Гоффа и объяснившую разницу между растворами, проводящими электричество и непроводящими. Обѣ теоріи оказали вліяніе почти во всѣхъ областяхъ естествознанія, но нигдѣ это вліяніе не было такъ сильно, какъ въ области электрохимін. Вслѣдъ за работами ван-т-Гоффа и Арреніуса появилась теорія гальваническихъ элементовъ Нернста, являющаяся дальнѣйшимъ развитіемъ первыхъ двухъ теорій. „Гальваническій элементъ есть машина, работающая осмотическимъ давлені. емъ", такъ можно опредѣлить основное положеніе теоріи Нернста. Изложенію трехъ теорій ван-т-Гоффа, Арреніуса и Нернста и посвящена книга Люпке. Книга раздѣлена на три отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ авторъ описываетъ явленіе электролиза, причемъ даетъ весьма цѣнныя указанія для демонстраціи опытовъ, затѣмъ излагаетъ законы Фарадея, Гитторфа, Кольраута и заканчиваетъ изложеніемъ теоріи Арреніуса. Второй отдѣлъ посвященъ теоріи ван-т-Гоффа. Авторъ не ограничивается изложеніемъ теоріи, но подробно описываетъ употребляемые имъ на моціяхъ приборы для демостраціи пониженія точки замерзанія, повышенія точки кипѣнія растворовъ и другихъ явленій, связанныхъ съ осмотическимъ давленіемъ. Третій отдѣлъ содержитъ изложеніе теоріи Нернста и работъ, вызванныхъ этою теоріей. Изложеніе въ книгѣ чрезвычайно ясно и доступно всякому знакомому съ элементарной физикой. Только въ одномъ случаѣ авторъ при выводѣ формулы прибѣгаетъ къ интегральному исчисленію, но читатель, незнакомый съ интегральнымъ исчисленіемъ, можетъ принять на вѣру формулу; пониманіе дальнѣйшаго отъ этого не пострадаетъ.

Появленіе книги Люпке тѣмъ болѣе своевременно, что не только теоретическая электрохимія сдѣлала за послѣдніе годы шагъ впередъ—развитіе теоріи отразилось на практикѣ, въ особенности на способахъ выдѣленія металловъ путемъ электролиза. Книга Люпке можетъ служить прекраснымъ введеніемъ въ электрометаллургію. Кромѣ того, благодаря ясному, общепонятному изложенію новѣйшихъ теорій физикохимін, ее можно рекомендовать всякому, интересующемуся развитіемъ опытныхъ наукъ.

Срѣзы изъ центральной нервной системы. A. Mercier. Пер. Вырубова, съ предисловіемъ проф. Бехтерева. Изданъ. Риккера. Спб., 1897 г. Цѣна 1 р. 40 к. Изученіе микроскопическаго строенія

центральной нервной системы, въ послѣднее время въ особенности, идетъ впередъ быстрыми шагами; то и дѣло въ спеціальныхъ журналахъ предлагаются новые методы окраски, новые методы уплотненія; то, что 5 лѣтъ тому назадъ казалось верхомъ микроскопической техники, теперь оказывается грубымъ и далеко не достаточнымъ. Спеціалисту приходится зорко слѣдить за всѣми успѣхами микроскопической техники; начинающему же въ особенности трудно разобраться въ этой массѣ накопленнаго матеріала, не говоря уже о практическихъ трудностяхъ добыть извѣстную книжку спеціальнаго журнала, гдѣ былъ описанъ тотъ или другой способъ. Въ виду этого, появленіе руководства, отвѣчающаго современнымъ требованіямъ, умѣло составленнаго, выдѣлившаго главное отъ второстепеннаго, существенное и нужное отъ необходимаго, нельзя не привѣтствовать. Переводъ, къ которому сдѣлано много добавленій самимъ авторомъ, изложенъ хорошимъ русскимъ языкомъ. Внѣшняя сторона изданія безукоризненна.

МЕДИЦИНА.

„Руководство къ частной терапіи внутреннихъ болѣзней. *Pentzoldt и Stintzing.*

Руководство къ частной терапіи внутреннихъ болѣзней. Penzoldt и Stintzing. Вып. 23, 24, 25. Изд. Риккера. Спб., 1897 г. Въ трехъ предлагаемыхъ выпускахъ этого руководства помѣщено: лѣченіе болѣзней обмѣна веществъ, крови и лимфатической системы, окончательный выпускъ лѣченія заболѣваній дыхательныхъ органовъ и начальный—лѣченія заболѣваній двигательнаго аппарата, гдѣ изложены: ортопедія, гимнастика, массажъ, лѣченіе остраго и хроническаго суставнаго и мышечнаго ревматизма, рахита, туберкулеза костей и остеомаляціи. Намъ уже приходилось указывать на достоинства этого руководства и самаго изданія. Къ сожалѣнію, по отношенію къ переводу 23 выпуска мы не можемъ повторить того же, что было сказано относительно ранѣе изданныхъ выпусковъ. Переводъ, какъ значится на обложкѣ, изданъ подъ редакціей д-ра В. К. Шмидта, приватъ-доцента Юрьевскаго университета. Можно сдѣлать два предположенія: редакторъ или совершенно не редактировалъ перевода, или же не знакомъ съ русскимъ языкомъ, иначе ничѣмъ нельзя объяснить тѣхъ нелѣпостей и безграмотностей, которыми переполненъ весь выпускъ, вотъ образчики: „вкусъ фадный“, „важно настаиваніе врача на перемѣну мѣсто во время“ (стр. 207), „циркуляція мозга“, „сѣрное желѣзо“ вм. сѣрнистаго, „часто уже при макроскопическомъ разсмотрѣніи кровь поражаетъ“ (стр. 219), „мы имѣемъ, слѣдовательно, вновь единственную золотуху, равно какъ въ воспаленіяхъ глазъ“ (стр. 256). „Весь рядъ плоскостныхъ заболѣваній“ (стр. 257). „Въ этихъ гнѣздахъ, однако, золотуха также часто является охраной обобщенія вслѣдствіе ея своеобразныхъ воспалительныхъ процессовъ какъ и случаемъ для вхожденія бугорчатки вслѣдствіе конституціональной аномаліи и вслѣдствіе первоначальнаго измѣненія тканей“ (стр. 257). Такими безсмыслицами и безграмотностями переполнена любая страница этого злосчастнаго выпуска; на удачу открываемъ хотя бы 253 стр., гдѣ мы встрѣчаемся съ такими образчиками: „Понятіе золотухи исчезло тогда почти вполнѣ и характернымъ образомъ почти исключительно для тѣхъ врачей, которые имѣютъ дѣло почти исключительно съ этими тремя заболѣваніями, для хирурговъ, а также и для многихъ патоло-

говъ", нѣсколько строчекъ ниже: „поверхностныя заболѣванія противостояли всѣмъ теоретическимъ и бактеріологическимъ оспариваніямъ", тутъ же и „упорныя и злокачественныя воспаленія ушъ". Такого рода крайняя, недопустимая небрежность редакціи перевода можетъ незаслуженно подорвать довѣріе къ цѣлому изданію, и фирмѣ Риккера, пользующейся издавна славой безупречности своихъ изданій, слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на этотъ крупный промахъ и, по возможности, исправить его.

УЧЕБНИКИ.

„Алгебра и собраніе алгебраическихъ задачъ". Сост. *П. Никульцевъ*. Ч. II.

Алгебра и собраніе алгебраическихъ задачъ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Часть вторая. Задачникъ по алгебрѣ. Составилъ П. Никульцевъ, инспектирующій учитель Александровскаго смоленскаго реальнаго училища. Изданіе третье. Второе изданіе одобрено ученымъ комитетомъ мин. народн. просв. въ качествѣ учебнаго пособія при прохожденіи алгебры въ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ, учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ. Ц. 1 р. При огромномъ количествѣ учебниковъ и задачниковъ въ нашей учебной литературѣ третье изданіе — явленіе далеко не заурядное. Такой успѣхъ, выпавшій на долю составленнаго г. Никульцевымъ задачника, объясняется, конечно, извѣстными его достоинствами, хорошимъ подборомъ задачъ, краткой и ясной ихъ формулировкой и проч., а также отчасти и внѣшними качествами изданія (хорошая бумага, четкая печать и пр.) въ связи съ необыкновенною дешевизной. Задачникъ Никульцева съ 5,132 задачами, занимающій 280 страницъ, стоитъ только 1 рубль. Можетъ быть такое количество задачъ и не нужно вовсе, можетъ быть даже лучше было бы имѣть задачникъ съ 2-мя тысячами задачъ, но разъ уже затраченъ трудъ на составленіе такого объемистаго задачника, приходится удивляться дешевизнѣ изданія.

Задачи разнообразны по содержанію и по степени трудности, причемъ особенно длинныхъ совсѣмъ нѣтъ между ними. Самая длинная (на бассейнъ) занимаетъ 9 строкъ.

СЛОВАРИ.

„Энциклопедическій словарь". Изд. Ф. А. Брокгауза и А. А. Ефрона. Полутомы 36—44.

Энциклопедическій словарь, издаваемый подъ редакціей К. К. Арсеньева и заслуженнаго профессора Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго (полутомы 36—44). Издатели Ф. А. Брокгаузъ (въ Лейпцигѣ) и А. А. Ефронъ (въ С.-Петербургѣ). Спб., 1896 г. Словарь гг. Брокгауза и Ефрона продолжаетъ выходить довольно регулярно и безостановочно, редакція ведетъ дѣло энергично, и болѣе половины ею обѣщаннаго имѣется уже въ рукахъ подписчиковъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ первыхъ книгъ, вышедшихъ подъ неудачною редакціей покойнаго проф. И. Е. Андреевскаго, это прекраснѣйшее справочное изданіе значительно превосходитъ, по нашему мнѣнію, изданіе на нѣмецкомъ языкѣ того же Брокгауза (*Brockhaus Konversations-Lexikon*), послужившее об-

разцомъ для русскаго *Энциклопедическаго Словаря*. Множество статей заново написано или существенно переработано русскими учеными и спеціалистами, почти всѣ статьи дополнены новѣйшими указаніями, которыхъ нѣтъ еще въ нѣмецкомъ изданіи. Кромѣ того, въ русскій *Словарь* вошло огромное количество статей, касающихся собственно Россіи, ея исторіи, ея церкви, расколовъ, законовъ, географіи и этнографіи, біографій видныхъ русскихъ дѣятелей на всѣхъ возможныхъ поприщахъ государственной и общественной дѣятельности, справокъ о значительныхъ русскихъ родахъ и т. д. При редакціи, взявшей на себя продолженіе труда, начатаго покойнымъ Андреевскимъ, изданіе это сдѣлалось настоящимъ, доподлинно русскимъ и сохранило лишь столѣтіемъ выработанную внѣшнюю форму *Брокгаузова Словаря*, сохранившаго до сихъ поръ оригинальное, но имѣющее свое значеніе, названіе *Konversations-Lexikon*, „разговорный словарь“ или „словарь для разговора“. Давно, въ свое время, онъ таковымъ и былъ; мы помнимъ премилыхъ стариковъ, умершихъ лѣтъ тридцать-сорокъ назадъ, которые на самомъ дѣлѣ „разговаривали по-Брокгаузу“ и слыли за то умными, очень образованными, чуть не учеными. Старички эти просто готовились по словарю къ разговорамъ, которые имъ предстояло вести въ обществѣ, запасались изъ книгъ Брокгауза свѣдѣніями, наводили бесѣду на извѣстный предметъ и поражали наивныхъ слушателей изумительною массою знаній по разнообразнымъ отраслямъ. Въ тѣ давнія времена это не трудно было, такъ какъ, кромѣ нѣмецкаго словаря, никакого другаго современнаго пособія на сей конецъ не было, да и нѣмецкій языкъ не былъ такъ распространенъ, какъ теперь. Теперь такими штуками удивишь весьма немногихъ и едва ли прослывешь за ученаго. Тѣмъ не менѣе русскій *Энциклопедическій Словарь*, помимо того, что онъ необходимая справочная книга, дастъ, просто какъ книга для чтенія, массу интереснѣйшихъ свѣдѣній, которыхъ публикѣ взять было бы не-откуда безъ этого изданія. Приведемъ примѣры: въ наше время, въ „концѣ вѣка“, все еще есть господа, „полупочтенные“, которые говорятъ, пишутъ и печатаютъ о пользѣ и необходимости розогъ. На 509 и 510 стр. XVIII тома *Словаря* въ біографіи знаменитаго заводчика Сергѣя Ивановича Мальцова (род. въ 1810 г., умеръ въ 1893 г.) мы прочли: „Никто изъ рабочихъ не былъ оскорбленъ Мальцовымъ какимъ-либо грубымъ словомъ; за уклоненія и проступки никто не былъ лишенъ работы; провинившагося старались исправить кроткими мѣрами. Даже въ разгаръ крѣпостного права никто изъ мальцевскихъ рабочихъ не испыталъ тѣлеснаго наказанія“. „Для трудныхъ работъ Мальцовъ установилъ восьми-часовой рабочій день“. А заводы Мальцова представляли собою вотъ что: 238,090 дес. земли, 22 большихъ завода, на которыхъ работало 100,000 человѣкъ, 43 мельницы, 13 лѣсопиленъ, 12 кирпичныхъ заводовъ, 13 хуторовъ, 26 угольныхъ печей, 204 версты собственныхъ желѣзныхъ дорогъ, 130 в. дорогъ шоссейныхъ, искусственно созданное шлюзами и бассейнами судоходство на протяженіи 100 верстъ по р. Болвѣ. Если въ этомъ маленькомъ государствѣ,—маленькомъ съ русской, а не съ германской, точки зрѣнія,—могли „въ разгаръ крѣпостного права“ обходиться безъ розогъ и даже безъ „грубыхъ“ словъ, безъ лишенія права на трудъ, распоряжаясь арміей рабочихъ въ сто тысячъ человѣкъ, то надо полагать, что земскій начальникъ, въ вѣдѣніи котораго состоитъ 8—10 тыс. мужского взрослаго населенія, можетъ легко обходиться безъ порки и удержать подчиненныя ему власти отъ дикой расправы.

XXII томъ *Словаря* заканчивается статьей *Патентъ о поединкахъ*. Наши читатели, вѣроятно, понятія не имѣютъ о такомъ „патентѣ", составляющемъ одну изъ главъ воинскаго устава Петра Великаго. Этимъ закономъ поединки строжайше запрещены, оскорбленнымъ не только предоставлено право, но вмѣнено въ непремѣнную обязанность обращаться къ суду, подъ страхомъ самыхъ тяжкихъ каръ за саморасправу. За то и обвиненному въ нанесеніи оскорбленія опредѣлены совсѣмъ не шуточныя наказанія, равно какъ и за попрекъ обиженнаго тѣмъ, что ему нанесено было оскорбленіе.

Очень большое значеніе имѣютъ біографіи писателей и ученыхъ, дающія сжатую, но достаточно полную, характеристику личности, оцѣнку таланта и значенія трудовъ даннаго лица. Эта весьма важная для справокъ часть изданія обработана превосходно. Статья *Наполеонъ I* принадлежитъ къ числу самыхъ блестящихъ характеристикъ, вошедшихъ въ пересмотрѣнные нами томы (XVIII—XXII). Столь же большого вниманія заслуживаютъ такія обстоятельныя статьи, какъ *Народная литература*, *Населеніе*, *Наслѣдственность*, *Насѣкомыя*... При статьѣ *Насѣкомоядныя растенія* приложена превосходная хромолитографія, и вообще къ этимъ томамъ приложено множество отличнѣйшихъ рисунковъ (обсерваторіи, овощи, овцы), въ краскахъ исполненные планы (Нью-Іоркъ, Одесса), карты рѣкъ (Невы, Оки), изображенія мостовъ разныхъ видовъ и системъ, начиная отъ самыхъ первобытныхъ и доисторическихъ и кончая наиболѣе усовершенствованными и сложными, сооруженными для рельсовыхъ путей. Очень интересны палеографическіе снимки. Приблизительно двѣ трети словаря уже изданы и не далеко то время, когда мы будемъ имѣть въ рукахъ первый русскій *Энциклопедическій Словарь*, доведенный до конца.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Міръ Божій", *декабрь*. — „Русское Богатство", *декабрь*. — „Русская Школа", *сентябрь—декабрь*.

Въ обозрѣніи періодическихъ изданій за прошлый мѣсяцъ по недостатку мѣста намъ не удалось поговорить о статьѣ г-жи Цебриковой *Очеркъ жизни* Н. Д. Хвощинской (В. Крестовскаго). О достоинствахъ этой новой біографіи Хвощинской много распространяться не приходится,—за нихъ ручается имя такого мастера, какъ г-жа Цебрикова, и мы смѣло могли бы пройти молчаніемъ эту біографію или ограничиться однимъ указаніемъ на нее, еслибы личность и судьба самой Хвощинской не представляли такъ много интереснаго и поучительнаго.

Личность и судьба автора *Большой Медвѣдицы* и *Альбома* до чрезвычайности поучительны. Среди нашихъ писательницъ Надежда Дмитріевна занимаетъ мѣсто совсѣмъ обособленное. „Потеря Надежды Дмитріевны, — замѣчаетъ г-жа Цебрикова,—до сихъ поръ еще не замѣнима въ рядахъ русскихъ писательницъ, ни одной изъ нихъ она не бросила своей мантіи, какъ Илія Елисею". Съ одной стороны многіе изъ критиковъ называли Хвощинскую русской Жоржъ-Зандъ, сравнивали ее съ Джоржемъ Эліотомъ; а съ другой—ей „долго не счастливилось въ русской критикѣ. Зрѣлыя ея произведенія были встрѣчены не только неблагосклонно, но прямо враждебно". По отношенію къ В. Крестовскому существовало какое-то сплошное критическое недо-

разумѣніе и навряд ли причины этого недоразумѣнія устранены и теперь. И теперь еще эта самая даровитая изъ нашихъ писательницъ почти принадлежитъ къ числу, такъ-называемыхъ, забытыхъ. Біографія, написанная г-жей Цебриковой, даетъ намъ нѣкоторые матеріалы, на основаніи которыхъ до извѣстной степени можно уяснить причины такого исключительнаго положенія Хвощинской въ нашей литературѣ.

Хвощинская всецѣло принадлежала къ поколѣнію 50-хъ годовъ. Это, конечно, не объясняетъ намъ ничего относительно того исключительнаго положенія, которое она занимаетъ въ нашей литературѣ. Къ людямъ одного съ ней поколѣнія принадлежали и Чернышевскій, и Салтыковъ, и Елисѣевъ. Дѣло въ томъ, что эти знаменательные годы нашего общественнаго развитія внесли въ наше общество, — а стало-быть и въ нашу литературу, — не миръ, а мечъ, говоря евангельскими словами. И вотъ по отношенію къ этому-то мечу Хвощинская во все то время, пока онъ висѣлъ надъ головой общества, оставалась не то чтобы безучастной, а какъ-то въ сторонѣ, сбоку, не оцѣнивая значенія этого явленія во всю его величину или оцѣнивая его съ одной, довольно узкой стороны: со стороны соотвѣтствія или несоотвѣтствія явленія съ идеалами личной нравственности. Н. Д. говоритъ ея біографъ, оцѣнила людей 60-хъ годовъ позже, ретроспективно... Въ то время ей не удалось встрѣтиться съ лучшими людьми 60-хъ годовъ. Въ мелочахъ внѣшности, въ безшабашныхъ рѣчахъ тѣхъ некрупныхъ представителей этой полосы, которыхъ она видѣла, было много коробившаго ея привычки. „До самой смерти своей Н. Д., осталась чужда Базаровскаго отрицанія и не признавала крайнихъ политическихъ взглядовъ“, замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ г-жа Цебрикова. Находясь въ первые годы своей литературной карьеры въ кружкѣ Дудышкина и Краевскаго, она могла получить очень невѣрныя представленія о молодомъ поколѣніи... Въ 65-мъ году Н. Д. писала: „Мы по чувству и духу не могли весь нашъ вѣкъ ни къ чему опредѣленно пристать. Отъ насъ отходятъ, молъ, мы никому не годимся, мы ничьи, а сами по себѣ. Отъ того, что называютъ старымъ поколѣніемъ, мы отстали давно; оно даже насъ никогда не считало своими. Теперь настала наша очередь разрыва съ молодыми. Было что то не по насъ, а въ нихъ какое-то безсиліе“. Н. Д., замѣчаетъ при этомъ біографъ, судитъ по шестерымъ молодымъ людямъ, высланнымъ въ Рязань, и по впечатлительности своей натуры обобщала видѣнное... „При высоконравственномъ чутьѣ,—замѣчаетъ далѣе г-жа Цебрикова,—Н. Д. не могла не встрѣтить враждебно политическихъ теорій, извѣстныхъ въ 70-хъ годахъ подъ названіемъ нечаевщины“. Несочувственное отношеніе Н. Д. къ людямъ этого движенія переносили (и, какъ мы видѣли, не вполнѣ неосновательно) и на людей 60 гг. и записывали ее въ ряды гасильниковъ“.

Не вполнѣ неосновательно, замѣтили мы въ скобкахъ. Дѣйствительно, отношеніе Хвощинской къ идеямъ и къ людямъ было всегда до извѣстной степени ретроспективнымъ, а во-вторыхъ, въ немъ она руководилась не соціологическими идеями, не сознаніемъ общественно-историческаго значенія того или другого общественнаго явленія, а соображеніями чисто этическими,— точка зрѣнія, какъ извѣстно, чуждая всему строю мышленія настоящихъ людей 60 гг. Нравственное чутье привело Н. Д. къ полному пониманію людей 60 гг., когда улеглась накипь, неизбѣжная при плавленіи руды, когда все горче и ядовитѣе вызрѣвали плоды поворота назадъ. Но въ то время, когда

она по немногимъ видѣннымъ ею образцамъ относилась несочувственно къ молодому поколѣнію 60 гг., она умѣла цѣнить въ немъ искренность. Въ произведеніяхъ конца 70 и 80 гг. все ярче и ярче высказывается теплое и почти благоговѣйное воспоминаніе о 60 гг. Убыль души и забвеніе совѣсти заставили Н. Д. глубоко тосковать по этой порѣ и съ чувствомъ жгучей обиды говорить, зачѣмъ она прошла. Во время восточной войны Н. Д. писала: „Не я одна,—мы, т.-е. мои, всѣ замолчали. (Такова сила ретроспективнаго представленія. Тутъ Хвощинская уже всецѣло сливается духомъ съ тѣмъ, что она отрицала. Тѣ, которые такъ недавно были чужими, теперь становятся своими, „нашими“.) Время такое. Я хорошо помню такія времена и надѣялась, что опять не доживу до нихъ. Что жъ дѣлать... Богъ привелъ... Его воля“. И далѣе: „по-моему славянскій вопросъ выводитъ насъ изъ какой-то тины. А если вглядѣться болѣе и, не оставляя своего несчастнаго края, который я люблю не меньше, чѣмъ твои краснобаи газетчики, если я тебѣ скажу, что это не выводитъ насъ изъ тины, а погружаетъ хуже съ головой! Если я скажу, что не мѣшаетъ изъ милліоновъ дать нашему мужику, который голоденъ, какъ вы, всѣ вы понятія не имѣете. Я бы тебѣ ничего не сказала, еслибъ ты меня не вызвала. Я тебѣ всегда говорила, не трогай меня: я крайняя“.

Приведемъ для уясненія ретроспективнаго отношенія Хвощинской къ 60 гг. еще одинъ отрывокъ изъ ея письма, писаннаго ею уже въ 80 гг. „Вообще для всего нашего русскаго люда пришла пора такого застыванія, что никакая идея въ немъ не выскакиваетъ. Основная идея всего русскаго люда выражается и заключается въ словахъ: не то севрюжинки, не то конституціи, не то кого-нибудь ободрать,—послѣднее вѣрнѣе. Вглядись въ людей и увидишь, какая это правда: *никто не думаетъ*. Въ 60 гг. мысль бѣгала по улицѣ; все кипѣло, ждало, рвалось. Тогда именно все рвалось и металось, отыскивая, и въ исканіяхъ наталкивались на сотню идей“... Вотъ вы и сопоставьте теперь этотъ ретроспективный отзывъ съ вышеприведенными замѣчаніями біографа относительно той эпохи, когда „все рвалось и металось“—и причины страннаго изолированнаго положенія замѣчательной нашей писательницы вамъ уже начинаютъ уясняться. Но объ этомъ дальше, а пока продолжаемъ цитату изъ ея письма:

„Теперь, какъ бы страшно, даже кроваво ни было движеніе, у него одна идея—кусокъ хлѣба. (Любопытно, не противорѣчили бы этому утвержденію письма Н. Д. въ 90 гг., еслибъ она жила теперь среди насъ?) Мнѣ вѣдь нѣтъ надобности произносить присягу, что я признаю необходимость хлѣба. Но не исключительно, не одного! Хлѣбъ—расширь это слово—выйдетъ севрюжинка, „народъ“ и при помощи извѣстной конституціи кончится обдираніемъ. Вотъ большинство; оно мракъ. Гибнущихъ—тысячи. Въ массѣ—отдала бы жизнь за нихъ. Поодиночкѣ—спасла бы каждаго; но, потолковавъ съ каждымъ по очереди, чувствуешь, что поставила бы такого въ уголъ носомъ поразмыслить, припомнить идеалы пошире. Это ужасно, но это такъ“.

Мы привели эту довольно длинную выписку изъ письма Н. Д. потому, что она намъ представляется чрезвычайно характерной для нея, какъ писательницы и какъ для общественнаго дѣятеля. Прежде всего въ ней особенно ярко выступаетъ пріемъ Хвощинской разсматривать общественныя явленія съ чисто этической точки зрѣнія и, такъ сказать, морализировать по поводу нихъ. Читатель будетъ очень непроницателенъ, если усмотритъ въ нашихъ замѣчаніяхъ какое-либо осуж-

деніе такого пріема. Художникъ съ живымъ чутьемъ къ вопросамъ родной дѣйствительности наврядъ ли можетъ обойтись безъ того, что бы не быть иногда моралистомъ и, во всякомъ случаѣ, безъ того, что бы не разсматривать соціальныя явленія съ этической точки зрѣнія. Часто это его общественная миссія, часто благодаря именно этому онъ не только художникъ, но и дѣятель. Таковы не только нашъ Толстой, но и Диккенсъ, и Жоржъ-Зандъ, и Гюго, предъ которымъ такъ преклонялась Н. Д. Указывая на преобладающую этическую струю въ ея мышленіи и въ ея творчествѣ, мы въ сущности ничего другого не утверждаемъ, кромѣ того, что она всего менѣе была мыслителемъ, изслѣдователемъ, и всего болѣе была отзывчивымъ и страстнымъ художникомъ. Но у Н. Д. струя морализированія особеннымъ образомъ сливалась съ ея ретроспективными представленіями объ общественныхъ явленіяхъ современности. Въ свою очередь эта особенность тоже обусловливалась какой-то сложной психической причиной, которую всего лучше будетъ, кажется, охарактеризовать однимъ словомъ: „провинціализмъ“ и предстательство и представительство нашей бѣдной и безправной провинціи. Дальше мы будемъ имѣть поводъ уяснить эту нашу мысль объ этой особенности литературной физіономіи Хвощинской. А пока сопоставимъ съ вышеприведеннымъ отрывкомъ изъ письма Н. Д. другое ея письмо.

Шестидесятые годы были великой эпохой, значеніе которой Н. Д. вполнѣ поняла или, лучше сказать, нравственное величіе которой она оцѣнила много позже. Но великой, хотя и въ другомъ родѣ, эпоха и семидесятыхъ годовъ съ ихъ хожденіемъ въ народъ, съ ихъ кающимися, съ ихъ сознаніемъ долга предъ мужикомъ, и, наконецъ, съ ихъ если и не великими, то во всякомъ случаѣ любопытными политическими бурями. И вотъ что пишетъ объ этой эпохѣ Н. Д.: „Въ 72 году я прожила въ Петербургѣ три мѣсяца, по своему обыкновенію сидѣла въ номерѣ на Лиговкѣ. . Я не видѣла ничего и ничего не дѣлала. Впечатлѣніе было такое, что я уже не заглядывала въ Петербургъ до марта 79 года. Уѣхавъ, я окунулась въ свое житье и въ эти семь лѣтъ уже столько воды утекло и столько меня кружило. Вотъ въ нѣсколькихъ строкахъ отчетъ въ пятнадцати годахъ, четверть моей жизни, когда я не только не принимала участія въ томъ, что люди дѣлали, но часто и вовсе не знала, что на свѣтѣ дѣлается“.

Роковое личное несчастіе! Но жизнь, къ сожалѣнію, неумолима къ людскимъ несчастіямъ и, въ особенности, къ несчастіямъ такихъ людей, какой была Н. Д., которой сама судьба предназначала быть не простою беллетристкой, а и общественнымъ дѣятелемъ, давъ ей глубокую страстность, силу эмоцій, направленныхъ на общественное благо, и темпераментъ не только художника, но и бойца, давъ ей, однимъ словомъ, миссію и мантію Иліи. И вотъ выходитъ такая горькая иронія судьбы: „меня не читаютъ“. Не читаютъ ее, русскаго Жоржъ-Занда, русскаго Джорджа Элліота! Можно ли представить себѣ что-нибудь злѣе такой ироніи?

Бываютъ такія эпохи,—печальныя или счастливыя, проклятыя или благословенныя,—когда нельзя для общественнаго дѣятеля быть только самимъ собой, развернуть во всю ширь могучія силы своей собственной исключительной натуры, а надо быть или ничѣмъ, или „нашимъ“, или „не нашимъ“. И именно въ такія эпохи прошла лучшая часть жизни Хвощинской. И она, эта благородная русская женщина, никогда почти во всю свою долгую жизнь и дѣятельность не умѣла сдѣлаться

ни „нашей“, ни „не нашей“. А когда сдѣлалась, то эпоха уже проходила, и ей оставалось только по ней поминки справлять, трагическія слезы въ ея по-истинѣ трагическихъ произведеніяхъ по годамъ и людямъ проливать и, какъ она сама выразилась въ одномъ письмѣ, „говорить не больше того, что говоритъ вся площадь, когда она охаетъ“. Много это, очень много. Но, вѣдь, не того хотѣла сама Н. Д., не таковы были ея собственные запросы отъ своей художественной дѣятельности.

Это—молодость и лучшіе годы зрѣлости. А дальше—тяжелая, безрадостная старость наступила... Сочувственной, теплою оцѣнкой товарищей Надежда Дмитріевна не могла похвалиться, говоритъ г-жа Цебрикова. Справлялись юбилеи писателей, не имѣвшихъ далеко того же значенія, какъ она. Ей не справляли юбилеевъ. О двадцатипятилѣтіи ея литературной дѣятельности вспомнила одна пріятельница, прославшая ей въ письмѣ листокъ лимоннаго дерева. Не правда ли, опять горькая иронія судьбы? Ей, заслужившей если не дубовый вѣнокъ гражданина, то во всякомъ случаѣ терны мученичества, ей лимонный листокъ! А дальше еще лучше. Нашлись и такіе, которые удосужились отравить и безъ того нерадостную старость. Н. Д. получила отъ кого-то письмо съ упреками въ томъ, что она ѣстъ и пьетъ на серебрѣ, когда другіе нуждаются“. „Будто всю жизнь свою лгала, на старости лѣтъ лгуньей ставятъ“, — говорила, задыхаясь отъ рыданій и кашля, бѣдная старуха.

И все-таки не всѣмъ же чужда и, такъ сказать, посторонняя была эта любопытная и замѣчательная писательница земли Русской. Были люди,—нѣтъ, былъ даже цѣлый и довольно внушительный классъ людей,—которые сердцемъ чувствовали, что она родная для него, что она въ нашей литературѣ является если не представителемъ, то теплымъ другомъ и „день деньской заступницей, а всю ночь богомолицей“ за него, за этотъ забытый, безмолвный и безправный, да, пожалуй, своего безправія и не сознающій,—по крайней мѣрѣ, въ то время не сознававшій,—классъ. Это классъ бѣднаго, загнаннаго, недоучившагося и страдающаго отъ всяческихъ остатковъ крѣпостного строя разночинца въ провинціи. Онъ, этотъ классъ, однажды заговорилъ, и не столько заговорилъ, сколько понесъ накипѣвшія въ его груди слезы своей родной писательницѣ Рязанская учащаяся молодежь 19 февраля 1880 года сдѣлала Н. Д. овацію. Письмо, въ которомъ Н. Д. передаетъ объ этой оваціи, такъ хорошо, что читатель потерялъ бы много, еслибы мы не привели его почти цѣликомъ: „Вѣтеръ страшный, уже всѣ плошки погасли. Иду на крыльцо. Человѣкъ сотни три, четыре, гимназисты и семинаристы. Они были распущены и безпрепятственно гуляли сходкой. Меня окружили на крыльцѣ: пользуемся возможностью прійти поблагодарить васъ за сочувствіе къ молодому поколѣнію. Ура! (это мнѣ-то?) Другой: Я отъ семинаріи; вы насъ вызвали къ жизни. Опять крикъ. Такъ мнѣ стало тяжело и больно. Протягиваютъ мнѣ руки, тѣснятъ такъ ласково. Господа,—говорю,—еслибъ мы могли теперь поздравить другъ друга съ какой-нибудь радостью, еслибы вамъ хоть немного получше пожилось Какъ я это выговорила, натурально, слышали, что были близко... но они подняли такой крикъ, а за ними всѣ, что ужъ ни я, ни меня, ничего больше не слышали. Два фонаря на улицѣ, ряды головъ и надъ всѣмъ вѣтеръ... Хорошо это было и ужасно. Не знаю, какъ тяжело. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы намъ было чѣмъ порадовать другъ друга,—смыслъ былъ бы. Положимъ, и теперь смыслъ: отъ молодыхъ

мизераблей поклонъ старому мизераблю. Но что-жъ это? По сердцу знаю, что это не прошлогодніе тургеневскіе овацiи. Нѣтъ, это точно припаданіе бѣдныхъ дѣтей ко вдовѣ-матери. И хорошо, что темно было и бурно. Ревѣла я одна много".

Трудно было бы найти выраженія, лучше опредѣляющія положеніе Хвощинской въ нашей литературѣ. Именно, мизерабли; именно, бѣдные сироты, дѣти бѣдной вдовы, провинціи. Бѣдные, забытые и обездоленные. По крайней мѣрѣ, такими они были въ то время. Въ то время, когда въ столицахъ и въ большихъ городахъ „мысль бѣгала по улицѣ", когда велась бурная словесная война, создавались всяческія направленія, когда интеллигенція жила въ сферахъ широкихъ и возвышенныхъ, хотя часто и утопическихъ, идеаловъ, эти пасынки русской жизни, недоучившіеся, голодные и прижатые къ стѣнѣ жизнью разночинцы, не призванные ни къ какимъ общественнымъ функціямъ въ гражданской жизни своей родины, только что еще вызывались къ жизни. И какъ они страстно хотѣли жить и дѣйствовать. Но въ то, по крайней мѣрѣ, время они еще далеко не сознавали своего важнаго значенія, какъ общественнаго класса; это сознаніе только что пробуждалось въ нихъ. Пока они могли выйти на свѣтъ Божій только съ своей придавленностью, съ своей обидой, съ чувствомъ страшной боли и съ отзывчивостью на все хорошее, на все высоконравственное. Не находя въ жизни отвѣтовъ на свои этическіе запросы, они могли только издавать тихіе, мало кому слышные стоны. И вотъ эти-то тихіе стоны подслушалъ у молодыхъ мизераблей старый мизерабль, Надежда Дмитріевна. Подслушала и повѣдала о нихъ намъ. Не удивительно, что они кричали ей „ура!" а она „много одна ревѣла". Она не могла еще предвидѣть, что разночинецъ сознаетъ, наконецъ, свое безправіе и скажетъ, потому что долженъ сказать, свое слово обществу.

И замѣтьте, что всякое пробужденіе новыхъ классовъ непремѣнно знаменуется прежде всего этическимъ отношеніемъ къ жизненнымъ явленіямъ. Даже въ ту великую эпоху, когда „мысль бѣгала по улицѣ", эта мысль вызывалась не столько дѣятельностью интеллекта, сколько дѣятельностью оскорбленнаго нравственнаго чувства. Такъ, по крайней мѣрѣ, было у простецовъ, только что вызванныхъ къ жизни. Да и вообще таковъ, вѣдь, ходъ историческаго движенія. И Хвощинская во всей полнотѣ отразила эти первоначальныя эмоціи только что вызванныхъ къ жизни провинціальныхъ простецовъ, обездоленныхъ, стонущихъ и еще не сознавшихъ. И вотъ почему она никому не могла бросить своей мантіи. Вотъ въ какомъ смыслѣ она была и „провинціалкой", и „моралисткой".

Теперь однако какъ будто уже и не то, что прежде. Провинція растетъ и доходитъ до сознанія своего значенія. Ея разночинецъ создалъ крупную и довольно вліятельную печать; онъ работаетъ въ земствѣ и сдѣлалъ тамъ почти все, что только сдѣлано въ земствѣ; по крайней мѣрѣ, все, сдѣланное тамъ, сдѣлано при его посредствѣ; онъ захваченъ страстью къ народному просвѣщенію; онъ составляетъ кружки самообразованія; онъ—это тѣ тысячи людей, которые обращаются съ своими запросами въ „коммиссію домашнихъ чтеній" и раскупаютъ ея программы, а также поддерживаютъ нашъ книжный рынокъ и наши журналы. Все это только казовая сторона этого вызваннаго къ жизни разночинца. Трудно сказать что-нибудь опредѣленное о другой, внутренней, интимной сторонѣ этой жизни. Она, вѣдь, складывается изъ того, что переживается въ меблированныхъ

комнаткахъ и въ бѣдныхъ семейныхъ квартиркахъ въ провинціи, изъ тѣхъ мыслей, которыя носятся невысказанными въ головѣ разночинца въ длинные зимніе вечера, въ безсонныя зимнія ночи, изъ тѣхъ эмоцій, которыя доступны только ему, безправному и оболганному врагами. Можно сказать съ нѣкоторой степенью увѣренности, что теперь этотъ сирота русской жизни далеко не такъ безсознателенъ по отношенію къ своему гражданскому безправію, какъ въ то время, когда онъ припадалъ къ родной груди своей печальницы.

Обездоленность и безправіе!... Какъ трудно говорить о нихъ, и трудно именно потому, что чрезвычайно легко стать по отношенію къ нимъ въ положеніе совѣтчика, въ положеніе человѣка, предъявляющаго къ обездоленнымъ и безправнымъ такія требованія, которыхъ, во сущности говоря и по человѣчеству судя, не имѣешь нрава предъявлять именно къ нимъ, хотя можешь и право имѣешь предъявлять ихъ къ себѣ и къ другимъ, не обездоленнымъ. И еще трудно потому, что почти невозможно войти въ самое нутро психіи обездоленныхъ и потому легко принять явленіе, происходящее въ ихъ средѣ, не за такое, каково оно въ дѣйствительности. И это бываетъ такъ не съ врагами обездоленныхъ,—о тѣхъ бы и говорить не стоило,—а часто съ ихъ лучшими и искренними друзьями.

Возьмите, наприм., такъ называемый еврейскій вопросъ. Вѣдь, собственно говоря, по человѣчеству разсуждая, весь этотъ пресловутый вопросъ сводится къ вопросу о нашей нравственной и умственной несостоятельности. И однако, когда мы, доброжелательные люди, начинаемъ разсуждать о немъ, дѣло вдругъ какъ-то безъ нашего сознанія измѣняется и мы вмѣсто того, чтобы говорить о томъ, что *мы* должны дѣлать, занимаемся разсужденіями о томъ, что *они* дѣлаютъ. Они, т. е. безправные и обездоленные! Справедливо ли это и логично ли? А главное, не подвергаемся ли мы постоянной опасности не такъ истолковать происходящія среди обездоленныхъ движенія, признать, наприм.. реакціоннымъ то, что, по существу и принимая во вниманіе психію самихъ обездоленныхъ, является прогрессивнымъ или, по крайней мѣрѣ, имъ самимъ представляется такимъ. Такъ, вѣдь, сложенъ переплетъ явленій, происходящихъ въ жизни общества или цѣлаго народа, такъ трудно, что называется, влѣзть въ чужую шкуру, что объяснить этотъ переплетъ и уяснить себѣ чужую психію, руководясь какой-нибудь общей идеей, какъ бы она широка и вѣрна сама по себѣ ни была, прямо таки невозможно.

Г. Южаковъ въ своей статьѣ: „Сіонистское движеніе среди евреевъ“ дѣлаетъ такое вѣрное замѣчаніе объ этомъ движеніи: „оно особенно интересно для насъ, русскихъ, потому что въ предѣлахъ Россіи живетъ около двухъ третей еврейскаго народа. Для насъ не можетъ быть безразлично, въ какую сторону направится самосознаніе этой шестимилліонной массы нашихъ соотечественниковъ. Дѣло не столько въ осуществленіи задачъ, выставляемыхъ сіонистскимъ движеніемъ, сколько въ тѣхъ чувствахъ, которыя оно можетъ оставить въ сердцахъ многочисленнаго народа, обиженнаго исторіей и желающаго снять съ себя эту обиду. Сіонизмъ обращается съ своимъ воззваніемъ не къ уму, а къ давно и глубоко наболѣвшему сердцу. Въ этомъ его сила и потому-то съ нимъ надо серьезно считаться, несмотря на утопичность его плановъ и неосуществимость программы“. Далѣе г. Южаковъ напоминаетъ, что онъ еще въ 84 году далъ такой отзывъ о разныхъ полурелигіозныхъ, полунаціоналистиче-

скихъ движеніяхъ среди еврейской интеллигенціи: „они знаменательны, какъ реакція въ средѣ еврейской интеллигенціи въ сторону юдаизма. Прогрессивными они были бы, еслибы проявились въ средѣ некультурнаго еврейства; теперь же это шагъ назадъ отъ свободной мысли къ талмуду и едва ли движеніе это не должно быть признано рѣзко регрессивнымъ". „Поиски родного, потребность имѣть родное,—говоритъ далѣе г. Южаковъ,—и неумѣнье сродниться (?) съ историческимъ отечествомъ (это у безправныхъ-то неумѣнье сродниться?) породили религіозную реакцію въ культурномъ еврействѣ и еврейскій націонализмъ. Эфемерность перваго движенія и значеніе второго можно было предвидѣть съ самаго ихъ возникновенія". Съ той же точки зрѣнія разсматриваетъ г. Южаковъ и новое сіонистское движеніе. „Больное чувство, порожденное въ тысячахъ еврейскихъ сердецъ обидою и несправедливостью, диктовало и больную мысль, болѣзненную мечту, они мечтали и мечтаютъ о новомъ исходѣ, который повторилъ бы Exodus временъ Моисея, направляясь въ ту же обѣтованную землю. И эта поэтическая мечта экзальтированнаго воображенія вдругъ охватываетъ массы людей, являя міру новый примѣръ массоваго помѣшательства... Не спрашивайте у этого движенія: зачѣмъ оно. Но если вы спросите: отчего оно?—вы получите опредѣленный отвѣтъ, понятный всякому человѣческому сердцу, вамъ отвѣтятъ вполнѣ резонно, что европейцы преслѣдуютъ ихъ всяческими способами, не гнушаясь даже насиліемъ, не щадя даже женской чести (но вѣдь они, эти евреи, не умѣютъ сродниться съ историческимъ отечествомъ? И вдругъ—„вполнѣ резонно"! Не противорѣчитъ ли одно другому?). Вотъ они и уходятъ; уходящихъ въ Палестину наименьше, но идея есть, только у нихъ больная, утопическая, неосуществимая, но все-таки идея, отвѣчающая совѣсти и достоинству..." „Основная неправда сіонизма,—заключаетъ свою статью доброжелательный къ еврейству совѣтчикъ,—въ націонализмѣ. Его основная, ничѣмъ не устранимая правда: потребность, выражающаяся двумя словами: *отечество и производительный трудъ*..." И однако, немного выше этой фразы, г. Южаковъ признаетъ сіонизмъ движеніемъ всецѣло реакціоннымъ, хотя, какъ видите, правда въ этомъ движеніи имѣется и, стало-быть, не совсѣмъ ужъ оно такъ реакціонно, а заключаетъ въ себѣ и элементы прогресса. Вотъ до какой степени трудно говорить о безправныхъ и обездоленныхъ, до какой степени трудно понять ихъ психію и какъ легко перейти, говоря о нихъ, съ позиціи человѣка, которому должно быть стыдно за совершаемую несправедливость, въ позицію человѣка, ставящаго требованія геройства и подвига самимъ безправнымъ и обездоленнымъ. Такимъ-то образомъ то, что составляетъ, собственно говоря, больной *русскій* вопросъ превращается въ вопросъ *еврейскій*.

Чтобы хоть сколько-нибудь разобраться въ той путаницѣ, которая окружила этотъ злосчастный вопросъ, обратимся къ другому, къ націоналистическому еврейскому источнику, къ „Письмамъ о старомъ и новомъ еврействѣ" г. Дубнова (*Восходъ*, ноябрь). Г. Дубновъ — это не просто кто-нибудь, онъ авторъ единственной на русскомъ языкѣ полной исторіи еврейства и о его работахъ спеціалисты отзываются какъ о выдающихся. Несомнѣнно, что, помимо всего, онъ человѣкъ въ занимающемъ насъ теперь вопросѣ компетентный. И, конечно, онъ прежде всего націоналистъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ также, какъ и антинаціоналистъ г. Южаковъ, называетъ сіонизмъ безумной мечтой.

Откуда могло произойти подобное совпаденіе взглядовъ у людей съ такими различными точками отправленія? Дѣло въ томъ, что г. Южа-

ковъ видитъ въ сіонизмѣ возвратъ къ юдаизму, а г. Дубновъ, напротивъ, видитъ въ немъ уклоненіе отъ юдаизма, какъ основы еврейской національности. Вотъ вы и подумайте, какой сложный, въ самомъ дѣлѣ, переплетъ явленій представляетъ эта психія обездоленныхъ. Чтобы не было сомнѣній въ точкѣ зрѣнія націоналистическаго историка, приведемъ нѣсколько цитатъ. „Есть и теперь близорукіе люди, которые считаютъ раствореніе евреевъ среди другихъ народовъ возможнымъ и желательнымъ. Желательно ли такое сліяніе? Почувствуетъ ли мыслящее человѣчество нѣкоторую душевную пустоту, когда со сцены исторіи сойдетъ народъ, бывшій героемъ міровыхъ историческихъ драмъ и творцомъ безсмертныхъ истинъ?“ Въ чемъ же видитъ г. Дубновъ то начало, которое связуетъ евреевъ и дѣлаетъ ихъ націей? „Въ силахъ культурно-историческихъ и духовныхъ“. „Пророки,—говоритъ онъ,—были универсалистами, но не космополитами; они не были національными эгоистами, но были сильными національными индивидуалистами“. Все это немного неясно, если вы не хотите прибѣгнуть къ мессіанизму, потому что профетизмъ, конечно, есть не что иное какъ мессіанизмъ. Но, во всякомъ случаѣ, мысль г. Дубнова вполнѣ ясна. Національность еврейства въ юдаизмѣ. „Нація существуетъ,—говоритъ г. Дубновъ,—какъ существуетъ индивидъ, потому что въ ней есть жизненная сила, самобытность, стремленіе жить по-своему; юдаизмъ же есть одинъ изъ главныхъ ея аттрибутовъ“. И онъ зоветъ интеллигентовъ евреевъ слиться съ массой въ юдаизмѣ, причемъ г. Дубновъ предоставляетъ вѣрующей массѣ „думать, что еврейская національность и религіозность одно и то-же, ибо въ этой односторонности тайна необычайной стойкости массоваго еврея, и потому что нельзя допустить, чтобы въ массѣ когда-либо развился тонкій психическій анализъ, дозволяющій отличать невидимую сущность отъ видимаго аттрибута“. Однимъ словомъ, религіозность—это узда для черни, по мнѣнію историка націоналиста. „А свободомыслящій еврей, не желающій подчиняться догмамъ, можетъ найти высокое соціально-этическое міросозерцаніе въ профетизмѣ. Профетизмъ съ его универсальными идеалами можетъ стать для него вѣроисповѣданіемъ“. И въ результатѣ „еврейство доказало свою способность жить безъ государственной самостоятельности“, однимъ юдаизмомъ, что, молъ, и впредь будетъ и быть должно.

Такъ вотъ еще какіе переплеты бываютъ въ психіи обездоленныхъ, плутающихъ въ своихъ поискахъ за роднымъ. И несомнѣнно, что вотъ эти-то переплеты въ направленіи къ реакціи извиваются. И въ этомъ направленіи заходятъ, какъ мы видѣли, такъ далеко, что высказываютъ, сами того не сознавая, глубочайшее аристократическое презрѣніе къ тѣмъ самымъ массамъ, къ сліянію съ которыми въ юдаизмѣ призываютъ интеллигенцію своего народа, отказывая этой массѣ даже въ надеждѣ вырваться когда-либо изъ тѣсныхъ узъ и удушливой темницы догматизма къ свѣту правды и знанія. Упрекать въ этомъ заплутавшихся было бы жестоко и безчеловѣчно. Вѣдь они родного ищутъ. Но, съ другой стороны, правы ли и мы, сваливая всякое движеніе въ одну кучу догматизма? Движеніе еще мало и плохо изучено, но, судя по отношенію къ нему такихъ націоналистовъ, какъ г. Дубновъ, невольно какъ-то думается: нѣтъ ли въ немъ какихъ-либо прогрессивныхъ элементовъ, не пробуютъ ли его участники оторваться отъ догматизма и поискать гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ своего родного, связи, соединяющей еврейство въ единую націю? И можетъ быть эти начала „своей государственности“ и „потребности производительнаго труда“ долгими

и сложными изворотами приведутъ еврейство, а главное—насъ самихъ, къ сознанію того, что существуетъ вопросъ не еврейскій, а русскій или общечеловѣческій. И вотъ въ этомъ-то смыслѣ нельзя не присоединиться къ такимъ пожеланіямъ г. Южакова: „дѣло еврейской интеллигенціи придти на помощь значительной рабочей еврейской массѣ, позаботиться объ ея просвѣщеніи, о братскихъ чувствахъ къ другимъ рабочимъ".

А, впрочемъ, почему это дѣло еврейской интеллигенціи, а не дѣло русской? Почему первая, а не вторая должна заботиться о братскихъ чувствахъ? Кто передъ кѣмъ въ долгу? Да и припомнимъ кстати выше сказанныя слова о чрезвычайной легкости и чрезвычайной неосновательности совѣтовъ, подаваемыхъ обездоленнымъ и безправнымъ. Врачу, исцѣлися самъ!—съ полнымъ правомъ могутъ намъ сказать на наши совѣты обездоленные.

Цифры, какъ извѣстно, не только часто разрушаютъ иллюзіи, иногда весьма благородныя, но и разрѣшаютъ практическую задачу жизни, указывая, по какому пути должны быть направлены усилія общества. Въ предыдущемъ обозрѣніи мы говорили о „страсти къ народному просвѣщенію", охватившей, повидимому, наше культурное общество, и замѣтили, что даже и этотъ методъ общественнаго дѣланія можетъ принести обществу горькое разочарованіе,—не одно, впрочемъ, разочарованіе, но, какъ мы тогда же замѣтили, и еще кое-что положительное. Дѣло въ томъ, что давно уже было высказано положеніе, что успѣшность развитія въ народѣ знанія находится въ зависимости отъ уровня его благосостоянія. Положеніе было высказано, многими признано; но только недавно оно подтверждено цифрами. Г. Карышевъ (*Народно-хозяйственные наброски*) приводитъ нѣкоторыя изъ данныхъ, подтверждающихъ это положеніе, имѣющее, безспорно, высокую степень общественнаго значенія. Въ изслѣдованіи г. Борисова о „продолжительности курса въ земскихъ школахъ Херсонской губерніи" прямо выставляется положеніе, что главнѣйшимъ тормазомъ успѣшнаго развитія школы является бѣдность крестьянскаго населенія. По даннымъ подворнаго описанія одной волости Полтавской губ. оказывается, что въ группѣ бѣднѣйшихъ домохозяевъ одинъ грамотный приходится на 58 душъ, въ группѣ бѣдныхъ на 39, среднихъ на 37 и богатыхъ на 15. Число грамотныхъ относительно выше въ группахъ состоятельныхъ въ 3—4 раза, а число учащихся въ 3 раза, чѣмъ въ группѣ бѣдныхъ. Въ Горбатовскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи въ богатыхъ дворахъ 32% грамотныхъ, а въ безземельныхъ только 15%. Тоже наблюдается и въ 8 уѣздахъ Воронежской губ. Аналогичные результаты даетъ и изслѣдованіе Шумской волости, Новоладожскаго уѣзда. Тамъ, избирая признакомъ благосостоянія размѣры промысловыхъ заработковъ, изслѣдователь, г. Яковенко, получилъ такія отношенія, въ группѣ съ заработкомъ болѣе 20 руб. на ѣдока грамотныхъ 25%, а въ группѣ безъ заработка только 10%. Въ томъ же направленіи идутъ и цифры учащихся: въ первой группѣ ихъ 78%, а въ третьей (заработокъ меньше 10 р.) только 60%. Такимъ образомъ какъ грамотность, такъ и обученіе идутъ рука объ руку съ матеріальной обезпеченностью и въ частности съ внѣземледѣльческими заработками, которые доставляютъ волости главныя средства существованія. Слѣдовательно не только среди земледѣльческаго населенія, но и среди промысловаго распространеніе грамотности находится въ зависимости отъ увеличенія доходности его занятій. Выходитъ, что наиболѣе зажиточные по-

лучаютъ, благодаря дѣятельности земствъ и общества въ дѣлѣ народнаго образованія, одно изъ наиболѣе сильныхъ орудій въ борьбѣ за существованіе,—орудіе, котораго лишены тѣ разряды населенія, которые все болѣе и болѣе выкидываются экономической эволюціей за бортъ. Выходитъ, что прикладывается къ тѣмъ, которые имѣютъ, и отнимается у тѣхъ, которые или мало, или ничего не имѣютъ. Выводъ, безспорно, имѣющій громадную общественную важность и до извѣстной степени указывающій обществу, куда должны быть направлены его главнѣйшія усилія при заботахъ о просвѣщеніи народа.

Изслѣдованіе Шумской волости даетъ намъ не одинъ этотъ важный выводъ. Оно въ маломъ, конечно, масштабѣ даетъ намъ отвѣтъ на нѣкоторые изъ важнѣйшихъ вопросовъ о жизни деревни и ея дифференцированіи на группы. Прежде всего, средній размѣръ земельнаго обезпеченія двора въ волости за 12 лѣтъ уменьшился на 14%, что, конечно, и понятно въ виду увеличенія населенія и неизмѣняемости размѣровъ его землевладѣнія. Но вотъ что любопытно: съ теченіемъ времени число полныхъ хозяевъ уменьшается, а также и тѣхъ, которые хотя и лишились усадьбы, но сохранили свой полевой надѣлъ, и замѣтно растетъ количество лицъ, потерявшихъ всякія связи съ земледѣліемъ. Это ужъ что-то совсѣмъ не похожее на дифференцированіе населенія на группы безземельныхъ и группы сильныхъ домохозяевъ, крѣпкаго крестьянства. Извѣстные земельные Колупаевы, Разуваевы и родитель ихъ Деруновъ въ современной деревнѣ какъ будто превращаются въ личностей, нѣсколько легендарныхъ. Процессъ обезземеленія,—замѣчаетъ изслѣдователь,—совершился въ Шумской волости въ разсматриваемый періодъ довольно энергично. Въ числѣ обезземеленныхъ оказываются не только слабосильные и, такъ сказать, побитые въ экономической борьбѣ, но и дѣятельные, предпріимчивые, которые, *благодаря несоразмѣрно тяжелымъ налогамъ, лежащимъ на землѣ*, предпочли заняться другими болѣе выгодными дѣлами. Изъ таблицъ г. Яковенка видно, что за 12 лѣтъ въ волости значительно уменьшилась группа, владѣющая 2—5 надѣлами, т.-е. группа крестьянъ середняковъ. Въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего новаго; онъ наблюдается и въ другихъ мѣстностяхъ; но любопытно то, что сокращеніе численности этой средней группы не сопровождается возрастаніемъ, какъ болѣе, такъ и менѣе состоятельныхъ группъ, а только однѣхъ послѣднихъ. Увеличивающейся концентраціи надѣловъ въ рукахъ немногихъ семей не замѣчается. Въ частности же число однихъ безземельныхъ увеличилось на 2%. Это уже не дифференціація, не отслоеніе богатыхъ отъ бѣдныхъ, а просто всеобщій постепенный упадокъ земледѣльческаго промысла у всѣхъ крестьянскихъ группъ. Въ вопросѣ объ отобраніи надѣловъ отъ однихъ домохозяевъ и передачи ихъ другимъ въ волости не играютъ никакой роли производительные и потребительные признаки, т.-е. число рабочихъ, число наличныхъ душъ и число ѣдоковъ, а лишь соображенія фискальнаго характера. „Если не какъ совершившійся фактъ, то какъ направленіе, въ которомъ идетъ жизнь,—замѣчаетъ г. Яковенко,—можно сказать, что общины Шумской волости въ дѣлѣ распредѣленія надѣловъ сообразуются съ требованіями фиска“. Слѣдовательно, приходится признать, что въ основѣ этого процесса лежатъ непосильные платежи, нарушающіе правильность распредѣленія надѣловъ и тѣмъ еще болѣе осложняющіе послѣдствія прогрессивнаго роста малоземелья. Любопытно далѣе сопоставленіе доходовъ отъ промысловъ населенія волости съ ея доходами отъ земле-

дѣлія. Въ 1882 году доходовъ отъ промысловъ было 77 тысячъ, а отъ сельскаго хозяйства 117; въ 1894 году, наоборотъ, отъ промысловъ 107 тысячъ, а отъ сельскаго хозяйства только 66. Очевидно, роли за 12 лѣтъ перемѣнились; раньше промыслы давали 40% всего дохода, а земледѣліе 60%; а теперь наоборотъ. Если цифры наши,—говоритъ г. Яковенко,—хоть приблизительно вѣрны, то онѣ указываютъ на сильное паденіе крестьянскаго хозяйства, заставившее населеніе усиленно искать внѣземледѣльческихъ заработковъ. А если обратить вниманіе на то, что въ 1882 году населеніе получало всего дохода 194 тысячи, а чрезъ 12 лѣтъ, въ 1894 году, только 174, то выводы очевидны. Какъ же все это отражается на земледѣліи? Можно бы полагать, что многочисленная группа крестьянъ порываетъ связь съ землей и обращается въ профессіональныхъ промышленниковъ. Но не такъ-то просты экономическія явленія, чтобъ о нихъ можно было судить à priori. Мы уже не одинъ разъ говорили на этихъ страницахъ, что происходящій у насъ экономическій процессъ не есть процессъ поглощенія рукъ, выброшенныхъ изъ деревни капиталистическою промышленностью, а скорѣе процессъ образованія арміи безработныхъ. Цифры подтверждаютъ наше положеніе. Оказывается, что въ Шумской волости близость Петербурга,—условіе, котораго въ другихъ деревняхъ, конечно, не имѣется,—позволяетъ развиваться мѣстнымъ промысламъ и, слѣдовательно, позволяетъ крѣпко держаться за землю, несмотря на уменьшающуюся ея доходность... Этотъ примѣръ позволяетъ думать,—замѣчаетъ г. Карышевъ,—что забрасываніе земель встрѣчалось бы рѣже и въ другихъ мѣстностяхъ, еслибъ развитіе мѣстныхъ кустарныхъ и иныхъ промысловъ получило надлежащую организацію и поддержку; не развивался бы съ такой силой отходъ, этотъ первый симптомъ безхозяйности, не происходило бы и бѣгства въ города.

Въ Шумской волости промыслами занимаются почти всѣ семьи; непромысловыхъ только 5%. При этомъ замѣчается такое любопытное явленіе: чѣмъ меньше промысловой заработокъ, тѣмъ чаще забрасывается земля. Въ томъ же направленіи идутъ и цифры хозяйствъ, сдающихъ землю. Безхозяйность развивается безусловно въ прямой зависимости отъ сокращенія доходовъ отъ промысловъ, т.-е. доходы эти употребляются на поддержку хозяйства; чѣмъ они выше, тѣмъ меньше въ этой группѣ безхозяйныхъ. Напомнимъ читателю, что на такое явленіе относительно одной мѣстности Владимірской губерніи еще въ половинѣ 70-хъ годовъ указывалъ Н. Н. Златовратскій въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ. Чѣмъ крестьянскія семьи больше зарабатываютъ на промыслахъ, тѣмъ меньше среди нихъ забрасывающихъ свои полосы, тѣмъ меньше сдающихъ землю, меньше работающихъ чужимъ инвентаремъ и тѣмъ больше они арендуютъ земли на сторонѣ и больше пользуются въ своемъ хозяйствѣ наемнымъ трудомъ, замѣчаетъ г. Яковенко. Далѣе неумолимыя и безпристрастныя цифры доказываютъ, что высота мѣстнаго заработка обусловливаетъ бо́льшую или меньшую возможность поддерживать сельское хозяйство, а въ зависимости отъ этого находится и размѣръ хроническаго отхода, и число отрывающихся отъ земледѣлія. Это, конечно, понятно, но цифры доказываютъ и еще кое-что, а именно: казалось бы, что бѣгство изъ деревни болѣе обезпечиваетъ человѣка, чѣмъ пребываніе на малодоходномъ надѣлѣ, постепенно уменьшающемся, а выходитъ какъ разъ наоборотъ: чѣмъ больше въ группѣ развитъ отходъ, тѣмъ меньше каждый отдѣльный промышленникъ зарабатываетъ.

Въ группѣ, изъ которой уходитъ только 8%, каждый зарабатываетъ по 168 руб. въ годъ, въ группѣ съ 18% уходящихъ 130 руб., въ группѣ съ 51% уходящихъ 83 руб., а съ 92% уходящихъ только 63 руб.

Чѣмъ же объясняются всѣ вышеприведенныя внушительныя явленія? А вотъ чѣмъ: въ 1894 году обязательные платежи составляли 23% валового дохода отъ земледѣлія, т.-е. почти четвертая часть валового дохода идетъ на уплату податей. Такой тягости,— замѣчаетъ г. Яковенко, — не можетъ вынести не только коммерческое, но какое бы то ни было предпріятіе. Ясно, что хотя платежи лежатъ на землѣ, но въ дѣйствительности выплачиваются изъ посторонннихъ заработковъ и составляютъ 13% послѣднихъ; причемъ по промысловымъ группамъ выходитъ такъ, что въ первой, больше заработывающей, платежи составляютъ 8% заработка, во второй — 19%, а въ третьей, всего меньше зарабатывающей,—38%. „Получается положеніе,— заключаетъ г. Карышевъ,—при которомъ даже не происходитъ отслоеній богатаго слоя деревни, а все стремится по наклонной плоскости въ одну общую бездну нищеты".

Эдакъ, вѣдь, пожалуй, и фабрикаты покупать некому скоро будетъ, на что такъ разсчитываютъ разные Пиндары совершающейся у насъ экономической эволюціи. Объ этомъ не мѣшало бы подумать нашимъ „толстосумамъ", составляющимъ теперь, какъ утверждаютъ, крупную и вліятельную общественную группу.

А можетъ быть другіе покупатели для фабрикатовъ найдутся? Ну, хоть бы, наприм., частные землевладѣльцы? На этотъ счетъ очень любопытно письмо какого-то курскаго помѣщика-дворянина въ редакцію *Съв. Вѣстн.* (январь):

„Теперь на землѣ сидѣть не сладко,—пишетъ курскій помѣщикъ,— для многихъ и даже для большинства дворянъ это сидѣнье на землѣ есть настоящая мука, но дѣваться некуда и приходится сидѣть, пока васъ не попросятъ уйти. Банки подводятъ итоги ходу событій, но они вовсе не заинтересованы сгонять дворянъ съ земли. Наоборотъ, они заинтересованы въ томъ, чтобы вѣчные данники на земляхъ держались и уплачивали надлежащую дань. Бѣда въ томъ, что мужикъ не даетъ никакихъ льготъ и немилосердно гонитъ дворянъ съ земли. И гонитъ дворянъ съ земли собственно не мужикъ, а данное положеніе мужика.

„Непосредственно послѣ реформы, собственно, наступили самыя блаженныя времена. Мужикъ фактически оказался прикрѣпленнымъ къ землѣ, но не къ землѣ вообще, а къ тѣмъ ничтожнымъ полоскамъ, которымъ было присвоено названіе земельнаго надѣла. Со дня освобожденія мужикъ оказался закрѣпощеннымъ къ сосѣднему имѣнію, не юридически, а фактически. Закрѣпощеніе по существу дѣла несомнѣнно болѣе сильное, чѣмъ юридическое. Прикрѣпленный фактически къ своему надѣлу мужикъ всей своей нуждой еще болѣе былъ прикрѣпленъ къ сосѣднему имѣнію. Тутъ онъ оказалъ громадную услугу помѣщику; онъ, прежде всего, создалъ цѣнность земли. Цѣнность помѣщичьихъ земель не только не пала, а стала быстро возрастать. Фактическое закрѣпощеніе для дворянъ оказалось болѣе выгоднымъ, чѣмъ отмѣненное юридическое. Выгоды новаго положенія выражались въ чрезвычайномъ поднятіи доходности земли, благодаря крайней нуждѣ крестьянъ въ арендованіи земель. Способы оплаты аренды путемъ отработковъ давали въ распоряженіе помѣщиковъ самую дешевую рабочую силу. Не было надобности ни пахать, ни сѣять, ни обзаводиться своимъ инвен-

таремъ. Въ общемъ на почвѣ арендныхъ отношеній сложилась процедура настоящей крѣпостной барщины... Къ сожалѣнію,—пишетъ дальше авторъ письма,—мужикъ не выдержалъ такого напряженнаго положенія и свихнулся. Онъ утратилъ прежнюю жадность къ землѣ,—жадность, его разорявшую въ конецъ. (По-неволѣ утратишь, какъ четверть валового дохода отдавать придется... даромъ отдашь и убѣжишь, куда глаза глядятъ.) Арендныя цѣны на землю стали падать. Теперь и *крупные съемщики-кулаки* не берутъ земли въ аренду, такъ какъ прежде они брали землю ради эксплуатаціи окрестнаго населенія, а теперь изъ него ничего не высосешь. (Ёнъ теперь не достанетъ — и потому Разуваевы, Колупаевы и прочая братія становятся, какъ мы замѣтили выше, личностями легендарными въ деревнѣ.) Это переходное состояніе отъ фактически-крѣпостныхъ порядковъ, сложившихся послѣ реформы, является для помѣщиковъ, несомнѣнно, болѣе тяжелымъ, чѣмъ переходъ отъ крѣпостного права къ реформѣ. Тогда мужикъ сразу же своей нуждой въ землѣ поддержалъ помѣщика, а теперь, свихнувшись, онъ своимъ оскудѣніемъ ставитъ помѣщика въ безвыходное положеніе (вотъ, вѣдь, зловредный какой, этотъ мужикъ) и гонитъ дворянина съ земли. Онъ сгоняетъ помѣщика съ земли такъ же немилосердно, какъ быстро самъ тонетъ въ безднѣ все расширяющагося оскудѣнія. Вотъ почему дворянина нельзя удержать на землѣ прямыми мѣрами. Нужно начинать съ конца, а всѣ наши концы держитъ въ рукахъ мужикъ. Онъ тонетъ и насъ съ собой тащитъ".

Такъ вотъ... Пожалуй, и среди частныхъ землевладѣльцевъ покупателей для фабриката не найдется. Города развѣ? Но, вѣдь, это значитъ въ собственномъ соку вывариваться.

Русская школа, *сентябрь—декабрь*. „И въ классахъ, и на репетиціи—всѣ часто и безпокойно оглядывались, не слѣдитъ ли за ними черезъ маленькое окошечко въ двери черный, пронизывающій глазъ, который, казалось, читаетъ даже всѣ сокровенные помыслы учениковъ. Этотъ глазъ, какъ видѣніе, какъ призракъ, преслѣдовалъ всюду, мелькая такъ неожиданно, что воспитанники не могли дать себѣ отчета, дѣйствительно ли они видѣли его, или это было нѣчто въ родѣ галлюцинаціи. Это постоянное и неожиданное появленіе инспектора держало всѣхъ въ напряженномъ состояніи, создавало тяжелую, гнетущую атмосферу".

Ужасная картина! Вчужѣ морозъ подираетъ по кожѣ, когда вникнешь въ психологическое состояніе дѣтей, каждый день испытывающихъ мучительное чувство страха особенно при ожиданіи позорной кары. Надо замѣтить, что время, къ которому относится приведенная выше психологическая картина, принадлежитъ къ послѣднимъ моментамъ эпохи розогъ и всѣхъ, связанныхъ съ ними постыдныхъ въ воспитательномъ отношеніи явленій: развитія въ учащихся чувства рабьего страха передъ начальствомъ, духа лжи, лести, угодничества и подавленія личности вообще.

И всякому, кто хочетъ познакомиться съ духомъ школьнаго воспитанія пятидесятыхъ годовъ, можно посовѣтовать непремѣнно прочесть воспоминанія г. Коропчевскаго, дающія очень обстоятельное представленіе объ эпохѣ. Воспоминанія эти написаны очень живо и интересно.

Какъ нельзя рельефнѣе отмѣчается въ нихъ и дурная, и хорошая сторона въ постановкѣ педагогическаго дѣла того времени. Съ одной стороны вы видите крайне суровую и жестокую дисциплину, угнетающую личность учащагося, а съ другой—полную свободу преподаванія,

выбора программъ и методовъ обученія, отсутствіе всякой регламентаціи въ этомъ дѣлѣ,—словомъ, такія удобства для преподаванія, которыя давали полный просторъ для развитія педагогическихъ талантовъ.

И нельзя безъ зависти смотрѣть на то, какъ легко и свободно чувствовалъ себя учитель въ классѣ, сознавая, что онъ здѣсь полный хозяинъ. Каждый училъ такъ, какъ ему подсказывало его собственное убѣжденіе, его личный опытъ соотвѣтственно своимъ силамъ, дарованіямъ, натурѣ, приспособляясь къ характеру, духу, развитію среды учащихся въ томъ или иномъ классѣ,—словомъ, примѣняясь къ индивидуальности какъ отдѣльной, такъ и коллективной единицы.

А это приводило къ тому, что тамъ, гдѣ находились мало-мальски сносные преподаватели, учащимися дѣлались такіе успѣхи, которые въ наше время могутъ казаться, право, необыкновенными.

Ученіе велось просто, легко, безъ всякихъ излишнихъ формальностей, безъ обремененія учащихся обильными домашними работами, по программѣ, выработанной самимъ учителемъ и составленной въ соотвѣтствіи съ силами его учениковъ.

Съ глубокою благодарностью вспоминаетъ авторъ о своемъ симпатичномъ инспекторѣ Бибиковѣ, замѣнившимъ того суроваго педагога, о которомъ мы говорили въ началѣ этой рецензіи. Онъ выбралъ педагогическое поприще исключительно изъ любви къ дѣлу и обращался съ учениками такъ, какъ очень, очень рѣдко обращается съ ними кто-нибудь теперь изъ педагоговъ, занимающихъ оффиціальное положеніе.

Ко всѣмъ справедливый, всякому всегда доступный, избѣгавшій какихъ-бы то ни было наказаній, кромѣ порицанія, онъ снисходительно и мягко относился къ обычнымъ проявленіямъ дѣтской природы и всегда уважалъ ихъ личное достоинство. Учащіеся сразу его поняли, оцѣнили, отплатили ему безусловнымъ довѣріемъ и безконечной преданностію. „Достаточно было одного его слова, намека, чтобъ мы сдѣлали съ величайшей готовностью все, чего онъ хотѣлъ“,—говоритъ г. Коропчевскій.

Съ какимъ тактомъ и деликатностью умѣлъ Бибиковъ относиться къ самымъ щекотливымъ вопросамъ школьной дисциплины, это видно изъ того, какъ онъ посмотрѣлъ на куренье, которое было строжайше запрещено, за которое многіе при прежнихъ инспекторахъ такъ часто претерпѣвали и голодъ, и лишеніе отпуска, и томленіе въ карцерѣ, и неизбѣжную проклятую розгу.

Просто, задушевно обращается инспекторъ къ своимъ ученикамъ вскорѣ послѣ своего вступленія въ должность, съ такими словами: „Господа, мнѣ извѣстно, что нѣкоторые изъ васъ курятъ: по моему мнѣнію, въ вашемъ возрастѣ курить вредно, и вы хорошо сдѣлаете, если отстанете отъ этой привычки; но тѣхъ, кому трудно отъ нея отказаться, я попрошу въ гимназіи во всякомъ случаѣ не курить, а приходить для этого ко мнѣ на квартиру“.

Учащіеся сразу, по чувству деликатности, перестали курить въ гимназіи, а ходить за этимъ къ инспектору имъ казалось какъ-то неловко, и куреніе почти совсѣмъ прекратилось.

Какъ всегда это бываетъ, послѣ долгаго жестокаго режима, при первомъ проявленіи новаго, гуманнаго духа въ обращеніи начальства съ учениками, послѣдніе почувствовавъ себя свободными, стали въ началѣ, на радостяхъ, обнаруживать необыкновенную подвижность и

шаловливость. Бибиковъ журилъ ихъ за это, но, вѣроятно, по словамъ г. Коропчевскаго, читалъ въ ихъ взглядахъ нѣмую просьбу дать имъ волю въ этихъ невинныхъ упражненіяхъ. Онъ даже перевелъ ихъ классъ съ конца коридора въ середину — для облегченія надзора, а все-таки строгихъ мѣръ къ обузданію „вѣтроголовъ", какъ говорится въ оффиціально-педагогическихъ сферахъ, не принялъ никакихъ.

Трогательное впечатлѣніе производитъ разсказъ о томъ, какъ ученикъ,—самъ г. Коропчевскій,—внезапно почувствовавъ какое-то непреодолимое отвращеніе къ какимъ бы то ни было занятіямъ, не могъ не признаться въ этомъ любимому инспектору съ полной откровенностью. Бибиковъ предложилъ мальчику на время полный отдыхъ, и когда, черезъ недѣлю, ученикъ вернулся въ классы, онъ все-таки почувствовалъ себя по-прежнему неспособнымъ къ напряженному вниманію. Опять онъ объясняется съ инспекторомъ. Тотъ снова освобождаетъ его отъ занятій и, для того, чтобъ мальчикъ не пріучался къ полной праздности, предложилъ ему легкую работу—заняться составленіемъ каталога въ гимназической библіотекѣ.

Долго продолжался этотъ періодъ лѣни, неизбѣжно объясняемый умственнымъ утомленіемъ: мѣсяца полтора. За то по прошествіи его ученикъ принялся за ученіе съ обновившимися, удвоенными силами.

Много весьма интереснаго выносится изъ чтенія этихъ воспоминаній. Вы узнаете отсюда о великой воспитательной силѣ товарищества, о положительныхъ сторонахъ въ духовномъ существѣ коллективной единицы, называемой классомъ, о томъ огромномъ нравственномъ значеніи, которое имѣютъ въ отношеніи къ учащимся ихъ лучшіе учителя на всю ихъ жизнь. Таковъ былъ, напримѣръ, знаменитый нашъ ученый, а тогда начинающій учитель Н. С. Тихонравовъ.

Въ журналѣ масса и другихъ статей, особенно относящихся къ вопросу о народной школѣ, ея современномъ положеніи и ея прошломъ. Всякій, кто серьезно заинтересованъ дѣломъ народнаго образованія, не можетъ, не долженъ обойти этого журнала, столь богатаго прекрасными, капитальными изслѣдованіями этого рода.

Богатство содержанія, постоянно болѣе и болѣе возрастающее, невольно ведетъ къ расширенію объема изданія, которое въ настоящее время достигло уровня нашихъ толстыхъ журналовъ общаго характера.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 января по 1 февраля 1898 г.

Абутковъ, А. Д. Воспаленіе лоханокъ при перелоѣ. Съ рис. микроскоп. препар. Спб., 1898 г.

Богдановъ, А. Краткій курсъ экономической науки. Изд. А. М. Муриновой. М., 1898 г. Ц. 2 р.

Боханъ, Д. Игорь, князь сѣверскій. Древне-русская поэма въ поэтическомъ переложеніи. Минскъ, 1897 г.

Брекеръ, М. Очеркъ исторіи искусствъ. Пер. съ нѣм. Н. Лемана. Съ 46 рис. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бѣлашевскаго, А. Стихотворенія. Кіевъ, 1894 г.

Выставка Всероссійская промышленная и художественная 1896 г. въ Н.-Новгородѣ. 1) Успѣхи русской промышленности по обзорамъ экспертныхъ коммиссій. 2) Списокъ экспонентовъ, удостоенныхъ похвальныхъ наградъ. Спб., 1897 г.

Германъ, Ф. Л. Заслуга женщинъ въ дѣлѣ ухода за больными и ранеными. Изд. кн. маг. П. А. Брейтигама. Харьковъ, 1898 г.

Геффдингъ, Г. О принципахъ этики. Изданіе І. Юровскаго. Одесса, 1897 г. Ц. 15 к.

Горовая, Н. Я. Гигіено-діэтическія основы лѣченія чахотки. Кіевъ, 1898 г. Ц. 35 к.

Гуго, К. Новѣйшія теченія въ англійск. городск. самоуправленіи. Пер. съ нѣм. подъ ред. Д. Протопопова. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Диккенсъ, Чарльзъ. Блестящая будущность. Сокращ. перев. съ англ. А. Н. Энгельгардтъ. Спб., 1898 г. Ц. 1 р.

Доклады И. Я. Александровскаго, Д. С. Штейнберга и Н. Н. Будаевскаго. М., 1897 г. Ц. 20 к.

Дюкло, Э. Защита отъ болѣзней. Изд. магазина „Книжное дѣло“. М., 1897 г. Ц. 15 к.

Евреиновъ, Г. А. Прошлое и настоящее значеніе русскаго дворянства. Спб., 1898 г.

Ежегодникъ статистическій Московской губ. за 1897 г. М., 1897 г.

Журналы рязанскаго губернскаго земскаго собранія X чрезвычайнаго созыва. Рязань, 1881 г.

Записки московскаго отдѣленія Императорскаго русскаго техническ. общества 1897 г. Вып. 5, 6, 7, 8. М., 1897 г.

Златковскій, М. Л. Джонъ Буль конца вѣка. Политическ. трагикомедія въ пяти картин. Спб., 1898 г. Ц. 1 р.

Золотаревъ, Л. А. Устои семьи. Гигіеническія и психологическ. условія брака. М., 1898 г. Ц. 30 к.

Іодль, Фр. Исторія этики въ новой философіи. Перев. съ нѣм. подъ ред. В. Соловьева. Т. II. Изд. К. Т. Солдатенкова. М., 1898 г. Ц. 2 р.

Касаткинъ, Н. В. Отчетъ о дѣятельности постоянной коммиссіи по техническому образованію московск. отд. Импер. русск. техническ. общества за 1896—97 г. М., 1897 г. Ц. 10 к.

Кейръ, Ф. Воображеніе и память. Перев. съ франц. Е. Максимовой. Спб., 1898 г. Ц. 40 к.

Кернеръ-фонъ, Мариладнъ. Жизнь растеній. Вып. I. Пер. съ нѣм. подъ ред. И. П. Бородина. Изд. т-ва „Просвѣщеніе“. Спб., 1898 г. Ц. 50 к. Цѣна за 30 вып. по подпискѣ 12 р. 80 к. (съ разсрочкой).

Клоддъ, Эд. Первобытный человѣкъ. Съ 87 рис. въ текстѣ. Изд. маг. „Книжное дѣло“. М., 1898 г. Ц. 50 к.

Клоссовскій, А. Новыя данныя для гипсометріи Средн. Азіи. Одесса, 1895 г.

Клюкинъ, А. Н. Злобы жизни. Разсказы. Спб., 1898 г. Ц. 1 р.

Книга строевая г. Симбирска. Изд. симбирской губерниск. ученой архивной коммиссіи подъ ред. П. Мартынова. Симбирскъ, 1897 г.

Ковалевскій, С. Учебникъ химіи. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Kraepelin, Emil. 1) Умственный трудъ. Ц. 20 к. 2) Къ вопросу о переутомленіи. Ц. 25 к. Одесса, 1898 г.

Красножонъ, М. Старые и новые законы о бракѣ. Юрьевъ, 1898 г.

Круковскій, М. Доброе сѣмя. Сборникъ стихотвореній для школьнаго возраста. Спб., 1898 г. Ц. 25 к.

Кудрявцевъ, П. Ф. Земская медицина и санитарное состояніе Херсонск. уѣзда за 1896 г. Херсонъ, 1897 г.

Купринъ, А. Миніатюры. Очерки и разсказы. Кіевъ, 1897 г. Ц. 1 р.

Кишмишевъ, С. І. Послѣдніе годы Грузинскаго царства. Тифлисъ, 1898 г. Ц. 40 к.

Кэрдъ. Гегель. Пер. съ англ. подъ ред. и съ предисл. кн. С. Н. Трубецкого, съ пр. ст. о Гегелѣ Вл. С. Соловьева. М., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лансонъ, Гюставъ. Исторія французской литературы. Т. II. Изд. К. Т. Солдатенкова. М., 1898 г. Ц. 3 р. 50 к.

Лохвицкая, М. А. (Жиберъ). Стихотворенія. Т. II. 1896 — 1898 гг. М., 1898 г.

Маллесонъ, Ф. Первоначальное воспитаніе дѣтей. Перев. съ англ. Е. И. Бошнякъ. Изд. маг. „Книжное дѣло". М., 1898 г. Ц. 50 к.

Малиновскій, Іоанникій. О томъ, какъ воевали въ старину и какъ теперь воюютъ. Кіевъ, 1897 г. Ц. 5 к.

Международный союзъ криминалистовъ. Русская группа. Спб., 1897 г.

Михайловскій, С. А. Грамотность дѣтей школьнаго возраста въ Тверскомъ уѣздѣ. Тверь, 1897 г.

Міасковскій, Августъ. Проблема распредѣленія поземельной собственности въ историческомъ развитіи. Перев. съ нѣм. Ц. Поплавскаго. Кіевъ, 1898 г. Ц. 30 к.

Модзелевскій. О художественномъ исполненіи произведеній музыкальнаго творчества. Кіевъ, 1898 г.

Морозовъ, М. С. Къ вопросу о служителяхъ въ психіатрическихъ больницахъ. Казань, 1897 г.

Надлеръ, В. К. Лекціи по исторіи французской революціи и имперіи Наполеона (1789—1815). Издан. въ обработкѣ проф. В. П. Бузескула. Изд. кн. маг. А. Д. Карчагина. Харьковъ, 1897 г. Ц. 2 р.

Неймайръ, М. Исторія земли. Подъ ред. А. А. Иностранцева. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". Спб., 1897 г. Ц. 50 к. Цѣна за всѣ 30 вып. по подпискѣ 11 р. Пересылка и доставка 1 р. 80 к.

Обзоръ статистико-экономическій Херсонской губ. за 1896 г. Херсонъ, 1897 г.

Обзоръ сельско-хозяйственный по Воронежской губ. за 1896 — 97 г. Съ 6-ю картограммами. Воронежъ, 1897 г. Ц. 80 к.

Обзоръ дѣятельности кіевской коммиссіи народныхъ чтеній 1882—1897 гг. Кіевъ, 1897 г.

Ольденбергъ, Германъ. Будда, его жизнь, ученіе и община. Изд. 3-е Д. П. Ефимова. М., 1898 г. Ц. 2 р.

Отчетъ о дѣятельности херсонской уѣздной земской управы за 1896 г. Смѣты и раскладки на 1898 г. Херсонъ, 1897 г.

Отчетъ о движеніи денежныхъ суммъ херсонской уѣздной земской управы за 1896 г. Херсонъ, 1897 г.

Поповъ, П. Г. 1) Проектъ организаціи метеорологической сѣти въ Курской губ. 2) Отчетъ о работахъ по изслѣдованію магнитн. аномалій Курской губ. въ 1897 г. въ связи съ вопросомъ о залежахъ желѣзныхъ рудъ. Курскъ, 1897 г.

Постановленія херсонскаго очереднаго и чрезвычайнаго уѣзднаго земск. собран. за 1897 г. и доклады управы. Херсонъ, 1897 г.

Ранке, І. Человѣкъ. Перев. съ нѣм. подъ ред. Д. А. Коропчевскаго. Вып. I, II, III. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". Спб., 1897 г. Ц. 50 к. Цѣна за 30 вып. по подпискѣ 12 р. (съ разсрочкой).

Рейбо, Луи. Жеромъ Патюро въ поискахъ за общественнымъ положеніемъ. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.

Реклю, Элизе. Соединенные Штаты. Ч. I. Пер. съ фр. подъ ред. Н. Березина. 70 рис. и 12 схемат. картъ въ текстѣ. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ремке, І. Очеркъ исторіи философіи. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Рибо, Т. Эволюція общихъ идей. Пер. съ фр. Н. Н. Спиридонова. Изд. маг. „Книжное дѣло". М., 1898 г. Ц. 80 к.

Саловъ, И. А. Забытыя картинки. Изд. ред. жур. „Читатель". М., 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Воронежской губ. Т. I, вып. II. Воронежъ, 1897 г. Ц. 1 р.

Сборникъ стихотвореній „Утренняя заря". Для дѣтей младшаго возраста. Спб., 1898 г. Ц. 20 к.

Свѣтловъ, В. Въ невѣдомую даль. Изданіе Д. А. Наумова. Спб., 1898 г. Ц. 1 р.

Сергѣенко, П. Герои. Сцены изъ дѣтской жизни. Рис. К. Высотскаго. Изд. А. И. Мамонтова. М., 1898 г. Ц. 85 к.

Сиротъ, И. М. Параллели. Библейскіе тексты и отраженіе ихъ въ изреченіяхъ

русской народной мудрости. Вып. I. Одесса, 1897 г. Ц. 75 к.

Скворцовъ, А. Основанія политической экономіи. Спб., 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.

Стоюнинъ, В. Я. О преподаваніи русской литературы. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 60 к.

Суворовъ, Н. Средневѣковые университеты. М., 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.

Сѣченовъ, И. Физіологическіе очерки. Ч. II. Съ 101 рис. Спб., 1898 г. Ц. 90 к.

Тольботъ. Старшины Вильбайской школы. Пер. съ англ. М. Шишмаревой. Съ 21 рис. Спб., 1898 г. Ц. 1 р.

Тарановскій, Н. Г. Повѣсти и разсказы. Харьковъ, 1898 г. Ц. 75 к.

Теръ-Абраміанъ, А. М. Адресъ-календарь. Торгово-промышленная справочная книга. Весь Ростовъ на-Дону на 1898 г. Ростовъ на-Дону, 1898 г.

Тихонравовъ, Н. С. Русская литература XVIII и XIX вв. Т. III, ч. I. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М., 1898 г.

Тулубъ, П. А. Изъ замѣтокъ и наблюденій мирового судьи. Спб., 1897 г.

Туръ, К. И. Голосъ жизни о крестьянскомъ неустройствѣ. Спб., 1898 г. Ц. 75 к.

Урожай 1897 года въ Костромской губ. Кострома, 1897 г.

Филипповъ, А. Н. Физическое воспитаніе учащихся. М., 1898 г.

Фишеръ, С. Человѣкъ и животное. Этико-юридическій очеркъ. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 20 к.

Флоринскій, Т. Лекціи по славянскому языкознанію. Ч. II. Кіевъ, 1897 г. Ц. 4 р.

Фрикенъ, А. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія. Ч. III. Изд. К. Т. Солдатенкова. М., 1898 г. Ц. 2 р.

Харузинъ, В. Н. Сказки русскихъ инородцевъ. Съ предисл. В. М. Михайловскаго. Изд. А. И. Мамонтова. М., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Хирьяковъ, А. Легенды любви. Спб., 1898 г. Ц. 50 к.

Хмѣлевскій, И. К. Заиканіе. Одесса, 1897 г. Ц. 1 р.

Черняевъ, Н. И. „Капитанская дочка" Пушкина. Историко-критическій этюдъ. М., 1897 г. Ц. 1 р.

Чернявський, М. Донецьки сонеты. Бахмутъ, 1898 г. Ц. 10 к.

Шахрай, Л. М. Раббн Акиба, его жизнь и дѣятельность. Одесса, 1898 г. Ц. 15 к.

Шрейдеръ, Д. И. Страна восходящаго солнца. Разсказъ о японцахъ. Спб., 1898 г. Ц. 20 к.

Щербина, Ф. А. Сводный сборникъ по 12 уѣздамъ Воронежской губ. Воронежъ, 1897 г. Ц. 3 р.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„Библіографическаго отдѣла".

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: „Собраніе сочиненій". *Н. И. Наумова.* — „Идеалистъ". Ром. *Н. Юровскаго.* „Забытыя картинки". Повѣсти и разсказы. *И. А. Салова.* 1

Философія и Психологія: „Вопросы Философіи и Психологіи" кн. 39 и 40. 56

Исторія литературы, исторія: „Исторія русской литературы". *А. Н. Пыпина.* Т. I.—„Книга для чтенія по исторіи Среднихъ вѣковъ". Сост. кружкомъ преподавателей подъ ред. проф. *П. Г. Виноградова.*—„Германія наканунѣ революціи и ея объединенія". *Проф. Трачевскаго.*—„Очеркъ развитія національной литературы въ Италіи". *Джозуэ Кардуччи.* 59

Юридическія книги: „Общепонятное законовѣдѣніе" *Н. П. Дружинина.* 65

Естествознаніе: „О причинахъ явленій въ органическомъ мірѣ". *Т. Гексли.*— „Популярныя рѣчи". *Г. Гельмгольтца.* Изд. 2-е. — „Основанія электрохиміи", *Люпке.* —„Срѣзы изъ центральной нервной системы. *А. Mercier* 66

Медицина: „Руководство къ частной терапіи внутреннихъ болѣзней. *Pentzoldt и Stintzing.* 68

Учебники: „Алгебра и собраніе алгебраическихъ задачъ". Сост. *П. Никумцевъ.* Ч. II 69

Словари: „Энциклопедическій словарь". Изд. *Ф. А. Брокгауза и А. А. Ефрона.* Полутомы 36—44. 69

II. Періодическія изданія.

„Міръ Божій", *декабрь.* — „Русское Богатство", *декабрь.* — „Русская Школа", *сентябрь—декабрь.* 71

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 января по 1 февраля.

ОТЪ КНИЖНАГО МАГАЗИНА
журнала Русская Мысль,
В. М. Лаврова,
Москва, Большая Никитская, домъ Вельтищевой.

а) Книжный магазинъ журнала *Русская Мысль* принимаетъ годовую подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты по цѣнамъ редакцій и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги какъ русскія, такъ и иностранныя.

б) Принимаетъ на себя составленіе народныхъ библіотекъ и читаленъ на всевозможныя суммы и даетъ указанія по устройству библіотекъ и складовъ для продажи книгъ (на отвѣтъ должна быть прилагаема 7 коп. марка).

в) Книги по желанію заказчиковъ могутъ быть высылаемы въ переплетахъ. Для обыкновенныхъ книгъ переплеты отъ 15 коп. до 2 руб. и дороже. Для мелкихъ народныхъ изданій переплеты отъ 4 до 15 коп. Для изготовленія переплетовъ требуется отъ 3 до 6 дней.

г) Заказы частныхъ лицъ на сумму, не превышающую 25 руб., исполняются безъ задатка съ наложеніемъ платежа на посланныя книги. При заказахъ на сумму больше 25 руб. просятъ прилагать задатокъ въ размѣрѣ не менѣе $^1/_4$ стоимости всего заказа. При заказахъ на сумму не менѣе 100 руб. магазинъ дѣлаетъ 10% уступки. Большій % уступки находится въ зависимости отъ суммы заказа.

д) Заказы учебныхъ заведеній, земскихъ и городскихъ управъ и прочихъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій исполняются безъ задатка, причемъ требованія должны быть написаны на бланкѣ учрежденія за текущимъ № и подписью завѣдующаго учрежденіемъ. На заказахъ всѣхъ вышеупомянутыхъ учрежденій магазинъ дѣлаетъ постоянную уступку отъ 10 до 15 процентовъ, въ зависимости отъ суммы заказа.

За болѣе подробными условіями магазинъ проситъ обращаться письменно.

е) Заказы гг. книгопродавцевъ исполняются на условіяхъ вычета обычныхъ 5% коммиссіонныхъ, по возможности въ день полученія заказа.

ж) При выпискѣ книгъ просятъ по возможности точно обозначать автора, названіе и цѣну книги, а также и родъ пересылки (почтой, черезъ транспорт. конт., жел. дор.). При отсутствіи въ требованіяхъ такихъ указаній магазинъ дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію, выбирая то, что, по его мнѣнію, болѣе удобно въ интересахъ заказчика.

з) Магазинъ также высылаетъ ноты, письменныя и учебныя принадлежности, физическіе аппараты для школъ, глобусы, волшебные фонари и картины къ нимъ, карты и проч. При подобныхъ заказахъ просятъ обязательно прилагать задатокъ.

и) Всѣ поступающіе въ магазинъ заказы исполняются, въ очередномъ порядкѣ, ни въ какомъ случаѣ не позже 3-хъ дней, исключая заказовъ на иностранныя изданія и частью провинціальныя, которыя часто приходится пріобрѣтать на мѣстѣ ихъ изданія.

к) Такъ какъ магазинъ обращаетъ преимущественное вниманіе на аккуратное и быстрое исполненіе заказовъ иногородныхъ покупателей, то администрація магазина покорнѣйше проситъ о всякомъ промедленіи (исключая вышеуказанныхъ случаевъ: выписки книгъ изъ-за границы или другихъ городовъ) доводить немедленно до ея свѣдѣнія, для принятія своевременныхъ мѣръ къ устраненію подобныхъ недоразумѣній, причемъ магазинъ принимаетъ на свой счетъ убытки, происшедшіе отъ неаккуратности или недостаточно-добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу служащихъ магазина.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Анютинъ, М. (М. Н. Ремезовъ). Нашихъ полей ягоды. Романъ. Ц. 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.

Астыревъ, Н. М. Въ волостныхъ писаряхъ. Ц. 1 р. 50 к. Пересылка по вѣсу и разстоянію.

Бобрищевъ-Пушкинъ, А. М. Эмпирическіе законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ (съ атласомъ). Ц. 4 р.

Богословскій, В. С., проф. Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Бурже, Поль. Трагическая идиллія. (Космополитическіе нравы). Пер. М. Н. Ремезова. М., 1896 г. Ц. 1 р.

Въ пользу воскресныхъ школъ. Сборникъ. Ц. 75 к.

Подписчики „Русской Мысли“ на всѣ изданія редакціи, кромѣ народныхъ, пользуются уступкой 10%.

Гольцевъ, В. А. Вопросы дня и жизни. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.
— Объ искусствѣ. Критическія замѣтки. Ц. 1 р.
— Литературные очерки. Ц. 1 р. Пересылка за 1 фунтъ по разстоянію.
Д-ръ Алексѣевъ, П. С. О пьянствѣ. Съ предисловіемъ графа Л. Н. Толстого: „Для чего люди одурманиваются?“ Ц. 1 р.
Додэ, Альфонсъ. Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключ. знаменитаго Тартарена). Переводъ В. М. Ремезова. Ц. 1 р.
— Маленькій приходъ. Перев. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.
Де-Мопассанъ, Гюи. Наше сердце. Романъ. Пер. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.
Козловъ, П. А. Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.
Корелинъ, М. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. I: Египетскіе боги. Ц. 50 коп. Вып. II: Средневѣковая церковная готика. Ц. 30 коп. Вып. III: Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Ц. 30 к. Вып. IV: Ассирійскій народъ и его боги покровители. Ц. 30 к. Выпуски II и III рекоменд. уч. ком. нар. просв. для ученическихъ старш. возр. библ. средн. учеб. заведеній муж. и женск.
Короленко, Владиміръ. Очерки и разсказы. (Шестое изд.). Ц. 1 р. 50 к.
— Очерки и разсказы. Книга вторая. (Второе изданіе). Ц. 1 р. 50 к.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Хлѣбъ. Романъ. М., 1896 г. Ц. 2 р.
Мачтетъ, Григорій. Силуэты. Т. II. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.
Михайловскій, Н. К. Щедринъ. (Критическій опытъ). Ц. 1 р.
Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы. Пер. В. М. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Надъ Нѣманомъ. Ром. въ 3 ч. Ц. 1 р. 50 к.
— Сильвекъ. Ром. въ 2-хъ част. Ц. 1 р.
Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала „Русская Мысль“. Ц. 2 р., съ пер. Ц. 2 р. 50 к.
Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и разсказы. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіями В. А. Гольцева. 2-е дополненное и удешевленное изд. Ц. 1 р.
— Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. (Третье изданіе). Ц. 1 р. 50 к.
— Путевые очерки. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. Ц. 1 р. 80 к.
— Потопъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.
— Семья Полоницкихъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
— Камо грядеши? Ром. изъ временъ Нерона. Переводъ В. М. Лаврова. 2-е изд. Ц. 1 р.
— На ясномъ берегу. Повѣсть. Переводъ В. М. Лаврова. Ц. 30 к.
Столѣтовъ, А. Г. Общедоступныя лекціи и рѣчи. Ц. 1 р. 50 к.
Чеховъ, Мих. Закромъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Ц. 1 р.
Чеховъ, Ан. Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ). Ц. 2 р.
Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ. Ц. 2 р.
Юноша, Клеменсъ. Сивифъ. Картинки деревенской жизни. Перев. съ пол. В. М. Лаврова. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? (3-е изданіе). Ц. 1 к.
Сенкевичъ, Генрикъ. Янко музыкантъ. Ц. 1 к.
— Пойдемъ за нимъ! Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 к.
Разсказъ про смутное время на Руси. Ц. 1½ к.
Короленко, В. Г. Убивецъ. Ц. ½ к.
Народный поэтъ Иванъ Саввичъ Никитинъ. Изд. 2-е. Ц. 1½ к.

Библіотека „Русской Мысли“.

Сенкевичъ, Г. Черезъ степи. Ц. 40 к.
Ремезовъ, М. Клеопатра. Ц. 40 к.
— Іудея и Римъ. М., 1896 г. Ц. 50 к.
Альбовъ, М. Юбилей. Ц. 1 р.
Баранцевичъ, К. Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Ц. 1 р.
Ожешкова, Э. Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к.
Корелинъ, М. С., проф. Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Братья Гордѣевы. Охонины брови. Ц. 1 р.
Ладыженскій, В. Н. Стихотворенія. Ц. 25 к.
Немировичъ-Данченко, Вл. Драма за сценой. Ц. 1 р.
Немировичъ-Данченко, Вас. И. Лялька. Изъ сказокъ дѣйствительности. М., 1896 г. Ц. 60 к.

Научно-популярная библіотека „Русской Мысли".

(подъ редакціей К. А. Тимирязева и В. А. Гольцева).

Нассе, Э. и Лексисъ, В. Металлическія деньги и валюта, М., 97 г., 192 стр. Ц. 60 к.

Пере, Б. Умственное воспитаніе ребенка. М., 97 г. Ц. 60 к.

Дюкло, Э. Пастёръ. Броженіе и самозарожденіе. Ц. 40 к.

Бартъ, А. Религіи Индіи. Ц. 1 руб.

Гаупп'ъ Отто. Гербертъ Спенсеръ. Ц. 50 коп.

Шериданъ. Школа злословія. *Погожева.*—Біографическій очеркъ Шеридана. Ц. 60 коп.

Проф. П. Гиро. Фюстель де-Куланжъ. Ц. 50 к.

Списокъ книгъ поступившихъ въ книжный магазинъ журнала «Русская Мысль» съ 1 января по 1 февраля 1898 г.

Абрамовъ. Микроскопическіе друзья и враги человѣка. Спб. Ц. 25 к.

Апраксинъ. Пятнадцать разсказовъ. М., 1898 г. Ц. 1 р.

Брекеръ. Очеркъ исторіи искусствъ. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вагнеръ. Какъ уберечь себя отъ заразныхъ болѣзней? Спб., 1898 г. Ц. 30 к.

Ваграмъ. Очерки и разсказы изъ военной жизни. Спб., 1898 г. Ц. 1 р.

Гуго, К. Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дневникъ братьевъ Гонкуръ. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.

Іодль. Исторія этики въ новой философіи. Т. II. М., 1898 г. Ц. 2 р.

Килленъ. Наши друзья на небѣ или узнаютъ ли люди другъ друга на томъ свѣтѣ. М., 1896 г. Ц. 80 к.

Конспектъ римскаго гражданскаго права, составленъ по Барону.

Купринъ. Миніатюры. Очерки и разсказы. Кіевъ, 1897 г. Ц. 1 р.

Кэрдъ. Гегель. Переводъ съ англійск. подъ редакціей и съ предисловіемъ князя С. Н. Трубецкого. М., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Латкинъ. На сибирскихъ золотыхъ пріискахъ. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Леруа Болье, Анатоль. Антисемитизмъ. Спб., 1898 г. Ц. 40 к.

Летурно. Эволюція рабства. М., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лясковскій. Посадка деревьевъ въ средней полосѣ Россіи. М., 1898 г. Ц. 20 к.

Маминъ-Сибирякъ. Въ глуши. Повѣсти и разск. М., 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Легенды. Спб., 1898 г. Ц. 1 р.

Мантегацца. Будущее человѣчество. Спб., 1898 г. Ц. 40 к.

Менро. Очеркъ электрическихъ явленій. Спб., 1898 г.

Міасковскій. Проблема распредѣленія поземельной собственности въ историческомъ развитіи. Кіевъ, 1898 г. Ц. 30 к.

Неймайръ. Исторія земли. Выпускъ 22—24.

Опытъ каталога ученическихъ библіотекъ средне-учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Изд. 2-е.

Поповъ. Лекціи по частной психопатологіи. Кіевъ. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Программы домашняго чтенія на 1-й годъ систематическаго курса. Изд. 4-е. М., 1898 г. Ц. 30 к.

Ремке. Очеркъ исторіи философіи. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Рибо. Эволюція общихъ идей. М., 1898 г. Ц. 80 к.

Сеайль, Г. Леонардо да-Винчи какъ художникъ и ученый. Спб., 1898 г. Ц. 2 р.

Скворцовъ. Основанія политической экономіи. Спб., 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.

Сто великихъ людей. Книга IX. Гомеръ, Эсхилъ, Софоклъ. Спб. Ц. 20 к.

Сѣрошевскій. Якутскіе разсказы. Спб., 1898 г. Ц. 40 к.

Сѣченовъ. Физіологическіе очерки. Ч. II. Спб., 1898 г. Ц. 90 к.

Толстой. Что такое искусство. Вып. I. М., 1898 г. Ц. 15 к.

Туръ. Голосъ жизни о крестьянскомъ неустройствѣ. Спб., 1898 г. Ц. 75 к.

Фламмаріонъ. Множество населенныхъ міровъ. Спб., 1898 г. Ц. 1 р.
— Стелла. Спб. Ц. 60 к.

Фойницкій. На досугѣ. Спб., 1898 г. Ц. 3 р. 50 к.

Фрикенъ-Фонъ, А. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія. Ч. III. М., 1898 г. Ц. 2 р.

Фэдо. Химикъ-любитель. Спб., 1898 г. Ц. 1 р.

Хмѣлевскій. Заиканіе, его будущность, причины, предупрежденіе и лѣченіе. Одесса, 1897 г. Ц. 1 р.

Чайковскій. Музыкальные фельетоны и замѣтки (1868—1876 гг.). М., 1898 г. Ц. 2 р. 80 к.

Шериданъ. Школа злословія. Научно-популярная библіот. „Русской Мысли". Вып. VI. М., 1898 г. Ц. 60 к.

Шрейдеръ. Страна восходящаго солнца. Спб., 1898 г. Ц. 20 к.

Щегловъ. Народный театръ въ очеркахъ и картинкахъ. Спб., 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Въ книжномъ магазинѣ «Русской Мысли» складъ слѣдующихъ изданій М. И. Водовозовой.

Магаймъ, Э. Профессіональные рабочіе союзы. Перев. Н. В. Водовозова. 1895 г., стр. 336. Ц. 1 р. 25 к.

Гиббинсъ. Англійскіе реформаторы. Перев. съ англійск. А. Саннна. 1896 г., стр. 339. Ц. 1 р. 50 к.

Гурвичъ, И. Экономическое положеніе русской деревни. Перев. съ англійск. 1896 г., стр. 290. Ц. 1 р. 25 к.

Землевладѣніе и сельское хозяйство. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 1896 г., стр. 381. Ц. 1 р. 50 к.

Промышленность. Статьи оттуда же. 1897 г., стр. 328. Ц. 1 р. 50 к.

Народонаселеніе и ученіе о народонаселеніи. Статьи оттуда же. 1897 г., стр. 326. Ц. 1 р. 50 к.

Освобожденіе крестьянъ на Западѣ. Статьи оттуда же. 1897 г., стр. 321. Ц. 1 р. 50 к.

Водовозовъ, Н. Экономическіе этюды. Ц. 2 р.

Эшли. Экономическая исторія Англіи. Перев. съ англійскаго Н. Муравьева. Стр. 800. Ц. 2 р. 75 к.

Шиппель, М. Денежное обращеніе въ связи съ общественными интересами. Перев. съ нѣмец. В. Ульриха. Стр. 135 Ц. 50 к.

Исторія труда въ связи съ исторіей нѣкоторыхъ формъ промышленности. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Съ приложеніемъ статьи Ф. Кнапна. Рабство и свобода въ сельскомъ трудѣ. Перев. Д. Дена. Стр. 352. Ц. 1 р. 50 к.

Бюхеръ, К. Происхожденіе народнаго хозяйства и образованіе общественныхъ классовъ. Перев. съ нѣмец. подъ редакціей С. Н. Булгакова. 1897 г., стр. 91. Ц. 50 к.

Булгаковъ, С. О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ. Теоретическій очеркъ. 1897 г., стр. 260. Ц. 1 р. 25 к.

Открыта подписка на 1898 г.

30-й г. изд. **ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ.** 30-й г. изд.

Въ настоящее время „Всемірная Иллюстрація“ занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ иллюстрированныхъ изданій Россіи и одно изъ первенствующихъ мѣстъ среди иллюстрированныхъ изданій Европы.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ даетъ въ годъболѣе тысячи художественно выполненныхъ рисунковъ и болѣе трехъ тысячъ столбцовъ разнообразнѣйшаго текста.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ заручилась участіемъ извѣстныхъ писателей и художниковъ.

Годовая цѣна въ С.-Пет. безъ дост. . . . . 15 р.
Годовая цѣна въ С.-Пет. съ дост. . . . . 17 „
Годовая цѣна съ перес. во всѣ города Имперіи 18 „

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 7 р., затѣмъ къ 1 мая 6 р. и къ 1 сентября остальные 5 руб.

Подробное объявленіе и каталогъ всѣхъ изданій фирмы книгоиздательства Германъ Гоппе высылаются по требованію безплатно.

Превзошедшій всякія ожиданія успѣхъ экстренныхъ приложеній ко „Всемірной Иллюстраціи“ прошлыхъ лѣтъ—Стихотвореній Кольцова, „Книги пѣсенъ“ Гейне, „Пѣсенъ“ Беранже, Сочиненій графа Л. Н. Толстого и „Натана Мудреца“ Лессинга—побуждаетъ ее предложить подписчикамъ на будущій 1898 г. два подарка, какъ бы въ pendant къ прежнимъ художественно-литературнымъ изданіямъ. „Всемірная Иллюстрація“ дастъ двѣ отдѣльныя книги двухъ корифеевъ всемірной и русской литературы:

ФАУСТЪ,

трагедія І. В. Гете съ многочисленными иллюстраціями первоклассныхъ германскихъ художниковъ въ стихотворномъ, одобренномъ и исправленномъ самимъ Пушкинымъ, переводѣ Э. И. Губера и

ПОЭМЫ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

съ великолѣпными иллюстраціями выдающихся русскихъ художниковъ.

Въ это изданіе войдетъ около десяти крупныхъ произведеній Лермонтова. Такая премія должна много говорить сердцу русскаго человѣка, который готовъ перечитывать перлы поэзіи Лермонтова.

Кромѣ того «Всемірная Иллюстрація» даетъ

ОТДѢЛЬНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ

со строгимъ выборомъ относительно интереса и красоты выполненія.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала: С.-Петербургъ, Садовая 22.

X-й годъ изданія. **Открыта подписка на 1898 годъ** X-й годъ изданія.

(10-й годъ изданія)

НА БОЛЬШУЮ

ежедневную политическую, общественную и литературную газету

РУССКІЙ ЛИСТОКЪ,

здаваемую съ 1897 г. безъ предварительной цензуры по новой расширенной программѣ, новыми издателями и подъ новой редакціей. Будучи по обширности своей программы, по внутреннему содержанію, по полнотѣ и свѣжести матеріала, по объему и формату равной съ большими столичными, дорогими изданіями, газета „РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“ въ то же время является самой дешевой изъ нихъ. Кромѣ обычнаго содержанія всѣхъ газетъ, въ текстѣ нашей газеты будутъ помѣщаться портреты общественныхъ дѣятелей, рисунки, чертежи и планы; ежедневно два фельетона: въ одномъ помѣщаются романы, повѣсти, стихи и проч., въ другомъ — обозрѣнія московской („Улиссъ“), петербургской („Аркадій Восторговъ“), провинціальной (А. Павловъ), русской вообще (В. Ирд.), иностранной жизни; научныя статьи въ общественномъ изложеніи и пр. Всѣ новости государственной жизни получаются телеграммами отъ собственныхъ корреспондентовъ и по новизнѣ своей опережаютъ всѣ московскія и даже петербургскія газеты. Желающимъ газета высылается для ознакомленія въ теченіе недѣли по полученіи 7 двухкопеечныхъ марокъ на пересылку.

Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой

6 РУБ. ШЕСТЬ РУБ. 6 РУБ.

на 6 мѣсяцевъ	3 р. 50 к.	на 3 мѣсяца	2 р. — к.
„ 5 „	3 „ — „	„ 2 „	1 „ 40 „
„ 4 „	2 „ 50 „	„ 1 „	— „ 75 „

Годовымъ подписчикамъ допускается разсрочка подписной платы: при подпискѣ—3 р. и къ 10 апрѣля—3 руб.

Адресъ главной конторы: *Москва, Никитскій бульваръ, домъ Шмидтъ.*

Издатели: Н. Л. Казецкій и П. Х. Гензель. За редактора Н. Л. Казецкій.

II-й годъ изданія. ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1898 годъ. II-й годъ изданія.

НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

БЕССАРАБЕЦЪ,

издаваемую въ г. Кишиневѣ.

„Бессарабецъ“ издается по обширной программѣ крупныхъ столичныхъ органовъ печати. Благодаря формату, не уступающему размѣрамъ самыхъ большихъ русскихъ газетъ, „Бессарабецъ“ имѣетъ возможность отражать полно и своевременно выдающіяся событія какъ русской жизни, такъ и міровой, разрабатывая параллельно и краевыя злобы дня во всѣхъ ихъ проявленіяхъ. Задачи „Бессарабца“—проведеніе въ жизнь тѣхъ культурныхъ, общественныхъ и нравственныхъ началъ, на которыхъ зиждется мирное развитіе, благосостояніе и единеніе всей русской семьи, сплотившейся подъ знаменемъ великой Россіи. Въ газетѣ „Бессарабецъ“ постоянно принимаетъ участіе, кромѣ мѣстныхъ литературныхъ силъ, и крупныя силы столичныхъ органовъ печати. О всѣхъ выдающихся событіяхъ „Бессарабецъ“ печатаетъ телеграфическія свѣдѣнія отъ собственныхъ корреспондентовъ и Россійскаго Агентства, а также получаетъ и коммерческія телеграммы. „Бессарабецъ“ даетъ еженедѣльныя литературныя приложенія въ форматѣ листа, отпечатаннаго постранично, что позволяетъ переплетать его. Къ концу года литературное приложеніе „Бессарабца“ составляетъ 52 печатныхъ листа или два тома формата толстыхъ журналовъ съ разнообразными беллетристическими произведеніями. Въ 1897 году въ „Бессарабцѣ“ были напечатаны, между прочимъ, „Парижъ“, ром. Э. Золя, „Автоматъ“, романъ Е. А. Бутти, „Трубачъ“, ром. П. А. Крушевана, и свыше семидесяти повѣстей и разсказовъ.

Подписная цѣна: на годъ 9 р., на полгода 5 р., на 3 мѣсяца 3 руб. съ пересылкой или доставкой.

Подписчики „Бессарабца“, выписывающіе сочиненія П. А. Крушевана—„Что такое Россія“ (ц. 2 р.), „Призраки“ (ц. 2 р.) и „Дѣло Артабанова“ (ц. 1 р. 25 к.)—за пересылку не платятъ.

Редакторъ-издатель П. А. Крушеванъ.

Открыта подписка

НА 1898 ГОДЪ

на большую ежедневную, научно-литературную, политическую и экономическую газету

ПРИДНѢПРОВСКІЙ КРАЙ

подъ редакціей В. В. СВЯТЛОВСКАГО.

Газета будетъ выходить въ Екатеринославѣ въ объемѣ и въ форматѣ большихъ органовъ столичной прессы. Русская провинціальная жизнь требуетъ печатнаго слова, и это главная причина возникновенія *Приднѣпровскаго Края*. Россіи нужна правда—и знакомство возможно широкое съ своей собственной внутренней общественной жизнью. Удовлетворенію этихъ потребностей и будетъ служить литературный органъ, который на первомъ ставитъ изученіе мѣстныхъ вопросовъ, а затѣмъ и вопросовъ общерусской жизни. Задача мѣстнаго провинціальнаго органа должна заключаться въ оказаніи всесторонней помощи обществу и администраціи въ дѣлѣ выясненія нуждъ населенія, а также въ поднятіи уровня его благосостоянія и въ указаніи мѣръ для успѣшной борьбы съ отрицательными и нежелательными сторонами мѣстной жизни. *Приднѣпровскій Край*, ставшій въ послѣднее время центромъ могучаго развитія желѣзнаго и горнаго дѣла, а также цѣлаго ряда разнообразныхъ промышленныхъ предпріятій, нуждается въ свободномъ органѣ для правильнаго освѣщенія и пониманія этихъ важныхъ отраслей индустріи. И эту задачу беретъ на себя также новая газета. Желательно возможно широкое участіе читателя въ доставленіи газетѣ фактическаго матеріала. Газета создаетъ знаніе и всякій грамотный человѣкъ можетъ вложить свою крупицу знанія на пользу общаго дѣла. Всякая правдивая справка, всякая правдивая корреспонденція будетъ желаннымъ гостемъ на страницахъ *Приднѣпровскаго Края*. Личныя партійныя интересы, реклама, травля всякаго рода—ни подъ какою маской не будетъ имѣть доступа въ газету.

Дальнѣйшее развитіе программы и profession de foi редакціи читатель найдетъ въ первыхъ нумерахъ *Приднѣпровскаго Края*.

Въ *Приднѣпровскомъ Краѣ* будетъ отведено достаточно мѣста для иллюстрацій и рисунковъ. Въ газетѣ принимаетъ участіе цѣлый рядъ профессоровъ, ученыхъ и писателей, и между прочимъ слѣдующія лица: М. Н. Альбовъ, К. С. Баранцевичъ, Л. Б. Бертенсонъ, Е. В. Святловскій, И. А. Гофштетеръ, Л. П. Никифоровъ, Скальпель (псевдонимъ), В. В. Святловскій, Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ, Д. И. Тихомировъ, А. М. Коншинъ, И. И. Рачинскій, Л. Ю. Гольдштейнъ, С. П. Добрачевъ Степановъ), М. Скопинъ, П. И. Ковалевскій (проф.), І. І. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій), Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Сарматъ (псевдон.) и мног. друг.

Съ первыхъ нумеровъ начнется печатаніе романа А. Додэ *Опора семьи* (*Le Soutien de famille*).

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1898 ГОДЪ.

Съ достав. въ Екатеринославѣ на 12 м. 10 р., на 6 м.—5 р. 50 к., на 3 м.—3 руб. 50 к., на 1 м.—1 р. 50 к. Съ пересыл. въ другіе города на 12 м.—12 руб. на 6 м.—6 р. 50 к., на 3 м.—4 р. 50 к., на 1 м.—1 р. 75 к.

Пріемъ подписки производится во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ, а подписки и объявленій въ главной конторѣ, которая помѣщается въ Екатеринославѣ, Проспектъ, домъ Копылова, а также въ конторѣ торговаго дома Л. и Э. Метцль и К° въ Москвѣ, Мясницкая, домъ Спиридонова, и въ его отдѣленіи С.-Петербургъ, Б. Морская, № 11.

Издатель *М. С. Копыловъ*.

Стр.

XV. УНИВЕРСИТЕТЫ И СРЕДНЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА **Вл. Вагнера.** 136

XVI. ХИЩНИКИ И ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННИКИ НА АМУРѢ.—**П. Надина.** 147

XVII. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—**И. И. Иванюкова** . . 170

XVIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Толки о всесословной волости.—Проектъ взиманія окладныхъ сборовъ.—Измѣненія въ семейственномъ законодательствѣ.—Къ вопросу о положеніи печати.—О дворянствѣ (по поводу брошюры г. Евреинова).—Русско-польскія отношенія въ статьяхъ г. Пильца. 181

XIX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — **В. А. Г.** 193

XX. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО «Малый театръ»: *Разрушенный домъ*, драматическій очеркъ въ 5-ти дѣйствіяхъ, соч. Виктора Крылова.—**Ан.** 202

XXI. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика. — Философія и Психологія.—Исторія литературы, исторія.—Юридическія книги. — Естествознаніе. — Медицина.—Учебники. — Словари. II. Періодическія изданія: «Міръ Божій», *декабрь*.—«Русское Богатство», *декабрь*. — «Русская Школа», *сентябрь—декабрь*. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 января по 1 февраля. 51

XXII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 ч. дня.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору; по истеченіи этого срока уничтожаются.

При этой книгѣ для всѣхъ подписчиковъ прилагаются: объявленія отъ конторы журнала „Русская Мысль“ и объявленіе объ изданіяхъ А. Ф. Девріена.

Высочайше Утвержденное Товарищество

ТОВАРИЩЕСТВО НА ПАЯХЪ, ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНІЯ

Вѣсовъ,

Велосипедовъ,

Пишущихъ машинъ,

Швейныхъ машинъ.

Правленіе—МОСКВА.

ОТДѢЛЕНІЯ:

С.-Петербургъ, Варшава,
Кіевъ, Екатеринбургъ,
Одесса, Коканд̀ъ.

Представители во всѣхъ большихъ городахъ.

Вечерние звоны

7/2/74 / (75), / 86

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.